РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН
ТЕТЮШСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ РАЙОН
МБУ «МУЗЕЙ ИСТОРИИ ТЕТЮШСКОГО КРАЯ»

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ

Казань
2012

УДК 902/904
ББК 63.4 (2)
И 88

Научный редактор: д. и. н. ***К. А. Руденко***

Рецензент: д. и. н. ***Г. Н. Белорыбкин***

И 88 **Исследования** по средневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – 328 с.

ISBN 978-5-4378-0030-0

В сборник вошли статьи по итогам конференции «Миграции и их роль в истории Евразии», проходившей в г. Тетюши 3–5 августа 2011 г. В них затронуты самые разнообразные темы от археологии до искусствоведения. Особую ценность представляют публикации последних археологических исследований на территории региона, в которых представлены уникальные материалы I – начала II тыс. н. э., а также кладов эпохи Средневековья. Здесь же представлены аналитические исследования по средневековой археологии и дискуссионные материалы по истории и археологии Волго-Камья. Статьи печатаются в авторской редакции.

Издание предназначено для специалистов-археологов, историков, искусствоведов, преподавателей школ и вузов и для всех интересующихся археологией, историей и культурой Татарстана и Тетюшского района.

ISBN 978-5-4378-0030-0

© Оформление РИЦ, 2012

Н. Г. АРТЕМЬЕВА

Россия, Владивосток, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ЧЖУРЧЖЭНЬСКИЕ ЗАМКИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ

В настоящий момент на чжурчжэньских памятниках (XII–XIII вв.) в Приморском крае обнаружено огромное количество предметов, относящихся к замково-скобяным изделиям, – это замки, ключи, специальные железные штыри для запирания двери на замок, пробои, дверные крючки, планки – щеколды, навесы.

Об уровне развития техники, а особенно слесарного дела у чжурчжэньских мастеров можно судить по изготовлению замков. Их производство было довольно сложным делом, но, несмотря на это, замки и ключи – довольно массовый материал, встречающийся на средневековых городищах. В настоящее время обнаружено более 60 замков, 84 ключа. Их нахождение обычно связано с жилищно-хозяйственными комплексами. Замки использовали для запирания дверей домов, амбаров, хозяйственных ям. Замки миниатюрных размеров, скорее всего, использовали для сундучков небольших размеров.

В археологических материалах Древней Руси замки являются надежно датирующей категорией вещей, хронология которых разработана на богатейших коллекциях Новгорода (Колчин, 1959. С. 78–97; Овсянников, 1971. С. 259–260; Овсянников, Пескова, 1982. С. 93–99; Розенфельд, 1950; 1951; 1953; 1977). Замки и ключи, найденные на средневековых памятниках Приморья, датируются довольно узко – XII–XIII вв., т. е. временем существования на территории Дальнего Востока империи Цзинь (1115–1234 гг.) и чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215–1233 гг.).

Все чжурчжэньские замки железные, навесные, представляют собой довольно сложную одноцилиндровую, пружинную систему. Они изготовлялись из двух частей: одна – полый цилиндр, переходящий в стержень, который продевался через дверной пробой, другая – пружина со стержнем, которая в сжатом состоянии вводилась в цилиндр и раскрывалась там, тем самым закрывая замок. Ранее существовало мнение, что все чжурчжэньские замки однотипны, а отличались друг от друга только размерами и некоторыми частичными изменениями внешних форм, не имеющих принципиального значения (Воробьев М. А., 1967; Леньков, 1974. С. 126). Однако замки различаются принципом вхождения пружины в цилиндр. Их можно разделить на три типа (рис. 1).

Тип I, наиболее распространенный, представляет собой полый цилиндр, одна сторона которого переходила в длинный загнутый стержень, проходящий через два дверных пробоя (рис. 1; 2 (1, 2, 6, 9)). На противоположный край цилиндра напаивалась шайба с одним или двумя отверстиями. Через эти отверстия проходила пружина в замок. Размеры и форма отверстий зависели от параметров пружины. Чаще отверстия были прямоугольными или квадратными. Запирающим устройством замка была пружина, которая представляла собой две соединенные с одной стороны и расходящиеся с другой пластины, закрепленные на стержне. Стержень замка согнут под прямым углом. На его конце находилось отверстие, через которое проходил стержень замка.

Когда пружина входила в замок, ее расходящиеся концы сжимались, а внутри цилиндра – раскрывались.

У этого типа замка отверстие для ключа располагалось на противоположной от пружины широкой стороне цилиндра. На ключе находились специальные усики, благодаря которым ключ сжимал пружину, и она свободно выходила из цилиндра, тем самым открывая замок.

Тип II менее распространенный, небольших размеров. Внешне он напоминает цилиндр, из обеих сторон которого отходят дужки, соединяющиеся в центре (рис. 1; 2 (2, 4)). Одна сторона дужки – продолжение самого цилиндра. Она полая внутри. В нее входил острый конец стержня, соединенного с пружиной. Сама пружина входила в цилиндр через прямоугольное отверстие. Чтобы закрыть замок, необходимо было одновременно совместить ввод пружины в отверстие замка и конец дужки от замка с отверстием дужки цилиндра. Отверстие от ключа располагалось в том же месте, как и в замке типа I.

Тип III, в отличие от предыдущих замков, подвешивался не в горизонтальном положении, а в вертикальном (рис. 1; 2 (7, 8)). Замок также состоял из полого цилиндра, внутрь которого вставлялась пружина, но при открытии замка, она не вынималась, а просто поднималась вверх. Цилиндр замка с обеих сторон закрывался шайбочками, имевшими по два отверстия в каждой. В квадратное отверстие вводилась пружина, конец которой загнут в виде дужки, проходящей сквозь пробои двери, конец ее опускался в круглое отверстие. При закрытии замка пружина утапливалась в цилиндре, а ее конец уходил в круглое отверстие. Противоположная сторона цилиндра закрыта шайбой с двумя квадратными отверстиями. Через одно из них проходил конец пружины, причем чаще всего он загибался, что не давало пружине выходить из цилиндра, а лишь приподниматься. Другое отверстие было сделано для ключа. Обнаруженный в 2003 г. на Ананьевском городище в жилище 112 замок, к дужке которого был прикреплен штырь, дал возможность понять принцип использования замков такого типа при запирании двери. Штырь был прямоугольным в сечении, длиной 17 см. Один его конец заканчивался уплощенным упором в виде подковки, размерами 1 х 2 см, другой – ушком-петлей, в которое продевалась дужка пружины замка. Этот штырь вставлялся в просверленное в косяке дверной рамы отверстие. Упор не позволял выдернуть штырь наружу. Замок всегда находился на косяке двери, на самой же двери находилась петля, очевидно, в виде пробоя. Подобный штырь был обнаружен в жилище 98 этого же городища, только вместо лопаточки на нем находилось два разведенных в разные стороны конца. Аналогичные штыри были найдены и на других памятниках, например, на Шайгинском городище их обнаружено восемь (жилища № 9, 109, 146, 202, 206, 215, 223, 278). Длина этих штырей от 8,5 до 16,5 см. Упоры у них оформлены в виде уплощенных пластин, подтреугольной, овальной, прямоугольной формы или в виде разогнутых в разные стороны концов. Противоположный конец штыря обязательно оформлен овальной или круглой петлей. Никогда эти изделия не связывали с замковыми упорами, интерпретировали их как шорные иглы, применяющиеся в кожевенном производстве.

Все замки изготовлялись индивидуально, имели свои секреты, отсюда большое разнообразие ключей. Ключи представляли собой плоские палочки, прямоугольные в сечении, длиной 12–18 см, шириной 5–6 см. Один конец ключа – бородок, имел усики для сжатия пружины. Противоположный конец ключа имел петельку для подвешивания. В середине ключа находился упор или изгиб, который придерживал ключ, чтобы он не утонул в цилиндре.

В археологической литературе такие ключи получили название коленчатых. Изредка встречаются ключи и без упора. Похоже, что коленчатые ключи использовались для замков типа I и II, а прямые – для типа III. При разборке формы бородков ключей нами выделилось 13 типов. Самым распространенным был тип I, у которого концы заканчивались усиками, поднятыми вертикально вверх. Сбоку бородки таких ключей напоминали букву «С».

По форме и размерам очень близки к ключам так называемые ключевидные предметы. Их обнаружено довольно много на Шайгинском городище (38 шт.). Э. В. Шавкунов отнес эти предметы к медицинским инструментам, считая, что с их помощью можно было извлекать стрелы из тела, и назвал их стрелкоискателями (Шавкунов, Кривелевич, Лищинский, Ходов, 1997. С. 37–39). Один край этих предметов заканчивался петлей для подвешивания, другой чаще был плоским или заточенным. Переход к петле был ярко выражен и часто с двух сторон оформлялся неглубокими зазубринами. Но среди нашей коллекции встречен ключ, оформленный так же, как и ключевидные предметы. В эту же группу находок попали ключевидные предметы, внешне оформленные так же, как и ключи, но отпирающее устройство у них плоское. Судя по вышесказанному, мы все же склонны считать, что ключевидные предметы являются ключами. В пользу этого в первую очередь говорит тот факт, что ключевидные предметы встречаются в жилищах вместе с замками. Если же их использовали, как предположил Э. В. Шавкунов, в виде стрелкоискателей, то слишком много людей на городище занимались врачеванием.

Замки вышеперечисленных типов встречаются на всех чжурчжэньских памятниках Приморья. Интересно, что большое количество замков, обнаруженных на Шайгинском городище, были найдены в закрытом состоянии. Это, несомненно, свидетельствует о том, что город погиб при пожаре. На этом же памятнике найдены строительные гвозди со следами прокаленности, т. е. они находились в сильном огне. На Ананьевском городище также были найдены закрытые замки в районе амбаров вместе с пробоями, при этом здесь были зафиксированы следы сильных пожаров.

На Шайгинском городище в жилище 245 был обнаружен большой замок типа I (рис. 2 (5)), который пытались открыть те, кто совсем не был знаком с устройством его механизма. Этот замок открывали с противоположной стороны от отверстия, куда должен был вставляться ключ. При этом использовали сразу два ключа, которые застряли в корпусе замка.

Замки типа I в научной литературе получили название замков болгарского типа. О. В. Овсянников считал, что принципиальная схема цилиндрического замка с коленчатым ключом, раньше чем появиться на огромной территории Восточной, Северной и Центральной Европы, была известна ремесленникам Центральной Азии, так как такие замки обнаружены в Педжикенте в слоях VII–VIII вв., близ Самарканда в слоях XI–XII вв. (Овсянников, 1971. С. 258–259). На территории Приморья такого типа замки, очевидно, были известны в бохайское время (VII–X вв.), потому что коленчатые ключи от таких замков обнаружены на Николаевском-II городище в Михайловском районе. Подобные замки были зафиксированы в ляоской могиле в Бэйлине (У-Цзячан, 1986. Рис. 25). Аналогии замкам типа II, III пока не найдено.

Кроме замков как запирающих устройств, на чжурчжэньских городищах найдены запоры для дверей и крючки. Первые представляли собой изогнутую железную пластину, прямоугольную в сечении, один из краев которой загнут в кольцо, противоположный, проходя через пробой, также загибался кольцом. Принцип работы запора: пробой вбивается в край двери так, чтобы запор

мог надеться на крюк, вбитый в косяк двери. Запор использовался как щеколда. Длина запоров в среднем от 5,5 до 14 см, ширина – 0,7–1,5 см.

Крюки изготавливались из круглых в сечении штырей разной длины от 7 до 10 см. Один конец штыря загибался под прямым углом, реже под острым. Другая сторона штыря заканчивалась небольшой петлей, в которую вдевался пробой, при помощи которого крюк закреплялся в косяк двери.

Также могли использоваться и крюки-навесы, которые представляли собой железные листовидной, близкой к треугольнику, формы пластины размером 4 (3,5) х 8 см. На расширенной части пластины в центре находился круглый в сечении черешок, загнутый под прямым углом. На плоскости пластины всегда фиксируются три квадратных отверстия для гвоздей, при помощи которых они крепились к деревянной основе. На крюки-навесы навешивалась щеколда.

На Шайгинском городище обнаружен дверной засов – железный стержень длиной 60 см, в диаметре 1,5 см, надетый на мощные пробои. Длина последних – 15 см. Вероятно, они были вбиты в довольно толстую стену или двери городских ворот.

Таким образом, замки чжурчжэни использовали для закрытия дверей жилищ, амбаров, хозяйственных ям, а также для запирания сундучков, о чем свидетельствуют находки очень маленьких по размерам замков. Большинство из них изготавливались из железа, но очень редко встречаются детали замков, сделанных из бронзы. Несмотря на достаточно сложное и дорогостоящее их изготовление, замки встречаются почти в каждом жилище, что говорит о существовании краж у чжурчжэней в период государства Восточное Ся.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьев М. В. Развалины дворца в Краснояровской крепости в Приморье // Историко-филологические исследования. Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. – М., 1967.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода // МИА. – 1959. – № 65.

Леньков В. Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследования Шайгинского городища). – Новосибирск, 1974.

Овсянников О. В. О замках «болгарского» типа // СА. – 1971. – № 1.

Овсянников О. В., Пескова А. А. Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. – 1982. – Вып. 171.

Розенфельдт Р. Л. Старорязанский врезной замок // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXV.

Розенфельдт Р. Л. Новая конструкция древнерусских врезных замков // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXIX.

Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. – 1953. – Вып. XLIX.

Розенфельдт Р. Л., Смирнов К. А. Замки и ключи городища Хлепень // КСИА. – 1977. – Вып. 150.

У-Цзячан. Кацзо бэйлин ляо му (Ляоская могила в Бэйлине уезда Кацзо) // Ляохай вэньу сюэань. – 1986. – № 1.

Шавкунов Э. В., Кривелевич Е. Б., Лищинский Б. Д., Ходов А. М. Медицина во время Бохая и Золотой империи // От шаманского бубна до луча лазера (Очерки по истории медицины Приморья). – Ч. I. – Владивосток, 1997.

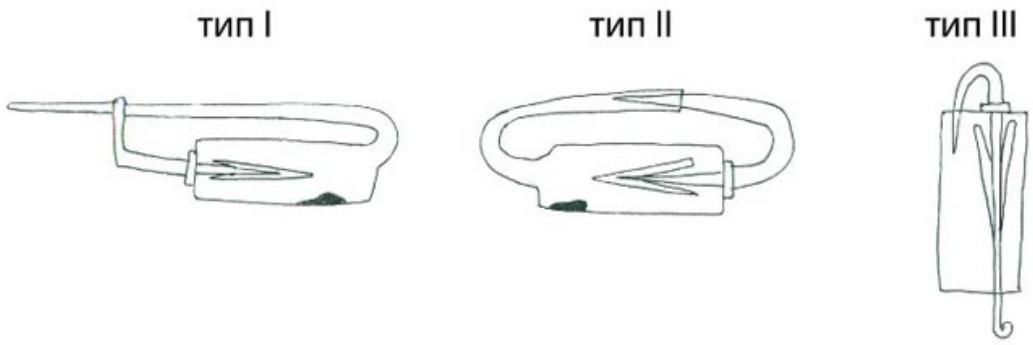


Рис. 1. Типология чжурчжэньских замков.

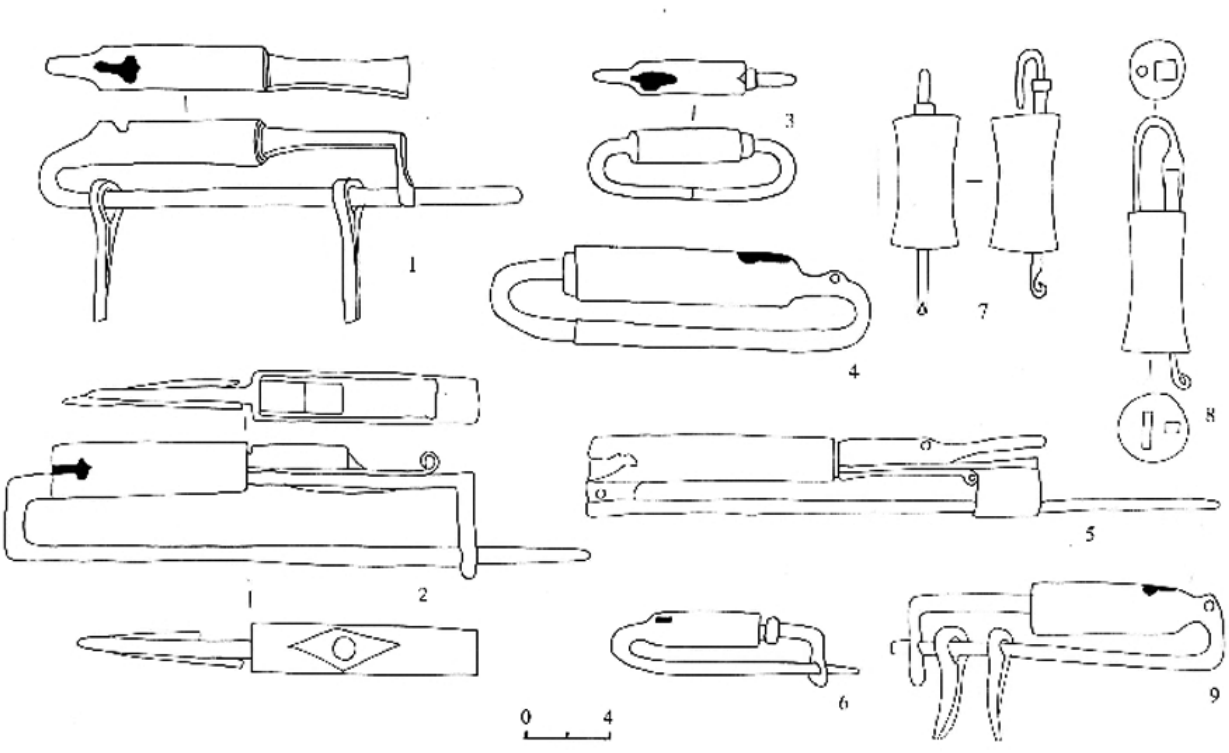


Рис. 2. Чжурчжэньские замки.

И. В. АСЬКЕЕВ, Д. Н. ГАЛИМОВА, О. В. АСЬКЕЕВ

Россия, Казань, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕТЮШСКОГО II ГОРОДИЩА (РАСКОПКИ 2009 и 2010 гг.)

Тетюшское II городище располагается в границах современного г. Тетюши. Хронологически культурные слои этого поселения в основной массе относятся к периоду Великого переселения народов. По археологической идентификации извлеченного вещевого материала оно относится к именьковской культуре и датируется V–VI вв. н. э. (по данным д. и. н. К. А. Руденко). Именьковская культура V–VII вв. н. э. является наиболее значимым этнокультурным образованием Среднего Поволжья эпохи Великого переселения народов. Первые археозоологические исследования с именьковских поселений были проведены В. А. Поповым и Т. А. Кулаевой на основании материалов раскопок Именьковского городища (Попов, Кулаева, 1956. С. 57–59). До сих пор их работа является единственной комплексной археозоологической работой по изучению памятников именьковской культуры. Другими исследователями, как правило, изучался только определенный спектр археозоологического материала с памятников именьковской культуры, в основном касающийся костных остатков домашних и диких млекопитающих (Цалкин, 1958. С. 221–281; Петренко, 1984. С. 131–133 и 2007. С. 82–96; Богаткина, 1995. С. 285–286; Гасилин, 2002. С. 125–135, 2005а. С. 59–66 и 2005б. С. 59–66) или рыб (Лебедев, 1958. С. 450; Соколов, Цепкин, 1969. С. 587–598, 1971. С. 137–145; Цепкин, Соколов, 1970. С. 24–36 и 1971. С. 11–16; Вязов, 2008. С. 126–133; Аськеев и др., 2009. С. 67–69). Ранее археозоологические исследования Тетюшского II городища были проведены А. Г. Петренко, Г. Ш. Асылгараевой (Руденко, 2010. С. 19–82).

Материалом для археозоологического исследования Тетюшского II городища послужили остеологический и другой археозоологический материал, полученный в результате раскопок этого поселения в 2009 и 2010 гг. Раскопки проведены под руководством д. и. н. К. А. Руденко. Выполнена видовая, количественная, морфологическая, породно-морфологическая и половозрастная диагностика остатков животных. Использованы стандартные методы исследования археозоологического материала (Лебедев, 1960. С. 17–30; Driesch, 1976. P. 1–148; Петренко, 1984. С. 18–27; Wheeler, Jones, 1989. P. 1–188; Udrescu et al., 1999. P. 1–184; O'Connor, 2000. P. 1–176; Radu, 2003. P. 45–69; Reitz,Wing, 2008. P. 1–395; Lee Lyman, 2008. P. 1–307; Serjeantson, 2009. P. 8–401). Видовое определение выполнено на основе сравнительной остеологической коллекции современной и субфоссильной фауны (коллекция лаборатории биомониторинга ИПЭН АН РТ). Остеологический материал по человеку изучался на основе руководства T. D. White, P. A. Folkens (2005. P. 1–418). Статистическая обработка материала произведена в пакете прикладных программ PAST version 1.84 и Sigma Plot 11.0.

Всего диагностировано 5 316 экземпляров костных остатков, чешуи и раковин различных видов животных, принадлежащих двум типам животных: моллюскам и позвоночным (представлены три класса). Из них до вида определено 4 468 экземпляров (84,05 %).

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Анализ сохранности костного материала, выраженный в % размерной и морфологической сохранности от полного размера и формы кости, позволяет говорить, что большая часть домашних животных забивалась и использовалась на территории поселения. Разделка рыбы и птицы также проводилась в пределах территории поселения. Остеологический материал имеет невысокую степень сохранности. Это не позволило провести полную идентификацию видового состава остатков животных. Степень сохранности костей зависела от видовой принадлежности, хозяйственного и пищевого использования того или иного вида или группы животных. Высокая раздробленность, следы рубки и прирези на костях указывают, что основная часть (до 95 %) археозоологического материала относится к «кухонным остаткам». Большая часть археозоологического материала (74,5 %) происходит из хозяйственных ям (19).

Средняя степень (в %) размерной и морфологической сохранности от полного размера и формы кости по наиболее многочисленным видам и группам:

Домашняя свинья – 16,0 %
Крупный рогатый скот – 21,1 %
Домашняя лошадь – 20,6 %
Мелкий рогатый скот – 24,5 %
Заяц – 22 %
Бурый медведь – 33,5 %
Птицы – 28,1 %
Рыбы – 39,7 %
Моллюски – 50 %

Моллюски

Представлены остатками от двух видов, относящихся к двум классам: Gastropoda – Речная живородка (*Viviparus viviparus*) (рис. 3.7) (8 раковин) и Bivalvia – Толстая перловица (*Crassiana crassa*) (рис. 3.6) (4 створки раковин). Оба вида относятся к типичным представителям речной малакофауны. *Crassiana crassa* весьма требовательна к качеству воды. Требует воды 1–2-го класса качества. Данный вид в настоящее время очень редок в реках у г. Тетюши. Речная живородка обычный многочисленный вид моллюсков в акватории Куйбышевского водохранилища у г. Тетюши.

Позвоночные

Рыбы

Археоихтиологическая коллекция Тетюшского II городища представлена 3 320 костными остатками и 377 чешуями, принадлежащими 25 видам рыб и 1 гибриду (табл. 1). По количеству остатков рыбы занимают первое место среди всей археозоологической коллекции с данного поселения (69,5 %). Отмечены представители 8 семейств рыб. В количественном соотношении в коллекции преобладали осетровые рыбы (русский осетр, стерлядь, севрюга, белуга, шип и гибрид стерляди и севрюги) (рис. 1) (1 831 экз. – 49,5 % от общего количества остатков рыб). Среди осетровых доминировали русский осетр (19,96 % от всех остатков рыб) и стерлядь (17,8 % от всех остатков рыб). Карповые рыбы занимали первое место по видовому составу (12 видов) и второе место по количественному составу – 1 000 остатков (27 %), при значительном доминировании остатков леща (17,99 % от всех остатков рыб). Также на данном поселении были обычны остатки обыкновенного сома (7,17 %), обыкновенного судака (3,7 %) и белорыбицы (2,87 %). Характерной особенностью данного поселения является наличие довольно большого количества костных остатков видов из отряда лососевообразных (2 вида) и семейства сельдевых. Восстановленные

размеры рыб из этого поселения не имеют принципиальных отличий от средних и максимальных размеров современных рыб из бассейна р. Волги. Однако в промысле преобладали рыбы более крупных размеров и возрастов. Выявленный состав ихтиофауны показывает, что вся рыба добывалась в реке Волге в районе этого поселения. Анализ годовых приростов, возрастного, размерного и видового состава стада рыб демонстрирует, что промысел рыбы осуществлялся в два основных периода: май – начало июля и сентябрь – ноябрь. Зимний промысел (декабрь – начало апреля) был незначительным. Основными снастями для ловли осетровых рыб, сома, судака, белорыбицы (рис. 2.1), каспийского лосося (рис. 2.3) являлись самоловные крючковые снасти. Для ловли рыбы среднего и мелкого размеров, например, таких, как черноспинка (рис. 2.5), лещ, чехонь, густера, жерех (рис. 2.4), красноперка (рис. 2.6), берш (рис. 2.7), населением городища использовались сетевые орудия лова (плавные, ставные и процеживающие). Наличие большого количества остатков от разных видов рыб в культурных слоях на данном поселении подтверждает большую важность рыболовства и высокую значимость рыбы как пищевого объекта в жизни населения.

Таблица 1

Количество костных остатков и чешуи, восстановленные размеры и возраст рыб

Название вида	Кол-во	Восстановленная длина (TL – абсолютная длина (для осетровых, карповых, щуковых, сомовых, окуневых) и L (по Смиту) для лососевых), возраст
1. Русский осетр (*Acipenser gueldenstaedtii*)	738	n = 20; min – max: 95–269,6; средняя 164,16 см; n = 17; min – max: 9–38; средний 23,4 года
2. Шип (*Acipenser nudiventris*)	4	n = 2; 120,5 и 125 см; n = 1; 9 лет
3. Стерлядь (*Acipenser ruthenus*)	659	n = 89; min – max: 35–120; средняя 51,1 см; n = 17; min – max: 7–18; средний 13,3 года
4. Севрюга (*Acipenser stellatus*)	134	n = 15; min – max: 109,8–250; средняя 157,9 см; n = 13; min – max: 6–40; средний 18,2 года
гибрид стерляди и севрюги	1	
5. Белуга (*Huso huso*)	100	n = 15; min – max: 105,1–392,5; средняя 201,6 см; n = 12; min – max: 8–43; средний 19,25 года
6. Черноспинка (*Alosa kessleri*)	38	n = 5; min – max: 32,9–43,3; средняя 36,7 см; n = 5; min – max: 4–6; средний 5 лет

7. Обыкновенный карась (*Carassius carassius*)	4	
8. Сазан (*Cyprinus carpio*)	30	n = 1; 64,5 см
9. Лещ (*Abramis brama*): костные остатки чешуя	325 340	n = 37; min – max: 27,3–59,8; средняя 44,8 см n = 12; min – max: 5–16; средний 8,8 года
10. Синец (*Ballerus ballerus*)	4	n = 1; 30,7 см; n = 1; 5 лет
11. Густера (*Blicca bjoerkna*)	47	n = 5; min – max: 24,4–51,9; средняя 42,2 см n = 3; min – max: 10–14; средний 11,7 года
12. Обыкновенный жерех (*Aspius aspius*): костные остатки чешуя	 6 1	n = 1; 68,9 см
13. Голавль (*Squalis cephalus*)	5	n = 2; 30,8 и 66,8 см; n = 1; 9 лет
14. Язь (*Leuciscus idus*)	4	n = 2; 31,2 и 35,7 см
15. Кутум (*Rutilus frisii kutum*)	1	n = 1; 48,4 см
16. Плотва (*Rutilus rutilus*)	4	
17. Красноперка (*Scardinius erythrophthalmus*)	2	n = 1; 36,5 см
18. Чехонь (*Pelecus cultratus*)	16	n = 3; 42,4, 43,9, 48,5 см; n = 2; 7 и 9 лет
19. Европейский обыкновенный сом (*Silurus glanis*)	265	n = 28; min – max: 53,3–191,7; средняя 121,3 см; n = 5; min – max: 6–20; средний 12,6 года
20. Обыкновенная щука (*Esox lucius*)	70	n = 17; min – max: 42,7–100,9; средняя 67,2 см; n = 4; min – max: 4–12; средний 7 лет
21. Белорыбица (*Stenodus leucichthys*)	106	n = 7; min – max:75,5–94,5; средняя 84,2 см; n = 5; min – max: 6–9; средний 7,6 года
22. Каспийский лосось (кумжа) (*Salmo trutta caspius*)	14	n = 5; min – max: 82,4–101,5; средняя 91,6 см; n = 2; 7 и 8 лет
23. Речной окунь (*Perca fluviatilis*)	1	n = 1; 25 см
24. Обыкновенный судак (*Sander lucioperca*)	137	n = 29; min – max: 54,6–108,6; средняя 81,4 см; n = 11; min – max: 5–16; средний 9,7 года

25. Берш (*Sander volgensis*)	3	n = 2; 51,5 и 52,1 см
неопределимые до семейства костные остатки рыб	196	
неопределимые до вида костные остатки рыб семейства осетровых	195	
неопределимые до вида костные остатки рыб семейства карповых	175	
неопределимые до вида остатки чешуи рыб семейства карповых	36	
неопределимые до вида костные остатки рыб отряда лососевообразных	36	
Общее количество костных остатков	**3 320**	
Общее количество чешуи	**377**	
Количество видов	**25**	

Птицы

Остатки птиц на данном памятнике немногочисленны. Археоорнитологическая коллекция состоит из 47 экземпляров костных остатков (0,88 % от всех остатков животных и человека), принадлежащих 8 видам птиц из 2 отрядов (курообразных и гусеобразных) (табл. 2). По количеству костей доминировали домашние птицы: домашний гусь (рис. 3.5) (23,4 % от всех костных остатков птиц) и домашняя курица (рис. 3.4) (21,3 %). Наличие домашних птиц еще раз подтверждает наши исследования о первом появлении домашних птиц на территории Волго-Камья и наличию птицеводства у именьковцев (Аськеев и др., 2010. С. 40–41).

Таблица 2

Количество костных остатков, восстановленные размеры и возраст птиц

Название вида	Количество	Размеры, пол и возраст
1. Домашняя курица (*Gallus gallus f. domestica*)	10	n = 3; масса: 1,0; 1,2; 1,5 кг; 3♀ из них 2 кости с medullary bone; 3 экз. взрослые и 3 экз. молодые, незрелые
2. Глухарь (*Tetrao urogallus*)	1	1 экз. subAd. (полувзрослый)
неопределимые костные остатки птиц отряда курообразных	2	
3. Кряква (*Anas platyrhynchos*)	5	1 взрослая и 2 молодые
4. Утка (*Anas sp.*)	3	

5. Трескунок (*Anas querquedula*)	2	1 экз. взрослый
6. Свистунок (*Anas crecca*)	3	1 экз. взрослый и 1 молодой
Неопределимые костные остатки птиц семейства Anatidae	1	

По размерам костей домашние куры относятся к мелкому и среднему размерному типу со средними по длине и тонкими конечностями, домашние гуси приближались к среднему размерному типу. Находка костей (2 экз.) домашней курицы с medullary bone может говорить об использовании кур для производства яиц. Присутствие относительно небольшого количества костей диких птиц (6 видов) показывает, что охота на птиц у населения этого поселения была второстепенным занятием.

Млекопитающие

Млекопитающие Тетюшского II городища представлены 1 534 экземплярами костных остатков, принадлежащими 20 видам (табл. 3). Из них 13 видов диких и 7 видов домашних млекопитающих. По количеству остатков млекопитающие занимают второе место среди всей археозоологической коллекции с данного поселения (28,86 %). Отмечены представители 5 отрядов. В количественном соотношении в коллекции преобладали домашние млекопитающие (79,6 %). Среди всех остатков млекопитающих доминировали костные остатки домашней свиньи (рис. 5.1) (50,78 % от всех костных остатков млекопитающих). Второе место занимали остатки мелкого рогатого скота (рис. 5.5) (10,56 %), третье место занимали остатки крупного рогатого скота (рис. 5.4) (9,1 %). Отмечены также кости домашней собаки (рис. 5.2). Возрастной и размерный состав домашних животных данного поселения демонстрирует, что у населения было развито животноводство, преимущественно основанное на разведении домашних свиней. Свиней использовали на мясо до наступления 3-летнего возраста, так как за этим расходы на выращивание уже не могли окупить прирост живого веса. По своим морфологическим признакам они близки к древнерусским. Разведение мелкого рогатого скота осуществлялось в основном для получения мяса и кожи и в меньшей степени для получения шерсти. Овцы с данного памятника были в целом по породным признакам сходны с овцами с других именьковских памятников и весьма сходны с представителями романовской породы. Состав стада крупного рогатого скота указывает на мясо-молочное направление в разведении этих животных. Так же, как и овцы, крупный рогатый скот весьма близок с крупным рогатым скотом из других именьковских памятников. Меньшее количество костей лошадей (рис. 5.3) объясняется повышенным значением этого вида для человека в качестве рабочего животного. Наличие (2 экз.) анкилоза поясничных позвонков говорит об использовании лошадей для верховой езды.

Среди костных остатков диких млекопитающих преобладали заяц (рис. 4.4) (3,58 %) и бурый медведь (рис. 4.6) (2,22 %). Охота на диких млекопитающих для населения этого городища играла незначительную роль. Однако набор промысловых видов весьма разнообразен. Основными промысловыми животными являлись заяц, бурый медведь, речной бобр (рис. 4.3), лось (рис. 4.2), северный олень и лесная куница (рис. 4.5). Преобладало мясо-пушное направление охоты. Характерной особенностью для данного поселения, как и для большинства именьковских поселе-

Таблица 3

Количество костных остатков, восстановленные размеры, пол и возраст млекопитающих

Название вида	Кол-во	Размеры, пол, возраст
1. Черная крыса (*Rattus rattus*)	2	1 экз. – ♀ 7–8 месяцев
2. Обыкновенный хомяк (*Cricetus cricetus*)	2	2 экз. subad. (полувзрослые) (рис. 3.3)
3. Водяная полевка (*Arvicola terrestris*)	2	1 экз. 5–6 месяцев и 1 экз. > 1 года (рис. 3.2)
4. Речной бобр (*Castor fiber*)	19	n = 1; масса: 11 940 г; n = 4; 2 экз. – subad. (полувзрослые) и 2 экз. – juv. (молодой)
5. Заяц (*Lepus s.p.*)	55	n = 4; масса min – max: 1,5–3,1; средняя 2,3 кг; n = 4; 3 экз. subad. (полувзрослые) и 1 экз. – juv. (молодой).
6. Лесная куница (*Martes martes*)	7	возраст 6 экз. ad. (взрослые) крупных размеров
7. Европейский барсук (*Meles meles*)	1	n = 1; масса: 14 414 г, n = 1; ad. (взрослый) (рис. 4.1)
8. Обыкновенная лисица (*Vulpes vulpes*)	1	n = 1; ad (взрослый)
9. Волк (*Canis lupus*)	1	1 экз. ad. (взрослый)
10. Бурый медведь (*Ursus arctos*)	34	n = 3; масса: 95; 171,7; 180,3 кг; n = 5; 1 экз. – sen. (старый); 2 экз. – ad. (взрослые), 1 экз. – subad. (полувзрослый) и 1 экз. – juv. (молодой).
11. Лось (*Alces alces*)	7	возраст: 2 экз.: 0,5–1 год и 2–2,5 года
12. Сибирская косуля (*Capreolus pygargus*)	2	
13. Северный олень (*Rangifer tarandus*)	9	все кости принадлежат молодым особям (не менее двух экз.)
Всего диких:	142	
14. Домашняя собака (*Canis familiaris*)	9	n = 1; высота в холке – 50,3 см и масса: 15,7 кг; n = 1; ad. (взрослый)
15. Двугорбый верблюд (*Camelus bactrianus*)	10	низкая степень сохранности костей > 15 %
16. Домашняя свинья (*Sus scrofa f.domestica*)	779	n = 6; высота в холке min – max: 60,04–75,8; средняя 69,9 см, масса min – max: 90–113,7; средняя 104,8 кг; ♂ – 5 экз. и ♀ – 12 экз.; возраст n = 21; 7 экз. 0,5–1 год, 6 экз. 1–1,5 года, 7 экз. 1,5–2 года, 1 экз. 3,5 года
17. Домашняя овца (*Ovis aries*)	138	n = 5; высота в холке min – max: 41–67,5; средняя 57,8 см, масса min – max: 34,5–55,9; средняя 48,7 кг; n = 13; 3 экз. до 6 месяцев, 3 экз. от 6 месяцев до 1 года, 2 экз. 1–1,5 года, 4 экз. 1,5–2 года, 1 экз. старше трех лет

18. Домашняя коза (*Capra hircus*)	1	
Овца/коза	23	
Всего мелкого рогатого скота	162	
19. Крупный рогатый скот (*Bos taurus*)	140	n = 3; высота в холке: 1 ♂ – 131 см; масса 379,9 кг и 2 ♀ – 115 и 119 см, масса 333,5 и 345,1 кг; n = 10; 1 экз. 0,5–1 год, 2 экз. 1–1,5 года, 3 экз. 2 года, 2 экз. 2,5–3 года, 2 экз. 3,5–4,5 года
20. Домашняя лошадь (*Equus caballus*)	121	n = 1; высота в холке – 142,9 см (полутонконогая, средняя по росту), масса: 400,1 кг; n = 10; 1 экз. до 1 года, 1 экз. 1–1,5 года, 2 экз. 1,5–3 года, 1 экз. 3–3,5 года, 3 экз. 3,5–4 года, 2 экз. 5–6 лет
Всего домашних:	1 221	
неопределимые остатки млекопитающих	171	
Всего	1 534	

ний, является наличие костных остатков диких млекопитающих (метакарпальные и метатарзальные кости зайцев (рис. 4.4) и нижние челюсти лесных куниц (рис. 4.5)) с проделанными отверстиями. Их использовали в виде амулетов. Находка костей черной крысы (рис. 3.1) отодвигает ее появление на территории Среднего Поволжья на середину первого тысячелетия н. э.

Человек разумный

Кроме костей домашних и диких животных были диагностированы 26 экз. костных останков человека. Был установлен возраст для 8 индивидуумов: 2 экз. – младенцы до 7–10 дней, 1 экз. – ребенок 3–4 лет, 1 экз. – ребенок 5–6 лет, 4 экз. – взрослые 18–30 лет. Все изученные кости не несут следов патологий или травм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследованный археозоологический материал Тетюшского II городища является исключительно информативным и своеобразным. Он весьма разнообразен как в таксономическом отношении, так и по морфологическим особенностям животных. Как и ранее изученные в археозоологическом отношении памятники именьковской культуры (Именьковское городище и Балымерское селище), остеологическая коллекция с данного поселения имеет значительное количество остатков рыб с доминированием остатков осетровых рыб. Рыба была одним из важных источников белка и жира для населения городища. Промыслом был охвачен практически весь видовой состав промысловых рыб, обитавших в реке Волге, как жилых, так и заходящих в реки на нерест. Наличие костных остатков домашних птиц (курицы и гуся) еще раз подтверждает начало их разведения на территории Волго-Камья именно именьковцами. Сходство видового, количественного состава, основных морфологических признаков домашних млекопитающих, спектр основных промысловых видов млекопитающих данного поселения связывает Тетюшское II го-

родище с другими именьковскими памятниками. Изученный археозоологический материал позволил судить о морфологии, численности животных, взаимодействии человека с домашними и дикими животными в период раннего Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности: Сборник научных статей, посвященный 75-летию д. и. н. Евгения Петровича Казакова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009.

Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В. Предварительные результаты исследования костных остатков птиц из средневековых археологических памятников Среднего Поволжья // Орнитология в Северной Евразии: Материалы XIII Международной орнитологической конференции Северной Евразии. Тезисы докладов. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.

Богаткина О. Г. Новые материалы к изучению остеологических признаков домашних животных у представителей именьковской культуры (Новинковское селище) // Краеведческие записки. – Вып. VII. – Самара, 1995.

Вязов Л. А. Скотоводство в хозяйстве племен именьковской культуры // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. № 4 (63). – Самара, 2008.

Гасилин В. В. Новое археозоологическое местонахождение – именьковский памятник селище Ош-Пандо-Нерь // Самарская Лука: бюллетень № 12. – Самара, 2002.

Гасилин В. В. Фауна предыменьковских и раннеименьковских памятников лесостепного Поволжья // Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. (Раннеславянский мир, выпуск 7). – М., 2005.

Гасилин В. В. Фауна Старомайнского городища именьковской культуры // Краеведческие записки. Выпуск 12. – Самара, 2005.

Лебедев В. Д. Результаты предварительного просмотра костных остатков рыб из раскопок селения Балымеры 1954 г.: Приложение к статье Жиромский Б. Б. Древнеродовое святилище Шолом 1954 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 61. – М., 1958.

Лебедев В. Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. – М.: Изд-во МГУ, 1960.

Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984.

Петренко А. Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 3. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

Попов В. А., Кулаева Т. М. Фауна Именьковского городища // Тезисы докладов конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья. – Казань, 1956.

Руденко К. А. Тетюшское II городище в Татарстане. – Казань: Заман, 2010.

Соколов Л. И., Цепкин Е. А. Севрюга *Acipenser stellatus* Pallas в среднем и позднем голоцене // Вопросы ихтиологии. – Т. 9. – Выпуск 4. – 1969.

Соколов Л. И., Цепкин Е. А. Стерлядь *Acipenser ruthenus* L. в среднем и позднем голоцене // Вопросы ихтиологии. – Т. 76. – Выпуск 3. – 1971.

Цалкин В. А. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. II // МИА. – № 61. – 1958.

Цепкин Е. А., Соколов Л. И. Русский осетр *Acipenser gueldenstaedtii* Brand в среднем и позднем голоцене // Вопросы ихтиологии. – Т. 10. – Вып. 1. – 1970.

Цепкин Е. А., Соколов Л. И. Белуга *Huso huso* (L.) в позднем голоцене // Биологические науки. – № 5. – 1971.

Driesch A. V. D. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. – Cambridge: Harvard Univ., V. 1, 1976.

Lee Lyman R. Quantitative paleozoology. Cambridge Manuals in Archaeology. – Cambridge University Press, 2008.

O'Connor T. The Archaeology of Animal Bones. – Texas A&M University Press, College Station, 2000.

Radu V. Exploitation de resources aquatiques dans les cultures neolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Meridionale. These de Doctorat, Universite de Provence Aix – Marseille I, Aix en Provence (France), 2003.

Reitz E. J. & Wing E. S. Zooarchaeology. – Cambridge University Press, Second edition, 2008.

Serjeantson D. Birds. Cambridge Manuals in Archaeology. – Cambridge university press, 2009.

Udrescu M., Bejenaru L., Hriscu C. Introducere în arheozoologie, Edit. Corson, Ia°i, 1999.

Wheeler A. and Jones, A. K. G. Fishes. Cambridge manuals in archaeology. – Cambridge University Press, 1989.

White T. D., Folkens P. A. The human bone manual. – Elsevier, Academic press, 2005.

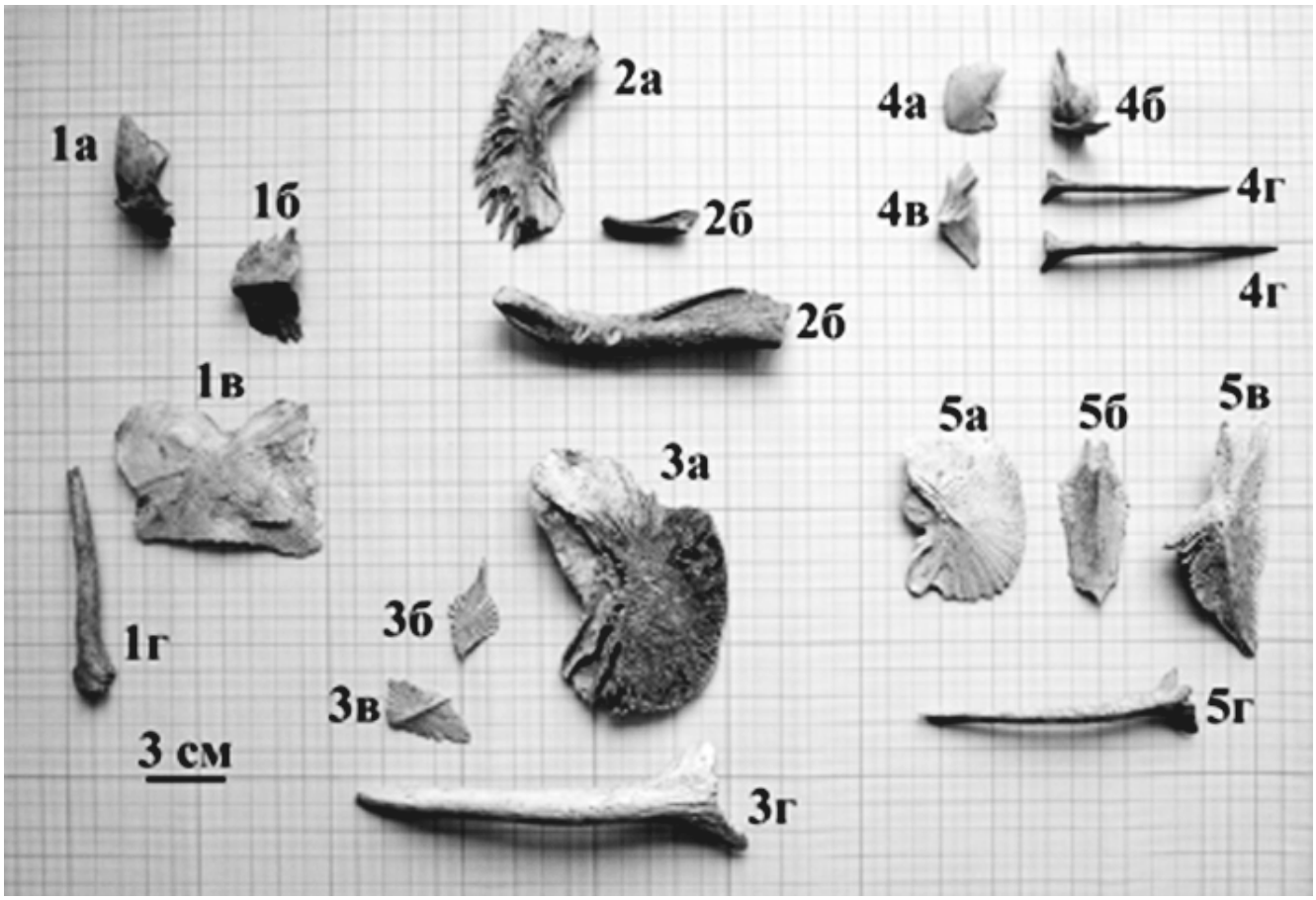


Рис. 1. Костные остатки осетровых рыб.

1. Шип: 1а – клейтрум; 1б – спинная жучка; 1в – кость жаберной крышки; 1г – первый луч грудного плавника.

2. Белуга: 2а – кость жаберной крышки; 2б – зубная кость (от разных особей).

3. Русский осетр: 3а – кость жаберной крышки; 3б – брюшная жучка; 3в – боковая жучка; 3г – первый луч грудного плавника.

4. Стерлядь: 4а – кость жаберной крышки; 4б – клейтрум; 4в – ключица; 4г – первый луч грудного плавника (от разных особей).

5. Севрюга: 5а – кость жаберной крышки; 5б – спинная жучка; 5в – ключица; 5г – первый луч грудного плавника.

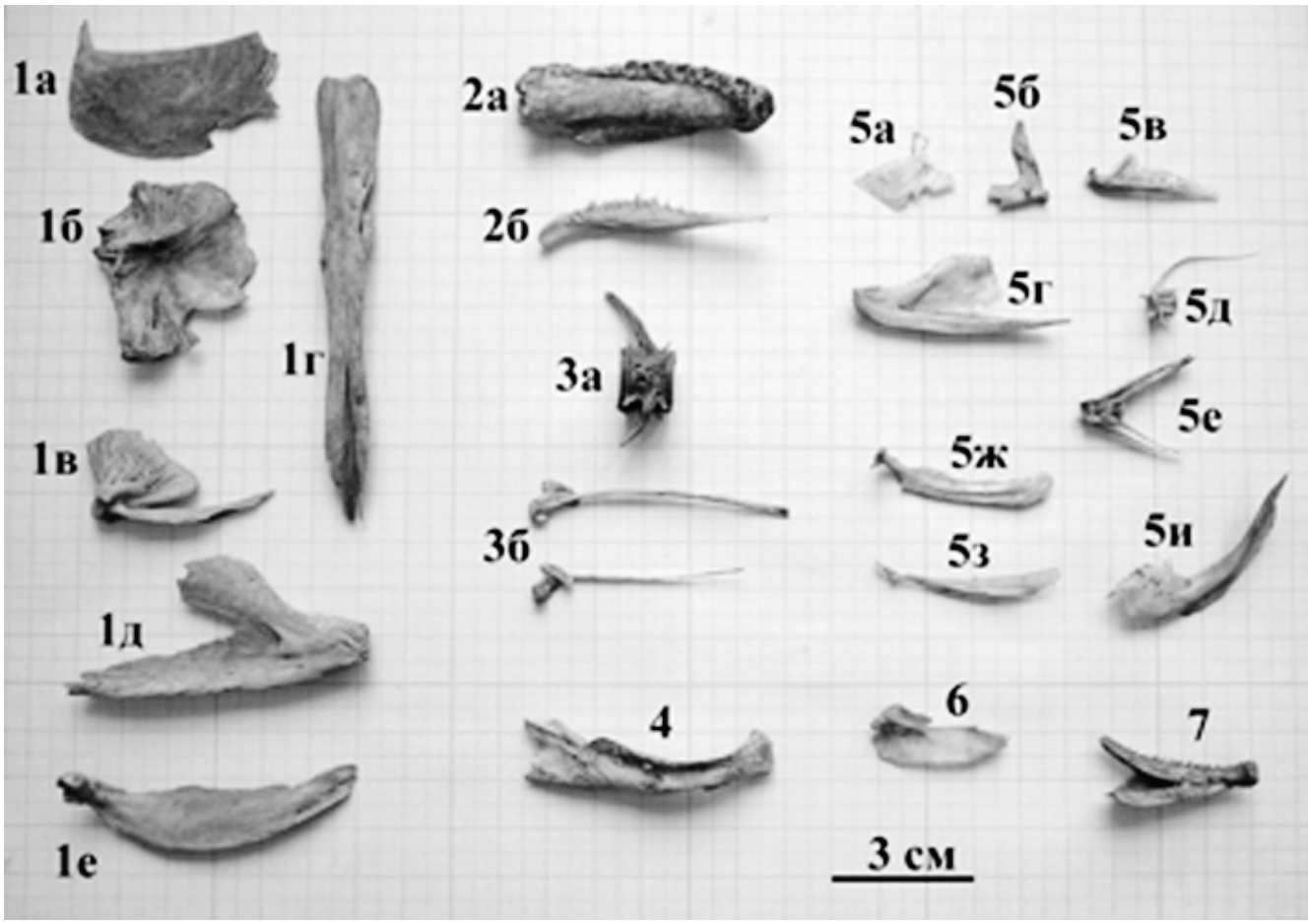


Рис. 2. Костные остатки костистых рыб.

1. Белорыбица: 1а – подкрышечная кость; 1б – гиомандибуляре; 1в – квадратная кость; 1г – парасфеноид; 1д – зубная кость; 1е – верхнечелюстная кость.

2а. Обыкновенная щука: зубная кость.

2б. Обыкновенный судак: жаберная дуга.

3. Каспийский лосось: 3а – хвостовой позвонок; 3б – ребра.

4. Обыкновенный жерех: зубная кость.

5. Черноспинка: 5а – подкрышечная кость; 5б – квадратная кость; 5в – сочленовная кость; 5г – зубная кость; 5д, 5е – хвостовые позвонки; 5ж – верхнечелюстная кость; 5з – заднеподъязычная кость; 5и – клейтрум.

6. Красноперка: коракоид.

7. Берш: зубная кость.

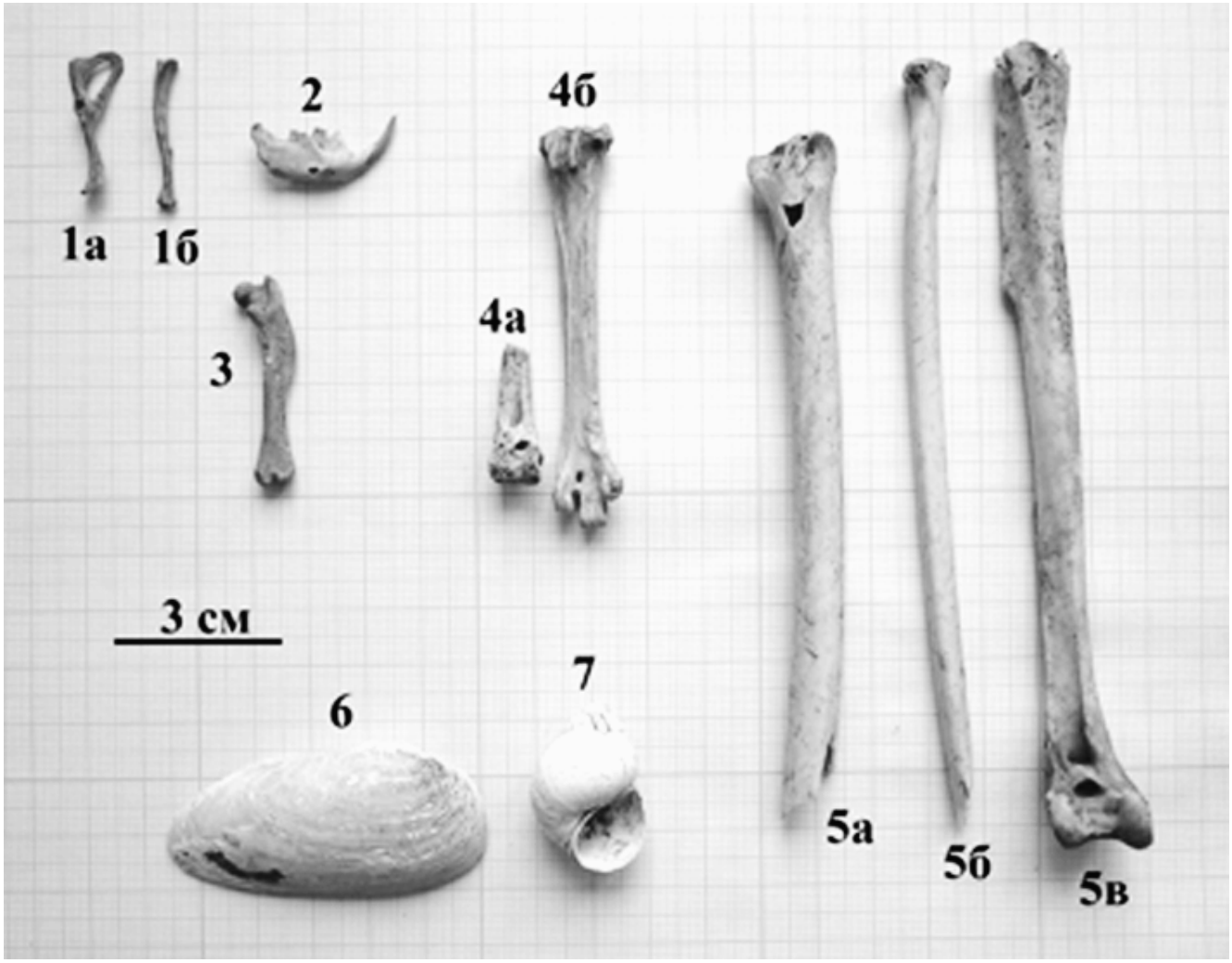


Рис. 3. Остатки разных групп животных.

1. Черная крыса: 1а – безымянная кость; 1б – кости голени.

2. Водяная полевка: ветвь нижней челюсти.

3. Обыкновенный хомяк: бедренная кость.

4. Домашняя курица: 4а – тибиотарзус (сложная голень); 4б – цевка;

5. Домашний гусь: 5а – локтевая кость; 5б – лучевая кость; 5в – тибиотарзус.

6. Раковина толстой перловицы.

7. Раковина речной живородки.

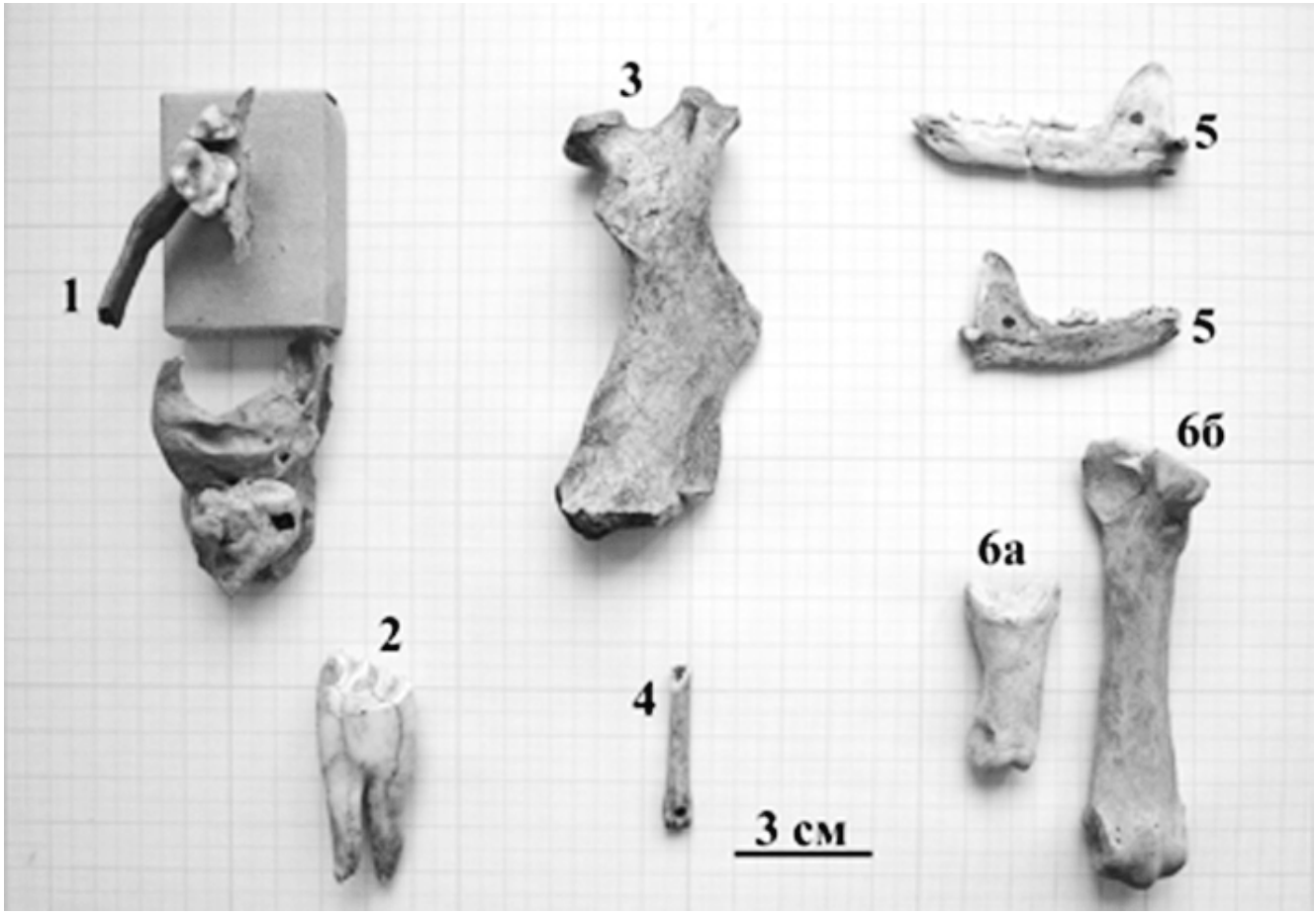


Рис. 4. Костные остатки промысловых млекопитающих.

1. Европейский барсук: фрагмент черепа.

2. Лось: верхний предкоренной зуб.

3. Речной бобр: бедренная кость.

4. Заяц: метакарпальная кость.

5. Лесная куница: ветвь нижней челюсти (от разных особей).

6. Бурый медведь: 6а – III фаланга I пальца; 6б – V метатарзальная кость.

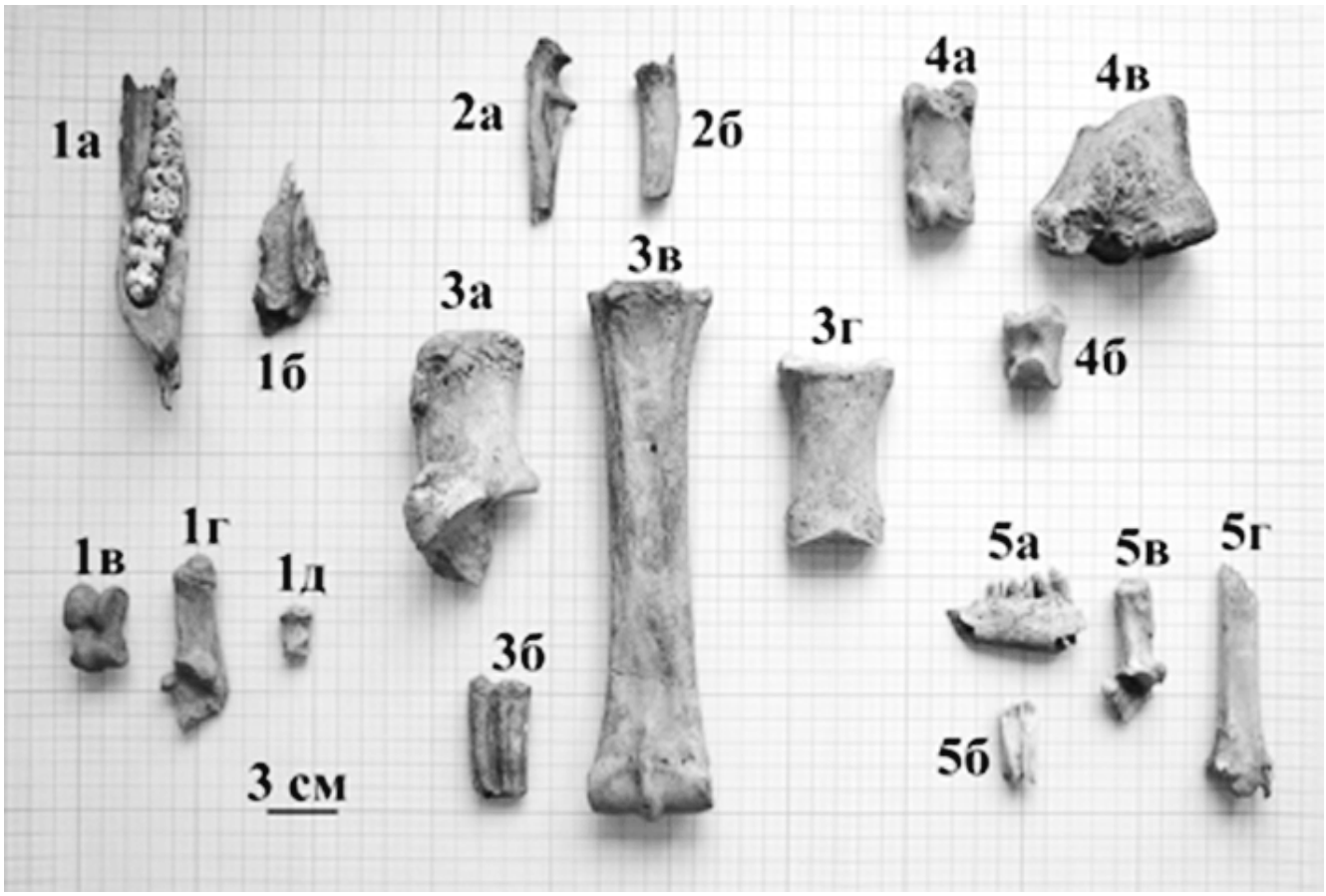


Рис. 5. Костные остатки домашних млекопитающих.

1. Домашняя свинья: 1а – ветвь нижней челюсти (задняя часть); 1б – фрагмент ветви нижней челюсти (передняя часть) – от разных особей; 1в – таранная кость; 1г – пяточная кость; 1д – II фаланга V пальца передней ноги.

2. Домашняя собака: 2а – фрагмент локтевой кости; 2б – фрагмент плечевой кости.

3. Домашняя лошадь: 3а – пяточная кость; 3б – предкоренной зуб нижней челюсти; 3в – III метакарпальная кость; 3г – I фаланга передней ноги.

4. Крупный рогатый скот: 4а – I фаланга передней ноги; 4б – II фаланга передней ноги; 4в – фрагмент лучевой кости.

5. Мелкий рогатый скот: 5а – фрагмент ветви нижней челюсти; 5б – заднекоренной зуб нижней челюсти; 5в – пяточная кость; 5г – фрагмент большой берцовой кости.

Е. А. БЕГОВАТОВ[1], А. А. ЧЕРНЯЕВ[1], Р. Х. ХРАМЧЕНКОВА[2]

[1] Россия, Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет
[2] Россия, Казань, НЦАИ ИИ АН РТ

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МОНЕТ И СЕРЕБРЯНЫХ СЛИТКОВ В НИЗОВЬЯХ Р. КАМЫ*

Удобное географическое расположение Волжской Булгарии в месте слияния двух крупнейших рек Восточной Европы – Волги и Камы позволило ей осуществлять контроль на средней части Волжского торгового пути и активно осуществлять не только внутреннюю, но и внешнюю торговлю. Это предопределило относительно быстрое развитие Булгарского государства в X–XI вв. Свидетельством активной торговли Волжской Булгарии служат материалы археологических раскопок, а также находки кладов, содержащие монеты и слитки. В конце X – начале XI вв. ослаб приток куфических дирхемов в Восточную и Центральную Европу, и в кладах, относящихся к этому времени, наряду с куфическими дирхемами стали появляться динарии западноевропейских и прибалтийских стран. Значительное их количество содержат клады, найденные в западной части Восточной Европы. На территории Среднего Поволжья и Предуралья находки западных монет – редкость. В топографии находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси, опубликованной В. М. Потиным в 1967 г. (Потин, 1967), из 395 общего количества найденных отдельных монет и кладов только 11 отмечены на территории бассейна р. Камы (4 находки), бассейна р. Печёры (5 находок) и две находки по среднему течению р. Волги и нижнему течению р. Камы (земли волжских болгар и народов Среднего Поволжья).

Первая находка из двух последних была обнаружена в 1920 г. при земляных работах близ ст. Нефтяная (№ 277), где находятся развалины г. Увека (Саратовские р-н и обл.), и содержала три денария. Вторая (№ 276) – большой клад, найденный в 1905 г. в с. Красный (Крещеный) Баран (Алексеевский р-н, Республика Татарстан). Клад содержал 614 куфических целых монет и обломков (младшая из них 1008/1009 г.) и две германских. Последние две были определены позднее В. М. Потиным. Первая монета – Германия. Отон III и Адельгейда (983–1002), В = 1,98 г, дважды пробит. Вторая – подражание западноевропейской монете X–XI вв., брактиат, В = 0,24 г, в двух частях, дважды пробит (Добровольский, 2004). Следует отметить, что в 2001 г. вблизи Билярского городища во время работы археологической экспедиции Казанского университета был найден аналогичный по содержанию клад того же времени (младшая монета 1005/1006 (396 г. х.)), содержащий 1 768 целых монет и обломков. Однако западных монет в нем не было. Позднее на рассматриваемой территории были сделаны еще ряд находок, содержащих незначительное количество западноевропейских монет:

Г. А. Фёдоров-Давыдов и Т. Б. Никитина (Фёдоров-Давыдов, 1984; Никитина, 2002) опубликовали западноевропейские монеты, найденные на могильниках Нижняя Стрелка (Англия, Канут, Винчестер, 1017–1023 гг.); Дубовский (Германия, герцог Ордульф (Оттон) (1059–1071 гг.) или граф Герман (1059–1071 гг. или 1059–1086 гг.).

Е. П. Казаков (Казаков, 1991) опубликовал 3 монеты: 1) денарий – Дания, 1047–1075 гг., найден на Семёновском селище: 2) денарий – Германия. Намюр. граф Альберт (1037–1105 гг.)

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда – проект РГНФ № 11-01-12038 в.

(определение А. С. Белякова); 3) медная подделка по типу денариев Гронингема и денариев епископа Бернольда (1027–1054 гг.) (определение А. С. Белякова). Последние найдены на Измерском селище. Все эти поселения расположены по левому берегу р. Актай, левого притока р. Камы.

На сайте Казанского университета (www.ksu.ru) выставлены два целых динария и один фрагмент. Первый (рис. 1,1) найден в 1987 г. на Измерском селище. По-видимому, монета была из размытого клада, поскольку рядом с ней лежало несколько десятков обломков куфических дирхемов конца X в. Параметры монеты – диаметр Д = 17 мм, вес В = 1,17 г. Дважды пробит. Половины обратной и лицевой стороны сильно стерты. На одной стороне в линейном круге стилизованный портал деревянной церкви с острой крышей, под ней – посох. Внутри церкви и слева от нее – по точке. Внизу вне круга сохранилась буква «А». На обратной стороне в штрихованном круге силуэт креста с расширяющимися концами. В двух сохранившихся секторах кружки «О». Вне круга от надписи сохранилась буква «Т». Подобные денарии относят к так называемому чекану Оттона и Адельгейды, который наиболее часто встречается среди саксонских монет. Подобный найденному приведен в монографии В. М. Потина (Потин, 1968, рис. 21). Существуют различные мнения относительно времени и места чеканки этих денариев (Потин, 1968. – С. 168). Г. Данненберг полагает, что эти денарии чеканились в 981–995 гг. Оттоном III и опекуншей и бабкой Адельгейдой. Наиболее вероятным местом чеканки монет немецкий нумизмат называет г. Гослар. У В. Яммер подобные денарии помещены в таблицу 3 в колонку Otto – Adelheid – Pfenige в раздел 1000–1025 гг. (Jmmer, 1900).

Вторая монета (рис. 1,2) найдена в 1984 г. на Семёновском селище. Диаметр и вес монеты – Д = 17 мм, В = 0,68 г. Имеется отверстие. Динарий – Дания, Лунд, Свен Эстридсен (1047–1075) (Hauberg, № 30, определение О. В. Тростянского). Лицевая сторона написана под византийским влиянием – Спаситель со скипетром (посохом?) в правой руке и щитом в левой. Вне поля – круговая надпись. Четко видна буква «S» (Свен?). На обратной стороне – в круге четырехконечный крест с тремя шарами на концах. Вне поля – круговая надпись, написанная рунами (?). П. Хауберг отмечает трудности прочтения надписей лицевой и обратной сторон динариев Свена Эстридсена (Hauberg, 1900). На Семёновском селище среди обломков куфических монет был найден небольшой фрагмент динария начала XI в. Спектральным методом был определен химический состав этого обломка (таблица 1).

В 2010 г. на размытой части VI Рождественского селища был найден небольшой клад (?). Селище расположено на правом берегу р. Мёши, правого притока р. Камы. Среди находок – фрагменты и целый сильно потертый куфический дирхем, два целых и один фрагмент денариев, кусочки и круглый слиток серебра, несколько гирек. Поле куфического дирхема сильно изношено, большая часть надписей утрачена, удалось прочитать только прозвище буидского эмира Фахр ад Давла (эмир Джибала (983–997)). Вес и диаметр монеты В = 5,45 г, Д = 23 мм.

Первый денарий – Англия, Этельред II (978–1016), В = 1,29 г, Д = 20 мм. Монета имеет отверстие. Тип монеты – C (crux). На лицевой стороне погрудное изображение влево со скипетром, украшенным тремя шарами. На обратной – крест из двойных линий. В четырех секторах C/ R/ V/ + (crux – крест). Второй денарий – Германия, Саксония, Генрих III (1047–1058), В = 0,75 г, Д = 17 мм. Пробит. На лицевой стороне – в круге из кружочков грубо сделанное погрудное бородатое изображение с остроконечным шлемом (короной?). На обратной стороне – в круге крест, в секторах которого четыре шарика. В. Яммер поместил подобные денарии в таблицы III и V, вре-

мя – середина XI в. (Jammer, 1952). Половину третьего найденного денария, по-видимому, можно отнести к этому же типу.

На селище вместе с кусочками рубленого серебра (рис. 2) был найден круглый слиток (рис. 3, R) диаметром 40–45 мм, весом 66,1 г. Нижняя поверхность слитка ровная, наружная – шероховатая. Этим он отличается от «стандартных» слитков «закамского» серебра. Для сравнения, слева (рис. 3, S) приведено несколько слитков из Спасского клада, материалы которого расположены на сервере Казанского университета (www. ksu.ru) на сайте «Археология Среднего Поволжья». Этот размытый клад был найден в девяностых годах на IV Старокуйбышевском селище (Казаков, 1991). На откосе размытого обрыва правого берега р. Бездны было найдено 2 целых и 24 фрагмента серебряных круглых слитков серебра, свернутых в трубку (КССТ) классического «закамского серебра».

Вес двух целых свернутых в трубку небольших круглых слитков – 13,1 и 20,9 г. Третий слиток весом 60,1 г также согнут в трубку, причем из него два кусочка вырублено зубилом (сечкой, жеребейкой), также имеется след от пропила полотном (проверка внутренности?). Остальные кусочки серебра – фрагменты свернутых в трубку круглых слитков серебра, отлитых на неровную поверхность (глина, песок?). На многих фрагментах имеются следы несколько срезов – по-видимому, они «подгонялись» под определенный вес. Вес всех слитков (в граммах): 1,6; 1,7; 1,8; 2,4; 2,5; 2,6; 3,5; 4,5; 4,5; 5,2; 6,0; 6,0; 7,9; 8,1; 12,5; 12,8; 12,9; 13,1; 13,2; 17,1; 20,4; 20,9; 31,8; 38,4; 60,1; 76,6.

Спектральным количественным методом определен химический состав серебряных слитков Спасского и Рождественского кладов. Результаты спектрального анализа западноевропейской монеты и серебряных слитков приведены в таблице 1. В целом содержание серебра в слитках Рождественского клада несколько ниже, чем в Спасском.

Таблица 1

Химический состав западноевропейской монеты, серебряных слитков со Спасского и Рождественского кладов

№	Место	Ag	Al	As	Bi	Co	Cu	Fe	Mn	Ni	P	Pb	Sn	Sb	Zn	Au
1	з.мон	**86,69**		**0,098**	**0,06**		**7,69**	**0,03**		**0,00**		**2,73**	**1,69**	**0,01**	**0,66**	**0,25**
2	спасск.	94,86	0,02	0,010	0,24	0,00	1,96	0,02	0,02	0,00	1,12	1,63	0,01	0,01	0,00	0,02
3	спасск.	95,08	0,09	0,022	0,11	0,00	2,87	0,09	0,00	0,00	0,09	0,79	0,25	0,02	0,14	0,34
4	спасск.	95,06	0,11	0,002	0,19	0,00	3,08	0,02	0,00	0,00	0,05	1,02	0,01	0,00	0,00	0,33
5	спасск.	98,58	0,03	0,001	0,00	0,00	0,77	0,00	0,00	0,00	0,18	0,11	0,01	0,00	0,00	0,19
6	спасск.	96,15	0,12	0,016	0,26	0,00	2,01	0,00	0,01	0,00	0,27	0,99	0,02	0,00	0,00	0,07
7	спасск.	91,05	0,11	0,008	0,03	0,00	3,07	0,00	0,00	0,00	0,76	2,14	0,05	0,00	0,00	2,71
8	рожд.	84,81	0,16	0,035	2,43	0,00	8,92	0,19	0,01	0,00	0,15	1,98	0,79	0,05	0,07	0,32
9	рожд.	88,57	0,05	0,004	0,01	0,00	4,42	0,02	0,01	0,00	0,71	5,64	0,01	0,00	0,01	0,51
10	рожд.	79,35	0,07	0,012	0,35	0,00	19,23	0,01	0,01	0,00	0,28	0,32	0,02	0,03	0,02	0,18
11	рожд.	96,88	0,03	0,003	0,84	0,00	1,28	0,02	0,00	0,00	0,21	0,44	0,00	0,00	0,00	0,22
12	рожд.	74,78	1,24	0,011	0,01	0,00	4,19	0,12	0,06	0,00	2,95	16,34	0,02	0,00	0,12	0,07
13	рожд.	96,38	0,04	0,028	0,41	0,00	2,57	0,00	0,00	0,00	0,05	0,24	0,01	0,05	0,00	0,15
14	рожд.	97,36	0,04	0,005	0,04	0,00	1,15	0,00	0,00	0,00	0,08	0,29	0,03	0,00	0,03	0,88

Впервые на фрагменты серебряных круглых слитков, свернутых в трубку (КССТ), обратил внимание А. Ф. Лихачёв (1891). Такие слитки были найдены в б. г. Спасске, вблизи Билярска, на Болгарском городище, у с. Шуран и Именьково. По количеству найденных кладов со слитками Волжская Булгария (точнее Волжско-Камский-Вятский регион) занимает второе место после Киевской Руси: Киевская губерния – 50 кладов, Казанская – 22, Вятская – 14 (по А. А. Ильину, 1921).

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е. А. Билярский клад куфических монет конца X – начала XI вв. // XI Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2003. – С. 71–72.

Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (Крещеный Баран) в Татарстане. Новые данные // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. – СПб., 2004. – С. 246–255.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. – Пг., 1921. – С. 3.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань, 1991.

Марков А. К. О кладе куфических монет, найденном в селе Крещеный Баран Спасского уезда Казанской губернии // Записки Нумизматического Отделения Имп. Русского Археологического Общества. – Т. 1, вып. 2–3. – СПб., 1909. – С. 79–92.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим данным). – Йошкар-Ола, 2002.

Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // ТГЗ. – Т. IX. – Л., 1967.

Сервер Казанского университета: http://www.ksu.ru/archeol/numism.htm

Фёдоров-Давыдов Г. А. Монеты Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. – Йошкар-Ола, 1984.

Hauberg P. Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146. KDVSS 6. Raekke. histirisk og filosofisk Afdelning V.1,1900. http://www.danskmoent.dk/tidl/usider/se_lund.htm

http://dl.maekeler.eu/cat/reihen/numismatische-studien/

Jammer V/. Die Anfange der Munzpragung im Herzogthum Sachsen. «Numismatische Studien», Helf 3–4. – Hamburg, 1952.

Рис. 1. Новые западноевропейские монеты, найденные в низовье р. Камы.

Рис. 2. Кусочки серебряных слитков, найденные на Рождественском селище.

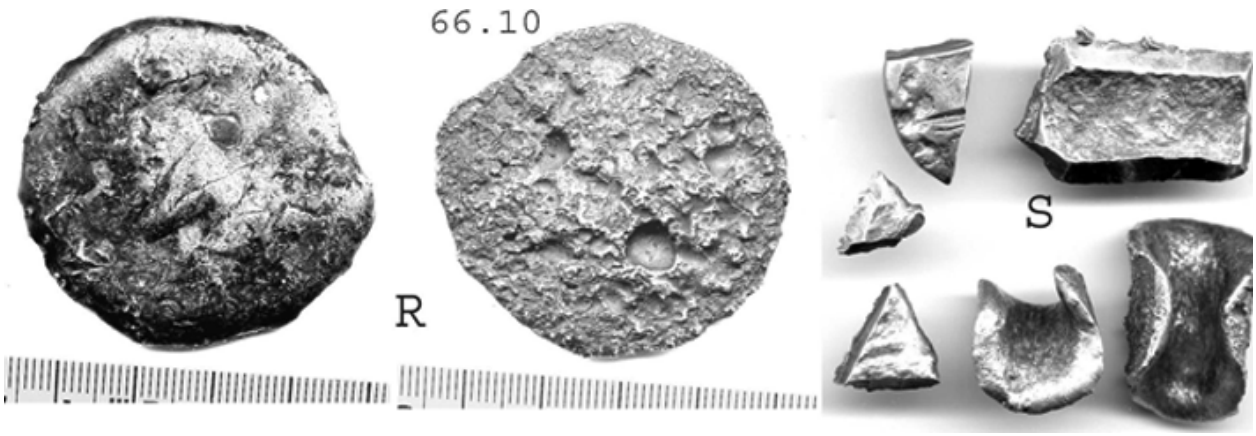


Рис. 3. Серебряный слиток с Рождественского селища.

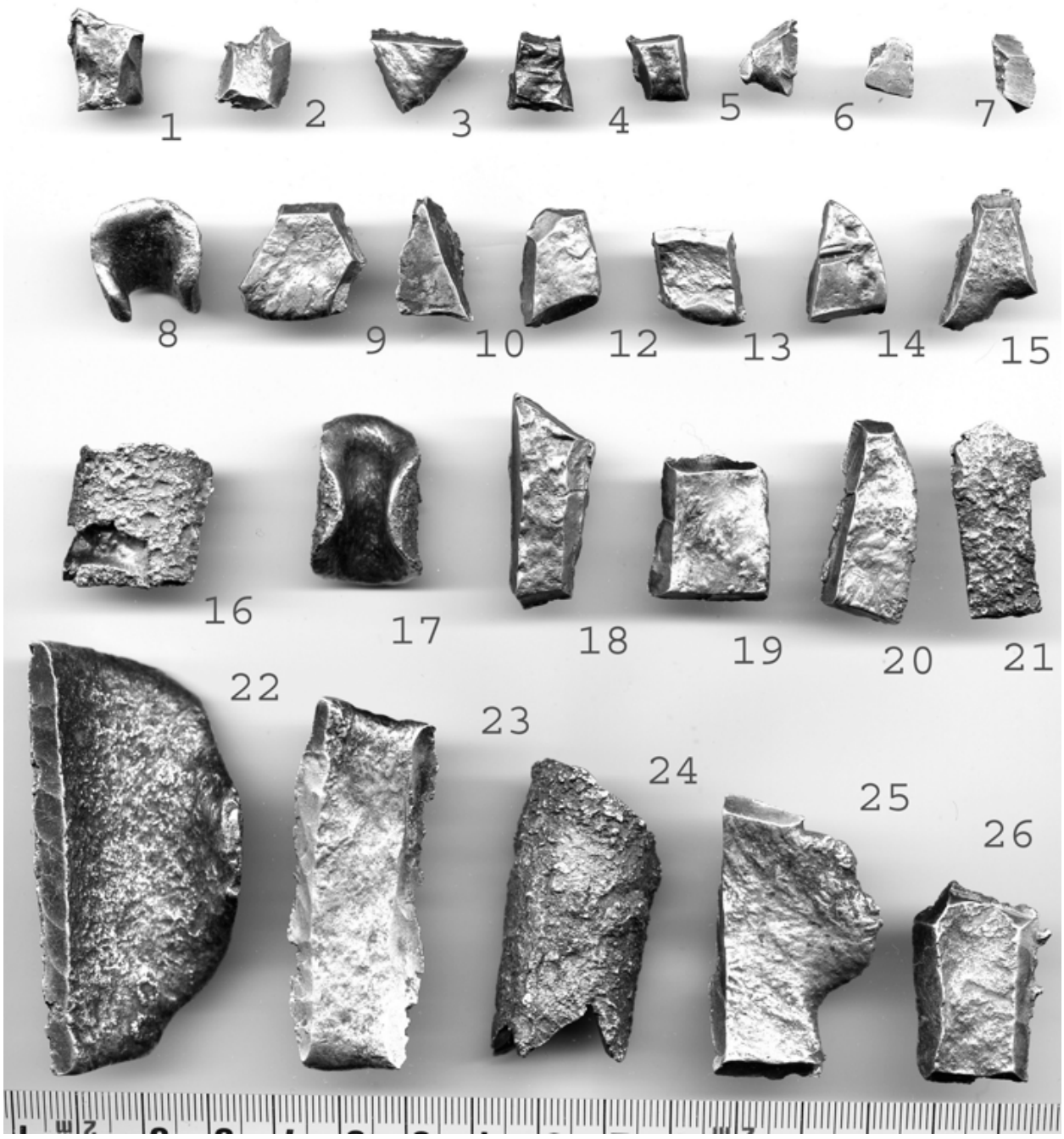


Рис. 4. Серебряные слитки и их фрагменты со Старокуйбышевского селища.

Р. М. ВАЛЕЕВ

Россия, Казань, Казанский государственный университет культуры и искусств

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВОЗРОЖДЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

История дает немало возможностей проследить связь времен и эпох. Особенно ярко и впечатляюще эта связь проявляется в культуре каждого народа, составной частью которого является историко-культурное наследие, передающееся каждому последующему поколению людей и обществу в целом. Но так происходит не всегда и не везде.

История сохранения культурного наследия в России знает немало взлетов и падений в формировании и проведении политики отношения общества и государства к памятникам истории и культуры. В настоящее время, в условиях модернизации российского общества, мы находимся на том этапе, когда вполне возможно соединение теории и практики памятниковедения. Но при этом очень важно понять, насколько процессы модернизации влияют на объекты культурного наследия, позитивные и негативные стороны этого процесса, какие опасности нас ждут.

Если рассматривать этапы развития модернизаций в истории России, начиная с Петра I и заканчивая современными реформаторами, то для них была характерна главная цель – догнать развитые (современные) общества Запада. Именно эта цель обусловила догоняющий характер модернизации в России. Согласно культурологической типологии Россия является незападной страной, и потому считается, что не все фазы классической культуры Ренессанса, Реформации, Просвещения были пройдены. Вследствие этого Россия предстает как страна, не завершившая модернизацию, в большей степени находящаяся в состоянии перехода от традиционного общества к современному (этап, пройденный Западом еще в XIX в.) и в меньшей степени в состоянии движения к информационному (постиндустриальному) обществу (Федотова, 2000. С. 3).

Суть процессов догоняющей модернизации состоит в индустриализации и создании индустриальной культуры, чрезвычайно улучшившей удобства человеческой жизни, условия существования человека. Логическим итогом эпохи промышленного производства становится постиндустриальное общество потребления. Именно в таком качестве и воспринимается современной Россией западное общество. Отсюда вытекает важное последствие. Исследователями отмечается, что население развивающихся стран находит Запад привлекательным не благодаря его цивилизационным достижениям, а главным образом благодаря восприятию поверхностного уровня массовой культуры. Согласно А. С. Панарину, вестернизация реализуется в России в виде субкультуры досуга, но не труда: «Тонкая внутренняя игра западной культуры, состоящая в балансировании между аскезой труда и гедонизмом досуга и потребительства, на расстоянии не улавливается. Чужая культура не может передать другим свою аскезу, а вот ее внешние плоды в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений оказываются наиболее «коммуникацирующими» (Российская ментальность… 1994. С. 36). Иными словами, схватывая «пенку» того уровня развития, к которому западное общество шло последовательно, российское общество имеет еще недостаточно вкуса (культуры потребления) и искушенности, чтобы

противостоять потребительским соблазнам. Однако вместе с тем парадигма постмодернизма приобретает в современных теориях модернизации существенное значение. Дело в том, что модернизация как «осовременивание» по типу западных обществ необходимо предполагает и смену национальной идентичности. Постановка задачи смены идентичности – это требование новых рамок самоотождествления, которые соответствовали бы западным ценностям и социальным установлениям. Однако «социокультурный парадокс модернизации состоит в том, что она требует воли, питаемой идентичностью, а вестернизация подрывает источника этой воли, деформируя нормы и ослабляя идентичность» (Панарин, 1996. С. 22). Поэтому в теорию модернизации вводится новое понятие – «постмодернизация». Этот термин был предложен В. Г. Федотовой при объяснении сущности процесса модернизации в Японии, которая развивалась и стала в итоге страной высоких технологий на базе собственных исторических и культурных традиций. Согласно В. Г. Федотовой, постмодернизация – это модернизация на основе собственной традиционной идентичности, которую можно назвать и новой моделью модернизации, и отказом от модернизации (Федотова, 2000. С. 24). Вероятно, на принципах «постмодернизации» духовные основы российского общества придут в движение и будут задействованы в выработке собственной (выстраданной, а не заимствованной) формы социального устройства.

Исследователи полагают, что Россия – это не столько ставшая, сколько становящаяся цивилизация. В России всегда актуален вопрос о способности народа вообще жить по законам данной цивилизации. А вот для Запада нет вопроса о том, в какой цивилизации жить, какую из них считать своей. Этот вопрос встает в связи с тем, что в сознании образованных людей России культура и цивилизация Запада никогда не отождествлялись: признавались его несомненные заслуги в области политических свобод, просвещения, науки, а «выродившаяся в мещанство» цивилизация отторгалась. Они мечтали «взять у Запада все ценное, но не повторять его, а пойти дальше – в сторону более гуманных, нравственно оправданных форм жизни…» (Межуев, 1997. С. 10). В данном контексте культура есть совокупность духовных идеалов и ценностей и вместе с тем напряжение и саморазвитие, а цивилизация предстает как бы застывшей и лишь «колышущейся» время от времени «корой», неспособной более к движению. В таком случае у России появляется двойственная миссия: она обречена догонять Запад, преодолевая собственную отсталость, и опережать его в тех пунктах, где он сам оказывается в кризисной, критической ситуации.

Наиболее отчетливо кризис Запада проявляется в том, каким способом люди объединяются в обществе и в государстве. Из формулы «свобода, равенство и братство» самым ценным выступает индивидуальная свобода, необходимая как для классического индустриального общества, так и для общества потребления. Необходимым условием обеспечения свободы является ее законодательное закрепление. Теперь вступает в силу и ценность равенства: ведь перед законом все равны. И – стоп, до состояния братства западное общество не добирается. Правового порядка как универсального принципа общественного устройства вполне достаточно для безотказного функционирования экономики, социальных институтов, соблюдения прав индивида и признания ценности гражданского общества. Однако такая логика жизни незаметно приводит к формализации отношений между людьми, место «целого» человека замещает его роль, функция для общего (общества), на место искреннего дружеского участия приходят «автоматизмы» общения. Подобная слегка утрированная характеристика западного общества необходима для того, чтобы более выпукло очертить если не кризис, то его признаки.

Конечно, российский акцент на братстве в связке «свобода, равенство, братство» имеет свои недостатки. Да, есть опасность того, что братство может выродиться в панибратство, и вообще для россиян характерна личная безответственность, боязнь остаться наедине с самим собой и, обдумав проблему, сделать самостоятельный выбор. Понятие свободы вызывает недоверчиво-сомнительное отношение. Когда предлагают различные права и свободы, мы зачастую не знаем, что с ними делать и зачем они. Интимное отношение к верховной власти ведет к покорности и одновременно служит основанием от нее же, от власти, и увиливать, то есть безответственность к самому себе выливается и в безответственность по отношению к государству.

Отсюда отчасти становится понятной неразвитость гражданского сознания в российском обществе: она обусловлена отсутствием правовых гарантий любой не противоречащей закону частной активности (предпринимательской, политической и др.). Здесь складывается своего рода порочный круг: люди, как правило, не озабочены отстаиванием своих прав, поскольку не сформировались их гражданские интересы, но одновременно они не могут определиться в своих гражданских интересах, поскольку в аморфном состоянии находится та правовая среда, в рамках которой эти интересы и могут быть представлены, реализованы и законным образом защищены.

В. Г. Федотова, говоря о современном российском обществе, подчеркивает, что Россия представляет собой традиционное общество, которое частично модернизировано и в то же время частично разрушено. Модернизация требует жертв, а население не может быть готово на эти жертвы, ибо оно само есть жертва происходящих разрушений. Жизнь в традиционном и современном обществе требует самоуважения, ибо потерявшие самоуважение люди и народы не могут полагаться на собственные силы (Федотова, 1998. С. 15).

Естественно, возникает вопрос: насколько модернизация влияет на проблемы отношения к культурному наследию? Можно употребить формулу «Отношение к культурному наследию как показатель цивилизованности государства и общества». Возьмем только несколько аспектов того, как осуществляется этот тезис на практике государственной политики и культуроохранных организаций, являющихся, на наш взгляд, самыми актуальными. За последние 300 лет в России самые большие успехи в сфере охраны памятников были тогда, когда шло сочетание государственной формы охраны памятников в лице различных учреждений: Академии наук, Императорской археологической комиссии, Министерства культуры и т. д. и общественных организаций в виде исторических и археологических обществ, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и др. Лишь тогда, когда каждый из этих субъектов выполнял свою уставную задачу не на словах, а на деле, занимаясь охраной, изучением, реставрацией и популяризацией памятников, не подменяя все это борьбой за власть, интригами и демагогией, соединение деятельности государственных и общественных организаций, совместная работа, как образно говорят, «рука об руку» давала великолепные результаты в деле сохранения памятников истории и культуры. Однако даже в эти периоды достичь цивилизованного отношения к культурному наследию, что характерно сегодня для ряда стран Европы, Америки и Японии, не удавалось.

Ответом на извечный российский вопрос «Почему?» является то, что люди, население оторвано от проблем сохранения культурного наследия, не считает его «своим», не проникнуто духом цивилизованного отношения к наследию. Правда, в последние годы высокие слова о наследии произносятся часто, но когда доходит до практики сохранения наследия, они разбиваются о хозяйственную, практическую, политическую и иную необходимость! Понятно, что памятники

создаются по воле людей, благодаря их созидательной деятельности и не могут существовать без них. А вот ответ на вопрос, могут ли люди жить без памятников, является более сложным. Вроде бы не могут! Но тогда встает вопрос: «Кто разрушает памятники?», на что можно ответить риторически: «Время!» Однако ответ будет слишком общим и расплывчатым. Мы видим, что из такого теоретического спора вытекает много практических проблем, которые должны решать каждый на своем уровне: человек – личность – общество – государство и более конкретно – общественные организации, Министерство культуры, органы прокуратуры, высшие и средние учебные заведения, школы, муниципальные и иные государственные организации.

Более двадцати лет назад я опубликовал в республиканской печати статью «Всем миром», в которой основной идеей была выдвинута мысль, что сохранить культурное наследие ни государственные, ни общественные организации сами не могут. Это возможно только тогда, когда люди будут считать объекты культурного наследия своими, народ будет принимать в деле сохранения памятников активное участие, используя как хорошо зарекомендовавшие себя в практике, так и новые формы участия. При этом надо всегда помнить, что памятники легко ранимы!

В Татарстане идет постоянный поиск новых форм взаимодействия общества и государства в деле сохранения памятников истории и культуры, активное внедрение культурного наследия в контекст современной жизни. За последние 20 лет в республике удалось достичь значительных позитивных результатов в этом благородном деле. К ним можно отнести огромную работу по выявлению, обследованию и паспортизации объектов культурного наследия в районах и городах, подготовке и изданию Свода памятников истории и культуры Республики Татарстан, начало работы по подготовке Свода памятников истории и культуры татарского народа по регионам Российской Федерации. В результате этой работы издано несколько томов, включающих памятники археологии, истории, архитектуры и градостроительства, искусства, ансамбли, комплексы и достопримечательные места, в количественном отношении их более 7 тысяч. Это сыграло весьма важную роль. В 70-е годы XX века, когда я начинал работать в Министерстве культуры республики, число памятников насчитывало только чуть более 200. У широкой общественности укоренилось мнение, что памятники имеются в Казани, Булгарах и Свияжске, однако проведенная работа показала, что объекты культурного наследия имеются в каждом селе, районе и городе. Надо только их увидеть и дать экспертную оценку специалистов – археологов, архитекторов, музеологов, реставраторов, историков и искусствоведов. Выявленные более 7 тысяч памятников позволили памятники Булгар, Казанского кремля и Свияжска по их исторической и культурной ценности поднять до уровня объектов Всемирного культурного наследия.

Важным результатом этих лет стало формирование археологической, исторической, краеведческой, архитектурной, реставрационной, музеологической, культурологической и искусствоведческой школ, специалистов на базе высших учебных заведений – Казанского университета, Казанского университета культуры и искусств, Казанского архитектурно-строительного университета, академических институтов истории, языка, литературы и искусства, Татарского специального научно-реставрационного управления проектных институтов – «Татинвестгражданпроект», Национального музея РТ, Государственного музея изобразительных искусств РТ, музеев-заповедников. Образовался своего рода «кластер» специалистов, на основе которого стало возможно профессионально решать сложные вопросы сохранения культурного наследия. Координацию этой работы осуществляли созданное в 90-е годы XX века Главное управление государ-

ственного контроля охраны и использования памятников, Министерство культуры РТ, Управление по охране памятников Администрации г. Казани, которые стали своего рода механизмом осуществления и профессионального решения многих появляющихся вопросов.

Огромным прорывом в деле комплексного решения проблем охраны, реставрации и музеефикации объектов культурного наследия стало создание музеев-заповедников, по числу которых Татарстан занимает одно из первых мест в Российской Федерации. Это Булгарский (1969 г.), Елабужский (1990 г.), Билярский (1992 г.), Иске-Казанский (1992 г.), Казанский кремль (1994 г.), Ленино-Кокушкинский (2004 г.) и движение по созданию Свияжского музеев-заповедников. В настоящее время созрела необходимость создания таких заповедников, как Заказанский, Чистопольский (Джукетаусский), Чаллынский и ряда других.

Необходимо отметить и успехи в политике соблюдения баланса основных конфессий – ислама и православия – при передаче памятников культовой архитектуры, приватизации памятников истории и культуры, осуществлении крупных программ – 1000-летия гг. Казани и Елабуги, «Серебряная Дуга», развития туризма, создания фондов «Казанский кремль», «Возрождение памятников истории и культуры Татарстана».

Однако в условиях модернизации проблем в сфере сохранения культурного наследия не убавляется. Одной из самых сложных проблем является вопрос соотношения старого и нового, сохранения исторического своеобразия городской среды. В Татарстане 13 исторических городов. Есть определенные успехи в реставрации памятников Казани, Елабуги, Менделеевска, Бугульмы. К сожалению, когда во главу угла ставится только требование нового строительства городов, проблема выявления взаимосвязи памятников между собой и с городской исторической средой, регенерация и мудрое обновление предстают как вторичная задача. Эта ситуация обостряется в условиях, когда главными становятся экономические факторы. В республике осуществлена программа «Ликвидация ветхого жилья». Хорошая программа, особенно по социальным результатам. Но в силу того, что в Казани механизм передачи выселенных домов новым хозяевам, новым структурам не был задействован в полном объеме, это привело к утрате значительного ряда объектов культурного наследия и городской среды. К сожалению, эта инерция продолжает действовать, поэтому многие здания исторической части Казани, в том числе и памятники, горят в результате пожаров, рушатся или им «помогают» в этом разрушительном процессе.

Необходимо отказаться от девиза современной политики в сфере градостроительства, который начинает преобладать при реконструкции исторического центра Казани: «Лучше дешево сделанное новое, нежели хорошо (и, соответственно, дороже) отреставрированное старое». Если так рассуждать, то от тысячелетней Казани останется только Казанский кремль и несколько отреставрированных культовых памятников – церквей, монастырей и мечетей. Эта тенденция в истории и архитектуре Казани действует давно, поэтому от сохранившейся гражданской архитектуры XVII века мы имеем только Дом Дряблова, и тот находится в ненадлежащем техническом состоянии. Поэтому муниципальным органам Казани надо стратегически определиться с тем набором зданий, притом не единичных, которые могут представить этапы развития истории и архитектуры столицы Татарстана.

Наиболее перспективным методом, эффективным для реализации государственной политики в области градостроительства, развития культуры и историко-культурного наследия, является комплексная регенерация наследия, рассчитанная на приведение в действие всего градострои-

тельного, историко-культурного и духовного потенциала города и республики. При этом в активную часть включаются все исторические и культурные ценности, в первую очередь недвижимые памятники и историческая среда, методически правильно выбранное сочетание реставрации, элементов реконструкции и нового строительства, движимые ценности, находящиеся в музеях, библиотеках, у коллекционеров и собирателей, а также традиции и весь сложившийся уклад жизни местного населения. Многие страны Западной Европы и Прибалтики давно уже прошли по этому пути, и городская среда, объекты культурного наследия и само население от этого только выиграло.

Понимая важность этого вопроса в республике, институтом «Татинвестгражданпроект» разработана «Схема территориального планирования Республики Татарстан», в составе которой имеется значительный раздел «Сохранение и использование историко-культурного потенциала республики и мероприятия по его развитию». Этот документ ставит задачу формирования историко-культурного каркаса для устойчивого развития территории республики с активным включением в реальное функционирование историко-культурного потенциала. Однако для его реализации необходимо подготовить и утвердить Комплексную программу сохранения, реставрации и регенерации объектов культурного и градостроительного наследия, сохранения своеобразия исторических населенных пунктов Татарстана «Наследие в генезисе». Собственно она уже начала реализовываться в республике созданием Фонда возрождения памятников истории и культуры Татарстана и проведением большого объема работ в Булгарах и Свияжске, которое осуществляется под патронажем первого президента Татарстана М. Ш. Шаймиева и при активной поддержке руководства Татарстана и Российской Федерации.

В этой связи особенно актуальны эти проблемы в Казани, обладающей значительным историко-культурным наследием. Проекты реконструкции Старо-Татарской слободы Казани, левого берега реки Волги вдоль Казани и в целом реконструкции исторического центра города – высокая ответственная задача, поскольку эти огромные мероприятия и проекты должны вписаться в концепцию архитектурной застройки исторической части Казани, при этом являясь инновационным проектом. По сути, эти проекты приобретают общегражданский, мировоззренческий характер и налагают высокую ответственность на архитектора-градостроителя, руководителей столицы Татарстана, определяющих судьбу города на многие десятилетия.

Весьма сложной проблемой является сохранение археологического наследия. Из более 7 700 выявленных и обследованных разных типов памятников около 5 000 занимает археологическое наследие – стоянки, курганы, могильники, селища и древние города. Так, по истории татарского народа мы можем узнать по более чем 170 городищам и 800 селищам, относящимся к истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Они расположены, кроме Татарстана, на территории Чувашии, Самарской, Ульяновской, Пензенской областей. Только водохранилищем Куйбышевской ГЭС уничтожено более 700 археологических памятников всех эпох. Береговая линия водохранилища до сих пор не сформировалась, и рукотворное море за год отодвигает край берега до 10 метров, поэтому разрушение и уничтожение памятников продолжается. Понятно, что охранные работы на археологических памятниках в этой зоне осуществляются, но темпы разрушения значительно опережают исследовательские работы. В результате мы теряем ценнейшую информацию об истории нашего края. На решение этого вопроса направлено и принятое Академией наук Татарстана постановление о создании Института археологии.

Понятно, что в одной статье не осветить всех проблем в сфере сохранения и возрождения объектов культурного наследия Татарстана. Но в них, как в капле, отражаются общие закономерности этих процессов в Российской Федерации. Все зависит от конкретных людей, их умения, профессионализма или, как сейчас модно говорить, человеческого капитала. Особо необходимо выделить подготовку кадров, развитие реставрационной, музеологической, архитектурной и археологической школ, зрелости гражданского общества и политической воли руководителей Татарстана. Одним словом – возродить памятники истории и культуры Татарстана мы можем только всем миром!

ЛИТЕРАТУРА

Межуев В. М. О национальной идее // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 10–14.

Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в России // Вопросы философии. – 1996. – № 10. – С. 19–31.

Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.

Федотова В. Г. Анархия и порядок в контексте коммунистического развития // Вопросы философии. – 1998. – № 5. – С. 3–20.

Федотова В. Г. Типология модернизаций и способы их изучения // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3–27.

Д. К. ВАЛЕЕВА

Россия, Казань, ИЯЛИ АН РТ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ИСКУССТВА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР (НА ПРИМЕРЕ ЮВЕЛИРНОГО РЕМЕСЛА)

Каждый народ вносит свой вклад в мировое искусство. Всю историю его развития невозможно представить от кажущихся менее важными культур многочисленных племен и народов, населяющих Землю с древнейших времен. Современному человеку необходима целостная картина истории искусства на разных этапах его развития, необходимо общее представление о путях становления художественной культуры человечества на том или ином этапе.

В связи с этим немалый научный и искусствоведческий интерес представляет и культура волжских булгар, которая является частью средневекового искусства и может быть подразделена на три основных периода.

Первый, раннебулгарский, этап охватывает VIII – начало X вв. Искусство в этот период в большей степени, чем в последующие эпохи, развивалось в общем русле языческого искусства, характерного для народов Восточной Европы, Сибири и Алтая.

Второй, домонгольский, этап охватывает время с начала X века по начало XIII столетия. Это века расцвета всего государства и культуры, и в частности искусства. Как раз в этот отрезок истории в булгарском искусстве наиболее ярко сказались местные особенности, которые оставались более близкими к языческой культуре, несмотря на принятие ислама.

Третий, позднебулгарский, период относится к началу XIII – середине XV вв. Завоевание государства монголами и возникновение Казанского ханства – вот границы этого этапа, в котором булгарское искусство продолжает развиваться уже в новом качестве, общем с мусульманской культурой Золотой Орды.

В первых десятилетиях X века на пространствах Евразии господствовало языческое мировоззрение, позволявшее в каждом явлении, в каждом предмете видеть проявление божественных сил. Но постепенно уже наступало и время монотеистических религий.

Важно отметить, что большой археологический материал, часть которого со всей строгостью эстетических критериев можно отнести к произведениям искусства, позволяет смотреть на искусство булгар первого этапа как на своего рода завершение богатой языческой культуры народов, населявших земли Евразии. Примерно один и тот же круг сюжетов, мотивов, орнаментов булгарского искусства и искусства финно-угорских, пермских племен и племен Сибири и Алтая говорит о своеобразном, но в какой-то мере сходном духовном мире разных народов, едином в их представлениях о мироздании, в их быте, отношении к природе. Изучение культуры этого языческого этапа имеет не меньшее значение, чем изучение материальной и художественной культуры народов, развивавшихся в русле монотеистических религий, будь то христианство, ислам или буддизм. Без булгарского искусства и искусства сопредельных племен история средневековой культуры будет неполной, ибо эпоха языческая, существовавшая при начавшемся развитии феодализма в Восточной Европе, столь же уникальна в истории человечества, как и любая другая, оставившая более яркие следы.

Языческое искусство – искусство знаковое, символическое. То или иное изображение на предметах древние художники делали не только ради красоты или мистического чувства преклонения перед своими богами. Рисунки, линии, орнаменты были еще, возможно, и своеобразным письмом, информацией, передаваемой друг другу. Очевидно, чем древнее искусство, тем оно выглядит более обобщенным, более абстрактным, чем искусство поздних времен.

На территории Волжской Булгарии археологами обнаружены и изучены могильники: Больше-Тарханский, Танкеевский, Больше-Тиганский, Тетюшский. Найденный в них, а также на селищах X–XI вв. материал, относящийся к художественному металлу, позволяет говорить о своеобразном искусстве ранних булгар.

Предметы древнего ювелирного искусства, орнаментальные знаки на них были близки, вероятно, по своему значению к заклинаниям и заговорам. Недаром именно многие ювелирные украшения в течение ряда веков служили оберегами и амулетами.

В Танкеевском и Больше-Тарханском могильниках привлекает внимание обилие предметов из металла, служивших украшениями одежды булгар. В основном это мелкие вещи, сделанные из серебра, иногда из бронзы. Это серьги, представляющие собой просто кольца или кольца с подвесками, так называемыми грузиками и с доскообразными выступами, идущими еще от саетовских времен. Подобный тип серег встречается по всему региону Восточной Европы от Балкан до Прикамья. Очень долго была неизменна форма этих овальных серег, которые для средневековой языческой Евразии означают почти то же самое, что кружковой орнамент в искусстве народов чуть не всего древнего мира. Круглые замкнутые и незамкнутые височные кольца, овальные или расширяющиеся в нижней части, просты по форме, но по-своему изящны. Постоянно имея в виду языческий взгляд ранних булгар на мир, одухотворяющий все вокруг, и в этих простейших овальных формах украшений угадывается символ, возможно, заложенный в них. Круглыми были божества древних язычников: солнце, луна, вообще, замкнутый круг имел волшебный смысл, ограждающий человека от злых сил. Но встречались и более усложненные формы височных колец и подвесок. Нередко были трапециевидные и арочные с висящими в несколько рядов круглыми бусинками-цепочками, которые оканчивались бубенчиками или гусиными лапками. Эти украшения связаны с миром финно-угров.

Украшение «кольцо с бусинкой» совершенствовалось. В более поздние времена – в X–XI вв. – чаще стали встречаться кольца с тремя бусинками, что говорило, должно быть, о единстве трех миров: небесного, земного и подземного. Этим символизмом мышления отличена вся культура языческой эпохи во многих регионах Земли, что подтверждает мысль о глобальности данного явления.

Во время расцвета Волжской Булгарии, в домонгольский период X–XIII вв., ювелирное искусство становится наиболее классическим, с одной стороны, приближаясь по формам и семантике к ювелирным украшениям ряда восточных царств: Средней Азии, Ирана, Кавказа; с другой – имея аналоги с украшениями Древней Руси, Дунайской Булгарии, Моравии, говорит о близости к искусству Запада. Связь с Западом прежде всего видна в трехбусинных украшениях.

Если в раннебулгарский период в ювелирных изделиях преобладали растительно-астральные и геометрические мотивы, то в домонгольское время наряду с вышеназванными имеют место зооморфные сюжеты. Контуры и пластика фигур птиц или их отдельных частей преобладают на бронзовых накладках, матрицах, щитках перстней, шумящих подвесках. В заметном количестве

встречаются изображения коней, лосей, хищных животных. К выделяющему булгарское ремесло в металле относятся характерные бронзовые замки в виде собак, барсов или лошадей, браслеты в виде змей.

Знаменательно, что средневековое развитие искусства в разных, даже отдаленных друг от друга землях шло нередко сходным образом в силу относительного единства экономических феодальных отношений. В чертах сходства проступают влияние, но прежде всего общность, похожесть быта различных народов, общность их представлений о мире.

Изучение искусства даже какого-то одного этноса способствует пониманию процессов развития искусства целого региона, так как творчество, культура того или иного народа является необходимым звеном в цепи развития всего искусства.

Золотоордынский период в ювелирном искусстве булгар – новый этап его развития, отличный от раннебулгарского в целом, – становится культурой ислама, что в корне меняет ее форму и содержание. Прежде всего это проявляется в ювелирном искусстве. Многочисленные и разнообразные изделия из цветных и драгоценных металлов еще более подчеркивают высокий уровень развития художественно-ремесленного производства. Металлическая (бронзовая и серебряная) посуда, ювелирные украшения (серебряные и золотые) представляют большую художественную ценность, являясь подлинными произведениями искусства. Золотоордынское и булгарское искусство XIII–XIV веков – это единая культура, отличаются они друг от друга лишь некоторыми особенностями.

Художественный металл золотоордынских булгар говорит о самостоятельности его развития и состояния. В этот период соединились прежние булгарские традиции – например, в изготовлении шумящих подвесок, замков – и новые навыки в технологии, формах, сюжетах, орнаментах, усвоенные в процессе объединения, культурного обмена со многими восточными народами, входившими в состав Золотой Орды. Композиция височного кольца с тремя бусинами составлялась из двух тисненых половинок, украшенных тонким поясом скани или зерни. Правда, в отличие от домонгольских на височных кольцах уже редки фигурки птиц, и на них нет шумящих подвесок. В этом случае очевиден пример более упрощенного изображения изделия, уже не связанного с языческим миром.

Серьги тоже имеют древние простые формы и в виде колец, и в виде знака вопроса. Несмотря на простоту формы, сделанные из серебра или золота, они смотрятся изящно и изысканно, особенно те из них, на которые нанизаны крохотные жемчужины.

Среди украшений найдены и золотые бусины – желудеобразные и рифленые. Возможно, они являлись фрагментами височных колец или ожерелий. Богато выглядят серебряные браслеты, изготовленные в разной технике. Есть проволочные (круглые, витые и ажурные), а также плоские, пластинчатые. Все они несомкнутые, часть – с закругленными концами, часть – с прямоугольными. Украшением витых, проволочных браслетов служило само переплетение нескольких рядов проволоки, придававшее изделию ажурность, легкость. Пластинчатые же браслеты, как правило, украшались гравированными изображениями львиных морд (мотив, пришедший с Кавказа, Ирана), цветочно-растительных узоров и комбинаций простых геометрических линий и бордюров. Реже, чем гравированные, встречаются браслеты, украшенные вставками из стекла или сердолика.

Еще с домонгольских времен в искусстве булгар были распространены своеобразные ювелирные изделия – коранницы, амулетницы или коробочки для ношения молитвенных текстов. В

золотоордынское время они также имели большое хождение в высшем обществе. Одна из таких коранниц, созданная в XIV в., находится в собрании Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Это довольно крупный экземпляр, сработанный из серебра с позолотой с использованием техники чеканки и зерни, с цепочкой для ношения на шее. Поверхность самой коробочки украшена богатым растительно-геометрическим орнаментом, переходящим в арабесковый узор. Стилизованные растительные побеги и листья, линии и формы геометрических фигур плотно заполняют поверхность коранницы. Это изделие – яркий и чистый пример мусульманского искусства.

К концу XIII – началу XIV вв. богатые орнаментальные мотивы золотоордынской торевтики имели аналогии и в искусстве Ближнего Востока – Ирана, Сирии, и в искусстве Западной Европы – Византии, Италии.

Но все аналогии, постоянно встречающиеся в древнем и средневековом искусстве какого-либо государства, как, например, в золотоордынской Волжской Булгарии, вовсе не означают, что ее искусство свои мотивы, формы только брало то из одной страны, то из другой. Во всех так называемых заимствованиях огромную роль играет мастерство автора. Этот процесс правильнее было бы назвать сотворчеством или накоплением опыта, развитием традиций. Истинный мастер, художник вбирает в свое искусство традиции предшествующих творцов, изучая их произведения. Ему нравятся какие-то отдельные мотивы, формы, технические приемы, композиции, и он ими пользуется, что-то перерабатывая, во что-то вплетая уже прежние, известные ранее, но неизменно что-то изменяя. Так возникают новые традиции, новые орнаменты, их новые сочетания и композиции.

Очевидно, что изделия из металла, создававшиеся в Булгарии в золотоордынское время, характеризовались, с одной стороны, разнообразием форм и мотивов орнаментов, с другой – серийностью производства многих видов изделий, что говорит о дифференциации труда ювелиров и о существовании у представителей каждой профессии своих ремесленных мастерских.

Таким образом, можно сказать, что булгарское искусство, рассмотренное в данной статье лишь на примере одного своего жанра – ювелирного, является убедительным примером высокоразвитого средневекового искусства Евразии, отразившим в себе процесс перехода булгар от язычества к исламу, и представшим достойной частью и общезначимым художественным явлением мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРП

Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1975.

Валеева Д. К. Искусство волжских булгар X – начала XIII вв. – Казань, 1983.

Валеева Д. К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды. – Казань, 2003.

Веймарн Б. В. Классическое искусство стран ислама. – М., 2002.

Казаков Е. П. Волжские булгары, угры и финны IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

Крамаровский М. Г., Федорова Н. В. Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Каталог временной выставки. Государственный Эрмитаж. – Л., 1991.

Крамаровский М. Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. – СПб., 2001.

Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. – М., 1977.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ Низовой Камы IX–XIV вв. – Казань, 2001.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия искизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань, 2001.

Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: поселения и материальная культура. – Казань, 2007.

Смирнов А. П. Волжские булгары // ГИМ. – Вып. 19. – М., 1951.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М., 1984.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976.

Халиков А. Х. Основные этапы истории и археологии ранних булгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние булгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.

Хузин Ф. Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария. – Казань, 2007.

Д. К. ВАЛЕЕВА

Россия, Казань, ИЯЛИ АН РТ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЗЬБА В АРХИТЕКТУРЕ И ЭПИГРАФИКЕ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ БУЛГАР

Восток во все времена воспринимался как источник изысканности, тонкости, тайны, особой одухотворенности, художественного вкуса. Золотоордынское искусство вообще и булгарское искусство того же времени в частности не было исключением.

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII–XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, особая изысканность этого искусства. Архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством: сливаются воедино язык архитектуры, каллиграфии и орнамента, как бы струясь и перетекая друг в друга.

Правда, в Булгаре эти черты восточного искусства проявляются не так ярко и не так впечатляюще. Например, в оформлении Малого минарета: сам минарет как архитектурное сооружение нельзя назвать пышным и необычным. Напротив, очертания его предельно строги и просты. Но ниша на наружной стене минарета обрамлена великолепной и выразительной узорной резьбой, в которой проступает вся изысканность и неповторимость восточного орнамента, в соединении в нем растительных и геометрических мотивов, медальонов, украшенных восьмилепестковыми сложными розетками.

Таким образом, золотоордынское искусство достигает высокого уровня в понимании, воплощении декоративности как особой художественной формы, придающей образу большую эмоциональную выразительность. Орнамент в восточном (и в золотоордынском, и в булгарском) искусстве настолько значим, настолько символичен, что именно посредством орнамента передается созерцающему произведение искусства человеку тот предмет, то иносказание, которые находятся за пределами изображения.

Если в домонгольское время в булгарском искусстве смысловую функцию несли образы различных животных и птиц, изображения цветов, листьев или отдельных геометрических линий и фигур, то в золотоордынскую эпоху содержание, смысл, идея произведения (или архитектурного сооружения в совокупности с декоративным оформлением) доводятся до зрителя через многократно усложненный узор орнамента, который уже трудно назвать только геометрическим или только растительным – настолько он усложнен технически и углублен, зашифрован стилистически и «идейно».

Но обратимся конкретно к видам и жанрам булгарского золотоордынского искусства. Об архитектуре г. Болгара написано подробно и много (Смирнов, 1951; Башкиров, 1929; Валеев, 1976; Червонная, 1987). В этих исследованиях профессионально проведен анализ сохранившихся золотоордынских сооружений и их развалин: Соборной мечети, Белой и Черной палат, Малого минарета, Ханской усыпальницы, Восточного тюрбе и т. д. В целом в них подчеркнуты и оригинальность архитектурных форм и их декора, и связь их с архитектурой Востока – Средней Азии, Азербайджана и т. д. Архитектуре золотоордынского Булгара дается высокая оценка как памятникам мусульманского Средневековья.

Но необходимо коснуться отдельных моментов, относящихся к художественному облику, композициям, орнаментальному декору булгарской архитектуры, которые представляют жанр резьбы по камню.

Традиции искусства резьбы по камню очень древние и распространены по всему миру. В каждой стране, каждой части Земли они разные. Искусство резьбы по камню у волжских булгар золотоордынского времени восходит, с одной стороны, к традициям степных кочевников (кипчаков), ставивших каменные изваяния в бескрайних степях в память об умерших (Хакимзянов, 1987. С. 7), с другой – это искусство как бы питается и традициями среднеазиатской каменной резьбы, проявившейся в богатейших архитектурных декорах восточных дворцов, мавзолеев и медресе.

Когда речь идет об орнаментальных декорах Малого минарета, Соборной мечети, Черной палаты, то здесь, очевидно, мы можем говорить о среднеазиатских, хорезмийских традициях монументально-декоративного искусства. Культура булгар была тесно связана с культурой Хорезма, особенно его столицы Ургенча. По словам Ибн Баттуты, это был «самый большой из тюркских (имеется в виду восточных. – Д. В.) городов, самый значительный и красивый, у него красивые базары и широкие улицы, и многочисленные постройки» (Искусство, 1974. С. 323). Роскошная архитектура украшала этот город, как и другие города золотоордынского Средневековья. Широкие и узкие полосы по краям арок, порталов были сплошь украшены узорами; сталактиты, заполняющие портальные ниши и паруса, тоже были покрыты богатым орнаментом. В орнаментах, несмотря на их сложность, преобладали растительные мотивы с цветами, листьями, побегами; в них искусно «вплетались» орнаменты каллиграфии, чаще всего исполненные почерком «дивани».

Художественные поиски в XIII–XIV вв., как и в домонгольское время, велись более всего в области декоративной орнаментики. Здесь важно подчеркнуть, что если раньше в декоре был важен «гирих» с подчинением ему всех видов орнаментов, то в этот период преобладают растительные и геометрические мотивы. В каллиграфических надписях преобладал стиль вычурного «дивани». Также для архитектурного декора Хорезма характерно образование из вычурных цветочных сплетений «узлов счастья», среди которых размещаются медальоны.

Вся эта роскошь восточного орнамента проступает и в архитектурном декоре булгарских сооружений, но в более спокойном, не буйном, более «собранном» качестве. В декоре Малого минарета сохранились также отдельные каменные блоки обрамления северной портальной арки, надпортальная плита и портальная розетка северного фасада, оконное обрамление западной стены Соборной мечети.

Каждый из этих фрагментов заслуживает особого внимания, ибо их можно рассматривать как произведения искусства, как отдельные панно. Плита, располагавшаяся над портальной аркой, украшена композицией, составленной из каллиграфии и цветочного орнамента (техника высокого рельефа). Фрагмент слова, представленного почерком «насх», приблизительно читается: «Аль гарабль рахманль васс...», что может означать начальные слова одной из сур Корана. Эти слова как бы утопают в цветах, которые плавными, перетекающими узорами, овалами, спиралями возникают с разных концов и сторон этого текста, и почти трудно отличить, обозначить, где буквы, а где узоры, настолько они представляют собой единую орнаментальную композицию. Сопровождающий композицию узор спирали как бы символизирует бесконечность и повторяемость жизни.

Фрагмент блока обрамления портальной арки слишком мал, и на нем мы видим лишь обозначение обрамляющего орнамента, который состоит из двух видов: сложного переплетенного из трех составляющих волнистого орнамента и еще более сложного, зооморфно-геометрического орнамента, в котором можно «прочитать» или увидеть «узлы счастья» и стилизованные образы длинношеих птиц. Нет сомнения, что, когда композиция орнамента, украшавшего арку, была полной и целой, она производила большое эстетическое впечатление.

Орнамент, заполнивший портальную розетку, насыщен и плотен. На поверхности розетки почти нет свободного пространства. Здесь сложное сочетание всех трех видов орнамента – зооморфного, растительного и геометрического. В зооморфной части орнамента проступает стилизованный силуэт птицы с раскрытыми крыльями, в растительной – узоры трилистника, двулистника, тюльпана и бутонов, в геометрической – круга, четырехугольника. Все вместе – это композиция, состоящая из плавных, ритмичных, симметричных узоров, рождает ощущение, производит впечатление гармонии и покоя (Валеев, 1976. С. 144, 147, 148. рис. 60).

Черная палата – одно из зданий золотоордынского Булгара, сохранившееся до наших дней. Оно построено из туфа и известняка. С внешней стороны каких-либо орнаментов и украшений не сохранилось. Интерьер, состоящий из нескольких ярусов, разделяющих высокий купольный зал 2-го этажа, очень эффектен, хотя он и не отличается пышностью убранства, богатством орнаментальных узоров. Напротив, архитектурно-декоративное решение интерьера удивляет своей предельной сдержанностью. Здесь мы видим всего лишь тюльпанообразные в виде лепестков завершения капителей колонок; фестончатые круглые розетки из восьми лепестков и шестиконечные звезды с двух сторон над арками каждого из окон и входной двери.

Все фигуры украшений сделаны в виде крупного рельефа, что усиливает впечатление монументальности. Строгость и простота архитектурного декора Черной палаты приближает ее к некоторым памятникам конца XIII – начала XIV вв., продолжавшим традиции домонгольского времени и тоже не отличавшимся пышностью убранства.

Одновременно в XIII–XIV вв. существовало и другое искусство каменной резьбы, истоки которого находились в древних степных скульптурах кипчаков и других тюркских племен, сооружавших их в память о своих умерших предках или родичах. Об этих удивительных скульптурах тоже написано немало. Некоторые из этих исследований указаны в примечаниях (Кызласов Л., 1955; 1964; Плетнева, 1958; 1967; Фёдоров-Давыдов, 1976).

История возникновения монументальных скульптур степей Евразии уходит в глубокую древность времен до нашей эры. Не останавливаясь на них, пропуская тысячелетия, обратимся немного лишь к скульптурам тюрков, обитавших в евразийских степях в XIII–XIV вв.

Долгое время скульптуры в степях считали надгробиями (Кызласов Л., 1964. С. 31), но оказалось, что они ставились отдельно от погребений. Было мнение и о том, что скульптуры эти – изображения побежденных врагов (Грач, 1961. С. 80). Однако данная точка зрения не отражала истину, ибо и письменные источники, и сообщения современников, и раскопки говорили о том, что эти статуи, скульптуры изображали усопших воинов, представителей того племени, в честь которых они устанавливались.

«Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклоняются ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который

заведет туда свое стадо, опускает перед ней овец». Так запечатлел в начале XIII в. поклонение кипчаков своим статуям великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами в своем бессмертном «Искандер-намэ» (Фёдоров-Давыдов, 1976. С. 92).

Несомненно, в возведении этих скульптур сказался культ предков языческих племен. Но, подчеркивают почти все исследователи, скульптуры ставились не в память конкретного, недавно умершего вождя, а «героизированного и мифического родоначальника». Поэтому эти изваяния кипчаки воспринимают уже как изображение божества (Фёдоров-Давыдов, 1976. С. 91–95).

Но в данном контексте важна не столько семантика «каменных баб», древних скульптур, сколько их художественные особенности. Опять же, не стремясь к общему и всестороннему анализу скульптур, отметим лишь некоторые их свойства.

Как правило, скульптуры высекались из огромного, цельного монолита, чаще всего известняка. Вполне реалистично изображены одежда, украшения, обувь. Скульптуры статичны, спокойны, взгляд их устремлен в вечность. Интересно, что к XIV в. статуи становятся более обобщенными, менее объемными, все более приближающимися к плоской стеле... Поэтому некоторые из них можно рассматривать как переходные к каменным могильным надгробиям. И Г. А. Фёдоров-Давыдов в своей книге пишет, что иногда «в силу каких-либо причин объемную стелу заменяли плитой с нарисованным покойником» (Фёдоров-Давыдов, 1976. С. 102).

В мусульманском мире плиты остались, а нарисованные «портреты» умерших были заменены на письменное сообщение сведений об умершем – кто и когда. Так, очевидно, появились и первые булгарские каменные надгробия, каллиграфию и орнамент которых можно рассматривать как искусство резьбы по камню. И это является тем жанром, который в булгарское золотоордынское искусство пришел из степей, т. е. степные, кочевнические черты отразились в зрелом золотоордынском искусстве.

Булгарские надгробия с исторической и лингвистической стороны подробно изучены казанскими учеными Г. В. Юсуповым, Ф. С. Хакимзяновым, Д. Г. Мухаметшиным (Юсупов, 1960; Хакимзянов, 1978; 1987; Мухаметшин, 1981). Интересный и убедительный искусствоведческий анализ им дан С. М. Червонной и в определенной степени Ф. Х. Валеевым (Червонная, 1987; Валеев, 1976).

Ф. С. Хакимзянов связывает как раз появление надмогильных плит у булгар с кочевыми степными традициями. Он приводит древние лингвистические названия этих памятников: «сынташ» («каменная баба»), «ташбилге» («каменный знак»), «тораташ» («каменное изваяние», буквально – «стоящий камень») (Хакимзянов, 1987. С. 16). И это вместе с письменными сообщениями, самими памятниками являет несомненное доказательство преемственности степной, кочевнической и городской золотоордынской культур.

Хотя традиции резьбы по камню в архитектурном декоре сооружений и резьбы по камню надмогильных памятников различны, но они взаимосвязаны и той или иной чертой своих композиций или орнаментов свидетельствуют о единстве сути их жанра.

В чем же состоят художественные особенности булгарских эпиграфических памятников?

Ф. С. Хакимзянов справедливо замечает, что искусство резьбы по камню в Волжской Булгарии возникло задолго до золотоордынского периода (Хакимзянов, 1987. С. 17–18). А в XIII–XIV вв., когда каменное зодчество достигло больших художественных высот, когда эпиграфические памятники имели в стране самое широкое распространение, уже речь может идти о булгарской

школе резьбы по камню (Хакимзянов, 1987. С. 17–18). Ибо то мастерство, с каким украшались орнаментами культовые и общественные здания в Волжской Булгарии и отличались исключительно мастерским исполнением (орнаменты, каллиграфия) каменные надгробия, возможно только при наличии школы с уже сложившимися традициями.

В настоящее время древние золотоордынские булгарские надгробия находятся в разрозненном состоянии. Их находили в разные годы по всей земле Татарстана. И только ученые собрали их воедино на страницах своих исследований. О степени их изученности историками, археологами и частично искусствоведами уже было сказано выше.

Но, думается, о надгробиях как произведениях искусства резьбы по камню есть что говорить и в дальнейшем.

Прежде всего обращают на себя внимание их формы: прямоугольные стелы, иногда чуть скошенные, суженные книзу, чуть закругленные сверху. Очевидно, что эти формы памятников прошли длинный эволюционный путь от каменных баб половецких (кипчакских) степей – реалистических изображений человеческих фигур с лицом, руками, ногами, элементами одежды и украшений – до абстрактного символического прямоугольного надгробия, каменной плиты, в котором основными смысловыми определяющими центрами стали каллиграфия и орнамент.

Каковы художественные особенности памятников и какие орнаменты присущи им?

Для более четкого ответа на эти вопросы есть смысл рассмотреть эти надгробия по времени их установки (самый ранний из сохранившихся памятников – из Русско-Урматского селища, 1281 г.; самый поздний – из с. Большие Нырсы Сабинского района, 1399 г. и целый ряд без установленных дат)[1].

Каллиграфия, наиболее часто встречающаяся в композициях, – мелкий четкий врезанный или рельефный куфи, рельефный сульс и врезанный насх.

Каждый почерк имеет свои достоинства, особенности. Куфи – почерк более распространенный, более легко читаемый, более геометрический. Буквы имеют более резкие начертания, углы. На большинстве памятников текст написан именно способом куфи – врезанным или рельефным. Сульс – почерк, более сложный для чтения, он красивее по очертаниям, буквы более округленные, плавные, больше напоминающие побеги и бутоны. Насх – почерк также распространенный, с легкой игрою линий, где в буквах сочетается геометрическая резкость углов и плавность округлых линий.

Памятники первой половины XIV в. я назвала бы более классическими, ибо в них, если рассматривать их как произведения искусства, сохраняется четкость, строгость почерков, ровность строк, следующих друг за другом, симметричное расположение композиции текста на поверхности камня. Иногда, как, например, в памятнике у с. Старое Ромашкино Чистопольского района, начертаниям строгих куфических букв придается некоторая мягкость на их концах, они оканчиваются как бы цветочными бутонами или листьями – и это делает надпись более художественной, более открытой. Поверхность камня с красивой орнаментацией и все надгробие в целом смотрятся как произведение искусства.

На поверхностях памятников первой половины XIV в., кроме этих особенностей, можно заметить частое изображение «михрабов», и тексты оказываются написанными как бы внутри них,

[1] Разделение памятников по датам проводится по книгам Ф. С. Хакимзянова (1978 и 1987), хотя мною рассмотрено большинство этих надгробий, находящихся в Булгарском гос. ист.-арх. заповеднике, а также в музеях Казани и Чистополя.

обрамленные мягким овалом, иногда заостренным слегка сводом вершины «михрабов». Это создает своеобразную раму для текста, который благодаря ей становится более выразительным и более значимым.

И, конечно, особое значение, особая роль в начертанных знаках на камнях принадлежит орнаментам. Наиболее часто встречающееся изображение – цветок ромашки, восьми- или шестилепестковый. Иногда этот цветок заключается в круг, и он напоминает уже солнце (каким его изображают дети в своих рисунках). Но для нас неважно, цветок это или солнце. Для нас это знак света, чистоты, вечности. Возможно, в булгарском, золотоордынском искусстве изображения солнца или цветка были символами очищения душ после смерти и устремления их к вечности и свету рая. И для нас важно, что стремление к красоте, к искусству не оставляло булгар, даже когда они украшали последнее пристанище человека, и кем бы, каким бы он ни был в жизни – в смерти он как бы очищался от всех грехов, был прощен, становился достойным света солнца и чистоты цветка...

Еще одним украшением некоторых надгробий является прекрасный орнамент, как бы перешедший на них из ювелирных изделий домонгольского времени. Это классический болгарский орнамент, состоящий из волнистого побега и трилистников, стелющихся в овалах побега, повторяя их округлости.

Соединив вместе «рамы» михрабов, изображения орнаментов, солнца и цветка, четкий, выразительный каллиграфический почерк, составляющий композиции булгарских надгробий 1-й половины XIV в., следует отметить высокий художественный уровень искусства резьбы по камню в золотоордынской Булгарии. Примером может служить великолепный памятник 1324 г. из с. Ямбухтино близ Булгар, по форме сам напоминающий арку михраба, на котором текст написан рельефным полукуфическим почерком, а под аркой изображена четкорельефная восьмилепестковая розетка.

Надгробия 2-й половины XIV в. несколько отличаются по художественным особенностям от выполненных в 1-й половине. Все это объясняется изменениями исторической обстановки страны в целом. 2-я половина XIV в. – «смутное» время для всей огромной Золотой Орды. После спокойного, «блестящего» (Брокгауз, Ефрон, 1894. С. 634) правления хана Узбека (1312–1342) ханом становится Джанибек, который стремится продолжить традиции Узбек-хана. Но его убивает собственный сын Бердибек – и начинается время калейдоскопических смен правлений ханов, их вражды и междоусобиц. Это, естественно, ослабляет государство. А с другой стороны, крепнут русские княжества, в них как раз срабатывает тенденция к объединению. И в 1380 г. происходит Куликовская битва, русские князья разбивают войско Мамая... Так начинается время постепенного угасания и последующей гибели Золотой Орды.

На земле бывшей Волжской Булгарии в эти десятилетия также происходят важные перемены. В 1361 г. на Среднюю Волгу совершает поход Булат-Тимур. Воины окрепших русских княжеств – новгородцы, суздальцы – один за одним смелеют и делают дерзкие набеги на булгарские города. И это, разумеется, ослабляет их. Складывается неблагоприятная во всех отношениях обстановка для булгар (Фахрутдинов, 1984. С. 119–123), что вовсе не способствует развитию и расцвету культуры.

Если мы обратимся к эпиграфическим памятникам рассматриваемого времени, то видим, что их стилистика, художественные достоинства теряют свое совершенство и своеобразие. В кал-

лиграфии чаще встречается не «чистый» какой-либо почерк, а «полу-». Так, большинство надписей характеризуется учеными как «полукуфический» почерк, или даже как «неграмотный и некаллиграфический» (Хакимзянов, 1987. С. 142, 144, 146, 152 и т. д.).

В изображении орнаментов порой видна нечеткость, словно торопливость, даже небрежность, когда узоры орнаментов местами не заканчиваются, не делаются до конца, а узоры «солнца» или «ромашек» хотя и сохраняются, но тоже становятся далеко не художественными. Если в исполнении этих элементов композиций XIV в. вне сомнения была профессиональность исполнения, чувствовалось мастерство, школа, преемственность от одних мастеров к другим, то в сравнении с ними орнаменты 2-й половины XIV в. смотрятся часто произведениями самодеятельных и не всегда грамотных самоучек. Из изображения исчезает неповторимый аромат тайны, стремления проникнуть в нее... Надписи и узоры становятся как бы приземленными, какими-то обыденными, бытовыми.

Несколько слов о текстах, о содержании булгарских эпитафий. К сожалению, полные тексты почти не сохранились. Но то, что прочитали ученые (Фаизханов, 1863; Ашмарин, 1906; Корнилов, 1929; Дульский, 1929; Али-Рахим, 1930; Юсупов, 1960; Мухаметшин, 1976; Хакимзянов, 1978; Мухаметшин, Хакимзянов, 1987), дает возможность говорить о философском и литературном характере этих надписей. Ведь в них не только имя усопшего и дата его ухода из жизни, но и торжественные, возвышенные строки из Корана о вечности Аллаха, о его великой милости, о бренности жизни. А часто встречающееся изречение «Смерть – дверь, и все люди войдут в нее» как бы примиряет всех с неизбежным, призывает не отчаиваться и не сокрушаться безутешно, ибо жизнь и смерть – это две стороны одного явления, они постоянно перетекают одна в другую, и потому оставшиеся на земле должны приглушить страдания в своих сердцах. В этих немногословных эпитафиях столько мудрой, спокойной философии, а с другой стороны, это уже элемент поэзии, литературы, и от этих текстов не длинна нить до истинных литературных произведений средневекового Востока, самой золотоордынской поэзии Рабгузи, Кутба, Хорезми, Махмуда Булгари-Сараи, Сайфи Сараи и т. д. (Источники, 1981; Амирханов, 1993; Миннегулов, 1993).

Итак, искусство резьбы по камню в золотоордынской Булгарии проходит долгий, сложный путь развития: продолжая одновременно традиции камнерезного искусства, монументальной скульптуры кипчакских степей и традиции искусства восточных городов, оно, достигнув в 1-й половине XIV в. высот профессионального мастерства, во 2-й половине этого столетия приходит в упадок в связи с изменившейся политической обстановкой в Золотой Орде.

Но в истории, в жизни, в искусстве любое развитие и существование идет волнообразно – то подъемами, то спадами. И этот спад камнерезного искусства сменился в эпоху Казанского ханства его новым расцветом...

ЛИТЕРАТУРА

Али-Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века // ТОИТ. – Т. 1. – Казань, 1930.

Амирханов Р. М. Татарская социально-философская мысль средневековья. – Казань, 1993.

Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме // ИОАИЭ. – Казань, 1906. – Т. XXI. – Вып. 1.

Башкиров А. С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. – Казань, 1929.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – Т. XII. – 1894.

Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 1976.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. – М., 1961.

Дульский П. М. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI–XVII вв. // МОРРПТ. – Вып. 3. – Казань, 1929.

Искусство народов СССР. – Т. 3. – М., 1974. – С. 323.

История древней и средневековой татарской литературы / Под ред. Ш. Авилова. – Казань, 1981.

Корнилов П. Е. К орнаментике булгаро-татарского резного камня // МОРРПТ. – Вып. 3. – Казань, 1929.

Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – № 2.

Кызласов Л. Р. Таштыкские каменные изваяния с изображением людей // КСИИМК. – Вып. 60. – 1955.

Миннегулов Х. Ю. Татарская литература и восточная классика: Вопросы взаимодействия и поэтики. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1993.

Мухаметшин Д. Г. О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань, 1976.

Мухаметшин Д. Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья : К вопросу о локальных вариантах булгарских эпитафий // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981.

Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. – М., 1967.

Плетнева С. А. Печенеги, тюрки, половцы в южно-русских степях // МИА. – № 62. – М.–Л., 1958.

Смирнов А. П. Волжские булгары. – М., 1951.

Фаизханов Х. Три булгарских надгробных надписи // ИАО. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1863. – Т. IV. – Вып. 5.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М., 1984.

Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1976.

Хакимзянов Ф. С. Булгаро-татарская эпиграфика. – М., 1987. – С. 7.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М., 1987.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. – М., 1978.

Червонная С. М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. – М., 1987.

Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. – М.–Л., 1960.

В. А. ВИННИЧЕК, К. М. КИРЕЕВА

Россия, Пенза, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

ВЕСОВЫЕ ГИРЬКИ И ЮВЕЛИРНЫЕ МАТРИЦЫ С НИКОЛЬСКОГО СЕЛИЩА

В ходе археологических исследований 1999–2009 гг. на Никольском селище (XI–XIV вв.) были обнаружены материалы золотоордынского времени, среди которых выделяется группа находок, представляющих собой ювелирные матрицы, предназначенные для изготовления полых украшений или элементов одежды, и весовые гирьки.

Гирьки по форме дифференцируются на следующие типы:

Тип I (1 экз.). Восьмилепестковая розетка с 9 точками на верхней площадке (рис. 1, *11*).

Тип II (1 экз.). Цилиндр с заостренным верхом (рис. 1, *12*).

Тип III (1 экз.). Восьмигранная призма (рис. 1, *13*).

Тип IV (1 экз.) Биусеченноконическое пряслице с 15 «солярными» знаками (8 – на одной стороне и 7 – на другой) (рис. 1, *15*).

Гирьки аналогичных форм имеются в материалах Золотой Орды (Фёдоров-Давыдов, 1998. С. 53), в которой существовало несколько весовых систем. Каждой из них соответствовали различные по своим весовым характеристикам гирьки. В основном на золотоордынских разновесках кратность не указывалась, поэтому восстановить их теоретический вес сложно (Фёдоров-Давыдов, 1983. С. 52). Необходимо отметить, что гирьки пряслицевидной формы встречаются как на домонгольских, так и на золотоордынских верхнесурских поселениях (Винничек, 2000. С. 53–54; 55, рис. 1, *1,4*).

По весу гирьки с Никольского селища подразделяются на следующие группы (табл. 1):

Группа 1 (2 экз.). Вес ориентирован на мискаль в 4,68 г, который широко применялся в Золотой Орде для расчета чеканки серебряных монет (дирхемов) (Фёдоров-Давыдов, 1998. С. 52). К этой группе относятся тип I (табл. 1, *11*) массой в 9,36 г (2 мискаля по 4,68 г или 6 дирхемов по 1,56 г) и тип IV (табл. 1, *15*) массой в 23,39 г (5 мискалей по 4,68 г или 15 дирхемов по 1,56 г). Следует отметить, что на гирьке типа IV имеется 15 «солярных» знаков, которые, возможно, указывают на ее вес (15 дирхемов). Весовая норма чеканки дирхемов в 1,56 г была установлена в Золотой Орде ханом Джанибеком (Мухамадиев, 1983. С. 83). В материалах Булгарского городища имеются гирьки времени Золотой Орды, вес которых ориентирован на мискаль в 4,68 г (Валеев, 2007. С. 187).

Группа 2 (1 экз.). Вес ориентирован на дирхем в 1,52 г, который являлся нормой чеканки монет при хане Узбеке (Мухамадиев, 1983. С. 70–71). К этой группе относится тип III (табл. 1, *13*) массой 197,29 г, что соответствует весу 130 дирхемов по 1,52 г.

Свинцово-оловянная гирька (табл. 1, *12*) в форме цилиндра с заостренным верхом имеет массу 4,29 г, ее плохая сохранность не позволяет определить первоначальный вес. Можно лишь предположить, что он был приближен к весу трех дирхемов.

Поскольку взвешиванию подлежали, как правило, драгметаллы и пользовались разновесами в основном ювелиры, не исключена возможность преднамеренного изготовления бронзовых матриц с определенными весовыми нормами, для того чтобы в дальнейшем применять их не

только как производственную оснастку, но и как весовые гири. Все матрицы с Никольского селища обнаружены на площади около 25 м^2, отлиты из бронзы, их нижняя поверхность представляет собой шлифованную и полированную плоскость. Матрицы были широко распространены в Поволжье как в домонгольское, так и в золотоордынское время (Полякова, 1996. С. 165–166), однако некоторые элементы оформления находок с Никольского селища (формы в виде звездочек и розеток (Недашковский, 2000. С. 32–33, рис. 6, 6,7; Полякова, 1996. С. 195–196, рис. 65, 6.; с. 209, рис. 67, 10–16; с. 165–166, рис. 59, 5, 13), изображение животного с повернутой назад головой (Винничек, 2004. С. 138–139, рис. III, 5; Лебедев, 1958. С. 10; Недашковский, 2000. С. 32–34, рис. 6, 8, 16) позволяют отнести весь комплекс к золотоордынскому периоду функционирования поселения.

По форме матрицы дифференцируются на следующие типы и варианты:

Тип I (1 экз.). Эллипс с заостренными краями и орнаментом в виде завитков (рис. 1, *1*).

Тип II (1 экз.). Полусфера с восьмилепестковой розеткой в центре и подквадратными выпуклинами, расположенными концентрическими кругами (рис. 1, *2*).

Тип III (1 экз.). Ромбическая пластина с округлыми боковыми выступами и растительным орнаментом (рис. 1, *3*).

Тип IV (2 экз.). Шестилепестковые розетки.

Вариант IV-1. С округлыми углублениями в центре и на лепестках (рис. 1, *4*).

Вариант IV-2. С округлыми углублениями в центре и на лепестках и прочерченными треугольниками, расположенными вокруг центрального углубления (рис. 1, *5*).

Тип V (1 экз.). Бабочковидная, в форме треугольника с одной вогнутой и двумя выпуклыми сторонами. На каждой из сторон – выступ. Верхняя площадка разделена на три сектора, в которых имеются подтреугольные выпуклины (рис. 1, *6*).

Тип VI (1 экз.). Шестигранная пирамидка с закругленным верхом, стоящая на круглом основании (рис. 1, *7*).

Тип VII (2 экз.). Звездочки.

Вариант VII-1. Пятилучевая звездочка с округлым углублением в центре и каплевидными – на лучах (рис. 1, *8*).

Вариант VII-2. Шестилучевая звездочка с округлым углублением в центре, валикообразными линиями на лучах и насечкой, расположенной по периметру (рис. 1, *9*).

Тип VIII (1 экз.). Уточка (рис. 1, *10*).

Тип IX (1 экз.). Розетка с четырьмя округлыми и одним заостренным лепестками, на верхней площадке которой изображен заяц с повернутой назад головой (рис. 1, *14*).

По весовым параметрам матрицы подразделяются на следующие группы (табл. 1):

Группа 1 (1 экз.). Вес матрицы ориентирован на фракции иракского ратля в 468 г. К данной группе относится тип III массой 9,16 г, что соответственно равно 1/50 иракского ратля в 468 г или весу 6 дирхемов по 1,56 г (табл. 1, *3*).

Группа 2 (2 экз.). Матрицы, ориентированные на мискаль в 4,56 г. К этой группе относятся типы I и II массой 31,79 г (табл. 1, *1*) и 77,48 г (табл. 1, *2*), что соответствует 7 и 17 мискалям по 4,56 г. Мискаль в 4,56 г так же, как и мискаль в 4,68 г (только в разные периоды времени), применялся для чеканки дирхемов в Золотой Орде (Мухамадиев, 1983. С. 77). Из одного мискаля серебра получали три монеты, каждая из которых весила, таким образом, около 1,52 г.

Группа 3 (2 экз.). Вес матриц ориентирован на фракции иракского ратля в 409,512 г. В эту группу входит тип VI массой 20,34 г, что соответствует 1/20 иракского ратля в 409,512 г либо 5 мискалям по 4,095 г (табл. 1, *7*), а также вариант VII-2, масса которого равна 8,01 г и приблизительно соотносится с 1/50 иракского ратля в 409,512 г либо с весом 2 мискалей по 4,095 г (табл. 1, *9*). По мнению А. Г. Мухамадиева, в XIII и XIV вв. после любой реформы денежно-весовой системы, основанной на мискале в 4,68 г, каждый раз нововыпущенные монеты чеканились из расчета мискаля в 4,095 г. Связь между ними выражается через соотношение 8:7, т. е. (4,68 х 7) : 8 = 4,095 г (Мухамадиев, 1983. С. 7). Интерес представляет и тот факт, что среди гирек ордынского времени с Булгарского городища имеются разновески, ориентированные на весовую норму ратля в 409,512 г (Валеев, 2007. С. 187).

Группа 4 (1 экз.). Вес ориентирован на даник в 0,76 г. В данную группу входит вариант VII-1 массой 8,29 г, который приравнивается к 11 даникам по 0,76 г (табл. 1, *8*).

Группа 5 (3 экз.). Матрицы, ориентированные по весу на даник в 0,78 г. К этой группе следует относить тип IV массой 3,65 г и 3,76 г (табл. 1, *4, 5*), а также тип VIII массой 2,34 г (табл. 1, *10*), поскольку их вес приближен к 5 и 3 даникам по 0,78 г. Весовые гирьки, ориентированные на даник в 0,78 г, были зафиксированы в золотоордынских материалах Булгарского городища (Валеев, 2007. С. 187).

Группа 6 (1 экз.). Матрица ориентирована по весу на мискаль в 4,26 г. В эту группу входит тип IX массой 17,04 г (табл. 1, *14*), что, в свою очередь, соответствует 4 мискалям по 4,26 г. Гирьки, ориентированные по весу на мискаль в 4,26 г, отмечены среди находок золотоордынского времени с Булгарского городища (Валеев, 2007. С. 187).

Вес матрицы типа V равен 7,23 г (табл. 1, *6*) и, очевидно, соответствует 5 дирхемам по 1,52–1,56 г.

Итак, в золотоордынское время на Никольском селище, на наш взгляд, для взвешивания серебра применялись не только гирьки, но и ювелирные матрицы. Следует отметить, что среди большого количества артефактов, обнаруженных на поселении в течение многих лет археологических исследований, изделий, изготовленных при помощи рассматриваемых матриц, не найдено. Обращает на себя внимание, что масса матриц, так же как и вес гирек, ориентирована на весовые системы, используемые во всем Поволжье, но в разные периоды золотоордынского времени. Думается, что дальнейшие исследования весовых параметров ювелирных матриц из Верхнего Посурья и других регионов Золотой Орды будут способствовать созданию статистической базы, которая позволит объективно решить вопрос об их применении в качестве разновесок.

ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р. М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). – Казань, 2007.

Винничек В. А. Новые находки средств торговли на средневековых поселениях Верхнего Посурья // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 2–3 февраля 2000 г. – Саранск, 2000.

Винничек В. А. Материальная культура Никольского селища (XIII–XIV вв.) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток – Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. – Казань, 2004.

Лебедев В. И. Загадочный город Мохши. – Пенза, 1958.

Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М., 1983.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1998.

Таблица 1.

Весовые параметры матриц и гирек с Никольского селища

№ по рис. 1	Вес (г)	Примечания	Весовая группа	
			гирьки	матрицы
1	31,79	≈ 7 мисхалей по 4,56 г		2
2	77,48	≈ 17 мисхалей по 4,56 г		2
3	9,16	≈ 1/50 ратля в 468 г или 6 дирхемов по 1,56 г		1
4	3,65	≈ 5 данников по 0,78 г		5
5	3,76	≈ 5 данников по 0,78 г		5
6	7,23	≈ 5 дирхемов по 1,52-1,56 г		-
7	20,34	≈ 1/20 иракского ратля в 409,512 г или 5 мисхалей по 4,095 г		3
8	8,29	≈ 11 данников по 0,76 г		4
9	8,01	≈ 1/50 иракского ратля в 409,512 г или 2 мисхаля по 4,095 г		3
10	2,34	3 данника по 0,78 г		5
11	9,36	2 мисхаля по 4,68 г или 6 дирхемов по 1,56 г	1	
12	4,29	≈ 3 дирхема по 1,52 г	-	
13	197,29	≈ 130 дирхемов по 1,52 г	2	
14	17,04	4 мисхаля по 4,26 г		6
15	23,40	15 дирхемов по 1,56 г	1	

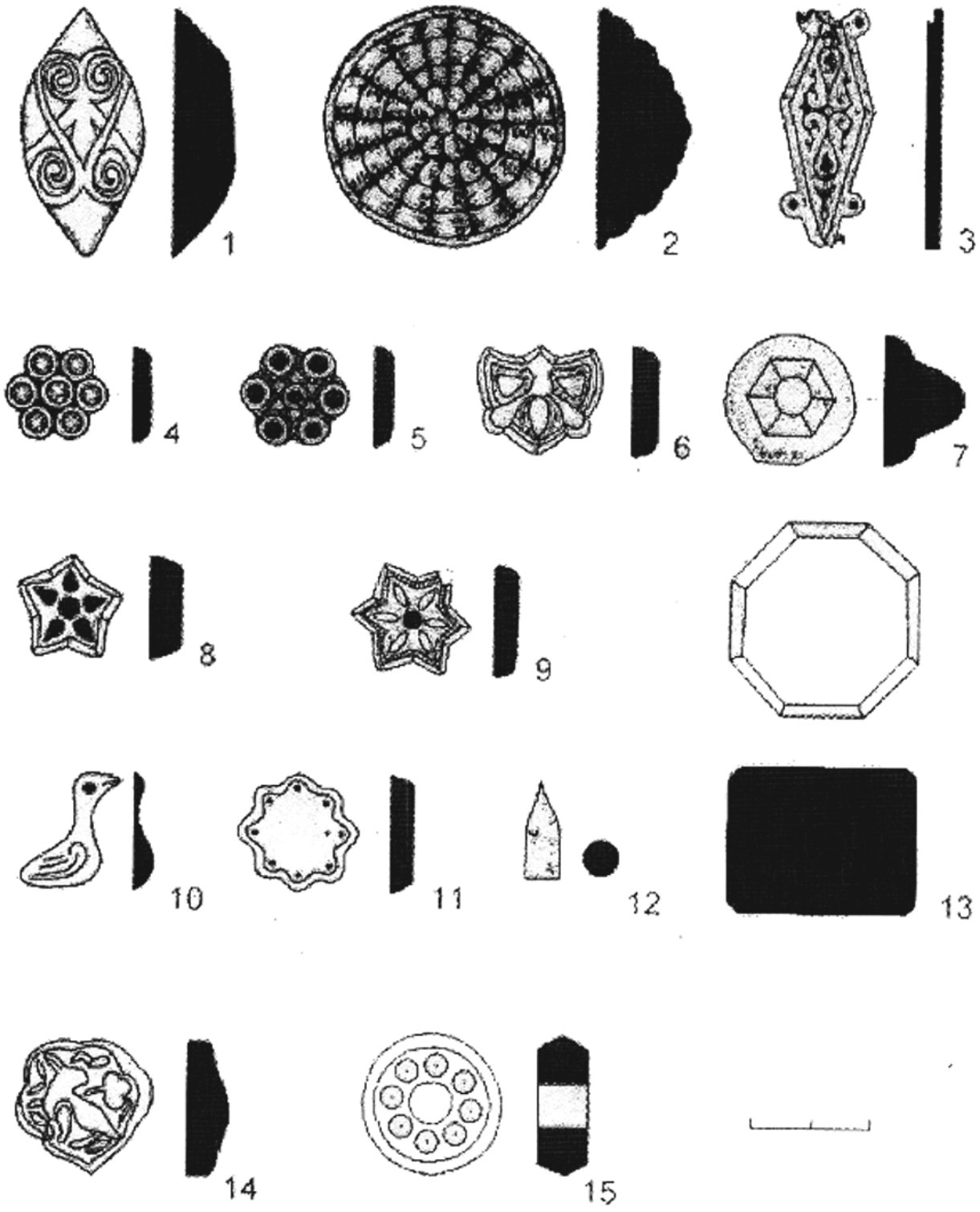


Рис. 1. Весовые гирьки (11–13, 15) и ювелирные матрицы (1–10, 14) с Никольского селища.
1–11, 13–15 – бронза; 12 – свинцово-оловянный сплав.

Л. А. ВЯЗОВ[1], Р. С. БАГАУТДИНОВ[2], И. А. НЕРУШИН[3], Ю. А.СЕМЫКИН[4]

[1] Россия, Ульяновск, Тольяттинский государственный университет
[2] Россия, Самара, Самарский государственный университет
[3] Россия, Самара, Самарский государственный университет
[4] Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА НОВАЯ БЕДЕНЬГА I В 2010 Г. (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ I ТЫС. Н. Э. С ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

До последнего времени поселенческие памятники I тыс. н. э. на территории Ульяновского Предволжья были известны только по материалам разведок. Большая их часть была выявлена в начале 1970-х гг. Г. М. Буровым (Буров, 1971; 1972; 1985), который отнес их к именьковской культуре и датировал V–VI вв. н. э. (Буров, 1985).

В 2006 г. Ю. А. Семыкиным было проведено обследование окрестностей с. Новая Беденьга и открыты новые памятники, относящиеся к I тыс. н. э.: городища Новая Беденьга I и II и селища Новая Беденьга I и II (Семыкин, 2007). В 2009 г. были начаты раскопки городища Новая Беденьга I, в 2010 г. раскопки проводились на примыкающем к нему селище. В результате исследований были получены новые материалы, позволяющие существенно уточнить картину этнокультурных процессов, происходивших на территории Ульяновского Поволжья в эпоху Великого переселения народов и раннего Средневековья.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот результатов раскопок селища Новая Беденьга I в 2010 г.

Селище Новая Беденьга I расположено в правобережье р. Волги (ныне – Куйбышевского водохранилища) в Ульяновском районе Ульяновской области, в 13,5 км к ССВ от выезда из г. Ульяновска по шоссе Ульяновск – Ундоры, в 1,5 км к ВЮВ от с. Новая Беденьга, в 1,5 км к З от берега Куйбышевского водохранилища (рис. 1, *А*) и примыкает с запада к городищу Новая Беденьга I. Памятник (рис. 1, *Б*) занимает залесенную часть мыса коренного берега р. Волги, образованного двумя глубокими водоносными древними оврагами, вытянутыми в направлении ЗЮЗ-ВСВ, выходящими устьями к берегу водохранилища. Глубина северного оврага достигает 35–40 м, южного – 10–20 м. Более богатый водотоком ручей протекает по дну северного оврага, он удален от площадки селища на 200–300 м. Южный ручей протекает в непосредственной близости от площадки памятника. Следует отметить, что вода в южном ручье отличается сильной ожелезненностью, свидетельствующей о близком залегании железной руды.

Протяженность селища вдоль оврагов, в направлении ЗЮЗ-ВСВ, составляет около 500 м. В ширину площадка памятника достигает в западной части 300 м, по направлению к востоку, к стрелке мыса, она уменьшается до 50 м, примыкая к оборонительным сооружениям городища Новая Беденьга I.

Поверхность памятника покрыта лиственным лесом, состоящим преимущественно из осины и клена, изредка встречаются мелколиственные и хвойные породы. Площадка памятника плавно понижается в направлении с ЮЗ на СВ, от опушки лесного массива к стрелке мыса. Перепад высот от западной границы селища до рва городища составляет 12–13 м.

На территории памятника встречаются округлые в плане углубления диаметром до 7–8 м, происхождение которых неясно. По территории памятника в направлении с З на В проходит проселочная дорога, ведущая из с. Н. Беденьга к площадке городища. К западу от памятника расположена территория туристско-рекреационной зоны «Центр ремесел»[1].

В 2009 г. совместной экспедицией Ульяновского государственного педагогического университета и Тольяттинского государственного университета под общим руководством Ю. А. Семыкина были проведены раскопки городища Новая Беденьга I (2 раскопа общей площадью 260 м^2). Одновременно с этим на селище Новая Беденьга I было заложено 3 рекогносцировочных шурфа общей площадью 20 м^2. В шурфе 1 (8 м^2), заложенном в центральной части селища, было зафиксировано пятно прокаленной глины и обнаружены яркие находки (рис. 2), в том числе фрагмент бронзовой фибулы с «ромбической» ножкой (подробное описание см. ниже).

Исходя из научной значимости материалов для изучения этнокультурной ситуации в регионе в середине I тыс. н. э. в 2010 г. работы на памятнике были продолжены; раскоп I был заложен вокруг шурфа 1 (участок шурфа 1 получил наименование кв. 1–2 раскопа I).

РАСКОП I

Раскоп I был заложен в центральной части памятника, в 112 м к юго-западу от реперного кола городища Новая Беденьга I. Южная стенка раскопа находилась в 23 м к северу от края оврага. Его площадь составила 304 м^2 (рис. 3).

Стратиграфия раскопа единообразна на всей площади и может быть описана суммарно. На всех бровках и бортах раскопа выделяются пять стратиграфических слоев.

1. Дерн, коричнево-бурого цвета, переплетенный тонкими корнями растений, мощностью 4–6 см.

2. Суглинок, серо-коричневого цвета, мелкозернистый (зерно до 1 см), гумусированный, мощностью 5–20 см. Основной культурный слой памятника, содержащий наибольшее количество находок.

3. Суглинок, серого (от светло-серого до темно-серого) цвета, крупнозернистый, с белесыми включениями, оподзоленный, мощностью 5–25 см. От вышележащего слоя отличается более крупной структурой и меньшим содержанием гумуса. Слой содержал меньшее количество находок, чем вышележащий.

4. Суглинок, черного цвета, с вкраплениями мелких оранжевых камней и желтой материковой глины, плотный, бесструктурный, заполнявший углубления в материке. Находки в этом слое не встречены.

5. Материк – плотная глина различных оттенков (от желтой до черной), с вкраплениями камней оранжевого и серого цвета.

Границы стратиграфических слоев нечеткие в результате размывов и «заплывов» вышележащих слоев в трещины почвы. Такие трещины в условиях засухи 2010 г. достигали 5 см в ширину. Поверхность материка очень неровная, с многочисленными западинами от корневой системы древесной растительности.

Характеристика культурного слоя. Культурный слой на раскопе I имеет мощность 5–20 см. Он включает в себя слой мелкозернистого гумусированного суглинка и верхнюю часть слоя

[1] Авторы статьи выражают благодарность координатору проекта ТРЗ «Центр ремесел» А. М. Натариусу за организационную и финансовую поддержку исследований памятников в окрестностях с. Новая Беденьга.

крупнозернистого слабогумусированного оподзоленного суглинка. Подавляющее большинство находок на раскопе I было обнаружено в культурном слое, на глубине 10–20 см от поверхности, что соответствует границе вышеописанных слоев. Вероятно, эта граница является древней поверхностью.

Снятие культурного слоя производилось условными горизонтами толщиной около 15 см. Соответственно, основная часть находок выявлена в нижней части первого и верхней части второго условных горизонтов. На этой же глубине (на зачистке первого горизонта) были зафиксированы и очертания сооружений.

Помимо сооружений, на площади раскопа выявлено шесть пятен прокала округлой или неправильной формы (еще одно пятно было выявлено в 2009 г. при выборке кв. 2 шурфа 1), до 70 см в окружности и мощностью 4–10 см. Скорее всего, пятна прокала маркируют места расположения древних открытых очагов.

Массовый материал – фрагменты лепной и круговой керамики, кости животных и черно-металлургические шлаки – распределяется по площади раскопа неравномерно. В процессе исследования удалось выявить несколько скоплений керамики, включавших в себя также кости животных.

Скопление 1 было выявлено на границе кв. 32, 33, 35, 36 (рис. 3). Фрагменты керамики (вместе со скоплением 2 – 335 фр.) располагались двумя группами: в ЮЗ части кв. 36 на участке 90 × 50 см и в 30 см восточнее, на участке размером 40 × 30 см, на границе кв. 33–36. Большинство фрагментов относится к относительно крупным слабопрофилированным горшковидным сосудам с шероховатой поверхностью (рис. 4). Среди них реконструируются формы со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 4, *604, 693, 785, 2060, 2061, 2103*) и округлобокие (рис. 4, *764*). Фрагментированные верхние части горшковидных сосудов из скопления 1 характеризуются короткой, отогнутой наружу шейкой (рис. 4, *661, 2062, 2063*) или плавным переходом от тулова к венчику, без выраженной шейки (рис. 4, *762, 763*). Часть фрагментов (10 экз.) принадлежала лепешечницам с невысоким бортиком (рис. 4, *788*), без бортика (рис. 4, *699–703, 728, 747, 787, 827*), крышке (рис. 4, *784*), миниатюрным сосудам (3 экз.). Найден один фрагмент лощеного венчика сосуда (рис. 4, *727*).

Скопление 2 было выявлено на кв. 35 при снятии первого горизонта (рис. 2). Фрагменты керамики располагались небольшой плотной группой на участке размером 40 × 40 см. Фрагменты керамики из скопления 2 принадлежали тем же сосудам, что и в скоплении 1.

Скопление 3 было выявлено на кв. 34 непосредственно над слоем прокала сооружения 3. Фрагменты (всего 10 фр.) принадлежали небольшому горшковидному сосуду с уплощенным дном (рис. 5, *93*).

Скопление 4 было выявлено на кв. 38–39 (рис. 3). Фрагменты керамики (всего 233 фр. с первого и второго горизонтов) располагались несколькими небольшими группами размером 20–30 × 15–20 см на площади 2,3 × 2,2 м. Фрагменты принадлежали относительно крупным слабопрофилированным горшковидным сосудам с шероховатой поверхностью (рис. 6), среди которых реконструируются формы со сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова (рис. 6, *841, 845*). Фрагментированные верхние части горшковидных сосудов имеют короткие, прямые, почти вертикальные (рис. 6, *879, 2104*) или отогнутые наружу (рис. 6, *885*) шейки. Вместе с ними в скоплении 4 обнаружены фрагменты лепешечниц (3 экз.), мискообразного (?) сосуда (рис. 6, *941*) и обломок керамического изделия (рис. 6, *60*), предположительно зооморфной фигурки.

Скопление 5 было выявлено на кв. 60 на участке размером 115 × 70 см (рис. 2). В состав скопления входили фрагменты (всего 207 фр. с первого и второго горизонтов), подавляющая часть которых принадлежали одному крупному округлобокому горшковидному сосуду (рис. 7, *1515, 1632*). Один из фрагментов в скоплении 5 принадлежал венчику небольшого горшковидного сосуда (рис. 7, *1625*), еще один – миниатюрному рюмкообразному сосуду (рис. 7, *39*). Культурный слой в месте расположения фрагментов керамики содержал мелкие угольки.

Скопление 6 было выявлено на кв. 64. Здесь на участке размером 40 × 20 см были собраны фрагменты (всего 30 фр.) от кувшина салтовского типа (рис. 8, *91*). Следует отметить, что в непосредственной близости от скопления были обнаружены стилетовидный предмет с волютообразным навершием (рис. 14, *3*) и пряслице, изготовленное из стенки кругового сосуда (рис. 16, *24*). Вероятно, эти находки составляют единый комплекс.

Скопление 7 было выявлено при снятии бровки на кв. 7. Здесь были найдены компактно лежавшие несколько фрагментов (всего 7 фр.) от небольшого круглодонного сосуда (рис. 5, *90*).

Описание сооружений. Всего на раскопе I было выявлено три сооружения, два из которых представляли собой остатки наземных построек, зафиксированные по пятнам прокала, а одно – углубленную в материк яму. Все сооружения были выявлены на фоне погребенной почвы – крупнозернистого слабогумусированного суглинка.

Кроме сооружений, в раскопе I были найдены две крупные (на кв. 1–2, 12, 14–15, 17–18 и на кв. 52, 55) и несколько мелких ям, углубленных в материк. Ямы были заполнены плотным темно-серым суглинком, не содержавшим находок. Вероятно, ямы имели естественное происхождение.

На кв. 43, 44, 46, 47, 48, 51, 19, 22, 23, 26, 27 была выявлена канава глубиной 5–25 см, пересекавшая почти весь раскоп I по направлению с юго-запада на северо-восток, заполненная плотным суглинком темно-серого цвета. Находки в заполнении канавы полностью отсутствовали. Очевидно, канава имеет естественное происхождение и ее возникновение связано с сезонным водотоком на поверхности мыса.

Сооружение 2 было выявлено на зачистке первого горизонта на кв. 9, 11, 13–14, 16, 19, 22, 25, 39, 42–51, 53–54, 57 (рис. 3; 9). Оно фиксировалось в виде полос прокаленного вещества (глины и суглинка) шириной 1–1,7 м. Полосы образовывали почти правильный прямоугольник, вытянутый в направлении северо-запад – юго-восток на 9,3 м, а в направлении юго-запад – северо-восток – на 7 м. На кв. 19, 14, 17 северо-восточная сторона прямоугольника в двух местах разрывалась. Прокал хорошо фиксировался в профиле, он залегал на слое крупногранулированного суглинка (в отдельных местах прорезая его), верхняя часть которого в некоторых местах также была прокалена. Мощность прокала составляла 5–15 см. Слой крупногранулированного суглинка под прокалом на кв. 1, 14, 19, 22, 45–46 имел несколько меньшую мощность, чем на других участках раскопа. Под слоем прокала в слое суглинка встречались отдельные находки, среди них – фрагмент ручки амфоры (рис. 10, *82*), найденный на кв. 16 (см. ниже). На кв. 39 под слоем прокала были выявлены крупные угли с сохранившейся структурой.

На кв. 48, 51 было выявлено пятно прокала округлой формы размером 64 × 54 см. Мощность прокала составляла 10–15 см, воздействию высоких температур подвергся также слой нижележащего крупнозернистого суглинка на всю толщину и верхняя часть материка.

Заполнение сооружения 2 представляет собой светло-серый крупногранулированный суглинок, слабо отличающийся от стратиграфического слоя № 3 на других участках: единственным

отличием был более светлый, белесый цвет этого слоя в границах сооружения 2. Наиболее светлый оттенок он имел непосредственно под полосами прокала.

Верхняя граница заполнения сооружения 2 может быть определена только приблизительно, видимо, она совпадает с границей слоя серо-коричневого мелкогранулированного суглинка и слоя светло-серого крупногранулированного суглинка. Дно сооружения 2 находилось на уровне материка, не углубляясь в него.

Находки, которые можно отнести к заполнению постройки, немногочисленны. На кв. 51 на втором горизонте в сооружении 2 найдено глиняное изделие округлой формы с углублением внутри (рис. 10, *58*). На том же квадрате при расчистке прокала был найден фрагмент продуха (рис. 10, *2633*). На кв. 16 найден фрагмент ручки амфоры овально-уплощенной формы (рис. 10, *82*). Фрагмент найден лежащим под слоем прокала и над слоем крупнозернистого серого суглинка, то есть непосредственно между двумя слоями.

Из сооружения 2 происходит 120 фрагментов лепной керамики, в основном невыразительные фрагменты горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью (рис. 10, *2554, 2580*), обломок горшковидного сосуда с тщательно заглаженной поверхностью (рис. 10, *2612*), мискообразного сосуда, а также два фрагмента лепешечниц (рис. 10, *2632*). В верхней части заполнения найдены 4 фрагмента от придонной части кувшина (рис. 8, *2065–2067*).

Сооружение 2 представляет собой остатки разрушенной (в результате пожара?) наземной постройки. Характер заполнения постройки, малочисленность находок, отсутствие выровненного пола позволяют предположить, что постройка не являлась постоянным жилищем. Конструкцию стен постройки определить затруднительно, но ясно, что она не была каркасно-столбовой, поскольку ямы от столбов не зафиксированы. Вероятно, стены были сооружены с использованием минерального материала, прокалившегося в результате пожара и при разрушении образовавшего описанные выше полосы прокала. Постройка имела внутреннюю перегородку, делившую ее на две части. В центре северо-западной камеры (на кв. 48, 51) находился открытый очаг. Возможно, очаг был связан с производственной деятельностью: об этом свидетельствует обнаружение в слое прокала фрагмента продуха (рис. 10, *2633*).

Аналогии сооружению 2 в древностях Среднего Поволжья I тыс. н. э. авторам неизвестны. Наземные постройки глинобитной конструкции исследованы в материалах черняховской культуры (Рикман, 1975. С. 69, рис. 7; Обломский, 2003. С. 207, рис. 58), традиция сооружения стен с использованием глинобитной техники, по мнению А. М. Обломского, распространяется под черняховским влиянием и в киевской культуре на позднем этапе ее развития (Обломский, 2003. С. 52). Имеющиеся материалы, однако, пока не дают достаточных оснований для отождествления сооружения 2 с киевскими и черняховскими постройками.

Сооружение 3 было зафиксировано на кв. 31, 32, 34, 35, 62, 63, 65, 66, 70 на зачистке первого горизонта в виде крупного пятна прокаленного вещества (глины и суглинка), неправильной С-образной формы, размером 5,3 × 2,7 м (рис. 3; 11). Мощность прокала в профиле составляла до 13 см. Прокал залегал на слое крупнозернистого суглинка, который имел под ним меньшую мощность, чем на других участках раскопа. На кв. 31 прокал доходил до уровня поверхности материка.

После расчистки и снятия прокала на зачистке второго горизонта на кв. 31, 32, 34, 35 было выявлено темное пятно неправильной формы размером 1,8 × 2,8 м на фоне материка. В западной части пятна находился прокал размером 42 × 36 см мощностью до 5 см. Заполнение пятна состо-

яло из плотного темно-серого суглинка. После его расчистки выяснилось, что оно представляет собой незначительное углубление в материке. Только в северной части углубление достигало 36 см от поверхности материка, южнее оно практически исчезало. В центральной и южной части углубление не превышало 5 см.

Находки в сооружении 3 представлены 48 фрагментами лепных сосудов, найденных в слое прокала. Наибольшую их часть составляют фрагменты (всего 25 фр.) от горшковидного сосуда с защипами по краю венчика (рис. 12, *92*), найденные на кв. 35 в слое прокала на площади 35 × 40 см [2]. Кроме того, было найдены невыразительные фрагменты горшковидных сосудов (рис. 12, *2634*) и один – мискообразного (рис. 12, *2645*). Следует отметить, что среди них в слое прокала сооружения 3 найден один из фрагментов днища (рис. 7, *1632*) крупного горшковидного лепного сосуда, остальные фрагменты которого были найдены в скоплении керамики 5.

На кв. 31 на втором горизонте в слое прокала сооружения 3 найдена одна из частей миниатюрного сосуда (рис. 12, *34*), остальные части которого найдены на кв. 32 на первом горизонте и на кв. 28 на втором горизонте. На кв. 35 на втором горизонте в прокале сооружения 3 найдена нижняя часть еще одного миниатюрного сосуда (рис. 12, *35*).

Единственной индивидуальной находкой из сооружения 3 является фрагмент таранной кости лошади (рис. 12, *98*), кальцинированный, с просверленным сквозным отверстием, обнаруженный в нижней части скопления керамики 3 в слое прокала.

Вероятно, сооружение 3 представляло собой какую-то наземную постройку, погибшую в результате пожара. Судя по составу находок, постройка функционировала во второй четверти – середине I тыс. н. э.

Сооружение 4 было выявлено на кв. 67, 68, 73, 74 на зачистке первого горизонта в виде почти квадратного пятна желтой глины, размером 1 × 1 м на фоне серого крупнозернистого суглинка (рис. 3; 13). Заполнение сооружения состояло в верхней части из глины желтого цвета, в нижней – из плотного черного суглинка.

В заполнении ямы обнаружено 15 фрагментов лепной керамики, среди которых придонная часть горшковидного сосуда (рис. 13, *2665*) и фрагмент миски (?). Стенки ямы сужались ко дну, наиболее глубокая часть ямы находилась в ее северо-западном углу (106 см от уровня выявления). Возможно, яма использовалась в качестве столбовой и была забутована желтой глиной в верхней части для лучшего укрепления столба.

Сооружение 4 по составу находок относится ко второй четверти – середине I тыс. н. э. Следует отметить, что подпрямоугольную форму хозяйственных ям Д. А. Сташенков считает одним из признаков памятников типа Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005. С. 44).

Описание вещевого и керамического материала

Вещевой материал. Всего на раскопе I найдено 52 индивидуальных находки. К ним относятся три предмета из цветного металла, 12 железных, 31 керамическое, три каменных и одно костяное изделие.

Изделия из цветного металла представлены тремя предметами, относящимися к категории украшений и деталей костюма, – браслетом и фрагментами накладки.

---

[2] Первоначально фрагменты этого сосуда были отнесены к скоплению 3, выявленному при снятии культурного слоя над слоем прокала. При обработке материала стало очевидно, что сосуды из скопления 3 и прокала сооружения не входят в один комплекс.

Фибула (шурф 1, 2009 г.) (рис. 2, *3*) была обнаружена на кв. 2 при снятии первого горизонта. Длина фибулы 11 см, ножка имеет ромбовидное расширение в средней части размером 3,5 х 2 см. Углы ромба закруглены. Спинка уплощена, ее ширина составляет 0,8 см. Стойка имеет отверстие диаметром 2 мм, заполненное коррозированными остатками железной оси пружины. В средней части ножки сохранилась железная заклепка, крепившая утраченный приемник.

Фибула находит аналогии в материалах черняховской культуры, среди группы фибул с «ромбической» ножкой и может быть датирована концом IV – началом V вв. (Восточная Европа в середине… 2007. С. 21, 56, рис. 11: 30–34). Следует отметить, что относительно крупные размеры и характер крепления приемника свидетельствуют в пользу местного производства фибулы.

Два фрагмента ажурной *пластинчатой накладки* (?) прямоугольной формы (рис. 14, *78*), изготовленной из сплава цветных металлов, очень плохой сохранности, обнаружены на кв. 57 при снятии первого горизонта. На лицевой стороне накладки прослеживаются следы орнамента в виде линии и точек, идущих по периметру, в средней части накладки прослеживаются следы прорезного орнамента. Размер накладки не поддается измерению из-за утрат, толщина составляет 0,3 см.

Накладка относится к хазарскому времени, более точная датировка затруднительна вследствие плохой сохранности изделия.

Браслет (рис. 14, *1*) размером 6,6 × 4,7 см, овальной формы, с разомкнутыми концами, изготовленный из овальной в сечении проволоки толщиной 0,3–0,4 см, из сплава цветных металлов, был найден на кв. 17 при снятии первого горизонта. Форма браслета имеет широкие рамки бытования.

Железные предметы из раскопа немногочисленны, но разнообразны. Они представлены бытовыми изделиями, орудиями труда, элементами одежды, конской узды и оружием. К числу железных предметов, найденных на раскопе I, относятся ножи и фрагмент ножа, шилья, зубило, рамка пряжки, удила, наконечник стрелы, кончик серпа и предметы неясного назначения.

Ножи. Железный *нож* (шурф 1, 2009 г.) черешкового типа (рис. 2, *1*) был найден на кв. 1. Длина сохранившейся части 11,8 см, максимальное расширение лезвия 2 см, длина черешка 3,7 см, кончик обломлен. Переход от черешка к клинку оформлен в виде уступов как со стороны лезвия, так и со стороны спинки.

Еще один *нож* черешкового типа (рис. 14, *2*) длиной 8,8 см, с максимальным расширением лезвия 1,8 см, длиной лезвия 6,3 см, длиной черешка 2,5 см имел искусственно притупленный кончик и резкий переход от черешка к клинку, оформленный в виде уступов как со стороны лезвия, так и со стороны спинки. Он был найден на кв. 55 при снятии первого горизонта.

Подобные ножи имеют широкий диапазон бытования, аналогии им могут быть найдены как в древностях киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 223, рис. 71, 3, 4; Терпиловский, 1984. С. 103, табл. 10, 4; табл. 13, 14), так и в могильниках новинковского типа на Самарской Луке (Матвеева, 1997. С. 213, рис. 118, 2, 3; Багаутдинов и др., 1998. С. 129, рис. 31, 3, 4) и Большетарханском могильнике VIII–IX вв. н. э. в Татарстане (Генинг, Халиков, 1964. Табл. X, 6–8).

Фрагмент *ножа* (рис. 14, *51*) размером 3,5 × 1,5 × 0,5 см был найден при разборке отвала. Несмотря на незначительные размеры фрагмента, на нем явно прослеживается переход от черешка к клинку со стороны спинки, оформленный в виде уступа. Линия спинки лезвия находится

под тупым углом к линии черешка. Переход от черешка к клинку со стороны лезвия плавный. Ножи с плавным переходом от черешка к лезвию хорошо известны в материалах именьковской культуры (Матвеева, 2004. С. 148, рис. 25, 14).

Шилья. Шило (шурф 1, 2009 г.) (рис. 2, *2*), найденное на кв. 2 при снятии первого горизонта, длиной 6,4 см, имеет круглое сечение.

Еще одно *шило* (рис. 14, *7*), найденное на кв. 54 при снятии первого горизонта, имеет длину 4,5 см и круглое сечение, достигающее в месте наибольшего расширения 0,5 см.

У обоих экземпляров один конец заострен, другой тупой, в средней части имеется утолщение от коррозии. Шилья относятся к общераспространенным типам.

Зубила. Небольшое (видимо, ювелирное) *зубильце* (рис. 14, *4*) было обнаружено на кв. 64 при снятии первого горизонта. Оно имеет длину 8,6 см, квадратное у основания и суживающееся к рабочему краю сечение. Из-за коррозированности невозможно понять, имело ли зубило на основании квадратную грибовидную шляпку изначально, или она возникла в процессе пользования орудием. Близкая аналогия найденному зубилу обнаруживается в древностях киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 190, рис. 38, 8).

Пряжки. *Рамка пряжки* (рис. 14, *8*), округлой формы, с внешним диаметром 2,3 см и внутренним – 1,2 см, изготовленная из круглой в сечении проволоки 0,6 см толщиной, найдена на кв. 33 при снятии первого горизонта. С передней, несколько утолщающейся стороны рамки имеется накипь, возможно, след от язычка.

Близкая найденной по форме и размерам круглая железная пряжка диаметром 2–2,2 см происходит из могильника Инясево (Памятники киевской культуры… 2007. С. 269, рис. 117, 6).

Удила. Двусоставные кольчатые *удила* (рис. 14, *5*) длиной 17 см (длина грызла 11,5 см) были найдены на кв. 75 при снятии первого горизонта. Трензельные кольца отсутствуют. Ближайшие аналогии найденным удилам имеются в именьковских материалах (Старостин, 1967. С. 77, табл. 15, 12).

Серпы. Кончик *серпа* (рис. 14, *50*), состоящий из двух фрагментов, был найден на кв. 65 на уровне первого горизонта. Общая длина его составила 6,8 см, наибольшая ширина лезвия – 1,1 см. Кончик загнут вовнутрь. На лезвии просматриваются зазубрины. Подобные серпы известны на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2004. С. 147, рис. 24, 9–10).

Наконечники стрел. Единственный найденный на раскопе I *наконечник стрелы* (рис. 14, *6*) – ромбовидный, черешковый, трехлопастной, обнаружен при разборке на кв. 31–36. Общая длина его составляет 5,1 см, длина черешка – 1,8 см. Лопасти имеют ромбовидную форму, верхняя часть боевой головки несколько больше нижней. Грани нижней части боевой головки слегка вогнуты. Наконечник относится к типу 3в по И. П. Засецкой (Засецкая, 1994. С. 37). Ближайшие аналогии ему в Среднем Поволжье обнаруживаются в материалах именьковской культуры (Старостин, 1967. С. 77, табл. 15, 9).

К числу ***предметов неясного назначения*** относятся стилетовидный предмет с волютообразным навершием, железные пластины и невыразительный обломок какого-то изделия.

Фрагмент пластины (рис. 14, *53*) размером 4,1 × 2,8 см, толщиной 0,3–0,4 см был найден на кв. 36 при снятии второго горизонта. На поверхности пластины присутствуют следы от двух (трех?) заклепок. Вероятно, пластина является частью оковки какого-то изделия. Культурно-хронологическая принадлежность предмета неясна.

Фрагмент пластины прямоугольной формы (рис. 14, *86*) был найден на кв. 51 при снятии первого горизонта. Ширина пластины составляла 2 см, длина неизвестна. Длина сохранившегося фрагмента – 2 см. Толщина пластины составляет 0,2 см. Центральная часть пластины слегка выпуклая. Культурно-хронологическая принадлежность предмета неясна.

Стилетовидный предмет с волютообразным навершием (рис. 14, *3*) был найден на кв. 64 при снятии первого горизонта. Предмет имел длину 10,9 см. Рукоять предмета, украшенная на конце волютообразным навершием, в сечении прямоугольная, плавно переходит в круглое острие. Длина рукояти 5,9 см; сечение рукояти 0,9 × 0,4 см; сечения острия 0,4 см. Аналогии стилетовидному предмету с волютообразным навершием обнаруживаются на памятниках последней четверти I тыс. н. э. Регион их распространения достаточно широк и включает восточноевропейскую степь и лесостепь к востоку от Днепра. В частности, находки этих изделий характерны для поселений хазарского времени в Среднем Поволжье (Севрюкаевское II и Кармалинское селища на Самарской Луке, Новослободское городище в Ульяновском Поволжье и т. д.) (Вязов, Нерушин, 2010б).

Наконец, один *невыразительный предмет* был найден на кв. 6 при снятии второго горизонта (рис. 14, *52*).

Керамические изделия представлены грузиками, жетонами, «хлебцем», фрагментом продуха, предметами неясного назначения и их фрагментами, пряслицами.

Грузики. Миниатюрный лепешкообразный глиняный *грузик* (рис. 15, *32*) (одна поверхность плоская, другая – несколько выпуклая) диаметром 2,5 и толщиной 1 см, с отверстием в центре диаметром 0,6 см, был найден на кв. 24 на уровне первого горизонта.

Фрагмент небольшого лепешкообразного глиняного *грузика* (рис. 15, *31*) диаметром около 3,5 см и толщиной 1 см с неровным отверстием, расположенным несколько в стороне от геометрического центра грузика и имеющим диаметр 0,5–1,0 см, был найден на кв. 51 при снятии первого горизонта.

Близкие по форме изделия, относимые исследователями к пряслицам, известны в материалах киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 207, рис. 55, 8). В отличие от них у предметов с раскопа I отверстие находится не в геометрическом центре, а несколько в стороне от него. Это обстоятельство не позволяет однозначно считать описываемые грузики пряслицами, хотя и не исключает такой возможности.

«Жетоны». Представляют собой изделия округлой формы, изготовленные из стенок сосудов, но отличающиеся от пряслиц отсутствием отверстия или формой. Таких изделий на раскопе было найдено три.

«Жетон» (рис. 15, *26*), имеющий форму неправильного четырехугольника размером 4,2 × 4,6 см со скругленными углами и изготовленный из стенки красноглиняной амфоры с рифленой внешней поверхностью толщиной 0,6 см, был найден на кв. 13 при снятии первого горизонта.

Фрагмент еще одного «*жетона»* (рис. 15, *27*), также имевшего, судя по сохранившейся части, форму четырехугольника со скругленными углами и изготовленного из стенки красноглиняной амфоры толщиной 0,6 см, с рифленой поверхностью, в отличие от вышеописанного, имел отверстие диаметром 0,7 см в центре. Он был найден на кв. 57 при снятии первого горизонта.

«Жетон» (рис. 15, *28*) округлой формы, диаметром 4 см, был изготовлен из стенки кругового сосуда (амфоры?) толщиной 1 см и склеен из двух фрагментов, найденных на кв. 28 и 54 на уровне первого горизонта.

«Жетоны», обнаруженные на раскопе I, находят аналогии в материалах памятников первой половины I тыс. н. э. (Позднезарубинецкие памятники…, 2010. С. 230, рис. 65, 1, 2; Памятники киевской культуры… 2007. С. 224, рис. 72, 16). Среди ближайших из них можно указать памятники типа Сиделькино-Тимяшево в Самарской области (Сташенков, 2005. С. 42, рис. 90, 5–6) и Карлинское IV селище в Ульяновской области (Буров, 1971. С. 285, рис. 7, 3).

«Хлебец» (рис. 15, *29*) округлой формы, вылепленный вручную, диаметром 4,2 см и толщиной 0,9 см, с выпуклостью в центральной части был найден на кв. 33 при снятии второго горизонта. Подобные изделия известны на Сиделькинском II селище (Сташенков, 2005. С. 32, рис. 40, 4, 60, 4), а также на Щербетьском I островном селище именьковской культуры (Старостин, 1971. С. 42, табл. II, 9).

Продух. На кв. 51 на уровне второго горизонта в сооружении 2 при расчистке пятна прокала был обнаружен *фрагмент продуха* (рис. 10, *2633*) размером 4,0 × 4,5 см толщиной 2,5–3,8 см. Внешняя поверхность продуха бесформенная, внутренняя ровная, слегка вогнутая. С одной стороны фрагмента сохранился след от отверстия диаметром около 2 см.

Предметы неясного назначения. *Лепешковидный* (рис. 15, *76*), размером 5,8 × 3,4 × 1,2 см, и *округлый* («шарик») (рис. 15, *99*), размером 2,9 × 2,4 см, предметы были найдены на кв. 54 при снятии первого горизонта.

Предмет усеченно-биконической формы – модель или заготовка пряслица (рис. 15, *22*) диаметром 2,2 см, диаметр оснований – 1,2 см, толщина 1,1 см, найден на кв. 76 при снятии второго горизонта. Предмет относится ко второй четверти – середине I тыс. н. э. Аналогии ему известны в материалах Именьковского I городища именьковской культуры (Старостин, 1967. С. 89, табл. 21, 2, 3).

Предмет неправильной формы (рис. 10, *58*) размером 3,5 × 3 см, с выемкой с одной стороны диаметром 1,5 см и глубиной 2 см, найден на кв. 51 при снятии второго горизонта. Культурно-хронологическая принадлежность предмета неясна.

Предмет грибовидной формы (рис. 15, *37*), с обломанной ножкой и утраченной частью шляпки (толщина ножки 1,6 см, диаметр шляпки 4 см, толщина шляпки у края 0,7 см), был найден на кв. 65 при снятии первого горизонта. Аналогии описанному предмету обнаруживаются на городище Ош-Пандо в Мордовии (Степанов, 1967. С. 51, рис. 26, 1, 3–5). Там они были отнесены П. Д. Степановым к фатьяновскому горизонту, но, поскольку на исследуемом памятнике никаких материалов эпохи бронзы не выявлено, можно предположить, что и на городище Ош-Пандо, и на селище Новая Беденьга I грибовидные керамические предметы относятся к слою второй четверти – середины I тыс. н. э.

Фрагмент предмета вытянутой овальной в сечении формы (рис. 6, *60*) (длина 4,9 см, сечение 1,5 × 2 см) был обнаружен на кв. 38 при снятии первого горизонта. Возможно, он являлся частью зооморфной фигурки.

Фрагмент керамического диска (рис. 15, *63*) толщиной 0,5 см, украшенный точечными вдавлениями с обеих сторон, найден при проверке отвала. Реконструированный диаметр диска составляет 1,7 см, в центре расположено сквозное отверстие диаметром 0,1 см. Одна сторона диска украшена 6 концентрическими кругами мелких точечных вдавлений, нанесенных инструментом типа иглы, на другой стороне вдавления более крупные, они расположены по одной окружности диаметром

1 см. Хотя точных аналогий данному изделию неизвестно, схожие способы орнаментации характерны для верхнего слоя Дьякова городища в Подмосковье (Кренке, 2010. С. 455, рис. 157).

Пряслица и их фрагменты из раскопа I представлены 17 экземплярами, которые можно разделить на несколько типов.

К первому типу относятся пряслица усеченно-биконической формы. По соотношению наибольшего диаметра, диаметра отверстия и формы ребра можно выделить несколько видов усеченно-биконических пряслиц.

Усеченно-биконические пряслица средней высоты. Высота этих пряслиц меньше их максимального диаметра в 1–1,5 раза, отверстие относительно небольшого размера. Всего найдено пять экземпляров таких изделий, 4 из них во фрагментах. Поверхность изделий тщательно заглажена или подлощена, цвет темно-серый, серый, желтый.

Два *фрагмента пряслиц средней высоты*, найденные на кв. 22 при снятии первого горизонта, имели сглаженное ребро. Крупное пряслице (рис. 16, *17*) имело высоту 2,2 см, максимальный диаметр 3,3 см, диаметр оснований 2,4 см, диаметр отверстия 1,0 см. Небольшое пряслице (рис. 16, *20*) имело высоту 1,9 см, максимальный диаметр около 2 см, диаметр отверстия 0,7 см.

Еще *три пряслица*, одно целое и два фрагментированных, имели резкое ребро. Один фрагмент, найденный на кв. 23 при снятии второго горизонта, имел отверстие диаметром 1 см, диаметр оснований 2,6 см, другой (рис. 16, *19*) – высоту 1,6 см, максимальный диаметр 2,5 см и диаметр оснований 2 см. Целое пряслице (рис. 16, *15*) описываемого вида было собрано из фрагментов, найденных на кв. 23 и 20, при снятии первого горизонта имело высоту 1,7 см, максимальный диаметр 3,2 см, диаметр оснований 2,1 см, диаметр отверстия 1,0 см.

Низкие усеченно-биконические пряслица характеризуются вдвое большим максимальным диаметром по отношению к высоте, относительно крупным отверстием. Составляют наиболее представительную серию находок. К этому виду относятся 9 пряслиц.

Пряслица этого вида и их фрагменты были найдены при снятии первого горизонта на кв. 51 (№ 14); 32 (№ 9); 27 (№ 12); 29 (№ 11); 42 (№ 18), 19 (№ 10), 15 (№ 21); при снятии второго горизонта на кв. 23 (№ 13), при разборке отвала кв. 76–78 (№ 16) (рис. 16, *9–14, 16, 18, 21*). Все эти пряслица довольно схожи между собой. Максимальный диаметр их колеблется в пределах 2,3–2,8 см, высота – 1,1–1,6 см, диаметр отверстия – 1,2–1,5 см. Поверхность заглаженная (№ 9, 13, 14, 16, 18, 21) или лощеная (№ 10, 11, 12). Ребро сглаженное (№ 9, 18, 21) или четкое (остальные). Боковые грани слегка вогнутые (№ 10, 13, 16) или ровные (№ 9, 11, 12, 14, 18, 21).

Усеченно-биконические пряслица находят очень широкие аналогии в культурах Восточной Европы I тыс. н. э. Близкие по пропорциям пряслица найдены, например, на поселениях киевской культуры Роище и Ульяновка I (Терпиловский, 1984. С. 103, табл. 10, 7–18; с. 109, табл. 16, 8–15).

Пряслица цилиндрической формы относятся ко второму типу. Единственное *пряслице* (рис. 16, *23*) этого типа было найдено на кв. 22 при снятии первого горизонта. Его диаметр составляет 3,3 см, высота – 1,6 см, диаметр отверстия – 1 см. Цилиндрические пряслица редко встречаются на памятниках киевской культуры, однако они распространены в материалах последней четверти I тыс. н. э. Аналогии описываемому пряслицу можно указать в памятниках новинковского типа (Багаутдинов и др., 1998. С. 134, рис. 34, 13, 14, 16), Танкеевском (Khalikova, Kazakov, 1977. S. 214, pl. XL, 6) и Большетарханском (Генинг, Халиков, 1964. Табл. XI, 1–3) могильниках.

Пряслица, изготовленные из стенок сосудов, относятся к третьему типу. Таких изделий найдено два.

Пряслице (рис. 16, *24*), изготовленное из стенки кругового сосуда, коричневого цвета, толщиной 1 см, грубой выделки, имеет размеры 2,7 × 3,3 см, отверстие диаметром 0,8 см. Пряслице найдено на кв. 64 при снятии первого горизонта.

Пряслице (рис. 16, *25*), изготовленное из тщательно обточенной стенки лощеного кругового сосуда серого цвета толщиной 0,6 см, имеет диаметр 4,2 см и отверстие диаметром 0,7 см. Оно найдено на кв. 22 при снятии первого горизонта.

Пряслица из стенок круговых сосудов являются частой находкой в памятниках Среднего Поволжья последней четверти I тыс. н. э. (Khalikova, Kazakov, 1977. S. 214, pl. XL, 2; Багаутдинов и др., 1998. С. 134, рис. 34, 1–12; Матвеева, 2003. С. 116, рис. 2, 9). Известны они и в материалах киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 31), поэтому однозначно решить вопрос об их культурно-хронологической принадлежности сложно. Вероятнее всего, в данном случае более предпочтительной является поздняя датировка находок.

Каменные изделия представлены терочными камнями и фрагментом оселка.

Оселки. Фрагмент квадратного (2,1 × 1,8 см) в сечении *оселка* (рис. 15, *48*) длиной 2 см был обнаружен на кв. 69 при снятии первого горизонта. Квадратные в сечении оселки характерны для позднесарматских памятников (Малашев, Яблонский, 2008. С. 280, рис. 156, 4; с. 290, рис. 166, 12; с. 298, рис. 174, 4; с. 308, рис. 184, 3; с. 309, рис. 185, 5), известны и на памятниках киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 33).

Точильные и терочные камни. Камень, вероятно, использовавшийся в качестве *точильного*, имел трехгранную форму и размеры 4,5 × 3,2 × 2,5 см. Он был найден на кв. 3 при снятии второго горизонта. Следы сработанности обнаруживаются на всех гранях камня. Камень трехгранной формы со следами сработанности на одной стороне, вероятно, использовавшийся как терочный, был обнаружен на кв. 36 при снятии второго горизонта. Его размеры составляют 8,5 × 8,2 × 3,0 см.

Костяные изделия из раскопа I представлены единственным *фрагментом кальцинированной таранной кости лошади* (рис. 12, *98*) с просверленным отверстием, найденным на кв. 35 при снятии второго горизонта в составе скопления керамики 3 в прокале сооружения 3.

Керамический материал раскопа I представлен 2 940 фрагментами лепных и 46 фрагментами круговых сосудов (табл. 1).

Можно выделить следующие категории ***лепной керамики***: горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью, фрагменты которых являются абсолютно преобладающим видом находок; горшковидные сосуды с лощеной или тщательно заглаженной поверхностью, кувшины, горшковидные сосуды с уплощенным дном, миски, лепешечницы, миниатюрные сосуды, крышки. Кроме того, на раскопе встречены несколько сосудов и фрагментов сосудов, которые являются единичными находками и не относятся ни к одной из описанных категорий.

Горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью (57 экз.[3]). Фрагменты сосудов этого типа составляют основную массу керамического материала. Цвет внешней поверхности керамики желтый, рыжеватый, реже – серо-коричневый. Внутренняя поверхность, как правило, серого цвета. Поверхность заглаженная, для ее обработки применялись мягкие материалы или пальцы гончара. В изломе черепки имеют трехслойную окраску, желтую у поверхностей и темно-серую

[3] Здесь и далее указывается количество частично реконструированных сосудов.

в середине. В составе формовочных масс визуально прослеживается примесь шамота. Обжиг сосудов неровный, черепки рыхлые, непрочные. Характерный признак этой категории керамики – «мажущаяся» поверхность. Толщина черепка различна, варьируется от 0,5 до 1 см.

Некоторые сосуды этого типа удалось частично реконструировать. По форме они могут быть разделены на три вида.

Вид I (52 экз.). К нему относятся относительно крупные слабопрофилированные горшки. Высота реконструированных сосудов колеблется в пределах 22–52 см, наибольшее расширение тулова имеет диаметр 18–39 см, диаметр по верхнему краю венчика составляет 14–24 см. По форме тулова горшки этого вида могут быть разделены на два подвида.

Подвид Iа (5 экз.). Горшки со слабопрофилированной верхней частью, короткой шейкой, слегка отогнутой наружу. Плечики отсутствуют, наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть сосуда (соотношение колеблется в пределах 0,7/1–1/3) и оформлено в виде сглаженного ребра. Днище не имеет закраины. Высота реконструированных сосудов составляет 22–27 см, диаметр по венчику – 14–24 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 18–32 см, диаметр дна – 10–12 см. Край венчика закруглен, не имеет орнаментации. Два сосуда подвида Iа были обнаружены в составе скопления керамики 4 (рис. 6, *845, 2105; 841*), два – в составе скоплений керамики 1–2 (рис. 4, *604; 2103*), еще один (рис. 4, *693, 785, 2060, 2061*) – частично в скоплениях керамики 1–2, а частично – в прилегающей части культурного слоя.

Подвид Iб (3 экз.). Сосуды с относительно высокой прямой вертикальной шейкой, округлобоким туловом. Шейка сосудов прямая, вертикальная, высотой 2–7 см, край венчика закруглен (у некоторых фрагментов – приострен). Наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю или среднюю часть сосудов. Днище реконструированного сосуда этого подвида имеет небольшую закраину (рис. 7, *1632*). Размеры сосудов сильно варьируются.

Два сосуда подвида Iб найдены в скоплениях керамики 5 (рис 7, *1513-1516, 1632*) и 1 (рис. 4, *764*), еще один сосуд – в культурном слое на кв. 34 и 66 (рис. 17, *1795, 2110*). Следует отметить, что сосуд из скопления керамики 5 (отдельные фрагменты от него были найдены также на кв. 16, 23, 35, 50, 57 и на втором горизонте кв. 35 в прокале сооружения 3 имел особенно крупные размеры – его реконструируемая высота составляет 52 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 39 см, диаметр по верхнему краю венчика – 20 см. Вероятно, сосуд использовался в качестве тарного.

Фрагментированные части горшков вида I. Значительная часть фрагментов горшков вида I представлена частично реконструированными верхними и придонными частями сосудов. Определить форму их тулова не представляется возможным.

По форме верхней части они могут быть разделены на несколько разновидностей.

А) Сосуды с короткой, прямой, почти вертикальной шейкой (16 экз.). Переход от тулова к шейке под небольшим углом (более 150°), край венчика уплощен или округлый. Фрагменты верхних частей сосудов этого вида происходят из скопления 4 (рис. 6, *2104*) и из культурного слоя (рис. 17, *153; 209; 220; 2227; 336; 384; 502; 505; 964; 1731; 2037; 2178; 2388; 2468; 2519*).

Б) Сосуды с короткой, отогнутой наружу шейкой (16 экз.). Переход от тулова к шейке под углом менее 150°, край венчика уплощен или округлый. Фрагменты верхних частей сосудов этого вида происходят из скопления 1 (рис. 4, *661; 2062; 2063*), скопления 4 (рис. 6, *885*), соору-

жения 2 (рис. 10, *2554; 2580*) и из культурного слоя (рис. 17, *439; 479; 526; 1064; 1843; 1930; 2018; 2160; 2387; 2517*).

В) Сосуды с плавным переходом от тулова к венчику (9 экз.), без выраженной шейки. К этому подвиду относятся фрагменты сосудов из скопления 1 (рис. 4, *762, 763*), сооружения 4 (рис. 13, *963; 2675*) и из культурного слоя (рис. 17, 301; 971; 1425; 1976, 1991).

Кроме того, к ***виду I*** можно однозначно отнести придонные части (3 экз.) сосудов из скопления 1 (рис. 4, *2102*) и культурного слоя (рис. 17, *1676; 2028*). Диаметры их варьируются в пределах 8–12 см, углы наклона тулова по отношению к дну – от 106° до 125°, переход от дна к тулову может быть оформлен различно, как с закраинами (№ 2102), так и с плавным переходом (№ 1676, 2028).

Вид 2 (5 экз.). Небольшие округлобокие горшки со среднепрофилированной верхней частью, вертикальной или отогнутой наружу шейкой, округлыми плечиками. Наибольшее расширение тулова находится в средней части сосуда. Большинство венчиков сосудов этого вида орнаментировано косой насечкой, защипами или вдавлениями.

Полностью удалось реконструировать профиль только одного *сосуда* (рис. 18, *89*), фрагменты которого были обнаружены на кв. 69, 70, 75 при снятии первого горизонта. Его высота составляла 12,5 см, диаметр по венчику – 11,3 см, диаметр днища – 9,5 см. Диаметр сосуда в месте наибольшего расширения тулова – 13,2 см, высота верхней и нижней частей относятся как 0,8:1. Шейка отогнута наружу под углом 128° к тулову. Переход от днища к тулову срезан, угол наклона нижней части тулова по отношению к днищу 104°. Поверхность заглажена, цвет внешней поверхности рыжевато-коричневый, внутренней – серо-коричневый. Край венчика округлый, украшен косой насечкой. Толщина стенки – 0,7 см.

К рассматриваемому виду можно с уверенностью отнести фрагменты сосудов из скопления 5 (рис. 7, *1625*) и культурного слоя (рис. 18, *1259; 2147; 2422*).

Технико-технологический анализ[4] горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью показал, что они изготовлены из четырех разновидностей ожелезненных слабозапесоченных глин, которые близки по качественному составу, происходят из разных глинищ в пределах одного района и могут быть определены как «местные». В качестве компонентов формовочных масс зафиксированы шамот и органический раствор, в одном случае (рис. 4, *2103*) – шамот и очищенный навоз. На шамот использовались сосуды, изготовленные из аналогичного исходного сырья с введением шамота и органики, что свидетельствует об устойчивости традиций составления формовочных масс. Начины сосудов делались в соответствии с двумя программами: донной (рис. 6, *2104*) и донно-емкостной (все остальные). В качестве «строительных элементов» использовались лоскуты и жгуты – как длинные (рис. 7, *1632*; рис. 4, *2102; 2103*), так и короткие (рис. 18, *89*). Наращивание элементов происходило по спиралевидной траектории. Конструирование сосудов осуществлялось методом скульптурной лепки без применения форм-моделей. В качестве способа обработки поверхностей сосудов использовалось заглаживание кусочком ткани (рис. 4, *2061; 2062*), кусочком ткани и пальцами гончара (рис. 18, *2054*), деревянным скребком и кусочком ткани (рис. 18, *89*; рис. 7, *1632*).

Горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью, выявленные на раскопе I селища Новая Беденьга I, находят аналогии в материалах киевской культуры, в Среднем Поволжье представ-

[4] Технико-технологический анализ керамического материала проведен к. и. н. Н. П. Салугиной.

ленной памятниками типа Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005). Сходство отмечается в слабопрофилированных формах, наличии слабо выраженного ребра в месте наибольшего расширения тулова, характерной «мажущейся» поверхности сосудов.

Горшковидные сосуды с лощеной или тщательно заглаженной поверхностью (6 экз.). Небольшая часть фрагментированного лепного керамического материала довольно резко отличается от вышеописанных сосудов лощеной или тщательно заглаженной поверхностью, меньшей толщиной и большей плотностью черепка. Сосуды, относящиеся к этому типу, по форме верхней части могут быть разделены на два вида.

Вид 1 (1 экз.). К этому виду относится один *сосуд* (рис. 12, *92*), фрагменты которого были найдены в прокале сооружения 3 на кв. 34–35 при снятии второго горизонта. Высота сосуда – 16 см, диаметр по краю венчика 15 см, максимальный диаметр тулова – 16 см. Днище сосуда имеет небольшую закраину. Тулово сосуда плавно расширяется кверху, наибольшее расширение приходится на верхнюю треть сосуда, высоты верхней и нижней частей относятся как 1:2. Шейка сосуда вертикальная, край венчика украшен пальцевыми защипами. Поверхность сосуда тщательно заглажена, цвет фрагментов желтый как на поверхности, так и в изломе. Сосуд хорошо обожжен, черепки плотные. Прямые аналогии описанному сосуду в Среднем Поволжье авторам неизвестны.

Технико-технологический анализ сосуда (№ 92) показал, что он изготовлен из слабозапесоченной глины со значительной концентрацией бурого железняка и охристых включений (возможно, неместного происхождения). В состав формовочных масс сосуда входят шамот и очищенный навоз. Полое тело сосуда формировалось с использованием формы-емкости. Поверхность сосуда заглажена при помощи деревянного скребка и кусочка ткани.

Вид 2 (5 экз.). К этому виду относятся немногочисленные фрагменты, обнаруженные в сооружении 2 (рис. 10, *2612*), скоплении керамики 1 (рис. 4, *727*) и культурном слое (рис. 18, *1210, 2386, 2519*). Они имеют прямую вертикальную шейку и выраженные плечики. Цвет фрагментов темно-серый или коричневый. Край венчика округлый или уплощенный. Черепок плотный, цвет в изломе темно-серый, толщина 0,5–0,7 см. Высокая степень фрагментированности материала не позволяет однозначно определить культурно-хронологическую принадлежность этого вида керамики.

Миски (4 экз.). Ни одного полностью реконструируемого профиля мисок получить не удалось, поэтому судить о форме этой категории сосудов с раскопа I не представляется возможным. Частичной реконструкции из фрагментов с кв. 16, 17, 47, 48 поддается только одна нижняя часть *миски* (рис. 18, *2064*). Диаметр дна миски составлял 12 см, угол между нижней частью тулова и дном – 143°. Цвет фрагментов темно-серый и рыжевато-желтый, черепки плотные. Миска изготовлена из «местной» глины, состав формовочных масс включает шамот и органический раствор. Внешняя поверхность покрыта сплошным лощением при помощи гальки, внутренняя заглажена мягким предметом. Следует отметить, что лощеные фрагменты в керамическом комплексе поселения единичны.

Также предположительно к мискообразным сосудам можно отнести фрагмент, найденный в составе скопления керамики 4 (рис. 6, *941*).

Еще несколько фрагментов, выделяющихся из общей массы лепной керамики цветом, фактурой и характером обработки поверхности, вероятно, принадлежат одному мискообразному сосу-

ду. Они обнаружены в заполнении сооружений 3 и 4 и прилегающей части культурного слоя. Один фрагмент представляет собой венчик сосуда (реконструируемый диаметр по верхнему краю составляет 24 см), слегка наклоненный вовнутрь (рис. 12, *2645*). Край венчика уплощен. Остальные фрагменты представляют собой части стенок. Цвет фрагментов темно-серый, поверхность тщательно заглажена. Толщина черепка – 0,7 см. Форма сосуда полностью не восстанавливается.

Фрагментированность материала не позволяет однозначно определить культурную принадлежность мискообразных сосудов. Скорее всего, они относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э.

Лепешечницы. Довольно многочисленной категорией керамического материала являются фрагменты дисков-лепешечниц. Они встречены в составе скоплений 1–2 (рис. 4, *699; 700; 703; 728; 787; 788*), скопления 4, сооружения 2 (рис. 10, *2632*). В культурном слое встречены экземпляры с небольшим (до 1 см) бортиком (рис. 18, *237; 238; 1015; 2283; 2372*) и без него (рис. 18, *105; 120; 155; 178; 363; 390; 391; 506; 601; 988; 1170; 1997; 2027; 2294; 2370; 2681*). Толщина лепешечниц составляет от 0,7 до 1,3 см. Диаметр варьируется очень широко: от 10 до 40 см. Фрагментов с отверстиями не встречено.

По фактуре и технике изготовления лепешечницы имеют большое сходство с горшковидными сосудами с шероховатой поверхностью. Близкие аналогии лепешечницам в Среднем Поволжье могут быть найдены в материалах именьковской культуры и памятниках типа Сиделькино-Тимяшево. Следует отметить, в раскопе I преобладают лепешечницы диаметром менее 25 см, что отличает их как от именьковских, так и от тимяшевских, для которых характерны более крупные размеры (Старостин, 1967. С. 20; Сташенков, 2005. С. 43). В то же время диски-лепешечницы небольших (12–28 см) размеров известны на киевских памятниках Подесенья (Терпиловский, 1984. С. 24).

Крышки (3 экз.). К этому типу керамики относятся воронковидные изделия с высокой вертикальной ручкой, предположительно использовавшиеся как крышки для сосудов.

Удалось частично реконструировать *крышку* (рис. 18, *79*), найденную на кв. 9 при снятии первого горизонта. Диаметр крышки по нижнему краю составлял 12 см, высота ручки – 7,5 см, диаметр ее сечения – 3 см. Крышка изготовлена из хорошо обожженной глины. Поверхность ее заглажена.

Помимо описанной, были найдены также отдельные фрагменты других *крышек* в скоплении 1 (рис. 4, *784*) и культурном слое (рис. 18, *481*), однако они малоинформативны вследствие своей фрагментированности.

В Среднем Поволжье воронкообразные крышки известны на городище Лбище (Матвеева, 2004. С. 138, рис. 15, 20), но они сильно отличаются от найденных размерами и формой ручки. Аналогии крышкам с вертикальной ручкой авторам статьи неизвестны.

Миниатюрные сосуды (33 экз.) и их фрагменты являлись довольно многочисленной категорией находок на раскопе I. Всего было найдено 53 фрагмента от различных миниатюрных сосудов. Сосуды были изготовлены из хорошо промешанной глины, без визуально прослеживающихся примесей. Поверхность их ровная, заглаженная. Цвет сосудов различный: от темно-серого, почти черного, до рыжевато-желтого. Можно выделить горшковидные и рюмкообразные формы миниатюрных сосудов.

Горшковидные миниатюрные сосуды (17 экз.) (рис. 19). Многочисленные фрагменты горшковидных миниатюрных сосудов были обнаружены в скоплениях 1–2, сооружении 3, культурном слое памятника.

Высота сосудов варьируется в пределах 4–6,5 см, диаметр днища – около 3 см, диаметр по венчику – 2–4,5 см, диаметр наибольшего расширения тулова – 3–7 см. Форма горшковидных миниатюрных сосудов характеризуется наличием ребра в месте наибольшего расширения тулова, выраженных плечиков и короткой прямой шейки. Поверхность сосудов тщательно заглажена или подлощена. Отдельные экземпляры (№ 61) орнаментированы насечкой по ребру сосуда.

Полностью реконструируемый *горшковидный сосуд* (рис. 12, *34*) был собран из фрагментов, найденных на кв. 28, 32 и в прокале сооружения 3. Высота сосуда составила 6,3 см, диаметр по дну – 2,8 см, в месте наибольшего расширения тулова (по ребру) – 5,3 см, по венчику – 4,4 см. Поверхности заглажены мягким предметом. Край венчика скошен наружу, шейка короткая, слегка отогнутая наружу.

Сосуд изготовлен из запесоченной глины, в качестве примесей в составе формовочных масс присутствует только органический раствор, что резко выделяет его из основной массы керамического материала памятника.

Формы горшковидных миниатюрных сосудов повторяют формы крупных горшковидных сосудов. Некоторые из них (№ 34) находят полные аналогии в керамическом комплексе киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 177, рис. 25, 1). Следует отметить, что в киевских древностях миниатюрные сосуды единичны. Миниатюрные сосуды известны и в именьковской культуре, но их форма совершенно иная.

Рюмкообразные миниатюрные сосуды (16 экз.). Их фрагменты найдены в скоплении 5 (рис. 7, *39*), сооружении 3 (рис. 12, *35*) и культурном слое памятника (рис. 19). Общим признаком для всех рюмкообразных миниатюрных сосудов является наличие у них ножки, в большинстве случаев снабженной поддоном. К категории сосудов эти предметы отнесены по формальным признакам. Функционально использоваться в качестве емкостей для чего-либо большинство из них вряд ли могло из-за неустойчивости и исключительно малых размеров. Форма нижней части ножек рюмкообразных сосудов создает впечатление, что при их изготовлении вообще не придавалось значения устойчивости сосуда. Диаметр сосудов по венчику колеблется в пределах 2,5–3 см.

Единичные экземпляры рюмкообразных миниатюрных сосудов встречаются в материалах киевской культуры (Памятники киевской культуры… 2007. С. 173, рис. 21, 23). Известны они и в именьковском слое городища Ош-Пандо (Степанов, 1967. С. 205. Табл. XIX, 10–13, 18), но в целом для именьковской культуры не характерны. Очень близкие к найденным на исследуемом памятнике формы миниатюрных сосудов обнаруживаются среди древностей дьяковской культуры (Кренке, 2011. С. 374, рис. 76, 70/83, 451/83, 645/83; 154; Сыроватко, 2009. С. 334, рис. 101, 98, 4).

Кувшины (2 экз.). Эта категория керамики представлена двумя частично реконструированными формами и несколькими отдельными обломками. Все они были найдены в культурном слое (фрагменты кувшина № 91 составили скопление керамики 6, за исключением нескольких фрагментов сосуда № 2065, 2067, которые обнаружены в верхней части заполнения сооружения 2.

Высота сохранившейся части к*увшина* (рис. 8, *91*), обнаруженного в скоплении керамики 6, составляет 15 см, диаметр наибольшего расширения тулова составляет 13 см, диаметр по венчику – 6 см, высота горловины – 5 см. Сохранился фрагмент венчика со сливом. Тулово кувшина округло-

бокое, наибольшее расширение приходится на его среднюю часть. Поверхность кувшина украшена вертикальным зональным сетчатым лощением при помощи гальки, место перехода тулова к горловине орнаментировано двумя горизонтальными каннелюрами. Цвет поверхности серый.

Фрагменты *кувшина салтовского типа* (рис. 8, *2065, 2067*) были выявлены на кв. 19, 23, 25, 29, 30, 51, 54, 57, 67 при снятии первого горизонта и в верхней части заполнения сооружения 2 на кв. 51 – при снятии второго горизонта. Кувшин имел плоское дно диаметром 18 см, приплюснутое тулово с наибольшим расширением в нижней части (диаметром 22 см) и высокой прямой горловиной диаметром 10–11 см. Реконструируемая высота сосуда – 19 см. Внутренняя и внешняя поверхности сосуда покрыты сплошным лощением при помощи гальки. Тулово сосуда орнаментировано четырьмя параллельными линиями каннелюр: одинарной линией в нижней части тулова, двойной в средней и двойной в месте перехода к горловине. Цвет внешней поверхности розовый и розовато-коричневый, внутренней – серый. Черепок в изломе двухцветный: розоватый у внешней поверхности и серый у внутренней.

Отдельные фрагменты кувшинов представлены находками венчика со сливом (кв. 21) (рис. 8, *263*), двух *ручек* овально-уплощенной в сечении формы (кв. 56, 51) (рис. 8, *81, 471*), *венчика с частью горловины* (рис. 8, *2176*) (кв. 65–66).

Технико-технологический анализ показал, что кувшины изготовлены из глин специфического состава, не характерного для основной массы керамического материала. В состав формовочных масс кувшина № 91 входили шамот и органика неясного происхождения, а кувшина № 2065 – только органический раствор.

Описанные кувшины находят аналогии в материалах памятников раннеболгарского времени: в погребении Плодопитомник II в Ульяновской области (Семыкин, Казаков, 2003. С. 130. Рис. 2, 2) и Большетарханском могильнике в Татарстане (Генинг, Халиков, 1964. С. 7, рис. 2, 2; табл. III, 2).

Горшковидные сосуды с уплощенным и круглым дном (3 экз.). Полностью реконструируемый *сосуд* (рис 5, *93*) обнаружен над прокалом сооружения 3 при снятии первого горизонта в скоплении керамики 3. Сосуд имел округлобокое тулово с максимальным расширением диаметром 9,5 см в средней части, уплощенное дно диаметром 5,5 см, отогнутую наружу короткую шейку. Край венчика выгнут наружу, закруглен и украшен косой насечкой. Стенки сосуда тонкие (до 0,5 см), поверхность тщательно заглажена. Сырьем для сосуда послужила «местная» глина, в состав его формовочных масс входят шамот и очищенный навоз; сосуд изготовлен с применением формы-основы спирально-лоскутным способом. Начин – донно-емкостный. Поверхность заглажена мягким материалом. Близкая аналогия описанному сосуду обнаруживается в материалах Танкеевского могильника (Khalikova, Kazakov, 1977. S. 210, pl. XXXVI, 14).

Один фрагмент придонной части сосуда с уплощенным дном (рис. 5, *1389*), найденный также на кв. 54.

Круглодонный сосуд с короткой прямой вертикальной шейкой (рис. 5, *90*) был найден на кв. 7 при снятии первого горизонта. Место находки обозначено как скопление керамики 7. Сосуд имеет небольшие размеры, диаметр его по венчику и высота составляют по 5,5 см. Тулово сосуда округлое, приземистое. Шейка прямая вертикальная. Сосуд орнаментирован четырьмя рядами горизонтальной штриховки по поверхности шейки и рядом диагональной сетки по верхней части тулова. Поверхность залощена, цвет ее темно-серый, почти черный. Черепок плотный, звонкий.

Близкие по форме и орнаментации сосуды известны в Танкеевском могильнике (Khalikova, Kazakov, 1977. S. 209, pl. XXXV, 4), что позволяет датировать сосуд последней четвертью I тыс. н. э.

Сосуды описываемой категории изготовлены из «местных» глин. В состав их формовочных масс входили шамот и навоз (у сосуда № 93 – очищенный). Следует отметить, что сосуд № 90 содержит в своем составе шамот, в формовочную массу которого в качестве искусственных примесей введена раковина. Оба сосуда изготовлены с применением формы-основы спирально-лоскутным способом. Начин – донно-емкостный. Поверхность горшка № 90 заглажена галькой, № 93 – мягким предметом.

Фрагменты сосудов, представленных единичными экземплярами. Часть фрагментов лепных сосудов не относится ни к одной из описанных выше категорий. Эти сосуды представлены в единственном числе.

Сосуд, орнаментированный двойной зигзагообразной прочерченной линией. Фрагменты этого *сосуда* (рис. 18, *2055–2059*) были найдены на кв. 22, 24–25, 52–55, 57. Удалось реконструировать верхнюю часть этого сосуда. Он имел прямую вертикальную шейку, край венчика отогнут наружу и уплощен. Шейка переходит в округлое плечико под углом в 125°, тулово не сохранилось. По плечику идет полоса орнамента в виде двойного прочерченного зигзага. Диаметр сосуда по краю венчика составлял 11 см. Поверхность сосуда тщательно заглажена кусочком ткани. Черепки прочные, плотные, серо-коричневого и желто-коричневого цвета. Окрас черепка в изломе ровный. Внутренняя поверхность темно-серого цвета. Сосуд содержит в своем составе как «традиционный» шамот – из аналогичного сырья с добавлением шамота, так и шамот с искусственно введенной кальцинированной костью. Точные аналогии сосуду неизвестны.

Сосуд с веревочным орнаментом и примесью раковины в тесте. Фрагменты этого сосуда (рис. 18, *94*) были выявлены на кв. 53–54 при снятии первого и второго горизонтов. Сосуд имел прямую вертикальную шейку, украшенную 5 линиями веревочного орнамента. Край венчика выгнут наружу, украшен вертикальными ногтевыми вдавлениями, его диаметр составляет 15 см. Форма тулова не реконструируется. Форма и орнаментация сосуда схожи с горшками Танкеевского могильника (Khalikova, Kazakov, 1977. S. 209, pl. XXXV, 16).

Сосуды, изготовленные с применением гончарного круга, представлены фрагментами двух амфор.

Амфора (рис. 18, *2077*) с рифленой внешней поверхностью, фрагменты от которой были найдены на кв. 14, 20, 22–23, 25, 27, 43, 42, 45 52–54, 57–59, 61, 63, 65–66 на уровне 1–2 горизонтов. Цвет амфоры желто-оранжевый, толщина стенки 0,6–0,8 см. На одном из фрагментов (№ 2077) заметно место прикрепления ручки. Удалось реконструировать часть тулова и плечика амфоры. Максимальный диаметр сохранившейся части тулова составляет 34 см. Следует отметить, что из фрагментов амфоры с рифленой поверхностью сделаны два керамических жетона (№ 26–27).

Ручка от амфоры (рис. 10, *82*), массивная, овально-уплощенной в сечении формы (размер сечения 4,2 × 3,5 см), найдена кв. 16 при снятии второго горизонта.

Предположительно, фрагменты амфор имеют средиземноморское происхождение и датируются римским временем, вероятно, III–IV вв. н. э.[5] Единичные находки фрагментов амфор встреча-

[5] Авторы выражают признательность профессору Саратовского госуниверситета, д. и. н. С. Ю. Монахову за полученную консультацию.

ются на поселениях киевской культуры (Памятники киевской культуры…, 2007. – С. 38). В Среднем Поволжье амфоры римского времени на поселениях неизвестны.

Остеологический материал[6] из раскопа I немногочислен (табл. 3). Он представлен 632 костями, из которых только 97 определимы до вида. Кости распределены по площади раскопа неравномерно, повышенная концентрация наблюдается на участках культурного слоя, непосредственно примыкающих к скоплениям керамики. Проведенный анализ выявил присутствие на памятнике всех четырех основных сельскохозяйственных видов и собаки. Основную роль в пищевом рационе играла говядина.

При всей немногочисленности доступных для определения костных остатков бросается в глаза отсутствие среди них костей рыб и диких видов. Это резко отличает исследуемый памятник от поселений именьковской культуры, где, во-первых, кухонные остатки намного многочисленней, а во-вторых, ярко свидетельствуют о важной роли охотничьего и рыболовецкого промысла у оставившего их населения.

Соотношение видов в остеологическом спектре селища Новая Беденьга I обнаруживает очень высокую степень сходства с памятниками киевской культуры Подесенья (Пашкевич, Терпиловский, 1981).

Таким образом, на раскопе I можно выделить два культурно-хронологических комплекса находок.

К первому из них относятся материалы, датирующиеся второй четвертью – серединой I тыс. н. э. Из индивидуальных находок к нему относятся фибула, усеченно-биконические пряслица, керамические жетоны, наконечник стрелы, рамка пряжки круглой формы. Тем же временем датируются фрагменты горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью, лепешечницы и фрагменты амфор. На основании взаиморасположения находок с этим комплексом можно связать также обнаруженные в раскопе I фрагменты мисок, крышек и рюмкообразных миниатюрных сосудов. Ко второй четверти I тыс. н. э. относится функционирование сооружений 2, 3 и 4, выявленных на раскопе.

Ко второму комплексу можно уверенно отнести стилетовидный предмет с волютообразным навершием, фрагменты ажурной накладки, а также несколько сосудов (кувшиновидные сосуды салтовского типа с лощением, лепные горшки с уплощенным и округлым дном, а также сосуд, орнаментированный веревочным штампом по шейке). Характер их распространения на раскопе I позволяет говорить о наличии на селище напластований, относящихся к хазарскому времени (VIII–X вв. н. э.).

Раскоп II

Раскоп II (рис. 20) был заложен на западной окраине памятника, к северо-западу от края водоносного оврага, в 10 м от него, в 360 м к ЗЮЗ от раскопа I. Площадь раскопа составила 128 м^2.

Стратиграфия раскопа II

Стратиграфия раскопа достаточно единообразна на всей площади и может быть описана суммарно. На раскопе II выделяются четыре стратиграфических слоя (рис. 272–319).

1. Дерн, коричнево-бурого цвета, переплетенный тонкими корнями растений, мощностью до 6 см.

[6] Анализ остеологического материала из раскопа I проведен к. б. н. В. В. Гасилиным.

2. Суглинок, серого цвета, мелкозернистый (зерно до 1 см), мощностью 5–10 см. Слой встречался не на всей площади раскопа, в основном заполняя поверхностные углубления. Только в северно-восточной части исследованной площади он становился непрерывным.

3. Суглинок, светло-серого (пепельно-серого, желтовато-серого) цвета, в верхней части – мелкозернистый, в нижней части – крупнозернистый, слабогумусированный, оподзоленный, мощностью до 30 см. Основной культурный слой, содержавший находки.

4. Материк – плотная глина различных оттенков (от зеленовато-желтой до черной), с вкраплениями камней оранжевого и серого цвета. Поверхность материка очень неровная, с многочисленными западинами от корневой системы древесной растительности.

Характеристика культурного слоя

Культурный слой на раскопе II имеет мощность 10–20 см. Снятие культурного слоя производилось условными горизонтами толщиной около 20 см. Основная часть находок выявлена в нижней части первого и верхней части второго условных горизонтов. На зачистке первого горизонта были зафиксированы скопления керамики 1 и 2, очертания пятен прокала и сооружения 1. В некоторых частях раскопа II на зачистке первого горизонта был выявлен материк.

Массовый материал – фрагменты лепной керамики, остеологический материал отсутствует – распределяется по площади раскопа неравномерно, на некоторых участках раскопа находки отсутствовали. В процессе исследования удалось выявить два скопления керамики.

Скопление 1 было выявлено на кв. 28. Фрагменты керамики (всего 85 фр.) располагались на площади неправильной формы размером 50 × 80 см (рис. 20). В состав скопления входили фрагменты от крупного горшковидного сосуда со сглаженным ребром (рис. 21, *624*), лепешечницы, фрагментированные части других горшковидных сосудов (рис. 21, *530*).

Скопление 2 было выявлено на кв. 1, 2, 5, 6. Фрагменты керамики (всего 431 фр., из них 392 фр. на уровне первого горизонта, 39 – на уровне второго) располагались несколькими группами на общей площади 370 × 210 см (рис. 20). Фрагменты керамики принадлежат сосуду низких пропорций (рис. 22, *6, 7*), лепешечницам (рис. 22, *151*) и горшковидным сосудам (рис. 22, *11; 18; 20; 24; 30; 39; 54; 58; 73; 152; 219; 233; 234; 310; 379*). Со скоплением 2, вероятно, составляют единый комплекс находки обломка керамического пряслица усеченно-биконической формы (рис. 22, *3*) и фрагмент глиняной зооморфной фигурки (рис. 22, *1*). К югу от скопления 2 культурный слой был насыщен мелкими угольками.

На кв. 2, в центральной части скопления керамики 2, было выявлено пятно прокала серо-розоватого цвета, овальной формы, размером 68 × 30 см, мощностью до 5 см. Культурный слой поблизости от прокала был насыщен мелкими угольками. Пятно прокала получило название ***очаг 1***. Скорее всего, оно составляет единый комплекс со скоплением керамики 2.

Описание сооружений

Сооружение 1 (рис. 20) было выявлено на зачистке материка после снятия второго горизонта на кв. 6. Пятно сооружения на уровне выявления имело неправильную, почти округлую форму и размеры 80 × 60 см. В его центральной части располагались пятна переотложенного прокаленного минерального вещества. Заполнение сооружения представляло собой зернистый гумусированный суглинок с вкраплениями углей. В заполнении сооружения выявлено 16 мелких фрагментов лепной керамики. Глубина сооружения не превышала 25 см от уровня выявления. К центру ямы дно ее было слегка углублено.

Сооружение 1, вероятно, составляет единый комплекс с выявленным при снятии первого горизонта прокалом (очаг 1) и скоплением керамики 2. Возможно, что в этой части раскопа находилась какая-то легкая, не углубленная в материк постройка. В этом случае можно интерпретировать сооружение 1 как столбовую яму.

По составу находок весь комплекс, как и материал раскопа II в целом, относится ко второй четверти – середине I тыс. н. э.

Описание вещевого и керамического материала

Индивидуальные находки из раскопа II немногочисленны. Они представлены 5 керамическими изделиями: обломком зооморфной фигурки и четырьмя пряслицами (одним целым и тремя фрагментами).

Обломок зооморфной фигурки (рис. 22, *1*) представляет собой переднюю часть изображения животного с сохранившимися двумя ногами и массивным туловищем. Голова обломана. Вид животного по имеющейся части определить невозможно. Размеры сохранившейся части фигурки 3,8 × 3,3 × 2,6 см.

Зооморфные фигурки являются частыми находками на памятниках именьковской культуры (Матвеева, 2004. С. 157, рис. 34). Известны они и на памятниках типа Сиделькино-Тимяшево (Сташенков, 2005. С. 109, рис. 60, 2, 3).

Пряслица. Четыре фрагмента найдены на раскопе II при снятии первого горизонта на кв. 6, 23, 22 (рис. 22, 3; рис. 23, *4; 5*); один – при снятии второго горизонта на кв. 20 (рис. 23, *2*). Все они относятся к типу усеченно-биконических. Пряслица из раскопа II отличаются от найденных на раскопе I малыми размерами. Максимальный диаметр пряслиц № 2–4 колеблется в пределах 1,8–2,3 см, высота – 1–1,4 см. Пряслице № 5 отличается несколько более крупными размерами, его максимальный диаметр составляет около 3 см, а высота – 1,5 см. Поверхность пряслиц заглаженная (№ 3, 4, 5) или лощеная (№ 2). Ребро сглаженное (№ 2, 3) или четко выраженное (№ 3, 5), боковые грани прямые.

Найденные на раскопе II пряслица относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э. и находят аналогии в материалах киевской и именьковской культур. Преобладание низких биконических пряслиц, по мнению А. М. Обломского, характерно для позднекиевских поселений деснинской традиции (Памятники киевской культуры… 2007. С. 32).

Керамический комплекс

Керамический комплекс раскопа II представлен 915 фрагментами лепных сосудов (табл. 2). По форме сосуды подразделяются на три категории: горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью, лепешечницы и крышки.

Горшковидные сосуды с шероховатой поверхностью представлены относительно крупными слабопрофилированными горшками с короткой шейкой. Цвет внешней поверхности керамики серый, серо-коричневый. Внутренняя поверхность, как правило, серо-коричневого цвета. Поверхность замыта. В изломе черепки имеют трехслойную окраску, коричневатую у поверхностей и темно-серую в середине. В составе формовочных масс визуально прослеживается примесь шамота. Обжиг сосудов неровный, черепки рыхлые, непрочные. Характерный признак этой категории керамики – «мажущаяся» поверхность. Толщина черепка различна, варьируется от 0,5 до 1 см.

Сосуды этой категории на раскопе II делятся на два вида.

Вид 1. Крупные слабопрофилированные горшки.

Удалось полностью реконструировать профиль одного *сосуда* этого вида (рис. 21, *624*), найденного в составе скопления керамики 1. Сосуд имел тулово с наибольшим расширением диаметром 33 см, оформленным в виде сглаженного ребра. Наибольшее расширение тулова находилось в верхней трети профиля. Шейка сосуда прямая, вертикальная. Переход от тулова к шейке практически незаметен. Венчик сосуда уплощен. Диаметр сосуда по верхнему краю венчика – 28 см. Толщина стенок 0,8–1,0 см. Поверхность сосуда желтоватого цвета, она сильно замыта.

Фрагментированные части горшков вида 1. По форме частично реконструированных верхних частей сосудов можно выделить две разновидности:

А. *Сосуды с короткой отогнутой наружу шейкой* найдены в скоплении 1 (рис. 21, *530*), скоплении 2 (рис. 22, *24; 39*) и культурном слое (рис. 23, *462; 627*).

Б. *Сосуды с плавным переходом от тулова к венчику без выраженной шейки* найдены в скоплении 2 (рис. 22, *20; 30; 73; 219*) и культурном слое (рис. 23, *251*).

К рассматриваемому виду керамики можно однозначно отнести придонные части сосудов из скопления 2 (рис. 22, *58; 233; 234; 310*) и культурного слоя (рис. 23, *446, 503, 626*). Некоторые из придонных частей имеют небольшие закраины (№ 58, 233). Углы наклона тулова по отношению к дну составляют 104–108° и 115–118°, реконструируемый диаметр днищ составляет 12–14 см.

Горшки вида 1 с раскопа II близки по форме описанным выше горшкам вида 1 с раскопа I и находят аналогии в керамическом комплексе киевской культуры.

Вид 2. Среднепрофилированные горшковидные сосуды низких пропорций. Фрагменты этих сосудов были найдены только в составе скопления керамики 2.

Удалось полностью реконструировать один *сосуд* этого вида (рис. 22, *6, 7*). Сосуд имел дно с небольшой закраиной диаметром 11 см, округлобокое тулово с максимальным расширением в верхней трети сосуда (соотношение верхней и нижней частей 1/3), хорошо выраженными плечиками, довольно высокой прямой отогнутой наружу шейкой и округлым венчиком. Верхняя часть сосуда заметно асимметрична. Диаметр сосуда по верхнему краю венчика составляет 18 см. Высота сосуда 13,5 см. Поверхность «мажущаяся», заглажена мягким предметом.

Предположительно, к этому же виду относится верхняя часть еще одного *сосуда* (рис. 22, *379*) и *придонные части* (рис. 22, *11, 18*) из скопления керамики 2. Фрагмент верхней части (№ 379) имеет короткую прямую расширяющуюся кверху шейку. Углы наклона тулова по отношению к дну у придонных частей № 11 и 18 составляют 130–150°.

По составу формовочных масс и технике изготовления описываемая категория керамики не отличается от горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью из раскопа I.

Горшки низких пропорций с раскопа II, без сомнений, относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э. Более детальная культурная интерпретация этого вида сосудов представляется преждевременной вплоть до получения более представительной выборки.

Лепешечницы. Еще одной категорией керамического материала являются фрагменты дисков-лепешечниц. На раскопе II в скоплении 2 встречены экземпляры с небольшим (до 0,5 см) бортиком (рис. 22, *151*), в культурном слое – с бортиком (рис. 23, *255; 504; 628*) и без него. Толщина лепешечниц составляет от 1,1 до 1,5 см. Диаметр варьируется очень широко: от 10 до 40 см. Значительная часть фрагментов из скопления 2 и культурного слоя имеет многочисленные отверстия диаметром 0,2–0,4 см (рис. 22, *151*; рис. 23, *628*). Два фрагмента с бортиком (из культурного слоя) орнамен-

тированы по бортику косой насечкой (рис. 23, *255; 504*). На фрагменте № 628 сохранились заметные отпечатки грубой ткани типа рогожи. По фактуре и технике изготовления лепешечницы имеют большое сходство с горшковидными сосудами с шероховатой поверхностью.

Лепешечницы относятся ко второй четверти – середине I тыс. н. э., аналогии им в Среднем Поволжье обнаруживаются в древностях киевской и именьковской культур.

Крышки представлены одним экземпляром, найденным на кв. 29 (рис. 23, *625*). Форма крышки аналогична найденной на раскопе I. Реконструируемый диаметр нижней части составляет 12 см. Поверхность крышки тщательно заглажена, цвет рыжевато-коричневый. Черепок в изломе трехслойный: коричневый по краям и темно-серый посередине. Обжиг хороший.

Материалы раскопа II содержат только древности второй четверти I тыс. н. э. Находки более позднего времени в этой части памятника отсутствуют.

* * *

Таким образом, в результате исследований 2010 г. на селище Новая Беденьга I были выявлены материалы, относящиеся к двум культурно-хронологическим комплексам.

Более ***ранний комплекс*** датируется второй четвертью – серединой I тыс. н. э. Он зафиксирован на обоих раскопах. Следует подчеркнуть, что набор вещей и керамических форм на раскопах I и II близок, но не идентичен. Основную часть керамического материала в обоих случаях составляют фрагменты крупных слабопрофилированных горшковидных сосудов с шероховатой поверхностью, округлобоких или со сглаженным ребром в средней части тулова. Вместе с ними найдены также лепешечницы и крышки. На раскопе I, кроме этого, присутствуют горшковидные сосуды небольшого размера, с шероховатой или тщательно заглаженной поверхностью; единичные фрагменты мисок, в том числе лощеных; миниатюрные сосуды разных форм; амфоры. На раскопе II эти виды керамики не найдены, зато обнаружены горшки низких пропорций, аналогий которым нет на раскопе I.

Вопрос о культурной принадлежности населения, обитавшего на селище во второй четверти I тыс. н. э., может быть решен на основе комплексного сопоставления полученных материалов с синхронными древностями Среднего Поволжья и Восточной Европы в целом.

Как уже было указано выше, поселения второй – третьей четверти I тыс. н. э. в Ульяновском Поволжье ранее связывались с населением именьковской культуры (Буров, 1985). Материалы поселения Новая Беденьга I отличаются от именьковских слабой насыщенностью культурного слоя и невысокой плотностью застройки, прежде всего отсутствием столь характерных для именьковских памятников многочисленных сильно углубленных в материк хозяйственных ям. Резко отличен и керамический комплекс: в материалах исследуемого памятника преобладают горшковидные сосуды со сглаженным ребром в средней части тулова, единичны фрагменты мисок и лощеных сосудов. Различается состав формовочных масс: для керамики именьковской культуры характерно преобладание (более 95 %) рецепта глина + шамот + навоз (Салугина, 1988. С. 121), в то время как для горшковидных сосудов изучаемого памятника характерно преобладание рецепта глина + шамот + органический раствор. Сильно отличается от именьковского и состав остеологических находок.

В последние годы Д. А. Сташенковым в самарском лесостепном Заволжье были исследованы памятники типа Сидельки́но-Тимя́шево и Крепость Кондурча II, содержащие материалы киев-

ской культуры и датирующиеся III–V вв. н. э. (Сташенков, 2005). Комплексы киевской культуры были выявлены и в Западном Закамье, на Болгарском городище (Сташенков, Шарифуллин, 2010).

В древностях киевской культуры обнаруживаются ближайшие параллели и основной массе материалов селища Новая Беденьга I. К ним относится основная часть керамического материала – фрагменты слабопрофилированных горшков с шероховатой поверхностью; пряслица; керамические «жетоны» и др.

В то же время часть материалов, полученная в ходе исследований, не находит аналогий в киевской культуре. К ней относятся рюмкообразные миниатюрные сосуды, крышки с вертикальной ручкой, горшки низких пропорций, сосуды с тщательно заглаженной поверхностью и защипами по венчику. Наличие этих категорий находок позволяет предполагать смешанный состав населения селища Новая Беденьга I.

Таким образом, материалы исследований селища Новая Беденьга I свидетельствуют о сложности и неоднозначности этнокультурных процессов в Среднем Поволжье в начале эпохи миграций. Неоднородность вещевого и керамического материала, а также различия, выявленные в керамических комплексах раскопов I и II, свидетельствуют о гетерогенности населения, обитавшего на памятнике во второй четверти I тыс. н. э.

Вполне вероятно, что подобные комплексы в ближайшее время будут выявлены и на других памятниках, ранее относимых к именьковской культуре, в том числе в Ульяновской области. Среди них можно назвать поселения Карлинское IV, Болтаевка, «Ипподром», керамический комплекс которых обнаруживает близость скорее к выявленному на селище Новая Беденьга I, чем к классическому именьковскому.

Поздний комплекс находок на памятнике относится к хазарской эпохе и находит аналогии на поселениях Среднего Поволжья (Севрюкаевское II, Малорязанское VII, Кармалинское селища – на Самарской Луке; Новослободское городище и Абрамовское селище в Ульяновском Поволжье), содержащих слои VIII–IX вв.

Проведенные исследования предоставляют новые материалы к проблеме определения характера средневолжских поселенческих памятников VIII–IX вв., которой в последние годы посвящено много работ (Семыкин, 1996; Матвеева, 2003, 2005; Матвеева, Семыкин, 2010; Сташенков, 2010, Вязов, Нерушин, 2010а). Результаты раскопок 2010 г. позволяют говорить как минимум о периодическом присутствии на территории селища населения раннеболгарского времени, возможно, связанном с производственной деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). – Самара, 1998.

2. Буров Г. М. Археологические памятники Ульяновска и его окрестностей // Краеведческие записки Ульяновского областного музея краеведения. – Вып. 3. – Ульяновск, 1971. – С. 262–302.

3. Буров Г. М. Археологические памятники Верхней Свияги. – Ульяновск, 1972.

4. Буров Г. М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 111–130.

5. Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). – М., 2007.

6. Вязов Л. А., Нерушин И. А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязань на Самарской Луке в 2007–2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара, 2010а. – С. 128–146.

7. Вязов Л. А., Нерушин И. А. Стилетовидные предметы с волютообразным навершием с территории Среднего Поволжья // Археология восточноевропейской степи. – Вып. 8. – Саратов, 2010б. – С. 255–273.

8. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964.

9. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). – СПб., 1994.

10. Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – М., 2011.

11. Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. – М., 2008.

12. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997.

13. Матвеева Г. И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 104–114.

14. Матвеева Г. И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: Именьковская культура. – Самара, 2004.

15. Матвеева Г. И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // Материалы конференции: чтения, посвященные столетию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – С. 294–298.

16. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V вв. н. э.). (Раннеславянский мир. Выпуск 5). – М., 2003.

17. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V вв. н. э.). (Раннеславянский мир. Выпуск 10). – М., 2007.

18. Пашкевич Г. А., Терпиловский Р. В. Сельское хозяйство деснинских племен III–V вв. // Использование методов естественных наук в археологии. – Киев, 1981. – С. 93–113.

19. Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II вв. н. э.). (Раннеславянский мир. Выпуск 12). – М., 2010.

20. Рикман Э. А. Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 50–87.

21. Салугина Н. П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988. – С. 119–144.

22. Семыкин Ю. А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996. – С. 66–82.

23. Семыкин Ю. А. Новые данные о развитии металлургии и железообработки у раннесредневекового населения Среднего Поволжья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 371–379.

24. Семыкин Ю. А. Научный отчет о проведении археологических исследований городища «Новая Беденьга I» и поселения «Новая Беденьга I» в Ульяновском районе в 2009 г. по Открытому листу формы 4 № 899. – Ульяновск: Архив УлГПУ, 2010.

25. Семыкин Ю. А., Казаков Е. П. Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 118–142.

26. Семыкин Ю. А., Матвеева Г. И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения Новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. (Краеведческие записки. Вып. 15). – Самара, 2010. – С. 243–254.

27. Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. САИ. – Вып. Д1-32. – М., 1967.

28. Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. (Раннеславянский мир. Выпуск 7). – М., 2005.

29. Сташенков Д. А., Шарифуллин Р. Ф. Раннесредневековый керамический комплекс из раскопок Болгарского городища (новый памятник киевского круга в Поволжье) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П. Н. Старостина. (Археология евразийских степей. Выпуск 10). – Казань, 2009. – С. 130–133.

30. Сташенков Д. А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). – Самара, 2010. – С. 118–127.

31. Степанов П. Д. Ош-Пандо. – Саранск, 1967.

32. Сыроватко А. С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. – М., 2009.

33. Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. – Киев, 1984.

34. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l’Est. – Budapest, 1977. – S. 21–221.

Таблица 1.

Раскоп I. Распределение керамического материала

	Лепная керамика												Круговая керамика				всего
	горшки					лощеночницы			кувшины	миски	крышки	мин. сосуды	венчики	стенки		ручки	
	венчики		стенки	днища и придонные части													
	неорн.	орн.		с закр.	без закр.	с борт.	без борт.	неизв.						неорн.	орн.		
гор. 1	252	12	1 745	8	111	4	43	3	73	9	12	42	2	6	28	3	2 353
гор. 2	33	3	353	2	19	3	3	0	1	0	2	8	0	1	3	0	431
соор. 2	12	1	97	0	3	1	1	0	4	0	0	0	0	0	0	1	120
соор. 3	3	4	36	3	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	48
соор. 4	2	0	11	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	15
отвал	0	0	14	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	1	1		19
всего	302	20	2 256	14	134	8	47	3	78 (2,6 %)	11 (0,4 %)	14 (0,4 %)	53 (1,8 %)	2	8	32	4	2 938
	322			148		58 (1,9 %)							46 (1,6 %)				2986 (100 %)
	2726 (91,3 %)																

Таблица 2.

Раскоп II. Распределение керамического материала

	Лепная керамика						всего
	горшки				лощеночницы	крышки	
	венчики	стенки	днища и придонные части				
			с закраиной	без закраины	с бортиком	без бортика	
гор. 1	70	590	11	36	10	8	1	726
гор. 2	11	153	0	4	3	2	0	173
соор. 1	1	15	0	0	0	0	0	16
всего	82	758	11	40	13	10	1 (0,1 %)	915 (100 %)
	891 (97,4 %)				23 (2,5 %)			

Приложение I

В. В. Гасилин. Результаты определения остеологических остатков с раскопа I

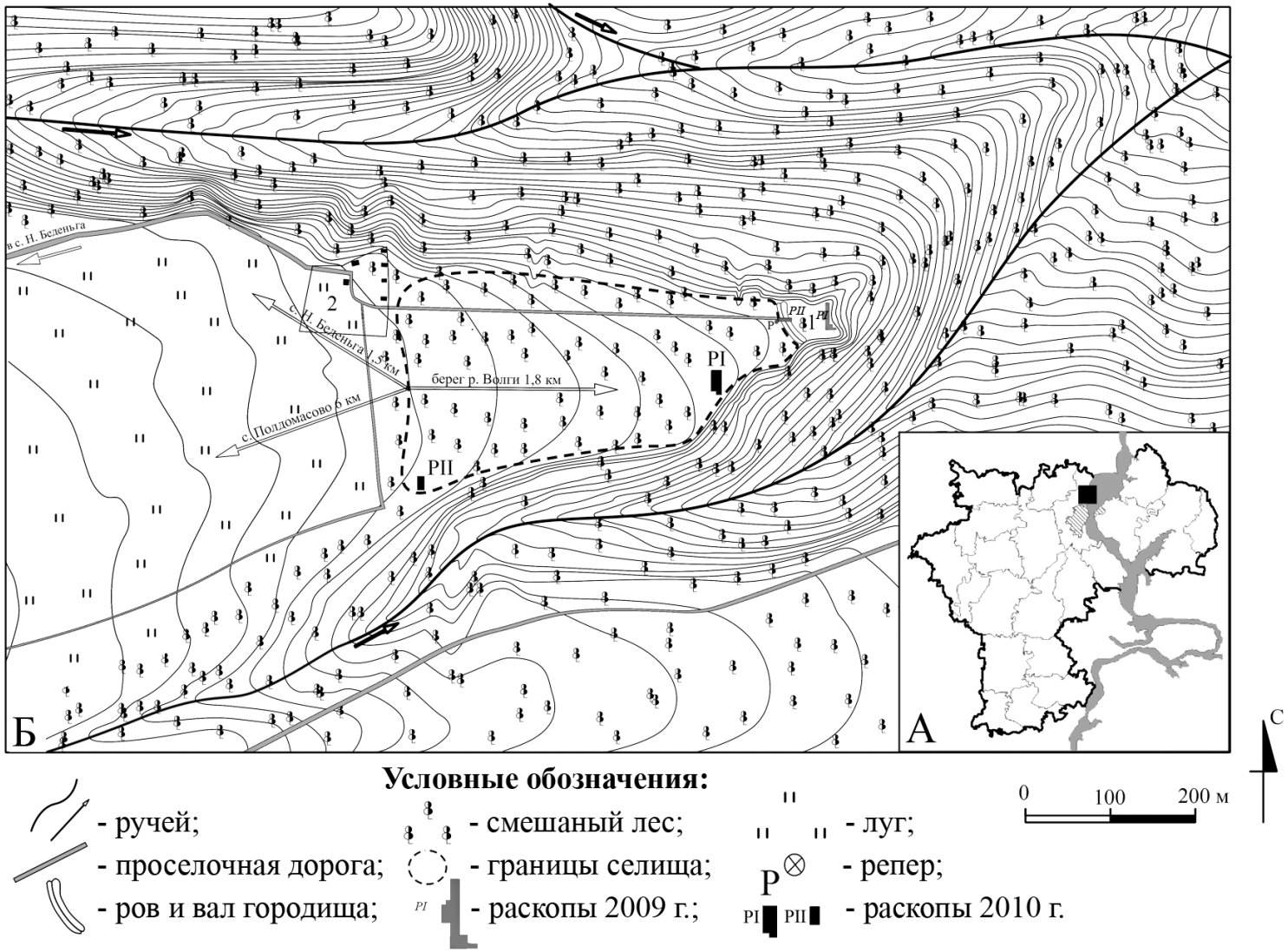
Всего найдено 632 кости млекопитающих. Степень раздробленности костей высокая. Найдены только кости домашних животных. В составе элементов скелета домашних копытных преобладали изолированные зубы, нижние челюсти, кости дистальных отделов конечностей (базиподии, метаподии, фаланги), кости проксимальных отделов конечностей и туловища (ребра) составили 17 %.

В одном случае (кв. 9, горизонт 2) найдены кости крупного рогатого скота, входившие в анатомическое сочленение: от плюсневой до последней фаланги. Все эти кости оказались кальцинированными.

Таблица 3.

Видовой состав и количество костных остатков животных
селища Новая Беденьга I (2010 г., раскоп I), экз.

Виды	Гор. 1	Гор. 2 (в т. ч. соор. 2, 3)	%
Крупный рогатый скот	51	15	**37**
Мелкий рогатый скот	5	1	**6**
Свинья	8	0	**8**
Лошадь	8	8	**16**
Собака	1	0	**1**
Всего	**73**	**24**	**100**
Кости со следами огня	**214**	**9**	–
Неопределимые до вида кости			
Крупное копытное	303	23	–
Мелкое копытное	53	4	–
Осколки	153	6	–
Всего	**509**	**33**	–



Цифрами обозначены: 1 - городище Новая Беденьга I; 2 - гостиница «Венеды».

Рис. 1. Селище Новая Беденьга I. Местоположение и топографический план.
А – местоположение селища на карте Ульяновской области (схема).
Б – топографический план селища Новая Беденьга I.

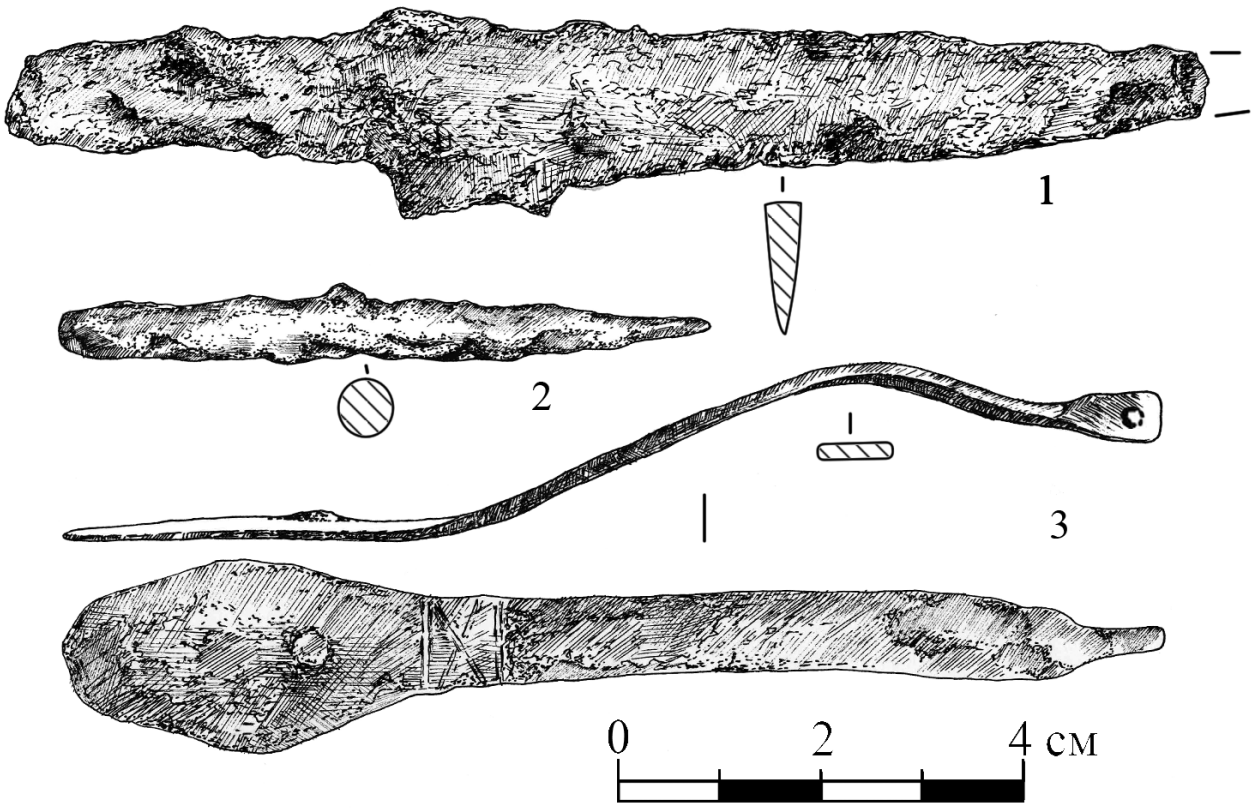


Рис. 2. Индивидуальные находки из шурфа 1 (2009 г.).
1, 2 – кв. 1, г. 1; 3 – кв. 2, г. 1. 1, 2 – железо, 3 – сплав цветных металлов.

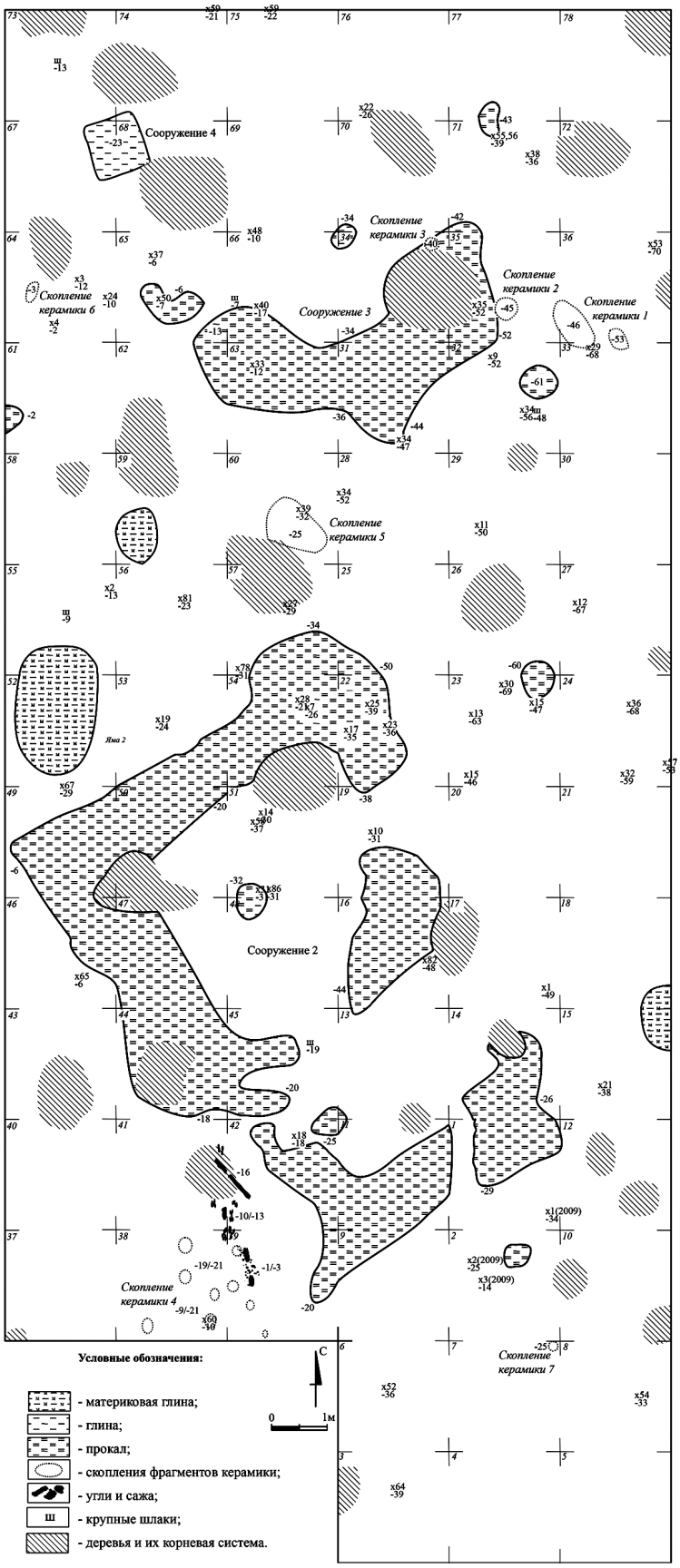


Рис. 3. План раскопа I.

X – индивидуальные находки и фрагменты миниатюрных сосудов.

Номера на плане соответствуют номерам находок в тексте.

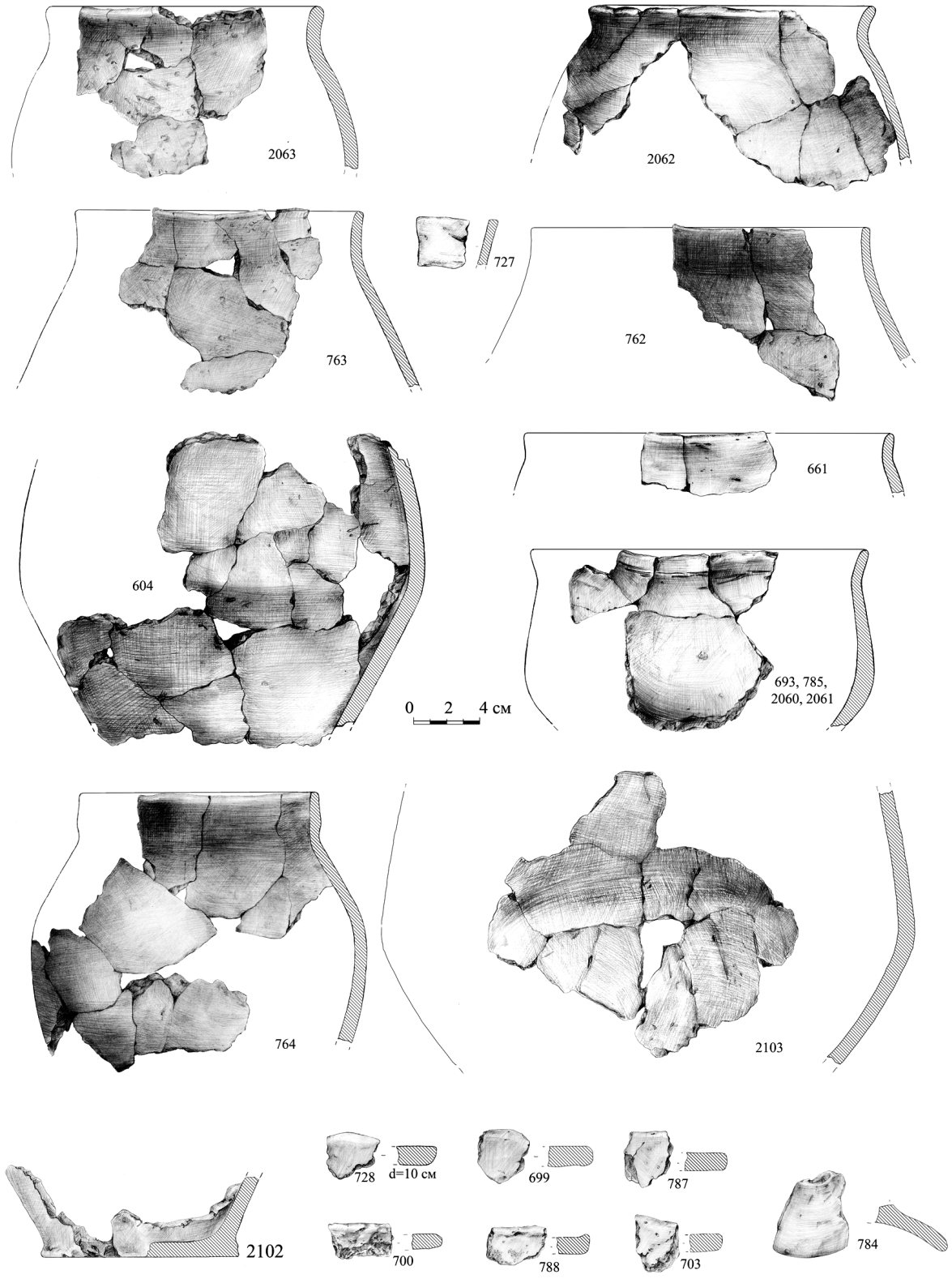


Рис. 4. Раскоп I. Фрагменты керамики и реконструированные части сосудов из скоплений 1, 2 и прилегающей части культурного слоя.

604, 764, 2103 – кв. 33, 35, 36, г. 1; 661 – кв. 33, г. 1; 727 – кв. 35, г. 1; 762 – кв. 35, 36, г. 1; 763 – кв. 23, 35, 36, г. 1; 693, 785, 2060, 2061 – кв. 23, 30, 33, 36, 71, г. 1-2; 2062 – кв. 31, 33, 36, г. 1; 2063 – кв. 32, 33, 35, г. 1; 2102 – кв. 36, г. 1; 699–703, 728, 747, 784, 787–788, 827 – кв. 32, 33, 35, 36, г. 1. Лепная керамика.

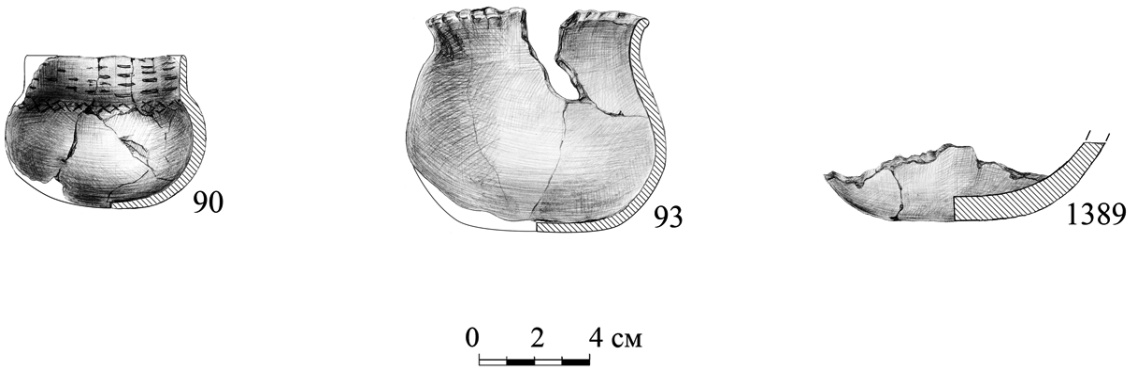


Рис. 5. Раскоп I. Сосуды с круглым и уплощенным дном из скоплений керамики 3, 7 и из культурного слоя.
90 – скопление керамики 7 (кв. 7, г. 1); 93 – скопление керамики 3 (кв. 34, г. 1); 1389 – кв. 54, г. 1. Лепная керамика.

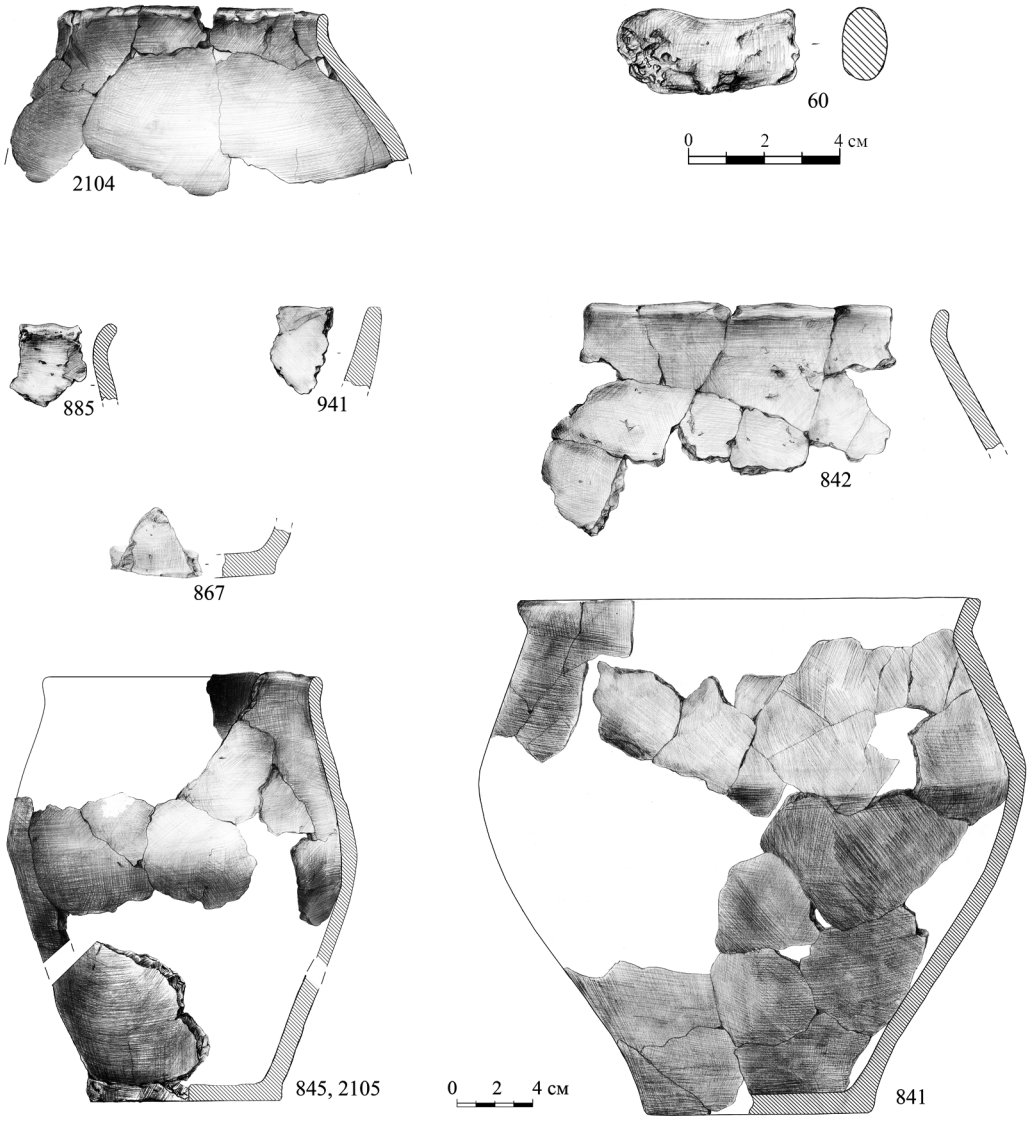


Рис. 6. Раскоп I. Фрагменты керамики и реконструированные части сосудов из скопления 4.
841, 845 – кв. 38, 39, г. 1, 2; 60, 885, 2104, 2105 – кв. 38, г. 1; 941 – кв. 38, 39, г. 1. Лепная керамика.

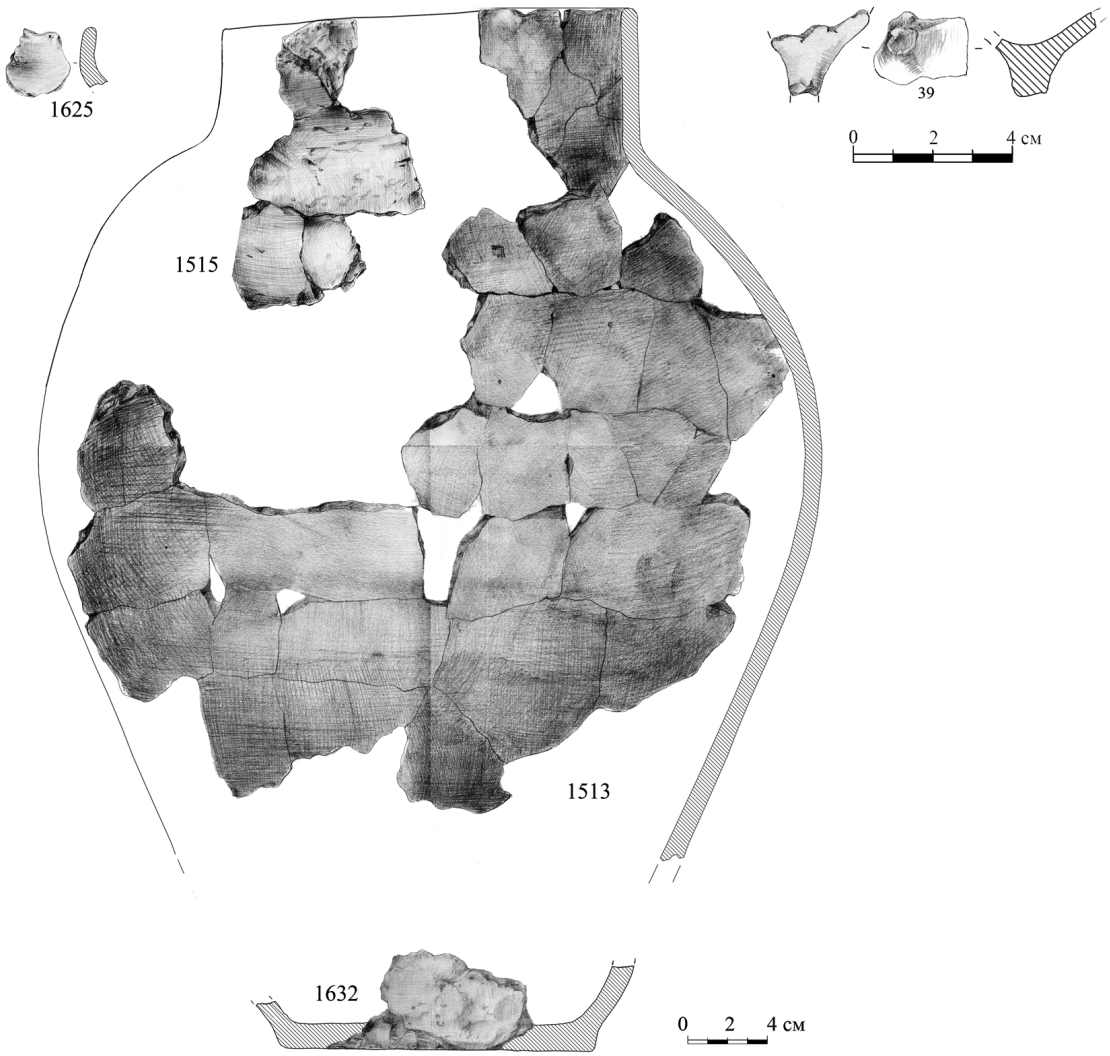


Рис. 7. Раскоп I. Реконструированный сосуд и фрагменты керамики из скопления 5.
39, 1625 – кв. 60, г. 1–2; 1513–1516 – кв. 16, 50, 57, 60, г. 1, 2;
1632 – кв. 16, 23, 58, г. 1–2, кв. 35, соор. 3, г. 2. Лепная керамика.

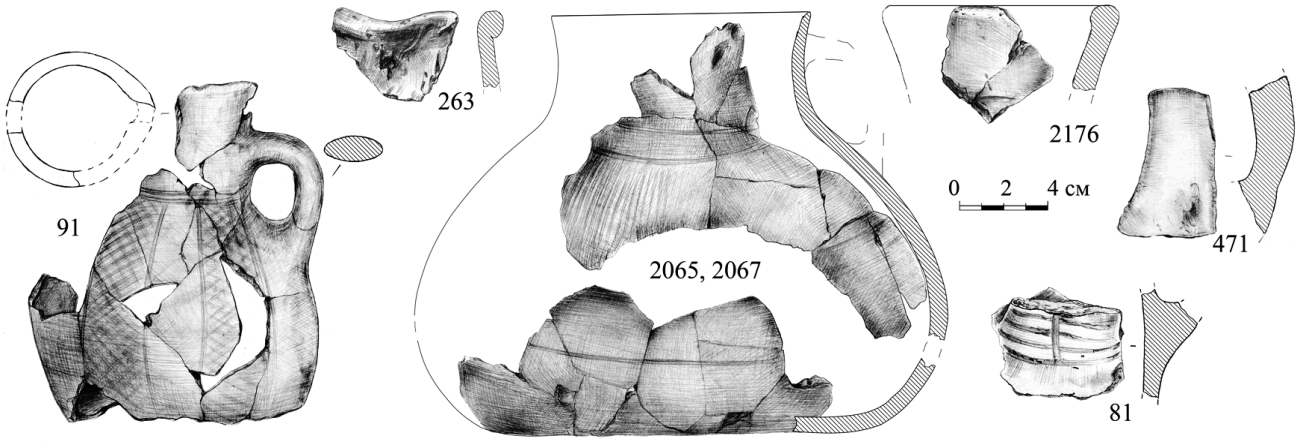
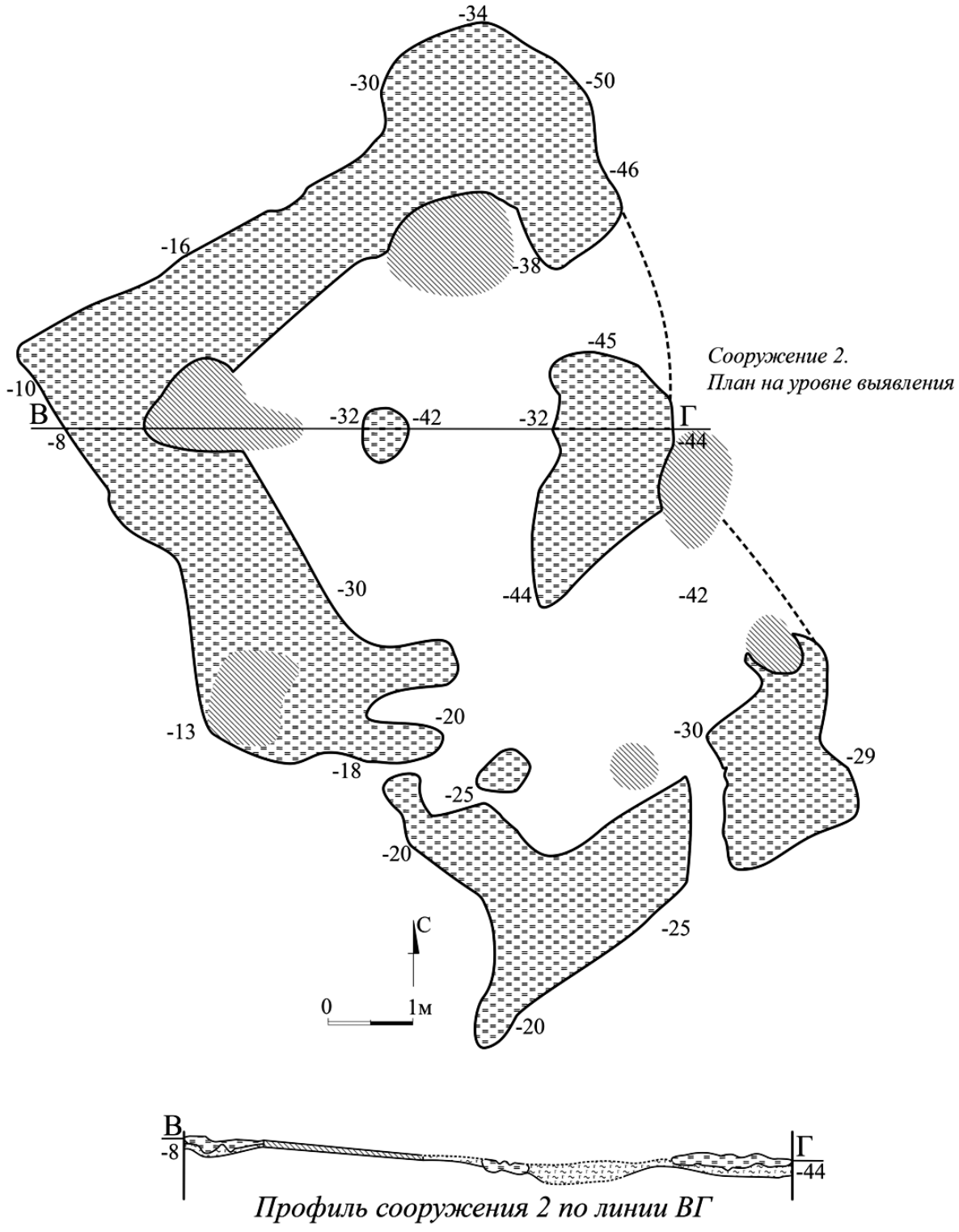


Рис. 8. Раскоп I. Кувшины и их фрагменты из скопления керамики 6 и культурного слоя.
91 – скопление керамики 6 (кв. 64, г. 1); 2065, 2067 – кв. 19, 23, 25, 29, 30, 51, 54, 57, 67, г. 1, 2;
263 – кв. 21, г. 1; 471 – кв. 51, г. 1; 81 – кв. 56, г. 1; 2176 – кв. 65, 66, г. 1. Лепная керамика.



Сооружение 2.
План на уровне выявления

Рис. 9. Раскоп I. План и профиль сооружения 2.

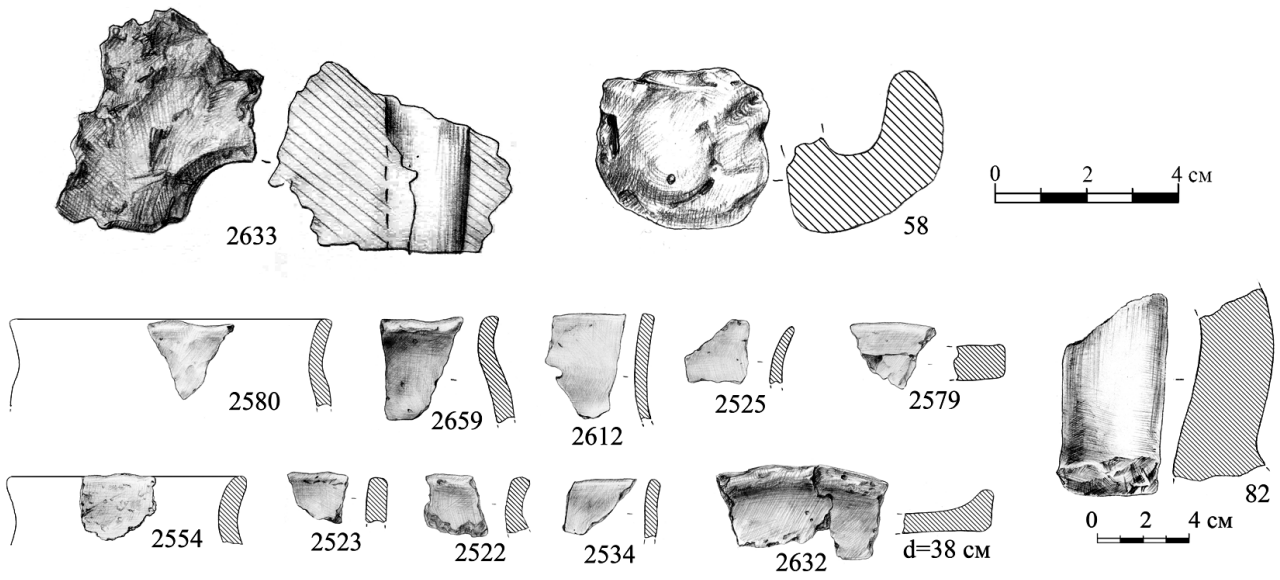


Рис. 10. Раскоп I. Комплекс находок из сооружения 2.
58, 2632, 2633 – кв. 51, г. 2; 82 – кв. 16, г. 2; 2554 – кв. 44, г. 2; 2580 – кв. 45, г. 2;
2612 – кв. 48, г. 2. Лепная керамика.

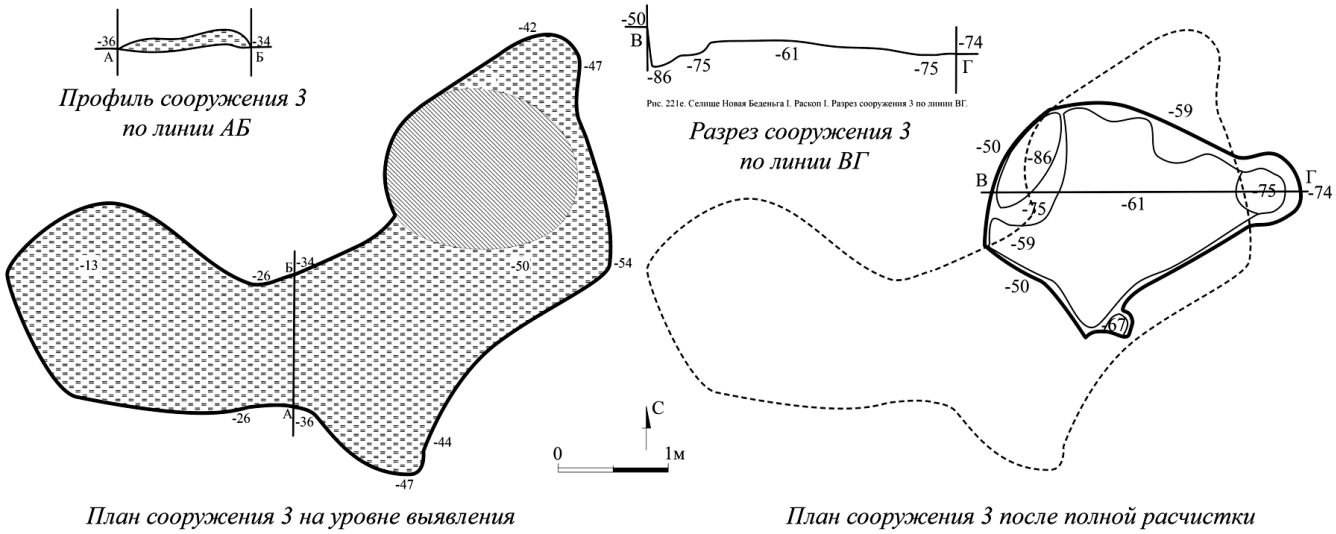


Рис. 11. Раскоп I. План и разрезы сооружения 3.

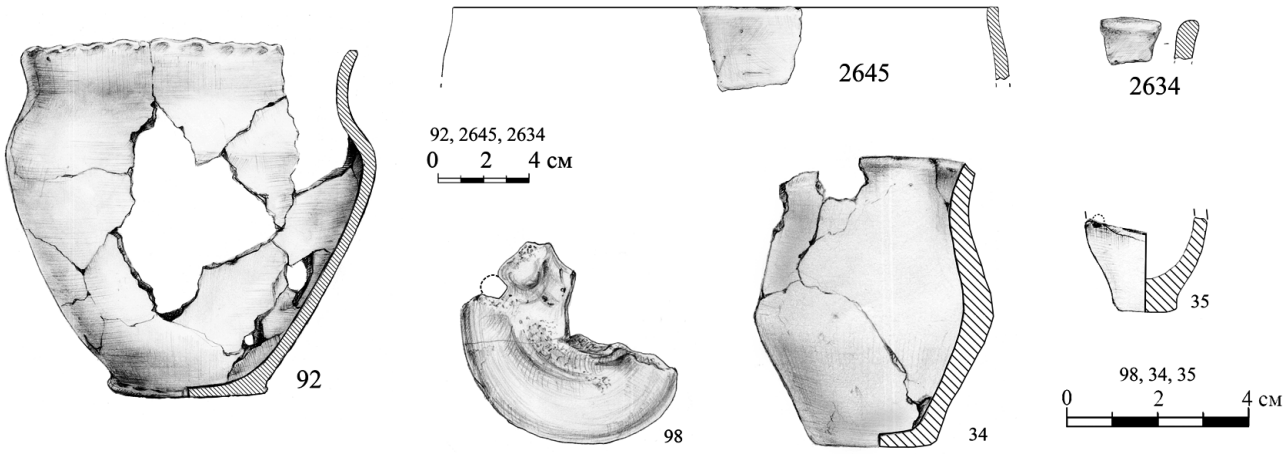
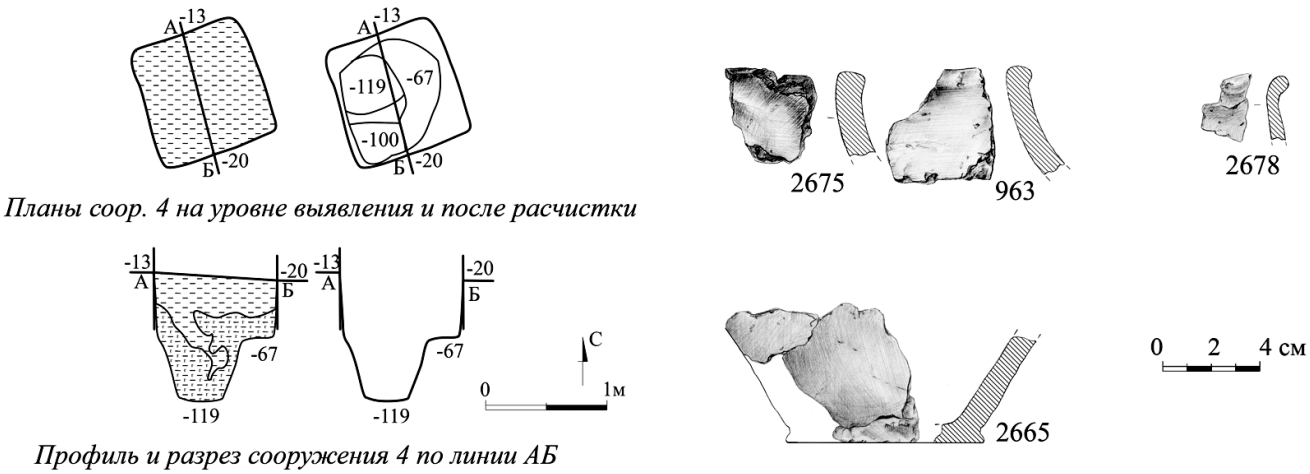


Рис. 12. Раскоп I. Комплекс находок из сооружения 3.
34 – кв. 28, 31, 32, г. 1–2; 35, 98, 2645 – кв. 35, г. 2; 92 – кв. 34, 35, г. 2; 2634 – кв. 31, г. 2. 98 – кость, остальное – лепная керамика.



Планы соор. 4 на уровне выявления и после расчистки

Профиль и разрез сооружения 4 по линии АБ

Рис. 13. Раскоп I. План, разрез и керамический комплекс сооружения 4.
963, 2665, 2675, 2678 – кв. 67, 68, г. 2. Лепная керамика.

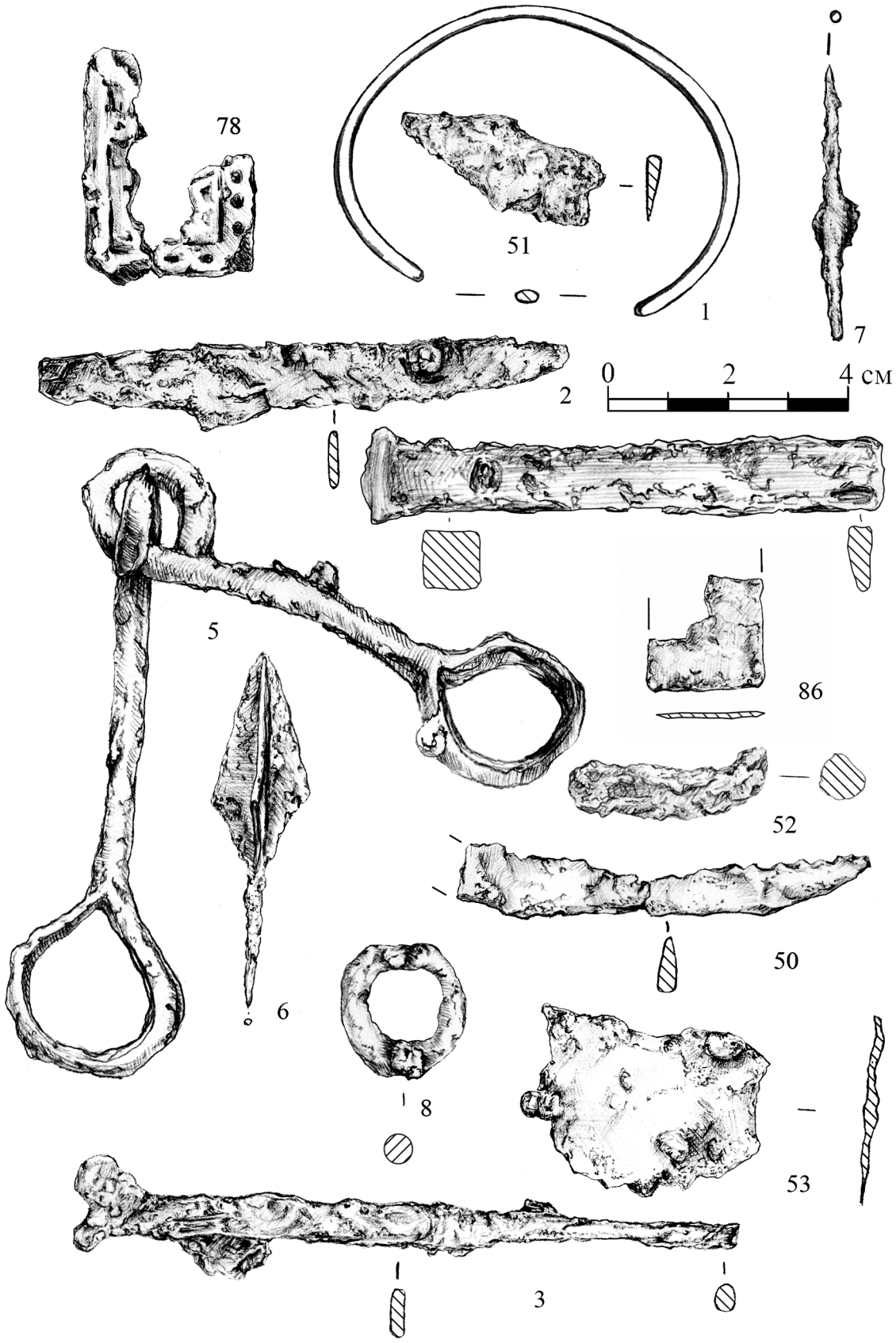


Рис. 14. Раскоп I. Металлические изделия из культурного слоя.
1 – кв. 17, г. 1; 2 – кв. 55, г. 1; 3, 4 – кв. 64, г. 1; 5 – кв. 75, г. 1; 7 – кв. 54, г. 1; 8 – кв. 33, г. 1;
51 – кв. 65, г. 1; 52 – кв. 6, г. 2; 53 – кв. 36, г. 1; 78 – кв. 57, г. 1;
86 – кв. 51, г. 1; 6, 51 – отвал. 1, 78 – сплав цветных металлов; 2–8, 51–53, 86 – железо.

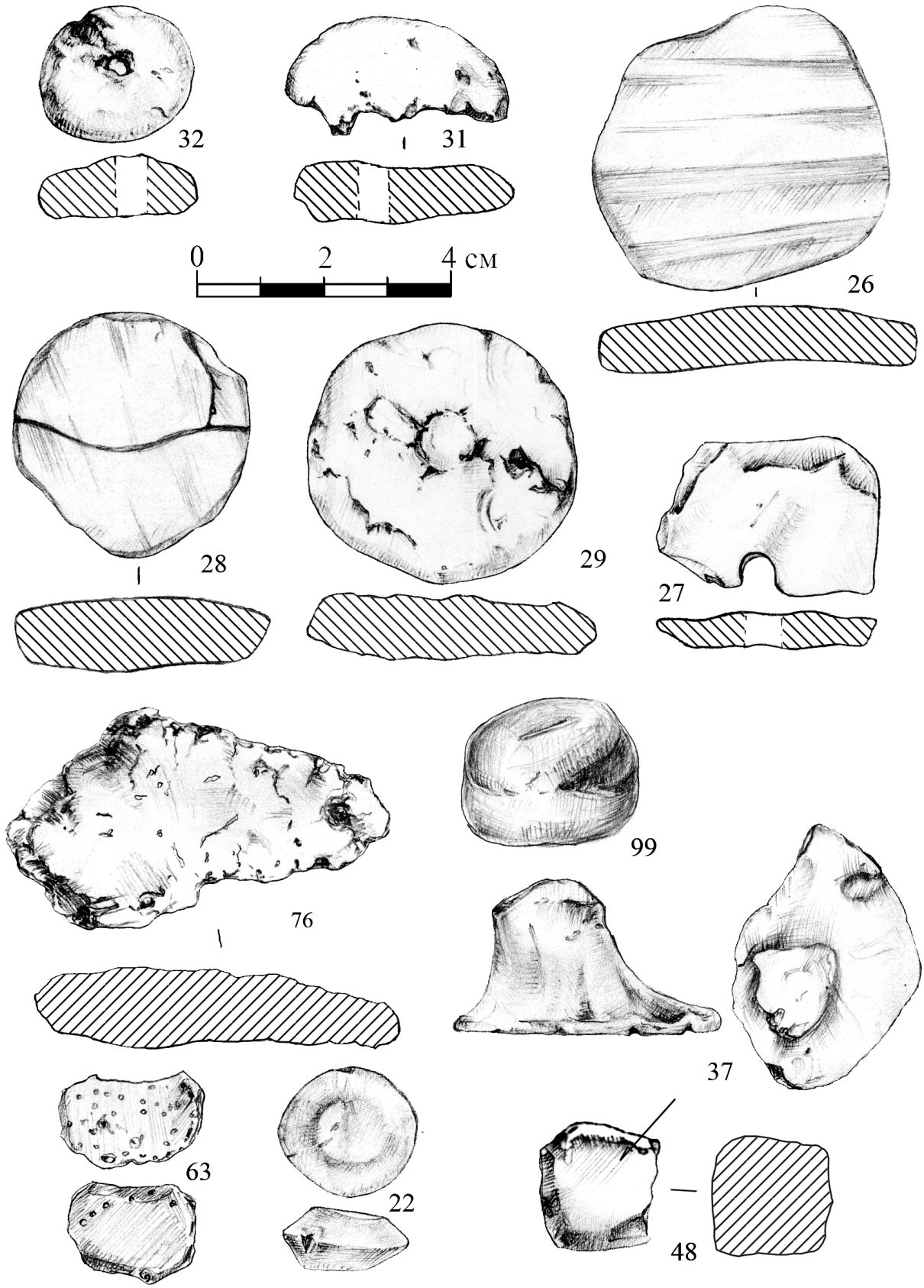


Рис. 15. Раскоп I. Керамические и каменные изделия из культурного слоя.
22 – кв. 76, г. 2; 26 – кв. 13, г. 1; 27 – кв. 57, г. 1; 28–31 – кв. 51, гор 1; 29 – кв. 33, г. 2;
32 – кв. 24, г. 1; 37 – кв. 65, г. 1; 48 – кв. 69, г. 1; 76, 99 – кв. 54, г. 1;
63 – отвал. 26–28 – стенки амфоры, 48 – камень, остальное – лепная керамика.

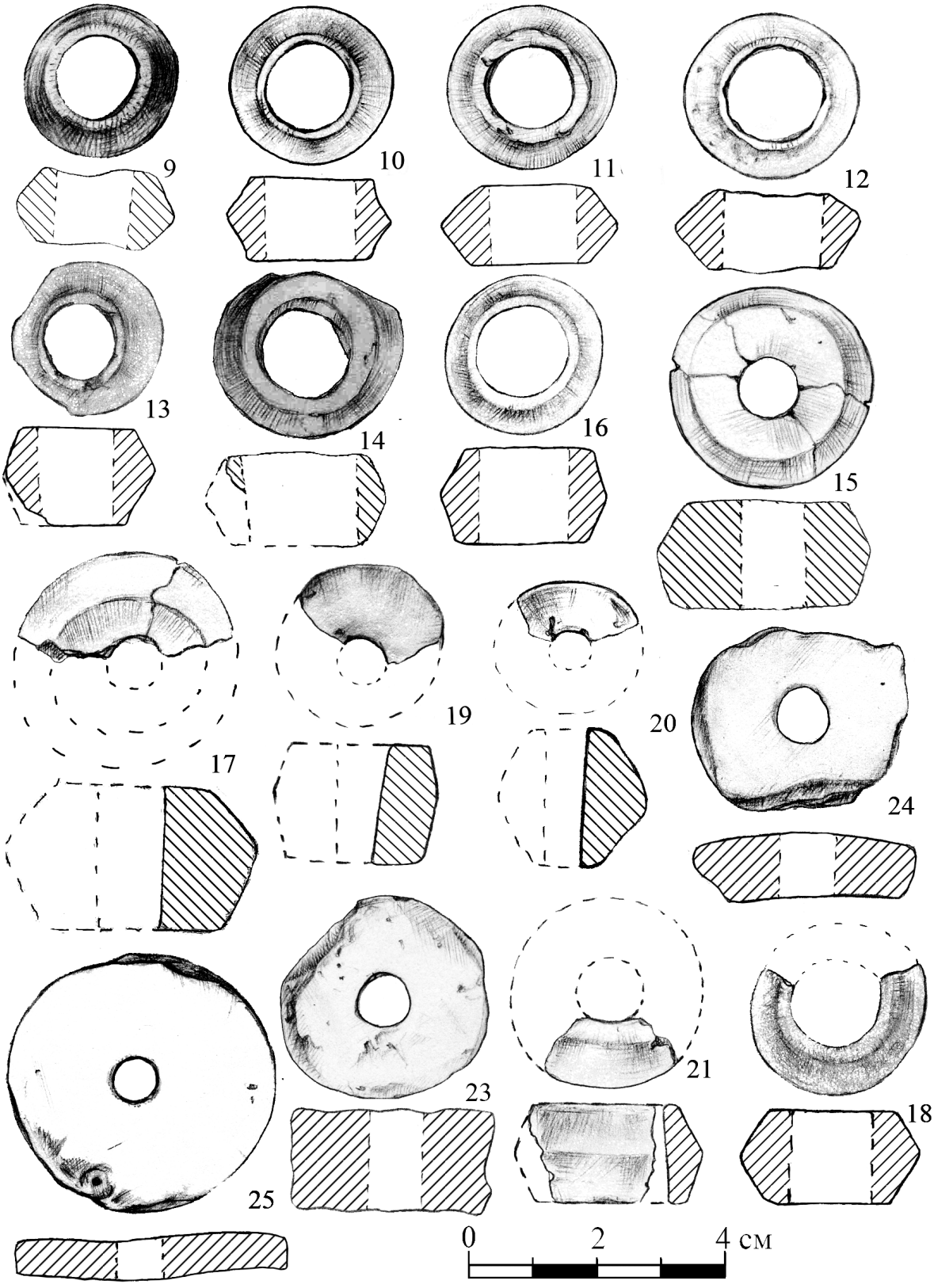


Рис. 16. Раскоп I. Пряслица из культурного слоя.

9 – кв. 32, г. 1; 10 – кв. 19, г. 1; 11 – кв. 29, г. 1; 12 – кв. 27, г. 1; 13 – кв. 23, г. 2; 14 – кв. 51, г. 1; 15 – кв. 20, 23, г. 1; 17, 20 – кв. 22, г. 1; 18 – кв. 42, г. 1; 19 – кв. 53, г. 1; 21 – кв. 15, г. 1; 23 – кв. 22, г. 1; 24 – кв. 64, г. 1; 25 – кв. 22, г. 1; 16 – отвал кв. 76–78.

24–25 – стенки круговых сосудов, остальное – лепная керамика.

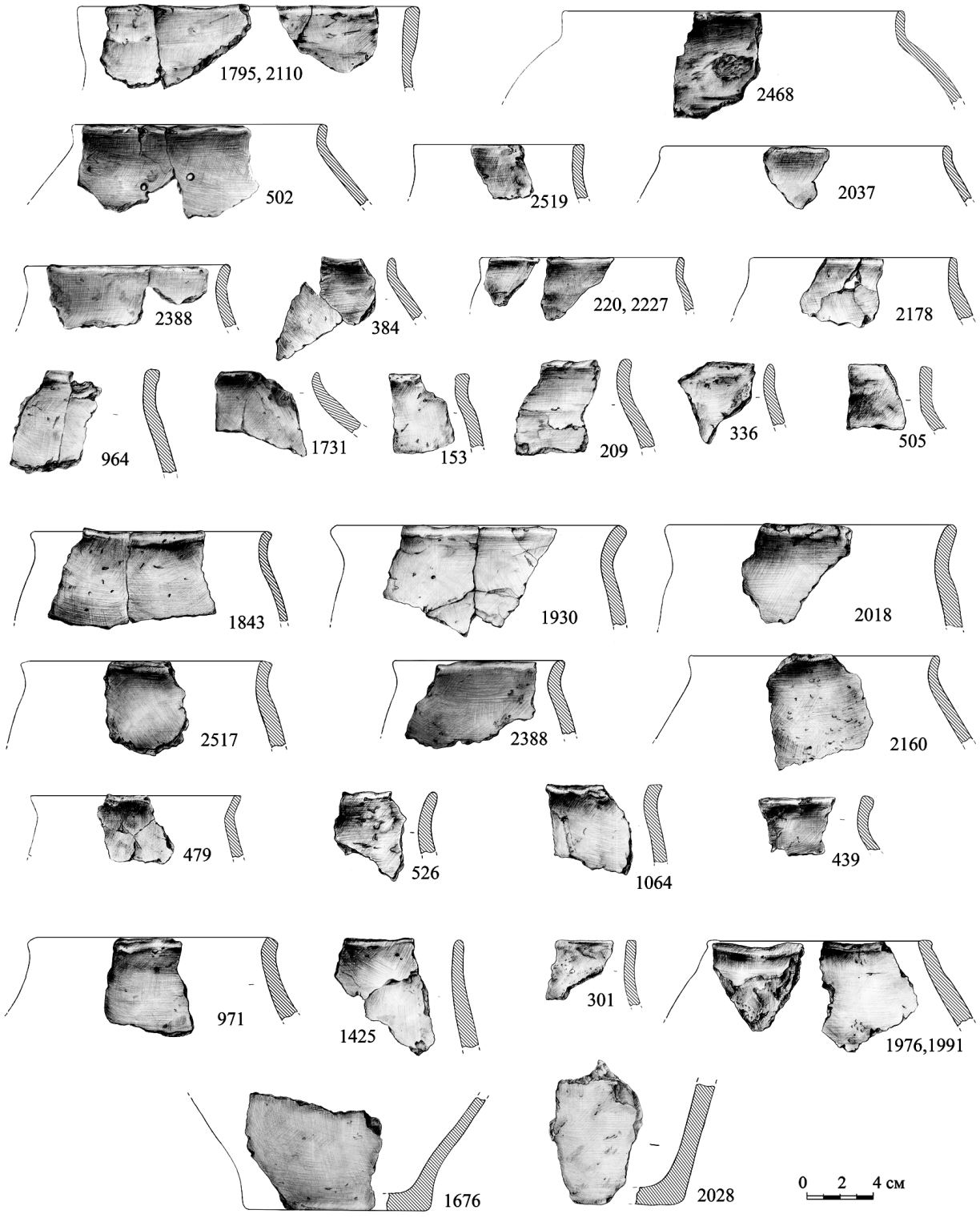


Рис. 17. Раскоп I. Фрагменты лепных горшковидных сосудов из культурного слоя. 1795, 2110 – кв. 34, 66, г. 1; 153 – кв. 9, г. 1; 209 – кв. 14, г. 1; 220 – кв. 15, г. 1; 2227 – кв. 14, г. 2; 336 – кв. 26, г. 1; 384 – кв. 29, г. 1; 502, 505 – кв. 31, г. 1; 964 – кв. 39, г. 1; 1731 – кв. 64, г. 1; 2037 – кв. 78, г. 1; 2178 – кв. 72, г. 1; 2388 – кв. 53, г. 1; 2468 – кв. 60, г. 2; 2519 – кв. 78, г. 2; 439 – кв. 32, г. 1; 479 – кв. 23, г. 1; 526 – кв. 30, г. 1; 1064 – кв. 45, г. 1; 1843 – кв. 67, г. 1; 1930 – кв. 72, 78, г. 1; 2018 – кв. 78, г. 1; 2160 – кв. 31, г. 1; 2387 – кв. 53, г. 1; 2517 – кв. 78, г. 2; 301 – кв. 20, г. 1; 971 – кв. 42, г. 1; 1425 – кв. 57, г. 1; 1976, 1991 – кв. 76, 77, г. 1; 1676 – кв. 63, г. 1; 2028 – кв. 78, г. 1. Лепная керамика.

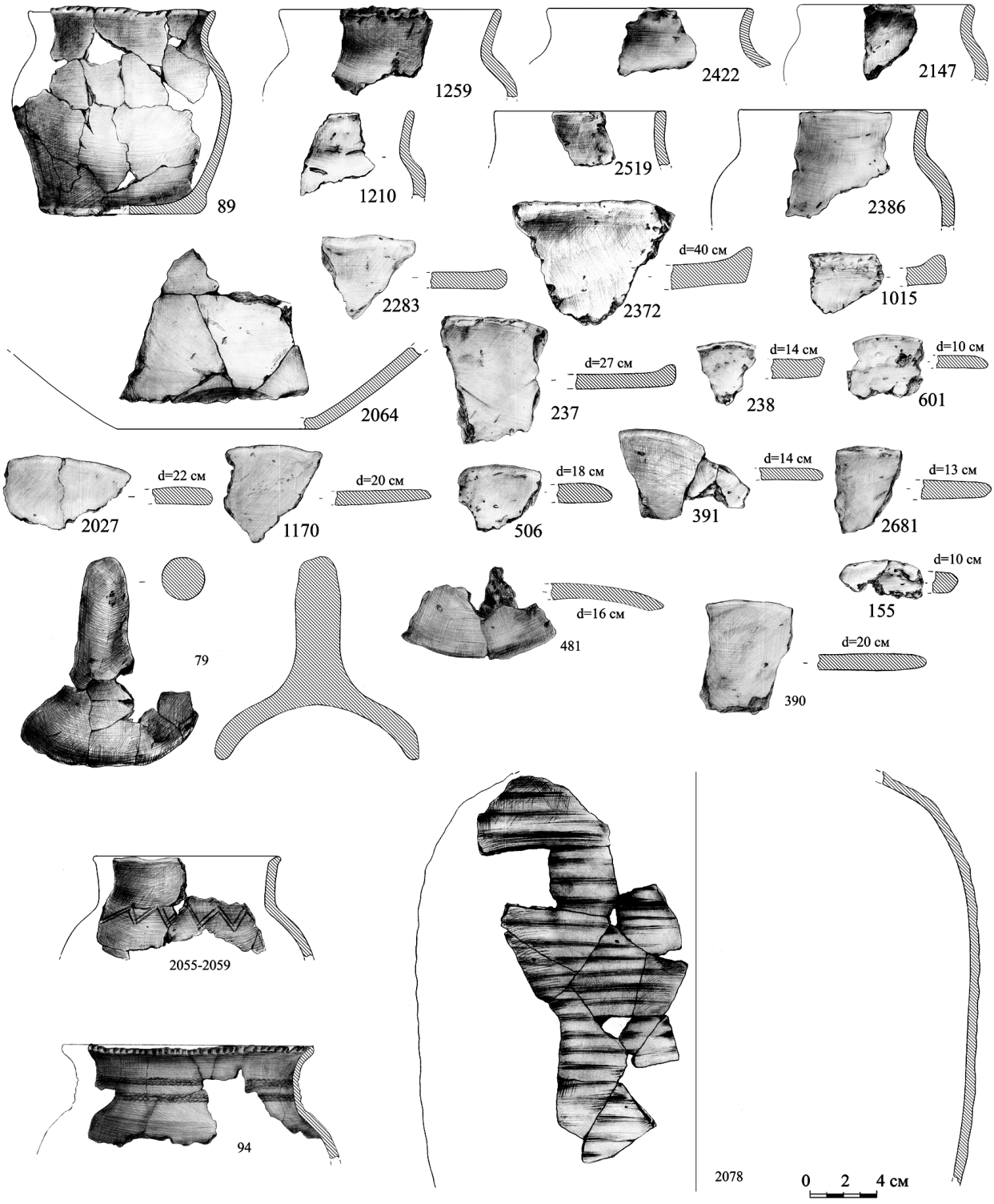


Рис. 18. Раскоп I. Лепная керамика и фрагменты амфоры из культурного слоя.
79 – кв. 9, г. 1; 89 – кв. 69, 70, 75, г. 1; 94 – кв. 23, 36, 53, 54, 71, г. 1, 2; 155 – кв. 9, г. 1;
237, 238 – кв. 19, г. 1; 390, 391 – кв. 29, г. 1; 506 – кв. 31, г. 1; 601 – кв. 32, г. 1; 1015 – кв. 43, г. 1;
1170 – кв. 50, г. 1; 1210 – кв. 51, г. 1; 1259, 2386 – кв. 53, г. 1; 2027 – кв. 78, г. 1;
2055–2059 – кв. 22, 25, 53, 54, 57, г. 1, 2; 2064 – кв. 16, 17, 47, 48, г. 1; 2077 – кв. 22, 27, 45, 54,
57–58, 61, 63, 65, 66, г. 1, 2; 2147 – кв. 14, г. 1; 2283 – кв. 38, г. 1; 2372 – кв. 51, г. 2;
2422 – кв. 57, г. 2; 2519 – кв. 78, г. 2; 2681 – кв. 9, г. 1.
2077 – фрагменты амфоры, остальное – лепная керамика.

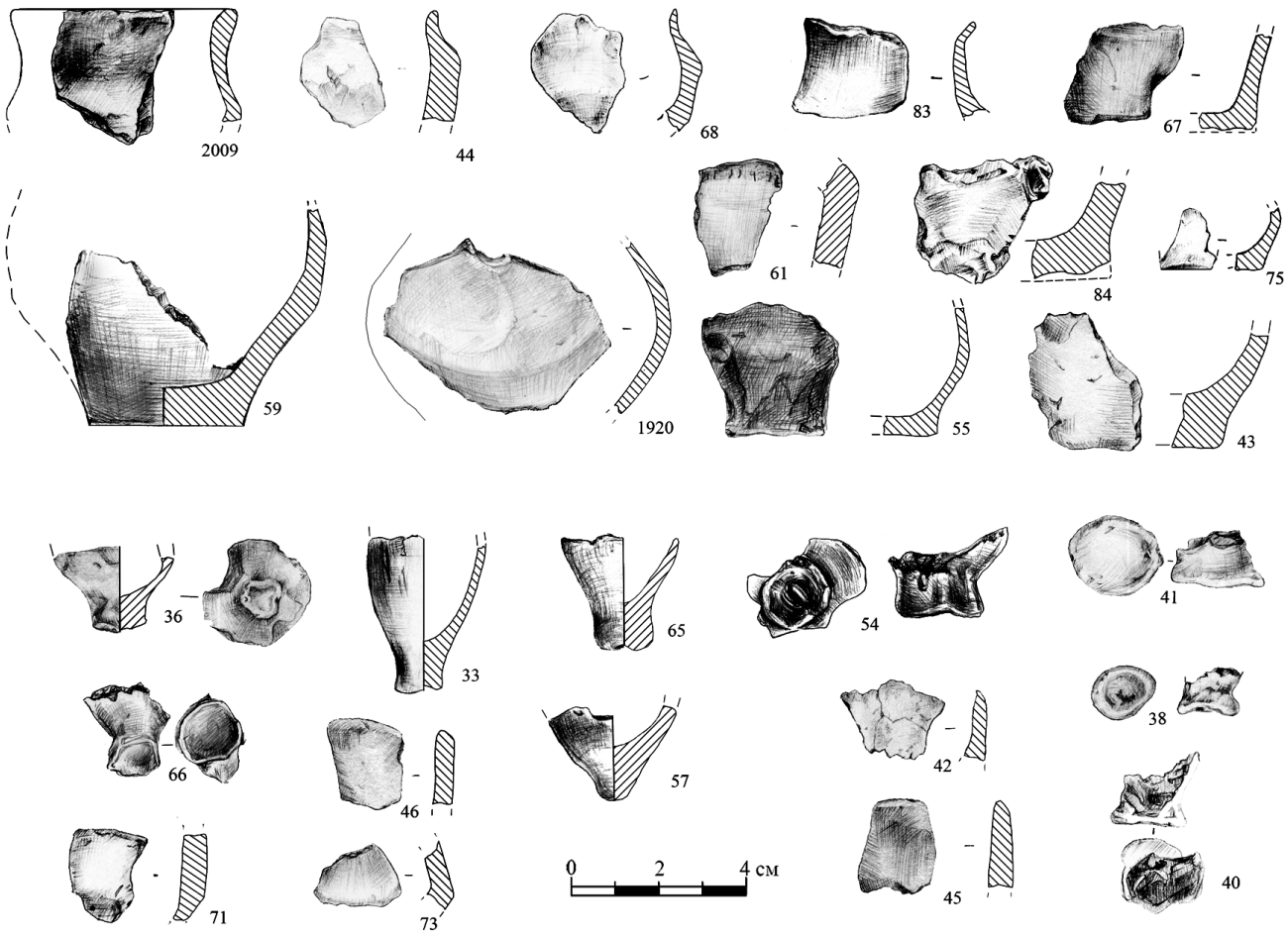


Рис. 19. Раскоп I. Миниатюрные сосуды из культурного слоя.
33 – кв. 63, г. 1; 36 – кв. 24, г. 2; 38, 55, 1920 – кв. 71, г. 1; 40, 73 – кв. 66, г. 1;
42, 43, 61, 66 – отвал; 44 – кв. 13, г.1; 45 – кв. 25, г. 1; 46 – кв. 54, г. 1; 54 – кв. 8, г. 1;
59 – кв. 74, 75, г. 1; 67 – кв. 49, г. 2; 68 – кв. 30, г. 1; 71 – кв. 51, г. 1; 75 – кв. 14, г. 2;
83, 84 – кв. 61, г. 1; 2009 – кв. 77, г. 1. Лепная керамика.

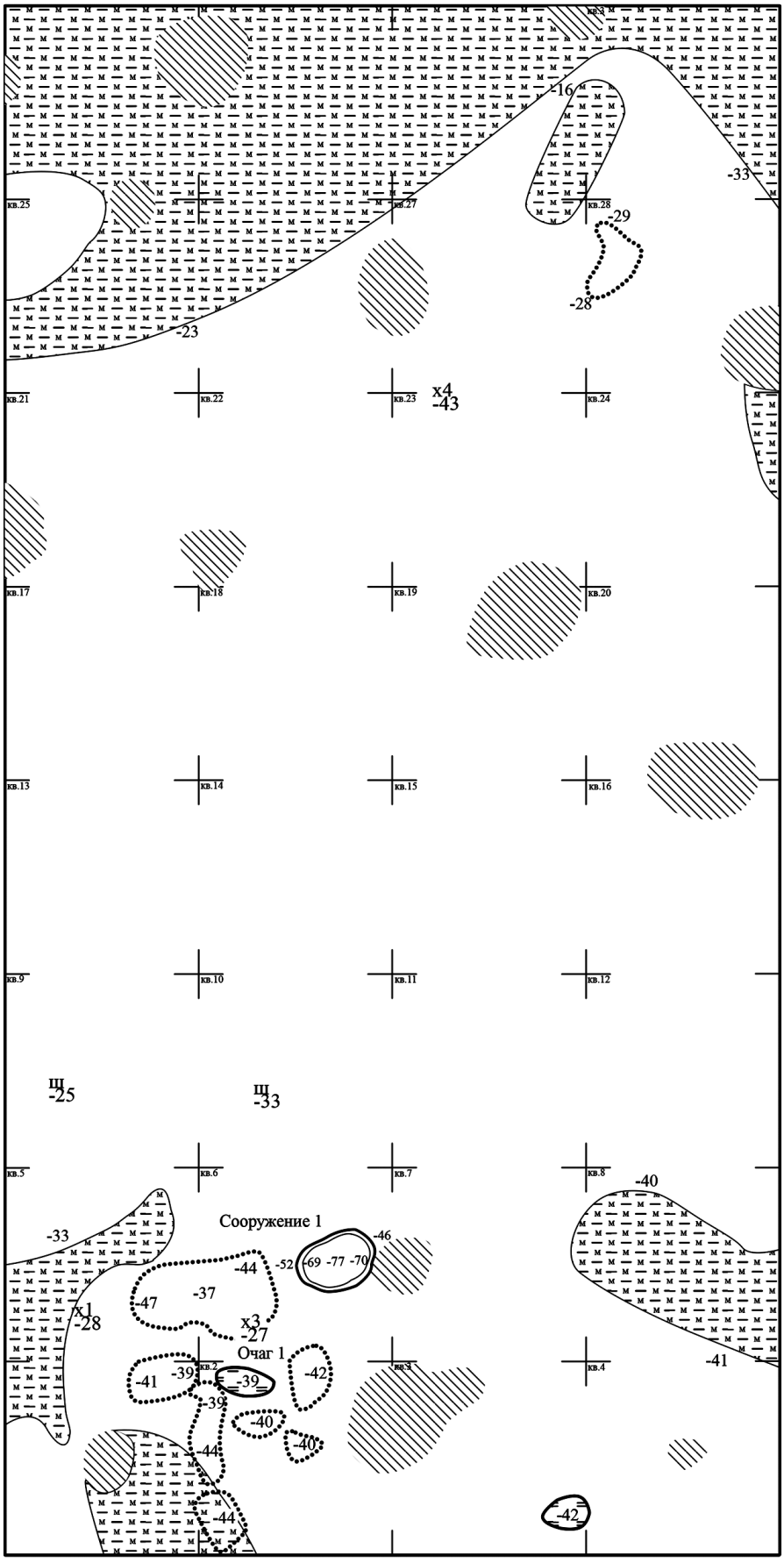


Рис. 20. План раскопа II.
Условные обозначения см. на рис. 2.

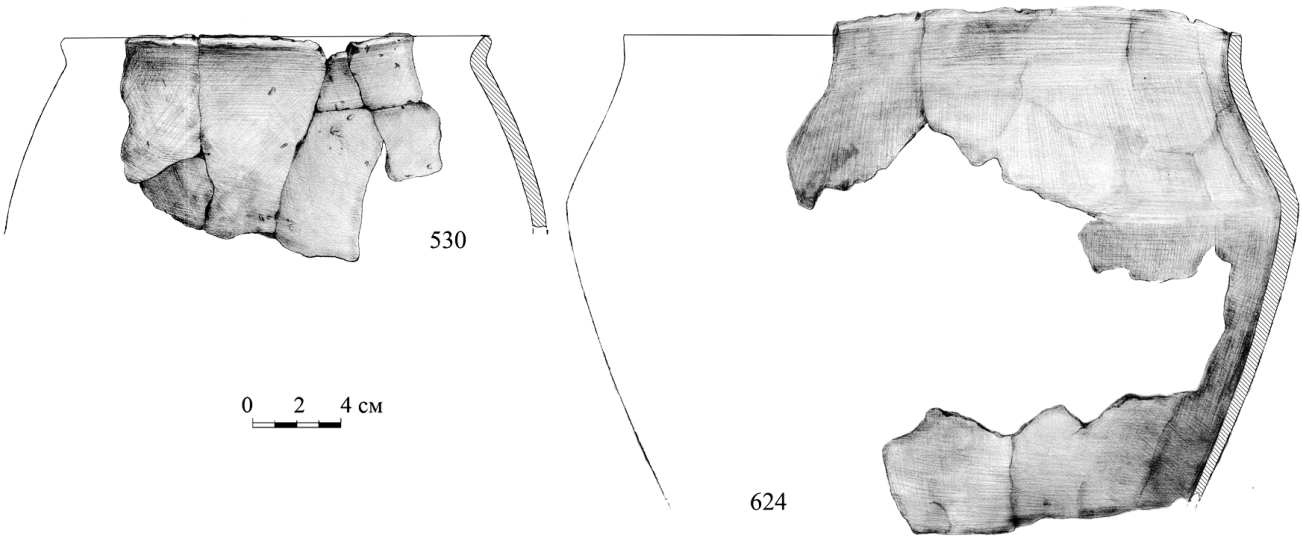


Рис. 21. Раскоп II. Фрагменты керамики и реконструированные части сосудов из скопления 1. 530, 624 – кв. 28, г. 1. Лепная керамика.

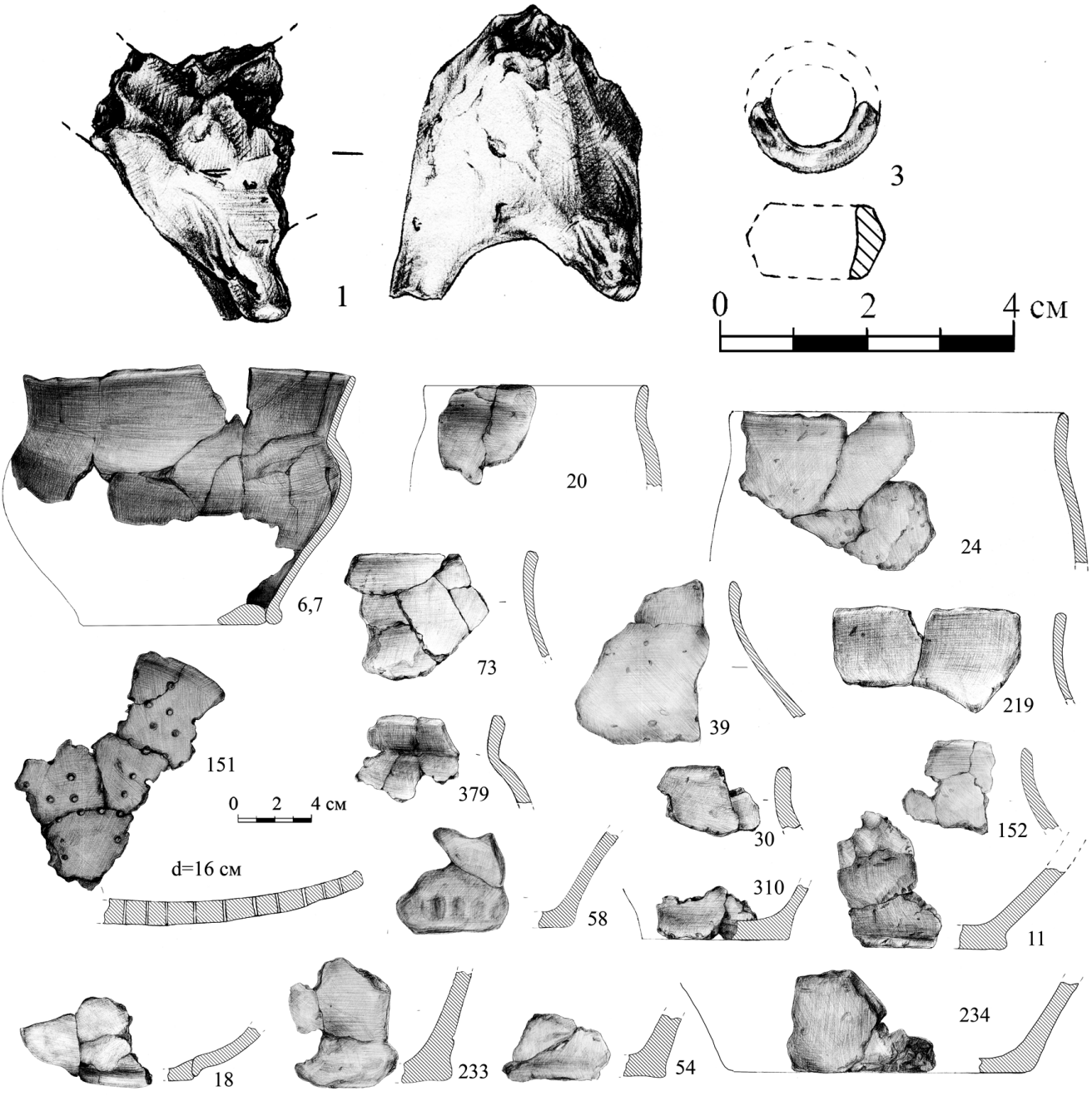


Рис. 22. Раскоп II. Фрагменты керамики и реконструированные части сосудов из скопления 2 и прилегающей части культурного слоя.

1 – кв. 5, г.1; 3 – кв. 6, г. 1; 6, 7, 11, 18, 20, 24, 30, 39, 54, 58, 73, 151, 219 – кв. 1, 2, г. 1; 233, 244 – кв. 2, г. 1; 310 – кв. 5, 6, г. 1; 379 – кв. 6, г. 1. Лепная керамика.

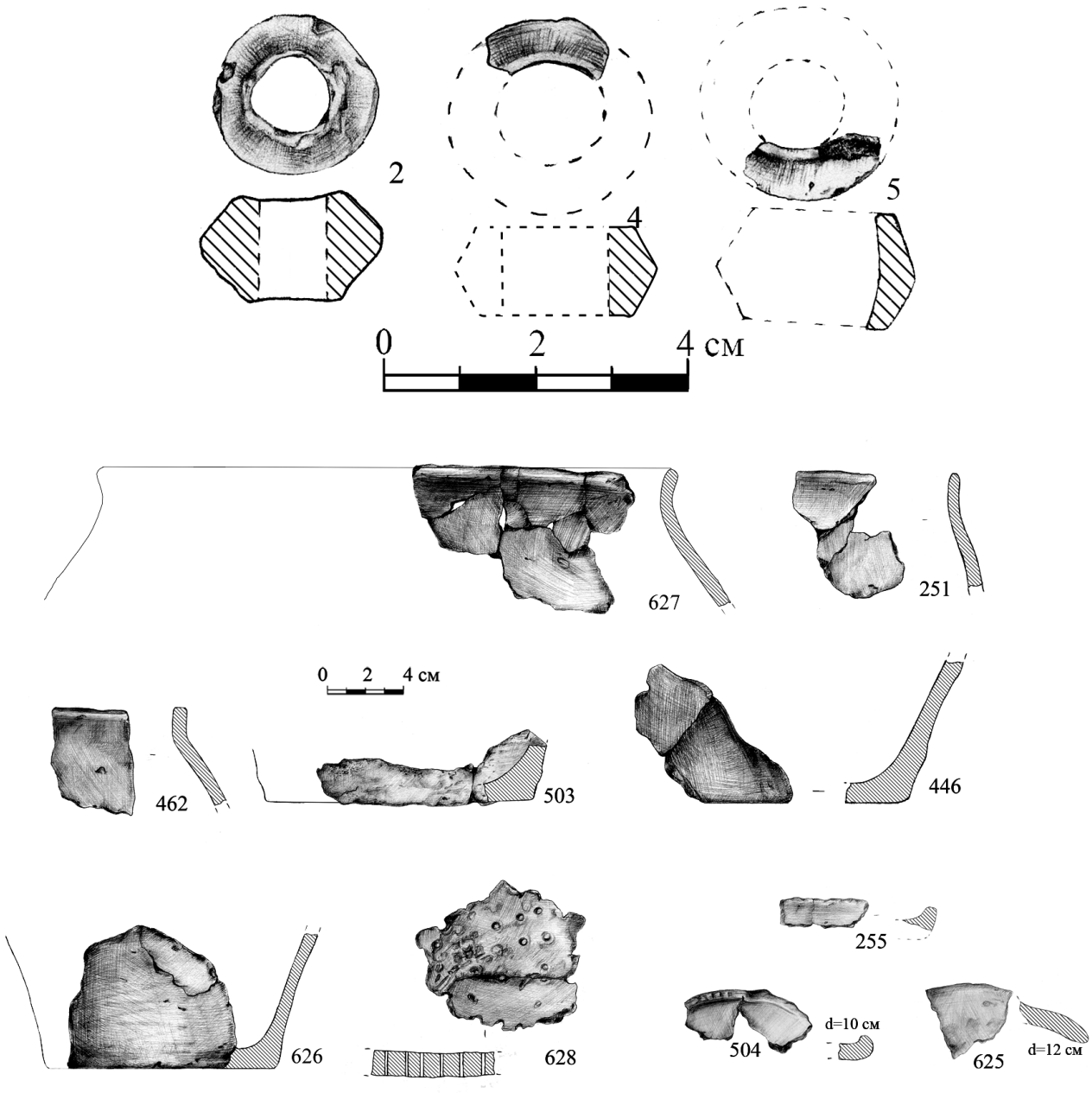


Рис. 23. Раскоп II. Индивидуальные находки и фрагменты сосудов из культурного слоя. 2 – кв. 20, г. 2; 4 – кв. 23, г. 1; 5 – кв. 22, г. 1; 251, 255 – кв. 3, г. 1; 446 – кв. 13, г. 1; 462 – кв. 16, г. 1; 503, 504 – кв. 22, г. 1; 625 – кв. 29, г. 1; 626 – кв. 1, г. 2; 627 – кв. 6, г. 2; 628 – кв. 26, г. 1. Лепная керамика.

С. А. ЗАРИФУЛЛИН

Россия, Болгар, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ПАЛОЧКОВИДНОЙ ФОРМЫ

В 2004 году были опубликованы бронзовые предметы из Болгарского городища в количестве 10 шт., интерпретируемые нами как ювелирные наковаленки (Зарифуллин, 2004). В 2010 году в Болгарах было обнаружено еще 4 подобных предмета: 3 из них – на заречной части Болгара, на том самом месте, где ранее было обнаружено 4 таких предмета. Четвертый предмет был обнаружен на берегу, в районе Болгара-Подиваново[1].

Описание предметов. Эти бронзовые предметы, преимущественно палочковидной формы, имеют длину от 35 до 45 мм. Из четырех предметов два имеют плоское четырехугольное основание. Ребра четырехугольника выше основания, выковываются в восьмигранник, образуя ребро жесткости. Далее на восьмиграннике выкован двенадцатигранный оголовник. Оголовник завершается ромбической площадкой. На площадке оголовника имеются потертости. На изделиях прослеживается лужение, на одном из них лужение отсутствует из-за того, что оно имеет следы сильного плавления.

Два других предмета отличаются тем, что у них в нижней части имеются приспособления для крепления. Если у одного изделия восьмигранное основание завершается шишкой, в одном снизу просверлено сквозное отверстие, то у другого предмета в нижней части имеется круговой паз для крепления. У обоих предметов хорошо сохранились следы лужения. Предметы имеют восьмигранные стержни: в одном из них с сужением книзу. Их весовые данные: 43,40; 40,15; 35,20; 29,80. Хранящиеся в фондах Болгарского музея-заповедника бронзовые предметы имеют следующий вес: 71,35; 66,15; 61,10; 56,55; 40,35; 31,35; 30,30; 27,35; 18,70; 16,70 г.

В научной литературе была высказана мысль, хотя и в осторожной форме, что эти предметы являются наковаленками (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 188). Л. Ф. Недашковский также считает их ювелирными наковаленками (Недашковский, 2010. С. 185). Происходят они из Болгар (Фёдоров-Давыдов, 1994. С. 188), присутствуют в коллекции ГИМ (Недашковский, 2010. С. 178, рис. 15–9, 10). В последние годы значительное количество подъемного материала было собрано в Нижнем Поволжье. На основании этого материала И. В. Евстратов эти предметы определяет как гирьки. На материалах из Болгар в количестве 14 предметов (выше приведены их весовые данные) мы не наблюдаем предметов одинакового веса. Нужно отметить, что на предмете нет внешних признаков (точки, указывающие на кратность, надписи), характерных для гирек. Во время археологических раскопок встречаются железные и бронзовые гирьки квадратной, кубической, бочонкообразной формы с указанием кратности и без них (Валеев, 1995. табл. 2, 3, 4, 5, 6, 7).

Для предметов палочковидной формы характерно наличие оголовника с рабочей площадкой и ребра жесткости ниже оголовника. Нижняя часть предмета приспособлена для крепления, на одном из них имеется отверстие. Такое же отверстие мы видим на наковаленке из Царевского городища, по форме и размерам близкой к нашему предмету (Фёдоров-Давыдов и др., 1974.

[1] Автор выражает искреннюю благодарность научному сотруднику Болгарского музея-заповедника, кандидату исторических наук Д. Г. Мухаметшину за помощь, оказанную при подготовке этой публикации.

С. 114, рис. 1/3). На тех участках, где были обнаружены эти предметы, выявлены следы металлургического производства (Зарифуллин, 2004. С. 72). По монетам и сопровождающему материалу данные предметы можно датировать золотоордынским временем.

Проведенное исследование позволяет нам говорить, что эти предметы не имеют отношения к товарно-денежной системе, а связаны с ремесленным производством волжских булгар, и определить назначение этих предметов как наковаленок.

ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань: Фест, 1995. – 159 с.

Зарифуллин С. А. К интерпретации бронзовых граненых предметов с Болгарского городища // Древности и средневековье Волго-Камья. – Казань; Болгар, 2004. – С. 71–72.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: Вост. лит., 2010. – 351 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 232 с.

Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города в Поволжье в средние века. – М., 1974.

М. Г. ИВАНОВА

Россия, Ижевск, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ УРОВНЕЙ ПЛАНИРОВКИ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА ИДНАКАР*

Проблемы хронологической атрибуции средневековых культур и памятников Прикамья, несмотря на кажущуюся разработанность, остаются весьма спорными. Нет единого мнения и относительно времени функционирования памятников бассейна р. Чепцы. Первые обстоятельные хронологические обоснования чепецких древностей в пределах X–XII, возможно, XIII в. были выполнены С. Г. Матвеевым и А. П. Смирновым (Матвеев, 1928а, б; Смирнов, 1928. С. 26–61), но позднее в обобщающей монографии А. П. Смирнов нашел возможным расширить хронологические рамки бытования чепецких городищ до XIV в. (Смирнов, 1952. С. 233).

В период деятельности Удмуртской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Генинга в 1954–1957 гг. большее внимание уделялось изучению памятников раннего Средневековья. По материалам раскопок Мыдланьшайского могильника с привлечением богатейших коллекций поломских памятников исследователем выделена поломская археологическая культура III–IX вв., более поздние объединены в чепецкую IX–XV вв. (Генинг, 1958. С. 92–102). Из работ того времени весьма значимы материалы раскопок городища и могильника у д. Весьякар, опубликованных позднее и датированных IX–XII вв. (Генинг, 1979. С. 98; Семенов, 1985. С. 73).

В 1970-е гг. с созданием археологического подразделения в Удмуртском научно-исследовательском институте при Совете Министров УАССР (ныне УИИЯЛ УрО РАН) бассейн р. Чепцы стал основным объектом внимания его сотрудников. Раскопки В. А. Семеновым, А. Г. Ивановым и Н. И. Шутовой ряда памятников поломской культуры позволили на новой источниковедческой базе продолжить работы по разработке их хронологии и периодизации. Последние итоги хронологических обоснований приведены в публикации археологической карты северных районов Удмуртии (Ижевск, 2004). Поломская культура датирована V–IX вв., а период конца IX – пер. пол. X вв. обозначен в качестве переходной стадии (Иванов и др., 2004. С. 46–52).

Значительно более широкие раскопки предпринимались на памятниках конца I – начала II тысячелетия н. э. В. А. Семеновым проведены исследования на Мало-Венижском городище Поркар, Кыпкинском, Больше-Сазановском и Омутницком могильниках, М. Г. Ивановой – Мало-Венижском, Солдырском Чемшай, Кузьминском могильниках, городищах Гурьякар, Весьякар, Иднакар, А. Г. Ивановым – на Качкашурском, Солдырском Бигершай, Кабаковском могильниках, Мало-Лудошурском Сепычкар I городище.

Комплекс вещей Мало-Венижского городища датирован IX–XII, началом XIII вв. (Семенов, 1982. С. 27–51), коллекция городища Гурьякар – IX–XIII вв. По характеру напластований в культурном слое этого памятника выделено два горизонта – IX–XI и XII–XIII вв. (Иванова, 1982. С. 23–25).

* Исследования поддержаны Программой интеграционных и междисциплинарных проектов фундаментальных исследований УрО РАН на 2009–2011 гг.

Детальный анализ материалов полностью изученного Кузьминского могильника позволил внести коррективы в хронологические определения ранее известных чепецких могильников. Четко выделились две группы. Ранняя включает комплексы IX – начала XI вв., в материалах которых прослеживаются традиции поломского времени, поздняя – памятники XI–XIII вв., сосредоточенные в верховьях правых и левых притоков. Наряду с могильниками, содержащими материалы узкого хронологического диапазона, имеются памятники, бытовавшие весь период чепецкой культуры, объединяющие раннюю и позднюю группы (Иванова, 1992). К примеру, Поломский I и Варнинский могильники, относящиеся в основном к раннему Средневековью, содержат комплексы X–XI вв., а могильники чепецкого времени Солдырский Чемшай, Весьякарский Бигершай содержат ранние материалы VIII–IX вв. Ранние слои имеются на городищах Сабанчикар, Весьякар, основное время функционирования которых приходится на конец IX – XII/XIII вв. (Иванов и др., 2004. С. 56). В пределах IX–XIII вв. определены материалы Качкашурского могильника (Иванов, 1991. С. 153; Иванов и др., 2004. С. 171). Таким образом, период бытования основных памятников чепецкой культуры определен с конца IX по XIII вв., хотя не исключено функционирование отдельных памятников и позднее.

Многолетние целенаправленные раскопки одного из крупнейших памятников Прикамья – городища Иднакар – предоставили качественно новые фонды источников, позволивших раскрыть не только различные стороны культуры и быта средневековых удмуртов, но и в определенной степени конкретное содержание динамики социально-экономических процессов, нашедших отражение как в производственной сфере, так и в формировании структуры самого поселения.

Особенностью изысканий последнего десятилетия является обращение исследовательской группы к разработке методических и технологических проблем, к активному внедрению широкого спектра методов естественных наук, реализовавшихся на материалах средней части городища. Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки позволило выполнить детальный анализ содержания культурных напластований, характера изменения их структуры и мощности. Выделение отдельных слоев, их устойчивых сочетаний, относящихся к конкретным объектам, дало возможность определения последовательности изменения параметров объектов, комплексов сооружений. Важным результатом является выделение четырех уровней планировки, соответствующих стратиграфическим периодам функционирования площадки средней части в отличие от предыдущих исследований, позволивших определить два периода: IX–XI и XI–XIII вв. (Иванова, 1998. С. 62–65, 69–70, 78–80, рис. 27).

Для учета находок за основу была принята методика индивидуальной фиксации в контексте изучаемого слоя (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991). Обработка полевой информации производилась в ГИС-пакете Mapinfo 4.1 (Смагин, Степанова, 2004) и специально созданной базе данных находок (Будин, Косарева, 1999), давших возможность анализа вещевого комплекса не по горизонтам вскрытия, а залеганию их в слое.

Первые разработки по детальному стратиграфическому и планиметрическому анализу распределения слоев и находок выполнены на ограниченных материалах раскопок 1999 г. (Иванова, Степанова, 2004), затем дополнены источниками, полученными в 2002–2004 гг. (Иванова, Степанова, 2005). В настоящей работе впервые представлено распределение хронологически

показательных категорий вещевого комплекса, полученного в результате раскопок 1994–2004 гг. со всей изученной средней части площадки.

Анализ достаточно обширных коллекций показал, что хронологические определения комплексов, залегавших в слоях уровней планировки, далеко не однозначны. В их составе, как правило, преобладают материалы, не имеющие четких хронологических привязок и встречающиеся на протяжении длительного периода конца I – начала II тысячелетия н. э., к числу которых относится большинство категорий орудий труда и оружия, изделия из кости, плоские монетовидные подвески, проволочные кольцевидные серьги, браслеты, разнообразные спиралевидные пронизки, обнаруженные во всех уровнях планировки. Более того, в коллекциях поздних уровней сохраняются явно ранние предметы. Выразительным примером является находка в верхнем уровне фрагмента серебряного височного украшения с грушевидной привеской IX–X вв. (Семенов, 1980. Рис. 10, *224*).

Наиболее надежным источником хронологических определений принято считать монеты. На Иднакаре их немного, на средней части, исследованная площадь которой составляет 1 729 м^2, обнаружено всего 7 саманидских монет X в., 1 индикация, которые распределяются по всем уровням планировки. Совершенно очевидно, что они могут выступать в качестве убедительного индикатора лишь раннего уровня.

Для довольно широкого хронологического периода X–XIII вв. характерна коллекция наконечников стрел. В количественном распределении наблюдается абсолютное преобладание наконечников во втором уровне, где они представлены более широким ассортиментом. Поэтому неудивительно, что в большинстве случаев они датируются в пределах XI–XII–XIII вв. и в целом вписываются в наборы коллекций памятников Волжской Булгарии и Древней Руси. Но все же узкая датировка их затруднительна.

Состав бус городища в целом соответствует набору бусинных материалов памятников Прикамья конца I – начала II тысячелетия н. э., но для надежных хронологических определений они также явно недостаточны. Каменные бусы в коллекции единичны и распределяются по всем уровням. Почти половина коллекции состоит из одноцветных и глазчатых бус заглушенного стекла, изготовленных из навитой трубочки. Эти бусы, распространенные в основном в X–XI вв. (Львова, 1973. С. 88–89), на Иднакаре, как и на других чепецких погребальных памятниках, в значительном количестве бытуют до XIII в. (Иванова, 1992. С. 48–49).

Весьма значительна группа бус, изготовленных членением тянутой трубочки, в которой абсолютно преобладает бисер с закругленными краями. В отличие от внутренней части здесь мало лимоновидных бус, и они встречены в большей степени в нижних уровнях и ямах, отдельные экземпляры с верхних уровней средней части, по-видимому, можно рассматривать как пережиточные. Анализ материалов верхнекамских могильников показал, что бусы из тянутой трубочки, широко известные в лесной полосе Восточной Европы в X–XI вв. (Щапова, 1972. С. 178), в Прикамье появились раньше и бытовали в течение IX–XI вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 64). На внутренней части Иднакара лимоновидные бусы преобладали от начала и до конца функционирования, но все же их количество в верхнем горизонте почти вдвое меньше, чем в нижнем (Иванова, 1998. Табл. 18).

По всей вероятности, к ранней группе могут быть отнесены единичные многогранные бирюзовые бусы в форме куба со срезанными углами, изготовленные из тянутой палочки с последую-

щей прессовкой (3 экз.). По материалам погребальных памятников Прикамья более крупные экземпляры отнесены к хронологической группе конца V–VIII вв., небольших размеров – V–IX вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 63, вкл.: рис. 64, 75), в Старой Ладоге они найдены в слое X в. (Львова, 1968. С. 82). Таким образом, коллекция бус в большей степени характерна для IX–XI вв., основная часть которых на чепецких памятниках встречается до XIII в., весьма выразительную, но значительно меньшую долю составляют бусы XI–XIII вв.

Утвердившимся датировкам соответствует и стратиграфическое распределение в слое гребней, представленных односторонними (6 экз.), двусторонними (6 экз.) и наборными расческами (16 экз.). В хронологическом плане наиболее показательны наборные расчески, из которых 7 экземпляров обнаружены в самых нижних уровнях, по 2–3 экземпляра представлены в верхних, за исключением самого позднего. В мерянских и славянских памятниках они встречаются в X–XI вв. (Леонтьев, 1996. С. 150–153, рис. 63, 64; Колчин, 1982, с. 164, рис. 5), в Саркеле – Белой Веже – в IX–XI вв. (Флерова, 2001. С. 39–41, рис. 2, 6), в Волжской Булгарии – в XI–XII вв. (Руденко, 2005. С. 71). По распределению в слое средней части Иднакара выявляется, что наборные расчески, появившись при освоении площадки, бытовали дольше, чем на северо-западе Восточной Европы, включая XII в. Односторонние гребни, декорированные парными головками коней, найдены во втором и третьем уровнях, позднее заменяются упрощенными вариантами. Двусторонние гребни трапециевидной и прямоугольной формы распределились в поздних уровнях планировки.

Наиболее яркими комплексами **первого**, наиболее раннего, уровня планировки являются клады. Это известный клад калачевидных серег из серебра, найденный в одной из ям средней части, где восемь экземпляров, не бывших в употреблении, были перевязаны серебряной проволокой и завернуты в бересту (рис. 1, *50*). Хронологические определения их бытования со второй половины X в. определены еще в конце XIX в. (Спицын, 1895. С. 247–248) и практически сомнениям не подвергались.

Другой клад представляет собой полный комплект женского убора, помещенный в берестяную коробочку. Он обнаружен под углом жилого сооружения (раскопки 1999 г.) и поэтому может служить значимым хронологическим репером периода освоения этой части площадки. Коньковые шумящие подвески, полые уточки, перстень с шумящими привесками, накладки умбоновидные с ложной зернью, привески-колокольчики, полые бубенчики позволяют датировать клад в пределах X–XI вв. (Иванова, Степанова, 2004). Следует отметить, что предметы не все новые, судя по стертости поверхности, поломкам отдельных деталей можно предположить, что некоторые из них уже носились. Часть вещей, особенно привески-колокольчики, не только не были в употреблении, но изготовление их не завершено. Эти детали, а также наличие заготовок металла позволяют предполагать их принадлежность мастеру-ювелиру.

Рамчатые пряжки, согнутые из бронзовой проволоки с расплющенной передней частью со свободно вращающимся язычком (рис. 1, *47*), в Поволжье и Прикамье часто встречаются в погребальных памятниках VIII–XI вв. (Архипов, 1973. Рис. 8, *13–15)*. Более ранние известны также в Мыдланьшае с монетами VIII в. (Генинг, 1962. Табл. III, *16)*, на Варнинском – в комплексах конца IX – начала X вв. (Семенов, 1980. Рис. 10, *229)*.

Лировидные пряжки, датирующиеся по новгородским и булгарским материалам XI–XII вв. (Седова, 1981. Рис. 56, *1*, с. 144; Руденко, 2007. Рис. 128Б, *7*), по прикамским – XII в. (Голдина,

Ютина, 1987. Рис. 2, *134)*, найдены во втором уровне планировки. Обнаруженная в нижнем уровне пряжка имеет значительно меньшие размеры (рис. 1, *46*). Очевидно, ее можно рассматривать как более ранний вариант. На внутренней части городища лировидные пряжки найдены во втором горизонте, пряжки с сегментовидной рамкой – во втором и третьем (Иванова, 1998. Рис. 27, *18,* 7, *14*). К этой же группе относится литейная форма для отливки поясных накладок сердцевидной и подпрямоугольной формы (рис. 1, *51*). Сердцевидные накладки, гладкие и с разным декором (рис.1, *48*), были широко распространены с конца I тысячелетия н. э. Шаровидный бубенчик из белого металла с рубчиками по нижней половинке (рис. 1, *55*) аналогичен найденным в составе клада 1999 г., датирующегося X в.

Хронологически показательными **для второго уровня** можно признать вышеописанные лировидные пряжки XI–XII вв., пряжки с прямоугольной рамкой и приемником для ремня (рис. 1, *34*), датирующиеся по материалам Мурзихинского селища в низовьях Камы второй половиной X – началом XI вв. (Руденко, 2007, рис. 128, *5*), височное кольцо подтреугольной формы с загнутой в три лопасти нижней частью, имеющее наиболее близкие параллели в марийских памятниках IX–XI вв. (Архипов, 1973, с. 131, рис. 17,5; Никитина, 2002, рис. 25, 10).

Шумящие подвески с восьмерковидной спиральной основой с верхней петлей и привесками-лапками (рис. 1, *37, 44*) имеют широкие аналогии в Приуралье, особенно в марийских комплексах IX–XI вв. (Архипов, 1973. С. 41, рис. 51, *52*), верхнекамских X в. (Голдина, Ютина, 1987. С. 43, рис. 2, *38)*. На Мыдланьшае такая подвеска найдена в комплексе с монетами VIII в. (Генинг, 1962. С. 46, табл. VI, *10)*. Во внутренней части Иднакара они найдены в четвертом горизонте X – начала XI вв. (Иванова, 1998. Рис. 27, *20–21*). Спиралеконечная фибула круглого сечения имеет аналогии в марийском Починковском могильнике XII–XIII, но на территории Древней Руси они широко встречаются с XI по XIII в. (Архипов, 1986. С. 41, рис. 24, 14; Акилбаев, 2009. С. 39). К комплексу этого уровня относится железная фигурная накладка с перехватом у окончания типа «ласточкин хвост» из аскизского круга, соответствующая типу Б3д XI–XIII вв. (Руденко, 2001. № 206, с. 135), а также пластинчатые копоушки и варганы (рис. 1, *43, 39–41*).

В комплексе **третьего уровня планировки** наиболее показательны железные накладки поясов аскизского типа: небольшая двухшпеньковая накладка подпрямоугольной формы с заостренным концом, более вытянутая пластина с суженными боковинами и стержневидная конусовидная привеска шарнирных накладок (рис. 1, *30, 31, 32*). По материалам Кузьминского могильника, где они представлены в 15 комплексах, эти изделия появляются в самом конце XI в. или в начале XII в., но в период бытования прямоугольных кресал (или овальных коротких, по Б. А. Колчину) они уже не встречены. Поэтому высказано предположение, что их бытование за пределы XII в. не выходит (Иванова, 1992. Рис. 46–47. С. 51–52). К. А. Руденко на основе анализа изделий аскизского круга с территории Поволжья и Приуралья пришел к выводу о том, что найденные в бассейне р. Чепцы железные пряжки и накладки изготовлены местными мастерами и были в употреблении с конца XI до конца XII в. (Руденко, 2001. С. 63–65).

Здесь же обнаружены рубчатое кольцо с сомкнутыми утончающимися концами (рис. 1, *25*), датирующееся по материалам Кузьминского могильника по двулезвийным кресалам XII–XIII вв. (Иванова, 1992. С. 40, рис. 47, *55*); спиралеконечная фибула подтреугольного сечения XI–XII вв. (Иванова, 1992. С. 40, рис. 47, *4, 32*); подвески-колбочки в форме шариков с удлиненной шейкой с нарезкой по поверхности и с ложнозерневой поверхностью нижней части, найденные в Кузь-

минском могильнике в основном в мужских захоронениях XII в. (Иванова, 1992. Рис. 13, *2–6*; 47, *22, 2;* 47, *22, 23*).

Хронологическим определениям предыдущих предметов не противоречат орнитоморфная подвеска XII–XIII вв. (Архипов, 1986. Рис. 22, 19), фрагмент шумящей подвески со щитковыми звеньями и привеской-колокольчиком XI–XIII вв., бронзовые пластинчатые копоушки с орнаментированной поверхностью (рис. 1, *24, 26–28*).

В этом комплексе содержатся пряжка с прямоугольной рамкой и приемником для ремня второй половины X – начала XI вв., оформленная выступающим прямоугольником (рис. 1, *18*), бронзовая пряжка с сегментовидной рамкой, согнутой из проволоки с расплющенной передней частью VIII–XI вв., имеющиеся в предыдущих уровнях, пряжки железные кованые лировидные с уплощенной передней частью широкого хронологического диапазона.

Дату **четвертого,** наиболее позднего, **уровня планировки** в большей степени определяют калачевидные кресала язычком X–XII вв., кресало подпрямоугольной формы, бытовавшие по новгородской хронологии до середины XIII в. (Колчин, 1982. С. 163), железный замок цилиндрической формы XII–XIV вв. (Колчин, 1982. С. 162), предметы аскизского круга, включая фигурную объемную накладку с вогнутыми сторонами и вильчатым окончанием, стержневидные привески шарнирных накладок с перетяжками (рис. 1, *8, 9*). Рамка бронзовой пряжки подтрапециевидной формы, накладка двухшпеньковая с орнаментом по поверхности, шаровидные бубенчики с линейной прорезью и рельефным пояском известны в Кузьмино в группе погребений XII в. (Иванова, 1992. Рис. 47, *26).*

Таким образом, выделенные группы дают весьма аргументированный хронологический расклад этапов функционирования площадки. Нижний уровень планировки, безусловно, функционирует в X в., хотя не исключено начало освоения площадки и в конце IX в., следующий уровень – в X–XI вв., третий – в пределах XI–XII, самый поздний – XII–XIII вв., т. е. достаточно определенно выстраивается последовательность развития с X по XIII в., но границы размыты. С известной осторожностью можно предположить, что уровни планировки функционировали примерно на протяжении столетия. В целом проведенные работы подтверждают определенные ранее хронологические рамки городища Иднакар и окружающих памятников в пределах конца IX – XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Акилбаев А. В. Подковообразные фибулы из марийских могильников IX–XIII вв. // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации): Всероссийская научная конференция с международным участием. – Ижевск, 2009. – С. 36–44.

Архипов Г. А. Марийцы IX–X вв. – Йошкар-Ола, 1973.

Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв.: К этнокультурной истории Поветлужья. – Йошкар-Ола, 1986.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь, 2008.

Генинг В. Ф. Археологические памятники Удмуртии. – Ижевск, 1958. – 192 с.

Генинг В. Ф. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. – Ижевск, 1979.

Генинг В. Ф. Мыдланьшай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. – Вып. 3. – Свердловск, 1962.

Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск, 1983. – С. 40–71.

Голдина Р. Д., Ютина Т. К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск, 1987.

Иванов А. Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск, 1991. – С. 140–180.

Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. – Ижевск, 2004. – 276 с.

Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. – Ижевск, 1992. – 184 с.

Иванова М. Г., Степанова Г. А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ижевск, 2004. – С. 238–263.

Иванова М. Г., Степанова Г. А. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск, 2005. – С. 29–44.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. – М., 1982. – С. 156–177.

Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. – Свердловск, 1991.

Косарева М. В., Будин А. В. Применение баз данных для первичной обработки, сохранения и использования информации городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. – Ижевск – Глазов. 1999. – С. 244–246.

Леонтьев А. Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). – М., 1996.

Львова З. А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. – Вып. 15. – Л., 1973. – С. 83–104.

Матвеев С. Г. Городище Сабанчи-кар // Труды научного общества по изучению Вотского края. – Вып. 4. – М., 1928а.

Матвеев С. Г. Могильник Чемшай // Труды научного общества по изучению Вотского края. – Вып. 4. – М., 1928б.

Никитина Т. Б. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. – Вып. 17. – Йошкар-Ола, 1990а.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2001. – 256 с.

Руденко К. А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) // Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века» 25–28 сентября 2003 г. Казань – Яльчик. – Казань: Школа, 2005.

Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М., 1981.

Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. – Ижевск, 1980.

Семенов В. А. Городище Весьякар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Ижевск, 1985. – С. 48–77.

Семенов В. А. Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. – Ижевск, 1982. – С. 27–51.

Смирнов А. П. Дондыкарское городище // Труды Научного общества по изучению Вотского края. – Вып. 4. – М., 1928.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – 276 с.

Спицын А. А. Археологическая находка конца X века в Глазовском уезде Вятской губ. // ЗРАО. – Новая серия, т. VII, вып. 3–4. – 1895. – С. 247–248.

Степанова Г. А., Смагин М. Г. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 230–243.

Флерова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков. – СПб., 2001. – 352 с.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. – М., 1972. – 200 с.

Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода // МИА. – 1956. – № 55. – С. 164–179.

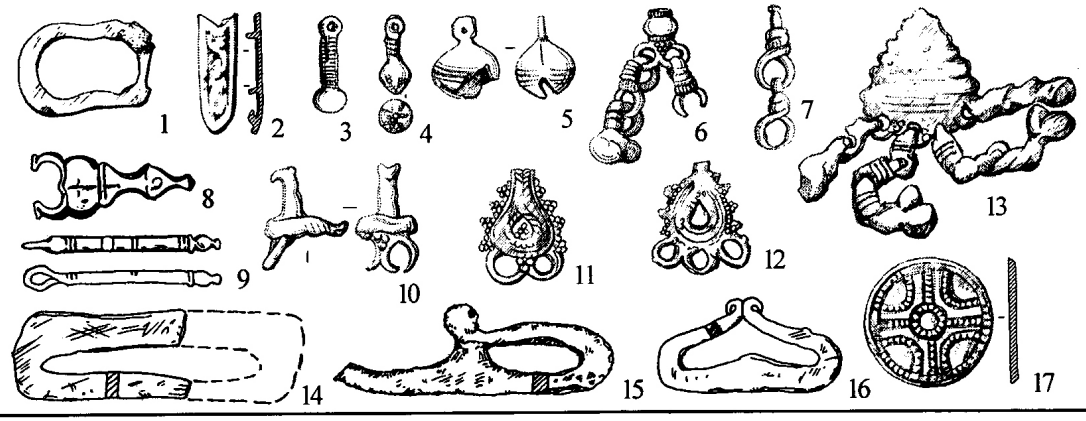
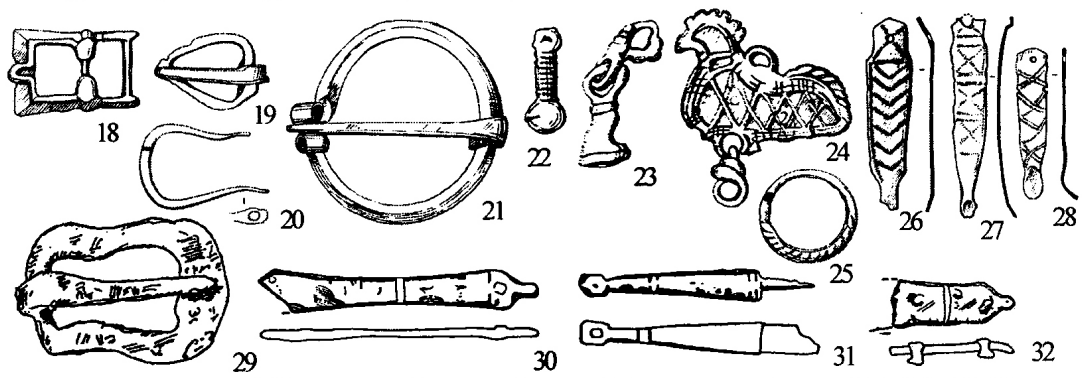
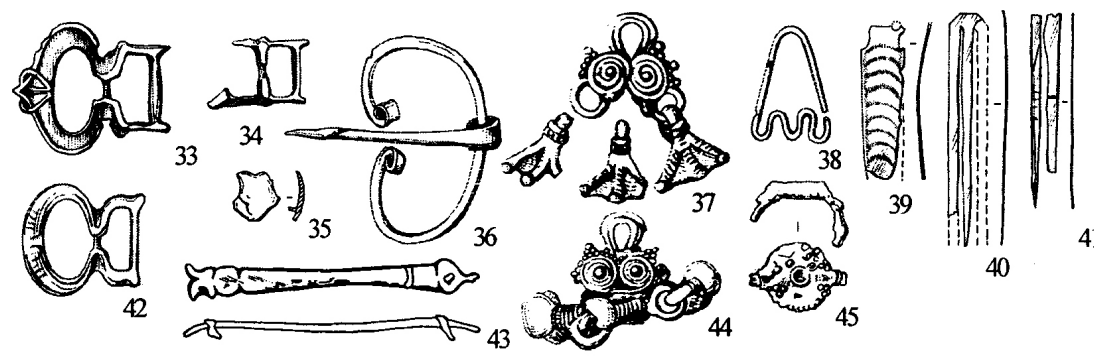
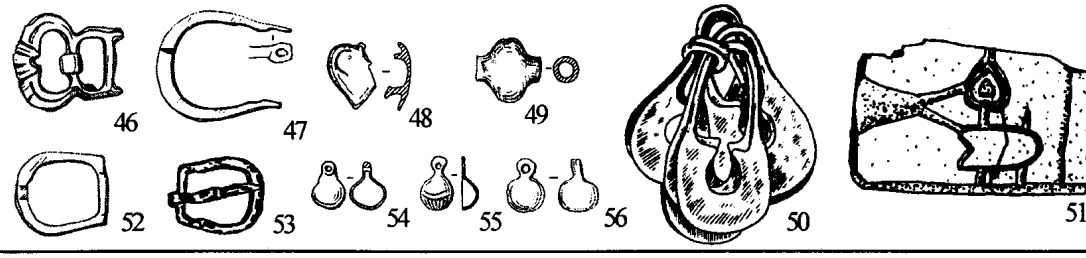
Век	Уровень планир.	Вещевой материал
XII-XIII	IV	
XI-XII	III	
X-XI	II	
IX-X	I	

Рис. 1. Распределение хронологически показательных материалов по уровням планировки (средняя часть городища Иднакар).

А. М. ИЛЮШИН

Россия, Кемерово, Кузбасский государственный технический университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КЫПЧАКОВ В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ

Миграционные процессы подразумевают под собой перемещение населения в пространстве и обретение нового места проживания. В предмонгольский период истории (XI – начало XIII вв.) в западной части степной Евразии значительные по своим масштабам миграционные потоки связаны с племенами кочевников, которые вошли в состав кыпчакских орд. Миграции кыпчакских орд и племен, входящих в них, в этот исторический период представляют собой сложное культурное явление, которое оказало сильное воздействие на социально-экономическую и политическую сферы жизнедеятельности многих народов Евразии.

До недавнего времени считалось, что после распада Кимакского государства, располагавшегося в предгорьях северо-западного Алтая, в верхнем и среднем течении р. Иртыш, кыпчаки двинулись на запад. С 1030 года они стали соседями Хорезма, приведя в движение племена огузов, ранее проживавших на этих землях, а затем по следам последних заняли территории Казахстана, Южного Урала и восточноевропейские степи. В результате этих миграционных потоков на степных просторах западной Евразии появились многочисленные кыпчакские орды и их объединения. Для обозначения этого культурного феномена в арабских и персидских источниках развитого Средневековья стали употреблять термин «Дешт-и-Кипчак» (Кипчакская степь) для этнополитической атрибуции территорий степей и пустынь, простиравшихся от низовий Сырдарьи и озера Балхаш до устья Дуная. Эта гипотеза в различных вариациях и интерпретациях конкретного материала представлена в трудах многих исследователей и вошла во многие энциклопедические и справочные издания (Кудряшов, 1948; Плетнева, 2003. С. 152–169, рис. 50; и многие др.).

Однако эта гипотеза сейчас нуждается в доработке, а может быть, и в пересмотре по причине появления новых археологических материалов. Цель настоящей работы – познакомить с новыми материалами, которые позволяют значительно расширить территорию Дешт-и-Кипчака на восток до Байкальской Сибири и свидетельствуют о миграции кыпчакских орд не только в западном, но и восточном направлении в предмонгольский период истории.

В числе территорий, которые первыми оказались под властью кыпчаков, стали просторы степного и лесостепного Алтая. Исследователи, занимающиеся изучением сросткинской культуры Алтая, предмонгольский период истории связывают с третьим (шадринцевским) и четвертым (змеевским) этапами ее развития, когда кыпчакский компонент начинает преобладать над местным смешанным самодийско-тюркским в степи, вытесняя его в лесостепь. Этот процесс объясняют усилением собственно кыпчакских племен в Кимакском каганате, а после его распада – с их широкой миграцией на соседние земли в восточном и западном направлениях (Неверов, Горбунов, 2001. С. 176–178).

Затем было Верхнее Приобье, где памятники X–XIV вв. А. А. Адамов по сходству керамических комплексов и погребальному обряду тоже отождествляет со сросткинской археологической

культурой и выделяет три ее локальных варианта – Новосибирский, Томский и Кузнецкий. В развитии сросткинской культуры он фиксирует два хронологических этапа: X–XII вв. и XIII–XIV вв. По мнению этого исследователя, на первом этапе сросткинцы продвинулись в пределы Кузнецкой котловины, Новосибирского и Томского Приобья, вытеснив и частично ассимилировав верхнеобцев, а на втором этапе смены населения не было: оно было тюркским (кыпчакским), и на его основе сформировались томские татары (Адамов, 1995; 2000). Другие исследователи эти же и ряд новых археологических материалов развитого Средневековья Верхнего Приобья интерпретируют иначе. Л. М. Плетнева на территории Томского Приобья выделила басандайскую культуру XI–XIV вв. с большой долей присутствия кыпчакского компонента и предположила, что территория этой культуры может быть расширена за счет Среднего Притомья и Новосибирского Приобья (Плетнева, 1997. С. 123). В последующем эту точку зрения разделили другие коллеги, которые объединили археологические материалы развитого Средневековья Новосибирского и Томского Приобья в рамках басандайской культуры. При этом они зафиксировали в ней как местные, так и пришлые компоненты, а некоторые различия в материалах конкретных памятников объяснили их принадлежностью к определенным субэтносам более крупной этнокультурной общности (Савинов, Новиков, Росляков, 2006. С. 338–339). При этом для территории Новосибирского Приобья вновь отмечается факт, что монгольское завоевание начала XIII в. не внесло больших изменений в культуру степного населения, которое по-прежнему оставалось в основном тюркоязычным (Троицкая, Новиков, 2004. С. 91). А. М. Илюшин предложил рассматривать территорию Верхнего Приобья в развитом Средневековье как басандайскую историко-этнографическую общность, кыпчакскую по своему этнокультурному содержанию (Илюшин, 1998. С. 91–94). При этом выделил в пределах Кузнецкой котловины самостоятельную шандинскую археологическую культуру тюркоязычных кочевников XI–XIV вв., которая была пришлой. Ее появление объяснял массовой миграцией в этот регион Западной Сибири тюркоязычных групп населения, которые на всем протяжении развитого Средневековья совместно проживали в этом регионе с коренным населением – носителями саратовской археологической культуры V–XIV вв. (Илюшин, 2005. С. 120–126). Этносоциальная структура пришлых кочевников характеризовалась как орда, в которой были представители многих племен, вытесненных с мест их прежнего проживания, в числе которых были и кыпчаки (Илюшин, 2006. С. 33–35; 2007. С. 75–77; 2010. С. 97–106).

Следующим регионом в движении на восток было Среднее Причулымье, где при исследовании погребальных памятников X–XIII вв. наряду с местным и пришлым кыргызским компонентами в культуре фиксируется присутствие кыпчакского компонента на вторых ролях (Беликова, 1996. С. 150). Далее на восток на территории Канско-Ачинской лесостепи фиксируется ладейская культура VII–X – XIII–XIV вв., которая изучена до сих пор не достаточно полно. При этом фиксируется факт, что на рубеже I и II тыс. в этом регионе происходит смена культурных традиций, связанная с усилением кыргызов и появлением культурных компонентов из Среднего Причулымья и Западной Сибири (Фокин, 2005. С. 217–219; 2007). Далее на восток Байкальской Сибири в верховьях Ангары и Лены открыта усть-талькинская культура тюркоязычных кочевников, которая стала складываться в конце XI – начале XII вв. По совокупности элементов погребального обряда эта культура очень близка культуре тюркских (кимако-кыпчакских) племен Саяно-Алтая, Верхнего Приобья и Прииртышья, и даже завоевание монголами Предбайкалья в XIII в. не повлекло за собой переселение или уничтожение этих культурных традиций (Николаев, 2004.

С. 146–149; 2008. С. 145). Крайним восточным пунктом, куда добралась культура Дешт-и-Кипчака, является территория ближнего Забайкалья, где на уровне археолого-этнографических источников фиксируется ее присутствие (Дашибалов, 2004. С. 185–186).

Из этого многообразия новых сведений, за которыми стоят вещественные источники, можно сделать вывод о том, что миграционное движение кыпчаков после распада Кимакского каганата было не только на запад, но и на восток. Это позволяет значительно увеличить территориальные рамки культурного феномена под названием Дешт-и-Кипчак и ставить новые вопросы в изучении истории степной Евразии развитого Средневековья. В их числе вопросы о территории проживания кыпчаков на момент начала процесса массовой миграции, ее причинах и механизмах реализации этих процессов.

На основе новых материалов из раскопок погребальных памятников этого периода в Верхнем Приобье и Кузнецкой котловине в частности можно сделать вывод о нескольких миграционных волнах кыпчакских орд в этот регион Западной Сибири. Причем сами кыпчаки в этом регионе появляются и обосновываются в основном с XII века (Плетнева, 1997; Илюшин, 2010. С. 97–106; Илюшин, Бутьян, 2010. С. 175–184 и др.). Внешне этот процесс выглядит так же, как и в степях Восточной Европы, где выделяют три хронологические группы X–XI вв., XI в. и XII–XIII вв. мигрантов-кочевников (печенеги, торки и половцы). Каждая из этих групп имеет свои отличительные этнические черты погребального обряда, но в то же время основная масса погребений в половецкий период имеет смешанный характер. При этом сами половцы (кыпчаки) в основной массе появляются в середине XI – середине XII вв. (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 133–150; Плетнева, 1981. С. 218–219).

Приведенные аналогии позволяют усомниться в том, что именно распад Кимакского каганата мог стать единственной причиной миграций кочевников на просторах Дешт-и-Кипчака на протяжении двух столетий в западном и восточном направлениях. Вероятно, это событие могло только лежать у истоков появления культурного феномена Дешт-и-Кипчак и вызвать лишь первую волну миграционных потоков. Две последующие волны миграций кыпчакских орд явно были обусловлены другими политическими событиями, которые, вероятно, имели место в пределах Семиречья и Приаралья, где располагались их основные пастбища. Это могли быть неудачные войны с Хорезмом или государством караханидов, внутренние неурядицы, миграция на эти земли кочевников из северо-западной Монголии под натиском набирающих силу монголов и многие другие. Ответить на этот вопрос можно будет лишь через систематизацию источников и изучение через них процессов миграций кочевников в последующем.

ЛИТЕРАТУРА

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв.: Автореф. дис. … канд. истор. наук. – Барнаул, 1995.

Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск – Омск, 2000.

Беликова О. Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. – Томск, 1996.

Буганов В. И. Золотая Орда // Большая Советская Энциклопедия. – Т. 9. – М., 1972.

Дашибалов Б. Б. Бурятские погребения XVI–XVII вв. (кыпчаки в этногенезе бурят и якутов) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы – Омск, 2004.

Илюшин А. М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого Средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998.

Илюшин А. М. К вопросу о компонентах тюркского археолого-этнографического комплекса XI–XIV веков на территории Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Красноярск – Омск, 2006.

Илюшин А. М. Материальная и духовная культура средневековых кыпчаков Кузнецкой котловины // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул, 2007.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово, 2005.

Илюшин А. М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 1.

Илюшин А. М., Бутьян В. А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2010. – № 4.

Кудряшов К. В. Половецкая степь. – М., 1948.

Неверов С. В., Горбунов В. В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Матер. XII ЗСАЭК. – Томск, 2001.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. – Владивосток – Иркутск, 2004.

Николаев В. С. Кочевники юга Средней Сибири в XII–XIV вв. // Известия Алтайского государственного университета. История. – 2008. – № 4/2 (60).

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). – Томск, 1997.

Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981.

Плетнева С. А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. – Воронеж, 2003.

Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск, 2006.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учебное пособие. – Новосибирск, 2004.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966.

Фокин С. М. К вопросу о выделении археологических культур раннего и развитого средневековья в Красноярской лесостепи // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII ЗСАЭК. – Томск, 2005.

Фокин С. М. Культурно-исторические процессы в раннем и развитом средневековье Красноярской лесостепи: Автореф. дис… канд. истор. наук. – Кемерово, 2007.

Е. П. КАЗАКОВ

Россия, Казань, НЦАИ ИИ АН РТ

РАННЕБОЛГАРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ Р. ВОЛГИ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В археологической литературе благодаря работам В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и других давно устоялась точка зрения, что появление болгаро-салтовских памятников на Средней Волге было связано с переселением сюда племен из районов салтовской культуры юго-восточной Европы. Однако конкретные пути этого движения остаются малоизученными. В последние годы появились новые материалы по данному вопросу, которые позволяют по-иному рассматривать и уже имеющиеся материалы. Важные сведения при этом имеют комплексы ранних болгар правобережья р. Волги.

У археологов вызывает удивление, что пришедшие на Среднюю Волгу болгары имели многие существенные элементы культуры, чуждые салтовской культуре. Последние представляли симбиоз алан с погребальным обрядом в виде дромосов и ранних тюрок – болгар с погребениями в простых ямах со сравнительно бедным погребальным инвентарем. Болгары заимствовали от алан круговую, чаще всего кувшинообразную, посуду.

Наиболее богатые захоронения пришедших на Волгу болгар находились в глубоких могилах с подбоями и заплечиками и сопровождались шкурой лошади, от которой сохранялись только кости черепа и кости ног животного. В одном Большетарханском могильнике такие комплексы встречены в 17 % всех могил (62 погребения. Генинг, Халиков, 1964. С. 23). В болгарских погребениях салтовской культуры известны лишь редкие захоронения со шкурой лошади, но и там этот комплекс располагался в могилах по-иному (Аксенов, Тортика, 2001. С. 207, рис. 4).

В данной работе рассматриваются вопросы о путях миграции болгаро-салтовского населения на север и проблема появления у болгар на Волге вышеуказанных специфических элементов погребальной обрядности, то есть ям сложной конструкции и положения шкуры лошади. Вполне возможно, истоки этих элементов следует искать в мире евразийских средневековых сармат с кочевым образом жизни, представленных памятниками турбаслинской культуры. Первоначально они были выявлены на территории Башкортостана, однако в настоящее время некрополи с указанными чертами обрядности известны на широкой территории от Приуралья до Волги. Особенно богатые материалы представил II Коминтерновский могильник (Казаков, 1998. С. 97–150), в котором вместе находились захоронения именьковкой и турбаслинской культур. Идеологические черты культуры именьковского и турбаслинского населения, представленные в многочисленных культовых изделиях, не позволяют сомневаться в связи их с сарматским миром (Казаков, 2004. С. 95–104). Об этом говорят и указанные элементы погребального обряда как во II Коминтерновском (рис. 1, *2*), в Кушнаренском (рис. 1, *1*) и в других могильниках.

Появление данных элементов обрядности в некрополях болгар, вероятно, нужно связывать с взаимодействием их с буртасами (Казаков, 1998. С. 111). По данным различных источников, основная территория этого народа могла находиться в правобережье Саратовского и Волгоград-

ского Поволжья (Калинин, Халиков, 1954. С. 58, рис. 18), то есть в непосредственной близости с территорией салтовской культуры. Правда, Г. Е. Афанасьев в одной из последних работ сопоставляет комплексы буртасов (фурт-асов) с древностями аланского компонента салтовской культуры (Афанасьев, 2009. С. 11–14). Однако погребальный обряд последнего (дромосы и пр.) совершенно отличен. Поскольку погребальный обряд буртасов до сего времени малоизучен (возможно, с ним связаны захоронения со шкурой лошади в ямах сложной конструкции, изученных П. С. Рыковым в 20-е годы XX в. в Саратовском Поволжье), была предпринята попытка выявить элементы его в культуре ранних волжских болгар (Казаков, 1998. С. 111).

Этому помогли новые материалы памятников второй половины VI – VII вв. н. э. турбаслинско-именьковской общности. В последней трети VII в. н. э., видимо, в связи с какими-то военно-политическими событиями, происходившими в Центральной Азии, в Восточной Европе наблюдается массовая миграция различных племен. Это выразилось, в частности, в том, что на широкой территории от Приуралья до Поволжья исчезли памятники турбаслинско-именьковской общности, представленные сотнями городищ, селищ, могильников с трупосожжением и трупоположением. Их место занимают памятники манякского этапа кушнаренковской культуры, связанные с пришедшими с востока кочевыми уграми (Казаков, 2008. С. 114–116). Захватив указанную территорию, они переправились даже через р. Волгу, о чем свидетельствует наличие кушнаренковской посуды на II Тетюшском городище (Руденко, 2008. С. 303, рис. 13, 1,2). Исследователям трудно было представить, что масса оседлого земледельческого населения вдруг покинула отмеченную территорию. Но факт остается фактом, а на ряде именьковских памятниках отмечены следы гибели и разрушения. Так, на селище Девичий городок в низовьях р. Камы выявлено покинутое жилище, в котором стояла нетронутая посуда, хозяйственные ямы, забитые пережженным зерном, ямы, куда были брошены остатки человеческих скелетов (Казаков, Иванова, 2003. С. 97–102).

Исходя из того, что часть элементов погребального обряда турбаслинско-именьковского населения (наличие трупосожжения и трупоположения, сопровождение женских погребений богатым набором, в том числе шкурой лошади) имеет параллели, по письменным источникам X в., в культуре буртас (применение в погребальной обрядности трупосожжения и трупоположения, высокая роль женщин, которые сами выбирали себе мужей), было высказано предположение о генетической связи указанных групп населения (Казаков, 1996. С. 49). Отмечено также, что могилы сложной конструкции и использование шкуры лошади было заимствовано волжскими болгарами (там же. С. 49).

Во многом остается неясным, где, когда и как происходило такое взаимодействие. Локализация памятников позволяет констатировать близкое соседство болгаро-салтовского и буртасского населения на правобережье р. Волги (левобережье часто находилось под воздействием кочевых племен мадьяр, печенегов, огузов). Так, у г. Волгограда известны типичные болгарские захоронения (Минаева, 1932. С. 63). В окрестностях г. Саратова, у с. Усть-Курдюм, выявлено характерное по керамике болгаро-салтовское захоронение (рис. 2, *1*), где над ногами костяка уложены шкуры коня и овцы (Максимов, 1981. С. 108–110). Автор обоснованно поставил вопрос, не является ли это «следами на пути откочевий болгарских племен из Подонья – Приазовья в Волго-Камский регион?» (там же. С. 110). Еще большим подтверждением этого стало открытие и изучение нового раннеболгарского могильника на территории г. Ульяновска (Казаков, Семыкин, Вис-

калин, 2004. С. 207–218), сопровождаемое типичным салтовским инвентарем. В глубокой могиле сложной конструкции, в подбое устроенного в ногах костяка одного из захоронений, находились череп и кости ног лошади (рис. 2, *2*).

Наконец массовое появление захоронений с данными чертами обряда отмечено еще севернее, также на правобережье р. Волги, в Большетарханском могильнике (Генинг, Халиков, 1964). Как сообщалось, здесь они отмечены в 62 захоронениях, составляющих 17 % всего количества могил. Чаще всего шкуру лошади клали на перекрытие на уровне заплечиков над ногами погребенных (рис. 2, *3*), то есть совершенно так же, как это отмечено в Кушнаренковском могильнике турбаслинской культуры (рис. 1, *2*). В то же время в поперечной стенке могилы у ног погребенного иногда делали расширение или подбой для получения пространства, на котором определенным образом клалась шкура животного (рис. 3). Погребение с костями ног коня на заплечике расчищены во II Большетарханском могильнике (Казаков, 1992. С. 40).

Разобранные захоронения составляли менее 1/4 всех могил в указанных некрополях. Основная часть умерших погребалась в ямах простой конструкции в сопровождении небогатого инвентаря, что характерно для собственно болгар салтовского круга. Однако и те и другие, как правило, сопровождались характерной круговой посудой с бомбовидным туловом и своеобразной орнаментацией (рис. 4). Хотя эта посуда заимствована болгарами на юго-востоке Европы у алан, однако в Волго-Камье она выступает как один из основных признаков культуры пришлых болгар. «Своя» же посуда кочевых болгар, как и средневековых волжских сармат, представлена лепными горшками (рис. 5). В Больших Тарханах имеется единственный в ранней Волжской Болгарии круговой горшок с многорядным резным орнаментом (рис. 5, *4*). Подобная посуда, выработанная в круге салтовского гончарства, позднее получила широкое распространение от Подунавья до Руси.

Во второй трети IX в. в Восточной Европе идет новая массовая миграция больших масс населения. Она была вызвана «борьбой за веру» (между иудаизмом и исламом), в которую были втянуты объединения мадьяр и печенегов. Последние прогнали мадьяр на запад и стали нападать на более северные племена, представленные кушнаренковской, неволинской, ломоватовской и поломской культурами. В это время полностью исчезают памятники кушнаренковской и неволинской культур, а также часть южных памятников полома и ломоватова (Казаков, 2007. С. 70). Спасаясь от нападений, угры Урало-Прикамья уходят в страну болгар. Одной из самих ранних погибших культур была неволинская в бассейне р. Сылвы. Представители ее в числе первых и нашли убежище у болгар Правобережья, куда печенегам труднее было совершать набеги. В Большетарханском могильнике расчищены погребения с лепной круглодонной посудой, имеющей резной и гребенчатый орнамент (рис. 6, *2–11*). Такая керамика имеет аналогии в древностях неволинской культуры бассейна р. Сылвы. Это население, находящееся в Предуралье в окружении угорских культур со шнуровой посудой (ломоватовской, постпетрогромской), сохраняло в то же время свою специфику, имеющую аналогии в древностях бакальской культуры лесного Зауралья, относимом, в том числе, и к сарматам. Можно предполагать неволинский комплекс тархан в качестве культуры угризированных сармат, с необходимость преодолевших путь от Верхней Камы до Волги (Казаков, 2008. С. 27–28).

Своеобразным является раннеболгарский некрополь, расположенный на территории бывшей нефтебазы г. Тетюши. На нем Н. Ф. Калининым, А. Х. Халиковым, Е. А. Халиковой, Е. П. Каза-

ковым и другими выявлено около 150 захоронений. Многие из них были ограблены в древности или разрушены при сооружении нефтебазы. Половина из средневековых захоронений памятника являются языческими, другая половина совершена по мусульманскому обряду. Судя по монетам 709–710 гг. начала IX в., рубежа IX–X вв. из погребений 129, 151, 178б, 180, языческую часть некрополя широко можно датировать IX или второй половиной IX – X вв. (Казаков, 1992. С. 206). Этой дате в основном соответствует вещевой материал, опубликованный в отдельной статье (Казаков, Халикова, 1981. С. 21–35). Погребения совершены в ямах простой конструкции и не сопровождаются костями коня. В вещевом материале преобладают изделия, имеющие большинство аналогий в Танкеевском и реже в Большетарханском могильнике (рис. 8). Типично танкеевскими культовыми поделками из бронзы в виде «пилки» или «ситечка» сопровождаются детские могилы (рис. 8, *А, Г*). В языческое погребение 178 сверху было спущено захоронение, совершенное по мусульманскому обряду (рис. 8, *В*).

Сравнительно немногочислен керамический материал. Из 27 сосудов только 6 круговых (в основном в обломках), 8 плоскодонных горшков (рис. 9), один одноручный кувшин и две «криночки» (рис. 10, *6, 7*), имитирующие формы салтовской круговой посуды. Остальные образцы являют собой поздние варианты кушнаренковской (рис. 8, *А*, 5; рис. 10, *5*) и полонско-ломоватовской (рис. 10, *1–4*) посуды.

В целом в узком понимании языческая часть могильника относится ко второй половине X в., когда политический центр Волжской Болгарии формируется в Западном Закамье. В 40-е годы здесь возникают из племенных центров Болгар и Сувар – первые города, но жители Болгара, как язычники, так и мусульмане, продолжали хоронить на старом племенном кладбище у с. Танкеевка, которое возникло еще в IX в. (Казаков, 2008. С. 36). Видимо, такая ситуация существовала и по отношению к Тетюшскому материалу, когда окружающее, уже принявшее ислам население продолжало хоронить своих умерших на старом племенном кладбище. Однако уже во второй четверти X в. население правобережья испытывает все большее культурное воздействие со стороны болгарского населения Западного Закамья.

Таким образом, материалы позволяют предполагать, что болгары салтовской культуры определенное время контактировали с буртасами, от которых они заимствовали такие элементы, как захоронения в глубоких ямах сложной конструкции, шкуру лошади по принципу pars pro toto (т. е. часть вместо целого) и ряд других, в том числе культовых поделок. В связи с этим кто же это население – булгаризированные сарматы или сарматизированные тюрки?

Вопрос сложен. Во всяком случае А. П. Смирнов и другие исследователи видели в культуре волжских болгар сильнейший сарматский компонент. Несомненно, однако, что это население вошло в состав тюркоязычных волжских болгар.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В. С., Тортика А. А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторическая интерпретация // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001.

Афанасьев Г. Е. К проблеме локализации Хазарии и Фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум «Идел – Алтай». – Казань, 2009. – С. 7–17.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. – М., 1964.

Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). – М., 1992.

Казаков Е. П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996. – С. 40–57.

Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 97–150.

Казаков Е. П. Турбаслинско-именьковские культовые изделия Урало-Поволжья // Материалы краеведческих чтений, посвященные 135-летию Общества испытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М. Г. Худякова. – Казань, 2004. – С. 95–104.

Казаков Е. П. Волжские болгары, егры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007.

Казаков Е. Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров в VII–IX вв. // FU. – 2008. – № 11. – С. 24–33.

Казаков Е. О ранней дате столичных городов Волжской Болгарии // FU. – 2008. – № 11. – С. 34–39.

Казаков Е. П. Меллятамакский комплекс в системе древностей манякского этапа кушнаренковской культуры // Уфимский археологический вестник. – Вып. 8. – Уфа, 2008. – С. 114–116.

Казаков Е. П., Иванова Р. Г. Исследование селища «Девичий городок» // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003. – С. 97–102.

Казаков Е. П., Семыкин Ю. А., Вискалин А. В. Автозаводской раннеболгарский могильник на территории Ульяновска // Материалы первой научной конференции, посвященной С. Л. Сытину. – Ульяновск, 2004. – С. 207–219.

Казаков Е. П., Халикова Е. А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 21–35.

Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. – Казань, 1954.

Максимов Е. К. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних булгар. – Казань, 1981. – С. 108–110.

Минаева Т. М. Погребение Зацарицынского района г. Сталинград // Сообщ. ГАИМК. – 1932. – № 3–4. – С. 63.

Руденко К. А. Тетюшское II городище в Татарстане: датировка и хронология // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 277–304.

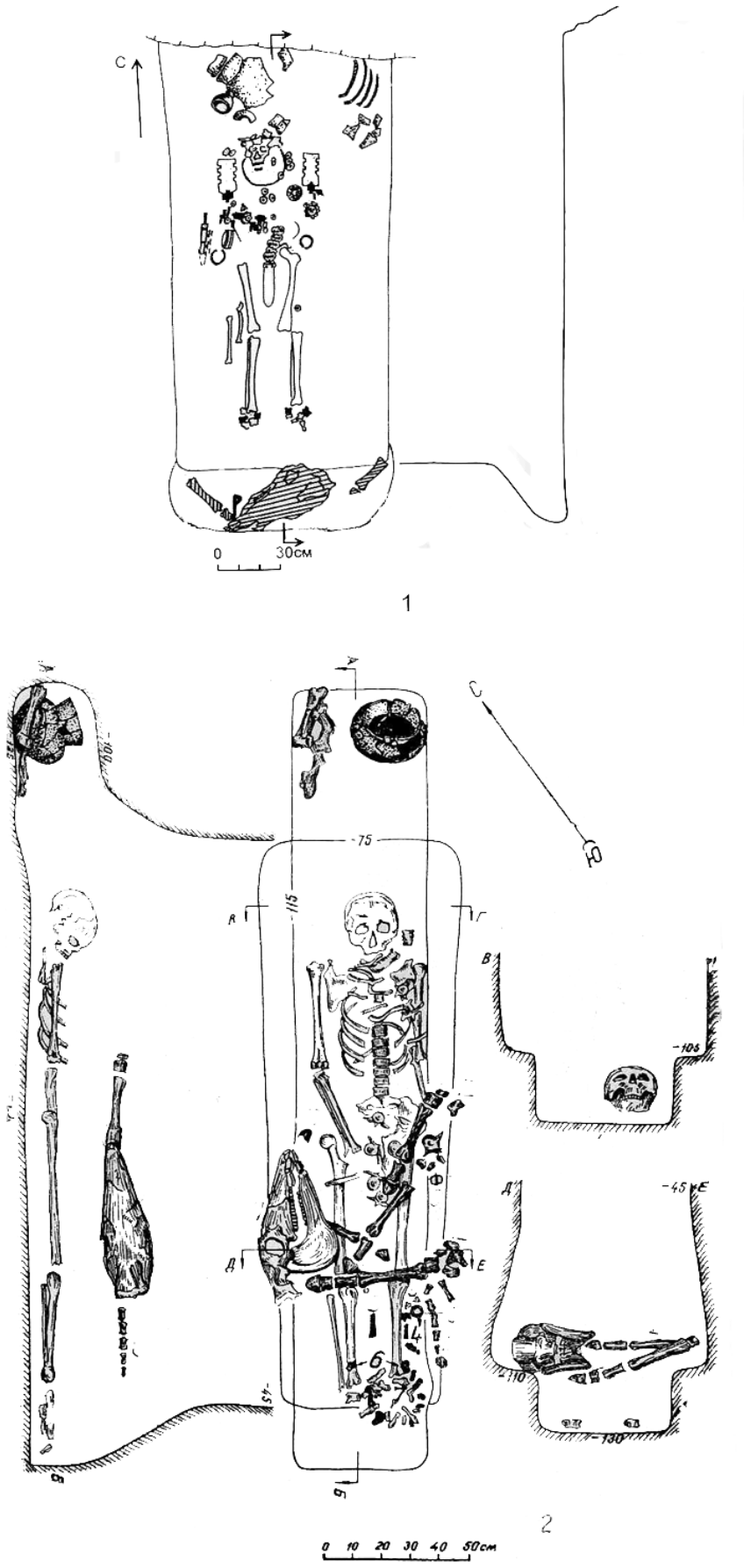


Рис. 1. Турбаслинско-именьковские погребения второй половины VI – VII вв. н. э.
1 – Кушнаренковский могильник, 2 – Коминтерновский могильник.

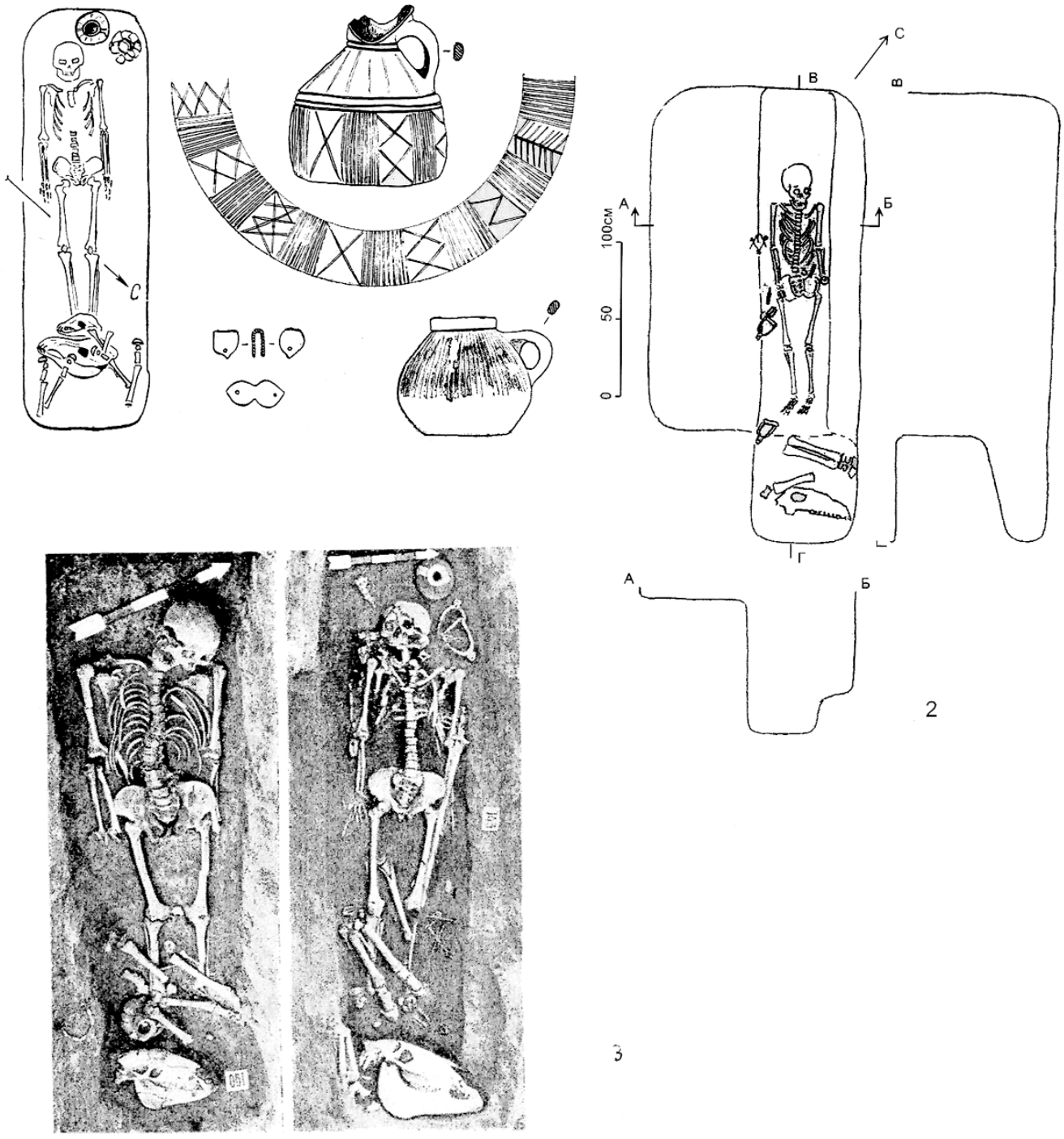


Рис. 2. Раннеболгарские погребения второй половины VIII – IX вв. н. э.
1 – Усть-Курдюмский могильник, 2 – Автозаводской могильник,
3 – Большетарханский могильник.

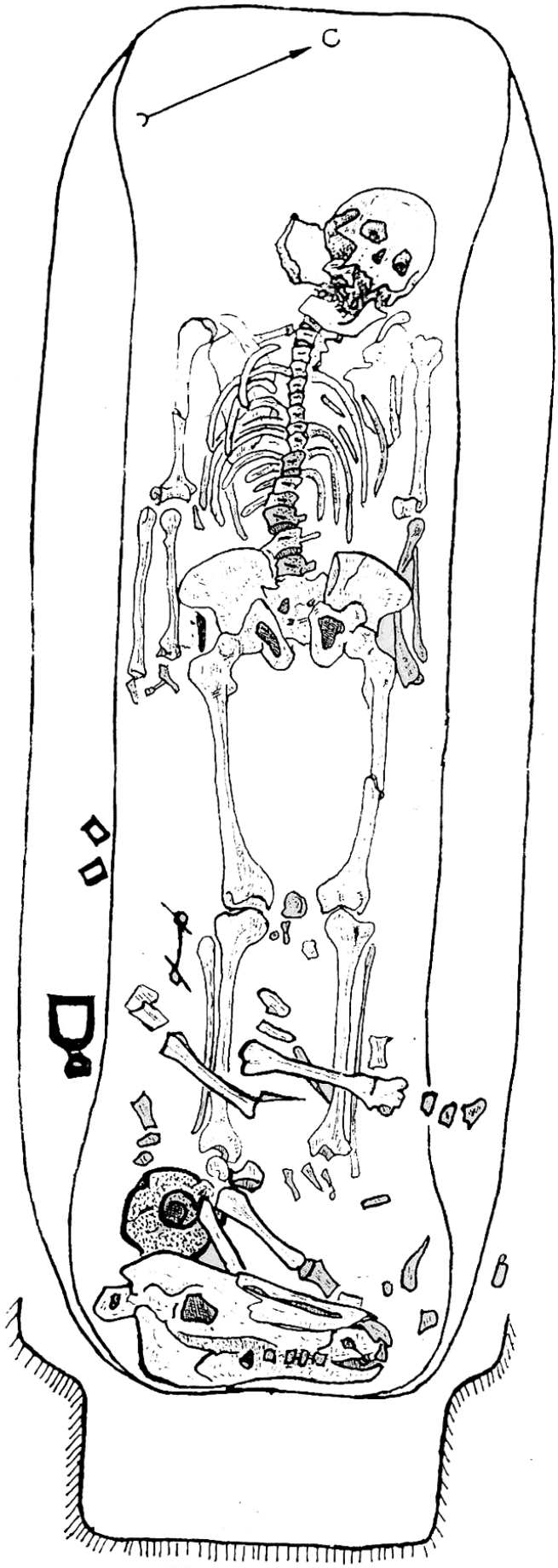


Рис. 3. Погребение из Большетарханского могильника.

Рис. 4. Круговая керамика салтовской культуры из Большетарханского могильника (по В. Ф. Генингу, А. Х. Халикову).

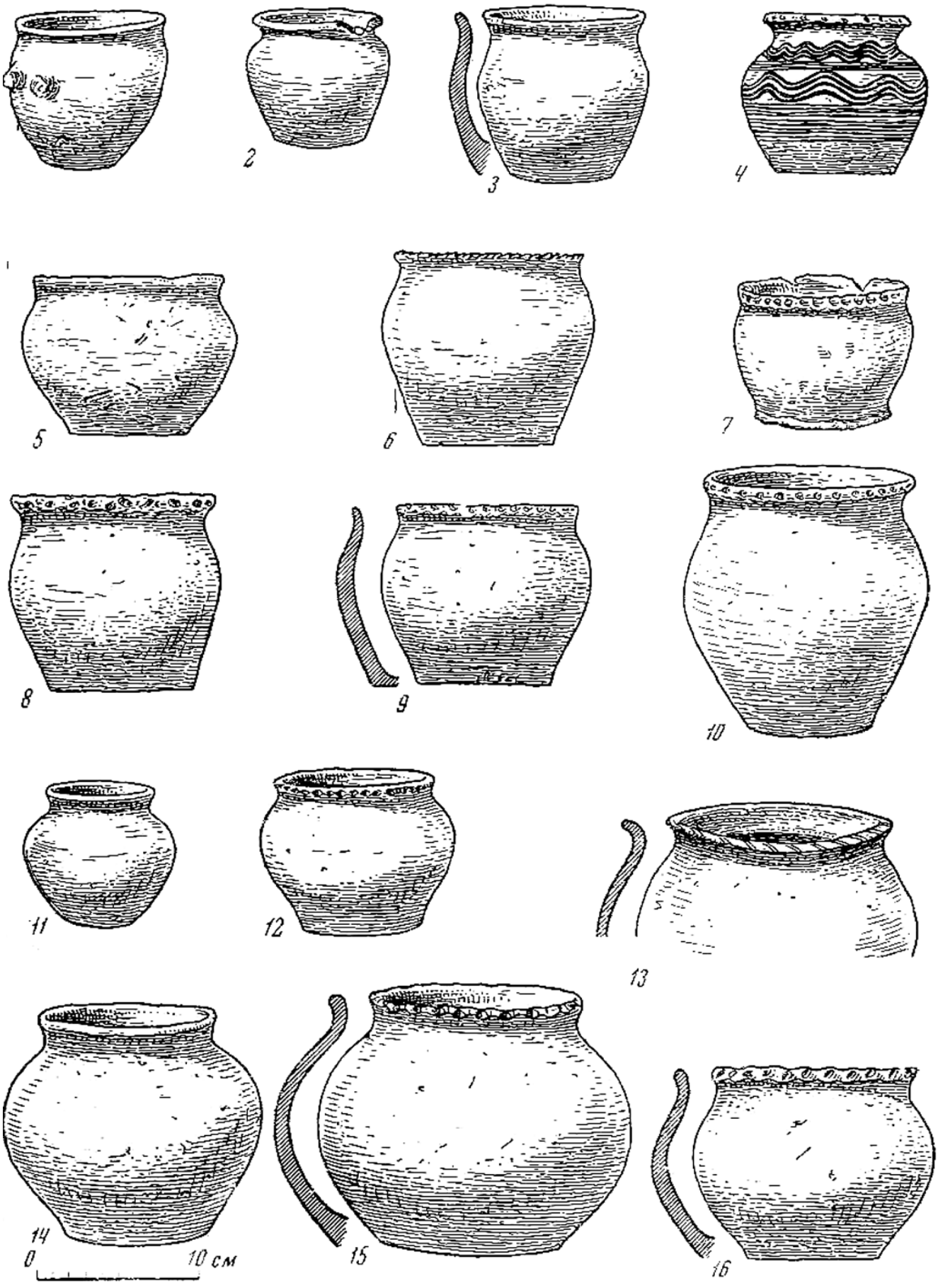


Рис. 5. Керамика из Большетарханского могильника (по В. Ф. Генингу, А. Х. Халикову).

Рис. 6. Керамика неволинской культуры из Большетарханского могильника.

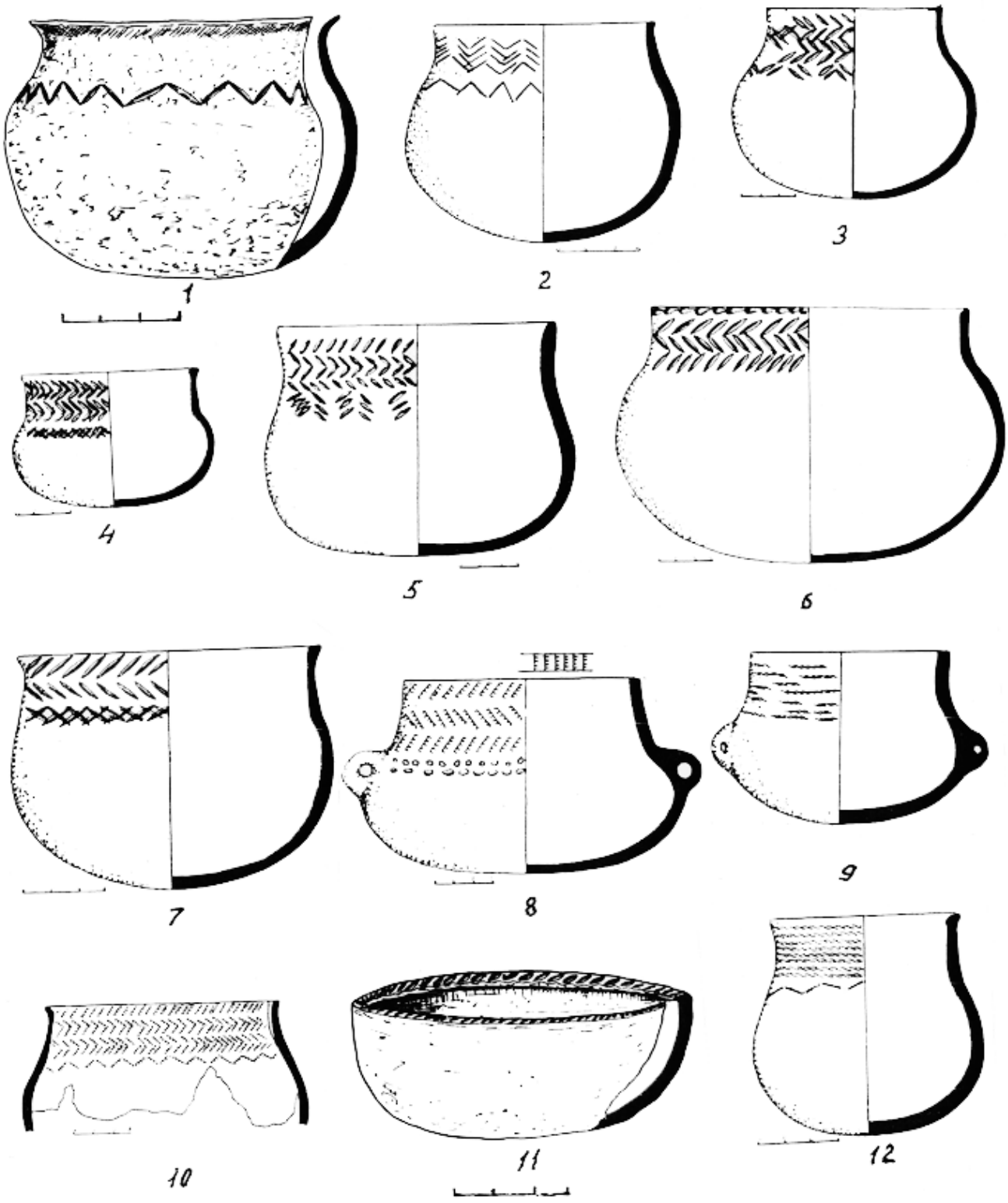


Рис. 7. Керамика Неволинского могильника
(по В. Ф. Генингу, Р. Д. Голдиной, Н. В. Водолаго).

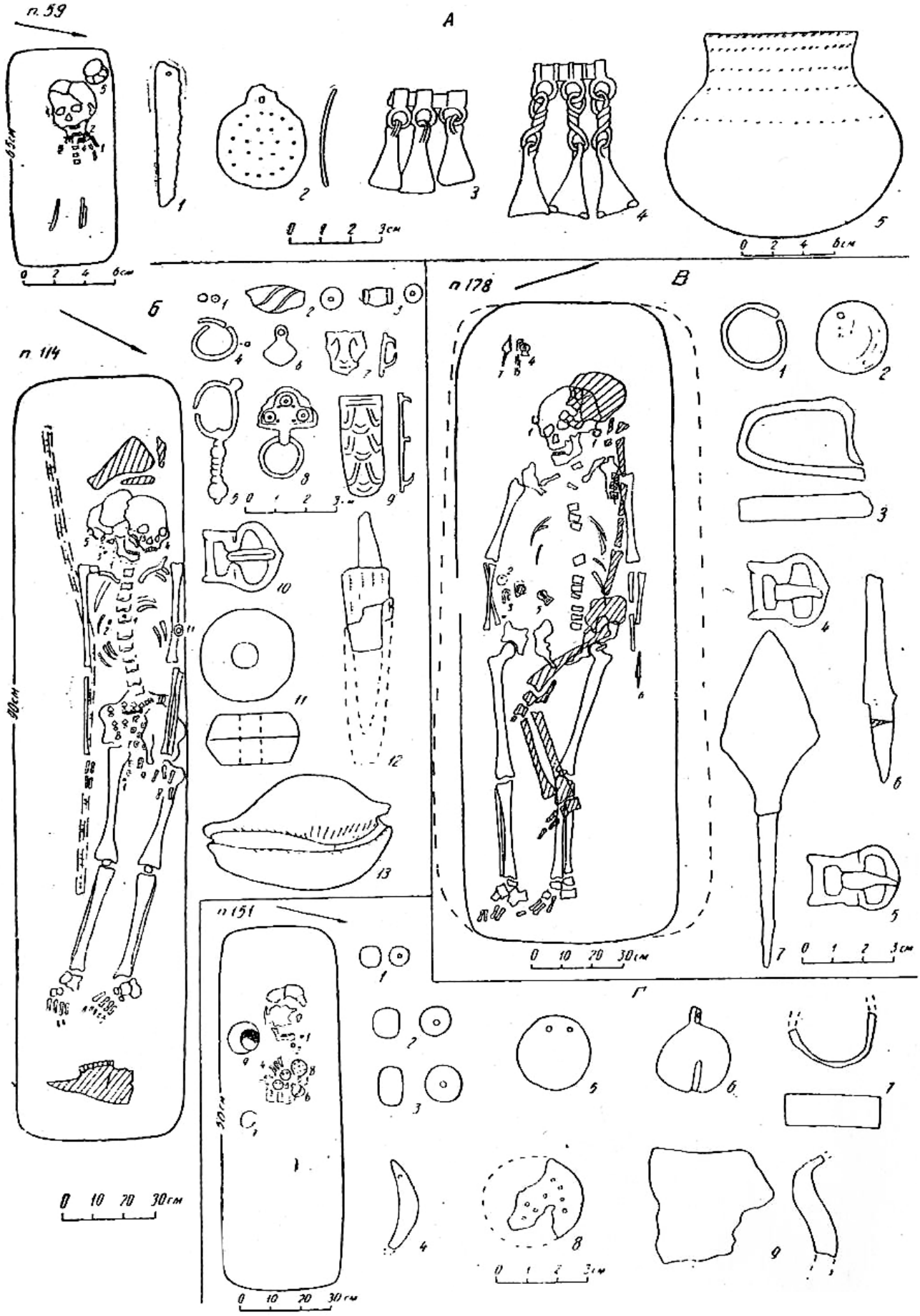


Рис. 8. Погребения из Тетюшского могильника.

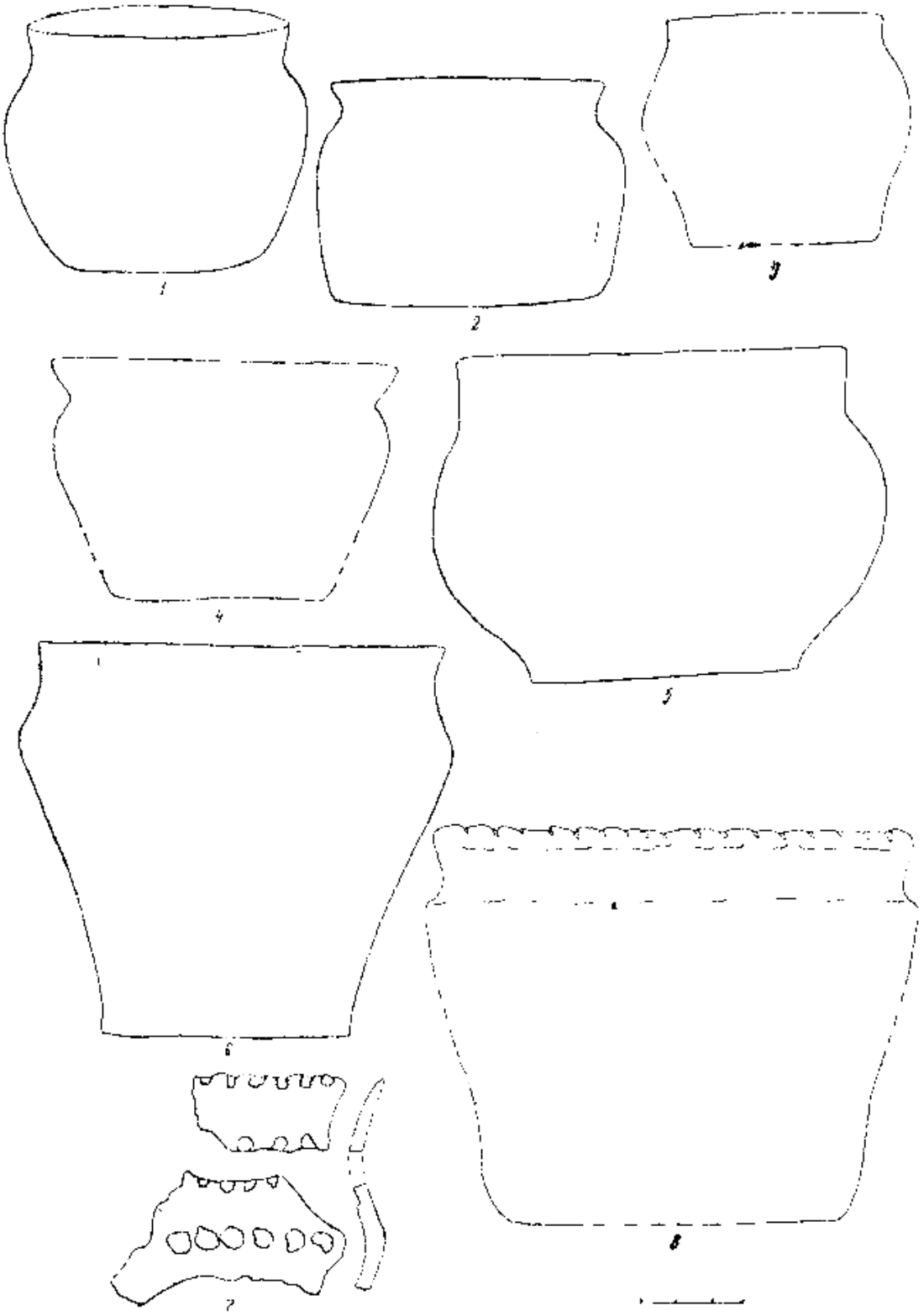


Рис. 9. Керамика из Тетюшского могильника.

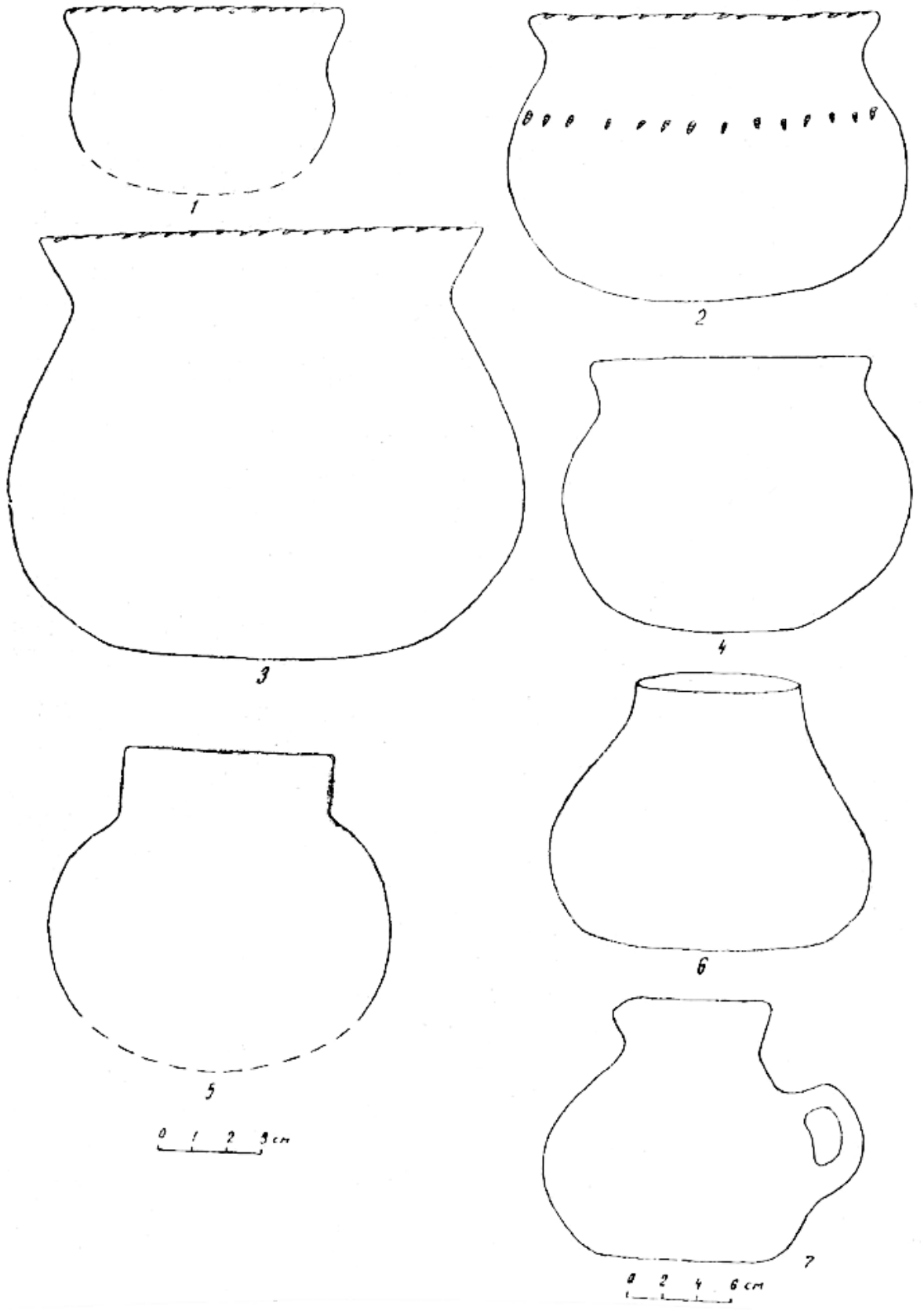


Рис. 10. Керамика из Тетюшского могильника.

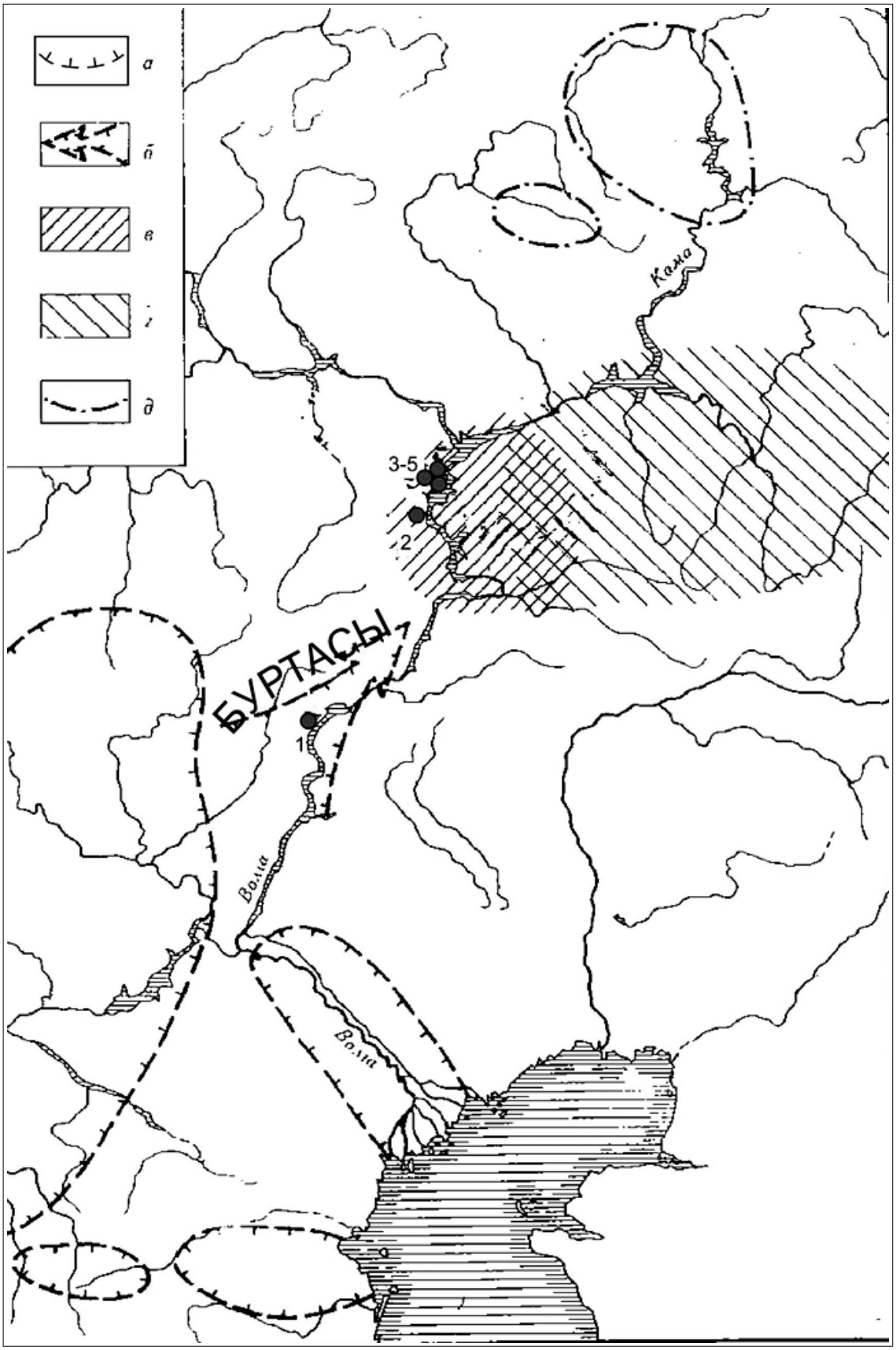


Рис. 11. Этнокультурная ситуация в Урало-Поволжье в раннеболгарский период:
а – регионы концентрации болгаро-салтовских памятников, б – направление движения
в Среднее Поволжье болгаро-салтовских племен, в – территория ранней Волжской Болгарии,
г – территория кушнаренковской общности, д – ломоватовская и поломская культуры.

С. Н. КОРЕНЮК, М. Л. ПЕРЕСКОКОВ

Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В ПРИКАМЬЕ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. Н. Э.

Этнические процессы эпохи Великого переселения народов в Прикамье интересуют исследователей достаточно длительное время. К их изучению в разное время обращались такие археологи, как А. В. Шмидт, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, В. А. Оборин, Ю. А. Поляков и многие другие. В последнее время с появлением новых своеобразных материалов назрела необходимость нового осмысления событий середины I тыс. н. э., что дало новый виток дискуссии (Боталов, Гуцалов, 2000. С. 140–185; Голдина, 2004. С. 252–269; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. С. 63–73; Пастушенко, 2009. С. 112–118; Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 180–195).

В первой половине I тыс. н. э. территорию Среднего и Верхнего Прикамья заселяли племена гляденовской культуры, занимающие территорию от бассейна р. Тулва на юге до р. Косьва на севере. В настоящее время большинство исследователей, некоторые с оговорками, поддерживают точку зрения Ю. А. Полякова относительно границ, выделения локальных групп и единства гляденовской культуры (Поляков, 1967; Поляков, 2001). Исследователи отмечают единство материальной культуры, погребального обряда, духовной культуры (функционирование своеобразных святилищ – гляденовских костищ) на всем протяжении ее существования (Поляков, 2001; Лепихин, 2007. С. 122–125). Спорным до сих пор является вопрос культурной принадлежности памятников бассейна р. Тулва, южнее г. Осы, Еловского и Частинского Прикамья. Ю. А. Поляков выделял эти памятники в осинский локальный вариант гляденовской культуры (Поляков, 2001. С. 10–11). Р. Д. Голдина выделяет эти памятники в среднекамский вариант пьяноборской КИО (Голдина, 2000. С. 152–154), по сути отождествляя его с осинской культурой, которую в свое время выделял В. Ф. Генинг (Генинг, 1959. С. 190–195; Генинг, 1988. С. 180–200), что, на наш взгляд, не совсем верно. Последние исследования памятников Осинкого Прикамья (Верхне-Ирьякский могильник и селище), давшие новые данные о погребальном обряде, материальной культуре, поселениях, домостроительстве и керамическом комплексе данной территории, убедительно доказывают, что памятники типа Осинского городища относятся к поздней стадии гляденовской культуры, которые Ю. А. Поляков совершенно справедливо выделял в локальный вариант. Это касается памятников в устье р. Тулва и к северу от него. Памятники же бассейна р. Тулва южнее ее устья, а также Еловского и Частинского Прикамья действительно имеют некоторое своеобразие, которое проявляется в первую очередь в изменении орнаментации керамики. Если керамика Осинского городища имеет в основном резной и гребенчатый орнамент (Генинг, 1959. С. 186–188), то более южные памятники бассейна р. Тулва имеют в основном ямочную орнаментацию, чем сближаются с еловскими (Чуйкина, Коренюк, 2006. С. 208–217). Кроме керамического комплекса, материальная культура тулвинских, еловских и частинских памятников идентична гляденовским. Красноярский могильник, по Р. Д. Голдиной, – опорный памятник тулвинско-частинского типа, исследовавшая его О. А. Казанцева относит его к гляденовской культуре (Казанцева, 1988. С. 64). Хотя близость его материалов и к пьяноборским не вызывает

сомнения. Таким образом, Тулвинское и Частинское Прикамье являлись своего рода буферной зоной между близкородственными пьяноборской (мазунинской) и гляденовской культурой, где было их наибольшее взаимовлияние. Не удивительно, что именно здесь памятники сочетают в себе значительное количество черт, характерных как для одной, так и для другой культур. Так, орнаментация керамики имеет больше черт той культуры, к которой памятник территориально ближе. Отличия же могут иметь как культурный, так и временной характер, так как хронология памятников этой территории еще недостаточно разработана.

События эпохи Великого переселения народов в Прикамье традиционно связывают с появлением групп пришлого населения, оставившего курганные могильники тураевского типа в Среднем Прикамье, харинского типа в Верхнем Прикамье и неволинской культуры в Сылвенско-Иренском поречье в V в. н. э., что ознаменовало прекращение существования гляденовской культуры. На этот процесс среди исследователей есть несколько точек зрения. Наиболее четко сформулированной является точка зрения Р. Д. Голдиной, связывающей этнические процессы в Прикамье в III–IV вв. с отголосками нескольких волн миграций с юго-запада гото-славян (держава Германариха) (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 182–190). Наиболее четко прослеживаются две. Появление в Нижнем и Среднем Прикамье памятников азелинского типа, которые Р. Д. Голдина соотносит с догуннским временем, а именно третья четверть IV в. К гуннскому времени (конец IV в.) относится формирование в Нижнем Прикамье и Поволжье значительной группы населения, известной под названием именьковской культуры. К ней же исследователь относит и Тураевские курганы: «…находка в погребении 1 кургана III плоскодонного неорнаментированного горшка именьковского типа заставляет связывать проблему происхождения Тураевских курганов и именьковских памятников в единое целое» (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 190). Курганные же могильники харинского типа (включая курганы близ Перми и в бассейне р. Сылва) Р. Д. Голдина, развивая концепцию В. Ф. Генинга, связывает с притоком в Среднее и Верхнее Прикамье степного и лесостепного населения из Зауралья (западный вариант саргатской культуры) (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 182–190).

Интересные выводы по поводу этнических процессов делает И. Ю. Пастушенко (Пастушенко, 2009). Автор указывает, что наряду с традиционными миграциями должны были иметь место и «стихийные колонизации» или «инфильтрации отдельных групп населения», когда с насиженных мест снимались малые коллективы – отдельные семьи, общины или рода. Небольшие, но постоянные подвижки в условиях господства подсечно-огневого земледелия или поиска новых пастбищ для скота. Малая группа населения имела больше шансов безболезненно инкорпорироваться в местную структуру расселения аборигенов, особенно в условиях наличия довольно больших слабоосвоенных территорий. В этом случае проникновение происходило на различную глубину и зачастую слабо отражалось инновациями на общем фоне местной традиционной материальной культуры, которую отдельные переселенцы могли заимствовать практически полностью (по крайней мере в свете археологической фиксации данного факта), сохраняя лишь отдельные свои элементы (Пастушенко, 2009. С. 112). Также исследователем выделено три вектора миграций в Прикамье. Первый – юго-западный (последствия разгрома гуннами державы Германариха, появление именьковских племен в Поволжье и Нижнем Прикамье, воинских погребений Тураевского, Кудашевского, Тарасовского и др. могильников), объединяющий две волны миграций юго-западного происхождения догуннского и гуннского, выделенных Р. Д. Голдиной. И. Ю.

Пастушенко объединяет их, исходя из наличия в составе комплексов «…несколько весьма специфичных категорий находок, неоднократное (даже повторное в рамках 50–150 лет) поступление в Прикамье которых весьма спорный факт…» (Пастушенко, 2009. С. 113). Второй вектор миграций, обозначенный исследователем, – это южный, связанный с проникновением позднесарматских племенных групп, которые, «уходя от “готского” давления, а заодно и от “гуннского”, уходят на север – в Башкирию, точнее в лесостепную зону южной части Урало-Поволжского региона. При этом они доходят до тех районов, где ранее не фиксировалось наличие памятников среднесарматского времени. Здесь появляются собственно позднесарматские памятники (типа Салиховских и Ахмеровских курганов), смешанные сармато-мазунинские (типа Старо-Муштинского могильника, аналогичные по происхождению и месту в местной истории и этногенезе памятникам типа Тураево и Кудаш), и наконец складывается своеобразная турбаслинская культура с ярко выраженными степными элементами в материальной культуре» (Пастушенко, 2009. С. 115). Третий вектор миграций объясняет появление курганов харинского типа. Исследователь связывает их не с зауральцами (лесостепное население, оставившее курганы типа Аятского могильника, по В. Ф. Генингу, саргаты по Р. Д. Голдиной), а, поддерживая точку зрения С. Г. Боталова, с гунно-сарматами, которые продвинулись на север из Южного Зауралья и включали в свой состав немногочисленные угорские группы зауральских племен (кашинские, прыговские и др.) (Пастушенко, 2009. С. 116).

Интересно отношение исследователей к исторической судьбе местного населения Среднего и Верхнего Прикамья в связи с интересующими нас событиями. Так, по Р. Д. Голдиной мигранты первой волны «…как правило, не уничтожали местное население, а подчиняли его себе. При этом увеличивалась доля зависимого населения, максимально исключенная из перераспределения общественного продукта. Появление пришельцев способствовало разрушению традиционных кровнородственных связей и утверждению территориальных, а это в свою очередь ускоряло темпы централизации власти» (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 188). «Появившись в Прикамье, саргатцы невольно вступили в конфронтацию с жившим здесь немногочисленным местным гляденовским населением. Сначала это были далеко не мирные отношения <…> однако со временем были найдены иные контакты с местным населением. Скорее всего, потребность в женах заставила пришлых людей искать пути мирного сосуществования» (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 193). Складывается впечатление, что аборигенное население Прикамья в этот период было незначительным, а пришедшие инокультурные группы настолько объемные, что могли подчинить себе местные племена. Данная точка зрения вызывает некоторые сомнения. Безусловно, пришельцы обладали тяжелым вооружением, во многом превосходящим военный уровень местного населения. Но вряд ли можно считать эти группы многочисленными. Количество воинских погребений в Прикамье невелико. Они встречаются небольшими группами, всегда на одних могильниках с местным населением. Проживали они вместе с аборигенным населением (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010. С. 184; Пастушенко, 2009. С. 114) и вели общее хозяйство. Не удивительно, что в погребениях воинов часто встречаются жертвенные комплексы из женских украшений местного происхождения и прикамская керамика. Причем керамический комплекс характерен именно для той территории, где фиксируются воинские погребения. Хронологически воинские комплексы тоже неоднородны, хотя есть ряд предметов, которые неразрывно их связывают. Гипотеза И. Ю. Пастушенко вызывает безусловный интерес, но хроноло-

гия ременной гарнитуры комплексов, включающих халцедоновые вещи (а на наш взгляд, здесь важно учитывать не только диски, но и крупные халцедоновые бусы – типы XIE3 и XIE4 по Е. В. Голдиной (Голдина Е. В., 2010. С. 468, 474) и «косы», указывает на их хронологическую неоднородность, вероятно, не выходящую за рамки конца III – V вв. Их неоднородность отмечает и Р. Д. Голдина, выделяя две волны миграций. Но, вероятно, это не были «волны», так как масштабность и количество движущихся людей вызывает сомнения. Например, если сравнить с волнами миграций, выделенными Г. И. Матвеевой для Поволжья, которые оставили целые культуры или культурные типы (Матвеева, 2002). Здесь же фиксируются только комплексы. Причем отнесение Тураевских курганов к именьковским древностям также вызывает сомнение. Интересную мысль высказал И. Ю. Пастушенко относительно происхождения и столь дальнего проникновения тураевцев: «Столь глубокое проникновение пришельцев в Прикамье отчасти объясняется традиционным противостоянием славян и германцев даже в рамках единого государства. Столкнувшись в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье с представителями славянских этнических групп (памятники славкинского, лбищенского, именьковского типов), новое население, так же как и местные племена азелинской культуры, расселившиеся в низовьях Камы, было вынуждено отойти вглубь лесной зоны. Здесь они встретили более «толерантные» племена, что и позволило им «остановиться» (Пастушенко, 2009. С. 114). Не останавливаясь на этнической составляющей тураевцев, которая нам кажется более сложной, гипотеза объясняет многое. Стоит лишь дополнить, что помимо этнической вражды, вероятно, важным был фактор «толерантности» местных племен, а так как большинство предметов вооружения пришельцев (тураевцев, кудашевцев и др.) по составу металла находит прямые аналогии в Именьково, они имели с ними не только конфронтации, но и торговые отношения (оружие, именьковский (?) сосуд). Если же признать разновременность и разрозненность групп пришельцев, то при движении по крупнейшим водным артериям – р. Каме и Вятке более ранние группы оседали недалеко от ближайшего сильного вероятного противника (именьковцам) на земле, заселенной «толерантной» азелинской культурой (Азелино, Суворово, Тюм Тюм, Худяково). Следующая группа, пришедшая немного позже, осела на свободной от «единомышленников» Средней Каме (Тураево). В дальнейшем попадающие в Прикамье пришлые группы двигались далее вверх по Каме (хотя, возможно, это был и не единственный путь), оседая в бассейне р. Тулва (Кудаш, Верхний Ирьяк), в районе г. Перми в бассейне (Мокино, Салтанаиха, Качка). Последняя группа, вероятно, дошла до бассейна р. Сылва. Р. Д. Голдина в первой публикации Бродовских курганов отмечает большое их сходство с Тураевскими (Голдина, 1986. С. 96), хотя в дальнейшем не акцентирует на этом внимание. Возможность проникновения на Сылву групп населения, оставивших памятники тураевского типа, не исключает и И. Ю. Пастушенко (Пастушенко, 2009. С. 114). Помимо явного сходства в инвентаре, в бассейне р. Сылва найдены некоторые вещи, которые могут быть связаны только с пришлыми группами: это «коса» и обломок халцедонового диска с Верх-Саинского городища (Пастушенко, 2007. С. 200) и крупная халцедоновая бусина, найденная на селище Гамы II, которое расположено в достаточно многочисленной группе памятников позднегляденовского-ранневолинского времени, в которую входят Ломонинское костище и четыре курганных могильника (Курманаево, Калашниково, Заборье, Дикое Озеро). Причем Ломотинское костище, вероятно, продолжало функционировать синхронно с курганными могильниками. Таким образом, очевидна синхронность ранних харинских комплексов и памятников типа Тураево. Очень четко пере-

ход к курганному обряду фиксируется на Мокинском могильнике. На ранней части могильника (IV – начало V вв.), где уже встречаются вещи, характерные для Тураевского и Кудашевского могильников (крупные халцедоновые бусы, полихромные вещи с перегородчатой инкрустацией), фиксируется местный погребальный обряд, который характерен для гляденовских могильников – трупоположение в грунтовых погребениях. В поздней части могильника (V–VI вв.), синхронной Тураево и Кудашево (хоботковые пряжки, некоторые типы бус, «косы»), комплексам типа Бродовского могильника и харинским курганам севернее г. Перми типа Бурковского могильника, обряд сильно усложняется. Помимо существовавшего ранее обряда, появляются частичная и полная кремация, многоактные погребения, обряд обезвреживания погребенных, формирование курганного обряда (Кулябина, Лабутин, Мельничук, 1998. С. 23–25; Коренюк, Мельничук, 2006. С. 408–410). Причем хорошо фиксируется последовательность заполнения могильника. Очевидно, что очень незначительные по количеству пришлые группы, включенные в местную гляденовскую среду, оказывают влияние на погребальный обряд, который начинает трансформироваться. Перенимается от пришельцев ряд черт обряда погребения, например, постпогребальные обряды (обряд обезвреживания погребенных, многоактное погребение, частичная или полная кремация) и формирование собственного курганного обряда (подражание с местными чертами). Большинство пришельцев же, а также, вероятно, их прямых потомков хоронят, соблюдая их погребальные традиции (курганный обряд, постпогребальные обряды), которые также могли впитать в себя местные черты. Немногочисленность пришельцев косвенно подтверждает характеристика состава металла из воинских погребений. Так, лишь часть предметов вооружения действительно импортного производства (пакетная сталь, тигельная сталь), остальные же вещи являются копиями, сделанными местными умельцами, не всегда хорошего качества. Таким образом, через пришельцев местное население перенимало, в силу технической возможности (пусть не всегда удачно), новейшие предметы вооружения, фортификацию (появление многовальных городищ), а также окончательно включилось в общеевропейскую «моду». Так, если в начале I тыс. н. э. бытует поясная гарнитура местных типов (пряжки с неподвижным крючком), в III в. в Пермском Прикамье появляются трехсоставные пряжки (наиболее ранняя, центральноевропейского облика, найдена на Мокинском могильнике). Для второй половины III в. исследователи отмечают появление в лесной зоне мастерских по производству гарнитуры, ориентированных на экспорт в степь (поздние сарматы) (Малашев, Яблонский, 2008. С. 54). Эта гарнитура имела четкий стандарт, соответствующий общеевропейской «моде».

Погребения харинского типа в Верхнекамье, на р. Печере и Вычегде, на р. Сылве и Шакве, а также в верховье р. Кама и на Чепце, доживающие до VI–VII вв., являющиеся наиболее ранними на могильниках, чем грунтовая часть, фиксируют окончательное растворение курганной погребальной традиции потомков пришлых групп в местной, а также перемещения позднегляденовского населения Среднего и Верхнего Прикамья и освоение им новых территорий. В это время курганный обряд является уже статусным показателем, а не этническим.

Памятники с керамикой позднегляденовского вида выявлены и на р. Ита в Удмуртии (поселение Зура) (Иванов, 2008. С. 134–138), и в среднем течении р. Сылва (городище Стрелка) (Пастушенко, 2009. С. 115). Примесь мазунинской керамики, на которую указывает И. Ю. Пастушенко, вероятно, является примесью керамики, свойственной тулвинско-еловско-частинской территории. В бассейне р. Вычегды и р. Печеры памятники гляденовской культуры известны на протя-

жении всего ее существования (Археология Республики Коми, 1997. С. 349–399). Продвижение южных позднегляденовских общин на эти территории происходило в период функционирования памятников харинского типа – в V–VI вв., когда пришлые группы уже полностью растворились в среде местного населения, повлияв на его погребальный обряд, социальное устройство и материальную культуру. Причины внутренних миграций позднегляденовских (харинских) племен, вероятно, были вызваны экономическими причинами (Пастушенко, 2009. С. 112), ведь помимо указанных направлений вдоль основных водных артерий происходило освоение бассейнов более малых рек в глубину от них.

Определить этнический состав пришлого населения («тураевцев»), на сегодняшний день представляется проблематичным, и, вероятно, как это точно подмечено И. Ю. Пастушенко, «можно оставить последующим поколениям исследователей...» (Пастушенко, 2009. С. 115). Сейчас важно, что можно определить характер этого процесса. На наш взгляд, для него хорошо подходит термин «военный выплеск» (Зубов, 2004. С. 79). Причины этих выплесков исследователями разобраны достаточно подробно и вызывают доверие (военные операции готов, гуннское нашествие, разгром гуннами державы Германариха и сармат) (Голдина Е. В., Голдина Р. Д., 2010; Пастушенко, 2009. С. 114). Поэтому эти группы, скорее всего, были не только разными по этническому содержанию, но и каждая из них была далеко не однородна. Не вызывает сомнения присутствие в них славяно-германской (балтской? западно-финской?) (Пастушенко, 2009. С. 115) и сарматской составляющей (Кулябина, 1999. С. 53–56; Коренюк, Чуйкина, 2002. С. 109–113). Подтверждением этому может служить сравнение Тураевского и Старо-Муштинского могильников, которые при очень большом количестве общих черт, не дающих оснований сомневаться, что это явления одного порядка, имеют различия в материале, выделяющие их своеобразие. Если тураевские комплексы имеют аналогии в славяно-германской среде, то материалы Старой Мушты как раз тяготеют к позднесарматским комплексам и к памятникам типа Салихово (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. С. 63–73).

Участие же зауральских саргатских племен (по Р. Д. Голдиной) или гунно-сармат (включающих в себя население, оставившее угорские кашинские и прыговские комплексы в Зауралье) (по С. Г. Баталову и И. Ю. Пастушенко) в формировании памятников харинского типа вызывает серьезные сомнения. По поводу участия первых авторы уже высказывались (Коренюк, Мельничук, 2007. С. 68; Мельничук, Перескоков, 2009). При анализе второй гипотезы важным моментом является хронология кашинских и прыговских комплексов, верхняя граница которых (V в.) у нас вызывает большие сомнения. Ряд вещей из этих комплексов (например, поясные накладки) нетипичны для Зауралья (Зах, 2008. С. 14–16), находят аналогии среди прикамских типов, которые датируются финалом ананьинской и гляденовской культур, но отсутствуют на финальном этапе последней. Керамический комплекс кашинского и прыговского типа (Чикунова, 2005. С. 82–90) также близок к прикамскому и находит аналогии среди памятников финала ананьинской и раннего этапа гляденовской культур, но всегда встречается вместе с саргатской керамикой. Исходя из этого можно предположить процесс, скорее, обратный, чем предлагают нам исследователи, т. е. помимо экономических связей, которые существовали всегда между соседними регионами, возможно и проникновение небольших групп прикамского населения в Зауралье, оставивших здесь керамические комплексы кашинского и прыговского типа, проживавшего с

местным (саргатским), которое можно датировать концом ананьинской – ранней стадией гляденовской культуры (2-я половина I тыс. до н. э.).

Таким образом, следует констатировать, что гляденовские племена в конце первой половины I тыс. н. э. активно расселялись на территорию Верхнего Прикамья, бассейна р. Сылва, где стали основой для формирования ломоватовской и неволинской культур. Некоторые группы гляденовского населения проникали в верховья р. Кама и бассейн р. Чепцы. Появление же разноплеменных и разноязыких групп населения в Прикамье было не единовременным явлением, а растянутым во времени и пространстве. Можно выделить по крайней мере два основных вектора: это юго-запад (вдоль р. Кама) и, вероятно, юг (Старая Мушта, курганы типа Салихово), по которым происходит проникновение в регион пришельцев на протяжении III–V вв. (наиболее интенсивно события разворачиваются на рубеже IV–V вв.). Традиционная точка зрения о притоке в Прикамье зауральских групп на нынешнем материале не подтверждается. Вместе с тем основную роль в генезисе местных археологических культур, а впоследствии и этнографически фиксируемых этносов сыграли местные финно-пермские племена, роль пришлых групп, вероятно, не была значительной.

ЛИТЕРАТУРА

Археология Республики Коми. – М., 1997.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск, 2000. – С. 140–185.

Генинг В. Ф. Осинское городище // Отчеты К(В)АЭ ИА АН СССР. – М., 1959. – Вып. 1. – С. 164–195.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М., 1988.

Голдина Е. В. Характеристика бус Тураевского I могильника (бескурганная часть) // В книге Р. Д. Голдина, В. А. Бернц Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. – Ижевск, 2010. – С. 462–472.

Голдина Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // В книге Е. В. Голдиной Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск, 2010. – С. 156–247.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 2004. – С. 252–269.

Голдина Р. Д. Некоторые частные проблемы этногенеза древних пермян // Коренные народы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). – Сыктывкар, 2000. – С. 152–154.

Голдина Р. Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и Средние века. – Устинов, 1986. – С. 47–99.

Зах В. А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 9. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 4–21.

Зубов С. Э. Проблема малых миграций в раннем железном веке и раннем средневековье Волго-Камья и Западного Поволжья // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004.

Иванов А. Г. Памятник гляденовско-осинского типа на р. Ита (Удмуртия): предварительное сообщение // Труды КАЭЭ ПГПУ. – 2008. – Вып. V. – Пермь. – С. 134–138.

Казанцева О. А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1988. – С. 43–64.

Коренюк С. Н., Чуйкина Е. В. О связях Среднего Прикамья с сарматским миром в начале I тыс. н. э. // Древние этнокультурные связи финно-угоров. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 109–113.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф. Особенности погребального обряда населения Среднего Приуралья на грани раннего железного века и раннего средневековья (III–V вв.) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006. – С. 408–411.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф. «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. Серия «История и политология». – 2007. – Вып. 3 (8). – С. 62–71.

Кулябина Н. В., Лабутин М. Г., Мельничук А. Ф. Некоторые особенности погребального обряда Мокинского могильника // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России: Материалы Международной научно-практической конференции. – Березники, 1998. – С. 23–25.

Кулябина Н. В. К вопросу о роли сармат в этнической истории Прикамья // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М., 1999. – С. 53–56.

Кулябина Н. В. Пермское Прикамье в начале эпохи Великого переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006. – С. 411–412.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. – М., 2008. – С. 54.

Матвеева Г. И. К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине первого тысячелетия нашей эры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. – Ижевск, 2002.

Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Бродовские (харинские) погребальные комплексы – результат экспансии западных саргатских общин? // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2009.

Пастушенко И. Ю. Роль населения Средней Камы в генезисе неволинской культуры // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всерос. научн. конф. «Пермские финны: археологические культуры и этносы». – Сыктывкар, 2007.

Пастушенко И. Ю. Этнокультурная ситуация в Прикамье в середине I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. – Казань, 2009. – С. 112–118.

Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Ученые записки Перм. ун-та. – Вып. 148. – Пермь, 1967.

Поляков Ю. А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Пермь, 2001. – Вып. 1. – С. 10–19.

Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. – Уфа, 2004.

Чикунова И. Ю. Итоги и проблемы изучения кашинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2005. – № 6. – Тюмень: ИПОС СО РАН. – С. 82–91.

Чуйкина Е. В., Коренюк С. Н. Особенности гляденовской керамики в южных районах Пермского края // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. – Йошкар-Ола, 2006. – С. 208–217.

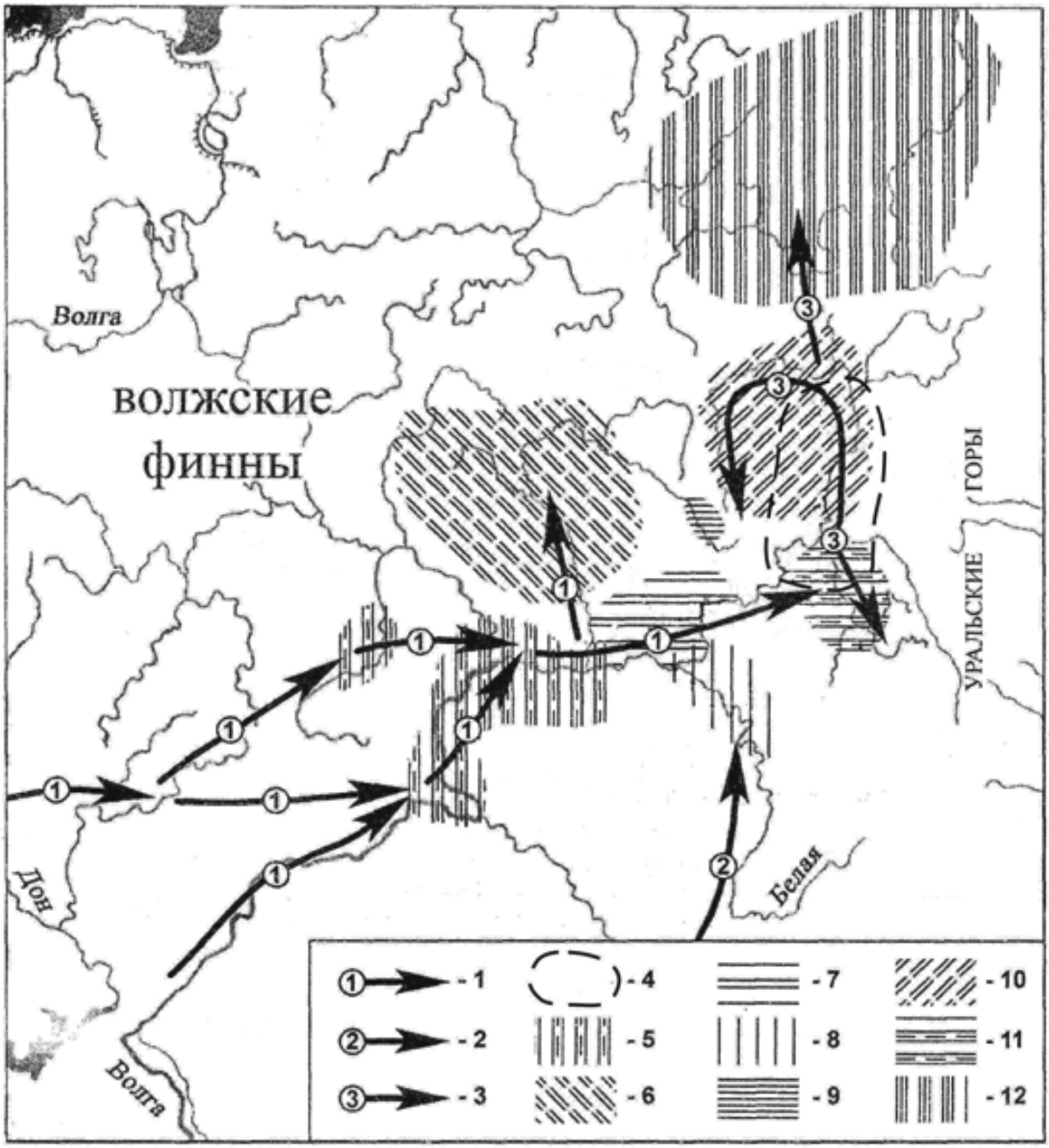


Рис. 1. Этнокультурная ситуация в Прикамье в конце IV – VI вв. н. э.

1 – западный вектор миграции в Прикамье («западный элемент» + «тураевцы»);

2 – южный (позднее – сарматский) вектор миграции в Прикамье;

3 – движение групп позднегляденовского населения;

4 – гляденовская культура;

5 – именьковская культура;

6 – азелинско-еманаевские племена;

7 – мазунинско-верхнеутчанские племена;

8 – бахмутинская культура;

9 – поломская культура;

10 – ломоватовская культура;

11 – неволинская культура;

12 – «ванвиздинская» культура.

Э. Е. КРАВЧЕНКО

Украина, Донецк, Донецкий областной краеведческий музей

ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

Целью данной работы является сводка данных о малоизвестной группе поселений 1-й пол. I тыс. н. э. Эти поселения расположены на небольшом участке территории, представляющем крайнюю границу между лесостепью и степной зоной (в рамках нынешнего административно-территориального устройства это юг Харьковской и север Донецкой областей Украины). Слабая их изученность обусловлена бедностью материалов, полученных при исследованиях, а также тем, что в большинстве случаев эти данные не были опубликованы. Памятники типологически разнообразны: городища, неукрепленные поселения и сезонные стойбища. Показательно, что все они расположены вдоль р. Северский Донец, а керамика начала нашей эры в небольшом количестве встречена на большинстве городищ, находящихся на этой территории (Кравченко, 2004. С. 261).

Святогорское городище занимает вершину холма, ограниченного с северной стороны крутым спуском в долину Северского Донца, а с запада и востока – глубокими балками. Площадка городища расположена перпендикулярно берегу реки, с которым соединяется дорогой, пролегающей по уплощенной поверхности эскарпированного в древности отрога холма. Площадка на вершине холма разделена валами на три части и отрезана от плато рвом (нынешняя глубина – до 1,5 м) с двумя валами. В центральной части этой линии укреплений находится въезд. Здесь вал перегорожен перемычкой, по которой пролегает дорога. С восточной стороны, ближе к краю склона, во рву имеется еще одна небольшая перемычка с узким проходом. К северу площадка сужается и замыкается подковообразным рвом и валом с перемычкой в центре. Здесь линия укреплений менее внушительна, чем внешняя. Высота вала достигает 1 м при ширине 10 м. Еще один ров отрезает край мыса (Михеев, 1970. С. 13). С востока и запада площадка городища ограничена рвами, расположенными в верхней части склонов (Колесник, Подобед, Дедов, 1989. С. 1–5). С северной стороны укреплений нет, т. к. здесь площадка мыса круто обрывается в долину реки. Памятник в 1970 г. обследовал В. К. Михеев, который отнес городище к хазарскому времени, указав, что основным материалом в его культурном слое были фрагменты лепных горшков (Михеев, 1985. С. 21–22). В 1989 г. был снят план городища (рис. 1, *1*) и произведены разрезы его укреплений (Колесник, Подобед, Дедов, Литвиненко, 1989. С. 1–5). Благодаря исследованиям 1994–1995 гг. данные об указанном памятнике были существенно дополнены. Здесь был заложен ряд раскопов, которыми выявлен слабо и неравномерно насыщенный материалом культурный слой (мощность 20 см). В нижней части вала зафиксирован ряд крупных столбовых ям, вытянутый вдоль его длинной оси. Подавляющее большинство находок представлено фрагментами лепных горшков с примесью мелкого шамота в тесте и амфорных стенок. Большинство горшков имело плавный S-видный профиль. Поверхность сосудов хорошо заглажена; цвет ее колеблется от черного до темно-серого цвета. Горшки не орнаментированы либо украшены пальцево-ногтевыми вдавлениями и насечками по краю венчика (рис. 3). Один из сосудов имел ручку или налеп (рис. 3, *8*). Исключением являются фрагменты сосуда, изготовленного из теста с

песчанистой примесью, орнаментированного у основания шейки уплощенным валиком, расчлененным косыми насечками, а на плечиках – грубо прочерченными треугольными фигурами (который может относиться к более раннему времени) (рис. 3, *13*). В единичном экземпляре обнаружены фрагмент миски с загнутым внутрь краем (рис. 3, *14*) и крышка (рис. 3, *2*). Привозная тара представлена стенками и днищем амфор (рис. 3, *24*, *31*, *35*) оранжевого цвета (толщина 0,5–1,5 см), в тесте которых содержалась примесь мелких частичек слюды. Ровная, иногда слегка волнистая внешняя поверхность зачастую несет следы покрытия беловато-серым ангобом. Иногда на ней присутствуют неглубокие борозды (рис. 3, *31*).

Из археологических комплексов расчищены три хозяйственные ямы, которые находились на склоне с площадки городища, в пределах линии укреплений, и котлован небольшой (3 х 2 м) постройки – слабо углубленного в грунт (15–25 см) сооружения с жердевой конструкцией стен (рис. 1, *3*). В его заполнении и очаге встречены фрагменты лепных горшков, амфорных стенок и мелкий обломок краснолакового гончарного сосудика (Кравченко, Швецов, 1995).

Теплинское городище занимает холм с уплощенной вершиной, расположенный на гряде, на правом берегу реки. У его подножия, в урочище Выдылыха, находится многослойное поселение, на котором присутствуют комплексы гунно-сарматского времени. Раскопки городища производились в 1972 г. В. К. Михеевым (Михеев, 1972. С. 3–11; Михеев, 1985. С. 20). Отнеся памятник к хазарскому времени (Михеев, 1972. С. 12), автор раскопок обратил внимание, что этот небольшой (7 га) памятник отличается от большинства городищ СМК, расположенных в среднем течении Северского Донца. На городище присутствует «форпост» – доминирующая над рекой куполообразная возвышенность, отделенная от его территории балкой, искусственно углубленной в древности (Михеев, 1985. С. 20–21; Давыденко, Хозин, Пирожак, 2006. С. 7–8, рис. 3) (рис. 1, *2*). При разрезе укреплений зафиксирована конструкция из двух параллельных рядов вертикально вбитых столбов, связанных по три вытянутых вдоль длинной оси вала. Культурный слой слабо насыщен керамикой, скопления которой встречаются пятнами. Большая часть керамического комплекса представлена фрагментами лепных горшков с примесью органики или меловой крошки в тесте. Орнамент отсутствует либо ограничен пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Один сосуд имел на шейке орнаментацию в виде прочерченных косых крестов (рис. 2, *2*). Небольшой фрагмент лепного сосуда с отверстиями, по мнению автора раскопок, представлял собой обломок цедилки (Михеев, 1972. С. 5, рис. XIV-6). На городище расчищена постройка – неглубокая полуземлянка прямоугольной формы 2 х 2,8 х 0,5 м с открытым очагом, расположенным в центральной ее части (Михеев, 1985. С. 21). В ее заполнении находились фрагменты «грубого лепного горшка со слабопрофилированным гладким венчиком и фрагмент бортика сковородки» (Михеев, 1972. С. 6–7, рис. XX,2; XV,3).

Археологический комплекс у с. Маяки является одним из самых крупных в среднем течении Северского Донца. На его территории присутствуют культурные напластования многих периодов, в том числе раннежелезного века и эпохи Великого переселения народов. В слое городища (р. 25) выявлены единичные фрагменты горшков с шамотной примесью в тесте, край венчика которых был орнаментирован косыми насечками (Швецов, Кравченко, 1989) (рис. 1, *6*). На прилегающем к городищу селище (р. 20) также были обнаружены фрагменты «несалтовской» лепной посуды (Михеев, 1969. С. 22). В 2008 г. здесь (р. 31) был выявлен культурный слой, перекрытый слоем гумуса, содержащим материалы и комплексы СМК (Кравченко, Петренко, Шам-

рай, 2009. С. 4–8). В центральной части раскопа расчищен котлован подпрямоугольной постройки (2 х 3 м), стены которой были сплетены из жердей, обмазанных глиной. Учитывая то, что уровень ее впуска хорошо читался по развалу горелой обмазки на древней дневной поверхности, видно, что котлован был углублен в грунт не более чем на 40–50 см (рис. 4, *1*). На его полу были зафиксированы скопления угольков круглой или овальной в плане формы, которые маркировали места расположения каких-то внутренних, не углубленных в землю конструкций. Отопительное сооружение располагалось за пределами углубления, в овальной нише, прилегающей к центральной части его северной стены. Возле ниши и в ней находилось скопление кусков песчаника, возможно, остатки от оградки, защищавшей стену от огня. Находки в заполнении постройки и на ее дне представлены небольшим количеством фрагментов лепных сосудов с примесью мелкого шамота в тесте. Основная часть их принадлежит горшкам S-видного профиля, орнаментированным по краю венчика пальцевыми вдавлениями или косыми насечками (рис. 4). Реже встречаются горшки с резко отогнутым венчиком в месте его соединения с плечиками (рис. 4, *3*,*6*). Единичным обломком представлен плохо сохранившийся фрагмент днища красноглиняной миски или кувшинчика со сколотым поддоном.

Находки близкой по виду и фактуре керамики присутствуют и на других памятниках.

Археологический комплекс у с. Сидорово (р. 9–10). Возвышенная площадка у спуска с городища в пойму, на которой расположены эти раскопы, посещалась населением в различные периоды истории. В культурном слое четко выделялось два периода, когда здесь существовало стационарное поселение (СМК и поздний этап днепро-донецкой культуры) (Кравченко, 2003. С. 2–11; Кравченко, 2004. С. 9–12). Между этими слоями встречены фрагменты сосудов эпохи бронзы и раннего железа, в числе которых выявлено небольшое количество обломков лепных горшков, украшенных пальцево-ногтевыми вдавлениями и насечками по краю венчика, с примесью мелкого шамота в тесте (рис. 1, *5*). Их поверхность имела серовато-желтый цвет. Малое количество находок свидетельствует, что в 1-х веках н. э. площадка, с которой открывался прекрасный обзор пойменных лугов, использовалась спорадически, вероятно, для сезонного пастушеского лагеря.

Близкого типа памятник находится у места впадения Казенного Торца в Северский Донец. Здесь находится пойменный луг, ширина которого достигает 3–4 км, ограниченный с севера и юга высокими холмами коренного берега, а с запада – дюнами, на которых расположен современный поселок Райгородок. Местность, прорезанная множеством озер, местами заболочена. На лугах, у места слияния рек, есть лишь один пригодный для жизни участок – небольшая прямоугольная возвышенность близ древнего брода. Выгодное ее расположение обусловило наличие на этом возвышении культурных напластований различных эпох. Верхний слой представлен материалами городка XVII–XVIII вв. **Казачья Пристань** (Кравченко, Мирошниченко, 2007. С. 43–50). Ниже, на уровне 40–45 см, шел слой, слабо насыщенный фрагментами амфор, кувшинообразных сосудов и горшков золотоордынского и хазарского времени, которые залегали с незначительным перепадом глубин (2–3 см). Чуть ниже, на уровне 45–55 см, было встречено небольшое количество фрагментов сосудов более раннего периода: фрагменты лепных горшков с примесью мелкого шамота в тесте (рис. 2, *1*), лепной керамический грузик шаровидной формы и обломки стенок амфор с тестом серовато-желтого цвета. Среди находок в подъемном материале присутствовала двухствольная ручка амфоры и фрагмент горлышка кувшина с уплощенной ручкой со слабо вы-

раженными каннелюрами (Кравченко, Цимиданов, Кузин, 1998. С. 7). В целом же данный слой слабо насыщен находками (на 1 000 м^2 встречено всего около 30 фрагментов керамики). Все они залегали на одном уровне; каких-либо углублений на данной части памятника зафиксировано не было. Судя по всему, площадка, расположенная посреди пойменных лугов, у места слияния двух рек, также использовалась под сезонный пастушеский лагерь.

Святогорск-Х. Поселение находится на мысовидном выступе невысокой террасы, которая тянется вдоль поймы Северского Донца. В 2004 г. на памятнике В. В. Цимидановым и Ю. Б. Полидовичем было раскопано ок. 300 м^2, что, по всей видимости, составляет основную часть его площади. Материалы раскопок были опубликованы (Хозин, 2007. С. 69–74).

Находки в слабонасыщенном культурном слое памятника, представленные в основном фрагментами лепных горшков (рис. 5, *1–5, 7–8, 10–11, 15–18, 20*), встречались в виде отдельных скоплений. Поверхность сосудов имеет бурый, иногда черный цвет. Стенки относительно толстые (0,7–1,0, у дна – до 1,5 см). В керамическом тесте присутствует шамот и песок. Орнаментация отсутствует и лишь в единичных случаях представлена пальцево-ногтевыми вдавлениями по краю венчика сосуда. Изредка встречаются миски с хорошо заглаженной, иногда подлощенной поверхностью. Кроме этого встречен фрагмент сковороды (рис. 5, *14*), обломок биконического пряслица (рис. 5, *19*) и фрагмент круглого уплощенного изделия с насечками по краю (рис. 5, *6*). Пряслице из стенки красноглиняного сосуда (рис. 5, *9*) и сероглиняная ручка (рис. 5,*12*) были отнесены авторами раскопок к эпохе Средневековья (Цимiданов, Полiдович, 2004. С. 7).

Из комплексов на памятнике был расчищен котлован слабо углубленной в грунт постройки. Он имел подтрапециевидную форму (3,5 х 3,8 м) при глубине 0,5 м. На полу его зафиксировано несколько обгорелых столбиков (d 3–12 см), которые, скорее всего, не имели отношения к конструкции стен. Отопительное сооружение – открытый очаг – находилось близ северной стены (рис. 1, *4*). На полу котлована найдены фрагмент верхней части горшка (рис. 5, *16*) и обломки миски (рис. 5, *22*). У южного угла была выявлена медная фибула (рис. 5, *13*).

Подводя итоги, следует указать на общие черты этих объектов, которые проявляются, несмотря на их типологическое разнообразие. Все городища начала н. э. занимают высокие точки, господствующие над окружающей местностью, имеют небольшие размеры и мощные (по сравнению с памятниками СМК) укрепления. Характерно наличие небольшого «форпоста», являющегося наблюдательным пунктом. В конструкции валов фиксируются ряды вбитых вертикально бревен. При сооружении городищ их строителями максимально использовались природные преграды. По всей видимости, это население было хорошо знакомо с техникой строительства оборонительных сооружений. Все поселения (как укрепленные, так и неукрепленные) имеют слабо и неравномерно насыщенный культурный слой, что свидетельствует о непродолжительном их существовании. Материалы, выявленные при раскопках, представлены в основном лепной посудой, среди которой абсолютно преобладают горшки с шамотными или песчанистыми примесями в тесте. Редко встречающиеся формы (миски, сковороды, крышки) и амфорная тара представлены не на всех поселениях (не значит, что их там не было). К числу редких находок относятся и металлические предметы.

Датирующих вещей было найдено немного, тем не менее они все укладываются в один промежуток времени. Так, фибулу с поселения Святогорск Х можно отнести ко II–III вв. (Амброз, 1966. С. 52–54). Некоторые исследователи датируют такие фибулы 2-й пол. III в. н. э. (Труфанов,

2004. С. 153). В. М. Косяненко считает, что в Нижнем Подонье они распространяются в I–II вв. (Косяненко, Масловский, 2004. С. 448). Крышка (или миска на высокой ножке) со Святогорского городища находит аналоги на позднескифских городищах Нижнего Днепра (Гаврилюк, Крапивина, 1999. С. 301, рис. 4, *6*). Есть они и в лесостепных материалах (Махно, 1959. С. 96, рис. 2, *11*; Medvedev, 2007, Abb. 13,10). Фрагменты амфор трудноопределимы. Ножка с коническим завершением (Святогорское городище) по форме и тесту может иметь сходство с амфорами II–III вв. н. э. (типа 75 по Зеест) (Туровский, Николаенко, Горячук, Ладюков, 2001. С. 65, рис. 41, *1*). Вписывается в эти хронологические рамки вв. и фрагмент краснолакового сосудика, найденный в постройке на Святогорском городище. Близким периодом может датироваться двухствольная ручка амфоры с Казачьей Пристани и фибула из подъемного материала на Маяках.

Фортификация указанных городищ имеет близкое сходство с некоторыми памятниками лесостепи (в частности, III Чертовицкое городище) (Medvedev, 2007, Abb. 12). Близкая по виду керамика присутствует на памятниках 1-х вв. н. э.: в материалах лесостепного Подонья (Medvedev, 2007, Abb. 13, 17; Медведев, 2000, Рис. 4–5; С. 234–236) и в Самарском лесостепном Поволжье (Сташенков, 2005. С. 17–23, 9–10, 12–21).

Таким образом, во II–III вв. вдоль реки Северский Донец перемещаются какие-то группы населения. Их переселение, которое идет, скорее всего, из лесостепи, останавливается на крайней южной ее границе со степью. Здесь, в буферной зоне, переселенцы сооружают серию городищ, мощные укрепления которых свидетельствуют о непростых взаимоотношениях со степными соседями. Неподалеку от городищ, на левом берегу Северского Донца, находятся небольшие неукрепленные селища. Эта группа поселений функционировала непродолжительный промежуток времени. Вероятно, к (или в) IV в. она прекратила уже свое существование.

В V–VII вв. на эту территорию (снова из лесостепи) приходят носители пеньковской культуры. Их памятники представлены довольно многочисленными небольшими неукрепленными поселениями (Выла, Выдылыха, Богородичное, Дубовая Роща, Красноярское Озеро, Маяки, Казачья Пристань и др.) (Приходнюк, Швецов, 1995). На одном из этих поселений, расположенном у с. Богородичное (Старица, оно же (у Н. В. Сибилева) Панский Луг), обнаружены и материалы довольно раннего времени (IV в.), в связи с чем А. М. Обломский относит его к деснинскому варианту киевской культуры (Обломский, 1999, рис. 1, пункт 84). В целом же наиболее южными из пеньковских поселений являются небольшие памятники на Казачьей Пристани и у Красноярского озера. Последний расположен практически напротив Казачьей Пристани, на левом берегу Северского Донца. Материалы, близкие по виду пеньковским, были встречены и на памятниках ниже по течению р. Северский Донец (Красильников, 2001. С. 220). Тем не менее они крайне немногочисленны и невыразительны. Таким образом, южная граница распространения памятников пеньковской культуры совпадает с границей распространения группы поселений гунно-сарматского времени. Несмотря на это, говорить о какой-либо преемственности между ними представляется преждевременным. Наиболее вероятно, что эти миграционные потоки останавливались на крайней южной границе буферной зоны между лесостепью и степью. Отношения между носителями пеньковской культуры и степняками, скорее всего, не были враждебными. Вполне вероятно, что прилегающий к рассматриваемой нами территории участок степи в этот период вовсе не был заселен. В противном случае немногочисленные неукрепленные поселения просто не смогли бы существовать на степном пограничье. Носители пеньковской культуры про-

живают здесь вплоть до вхождения рассматриваемой нами территории в состав Хазарского каганата и, по всей видимости, принимают участие в формировании населения СМК на этих землях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. – М.: Наука, 1966. – Д1-30.

2. Гаврилюк Н. А. Крапивина В. В. Кухонная и столовая керамика позднескифских городищ Нижнего Днепра // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999.

3. Давыденко В. В., Хозин С. Р., Пирожак В. В. Фортификация Теплинского городища на Северском Донце // Святогірський альманах. – 2006.

4. Колесник А. В., Подобед В. А., Дедов В. Н., Литвиненко Р. А. О работах археологической экспедиции ЭТО «Фонд» при Донецком отделении Украинского фонда культуры в 1989 г. – Донецк, 1989 // НА ИА НАНУ. – № 1989/239.

5. Косяненко В. М., Масловский А. Н. Новые материалы из могильника Крепостного городища (раскопки 1997–2003 гг.) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. – Азов, 2004.

6. Кравченко Э. Е., Цимиданов В. В., Кузин В. И. Отчет о работах археолого-этнографической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея в Славянском районе Донецкой области в 1998 г. // НА ИА НАНУ. – № 1998/101.

7. Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. Отчет о полевых исследованиях на Святогорском городище в 1995 г. / /НА ИАНАНУ. – 1995/112.

8. Кравченко Э. Е. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции Донецкого национального университета на Сидоровском археологическом комплексе в полевой сезон 2003 г. // НА ИА НАНУ. – № 2003/10.

9. Кравченко Э. Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. – Т. 3. – Киев – Харьков, 2004.

10. Кравченко Э. Е. Отчет об исследованиях археологического комплекса у с. Сидорово Славянского р-на Донецкой обл. в 2004 г. // НА ИА НАНУ. – № 2004/94.

11. Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В. Материальная культура населения среднего течения Северского Донца на рубеже XVII–XVIII вв. (по материалам раскопок поселения Казачья Пристань) // Святогірський альманах. – 2007. – Донецьк.

12. Кравченко Э. Е., Петренко А. Н., Шамрай А. В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 г. // НА ИА НАНУ. – № 2008/82.

13. Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 2. – Донецк, 2001. – С. 303–322.

14. Махно Е. В. Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1959 г. // Памятники зарубинецкой культуры. – МИА № 70. – М. – Л., 1959.

15. Медведев А. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д, 2000.

16. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. // НА ИА НАНУ. – 1968. – № 48.

17. Михеев В. К. Отчет об археологических разведках и раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1972 г. // НА ИА НАНУ. – 1972. – № 79.

18. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985.

19. Обломский А. М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // Сто лет черняховской культуре. – Киев, 1999.

20. Приходнюк О. М., Швецов М. Л. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. // НА ИА НАНУ. – № 1989/3.

21. Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. // Раннеславянский мир. – Вып. 7. – М., 2005.

22. Труфанов А. А. Некоторые датирующие признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004.

23. Туровский Е. Я., Николаенко М. Ю., Горячук В. Н., Ладюков И. В. Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. – Киев, 2001.

24. Циміданов В.В., Полідович Ю.Б. Охоронні дослідження у м. Святогірськ Донецької обл. у 2004 р. // НА ІА НАНУ. – № 2004/235.

25. Хозин С. Р. Гунно-сарматское поселение Святогорск X в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах. – 2007. – Донецьк.

26. Швецов М. Л., Кравченко Э. Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на Донецкой обл. в 1989 г. // НА ИА НАНУ. – № 1989/249.

27. Medvedev A. Nьgelgrдber und befestigte Siedlungen der sarmatichen Zeit am oberen Don // Eurasia antiqua. Band.13. Mainz am Rhein, 2007.

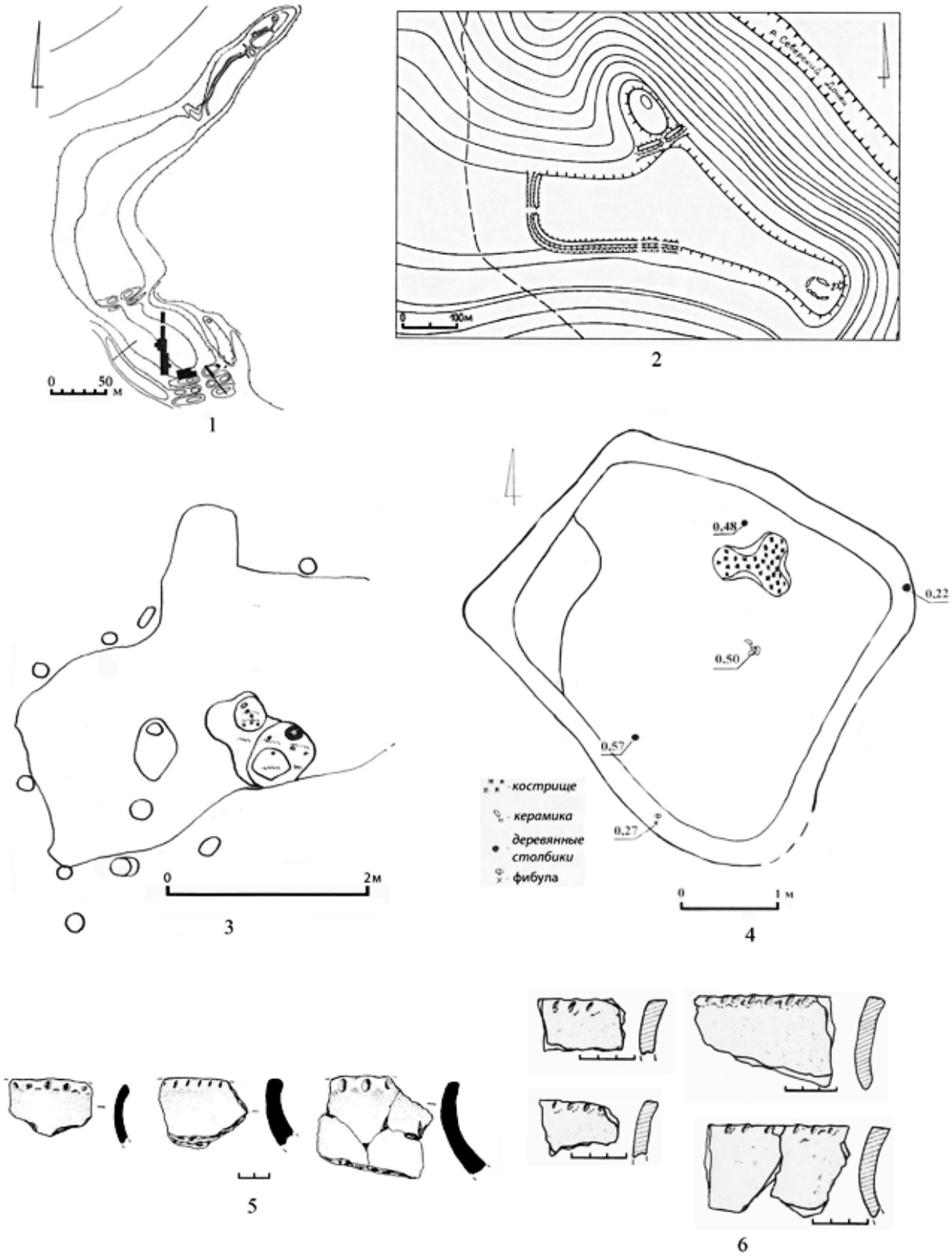


Рис. 1. 1 – план Святогорского городища (по А. В. Колеснику, 1989); 2 – план Теплинского городища (по В. В. Давыденко, 2006); 3 – помещение 1 (Святогорское городище); 4 – план постройки поселения Святогорск X (по В. В. Циміданов, Ю. Б. Полідович, 2004); 5 – керамика с археологического комплекса у с. Сидорово (раскоп 9–10); 6 – керамика с раскопа 25 археологического комплекса у с. Матаки.

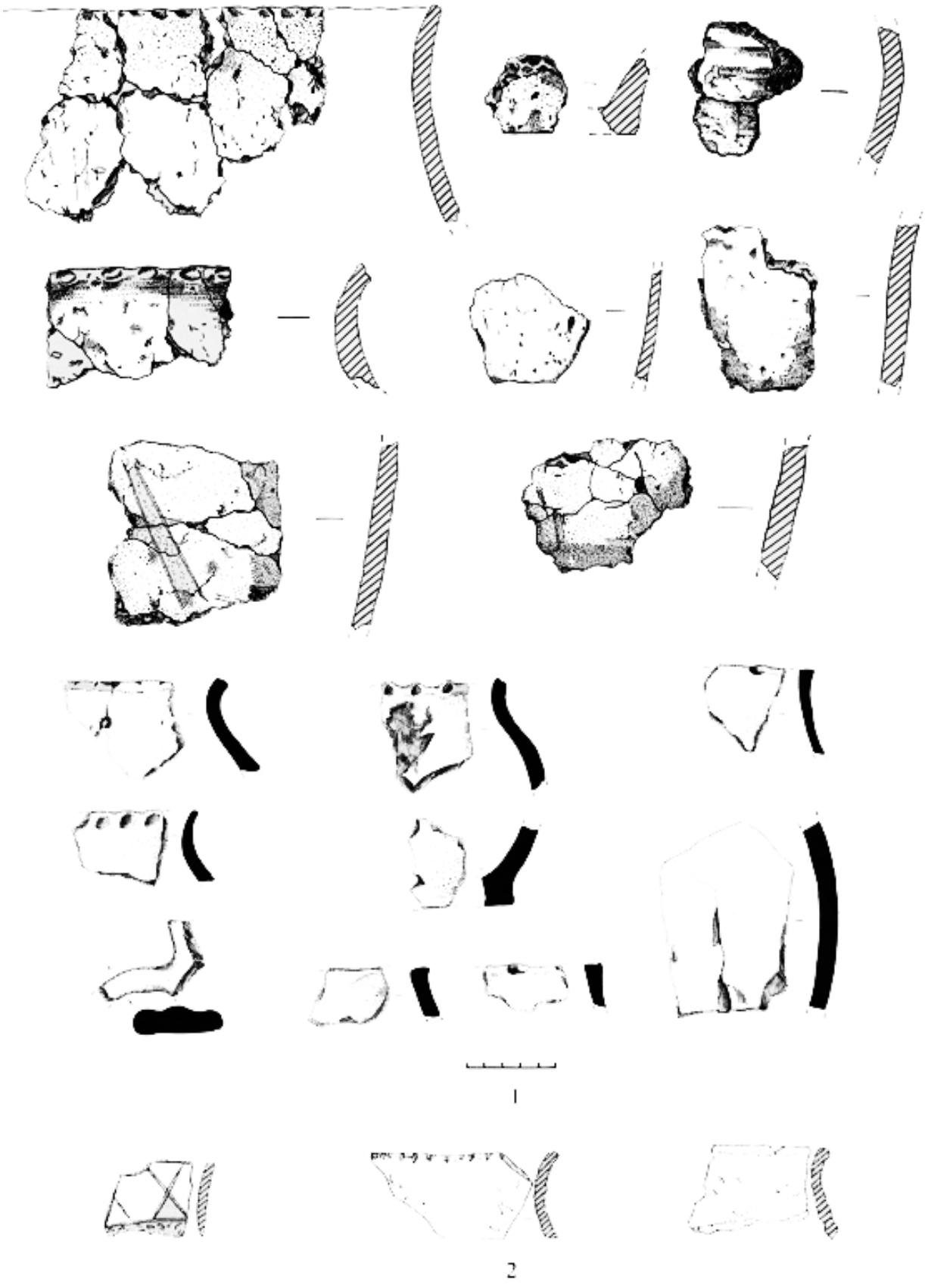


Рис. 2. Керамика памятников среднего течения Северского Донца.
1 – Казачья пристань. 2 – Теплинское городище (по В. К. Михеев, 1985).

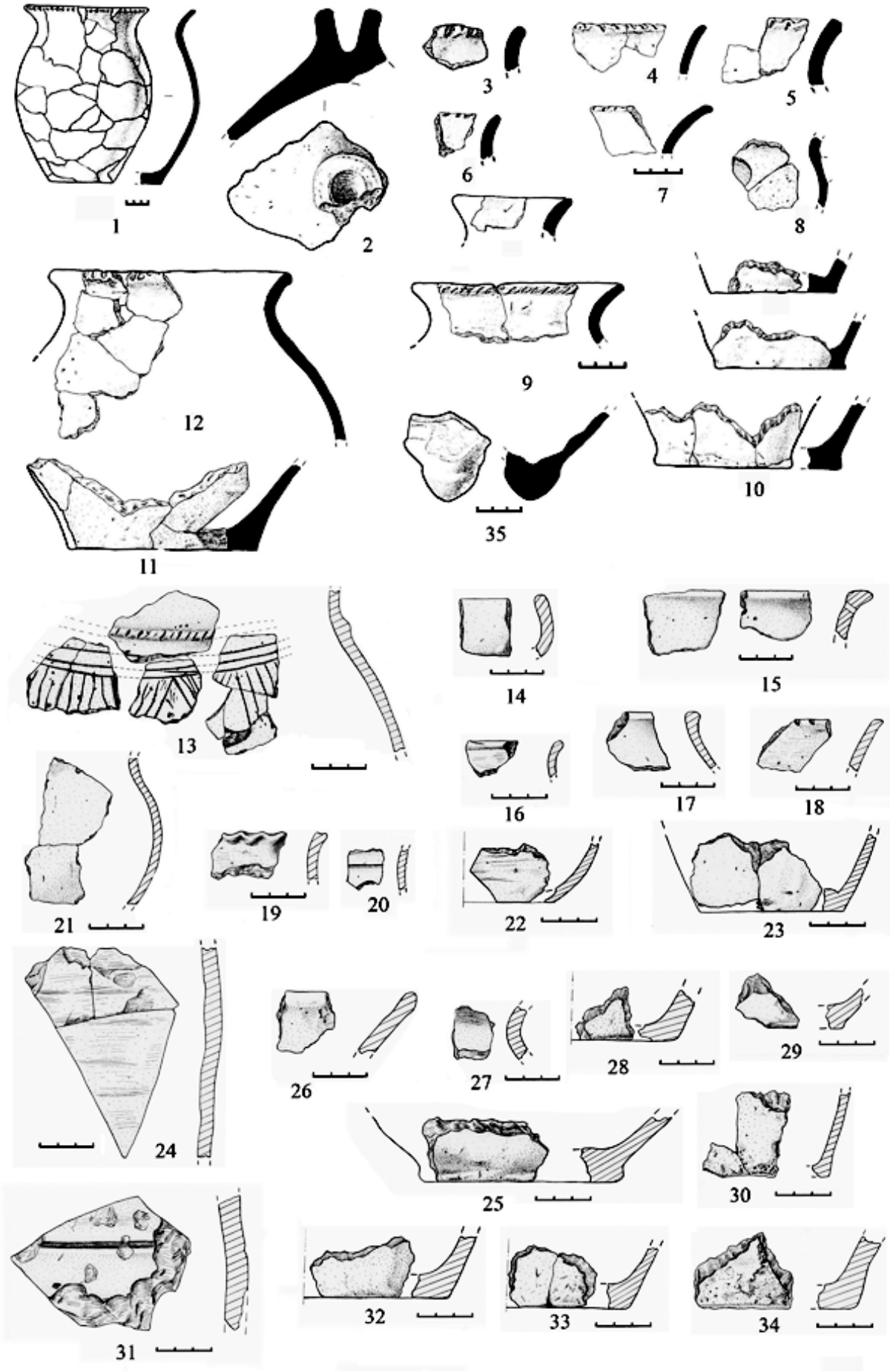


Рис. 3. Керамический материал из раскопок Святогорского городища (1994–1995 гг.)

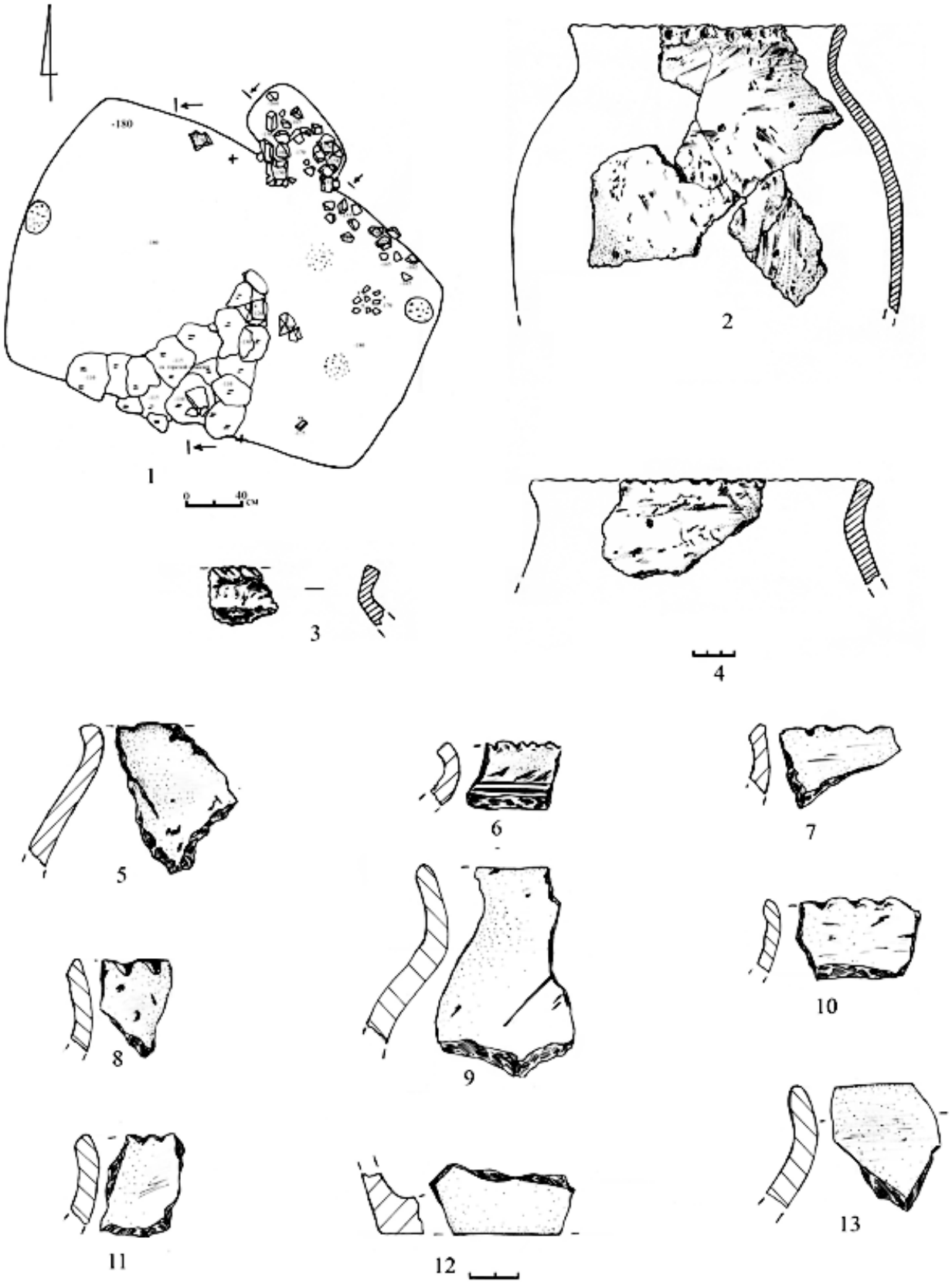


Рис. 4. План котлована постройки (1) и керамический материал (2–13) из нижнего слоя раскопа 32 на археологическом комплексе Маяки.

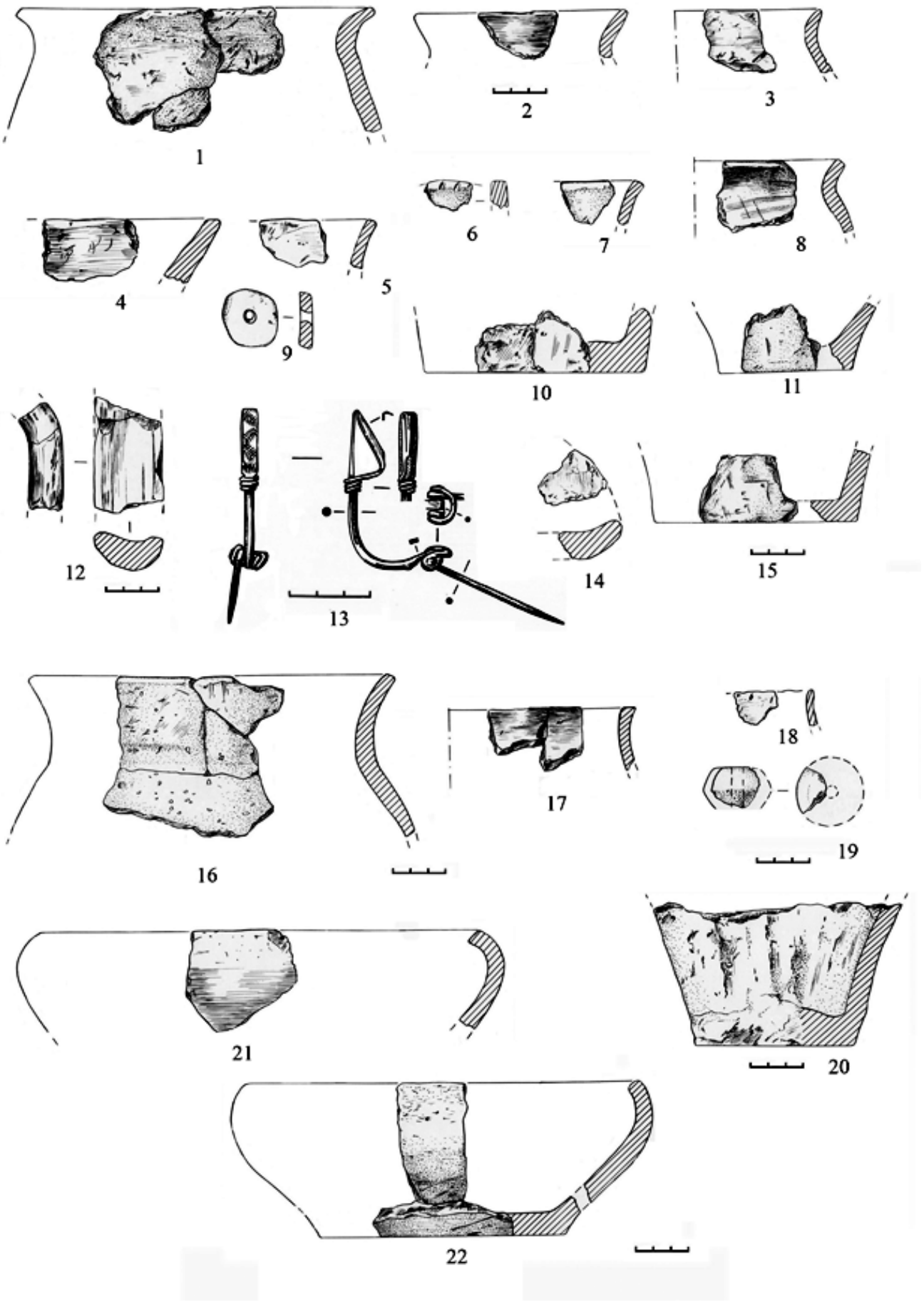


Рис. 5. Предметы из раскопок поселения Святогорск X. 1–12, 14–22 – керамика; 13 – медь.

В. П. ЛЕБЕДЕВ[1], И. Д. ТРУШИН[2], А. Е. КОЖЕВИН[3]

[1] Россия, Ульяновская область, г. Дзержинск
[2] Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск
[3] Россия, Ульяновская область, Ульяновский государственный университет

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА БУЛГАРСКИХ ДОМОНГОЛЬСКИХ ПАМЯТНИКАХ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В домонгольское время левобережье современной Ульяновской области входило в состав Волжской Болгарии, а правобережная часть находилась под сильным экономическим и политическим ее влиянием (Фахрутдинов, 1975. С. 57). К 1977 г. здесь было выявлено 36 булгарских городищ и 91 поселение домонгольского времени (Буров, 1977. С. 15–364). Большинство их археологически обследованы частично, учтенные нумизматические находки редки – всего пять кладов домонгольского периода, из которых состав частично определен лишь для одного – Кокрятского клада 1890 г. (Марков, 1910 № 59). В последнюю четверть XX в. добавились находки по 1 подражанию куфическим дирхемам на Сюндюковском городище и Малиновском II селище (Фёдоров-Давыдов, 2001. С. 95. № 19–20). Ситуация стала улучшаться лишь в последнее 10-летие. В 2001 г. публикуется краткая информация о кладе из 25 дирхемов X в. с Арбузовского селища и 3 куфических монетах с Головкинского городища в Старомайнском р-не (Воробьёв, Уланов, 2001. С. 110). Вскоре публикуются 29 дирхемов 288–318 гг. х. с Кокрятского городища (Гумаюнов, 2002. С. 213–216), кратко описывается большой Матвеевский клад дирхемов первой трети X в. (Воробьёв, 2004. С. 65–71), подробно издаются 12 наиболее интересных монет с Арбузовского селища (Лебедев, Кожевин, 2008. С. 183–188) и первая находка половинного обломка золотого саманидского динара 289/902 г. из Старой Майны (Лебедев, Кожевин, 2009. С. 63–64).

Целью работы является обзор прежних и введение в научный оборот 312 новых нумизматических артефактов VIII–XII вв., найденных на 15 булгарских памятниках, расположение которых указано на схематической карте Ульяновской обл. (рис. 1).

Описание нумизматических находок. Полная сводка всех нумизматических находок на 15 памятниках с подробной их атрибуцией приведена в приложении, а в таблице 1 отмечены династии и страны, чьи монеты встречены на каждом из них. Всего на данных памятниках выявлены монеты 4 восточных государств неисламского мира VII–X вв., более 16 мусульманских династий VIII–XI вв., 4 государств христианского мира X–XI вв., а также фрагменты серебряных слитков времени так называемого «безмонетного периода» Волжской Болгарии XI – нач. XIII вв. В сводку нумизматических находок включен также один вид украшений, которые встречаются на монистах вместе с монетами – литые монетовидные двухсторонние подвески, грубо имитирующие арабские монеты. Такие подвески встречены на половине памятников (табл. 1), причем в некоторых случаях (Алексеевка, Кротково) это единственная нумизматическая находка на них.

На территории, охваченной 15 памятниками, выявлено 3 клада, состав которых установлен – Кокрятский клад 1890 г., состоявший в основном из подражаний саманидским дирхемам ранних выпусков, Матвеевский клад 1970 г. из 825 дирхемов рубежа IX/X вв. и клад из 25 дирхемов 2-й половины X в. на Арбузовском селище.

Таблица 1.

Суммарный состав нумизматических находок на 15 булгарских памятниках (AR/Ж)*

Булгарский памятник	Не араб. восток	Халифат	Саманиды	Подражан.	Омейяду-риды	Саффариды	Абу Дулафиды	Маттиды	Волжская Болгария	Буиды	Зийяриды	Караха-ниды	Хашимид.	Джаста-ниды	Мазъядиды	Мазу-ниды	Зенгиды	Великие сельджук.	Не опред. династия	Обл. Булг. слитков	Европа	Мон.-вид подраж.	Всего
Арбузовское (сбор)			15/3	3	1			-/1		14	1	1		1	1	-/1			34	17	3	11	107
селище (клад)			11							11	2								1				25
Кокрятьское городище	3	2	23	2			2		1										10				43
Старомайнские селища			$1_{ш}$+5							1											1		8
Головкинские селища		1	12	2/1						1									20	7		3	47
Селище Озеро Вшивое													1		1		-/1						3
Матвеевское местон.		2	820			3																	825
(клад)																							
Русскоорткульские сел.				1																			1
Юрманское городище																1			2				3
Алексеевское поселение																			-/1			1	2
Ст.Алейкинское гор-ще	1																	2	-/1	54			58
Красногородское сел.			1/1						1													4	7
Арбужское селище			1																			1	2
Калмаюрское поселение			-/1																				1
Кротково городище																						2	2
Новослободское селище			-/1																	26		1	28
Всего (сборы)	4	3	$1_{ш}$/57/6	8/1	1	-	2	-/1	2	16	1	1	1	1	2	1/1	-/1	2	66/2	104	4	23	312
(клады)		2	831			3				11	2								1				850

* Если на памятнике найдены одни серебряные монеты, в ячейках таблицы указывается только их количество. Если найдены только медные, то приводится дробь -/n, где n – число медных монет.

Наиболее богато на монеты разных династий островное Арбузовское селище, культурный слой которого уничтожен водами Куйбышевского водохранилища. Среди всего 107 отдельных находок на нем встречены монеты 9 восточных династий, 4 европейских государств, фрагменты булгарских серебряных слитков и монетовидные подвески. Подробный анализ монетного комплекса этого уникального памятника находится в печати. На рис. 2 приведены рисунки трех наиболее интересных монет Арбузовского комплекса – дирхем династии Джастанидов (1.7), монета Тмутараканского княжества (1.13) и венгерский денарий (1.15).

Следующий памятник, на котором выявлено большое разнообразие монет, это Кокрятьское городище – остатки крупного булгарского города в Ульяновской обл. На нем найден ряд самых ранних монет восточного Средневековья, причем первые три монеты не мусульманского мира. Одна из них (рис. 2-2.1 и 3-2.1) – обломок в 2/3 драхмы сасанида Хосрова II (590–628). Подобные находки известны и в Татарстане – 2 экз. происходят из Больше-Тарханского (Геннинг, Халиков. 1964. С. 63) и Больше-Тиганского (Фёдоров-Давыдов. 1985. С. 45. № 20) могильников и один – с Семёновского I селища (Фёдоров-Давыдов. 2001. С. 91–92. № 13). Вторая монета (рис. 2-2.2 и 3-2.2) является неизданным вариантом драхмы династии Афригидов Хорезма и ее хорезмшаха Азкацвара II (Вайнберг, 1977. Тип Г VIб). Этот тип характерен наличием на о. с. арабской надписи с именем арабского наместника в Хорезме. На данной монете имя повреждено пробитым отверстием, но оно другое, чем на изданных драхмах в цитированной работе Б. И. Вайнберг и находках последнего времени (онлайн – база данных http://www.zeno № 21090, 23805, 70248,70354, 71639). Принятое по Б. И. Вайнберг время правления Азкацвара II 770–800 гг. занижено, так, не было принято во внимание наличие такой драхмы в большом кладе омайядских дирхемов, сокрытом в 131/749 г. То есть время правления этого хорезмшаха должно приходиться не на конец, а на первую половину VIII в. (Кулешов. 2009. С. 86). Это вторая находка драхмы Азкацвара II на территории Волжской Болгарии, первая была найдена в погребении 252 Больше-Тарханского могильника (Геннинг, Халиков. 1964. С. 63).

Третья монета принадлежит к чекану брахманских раджей Охинда, правивших в Кабуле в конце IX в. (рис. 2-2.3 и 3-2.3). На территории Волжской Болгарии это вторая находка, первая найдена в составе клада 1907 г. в Татарском Толкише (Быков. 1969. С. 75). Еще одна происходит из Верхнего Посурья, входившего в сферу политического и экономического влияния Волжской Болгарии (Лебедев, Винничек. 2005. С. 408–409).

Самая ранняя монета Арабского халифата на городище – омайядский дирхем 87/706 г. (рис. 3-2.4). Все эти четыре монеты к X в. уже превратились в украшения, на что указывают пробитые на монетах отверстия и припаянное ушко.

Остальные монеты Кокрятьского комплекса являются куфическими дирхемами и их обломками X в., в том числе и 1 экз. собственного чекана Волжской Болгарии – дирхем Микаила б. Джафара (рис. 2-2.31 и 5а-2.31), место и дата выпуска которого слепо целиком скопированы с саманидского дирхема – Самарканд, 306 г. х. (918 г.).

Временной интервал обращения куфических дирхемов на этом памятнике нагляднее можно проследить по хроногистограмме, построенной с 5-летним округлением дат выпуска (рис. 4). Там же построена гистограмма для дирхемов, собранных на Кокрятьском городище в конце прошлого века и опубликованном в 2002 г. (Гумаюнов, 2002. С. 215). Как видно, оба распределения практически одинаковые – весь его интервал составляет полвека, дирхемов 2-й половины X в. на городище нет.

На территории районного центра Старая Майна выявлено несколько памятников, в свое время, вероятно, составлявших единый комплекс, который, судя по археологическим материалам, непрерывно существовал с IV в. по настоящее время (Кожевин. 2008. С. 21–31). Для булгарского периода здесь найдено всего семь монет, но они равномерно охватывают весь X в. Самой ранней монетой является половинный обломок золотого саманидского динара 289/902 г. (рис. 3-3.1), впервые выявленного среди находок на всей территории Восточной Европы (Лебедев, Кожевин. 2009. С. 63–64). Три обломка саманидских и одного бувейхидского дирхемов охватывают 920–980-е гг., и закрывает X в. германский денарий 996–1002 гг. (рис. 3-3.7).

Второй по количеству находок комплекс с островных Головкинских селищ не отличился их многообразием. В нем выявлено по дирхему Аббасидов и Бувейхидов, полтора десятка в основном обломанных или обрезанных в кружок монет Саманидов и два десятка неопределенных их обломков. Кроме того, в комплексе имелось семь мелких фрагментов серебряных слитков и три тождественных монетовидных подвески (рис. 6-4.26-28).

Выявленное недавно селище на берегу оз. Вшивое (в 2 км от Кокрятьского городища) существовало как в булгарское, так и в золотоордынское время. Монетные находки джучидского периода на нем существенно более обильны (Трушин, Лебедев. 2010. С. 6–7), тогда как для домонгольского периода выявлено всего три монеты, но чрезвычайно редкие для всей Восточной Европы. Существование монет династии Хашмидов Дербенда до находки здесь дирхема ее эмира Маймуна б. Ахмада (366-387/976-997) вообще не было известно (рис. 2-5.1 и 3-5.1). Второй дирхем тоже с Кавказа, но имя эмира не сохранилось, а по внешним признакам монета предположительно отнесена к чекану Мазъядидов Азербайджана конца X в. (рис. 3-5.2). Третья монета – медный дирхем династии Зенгидов Ирака 556/1161 г. (рис. 2-5.3 и 3-5.3), неизвестный до этого среди находок в Восточной Европе, и лишь в Закавказье отмечены находки двух монет этой династии (Пахомов. 1938 № 416; 1959 № 1980).

Находки монет на остальных памятниках немногочисленны, поэтому рассмотрим суммарно по всем памятникам немонетные нумизматические находки. В первую очередь это серебряные слитки и их обрубки разного веса. Они встречены на четырех памятниках в количестве 104 экз. (Рис. 5*б*). Из них лишь один представлял собой на 77,5 % сохранившийся слиток в виде шарового сегмента диаметром 4,3 см (рис. 5*б*-10.5) первого типа из четырех типов булгарских слитков (Евстратов, 2002. С. 66). Уверенно нет фрагментов от свернутых в трубку слитков типа 3, но имеются два небольших слитка типа 4 – целый весом 0,89 г среди староалейкинских находок и половинный обрубок в 0,66 г среди новослободских (рис. 5*б*).

Остальные 101 фрагмент являются обрубками произвольной формы и веса в интервале от 0,2 до 59 г. Для двух из них (рис. 5*б*, вес 1,19 и 0,57 г) была измерена плотность – 10,05 и 10,43 г/см^3, соответственно. Предполагая сплав бинарным Ag-Cu, эти значения плотности соответствуют содержанию серебра в них 74 и 96 %. Как видно, и в данном случае подтвердились выводы авторов ряда работ, что слитки и их фрагменты не составляют стройной денежно-весовой системы, а проба их не постоянна (Беговатов, 1999. С. 83; Глазунова. 2002. С. 67; Сотникова. 2005. С. 99). Попытка И. В. Евстратова представить вес имевшихся у него 37 целых и 203 фрагментов слитков разными кратными значениями четырех изначальных весовых норм в 2,97 – 3,15 – 3,26 – 3,44 г (Евстратов, 2002. С. 67) выглядит очень искусственной. Время обращения слитков и их фрагментов относится к «безмонетному периоду» в Волжской Болгарии – XI–XII вв. (Ильин.

1921. С. 22–40). Согласуется с этим выводом и подборка фрагментов слитков с памятников Ульяновской обл. – они встречены на Арбузовском селище с поздними монетами рубежа X–XI вв., Головкинских селищах с монетами самого конца X в., Староалейкинском городище с монетами конца XI в. и Новослободском селище с единственной монетой X в.

Другой немонетной нумизматической находкой, встреченной на половине памятников, является двухсторонняя монетовидная подвеска с обязательными двумя отверстиями у края (рис. 6 *а*, *б*). Изображения на обеих сторонах имитируют оформление куфических фельсов – вместо арабских легенд на них строчки с однообразными зубчиками и другими простейшими значками и круговые «легенды» на обеих сторонах из таких же значков. Изготавливались они методам литья, возможно, из различных сплавов. Места находок таких монетовидных подвесок с двумя отверстиями у края на карте очерчивают удлиненный овал, длинной осью от истоков Суры на Ю-З до истоков Вятки и Камы на С-В и с серединой в районе Булгара (Винничек, Лебедев. 2003. С. 391 рис. 4). Описывая находки таких монетовидных подвесок, Г. А. Фёдоров-Давыдов всегда подчеркивал, что они биллоновые (то есть из низкопробного серебра), ни разу не приводя каких-либо данных, подтверждавших этот вывод (Фёдоров-Давыдов. 1988. С. 46. № 47, 51 – 7 подвесок; он же, 2001. С. 91–99. № 13, 16, 19, 23, 26 – 11 подвесок). Первая попытка охарактеризовать металл монетовидных подвесок не визуально, а физическими методами была предпринята в работе (Винничек, Лебедев. 2003. С. 382). Для шести таких подвесок из находок на памятниках Верхнего Посурья была определена их плотность, значения которой оказались в интервале 7,8–8,5 г/см^3, что соответствует плотности бронзы разного состава. Для одной подвески методом эмиссионной спектроскопии был определен элементный состав литьевого сплава, основу которого составили Cu:Sn:Zn в соотношении 5:3:1. Для данной работы удалось определить плотность четырех подвесок – одной с Арбузовского селища (рис. 6-1.2) и трех из находок в Ульяновской обл. без точной привязки к конкретному памятнику (рис. 6-«Ульян.»-1, 2, 3): 7,93; 7,86; 8,22; 7,2 г/см^3. То есть и в данном случае значения плотности подвесок оказались в том же интервале, что и у бронзы. Кроме того, две из этих подвесок (рис. 6-1.2 и «Ульян.»-1) были проанализированы методом рентген-флюоресцентной спектроскопии (использован спектрометр INCA X-Act на базе электронного микроскопа HITACHI S-2500). Особенностью этого метода является то, что определяется элементный состав только тонкого поверхностного слоя исследуемого образца. Поэтому у каждой подвески спектр вторичного рентгеновского излучения анализировался от двух участков – от исходной поверхности, по возможности отмытой от остатков почвы мыльной водой, и от участка, с которого поверхностный слой окислов был полностью удален до чистого металла (до глубины более 100 микрон). В таблице 2 приведены полученные результаты.

Таблица 2

Элементный состав подвесок методом рентген-флюоресцентного анализа

Подвеска	Место анализа	O	Cu	Sn	Zn; Mg	Fe; Mg	As; Al	Si	P, K	Ca
Арбуз. сел. (р. 6-1.2)	Исходная пов.	41,8	7,6	28,3	-	17,7;-	-; -	1,3	1,3;-	2,0
_ ″ _	Без окислов	-	64,2	35,8	-	-; -	-; -	-	-	-
Рис. 6-«Ульян.»-1	Исходн. пов.	50,2	8,3	-	-	5,5;1,1	-; 7.3	23,4	-; 2,0	2,2
_ ″ _	Без окислов	-	68,2	18,3	13,7;-	-; -	0.4; -	-	-; -	-

Как следует из приведенных данных, исходная поверхность подвесок, пролежавших в почве 9 веков, покрыта толстым слоем окислов до 10–12 химических элементов. Состав сплава под окислами состоит из 2 или 3 металлов – меди и олова, иногда с добавлением цинка.

Таким образом, можно допустить, что и остальные подвески с ульяновских памятников, внешне ничем не отличавшихся от четырех проанализированных, отлиты из оловянистой бронзы, иногда с добавлением цинка.

Точная датировка монетовидных подвесок затруднена, так как при их изготовлении имитировался только внешний облик куфических фельсов. Предположительно время изготовления монетовидных подвесок – вторая половина X – XI вв.

Большой неожиданностью явилась полная тождественность обеих сторон части подвесок, найденных на нескольких разных памятниках Ульяновской обл. (см. 10 подвесок на рис. 6*а*). Более того, нашлась точно такая же подвеска, происходящая с селища Круталатка в Пензенской обл. (Винничек, Лебедев, 2003. С. 390, рис. 3-3III), снимок которой также приведен на рис. 6*а*. Это означает, что все они отлиты в одинаковых формах, изготавливаемых с помощью одного маточника, то есть в одной мастерской. В то же время имеются привески с другими монетоподобными «легендами» (рис. 6*б*), скорее всего, изготовленные в других мастерских.

Заключение

Подробно изученные 312 нумизматических отдельных находок на 15 булгарских памятниках Ульяновской обл. выявили обширное во времени и пространстве распределение эмитентов поступивших сюда монет. Самые ранние четыре монеты VII–IX вв. относятся еще к именьковскому периоду, когда случайно привезенные купцами восточные монеты до арабского времени и самые ранние дирхемы Халифата тут же превращались в украшения. Булгарский период жизни поселений характеризуется наличием уже денежного обращения, и найденные на их территории монеты наглядно иллюстрируют все его этапы с X по XII в. Начальный период развития денежного обращения хорошо прослеживается по Кокрятьскому монетному комплексу. Основой его стали дирхемы Среднеазиатской династии Саманидов. Они поступили сюда в 890-е гг., а уже в 910-х гг. была достигнута максимальная насыщенность обращавшейся денежной массы. К этому же времени относится и найденный здесь крупный клад в несколько сотен монет, причем основная его часть состояла из подражаний обращавшимся дирхемам, вероятно, чеканившимся уже в самой Волжской Болгарии. В комплексе встречен и один из ранних типов собственных дирхемов с именем булгарского эмира Микала б. Джафара, но с копированием саманидских выпускных данных – Самарканд 306 г. х. Затем объем денежной массы стал постепенно снижаться, и в середине века денежное обращение в Кокряти прекратилось.

Дальнейшие изменения в денежном обращении южного региона Волжской Болгарии нам иллюстрируют Арбузовский и Головкинский комплексы. В первом из них Саманиндские дирхемы и подражания всего X в. составляли лишь около трети от всех определимых серебряных находок, а вторую треть составлял чекан шести разных исламских династий второй половины X в. Оставшаяся часть состояла из трех монет христианского мира рубежа X/XI вв. и 17 фрагментов серебряных слитков XI–XII вв. 10 % от всех находок составляли монетовидные подвески. В Головкинском комплексе среди Саманидских монет преобладал чекан последней трети X в., присутствовал дирхем Бувейхидов 994 г., и хронологически завершали его обрубки серебряных слитков и монетовидные подвески.

Финал домонгольского денежного обращения иллюстрирует скудный монетный комплекс большого булгарского Староалейкинского городища. В нем уже полностью отсутствуют Саманидские дирхемы и подражания им, нашлось всего два сельджукских дирхема конца XI в., но в то же время один почти целый и 57 фрагментов булгарских слитков разных типов. Отсутствуют здесь и монетовидные подвески.

Редкие находки на остальных памятниках дополняют нарисованную картину денежного обращения Ульяновского региона бывшей Волжской Болгарии конца IX – XII вв. отдельными, иногда очень яркими, мазками (золотой Саманидский динар из Старой Майны, уникальный дирхем Дербенда из округи Кокряти, обломок брактеата дирхема эмира Волжской Болгарии Мумина б. Хасана чекана Булгара 366/976 г. и т. д.).

Приложение

Нумизматические находки на Булгарских памятниках Ульяновской обл.

(Находки и их атрибуция, помеченные *, взяты с интернет-сайта ульяновских краеведов http://www.simbir-archeo.narod.ru/. Все остальные – новые находки последнего времени, определенные и изученные авторами.)

1. Арбузовское селище (Семыкин. 1989. Архив ИА РАН Р-1 13738).

Нумизматический комплекс этого селища содержит клад из 25 куфических дирхемов X в. и 106 монет и других артефактов одиночного залегания. Их подробное описание находится в печати (Лебедев, Трушин, Кожевин, 2011), потому здесь комплекс будет лишь кратко охарактеризован.

Саманиды, 14 дирхемов, 3 подражания и 3 фельса 283–389/896-999 гг.; **Симджуриды**, дирхем 373–385/983–995 гг.; **Бувейхиды,** 13 дирхемов 340–396/951–1004 гг.; **Зийариды,** дирхем 367–381/977–991 гг.; **Караханиды**, дирхем 395–405/1004–1014 гг.; **Мазъядиды**, дирхем 381/391 г.; **Джастаниды,** дирхем 361/371 г.; **Мамуниды Хорезма,** фельс 387–399/397–1008 г.; **Маттиды,** фельс 387–387/997–999 г.; **Неопределенная династия**, 29 обломков и 4 обрезанных в круг дирхемов X в, 2 фельса (XI в.?); **обрезки серебряных булгарских слитков,** 17 экз. XI–XII вв.; **монетовидные подвески**, 11 экз.; **Тмутараканское подражание византийским милиарсиям** (серебро), 988–1000 г.; **Чехия,** денарий 972–999 гг.; **Венгрия**, денарий 1000–1038 гг.

2. Кокрятьское городище (Буров. 1977. С. 204 № 58)

1. **Сасаниды**, Хосров II (590–628), г. Хамадан, год?, драхма, обломана. В = 2,16 г; с = 9,82 г/см^3, 2 отверстия (на л. с. у 3 и 4 ч). (По В. С. Кулешову, ГЭ СПб.). Рис. 2-2.1 и 3а-2.1.

2. **Афригиды Хорезма**, Азкацвар II (770–800), Хорезм, (Вайнберг, 1977, тип ГVIб), драхма (2 отв. у 7 и 8 ч. л. с.), Д = 24 мм. Рис. 2-2.2 и 3а-2.2.

3. **Индия**, **раджи Охинда**, Спалапати Дева, Кабул, IX в. (Туе Т., Туе М., 1995 р. 89, № 3.1). Джиталь, с ушком. Рис. 2-2.3 и 3а-2.3.

4. **Омайяды,** (ал-Валид I), дирхем Васит 87/706 г. с 1 отверстием у края. Рис. 3б-2.4.

5. **Аббасиды**, ар-Ради (322–329/934–940), Хамадан 328/939 г. Рис. 3б-2.5

6. **Саманиды**, Исмаил б. Ахмад (279–295/892–907), халиф ал-Мутадид (279–289/892–902). Город? 289/902 г. В = 2,56; Д = 27*.

7. То же, Исмаил (так!), халиф ал-Мутадид, город? (281/894 г.). Обл. в $^3/_5$.

8. То же, Исмаил б. Ахмад, халиф, город? 291/903 г. Обломок в ½, Д = 30 мм.

9–10. То же, халиф ал-Муктафи (289–295/902–907), аш-Шаш 292/904 г. и город, год?

11–13. То же, Ахмад б.Исмаил (295–301/907–913), аш-Шаш, Самарканд и ? 295/907 г.

14–15. То же, халиф ал-Муктадир (295–320/907–932), аш-Шаш 298/910 г. и город, год?

16. То же, эмир, халиф, город? 29х/902–911 гг. Обломок ¾, с трещиной.

17–18. То же, Наср б. Ахмад (301–331/913–942), Самарканд 308, 309/920, 921 гг.

19. То же, халиф? Балх 311/923 г. (Тизенгаузен. 1855. С. 160). Обломок ~ ⅓.

20. То же, халиф ал-Муктадир, аш-Шаш 314/926 г. Целый с большой трещиной.

21–23. То же, халиф, город? 31(7/9?)/9(29/31), 32х/932–940 гг. и 3 х 8 г. х. Обломки в ⅙.

24. То же, халиф? аш-Шаш 330/941 г. Обломок в ½, диаметр 29 мм.

25. То же, халиф? Андераба год? Обломок в ½, Д = 30 мм.

26. **Подражание**, Наср б. Ахмад, халиф ал Мук(та)д(ир), город, год? целый.

27. **Саманиды,** Нух б. Наср (331–343/942–954), халиф ал-Мустакфи (333–334–[345 на монетах]/944-945–[956 на монетах]), город? 340/951 г. Обломок в ⅓.

28. **Подражание**, нечитаемые легенды, медь посеребренная, краевой обломок в ¼.

29. **Абу Даудиды,** Абу Наср (Ахмад б.Мухаммад) + Ахмад б.Исмаил + халиф ал-Муктадир, Андераба 299/911 г. Д = 29 мм.

30. То же, Юсуф + Наср б. Ахмад + халиф? Андераба (30)9/921 г. Д = 30 мм. Рис. 3б-2.30.

31. **Волжская Болгария,** Мика(и)л б. Джафар, халиф ал-Муктадир, «Самарканд, 306/918 г.». (Янина. 1962. С. 202 № 11). Рис. 2-2.31 и 5-2.31.

Более 10 неопределимых мелких обломков куфических дирхемов*.

3. Старомайнские I, II, VI селища (Буров, 1977. С. 199–200, № 44–50)

1. **Саманиды,** золотой динар, Исмаил б. Ахмад, халиф ал-Муктафи, Самарканд 289/902 г. Обломок в ½. (Лебедев, Кожевин, 2009. С. 63–64). Рис. 3б-3.1.

2. То же, дирхем, Наср б. Ахмад (301–331/913–942), халиф ал-Муктадир, обломок.

3. То же, Мансур б.Нух, 354/965 г. Обрезан в кружок и с ушком. В = 0,6 г.

4–5. Тоже, не определим, 1 обрезан в кружок (В = 0,6 г), другой обломок в ⅓.

6. **Бувейхиды.** Фахр ад-Давла б. Рукн ад-Давла. [тип 370-х/980 гг.]. Обломок в ½.

7. Германия. Денарий, Оттон III, Майнц (996–1002). В = 1,45; Д = 18.

4. Головкино I–III селища (Буров. 1977. С. 182 № 6–8)

1. **Аббасиды,** дирхем. Халиф, город, год? IX в. (рис. 3б-4.1).

2. **Саманиды,** дирхем, Наср б. Ахмад (301–331/913–942), халиф ал-Муктадир (295–320/908–932). В = 2,2 г, 2 отверстия у 10^{30} и 11^{30} на о. с. Брактеат без л. с.

3. То же, эмир ? халиф ал-Мустакфи (333–334[–345 на монетах]), обломок в ⅙.

4. То же, эмир, халиф, город ? 34х/951-960), обломок. В = 0,65 г*.

5. Мансур I б. Нух (350–366/961–976). [Решт, 360/970, Тизенгаузен. 1855. С. 224].

6. То же, Нух II б. Мансур, Самарканд 378/988 г., обломан*.

7. То же, фельс, Нух II б. Мансур, Бухара 379/989 г, с 2 отверстиями у края*.

8–9. То же, дирхем, Нух II б. Мансур (366–387/976–997), обломки в ¼.

10. То же, [Нух II б. Мансур], 37х/980–989 г. Обрезан в кружок, В = 0,50 г*.

11. Мансур (I, II -?) б. Нух. Обломок*.

12–13. Обрезанные в кружок дирхемы, В = 2,09 и 0,38 г*.

14–15. **Подражания.** Медные посеребренные дирхемы. В = 4,07 г*; 1,32, 2 отверстия.

16. То же, брактеат, В = 1,32 г, 2 отверстия при 2 и 3 ч.

17. Подражание фельсу с припаянным ушком.

18. **Бувейхиды,** дирхем Фахр ад-Давла б. Рукн ад-Давла [Джурджан 384/994 г. Treadwell, p. 243 Ju 384]. В = 1,28 с 2 отверстиями при 4 и 5 ч на л. с. Рис. 3б-4.18.

20 мелких неопределимых обломков куфических дирхемов, из них 15*.

19–25. **Фрагменты булгарских платежных серебряных слитков*.**

Вес фрагментов: 0.7; 1.09; 1.94; 3.07; 3.10; 3.26; 11,6 г.

26–28. **Монетовидные подвески.** Литые подвески из неценного сплава, внешне имитирующие куфические монеты. Все три подвески отлиты в одной и той же форме, соотношение сторон ↑↑. У двух подвесок оба отверстия на обеих сторонах при 5^{30} и 6^{30}, у третьей при 10 и 12 ч на одной стороне и 0 и 2 ч на другой. Рис. 6-4.26-28.

29–34. То же, с 2 отверстиями, В = 4,45 г, отв. у 3 и 5 ч; 5,01 г(2), отв. у 0 и 1 ч, у 11^{30} и 12 ч; 5,25 г. отв. у 8^{30} и 9^{30}; 5,99 г, отв. у 8 и 9 ч; обломок в ½, видно 1 отв. у 6 ч*.

5. Селище Озеро Вшивое (Мухаметшин. 2001. С. 201)

1. **Хашимиды Дербенда,** дирхем, эмир Маймун б.Ахмад (366–387/976–997), сюзерен ширваншах Мухаммад б.Ахмад (370–381/981–991), халиф ат-Та'и (363–381/974–991). (Lebedev. 2010. P. 11–12; Лебедев. 2010. С. 14–15). Рис. 2-5.1 и 3а-5.1.

2. **Мазъядиды Ширвана (?)**, дирхем, малик ал-Муайид Абу Шуджа… халиф ат-Та'и (363–381/974–991). Обломок в $^{2}/_{3}$, В = 2,77 г. Рис. 3б-5.2.

3. Зенгиды Мосула и Алеппо, медный дирхем, малик Маудуд б. Занги (544–565/1149–1180), без места выпуска, 556/1161 г. В = 11,5 г. Рис. 2-5.3 и 3б-5.3.

6. Матвеевское местонахождение (Буров. 1977. С. 229 № 92)

Клад 1970 г. в ~ 1 000 дирхемов, из них 825 экз. хранятся в УОКМ. Все монеты определены В. А. Калининым (Москва), но не опубликованы. Интервал монет клада 289–313/892–926 гг., присутствуют 2 экз. монет Аббасидов, 3 экз. Саффаридов, остальные чекана Саманидов, в основном городов Андераба, аш-Шаш и Самарканд*.

7. Русскоюрткульские I–IV селища (Буров. 1977. С. 195–197 № 38–41)

1. **Подражание куфическим дирхемам,** брактеат, обломан.

8. Юрманское городище (Буров. 1977. С. 263 № 52)

1. **Ма'муниды Хорезма,** дирхем, Али б. Мамун (387–399/997–1009) (Атрибуция В. А. Калинина, Москва). С двумя отверстиями, Д = 26 мм*.

2–3. **Неопределенная династия.** Два обрезанных в круг дирхема, оба Д = 22 мм, вес целого экз. 0,99 г половинного обломка 0,52 г*.

9. Алексеевское поселение – 3 (Буров. 1977. С. 238 № 1)

1. **Неопределенная династия,** фельс, В = 10,2 г. Д = 27 мм*.

2. **Монетовидная подвеска.** Отверстия у 5^{30} и 6 ч. В = 1,71; Д = 23*. Рис. 6-9.2.

10. Староалейкинское городище (Буров. 1977. С. 126 № 60)

1. **Китай, династия Тан**. Медь, В = 3,15 г, Д = 24,5 мм. Монета размещена на сайте http://www.zeno под номером № 92346, где была атрибутирована как тип Кай Юань Тун Бао выпуска 845–907 гг. Рис. 3а-10.1.

2. **Великие Сельджуки,** дирхем, султан Малик-шах (465–485/1072–1092). В = 4,5; Д = 25. Рис. 3б-10.2.

3. То же, султан -? В = 4,51; Д = 21.

4. **Неопределенная династия,** фельс. В = 3,92 г.

5–58. **Булгарские серебряные слитки и их фрагменты.** Два частично обрезанных слитка весом 58,7 и 71,2 г и 52 мелких обрезка весом 0,54–7,75 г. Рис. 5б-10.5-58.

11. Красногородское селище (Чердаклинский район)

1. **Саманиды,** дирхем, Наср б. Ахмад, 307/919 г., обломок с тремя отверстиями.

2. То же, фельс, [Мансур I], Бухара 356/967 г. Два отверстия у 10 и 0^{30} на л. с. В = 2,89 г.

3. Волжская Болгария, дирхем, Мумин б. Хасан (366–376/976–986), халиф ал-Мут'и (334–363–[369 на монетах]/946–974–979 [на монетах]). (Янина. 1962. С. 304. № 29). Видны следы перечекана с именем халифа ат-Та'и (363–381/974–991). Брактеат, обломок в ½. Рис. 5а-11.3.

4–7. **Монетовидные подвески.** По два отверстия при 5^{30} и 6^{30}; 11 и 1 ч; 5^{30} и 6 ч на обеих сторонах. У № 7 на л. с. у 12^{30} и 2 ч, а на о. с. у 10 и 11^{30}. Рис. 6а-11.4,5; 6б-11.6,7.

12. Криушское (Арбужское) селище (Буров. 1977. С. 87 № 22)

1. **Саманиды,** дирхем, Наср б. Ахмад, Самарканд 307/919 г.*

2. **Монетовидная подвеска.** Два отверстия у 7 и 8^{30}. Рис. 6-12.2.

13. Калмаюрское поселение (Буров. 1977. С. 251 № 28)

1. **Саманиды,** фельс Нуха II б. Мансура (366–387/976–997), 356/967 г. (Л. с. чеканена старым штемпелем фельсов его отца). В = 2,25 г.

14. Кротково городище (Буров. 2007. С. 325 № 28)

1–2. **Монетовидные подвески.** Целая подвеска отлита в той же форме, что и предыдущие, отверстия у 5^{30} и 6^{30}; у половинного обломка у 5 и 6^{30}. Рис. 6-14.1-2.

15. Новослободское селище IV (у городища – Буров. 1977. С. 161 № 11)

1. **Саманиды,** фельс, Нух I б. Наср (331–343/942–954), Бухара (3)28/939 (л. с. чеканена старым штемпелем фельсов его отца). В = 2.15; Д = 24.

2–27. **Фрагменты булгарских серебряных слитков.**

В = 53,98; 28,18; 26,27; 21,03; 14,16; 12,53; 9,32; 8,76; 7,11; 7,05; 5,36; 3,84; 2,76; 1,98; 1,87; 1,78; 1,43; 1,41; 1,15; 1,08; 1,01; 0,66; 0,62; 0,61; 0,43; 0,43 (рис. 5б-15.2-20).

28. **Монетовидная подвеска.** С двумя отверстиями, отлита в той же форме, как и три привески с Головкино, две с Арбузовского и две из Кр. Городка. Рис. 6-15.28.

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е. А. Спасский клад серебряных слитков // Проблемы первобытной археологии. – Казань, 1999.

Буров Г. М. Археологическая карта Ульяновской обл. – Симферополь (рукопись), 1977.

Быков А. А. Находки индийских монет в Восточной Европе // Эпиграфика Востока, XIX. – Л., 1969.

Вайнберг Б. И. Монеты Древнего Хорезма. – М., 1977.

Винничек В. А., Лебедев В. П. Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.

Воробьёв Б. С. Матвеевский клад // Краеведческие записки 2002 г. – Ульяновск, 2004.

Воробьёв Б. С., Уланов Г. В. Нумизматические материалы из зоны затопления Куйбышевского водохранилища // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов. – Н. Новгород, 2001.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964.

Глазунова Е. В. Новые поступления в Отдел нумизматики ГИМ (клад круглых платежных слитков) // Тезисы докладов и сообщений ВНК-Х. – М., 2002.

Гумаюнов С. В. Находки с Кокрятьского городища // ДПДР. – Вып. IV. – Нижний Новгород, 2002.

Евстратов И. В. О Булгарских серебряных слитках // Тезисы докладов и сообщений ВНК-Х. – М., 2002.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. – Петроград, 1921.

Кожевин А. Е. Об археологических исследованиях на территории поселения Старая Майна (Богоявленское) // Краеведческие записки. – Вып. 14. – Ульяновск, 2008.

Кулешов В. С. Периодизация чекана куфических дирхемов в Халифате Умайядов // Труды Государственного Эрмитажа, XLVIII (Материалы и исследования отдела Нумизматики). – СПб., 2009.

Лебедев В. П. Уникальный дирхем династии Хашимидов Дербенда 80-х гг. X века // Нумизматика. – 2010. – № 2 (25). – М.

Лебедев В. П., Винничек В. А. Нумизматические находки с домонгольских памятников Верхнего Посурья // Степи Европы в эпоху Средневековья. – Т. 4. – Донецк, 2005.

Лебедев В. П., Кожевин А. Е. Нумизматические находки рубежа X–XI вв. с Арбузовского селища (Ульяновская обл.) // Случайные находки: Хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. – СПб., 2008.

Лебедев В. П., Кожевин А. Е. О находках золотых динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // Тезисы докладов и сообщений ВНК-XV. Ростов-на-Дону, апрель 2009 г. – М., 2009.

Лебедев, Трушин, Кожевин. Монетный комплекс с Арбузовского селища Ульяновской обл. (X – нач. XI вв.) // Золотоордынская нумизматика. – Вып. 1. – Казань, 2011.

Марков А. К. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических). – СПб., 1910.

Мухаметшин Д. Г. Внутригосударственные дороги Волжской Булгарии // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь». – Казань, 2001.

Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа. – Вып. II // Труды О-ва обследования Азербайджана. – Баку, 1938.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. – Вып. VIII. – Баку, 1959.

Семыкин Ю. А. Отчет об археологической разведке в Старомайнском, Чердаклинском и Ульяновском районах. Отчет об археологических раскопках поселения Красная Поляна в Старомайнском районе. – Архив ИА РАН Р-1 13738, 1989.

Сотникова М. П. Новый клад «закамского серебра» // Тезисы XIII ВНК. – М., 2005.

Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // Труды восточного отделения Русского Археологического общества. – Часть I. – СПб., 1855.

Трушин И. Д., Лебедев В. П. Первая отдельная находка джучидского дирхема «К-рман» // Нумизматика. – 2010. – № 3 (26).

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Находки восточных монет VIII–XIII вв. в Восточной Европе // Эпиграфика Востока, XXIV. – Л., 1988.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Труды ГИМ, вып.115. Нумизматический сб., ч. XIV. – М., 2001.

Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 111. – М., 1962.

Lebedev V. P. 2010. A dirham of the ruler of Darband, Maymun bin Ahmad (bin ‘Abd al-Malik bin Hashim) // Journal of the Oriental Numismatic Society. – No. 202.

Tye R., Tye M. 1995. Jitals. Chippenham, Wiltshire.

Treadwell L. 2001. Buid coinage. A die Corpus (322-445 A.H.). Ashmoleum museum Oxford.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AR – серебряные монеты

Ж – медные монеты

ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)

г. х., гг. х. – год Хиджры, годы Хиджры

ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ДПДР – Древности Поволжья и других регионов

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

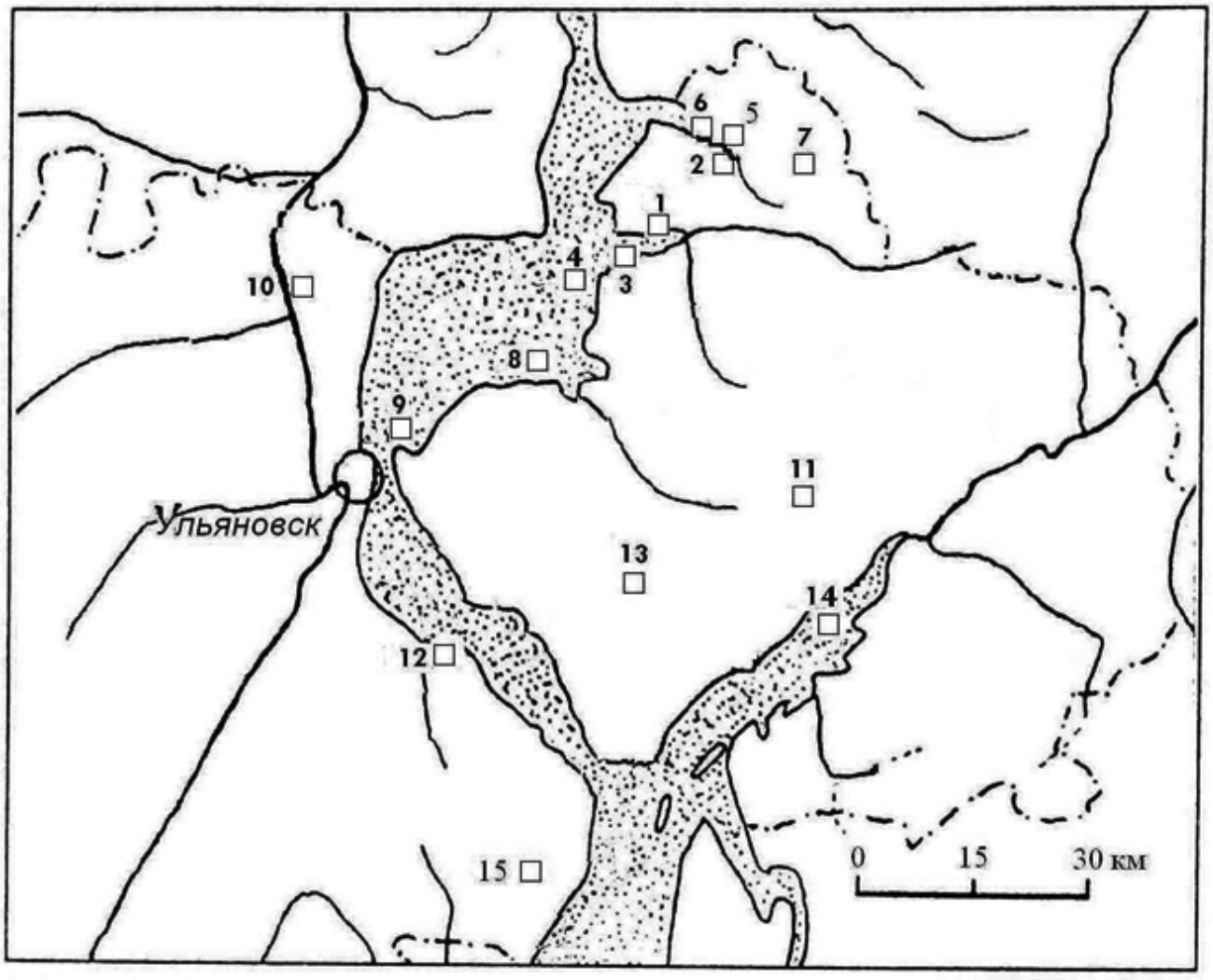


Рис. 1. Схематическая карта булгарских памятников Ульяновского Поволжья.
1 – Арбузовское; 2 – Кокрятьское; 3 – Старомайнское; 4 – Головкино; 5 – Оз. Вшивое; 6 – Матвеевка; 7 – Русский Юрткуль; 8 – Юрманское; 9 – Алексеевка; 10 – Староалейкинское; 11 – Красногородское; 12 – Криуши (Арбужское); 13 – Калмаюрское; 14 – Кротково; 15 – Новослободское.

Рис. 2. Реконструкции некоторых монет с булгарских памятников Ульяновской обл. 2.1 – Сасанид Хосров II; 2.2 – Хорезмшах Азкацвар II; 2.3 – Индия, Спалапати Дева; 1.13. Тмутаракань, Мстислав Владимирович; 5.1 – Хашимид Маймун б. Ахмад; 1.7 – Джастанид Хусрашах; 2.31 – Волжская Болгария, Микаил б. Джафар; 10.2 – То же, Мумин б. Хасан; 5.3 – Зенгид, Маудуд б. Аксонкур; 1.15 – Венгрия, Стефан I.

Рис. 3. Фотографии наиболее интересных монет с памятников булгарского периода.
а – Восточные монеты неисламского мира; б – монеты мусульманских династий.
(Указанные номера соответствуют номерам в таблице приложения и в тексте).

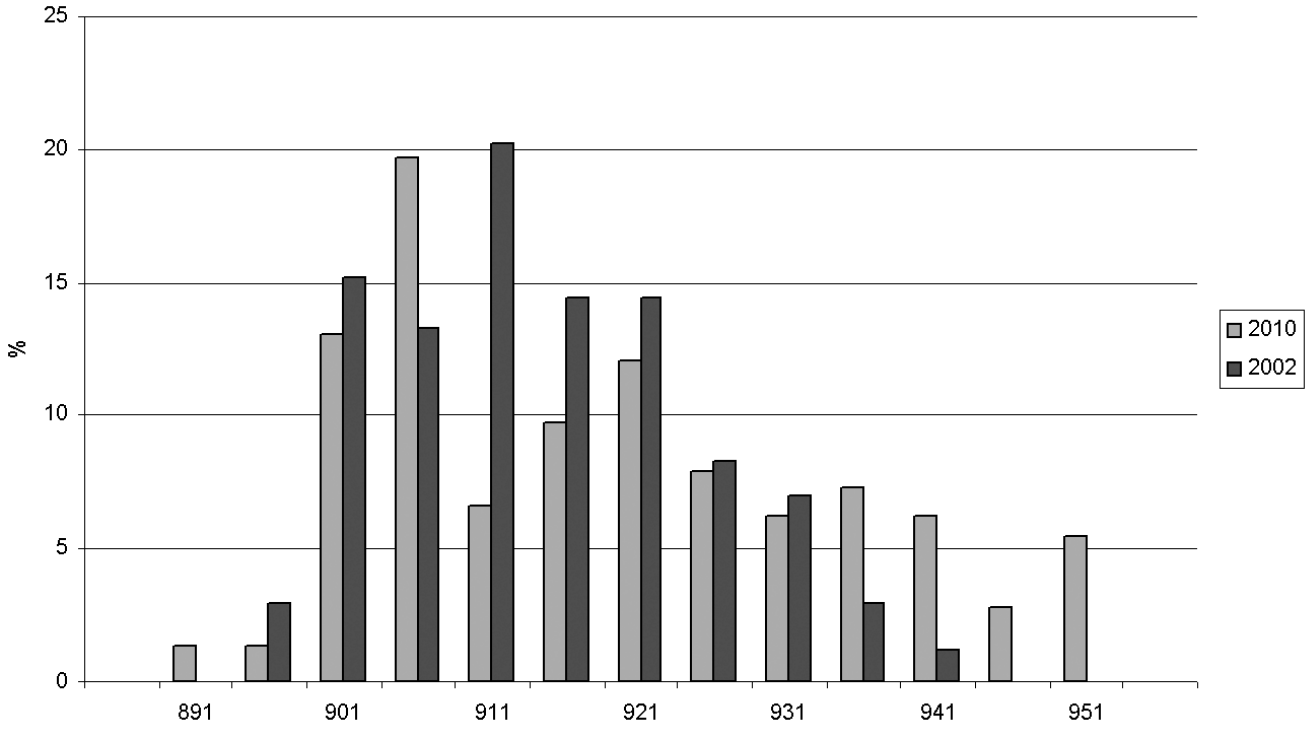


Рис. 4. Хроногистограммы монет Кокрятьского монетного комплекса.
Ряд 2010 – комплекс данной работы. Ряд 2002 – комплекс и работы Гумаюнов, 2002 г.

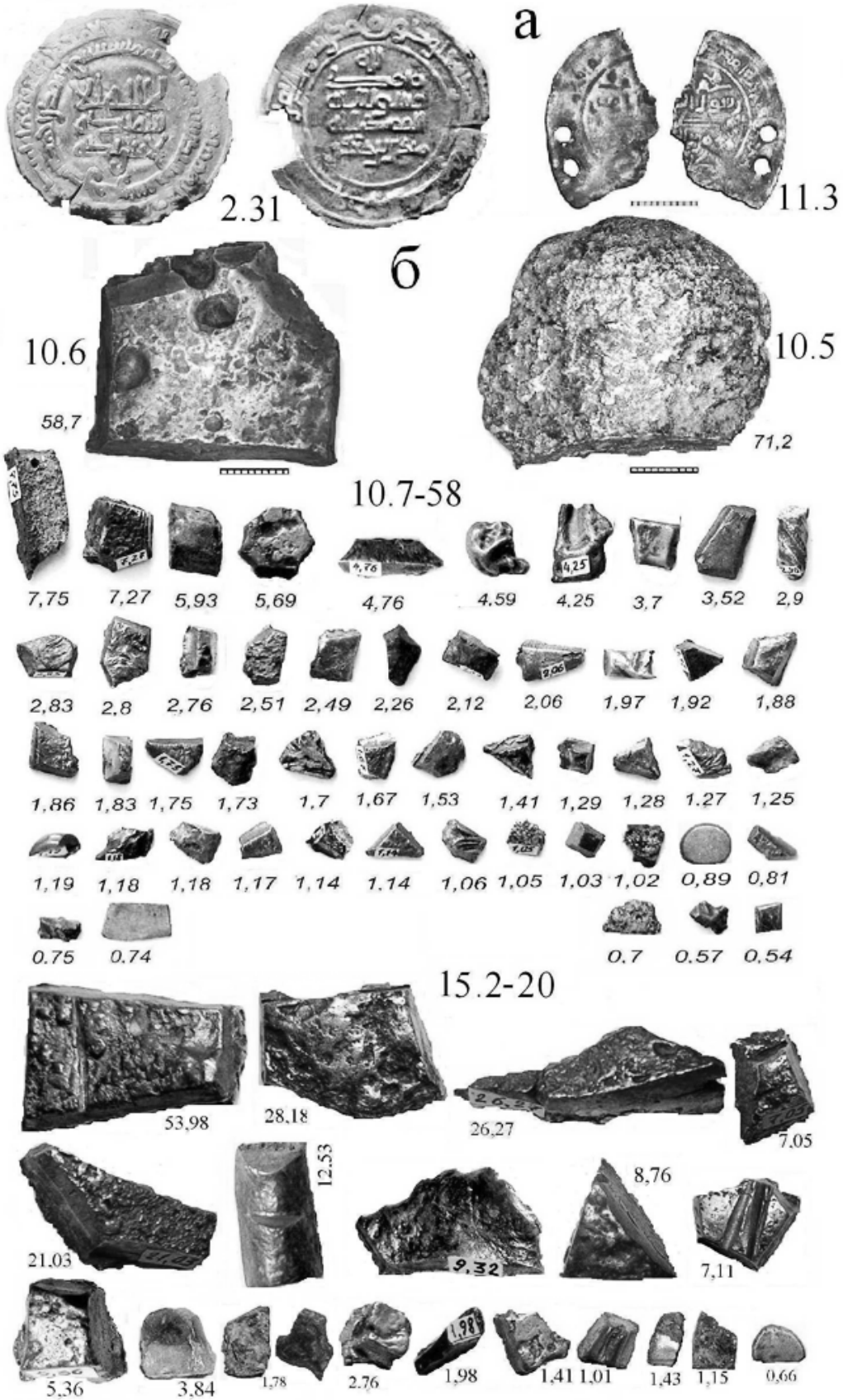


Рис. 5. Примеры средств денежного обращения Волжской Болгарии своего производства.
а – дирхемы эмиров В. Б. Микаила б. Джафара 306 г. х. и Мумина б. Хасана 366 г. х.
б – фрагменты серебряных слитков.
№ 10.5-58 со Староалейкинского городища, № 15.2-20 с Новослободского сел.

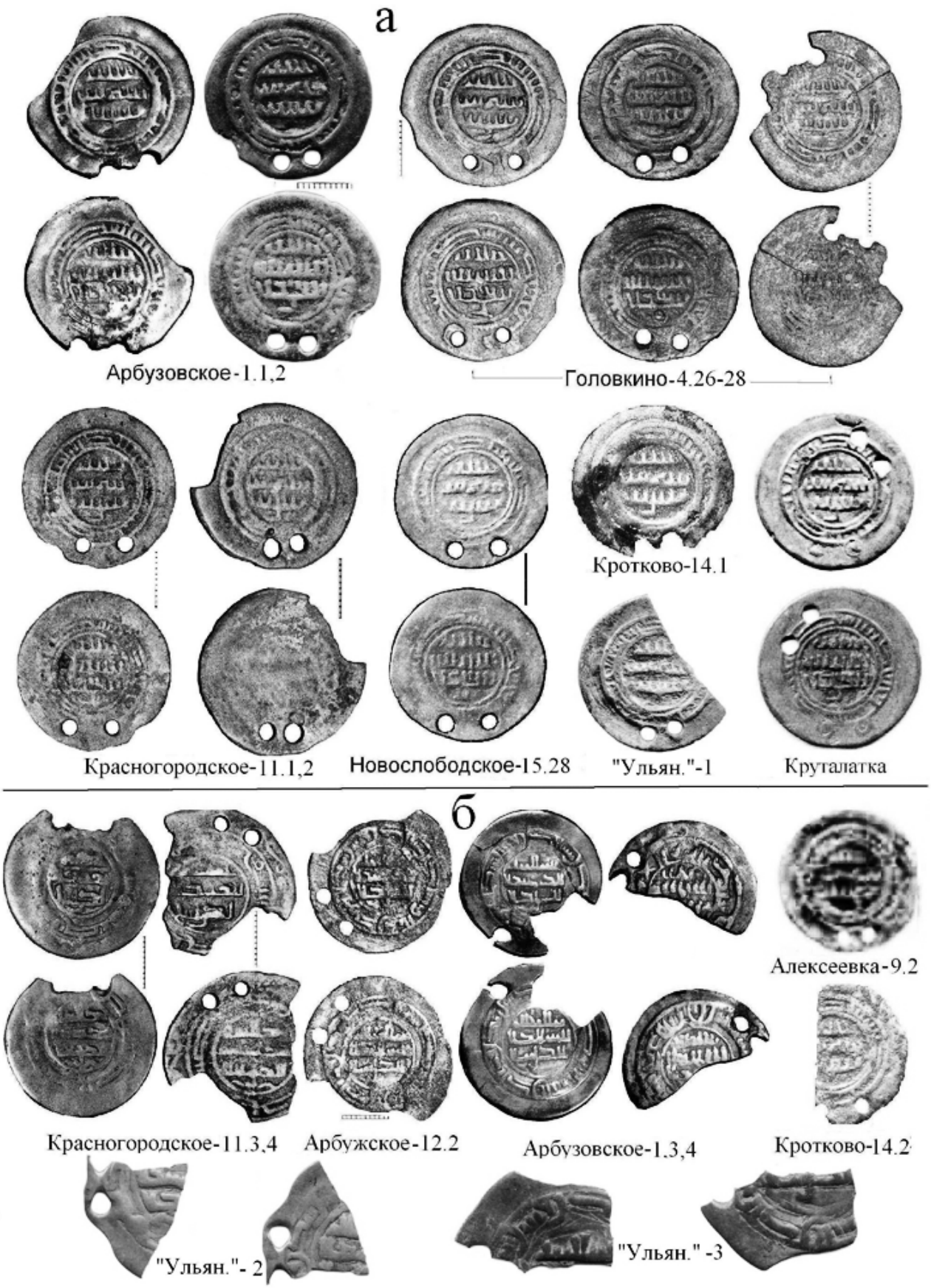


Рис. 6. Фотографии монетовидных привесок.
а – привески с разных поселений, изготовленные в одинаковых формах;
б – привески с разных поселений, изготовленные в разных формах.

В. П. ЛЕБЕДЕВ[1], И. Д. ТРУШИН[2], А. Е. КОЖЕВИН[3]

[1] Россия, Ульяновская область, г. Дзержинск
[2] Россия, Ульяновская область, г. Ульяновск
[3] Россия, Ульяновская область, Ульяновский государственный университет

РУССКО-ЮРТКУЛЬСКИЙ КЛАД ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X ВЕКА

Осенью 2010 г. на заброшенной пашне близ с. Русский Юрткуль Старомайнского р-на Ульяновской обл. был найден клад куфических дирхемов в количестве 67 экз. (38 целых и 29 обломков). Монеты были рассеяны вдоль направления прежней вспашки на площади 3 х 20 м, концентрируясь в застарелой яме глубиной около полуметра в центре этого участка. Можно предполагать, что найденные монеты являются остатками основной части клада, находившегося в яме и изъятого во времена, когда на этом поле проводились сельхозработы. Примерно в 50 м далее вдоль оси площади рассеяния монет клада было найдено еще 4 обломка дирхемов, которые, как потом оказалось, хронологически того же времени, что и дирхемы основного сбора и, по-видимому, были занесены туда плугом при вспашке. Поэтому они также включены нами в состав клада, и общее количество собранных монет стало 71 экз.

Место находки клада не совпадает с четырьмя селищами, зафиксированными археологами в округе с. Русский Юрткуль (Буров, 1977. С. 95–97 № 38–41). Судя по наличию культурного слоя и подъемного материала, клад был сокрыт на вновь выявленном селище болгарского времени.

Подробная атрибуция собранных монет клада указана в приложении, фотографии всех монет – на фото I–IV, а в таблице 1 приведен его династийный состав. Здесь следует оговориться, что четких критериев, отличающих оригинальные саманидские дирхемы от подражаний им, нами в публикациях не было найдено. В данной работе дирхем относился к чекану Саманидов, если в его легендах уверенно читались имена эмира, багдадского халифа, место и дата выпуска независимо от того, как они были вырезаны – четко, безошибочно или коряво и с мелкими ошибками. Подражаниями считались дирхемы как с полностью нечитаемыми легендами, так и такие, где имена в центральном поле (выполненные крупным шрифтом) читаются или однозначно угадываются, но выпускные данные на круговой легенде (выполняемые очень мелким шрифтом) искажены и не определяются.

Таблица 1

Династийный состав Русско-Юрткульского клада

Династия	Халиф	Эмир	Совмещенная датировка	Состояние монет			Примечание
				целые	обломки	всего	
Аббасиды	ар-Ради	–	322–329/934–940	2	–	2	
Саманиды	ал-Муктадир	Ахмад б. Исмаил	295–301/907–913	1	–	1	
_ ″ _	?	_ ″ _	_ ″ _	-	1	1	
_ ″ _	ал-Муктадир	Наср б. Ахмад	301–320/913–932	9	3	12	1 пробит «о»
_ ″ _	ал-Муттаки	_ ″ _	329–331/940–942	-	1	1	
_ ″ _	?	_ ″ _	301–331/913–942	3	7	10	1 пробит «Y»

– ″ –	ал-Муттаки	Нух б. Наср	331–333/942–944	1	-	1	
Подражания Саманидам	ал-Муктадир	Наср б. Ахмад	(301–320/913–932)	4	-	4	1 пробит «Y»
– ″ –	ар-Ради	– ″ –	(322–329/934–940)	4	-	4	
– ″ –	-	– ″ –	(301–331/913–942)	1	-	1	
– ″ –	ар-Ради	Нух б. Наср	(331–343/942–954)	6	-	6	
– ″ –	?	?	– ″ –	3	-	3	
Волжская Болгария	ал-Муктадир	Мика(и)л б. Джафар	?	3	-	3	
– ″ –	– ″ –	Микаил	?	1	2	3	
?	?	?	?	-	19	19	
Всего				38	33	71	

Как видно из данных таблицы, клад хронологически достаточно узок – халифатские и саманидские дирхемы чеканены в 35-летнем интервале по начало 940-х гг., младшая монета 332/943 г. Даты выпуска на подражаниях дирхемам Саманидов этого клада не копировались, но на большинстве монет скопировано имя эмира, а иногда и халифа, которые оказались теми же, что и на оригинальных дирхемах.

Почти половина монет клада (46,5 %) обломаны (любопытно, что все 18 выявленных подражаний являются целыми экземплярами). За весом целых и обломанных монет клада лучше проследить по весовой гистограмме, построенной с шагом в 0,5 г (рис. 1). Вес целых дирхемов находится в интервале от 2 до 6,5 г с максимумом при 3,25 г, а распределение количества обломков (N) по весу (B, г) монотонно убывающее по закону $\sqrt{N} = 4{,}5–1{,}5B$.

В кладе представлены дирхемы трех династий – Аббасидов (2 экз.), Саманидов (26) и эмиров Волжской Болгарии (6). Более трети определимой части клада составили подражания дирхемам Саманидов (18 экз.) и 19 мелких обломков остались неопределенными.

Насколько типичен или, наоборот, оригинален состав Русско-Юрткульского клада, можно установить при сравнении его с другими кладами, сокрытыми в первой половине X в. В настоящее время на территории бывшей Волжской Болгарии зафиксировано три десятка кладов куфических дирхемов (Марков, 1910 № 50–59; Кропоткин, 1971 № 118–123; Фёдоров-Давыдов, 1985, № 21–23; Валеев, 1995, таб. 10 № 5, 11–13, 14, 17, 18, 26; Воробьёв, Уланов, 2001. С. 110; Воробьёв, 2004. С. 65; Беговатов, 2003. С. 71). Из них 8 кладов приходятся на интересующий нас период, но подробные данные об их составе опубликованы только для 6, которые сведены в таблицу 2.

При сравнении состава этих шести кладов бросается в глаза небольшое число династий, от одной до трех, чьи дирхемы присутствуют в кладах. Из них всегда преобладает чекан Саманидов с подражаниями им. Вторую династию чаще всего представляет небольшое количество дирхемов Аббасидов, и лишь однажды, в самом старшем кладе, их доля вместе с предшественниками Омайядами составила более трети объема клада. Изредка к ним добавляется также небольшое количество дирхемов Саффаридов восточных провинций Ирана.

В 7-й графе таблицы 2 приведены данные описываемого Русско-Юрткульского клада. Качественно он аналогичен по составу остальным шести кладам – преобладают дирхемы Саманидов и подражаний им, в качестве небольшой примеси присутствуют дирхемы Аббасидов. Но есть и одно заметное отличие – присутствие существенного количества дирхемов собственного чекана

Таблица 2

Клады первой половины X в. на территории бывшей Волжской Болгарии

Место находки	Год	Количество определенных монет	Интервал дат монет кладов	Доля монет разных династий, %					Источники
				халифат	саффариды	саманиды	подражания дирхемам саманидов	эмиры Волжской Болгарии	
Билярск	1852	31	738–906	38,7	-	42,0	19,3		Марков,1910 № 52
Кокрять	1890	52	≥ 899–907	-	-	3,8	96,2		То же, № 59
Болгар	1957	8	902–912	-	-	87,5	12,5		Янина, 1960 с. 224
? (Казанская губ.)	1840	365	806–913	0,3	1,6	98,1	-		Марков,1910 № 56
Матвеевка	1970	825	892–926	0,25	0,35	99,4	-		Воробьёв, 2004 с. 65
Болгар	1895	62	894–936	1,6	-	83,9	14,5		Марков, 1910 № 10 доп.
Русский Юрткуль	2010	52	912–943	3,9	-	50,0	34,6	11,5	Эта работа

Волжской Болгарии – почти 12 %. Все шесть дирхемов Волжской Болгарии в кладе по сути являются тоже подражаниями дирхемам Саманидов. Хотя на всех дирхемах помещено имя местного эмира Микаила ибн Джафара, или иногда просто Микаила, но круговые легенды с выпускными данными скопированы с саманидских дирхемов чекана аш-Шаша и Нишапура 308/920 г. Интересно также, что три из них чеканены одной парой штемпелей (реконструкция штемпелей на фото III/29-31), а две других тоже чеканены одинаковыми штемпелями (реконструкция на фото III/33-34). Еще больше «близнецов» встречено среди подражаний – три тождественные монеты, подражающие дирхемам Насра II (реконструкция на фото IV/ 40-42) и шесть монет Нуха I, но с именем халифа более раннего времени (реконструкция штемпеля и фотографии на фото IV/44-49). Обнаружение в небольшом кладе такого количества монет разных типов, чеканенных одинаковыми штемпелями, означает, что место находки клада расположено близко к месту их чеканки и монеты вскоре после выпуска попали в клад и поэтому не успели смешаться с другими монетами. Поскольку истинная дата чекана дирхемов Микаила б. Джафара со скопированным 308 г. х. неизвестна, то находка большого их числа в кладе с младшей датой 332/943–944 г. означает, что они чеканены не позже 944 г.

Обратившись вновь к остальным двум ульяновским кладам таблицы 2, можно заметить, что в одном из них (Матвеевском), несмотря на большой его объем, совершенно нет подражаний (а ознакомление с изображениями дирхемов этого клада на сайте www.simbir-archeo.narod.ru/ArcheoBulgars10/Matveetes.htm не выявило в нем и дирхемов грубой чеканки).

В то же время найденный в 5 км от него на Кокрятьском городище другой клад этого же времени практически целиком состоял из подражаний. То есть в первом случае доставленная караваном из Средней Азии крупная партия дирхемов сразу же была доверена земле на хранение, но по трагическим для ее владельца причинам не была затем востребована. Состав второй партии монет (в исходном составе не менее 300 дирхемов) был сформирован ее владельцем в основном из только что отчеканенной продукции местного монетного двора и также сокрытой на хранение в земле.

Рассмотренный третий ульяновский клад из Русского Юрткуля указывает, что денежное обращение на южной окраине Волжской Болгарии в 1-й половине X в. уже существовало и примерно наполовину оно обеспечивалось монетами местного Булгарского чекана. А выявленная неторопливость пуска в обращение только что полученных немалых сумм монет их владельцами, вероятно, обусловлена пока невысокой его активностью.

Состав Русско-юрткульского клада 2010 г. с дирхемами первой половины X века

Саманиды

1 (18). Ахмад б. Исмаил (295–301/907–913), халиф ал-Муктадир (295–320/908–932), аш-Шаш 300 г. х. В = 3,15 г.

2 (58). То же, но город и год? обломок.

3 (28). Наср б. Ахмад (301–331/913–942), наместник Ахмад б. Сахл, халиф ал-Муктадир; Андераба 306 г. х. В = 2,78 г.

4 (6). Наср б. Ахмад, халиф ал-Муктадир; аш-Шаш 3 х 4 (304 или 314) г. х. В = 3,90 г.

5 (19). То же, аш-Шаш 308 г. х. В = 3,06 г, с одним отверстием.

6 (25). То же, но 316 г. х. В = 3,0 г.

7 (47). То же, халиф и город? 317 г. х. обломок.

8 (1). То же, халиф ал-Муктадир (искажен), Нишапур, 318 г. х. В = 6,57 г.

8 (4). То же, город? 318 г. х. В = 4,09 г.

10–11 (39, 43). То же, халиф ал-Муктадир; Самарканд 319 г. х. Обломки, В = 1,88 и 1,47 г.

12 (10). То же, но аш-Шаш 319 г. х. В = 3,65 г.

13–14 (22, 49). То же, город, год? Целый, В = 4,02; обломок В = 0,91 г.

15 (3). То же, Самарканд 328 г. х. В = 4,70 г.

16 (36). То же, халиф? аш-Шаш 3 х 8 (308, 318, 328) г. х. Целый, В = 2,11 г. У 7 ч. пробито узкое отверстие в виде буквы Y.

17 (40). То же, халиф ал-Муттаки (искаженно), город? 330 г. х. Обломок, В = 2,33 г.

18–25. (11, 34, 44, 46, 53, 54, 65, 69). То же, халиф, город, год – ? Целые, В = 3,41; 2,22; обломки В = 1,13; 1,57; 0,80; 0,68; 0,46; 0,78.

26 (35). Нух б. Наср (331–343/942–954), халиф ал-Муттаки (329–333/940–944), аш-Шаш (332 г. х.) (Тизенгаузен, 1855. С. 186). В = 2,22 г.

Аббасиды

27 (5). Ар-Ради, Мадинат ас-Салам 328 г. х. В = 4,02 г.

28 (13). То же, город, год стерты. В = 3,45 г.

Волжская Болгария

29–31. (7, 15, 30). Мика(и)л б. Джафар, халиф ал-Муктадир; аш-Шаш (30) 8 г. х. Не издан. В = 3,87; 3,26; 2,55 г. Реконструкция и фотографии на фото 1.

32 (41). Микаил, халиф и город искажены; 308 г. х. Не издан. В = 1,74 г.

33–34 (9, 42). Мика (…?), халиф искажен, Нишапур хх8. По типу как (Янина, 1962. С. 201 № 5), но год другой. Целый, В = 3,75; обломок В = 0,96 г.

Подражания дирхемам Саманидов

35 (2). Наср б. [А]хмад, халиф ал-Му[кта]дир, город и год не читаемы. В = 4,99 г.

36 (20). Наср б. Ахмад, халиф ал-Му[к]тадир, город и год не читаемы. В = 3,09 г.

37 (32). Наср б. [Ах]мад, халиф ал-Му[к]тадир, город и год не читаемы. В = 2,32 г.

38 (31). Наср б. Ахмад, халиф ал-Муткадир (!), наместник ал-…р биллях. Андераба (?), год? В = 2,38. Пробито узкое отверстие в форме буквы Y.

39 (33). Наср б. Ахмад, халиф ар-Ради, город и год не читаемы. В = 2,32 г.

40–42 (12, 24, 27). То же, халиф ар-Ради (322–329/934–940); город? 32 (6/7?) г. х. Грубый чекан с искажениями. В = 3,46; 2,93; 2,82 г. Все три дирхема чеканены одной парой штемпелей.

43 (17). Наср б. [А]х[м]ад, халиф опущен, город и год не читаемы. В = 3,27 г.

44–49 (8, 14, 16, 21, 23, 26). Нух б. Наср, халиф ар-Ради, город и год не читаемы. В = 3,69; 3,40; 3,26; 3,06; 3,0; 2,94 г. Все 6 подражаний чеканены одной парой штемпелей.

50–52 (29, 37, 38). Эмир, халиф, город, год – ? Все целые, В = 2,62; 2,08; 1,88 г.

Неопределенные дирхемы (мелкие обломки)

53–71 (45, 48, 50–52, 55–57, 59–64, 66–68, 70, 71). В = 0,96; 1,76; 0,87; 0,63; 1,06; 0,80; 0,70; 0,98; 0,37; 0,83; 0,54; 0,61; 0,75; 0,57; 0,55; 0,57; 0,43; 1,57; 0,65; 0,54 г.

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е. А. Билярский клад куфических монет конца X – начала XI вв. // Тезисы докладов и сообщений ВНК-XI. – СПб., 2003.

Буров Г. М. Археологическая карта Ульяновской обл. – Симферополь (рукопись), 1977.

Валеев Р. М. Волжская Болгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – начала X вв. – Казань, 1995.

Воробьёв Б. С. Матвеевский клад // Краеведческие записки 2002 г. Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова. – Ульяновск, 2004.

Воробьёв Б. С., Уланов Г. В. Нумизматические материалы из зоны затопления Куйбышевского водохранилища // Поволжье в Средние века. Тезисы докладов. – Н. Новгород, 2001.

Кропоткин В. В. Новые находки Сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. – Т. IX. – М., 1971.

Марков А. К. Топография кладов восточных монет (Сасанидских и куфических). – СПб., 1910.

Тизенгаузен В. Г. О саманидских монетах // Труды восточного отделения Русского Археологического общества. – Ч. I. – СПб., 1855.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока, XXIII. – Л., 1985.

Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. – № 111. – М., 1962.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция

В – вес дирхемов и их обломков

г. х., гг. х. – год, годы Хиджры

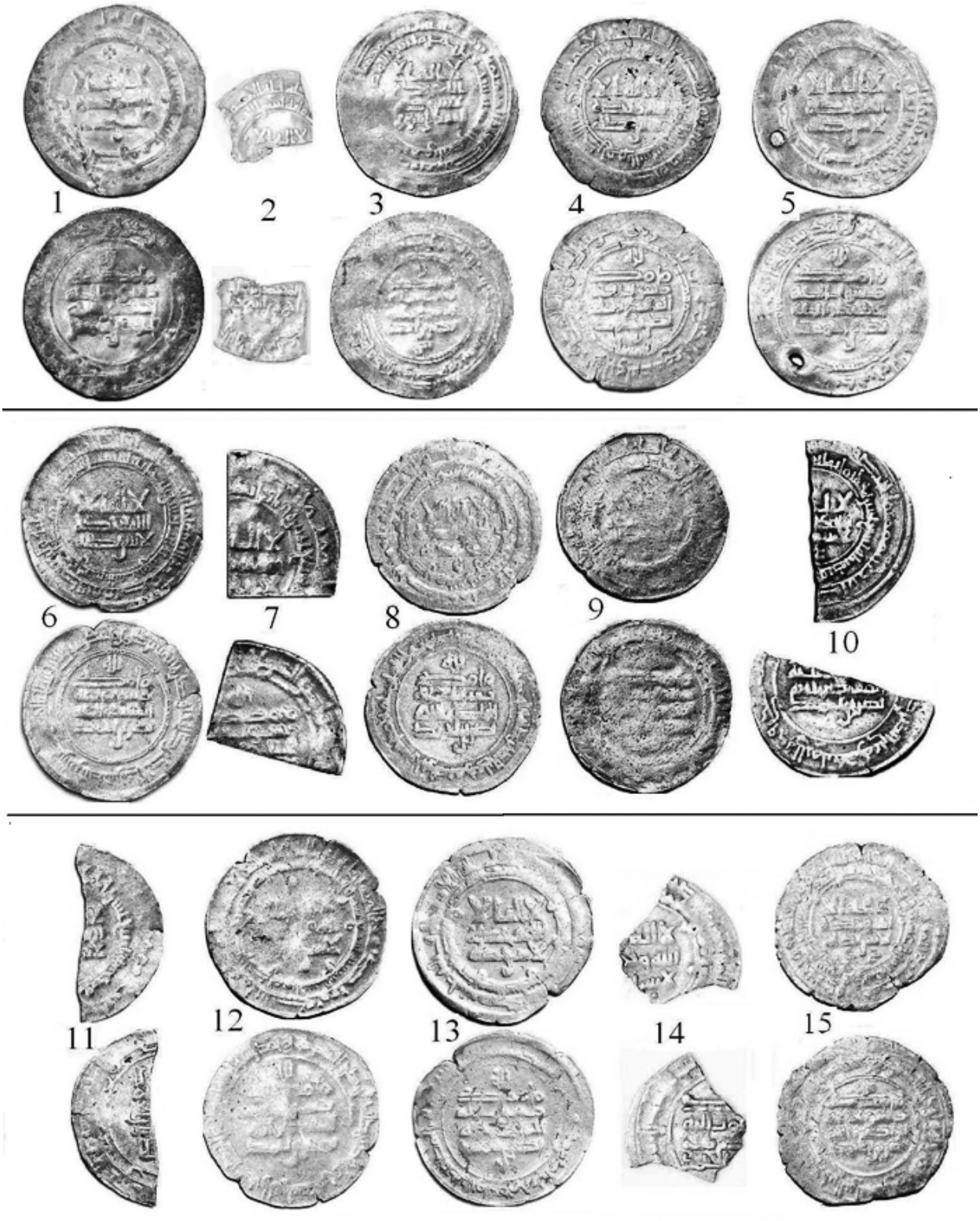


Фото I. Фотографии саманидских дирхемов клада.
1, 2 – Ахмада б. Исмаила; 4–10 – Насра б. Ахмада 306–328 г. х.

Фото II. Фотографии дирхемов клада.
16–25 – саманида Насра б. Ахмада с несохранившимися датами и 330 г. х.;
26 – саманида Нуха б. Насра 332 г. х.; 27–28 – аббасидские дирхемы 328 г. х. и год?;
35–37 – подражания дирхемам Насра б. Ахмада.

Фото III. Фотографии и реконструкции дирхемов клада.
29–31 – реконструкция и фотографии одноштемпельных дирхемов эмира Волжской Болгарии Мика(и)ла б. Джафара, «аш-Шаш 308 г. х.»; 32 – реконструкция и фотография дирхема Микаила, «город»? «308 г. х.»; 33–34 – реконструкция и фотографии одноштемпельных дирхемов Мика(..?..), «Нишапур 308 г. х.»; 35–39 – фотографии подражаний дирхемам Насра б. Ахмада.

Фото IV. Фотографии и реконструкции дирхемов клада.
40–42 – реконструкция и фотографии одноштемпельных подражаний дирхемам Насра б. Ахмада; 43–49 – реконструкция и фотографии одноштемпельных подражаний дирхемам Нуха б. Насра; 50–52 – фотографии подражаний неопределимого аналога; 53–71 – фотографии неопределенных обломков саманидских дирхемов.

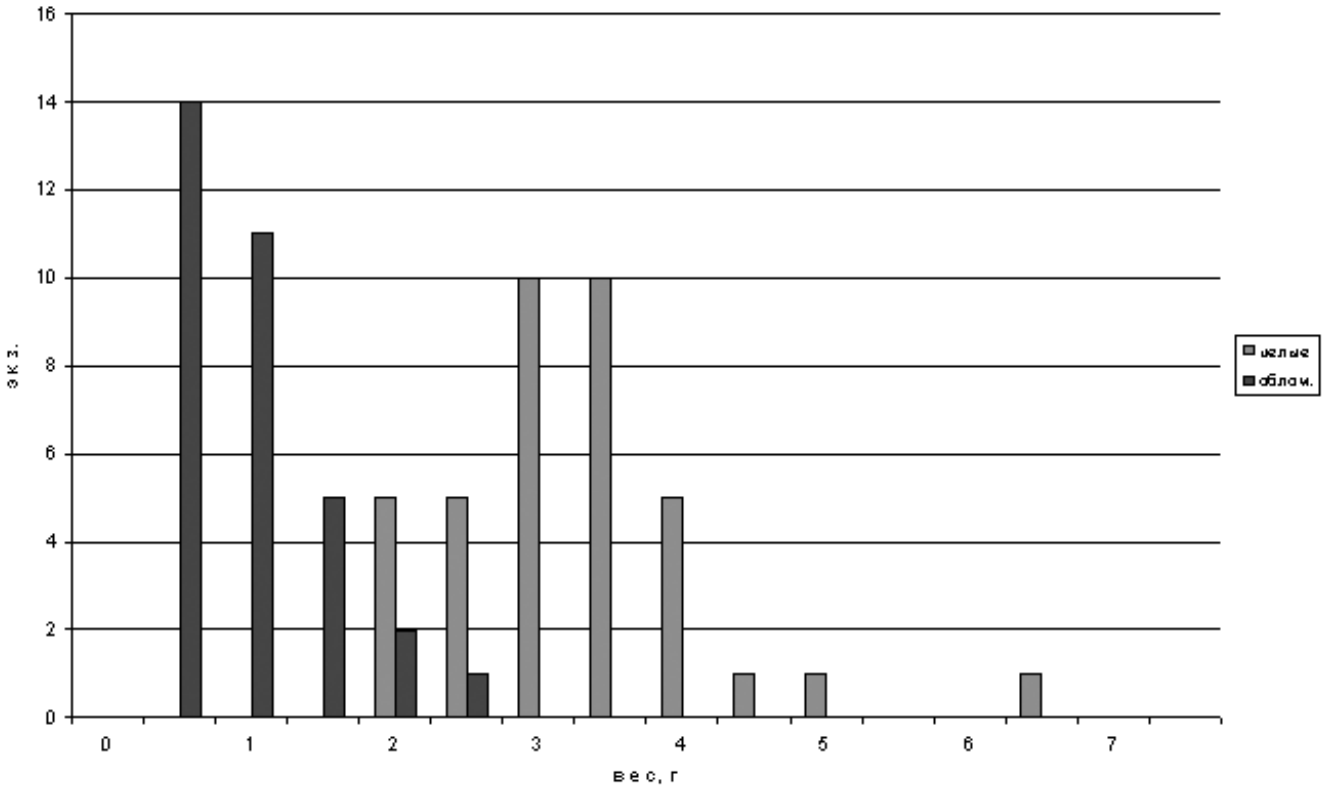


Рис. 1. Весовая гистограмма монет клада.

Л. Д. МАКАРОВ

Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет

МИГРАЦИИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ В ПРИКАМЬЕ: ВРЕМЯ И ПУТИ ЗАСЕЛЕНИЯ

Проблемы миграций в древнейших обществах (эпохи камня – раннего железа) всегда были дискуссионными, поскольку реально опирались, как правило, на археологические источники и гораздо менее – на данные топонимики, мифологии, фольклористики и еще реже – на письменные свидетельства, относящиеся к южным степным и лесостепным районам Евразии. Лесные просторы чаще всего лишены большинства видов источников, и исследователи оперируют обычно данными археологии. Более позднее время – конец I – первая половина II тыс. н. э. – обеспечено источниками, в т. ч. и письменными, гораздо полнее. Это касается и сведений по заселению русскими Прикамья. Этот период характеризуется многообразием форм, истоков, этнического, конфессионального и социального состава колонистов. Кроме того, миграции этого времени носили различный размах – от эпизодических проникновений небольших по численности групп поселенцев до массового перемещения довольно крупных коллективов с территории Русского государства. Реконструировать потоки этих миграций непросто, ибо письменные источники освещают их кратко и порой неопределенно. Археологические же данные маркируют отдельные пункты пребывания поселенцев, однако преобладание широких датировок артефактов делает привязку последних к рассматриваемым миграциям весьма условной. И тем не менее следует попытаться восстановить картину проникновения выходцев из Древней Руси на территорию Прикамья.

Ранее других регионов Прикамья русские появились в нижнем течении Камы и прилегающей части Среднего Поволжья, т. е. на территории формирования Волжской Болгарии. Надо отметить, что в последние годы постепенно утверждается точка зрения на праславянское происхождение предшественников волжско-камских болгар – носителей именьковской культуры, предложенное Г. И. Матвеевой (1981; 1986; 1999; 2000; 2002), поддержанное рядом коллег региона (Семыкин, 1996; 1997; Голдина, 1999. С. 261–275, 285, 289, 294; Макаров, 2006а. С. 322–325; 2006б. С. 325–326) и головного Института археологии РАН (Седов, 1994а. С. 49–66; 1994б. С. 309–315; 2001. С. 8–12; 2002. С. 245–253). Выводы археологов нашли подтверждение и в материалах лингвистов (Напольских, 1996. С. 197–206; Насибуллин, 1992. С. 76–79). Внешняя опасность (экспансия венгров, а затем болгар) вынудила именьковцев покинуть Волго-Камье и расположиться в междуречье Дона и Днепра, где зафиксированы памятники бесспорно славянской волынцевской культуры конца VII – первой половины IX вв. Какая-то часть именьковцев, возможно достаточно солидная, осталась на месте и влилась в состав населения формирующейся Волжской Болгарии: удалось выявить смешанные поселения болгар и именьковцев конца VII – VIII вв. (Семыкин, 1996. С. 68–74; 1997), обнаружены также полуземлянки IX–XI вв. со славянской посудой (Седов, 2002. С. 254–255).

Письменные источники, особенно восточные сочинения, также дают сообщения о славянах на территории Волго-Камья. Наиболее ранние сведения дает Ибн Хордадбех (около 820 – около

890) в своей «Книге путей и государств» (880-е гг.), где он фактически отождествляет русов и славян, что, по мнению Н. Г. Гараевой, «возникло вследствие интенсивной торговой деятельности русов в славянском мире и политической связи верхушки русов со славянской знатью» (История татар… 2006. С. 686. Прим. 111). Младший современник Ибн Хордадбеха – Ибн ал-Факих оставил «Книгу стран» (около 903), основанную либо на тех же источниках книги своего предшественника, либо на самой его книге. Но в отличие от последней Ибн ал-Факих русов не упоминает вообще, а всюду речь ведет об ас-сакалиба (Там же. С. 694). Оба автора не приводят не только никаких сведений о русско-болгарских отношениях, но и вообще не упоминают болгар, лишь однажды (у первого) указаны земли «владык сувар» (Там же. С. 685). Это связано, по-видимому, с отсутствием еще в конце IX – начале X вв. каких-то устойчивых институтов государственности у волжско-болгарских племен в рамках Хазарского каганата либо обусловлено просто неинформированностью этих авторов.

Ибн Русте в своей «Книге драгоценных ожерелий» (между 903 и 925 гг.) подробно рассказывает о славянах и русах как о разных народах, о захвате славян русами и последующей продаже их в Волжской Болгарии и Хазарском каганате (История татар… 2006. С. 702–706).

Уникальные сведения приводит арабский историк ал-Куфи (начало X в.), описавший в «Книге завоеваний» арабо-хазарскую войну 737 г., когда полководец Халифата Марван, покоривший Закавказье, вторгся на территорию Хазарии, разгромил ее войска и уже за пределами этой страны «напал на славян (ас-сакалиба) и на соседних с ним и неверных разного рода и захватил в плен двадцать тысяч семей» (Кляшторный, 2006. С. 227). Данное сообщение кратко изложено также у ал-Балазури (конец IX в.), ат-Табари (начало X в.), Ибн ал-Асира (начало XIII в.), ал-Йакуби (Гараева, 2002). С. Г. Кляшторный расценивает это событие как первое и единственное вторжение войск Халифата не только в глубинные волжские земли Хазарии, но и на территорию к северу от владений хакана, в Среднее Поволжье, заселенное славянами и другими племенами, захватывают пленных и, возможно, вынуждают часть оставшихся к бегству с этих земель. По мнению историка, это самая первая письменная фиксация славян-именьковцев, составивших какую-то часть населения Волжской Болгарии (Кляшторный, 2006). Но Н. Г. Гараева считает подход к сведениям ал-Куфи С. Г. Кляшторного, Н. П. Новосельцева и других излишне доверчивым, лишенным источниковедческой критики (Гараева, 2002. С. 440. Прим. 315).

Наиболее подробные сведения по нашей теме приводит Ибн-Фадлан, побывавший первым в Волжской Болгарии в 922 г. в составе арабского посольства и по итогам поездки составивший «Записку». Особенно подробно он описывает русов-купцов, имевших в Болгаре жилье, языческое мольбище и кладбище, однако среди пленных, привозимых ими в Болгарию в качестве рабов, славяне не упоминаются. В то же время их называют в числе народов, подвластных хазарам. Очень интересно обозначение главы болгар Алмуша (Алмыша, Алмаса) как «царя ас-сакалиба», что явно свидетельствует в пользу какого-то славянского присутствия в числе его подданных (История татар… 2006. С. 716–717, 738–744). О. И. Смирновой удалось восстановить имя и титул царя Булгарии Эльалмыша: «ылтывар (т. е. Эльтебер – по С. Г. Кляшторному), малик Булгара и амир Славии» (Смирнова, 1981), т. е. вождь, глава племенного союза, а также царь страны булгар и эмир страны славян, хотя в X в. титул «амир Славии» был уже явным анахронизмом – воспоминанием о былом тюрко-славянском единении на берегах Волги (Кляшторный, 2006. С. 229).

Последующие авторы не раз опирались на сочинения Ибн Русте и Ибн Фадлана, нередко искажая их сведения. В их числе ал-Балхи (начало X в.), ал-Масуди (первая половина X в.), ал-Мукаддаси (985 г.), Ибн Хаукаль и ал-Истахри (середина X в.), ал-Бируни (конец X – первая половина XI вв.), ал-Гардизи (середина XI в.), ал-Бекри (вторая половина XI в.), ал-Марвази (конец XI – начало XII вв.) и другие. Так, ал-Масуди в книге «Золотые копи и россыпи самоцветов» (947–950 гг.) среди языческого населения Хазарского каганата упоминает славян и русов, их погребальный обряд (кремацию), занятия («Русь и сакалибы… также служат в войске царя и являются его слугами»). Основное внимание уделяет автор русам: «Русы – громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю бургар» и далее: «Русы состоят из многочисленных племен разного рода. Среди них находятся урманы (норманны – Б. Х.), которые наиболее многочисленны» (Хамидуллин, 2002. С. 473–477).

Ал-Марвази приводит и совершенно уникальные сведения о принятии христианства русами в 912–913 гг., их царе Буладмире (Владимире) и о последующем принятии ислама (История татар… 2006. С. 709). Ал-Идриси известен не только как составитель первой карты нашего региона, но и как автор географического сочинения «Развлечение истомленного в странствии по областям» (1154), в котором есть очень важное указание, что среди жителей главного города волжских болгар ал-Булгара «есть христиане и мусульмане» (Там же. С. 768), что, конечно, необязательно может означать славян, поскольку археологические данные фиксируют, например, на Болгарском городище не только древнерусские, но и армянские древности.

Вторым путешественником, побывавшим в Волжской Болгарии лично (зимой и летом 1135–1136 гг.), был уроженец Андалусии Абу Хамид ал-Гарнати (1080–1169/1170). Сорокалетние скитания по свету вызвали появление сочинений этого автора: в 1155 г. создано «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» – запись рассказа о путешествиях, написанная как простое повествование; в 1162 г. – «Подарок умам и выборка из чудес» (вариант заглавия – «Подарок умам и выборки диковинок») – переработка первого в виде сочинения о чудесах и диковинках с добавлением из литературных источников (Там же. С. 770–778). К сожалению, в массиве достаточно емкой информации о Болгарии и Руси, взаимоотношениям этих государств и их населения уделено минимум внимания. В «Ясном изложении…» касательно религии славян говорится, что «они придерживаются византийского толка несторианского христианства» (Там же. С. 784), что является известием уникальным. Среди жителей Киева автор называет тысячи тюрков-беджнак (т. е. печенегов) (там же), среди которых могли быть и болгары. В сочинении «Подарок умам…» при описании ремесел в Византии ал-Гарнати упоминает «русский лен», уточняя при этом, что «Рус – в стране славян» (Там же. С. 793) – очень важная фраза, не требующая какого-либо комментария. Многие известия ал-Гарнати в середине XIII в. повторил ал-Казвини (Известия… 1869. С. 63, 64, 87, 188), а позднее Ибн Аяс и некоторые другие авторы.

Составитель «Словаря стран» (начало XIII в.) Йакут ал-Хамави (около 1179–1221) использовал сочинения многих историков и географов, оригиналы трудов которых были позднее утрачены или же найдены и опубликованы намного позднее «Словаря». Помимо упоминания сочинения Ибн Фадлана автор ссылается (при рассмотрении Поволжья, Приуралья, Подонья, Северного Кавказа, Поднепровья, Северной Руси) на ал-Масуди, ал-Истахри, ал-Мукаддаси, ал-Бахтури, ал-Балазури, ал-Бахили, ал-Азхари, Ибн ал-Араби, Ибн ал-Калби, Абу Амр, Абу Мансур, что

позволяет расширить наши познания о народах Восточной Европы. Интересующих нас известий мало, но имеющиеся иногда весьма любопытны. Например, Йакут пишет о «русах»: «Их называют русс… – народ из народов своей страны, граничат с ас-сакалиба и ат-тюрк; у них свой собственный язык, религия и закон, согласно которому у них нет ни одного язычника» (История татар… 2006. С. 813).

Более поздние восточные авторы ордынского времени в основном повторяют сведения предшественников, хотя встречаются и несколько иные прочтения. Например, космограф начала XIV в. ад-Димашки отметил, что болгары в ответ на вопрос об их предках сказали: «Мы народ, родившийся между тюрками и славянами», что означает, по мнению Д. А. Хвольсона и Х. М. Френа, их смешанное от этих народов происхождение (Известия… 1869. С. 89). Данное известие было заимствовано, вероятно, у Ибн ал-Джаузи (XII в.), который приводит его почти дословно, вкладывая в уста хорезмийца Йа'ла б. Исхака под 1042 г.: «Этот народ по происхождению между тюрками и славянами… и страна их на окраине тюркских стран» (Кляшторный, 2006. С. 229). Сообщение же автора XVII в. Хаджи Халифа о сходстве языка и нравов болгар с таковыми у руссов Д. А. Хвольсон считает ложным (Известия… 1869. С. 89).

В целом можно отметить, что, несмотря на краткость, восточные источники дают в руки исследователей ряд ценнейших сведений по предмету наших изысканий.

Таким образом, славянский компонент в той или иной степени прослеживается в культуре Волжской Болгарии с конца VII в. и практически без перерыва до XV в. При этом приблизительно до начала X в. здесь проживало местное славянское (постименьковское) население, что прямо следует из сообщения Ибн-Фадлана 922 г. Однако уже в X в. в болгарских городах появляются выходцы из древнерусских земель. В их числе купцы-русы, которые не только торговали с Болгарией наездами, о чем сообщают восточные авторы и русские летописцы, но и строили для пребывания здесь «большие дома из дерева» (Ковалевский, 1956. С. 142). Вероятнее всего, русы проживали в таких постоянно действующих торговых факториях, и их купеческая принадлежность не может подвергаться сомнению. Попытка же представить описанное Ибн-Фадланом поселение исключительно как «лагерь дружины русов» (Измайлов, 2001. С. 76) является преувеличением, хотя купцы эти были и в самом деле прекрасно вооружены. Что касается этнической принадлежности русов, то, очевидно, правы те исследователи, которые однозначно видят за ними до конца IX в. славян (Седов, 2002. С. 255–295). Начиная с конца IX в. под русами нередко разумеют и славян, и норманнов, и поволжских финнов. Об этом, в частности, говорят описанные Ибн-Фадланом языческие мольбище и погребальный обряд (Ковалевский, 1956. С. 142–146), а также археологические материалы Балымерских курганов, имеющие полиэтничный характер (Казаков, 1986. С. 78–82). Кроме того, само утверждение о варягах-русах как о норманнах, в общем преобладающее в историографии, не бесспорно. Имеется немало свидетельств в пользу отнесения варягов к народам Южной Балтики с преобладающим славянским компонентом (Кузьмин, 1970; 1974; Грот, 1997; Фомин, 2004).

Контакты Волжской Болгарии и Руси имели характер как военной конфронтации, так и мирных торгово-экономических и культурных взаимоотношений, сопровождавшихся заключением торговых договоров (Халиков, 1986; Валеев, 1992). Между Киевом и Болгаром сложился и функционировал в X – начале XIII вв. путь, связавший государства многообразными связями и трассированный как описаниями в восточных источниках, так и археологическими материалами.

Реконструкцию этого пути провел Б. А. Рыбаков. Воспользовавшись арабскими дорожниками, он рассчитал и отметил на карте местности пункты предполагаемых остановок караванов (рис. 1), причем русская половина пути была совмещена с конкретными археологическими памятниками – городищами, а также древнейшими городами, а восточная, болгарская, половина оставлена без расшифровок на усмотрение будущих исследователей (Рыбаков, 1969. Рис. 1). Такая работа была проведена в 1989–1991 гг. совместной экспедицией ученых Украины и Татарии (Путь из Булгара… 1992), в результате удалось уточнить расположение пунктов остановок на западном участке пути и соотнести с таковыми ряд городищ восточного участка (рис. 2) (Иевлев, Моця, 1992. С. 25–28. Рис. 2; Халиков, 1992. С. 15–19. Рис. 1). В последующее время ряд пробелов на трассе пути был заполнен конкретными объектами X – начала XIII вв. (рис. 3) (Полубояринова, 2006. С. 319, 326). Археологические материалы подтверждают и пребывание славян преимущественно из Южной Руси в городах Волжской Болгарии в X–XI вв. В XII–XIII вв. фиксируется и приток населения с территории Волго-Окского междуречья (Полубояринова, 1993. С. 88–92. Рис. 34, 35, 37; Макаров, 2001. С. 7–12, 34–36. Рис. 1–23), причем вместе со славянами сюда мигрируют и волжские финны. Об этом прямо говорит казанский летописец, сообщивший о бегстве «черни ростовской… от крещения рускаго в болгарских жилищах» (Казанская история, 1954. С. 48), что и означает уход язычников в Волжскую Болгарию от надвигающейся христианизации – смешанного славянско-мерянского населения. Археологические материалы эти выводы подтверждают. Аналогичные славяно-финские поселения зафиксированы и в Ветлужско-Вятском междуречье, причем абсолютное их большинство концентрируется близ устьев Ветлуги, Суры, Бол. и Мал. Кокшаг, где (в низовьях Суры) возникает древнерусский город Курмыш (1374) и складывается его сельская округа (Кучкин, 1984. С. 227–231; Макаров, 2004).

О заселении среднего течения р. Вятки написано уже немало. Скептическое отношение к сведениям «Повести о стране Вятской» (ПСВ) среди историков постепенно изживается, поскольку дополнительные исследования письменных источников (в т. ч. «Сказание о вятчанех» (СВ)), а также древнерусские материалы домонгольского и раннеордынского времени подтверждают эти данные. Кроме того, сам маршрут переселения двух новгородских отрядов из городка на Нижней Каме в 1181 г. на Среднюю Вятку (рис. 4) вполне доказуем, поскольку конечные пункты этих переселений (Никулицын, Кокшаров, Котельнич) археологически подтверждены, а трасса передвижения также объяснима и географически, и исторически, и логически, и в какой-то степени археологически (хотя последнее уловить чрезвычайно сложно). Основание Хлынова (Вятки) по сведениям ПСВ также обнаруживает соответствия в археологических (вплоть до деталей) материалах, древнейшие из которых относятся к домонгольскому времени. Что касается особенностей социально-политического устройства Вятской земли (объединение территориальных общин, сложение волостной структуры, вечевой характер государства), то письменные источники (летописи, митрополичьи грамоты, агиографические памятники) также, хотя и не всегда явно, приводят нас к данным ПСВ и СВ, а археологические находки в ряде случаев иллюстрируют их.

Что же до самого факта появления новгородцев в низовьях Камы, то и здесь ничего удивительного нет, поскольку неоднократное пришествие сюда войск из Владимиро-Суздальской земли против Волжской Болгарии во второй половине XII в. делало этот путь по Волге весьма известным русскому населению (Кучкин, 1975). Местоположение «городка на Нижней Каме» точно установить пока не удается, хотя есть предположение, связанное с преданиями о нахождении его в

районе Набережных Челнов (Спицын, 1883. С. 148). Почти за полвека до А. А. Спицына другое предположение высказал Н. С. Арцыбашев, считавший таким местом г. Сарапул, исходя, очевидно, из контекста местных (но не списков ПСВ) летописцев, полученных им от казанского ученого, вятского уроженца В. Я. Баженова. В их числе оказался список СВ старшей редакции, отличающийся от опубликованного Д. К. Уо тем, что в нем не только буквально совпадает фраза, но названо и имя городка, чего нет у Уо: «и нарекоша имя емоу Сарапул» (Арцыбашев, 1838. С. 225. Прим. 1393; ср.: Уо, 1997. С. 348; см. об этом: Мусихин, 2004. Прим. 97, 99, 103).

Если взглянуть на современную карту, то между Н. Челнами и Сарапулом по реке около 200 км, а от Н. Челнов до устья р. Вятки – 65 км. Археологические исследования дали в этих городах пока лишь поздние (не ранее XVI в.) материалы. В свое время А. С. Верещагин усомнился в возможности закладки новгородской крепости на Каме, т. к. волжские болгары на своей территории этого бы сделать не позволили (Верещагин, 1903. С. 366; 1905. С. 80). Однако картографирование болгарских памятников восточных частей Предкамья и Закамья показало, что эта территория в домонгольский период болгарами практически не была заселена (Макаров, 2009. С. 151. Рис. 1, 2). Болгары появляются здесь (да и то число их весьма незначительно) лишь в золотоордынский период (Археологические памятники, 1989). До этого они могли контролировать рассматриваемые земли разве что периодическими наездами. По археологическим материалам можно даже провести условную северную границу Волжской Болгарии в домонгольский период, захватывающую, кроме Закамья, и восточную часть Предкамья – между Елабугой и устьем Вятки (Археологическая карта… 1981; Иванов, 1998. Рис. 69) (рис. 4).

Попытки расценить поход новгородцев 1181 г. как отражение известного по летописям набега ушкуйников в 1374 г., т. е. по существу передатировать (омолодить) события (Низов, 1999), плохо соотносятся с археологическими датировками, а также противоречат данным исторической географии: детали похода по СВ и ПСВ не имеют ничего общего с летописным описанием набега.

Материалы чепецкой культуры отражают усиление импорта с территории Древней Руси, а не позднее XII в., судя по находкам керамики, культовых подвесок и других предметов, здесь появляется и русское население. Каких-то данных, освещающих переход новгородского отряда с Камы на Вятку по р. Чепце в 1181 г., выявить пока не удалось: захват чепецких городищ и кратковременное пребывание на них вряд ли оставили сколь-нибудь заметные следы в археологических материалах, да и соотнести их именно с этим событием практически невозможно.

Верхнее Прикамье, место расселения пермских племен, оставивших родановскую культуру, было даннической территорией Новгорода Великого в XI–XIII вв. Уже в это время сюда проникает импорт из Древней Руси, представленный славяно-финно-скандинавскими и западноевропейскими находками, выявленными на более чем 55 памятниках региона (Макаров, 2001. Рис. 1; 66; 69; 80). В конце домонгольского – начале ордынского периодов фиксируется инфильтрация сюда русского и коми-зырянского населения с соответствующими предметами материальной культуры – керамикой, языческими и православными подвесками, украшениями, бытовыми вещами и вооружением, обнаруженными на 25 памятниках региона (Там же. Рис. 67, 68, 76). Это стихийное переселение в летописях не отражено. Однако известен поход владимиро-суздальского войска из «Юстьюга на верх Камы» в 1220 г. в ответ на набег волжских болгар 1219 г. на Устюг и Унжу (рис. 5), в ходе которого русские воины спустились до устья Камы и «взяста по

ней много градков» (ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 116–117). Этот поход, по-видимому, закрепил претензии владимиро-суздальских князей на верхнекамские владения новгородцев (Оборин, 1990. С. 64). Столетие спустя, в 1324 г., московский князь Юрий Данилович во главе русского объединенного войска прошел тот же путь: из Устюга «поиде… в Орду, а шел на Пермь Великую и поиде по Каме реке» (ПСРЛ, 1965. Т. 10. С. 189). Его брат Иван Калита фактически берет Верхнюю Каму под свой контроль, проведя серию соответствующих правовых действий в 1328–1333 гг. Дмитрий Иванович (Донской) окончательно закрепляет регион за Московским великим княжеством (Оборин, 1990. С. 70–72). Массовое заселение русскими этого региона началось в конце XIV – начале XV вв., когда возникают первые города – Анфаловский, Соликамск, Чердынь, Искор.

Судя по источникам, в Верхнем Прикамье формируется полиэтническое раннефеодальное образование, известное как «Пермь Великая – Чердынь» (так оно иногда обозначено в летописях и на картах) и складывающееся, очевидно, как народоправство, руководимое избранной на вече русской, пермяцкой и зырянской верхушкой (Макаров, 2002. С. 164–165), что прямо связано с новгородскими истоками великопермской государственности. Однако в 1451 г. вечевому устройству Перми Великой был положен конец: «…Князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая… а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню» (ВВЛ, 1958. С. 261). В последнее время славянская принадлежность великопермских князей поставлена под сомнение (Корчагин, 2011). При этом роль местной племенной верхушки на дела управления удельным княжеством сохранялась вплоть до 1472 г., когда в ходе карательного похода Ф. Пестрого и Г. Нелидова (рис. 5) внутренняя оппозиция в лице этих «княжат» была подавлена (Макаров, 2003. С. 138–139). В 1505 г. Пермь Великая как удельное княжество была ликвидирована.

Другие регионы Прикамья – бассейн Сылвы, Среднее Прикамье, бассейн Белой – заселяются в основном в ордынское время относительно небольшими коллективами, однако особенности колонизации этих регионов основаны исключительно на немногочисленных археологических источниках, что требует вовлечения каких-то дополнительных данных.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. – М., 1981.

Археологические памятники Восточного Закамья. – Казань, 1989.

Арцыбашев Н. С. Повествование о России. – Т. I. – Кн. II. – М., 1838.

Валеев Р. М. Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Булгарии с Русью в IX – начале XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. – Казань, 1992.

Верещагин А. С. Хлынов старше или Хлыново? // ПКВГ на 1904 г. – Отд. II. – Вятка, 1903.

Верещагин А. С. Повесть о стране Вятской (Вятский летописец). Послесловие к Повести (издателя) // Тр. ВУАК 1905 г. – Вып. III. – Отд. II. – Вятка, 1905.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958.

Гараева Н. Сведения арабских и персидских историков о походах к северу от Дербента (22/642-643 и 119/737 гг.) // История татар с древнейших времен: В семи томах. – Т. 1. – Казань, 2002.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999. – 464 с.

Грот Л. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: Материалы Международного научного симпозиума. – Киров, 1997.

Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII вв.). – Ижевск, 1998.

Иевлев М. М., Моця А. П. «Русский» участок пути Булгар – Киев (особенности поселений и маршрута) // Путь из Булгара в Киев. – Казань, 1992.

Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу-Али Ахмеда Омар Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. – СПб., 1869.

Измайлов И. Балтийско-волжский путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь: Материалы круглого стола и Международного научного семинара в Казани 28–29 августа 2000 г. – Казань, 2001.

Казаков Е. П. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь: (к 1000-летию русско-булгарского договора). – Казань, 1986.

Казанская история. – М.; Л., 1954.

Кляшторный С. Г. Праславяне в Поволжье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006.

Корчагин П. А. Очерки ранней истории Перми Великой: князья пермские и вымские // Вестник Пермского университета. – 2011. – Серия «История». – Вып. 1 (15).

Кузьмин А. Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. – 1970. – № 10.

Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // ВИ. – 1974. – № 11.

Кучкин В. А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII вв. // Историческая география России (XII – начало XX вв.). – М., 1975.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984.

Макаров Л. Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. – Ижевск, 2001.

Макаров Л. Д. О проблемах взаимодействия славяно-русского населения с народами Прикамья в I – первой половине II тыс. н. э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Международной научной конференции: К 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2002.

Макаров Л. Д. К вопросу об участии представителей финно-угорского мира в органах управления Вятской республики и Перми Великой // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2003. – Серия «История».

Макаров Л. Д. Славяно-финно-пермские этнокультурные процессы в Волго-Вятском междуречье в первой половине II тыс. н. э. // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. – Йошкар-Ола, 2004.

Макаров Л. Д. Ранние славяне (праславяне) и Прикамье в I тыс. н. э.: Межэтнические взаимодействия (современное состояние проблемы) // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006а.

Макаров Л. Д. Особенности раннего периода славяно-русской колонизации Прикамья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск, 2006б.

Макаров Л. Д. Вятский край в системе болгаро-ордынского влияния // Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции. (Казань, 17 марта 2009). – Вып. 1. – Казань, 2009.

Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев, 1981.

Матвеева Г. И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тыс. н. э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н. э. – Куйбышев, 1986.

Матвеева Г. И. О происхождении и культурной принадлежности памятников лбищенского типа // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): Тез. докладов II Международной археологической конференции. – Самара, 1997.

Матвеева Г. И. К вопросу о хронологии и периодизации именьковской культуры // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М., 1999.

Матвеева Г. И. Металлические украшения и детали костюма именьковской культуры // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): Тез. докладов III Международной археологической конференции. – Самара, 2000.

Матвеева Г. И. К вопросу о характере взаимоотношений различных этнических групп на территории Южного Приуралья в первой половине I тысячелетия нашей эры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Международной научной конференции. – Ижевск, 2002.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – Т. 25. – М.; Л., 1949.

Мусихин А. Л. Происхождение точных дат славянской колонизации Вятки в «Повести о стране Вятской» // Герценка: Вятские записки: [научно-популярный альманах]. – Вып. 6. – Киров, 2004.

Напольских В. В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н. э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: В 2 т. – Т. 2. – Сыктывкар, 1996.

Насибуллин Р. Ш. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета. – 1992. – № 6. – Ижевск.

Низов В. В. Хлынов: рождение города // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): Материалы международной конференции. – Киров, 1999.

Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 10. – М.; Л., 1965.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII веков. – Иркутск, 1990.

Полубояринов М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993.

Полубояринова М. Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т. II. – Казань, 2006.

Путь из Булгара в Киев: Сб. статей. – Казань, 1992.

Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев // МИА. – 1969. – № 169.

Седов В. В. Очерки по археологии славян. – М., 1994а.

Седов В. В. Славяне в древности. – М., 1994б.

Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // РА. – 2001. – № 2.

Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. – М., 2002.

Семыкин Ю. А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара, 1996.

Семыкин Ю. А. Исследования на территории Чертова городка // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): Тез. докладов II Международной археологической конференции. – Самара, 1997.

Смирнова О. И. К имени Алмыша, сына Шилки – царя булгар // Тюркологический сборник. – 1977. – М., 1981.

Спицын А. А. Свод летописных известий о Вятском крае // КВГ на 1884 год. – Вятка, 1883.

Уо Д. К. «Анатолиевский сборник» и проблемы вятского летописания // Шведы и Русский Север: Историко-культурные связи: (к 210-летию А. Л. Витберга): Материалы Международного научного симпозиума. – Киров, 1997.

Фомин В. В. Южнобалтийское происхождение Варяжской Руси // ВИ. – 2004.

Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь: (к 1000-летию русско-булгарского договора). – Казань, 1986.

Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) // Путь из Булгара в Киев. – Казань, 1992.

Хамидуллин Б. Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья // История татар с древнейших времен: В 7 т. – Т. 1. – Казань, 2001.

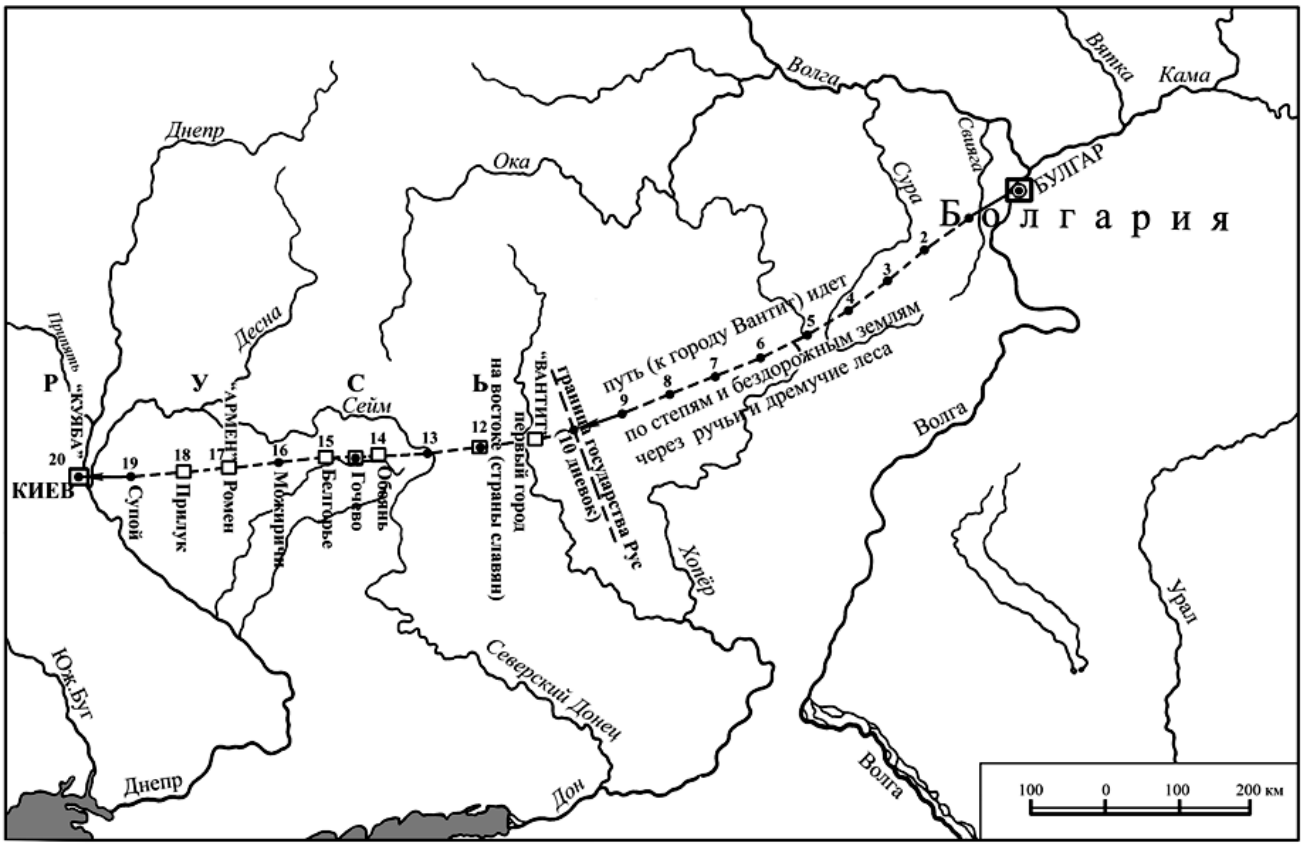


Рис. 1. Путь из Булгара в Киев (по Б. А. Рыбакову, 1969. Рис. 1).

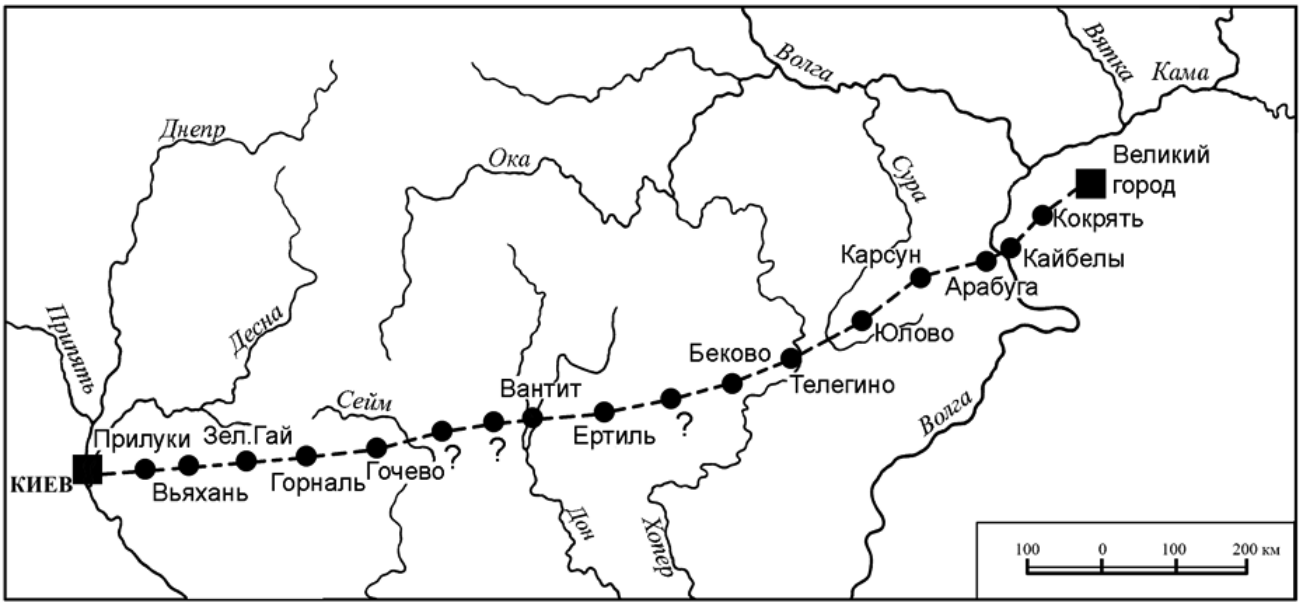


Рис. 2. Схема пути из Булгара в Киев по археологическим наблюдениям 1989–1991 гг. (по А. Х. Халикову, 1992. Рис. 1; М. М. Иевлеву, А. П. Моця, 1992. С. 25–28. Рис. 2).

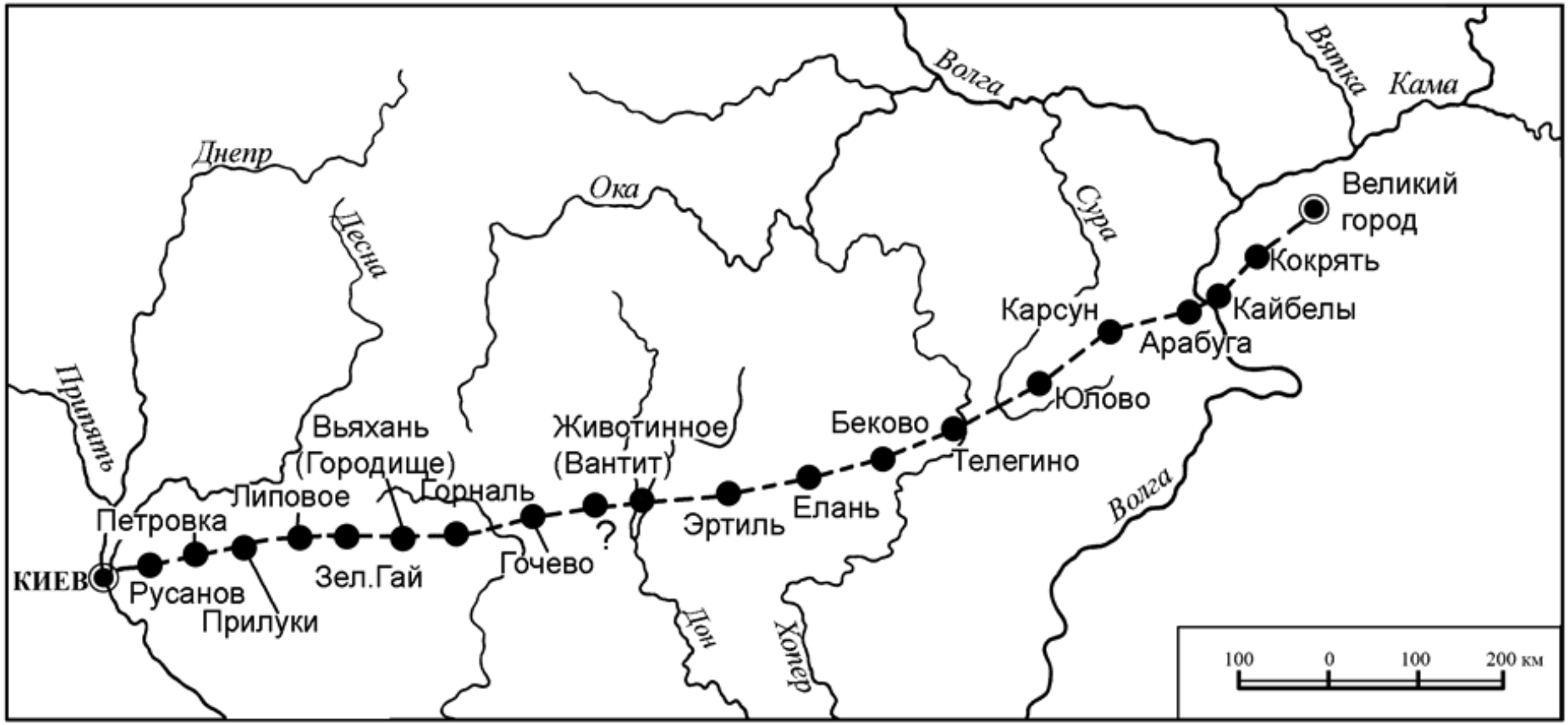


Рис. 3. Путь из Булгара в Киев (по А. Х. Халикову, 1992. Рис. 1; М. Д. Полубояриновой, 2006. Рис. на с. 319; добавления автора).

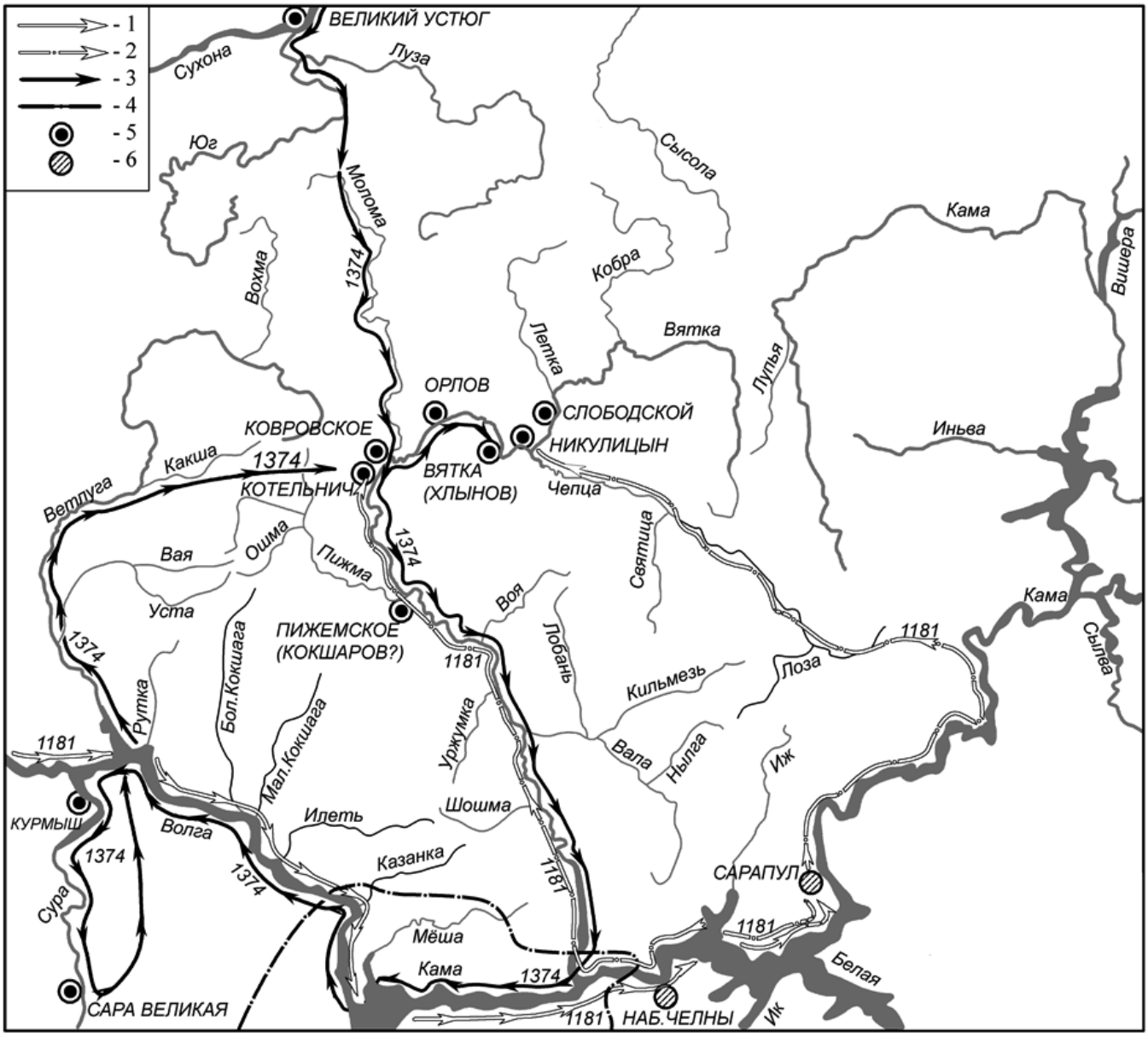


Рис. 4. Маршруты походов новгородских отрядов в Поволжье и Прикамье в 1181 и 1374 гг. (по Л. Д. Макарову, 2009. С. 151. Рис. 1; 2). 1 – путь новгородцев и основание городка на Каме в 1181 г.; 2 – путь новгородцев двумя маршрутами из городка на Каме на Среднюю Вятку в 1181 г.; 3 – набег новгородских ушкуйников на Вятку, Каму и Волгу в 1374 г.; 4 – предположительно северная граница Волжской Болгарии в домонгольский период; 5 – русские город и городки, возникшие в XII–XV вв.; 6 – современные города на Каме, на месте одного из которых предположительно возник в 1181 г. городок беглых новгородцев.

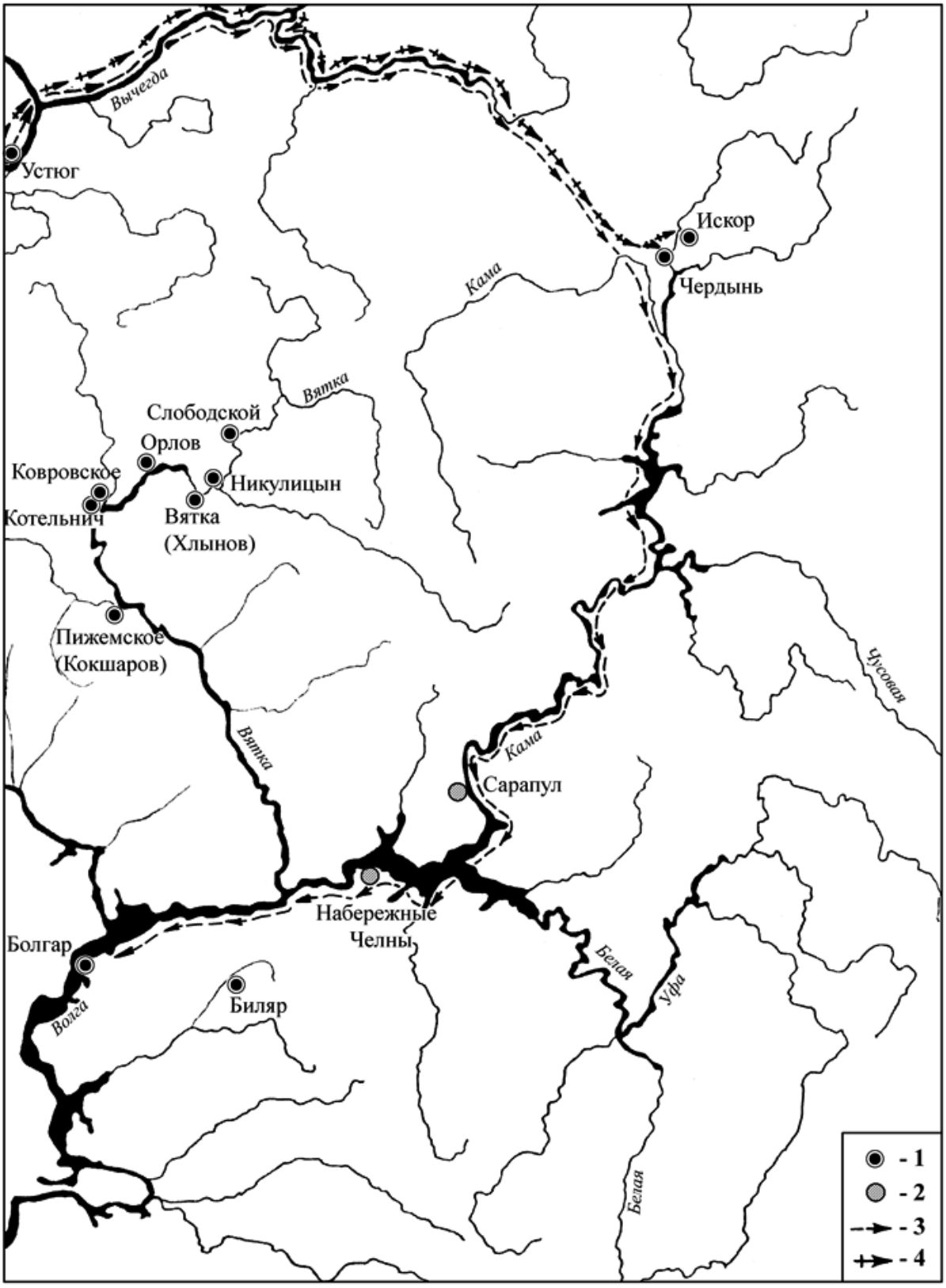


Рис. 5. Маршруты походов русских войск на Каму через ее верхнее течение (по Л. Д. Макарову, 2006. С. 327–328. Рис. 1). 1 – болгарские и русские города; 2 – современные города на Каме, на месте одного из которых предположительно возник в 1181 г. городок беглых новгородцев; 3 – путь русского великокняжеского войска через Верхнюю Каму на Волжскую Болгарию в 1220 г.; 4 – поход московского войска Ф. Пестрого и Г. Нелидова на Пермь Великую в 1472 г.

Д. Г. МУХАМЕТШИН

Россия, Республика Татарстан, г. Болгар, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

КЛАДЫ ТЕТЮШСКОЙ ОКРУГИ

Монетный материал в виде кладов и комплексов монет неоднократно выявлен на территории крупнейших золотоордынских городищ: Селитренном, Азаке, Болгаре. Клады, сложившиеся в определенный отрезок времени и с точной датой изъятия из обращения, дают возможность установить основные этапы развития денежного обращения и проследить в динамике особенности состава монетной массы на рынках для исторически сложившихся экономическо-географических зон (Ф-Д., 1960. С. 95).

Территория Волжской Булгарии в 40-е годы XIII в. вошла в состав Великой Монгольской империи. В Болгаре первоначально чеканились монеты с именем Насир ад-Дина и монеты от имени монгольских каанов Менгу, Ариг-Буги. В дальнейшем Болгар становился одним из центров золотоордынской монетной чеканки. Судя по легендам, на монетах серебряный и медный чекан Болгара продолжался до 40-х гг. XIV в. Затем, до правления Шадибек-хана, название «Болгар» в монетных легендах не встречается. Появление имени Болгара на монетах начала XV в. нумизматы связывают уже с другим городом, «Новым Болгаром» – Казанью.

Состояние денежного обращения в Болгарском улусе и его коренное изменение во второй половине XIV в. наглядно показывают клады, находимые в Болгаре. По нашим сведениям, на территории Болгарского городища и его пригородов обнаружены 9 кладов XIII в., 18 кладов XIV в., 2 клада XV в. и 9 кладов медных монет. В это число вошли как комплексы, состоящие из 3–4 монет, так и клады, включающие в себя тысячи монет. Есть сведения еще о 2 кладах с неустановленным временем тезаврации.

По своему составу клады XIII в. включают монеты одного эмитента или состоят из монет, чеканенных в небольшом отрезке времени – только монеты Насир ад-Дина; монеты Менгу каана и Ариг-Буги или монеты только 70-х гг. XIII в., то есть с именем Менгу-Тимура и анонимные монеты с тамгой дома Бату. Это говорит о том, что происходила частая смена монетных типов, возможно, с изъятиями. Такого же характера клад из Бурундуков Апастовского района, включающий монеты Насир ад-Дина, Менгу каана и Ариг-Буги. Часть клада составляют монеты Болгара без года чекана.

С 90-х гг. XIII в. по 1350 г. с территории Болгара и Улуса в целом неизвестно ни одного клада. Наиболее ранний клад XIV в. относится, судя по младшей монете, к 750 г. х. При стабильном экономическом и политическом положении Булгарского улуса, вероятно, все спрятанные в землю денежные накопления изымались их владельцами. Такое положение характерно и для Золотой Орды в целом.

Все болгарские клады XIV в. сокрыты в конце 50-х гг. – в первой половине 60-х гг. XIV в. Нами эти клады выделяются как вторая группа кладов. Так, пик тезаврации этой группы кладов падает на 764 г. х. (1362/63 гг.) – 5 кладов, последний зарытый клад относится к 767 г. х. (1365/66 гг). Это вторая группа кладов, сокрытие которых связано с создавшейся социально-политической обста-

новкой в Булгарском улусе после захвата города Булат-Тимуром. Ни в одном из кладов не отмечено наличие обрезанных монет. Возможно, именно в 764 г. х. была начата «реформа», приведшая к массовому обрезанию монет. В данном случае сокрытие последних кладов 767 г. х. может отражать завершение первого этапа «реформы» с нормой обрезания серебра в 1,10 г. Четкую норму обрезания в 1,10 г дают материалы Каратунского клада. В позднейших кладах эта весовая норма уже не фиксируется.

Вместе с обрезанными монетами была пущена в обращение надчеканенная медь.

Болгарские клады по младшей монете распределяются следующим образом:

750 г. х. – 1, 759 г. х. – 1; 760 г. х. – 1, 762 г. х. – 2; 763 г. х. – 3; 764 г. х. – 5, 766 г. х. – 1; 767 г. х. – 2; 760-е гг. – 1 клад.

Вторая группа кладов сформирована в основном из монет Джанибека. Для нее характерно полное отсутствие в составе или наличие незначительного количества монет Токты и малое количество монет Узбека. В некоторых кладах монет Узбека нет совсем. Практически во всех кладах 2-й группы имеются в наличии монеты Мюрида. В 11 кладах из 13 имеются монеты Мюрида и в четырех – Хайр-Пулада. Только в двух кладах имеются более поздние монеты Азиз-Шейха. Это говорит о том, что формирование кладов 2-й группы в основном завершается монетами Мюрида.

По младшей монете клады 2-й группы распределяются следующим образом:

762 г. х. – 2 клада, 763 г. х. – 3 клада, 764 г. х. – 5, 766 г. х. – 1, 767 г. х. – 2. Динамика изъятия монет из обращения в виде кладов показывает, что пик их тезаврации падает на начало 60-х гг. XIV века, что обусловлено политической, экономической, а также, видимо, не в последнюю очередь – эпидемиологической обстановкой в Булгарском улусе середины XIV века.

По количеству монет в кладах из Болгар преобладают комплексы количеством от 10 до 100 монет – таких 12. От 100 до 500 монет – 9, от 500 до 1 000 монет – 3, более 1 000 монет – 2 клада. Таким образом, клады Булгарского улуса некрупные, 2/3 кладов составляют клады от 10 до 500 монет. В то же время Нижнее Поволжье, Рязань и Мордовские земли дают значительно большее количество крупных кладов. Свыше 500 монет (Ф.-Д., 1960. № 11, 16, 19, 20, 26, 28, 31а, 35, 37, 43, 58, 67, 68, 74, 75, 77а, 80, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 93; 2003, 17а, 97а) – всего 32 клада. Клады свыше 500 монет в Болгарах составляют 1,5 %, в Нижнем Поволжье и Заволжье – 10 %, по Мордовским землям и Рязани – 27 % от общего количества кладов.

В Болгарах отсутствуют клады, относящиеся к 70-х гг. XIV в. Началом 80-х гг. датируется клад № 1 с младшей монетой Токтамыша 782 г. х. По своему составу и статистической характеристике он не отличается от кладов 60-х гг. Только наличие по одной монете Бердибека-II (789 г. х.) и Токтамыша выделяет его от вышеназванных. Точно такой же клад был обнаружен в 1867 г. в Спасском уезде (Ф.-Д., 1960. № 152б). О метрологии этих кладов сведений нет. Скорее всего, они, как и клады 60-х гг., состояли из необрезанных монет. Тезаврация этих кладов, вероятно, связана с дестабилизацией обстановки в Булгарском улусе перед восшествием на трон Токтамыша и денежной реформой 782/1380 г. Возможно, в связи с реформой в Болгарах произошло дальнейшее снижение нормы обрезывания серебряных монет. А. Г. Мухамадиев полагает, что «новочеканенные монеты Токтамыша, попадая в Среднее Поволжье, обрезывались под вес 0,78 г» (Мухамадиев, 1983. С. 111).

Клады с небольшим количеством монет до токтамышевского периода являются личными сбережениями частных лиц. Отсутствие таких кладов в Тетюшской округе показывает, что взятие

Булат-Тимуром Болгара не повлияло на стабильность Горной стороны, не сопровождалось разрушением экономики края и товарно-денежных отношений. Надо полагать, что за этим событием последовал определенный отток населения в Тетюшский регион и в Предкамье. Это четко показывает перераспределение кладов и комплексов монет конца XIV века на территории Татарстана.

С территории города Болгара и его пригорода происходит 9 комплексов медных монет. Про клад 1886 г., кроме того, что он был найден в районе Ага-Базара, мы ничего не знаем. Остальные клады зафиксированы, и некоторые из них опубликованы. Клады состоят из однородных или близких по времени чеканки типов монет. Группа монет из шурфа включает монеты типа Ян. № 12, Ян. № 40, Ян. № 89. Пулы разновременные и вряд ли они составляли единый комплекс. Малое их количество (4 шт.) не позволяет сделать окончательный вывод по этой находке.

Единичные медные монеты были обнаружены и в Тетюшах и его округе. В XIX в. Тетюшах было найдено много «татарских» монет. Во второй половине XX столетия монеты были обнаружены при раскопках Тетюшского городища и Тетюшского могильника. Известны находки монет из Урюм, Сюкеевского городища, Затона им. Куйбышева. Монеты в основном принадлежат ханам Узбеку и Джанибеку. Такие массовые типы монет обнаружены из более 60 золотоордынских поселений Булгарского Улуса. Интерес представляет редкий тип монет, обнаруженный на Больше-Атрясском селище. На одной стороне монеты надпись «чекан», на другой стороне – надпись, интерпретируемая учеными как «Гулистан» (Ф-Д. 1987, приложение 1), «Хасан» (Пачкалов, 2004. С.113–118). С. В. Гумаюнов и И. В. Евстратов склонны читать данное слово как «Шонгат» и связывать с легендарным городом Шонгатом (Мухаметшин, 2006. С. 363). Подобная монета была обнаружена и на Болгарском городище.

Клады конца XIII – 70-х гг. XIV вв., которых много в округе Болгара, в Тетюшской стороне отсутствуют. Все известные клады Тетюш и его округи относятся к концу XIV в. и отличаются своей величиной: Тетюшский – более 10 тысяч, Мало-Атрясинский – более 13 тысяч, Каратунский – 24 тысячи монет. Все клады по своим составам одинаковы. Интерес представляет денежно-вещевой Карашамский клад, который состоит из 158 золотых, серебряных, электровых, хрустальных и стеклянных изделий. Монетная часть клада состоит из 102 серебряных монет, включающих дирхемы Джанибека – Пулада. Исследовавший монеты А. Б. Булатов на основании наличия в кладе монет Пулада датировал клад началом XV века (Итоги, 1954. С. 119). Так же по единственной монете Пулада А. Б. Булатовым Мало-Атрясинский клад был датирован началом XV века. Однако А. Г. Мухамадиевым и Г. А. Фёдоровым-Давыдовым эти монеты были отнесены Бик-Пуладу. Таким образом, младшими монетами, т. е. датирующими время зарытия клада, остаются монеты Токтамыша. Время зарытия этих крупнейших кладов монет совпадает с временем зарытия наиболее выразительного клада из этой серии – Каратунского. Концентрация крупных кладов в Тетюшском регионе, несомненно, связана с именем Токтамыша. Если Даниловский клад, небольшой по количеству монет, был зарыт после поражения Токтамыша на Кундурче, то крупные – Тетюшский, Мало-Атрясский, Каратунский – были изъяты из обращения после 1395 года, т. е. после поражения Токтамыша на Тереке. Известно, что именно на горной стороне Токтамыш привел в порядок свои войска перед отправкой в Сибирь.

Каратунский клад в основном состоит из монет Золотой Орды с небольшими включениями монет других монгольских династий. В кладе присутствуют единичные русские монеты, по одной монете Трапезунда и Червонной Руси. Вместе с кладом обнаружены четыре медных подражания золотоордынским монетам. Состав клада приведен в таблице 2.

Таблица 2

Состав Каратунского клада

№ п/п	Имя хана	Число монет	%
1	XIII в.	3	0,01
2	Токта	69	0,29
3	Узбек	353	1,40
4	Джанибек	1 093	4,48
5	Бирдибек	434	1,78
6	Кульпа	125	0,51
7	Науруз	139	0,57
8	Хызр	305	1,25
9	Орду-Мелик	19	0,07
10	Тимур-Ходжа	5	0,02
11	Кильдибек	44	0,18
12	Мюрид	158	0,65
13	Хайр-Пулад	5	0,02
14	Джанибек II	10	0,04
15	Джанибек II и Тимур б. Тукан	12	0,05
16	Азиз-Шейх	69	0,28
17	Пулад-Ходжа	1	
18	Улджай-Тимур	1	
19	Абдаллах	267	1,09
20	Каганбек	6	0,02
21	Урус	5	0,02
22	Арабшах	1	
23	Мухаммад	762	3,12
24	Туляк	111	0,45
25	Абдаллах, Токтамыш	8	0,03
26	Токтамыш	18 520	75,90
27	Бик Булад	296	1,21
28	Надчеканки	177	0,72
29	Чагатаиды и Тимур	139	0,57
30	Мубарак-Ходжа	5	0,02
31	Джапараиды	46	0,19
32	Джалал ад-Дин	19	0,07
33	Подражания	704	2,88
34	Подражания русские	108	0,44
35	Червонная Русь	1	
36	Трапезунд	1	
37	Другие	27	0,11
38	Медные	4	0,01
Итого		24 068	98,45

В золотоордынской части клада выделяется несколько разделов: монеты дотоктамышевского чекана, монеты хана Токтамыша, подражания золотоордынским монетам и монеты с надчеканками.

Первый раздел включает монеты практически всех золотоордынских ханов XIV века. В кладе присутствуют три монеты XIII в. и семь монет Токты чекана Хорезма 706 и 707 г. х. Как исключение, единичные монеты XIII века присутствуют во многих крупнейших кладах второй половины XIV века. Например, в кладе из Малого Толкиша их 8 шт. (Загоскин, 1884), в Болгарском 1871 г. – 1 шт. (Лихачев, 1898), в Тетюшском – 4 (Савельев, 1858. С. 383–384). Монеты первого периода в основном чеканены в Сарае, Сарае ал-Джадид, Хорезме и Гюлистане (при Джанибеке). В кладе имеются единичные монеты Болгара, Мохши и закавказского чекана Джанибека. Во втором периоде к этим городам прибавляется Азак. Первый и второй периоды денежного обращения в кладе представлены приблизительно равным количеством монет – 6,17 и 6,48 %. Это показывает, что до конца 60-х гг. XIV века не происходило сокращение потребностей рынка в средствах обращения. В третьем периоде сокращается чеканка монет в Азаке, Сарае и Сарае ал-Джадид, одновременно появляются новые центры чеканки монет Орду, Шахр ал-Джадид и другие. О значительном изменении денежного обращения в 70-е годы XIV века говорит и то, что в кладе монеты 1368–1380 гг. представлены почти в два раза меньше, чем в предшествующие периоды, – 3,30 %.

Монеты Токты и последующих ханов Золотой Орды были в свободном обращении вплоть до 80-х гг. XIV века. Монеты дотоктамышевского чекана по периодам денежного обращения распределяются следующим образом:

первый период (1310–1357) – 6,17 %,

второй период (1357–1368) – 6,48 %,

третий период (1368–1380) – 3,30 %.

Таблица 3

Состав клада по периодам денежного обращения

Периоды	Число монет	%
До реформы 1310 г.	13	0,05
Токта после 1310 г.	59	0,24
Узбек 1313–1339 гг.	353	1,44
Джанибек 1339–1357 гг.	1 093	4,48
Ханы 1357–1368 гг.	1 327	5,44
Ханы 1368–1380 гг.	1 041	4,26
Туляк, Токтамыш и Бик-Булат	18 927	77,60
Другие, в т. ч. надчеканки и подражания	1 255	5,14
Итого:	24 068	98,60

Время Узбека и Джанибека – период наивысшего расцвета товарно-денежных отношений в Золотой Орде. Этому способствовала дальнейшая централизация государственного управления, увеличение дани, взимаемой с населения (Сафаргалиев, 1996. С. 68, 69). После кратковременного правления Бирдибека в Золотой Орде начинаются изнурительные междоусобные войны. На его дочери женился Мамай, что дало ему возможность играть активную роль в дальнейшей истории Золотой Орды. С правлением Азиз-Шейха завершается второй период денежного обращения в Золотой Орде.

Реформа Токтамыша, как и реформа Токты 1310 года, предполагала изъятие из обращения всех монет предыдущих выпусков. Поэтому в первые годы реформы было отчеканено большое количество монет. Из 18 506 монет Токтамыша в Каратунском кладе 3 727 (20,13 %) чеканены в первые годы правления, если предположить, что Токтамыш пришел к власти в конце 781 г. х. В кладе имеется только одна монета, чеканенная в 781 г. х. в Сарае ал-Джадид, хотя имеются токтамышевские монеты того же года Хорезма и Сыгнака. Массовая чеканка монет Токтамыша происходила в 782 г. х. Если бы монет было выпущено меньше, несмотря на запрещение, потребность рынка удерживала бы часть монет предыдущих выпусков в обращении, и хотя в первые годы правления чеканили много монет, фактически так и происходило. В Каратунском кладе пореформенные монеты составляют 17 %. Подавляющееся большинство монет Каратунского клада принадлежит Токтамышу (77,12 %), чеканенных практически во всех городах Золотой Орды, а также в Закавказье и Кок-Орде в 781–797 гг. х. Монеты Тохтамыша по месту чекана приведены в таблице 4. Как показывает таблица, большинство монет чеканены в Сарае ал-Джадид (32,84 %), Орде (25,99 %), Сарае (13,67 %), Азаке (14,6 %).

Таблица 4

Распределение именных дирхемов Токтамыша по монетным дворам (Каратунский клад)

№ п/п	Монетный двор	Количество, шт.	Количество, %
1	Сарай ал-Джадид	6 027	32,54
2	Сарай	2 494	12,47
3	Сарай ал-Махруса	35	0,17
4	Азак	2 227	11,13
5	Азак ал-Махруса	495	2,47
6	Орду	2 149	10,74
7	Орду ал-Муаззам	1 844	9,22
8	Орду ал-Джадид	435	2,17
9	Орду Султан	425	2,15
10	Хорезм	301	1,55
11	Крым	355	1,9
12	Крым ал-Джадид	89	0,44
13	Хаджи-Тархан	128	0,64
14	Сарайчук	43	0,23
15	Маджар	16	0,08
16	Белед	108	0,54

17	Без обозначения м/д	939	4,67
18	Без оборотной стороны	140	0,76
19	Стертые	133	0,70
20	Закавказский чекан	125	0,62
21	Сыгнак	2	0.01
Всего		18 520	95,19

Таблица 5

Состав кладов эпохи Токтамыша с младшей монетой 796, 797 г. х.
по периодам денежного обращения

Клады / Периоды		До 1310	Токта 1310–1313	Узбек 1313–1339	Джанибек 1339–1357	Ханы 1357–1368	Ханы 1368–1380	Тулак, Токтамыш Бик-Булад	Другие	Всего
М. Атрясы	Число		221	1 829	6 639	4 442	25	294	3	12 480
	%		5,9	12,5	55,6	21,3	3,2	2,0		
Воскресенск	Число			25	65	124	60	13 771	316	14 350
	%			0,2	11,8	0,4	0,86	0,41	95,96	2,20
М. Толкиш	Число		62	505	1 472	1 249	151	822	544	4 765
	%		1,5	11,8	34,5	29,2	3,5	19,5	12	
Тетюши	Тип	2	1	30	83	91	63	24	33	10 000
Каратун	Число	13	59	353	1 093	1 327	1 041	18 927	1 255	24 068
	%									
Моянгуль	Число				7	11	3	15	Стертые 5	42
	%				16,6	26	7,14	35,7	11,9	
Буерачный	Число		2	15	81	26	222	1 908	80	2 334
	%			0,7	3,46	1,1	9,5	81,7	3,46	
Дубовка	Число		1	7	13	5	26	298	35	433 (385)
	%			1,8	3,4	1,2	6,7	77,4	9,1	
Рыбушка	Число			3	2	2	1	86	7	111
	%			2,7	1,8	1,8	0,9	77,5	6,3	
Царев	Число			6	16	13	33	619	30	717
	%			0,8	2,2	1,8	4,6	86,3	4,3	
Николаевка	Число		110	621	2 014	1 038	644	318	346	5 689
	%									
Михайлов	Число			1	4	1	1	40	10	57
	%			1,75	7	1,75	1,75	70,1	17,5	
Отрожки	Число			1		3	8	16	3	31
	%					9,6	25,6	51,6	9,6	
Дубовка	Число			2	5	6	23	351	53	440
	%									
Екатерино-славская губерния	Число						12	23	2	37
	%						32,4	62,1	5,4	
Азов	Число									3 711
	%							90		

Монеты Хорезма токтамышевского чекана в денежном обращении Золотой Орды практически не участвовали. Перевозки монет носили односторонний характер из Хорезма в Орду. Торговля обслуживалась системой безналичных расчетов и учета векселей (Ф-Д, 1965. С. 215, 219). Большинство монет Каратунского клада очень хорошей сохранности и следов обращения не имеют. Монеты Хорезма имеют дату чекана 781–789 г. х. Хорезм в 780–790 г. х. чеканил и анонимные монеты. Токтамыш сохранил за собой Хорезм до 791 г. х., а в 1387 и 1388 гг. предпринял два похода в Среднею Азию.

Монеты Чагатаидов и Тимура чеканены в Самарканде, монеты Тимура чекана Хорезма относятся к 781 г. х., то есть чеканены до захвата Хорезма Токтамышем.

Клады 80–90-х гг. в Болгарах не обнаружены. Клады, выявленные в Булгарском улусе: Карашам, Малые Атрясы 1856, 1954, Малый Толкиш, Николаевка, из Спасского уезда и Каратун – очень велики. Часть из них включает золотые монеты, слитки серебра, золотые и серебряные украшения. Тезаврация их связана с поражением Токтамыша в 1391 году на Кондурче и в 1395 г. на Тереке.

От кладов из других регионов булгарские клады отличаются включениями большого количества обрезанных монет. Данные клады показывают концентрацию в руках отдельных людей огромного состояния и изменения товарно-денежных отношений в Улусе. Обращение серебра на внутреннем рынке сохраняется, однако оно концентрируется в руках купцов, обслуживающих транзитную торговлю. Судя по топографии кладов, эти купцы проживали не в Болгарах – в области, все чаще подвергающейся нападениям и теряющей свое былое значение. Одновременно сужалась территория обращения серебра и меди. Если на территории современного Татарстана обнаружены более 60 местонахождений с монетами середины XIV в., то местонахождений монет 70–90-х гг. всего пять. В Болгарах найдены единичные серебряные монеты Орды 70-х гг. и монеты Токтамыша 80-х и 90-х гг. XIV в. Практически все поступавшие в Болгар монеты уходили в клады. В обращении ходили токтамышевская медь, надчеканенные медные монеты и обрезанное серебро, но и их доля среди монетных находок Болгара не более 3 %.

Каратунский клад свидетельствует, что после реформы Токтамыша весовая норма чеканки серебра на монетных дворах Сарай, Сарай ал-Джадид, Орда, Крым, Азак и Азак ал-Махруса в какое-то время была одинаковой и равнялась величине, несколько большей, чем 1,41 г. Данные анализа монет Азака из азовского клада (Пономарев, 2002. С. 96, 97) в этом случае нельзя принимать во внимание, поскольку монеты этого клада, очевидно, были обрезаны несколько позднее и не отражают истинной весовой нормы чеканки монет. Для удобства рассмотрения полученных данных соберем их в таблицу 6.

Надчеканки на джучидских монетах, нередко встречающиеся среди нумизматического материала золотоордынских памятников, не стали объектом специального исследования. В связи с тем, что обнаруженный во время археологических работ материал в первую очередь требует датировки, специалисты в той или иной мере отражали их в своих работах. Надчеканки нашли отражение в работах С. А. Яниной. Она впервые сделала попытку их классификации и датировки (Ян.). Она датирует их широко – второй половиной XIV – началом XV веков. После публикации С. А. Яниной материалов с Болгарского городища появилась публикация надчеканок с Бельджамена (Водянское городище, Клоков, Лебедев, 2000). В отдельную группу выделяются русские надчеканки на золотоордынских монетах и их подражаниях. В настоящее время, в период

Таблица 6

Количество обрезанных и необрезанных монет Каратунского клада
и положение их максимума (без Хорезма, Закавказья)

№ п/п	Имя хана	Обрезанные монеты		Необрезанные монеты		Положение максимума обрезанных монет	Положение максимума необрезанных монет
		число монет	%	число монет	%		
1.	Тохта	40	66,67	20	33,33	не определяется	не определяется
2.	Узбек	123	43	163	57	не определяется	1,46
3.	Джанибек	650	62,20	395	37,80	1,05	1,51
4.	Бирдибек*	302	73,48	109	26,52	1,10	1,50
5.	Кульна*	62	77,50	18	22,50	1,10	1,50
6.	Науруз*	96	79,33	25	20,67	1,05	1,53
7.	Хизр*	225	78,40	62	21,60	1,10	1,55
8.	Орду-Мелик*	9		–		не определяется	
9.	Тимур-Ходжа	4	80	1	20		
10.	Кильдибек*	11	78,50	3	21,50	1,10	не определяется
11.	Мюрид	97	79,50	25	20,50	1,10	1,50
12.	Хаир-Пулад	5		–			
13.	Ольджа-Тимур	–		1			
14.	Джанибек 2	1	10	9	90		
15.	Джанибек-2 и Тимур б. Тукан	4	33,33	8	66,67		
16.	Азиз-Шейх	49	72,05	19	27,95	1,10	не определяется
17.	Каганбек	1	16,67	5	83,33		
18.	Арабшах	–		1			
19.	Пулад-Ходжа	1		–			
20.	Урус	–		5			
21.	Анонимная 60-х гг.	3		1			
22.	Абдаллах*	26	11,40	202	88,60	не определяется	1,43
23.	Мухаммад	59	7,70	709	92,30	1,00	1,45
24.	Туляк	–		6			
25.	Бик-Булад	–		–			1,40
26.	Токтамыш	9		18 497		не определяется	1,40
	* без М. Д. Азак						

интенсивного сбора источниковедческого материала, многие вопросы, связанные с надчеканенными монетами, остаются открытыми.

Монеты с надчеканками активно участвовали в денежном обращении, об этом свидетельствует широкая территория их распространения. Они найдены в культурном слое Джукетау и Казани, обнаружены в многочисленных поселениях Волги и Камы от Ульяновска до Чистополя. Известны их находки в бассейне рек Казанки, Свияги, Актая и Майны. Надчеканки «адель», «хан» получили распространение и за пределами Булгарского улуса. Остальные известны только по материалам Болгара. Появление в обращении надчеканок нумизматы связывают со второй половиной 60-х гг. XIV в. (Ф.-Д, 2003. С. 50), верхней датой по встречаемости их в комплексах XIV века можно считать 1400 г. Монет XV в. с собственно золотоордынскими надчеканками нет (Ф.-Д, 2003. С. 50). Надо полагать, что к началу массовой надчеканки монет легковесные монеты Джанибека вышли из обращения. Отдельные монеты 50-х гг. XIV в. (тип с розеткой) надчеканены. Возможно, эти полновесные монеты во второй половине 60-х гг. XIV в. находились еще в обращении. Массовой надчеканке подвергались полновесные монеты Хызр-хана чекана Сарая ал-Джадид и Гюлистана. В Болгарах на монетах Хызра обнаружены 12 видов надчеканок. Надчеканки впервые зафиксировали понижение курса пула. Тип с розеткой был заменен более тяжелой монетой Хызра, а она, соответственно, более тяжелыми монетами 765–768 гг. Таким образом, медные монеты поддерживали повышающийся курс серебряных монет.

Реформа 1380/81 г. заметно снизила вес медных пулов. Токтамышевская медь в значительном количестве поступала в Среднее Поволжье, часть из нее оказалась надчеканенной. На медных монетах времени Токтамыша отмечено три вида надчеканок: «хан», «хакан», «лировидная тамга». Самая поздняя надчеканенная монета датирована 791 г. х. Контрамаркирование в 80-е гг. XIV века медных монет Токтамыша показывает повышение курса серебра в отношении к меди и снижении веса обрезывания монет.

Имеющийся материал в какой-то мере позволяет определить датировку надчеканок и место их маркирования. Например, надчеканку «лировидная тамга», «хан» на медных монетах С. А. Янина связывала с Болгаром, надчеканку на серебре «кунья мордка» А. В. Орешников и последующие исследователи увязывали с Рязанью. Однако десятки надчеканок из-за их малочисленности нельзя увязывать с каким-либо определенным историческим центром.

В составе Каратунского и других кладов из округи Тетюш имеются буквенные, словесные и знаковые надчеканки.

Надчеканка «адель» представлена тремя типами.

Надчеканка данного типа присутствует в кладе из Старого Крыма и в собрании Эрмитажа, на монетах Токты-Джанибека из коллекции Саратовского музея (Пырсов, 2002. № 451/098), в каталоге Н. Шельди без указания места происхождения. В Каратунском кладе надчеканка «адель» отсутствует на монетах Токтамыша и более ранних правителей Мухаммада и Бик Булада, в то же время монеты этих правителей составляют значительную часть нетоктамышевской части клада. На материалах из Болгар данная надчеканка присутствует только на ранних монетах (Узбек, Джанибек). А. Г. Мухамадиев отмечает три типа надчеканок «адель», где наиболее поздней монетой является монета Абдаллаха чекана Шехр ал-Джадид. По его мнению, контрамаркирование предшествовало обрезанию монет, и надчеканенные монеты, «оставаясь долго в обращении, подверглись новому обрезыванию» (Мухамадиев, 1983. С. 113). В Малоатрясинском кладе, которой

он исследовал, трем типам надчеканок «адель» соответствует определенная весовая норма обрезывания от 0,88 до 0,68 г (там же. С. 112, табл. 6). В Каратунском кладе среди надчеканенных монет второго типа при среднем весе 1,42 г имеются единичные монеты весом в 1,15; 1,18; 1,25 г. Это показывает, что обрезанные монеты с надчеканкой «адель» в Каратунском кладе по весу резко отличаются от обрезанных надчеканенных монет Малоатрясинского клада. То есть если обрезывание монет производилось, то по различным весовым нормам.

Надчеканка «адель» на медных монетах представлена территориально и хронологически значительно шире. В Болгарах она встречается на монетах от Хызра, включая монеты Тохтамыша (Янина IV. С. 176). На Водянском городище надчеканку «адель» можно встретить на пулах от 40-х гг. XIV до конца XIV вв. (Клок. Леб. 2000. Табл. 11). На сегодня нет достаточного материала для выделения вариантов, характерных только для определенной территории. Выделенные В. Б. Клоковым и В. П. Лебедевым варианты надчеканок «адель» из Водянского городища характерны и для Болгар, хотя в количественном отношении в Болгарах они встречаются меньше.

С. А. Янина надчеканку «адель» на основании весовой нормы обрезывания датировала первой четвертью XV в. В Каратунском кладе большинство надчеканок имеется на монетах Узбека, Джанибека и Бирдибека, по одной – на монетах Токты, Кульпы, Науруза, Орду-Мелика, Абдаллаха и на двух монетах Хызра. Подражания, на которых зафиксированы надчеканка «адель», по типам близки к монетам Узбека и Абдаллаха. Их средний вес составляет 1,40; 1,41 г. Если при Джанибеке устанавливалась весовая норма дирхема 1,56 г, которая сохраняется и при Хызре (Мухамадиев 1983. С. 100), а в начале 70-х гг. XIV в. вес дирхема снижается до 1,365 г, то в надчеканенных монетах наблюдается иная весовая норма, находящаяся в пределах 1,38–1,48 г. Таким образом, монеты с надчеканкой «адель» имеют различный вес. Это говорит, что отдельные монеты, находясь длительное время в обращении, подвергались неоднократному обрезыванию. Верхний предел существования надчеканки «адель» нужно связывать с правлением Абдаллаха. На двух монетах Науруза, кроме надчеканки «адель», имеются другие надчеканки, которые встречаются только на монетах Токтамыша, то есть монеты с надчеканкой «адель» были Токтамышем контрамаркированы повторно.

Одним пунсоном надчеканены монеты: Тохта Сарай ал-Махруса 710 г. х; Джанибек Сарай ал-Джедид 747 г. х.; Джанибек Гюлистан 753 г. х.; Науруз Гюлистан 761 г. х.; Бирдибек Гюлистан 759 г. х. Данный пунсон отсутствует на подражаниях, на которых использовались другие пунсоны, как нам кажется, более поздних вариантов.

Вторую значительную группу надчеканок Каратунского клада составляет надчеканка «рязанская тамга» (Орешников № 420, табл. 7, № 292).

Надчеканка «хан». В кладе данная надчеканка зарегистрирована на двух монетах Узбека чекана Сарая ал-Махруса. Надчеканка «хан» известна по находкам из Черкасской и Херсонской области, из Крыма, из Саратовского музея и Волжской Булгарии. На меди в большом количестве встречается в Болгарах (около 40 экз.). С. А. Янина датирует эту надчеканку периодом правления Абдаллаха.

В Крымском кладе 1983 г. было обнаружено 243 монеты Узбека с надчеканкой «хан».

Надчеканка «двуногая тамга» в Каратунском кладе отмечена на монете Мухаммеда. Она известна по материалам из Болгар (Янина I. С. 456), Малоатрясинского клада (Мухамадиев, 1983. С. 112). С. А. Янина датирует данную тамгу на основании веса монеты первой четвертью XV века.

Поскольку надчеканка предшествовала обрезанию, тамги Малоатрясинского клада можно датировать не позднее периода реформы Токтамыша, то есть 80-ми гг. XIV в. Однако надчеканенные монеты Каратунского клада к уточнению датировки «двуногой тамги» прибавить ничего не могут.

Отправным пунктом при определении даты надчеканки монет было наличие или отсутствие их на монетах Токтамыша. Надчеканки «адель», «хан», «тамга», «аллах» по этому принципу можно датировать дотоктамышским периодом. Надчеканки «адель» и «и» в сочетании с надчеканками «Б», «СП» также отсутствуют на монетах Токтамыша. Отдельные надчеканки присутствуют на монетах Токтамыша 782–789 гг. х., более половины из которых падают на 782 г. х. Ни одна монета 790–797 гг. х. не надчеканена. Таким образом, нижней датой данных надчеканок является 1388 г.

При контрамаркировании надчеканку наносили на лицевую и оборотную стороны монеты, по-видимому, это принципиального значения не имело. В 94 случаях надчеканку наносили на лицевую сторону монеты. При подсчете на подражаниях за лицевую сторону взята сторона, где четко выделялась надпись «ас-султан». При контрамаркировании «рязанской тамгой» на большинстве дирхемов надчеканка размещена на лицевой стороне монет.

Значительное количество надчеканок на монетах самого Токтамыша не дает возможность увязывать надчеканки с реформой Токтамыша. Надчеканенные монеты клада имеют средний вес 1,405, практически это совпадает со средним весом монет Токтамыша. Только монеты с надчеканкой «хан» и один из вариантов надчеканки «адель» имеют меньший вес. Естественно, при введении по новому курсу надчеканенные монеты имели бы вес меньше нормативного.

Денежная реформа Токтамыша была задумана изъятием из обращения более ранних монет и выпуском их в обращение, но реформа не была доведена до конца.

Как было сказано выше, монеты Токтамыша 790–797 гг. х. не контрамаркированы. Поскольку монеты этих годов составляют более 50 % монет Токтамыша, это не случайно. Возможны два варианта объяснения этого явления.

Рассматривая монеты с Болгарского городища, С. А. Янина выделяет группу подражаний. Не указывая места их чеканки, она отмечает «заметные стилистические различия подражаний, найденных в кладах на территории Золотой Орды» (Ян. I. С. 456). Г. А. Фёдоров-Давыдов на основе изучения монет Тихомировского клада выделил группу подражаний, изготовленных на мордовских землях (Ф.-Д. 1963. С. 174).

Какими же критериями отличаются монеты-подражания от монет с искаженными надписями, изготовленными на обычном монетном дворе малоопытными мастерами? Поскольку подражания чеканились не на одном месте и различными мастерами, существовали ли единые критерии для всей территории распространения подражаний? Одновременно нужно отделить подражания от фальшивых монет и монет с искаженными надписями, сопровождавших весь период денежного обращения Золотой Орды. Выпуски подражаний отличались тем, что они были призваны поддержать денежное обращение, когда в нем сказывался недостаток серебряной монеты. Подражательные монеты нужно рассматривать вместе с обрезанными монетами, имеющими те же причины появления в обращении и надчеканками.

Нужно выделить признаки, отличающие подражания от подлинных монет с искаженными надписями. К ним мы относим такие признаки, как полная нечитаемость легенд на многих под-

ражательных монетах. От мастеров, не знавших арабского языка, требовалось придание только внешнего сходства с монетой. Сходство с оригиналом передается через картуш монеты – круглое, линейное, квадратное, состоящее из 4, 6, 8 дуг с характерными орнаментальными мотивами – узел счастья, виньетка и др. Выразительные в зрительном отношении фрагменты легенд также часто копируются на подражаниях. К ним относится символ веры, надписи «султан справедливый», «чекан», «Сарай», «хан» и др., которые легко можно уловить даже при беглом осмотре монеты.

Характерным признаком подражаний является несоответствие штемпелей лицевой и оборотной сторон монет и зеркальное изображение легенд. Это связано с тем, что мастера вырезали штемпели подражаний по монете, имеющейся под рукой. Поэтому часто встречаются подражания с двумя лицевыми или оборотными сторонами, причем с различными именами ханов, местами и годами чекана. Наблюдается следующая закономерность: чем больше подлинных монет было в обращении, тем больше они порождали подражательных типов. Самое большое число подражательных типов имеют монеты Узбека, Джанибека и Токтамыша.

Одним из признаков подражаний является изменение весовой нормы монет. Предназначенные для внутреннего денежного обращения определенной территории, монеты могли иметь отличную от общегосударственных монет весовую норму.

В дальнейшем, вливаясь в общегосударственный поток денежного обращения, они, как подлинные монеты, обрезывались и подвергались надчеканке.

Единственная возможная методика работы с подражаниями – это выделение чеканенных в одном месте групп монет по цепи связанных между собой штемпелей. Главным вопросом в исследовании подражательных монет остается место и время чекана подражаний.

Монеты-подражания наравне с подлинными монетами ходили в обращении. Их весовые данные расположены в диапазоне 0,75–1,37 г. Плотная группа монет фиксируется в значении веса 0,97–1,23 г. Весовой максимум определяется в значении 1,16–1,21 г, что совпадает со средним весом обрезанных монет. Несмотря на их многочисленность, не представляется возможным определить время их поступления в состав клада. Не исключена возможность того, что часть подражаний попала в клад с подлинными монетами соответствующего периода. Поскольку в кладе имеются подражания монетам Токтамыша, монеты подражания были включены в состав клада только в 90-е годы XIV века. Большинство подражаний представлены единичными экземплярами. На 4 002 монетах дотоктамышевского чекана падает 82 штук подражаний. На 18 506 монет Токтамыша в кладе – 607 подражаний на монеты Токтамыша.

Таким образом, процентное соотношение подлинных монет и монет-подражаний в той или иной категории одинаково. Это говорит о том, что в период изготовления подражаний монетам Токтамыша за образцы монеты других ханов практически не брали. Об этом же говорит и тот факт, что все подражания дотоктамышевского чекана обрезаны, между тем ни одно подражание монетам Токтамыша не подвергалось обрезыванию. Таким образом, нужно полагать, что подражания монетам дотоктамышевского чекана Каратунского клада изготовлены в период обращения их оригиналов, то есть до правления Токтамыша. Среди подражаний выделяется группа монет с аккуратно срезанными краями, придающими монетам округлую форму. Диаметр монетного кружка 10–11 мм. Данные подражания отличаются от других и своим оформлением монетного поля, и внешним видом. Данная серия подражаний несет на лицевой стороне монеты узнава-

емую, грубую надпись с именем Токтамыша. На оборотной стороне улавливается надпись «чекан Сарая ал-Джадид». Единичные экземпляры подобных монет были обнаружены в составе Дроздовского клада (Чижов, 1922. С. 12, рис. 6, 7) и Саранского клада (Волков, 2005. Рис. № 5). Большинство подражаний из этой серии Каратунского клада по штемпелю совпадают с подражаниями вышеназванных кладов.

По весу данная группа монет расположена в диапазоне 0,75–1,50 г. В значение веса от 1,00 до 1,42 г. попадает две и более монет. Плотная группа монет в значении веса 1,03–1,21 г концентрируется вокруг веса в 1,16 г. Это говорит о том, что данная группа монет чеканена в одном центре и по единой весовой норме.

В Каратунском кладе данная серия подражаний многочисленна – всего 92 типа. Отсутствие потертости говорит о том, что они практически не были в обращении.

Характерным признаком данной серии подражаний является выравнивание края (гурта) монет (юстировка), в связи с этим подражания получали круглую форму.

Средний вес данной группы подражаний – 1,34 г. Большинство подражаний этой серии имеет низкий вес.

Связанные между собой в штемпельные пары подражания с низким весом (184 шт.) чеканены по весовой норме обрезанных монет. Средний вес монет составляет 1,10 г.

Штемпельные пары с большим весом (39 шт.) расположены в диапазоне 1,00–1,77 г. Весовой максимум не определяется. В значении веса 1,35 и 1,39 г, соответственно, шесть и семь монет. Средний вес подражаний с большим весом 1,46 г, что соответствует весовой норме монет ордынского чекана Абдаллаха и Мухаммада. Общий вид подражаний, единая стилистика оформления монетного поля позволяет говорить, что они чеканены в едином центре. Об этом же свидетельствует наличие в кладе медных подражаний того же типа. Локализировать чеканку данной группы подражаний можно в пределах рязанских земель.

Что касается русского типа подражаний, П. С. Савельев, опубликовывая монеты с именем Бирдибека II 789 года х. (Савельев, 1857. С. 134–137; 1858. С. 311), высказал мнение, что монеты этого типа принадлежат сыну Токтамыша, провозгласившему себя ханом во время его похода на Кавказ в 789 г. Все экземпляры монет Бирдибека II чеканены одной парой штемпелей.

Монеты с именем Токтамыша и Бирдибека отличаются от монет Бирдибека II с указанием года чекана. П. С. Савельев пишет, что «они не принадлежат к числу случайных подражаний татарским монетам, выбитых русскими мастерами в русских княжествах, но чеканены в Орде, хотя и русскими мастерами, которых немало всегда было в Орде» (Савельев, 1857. С. 136). Таким образом, П. С. Савельев отнес данный тип к подражаниям, изготовленным русскими мастерами. Г. А. Фёдоров-Давыдов опубликовал еще два типа монет Бирдибека II с указанием года чекана (Ф-Д., 1980. № 323, 324, т. 4). Исследуя клады монет, он заметил такую важную особенность монет с именем Бирдибека II. Монеты Бирдибека II с указанием года чекана обнаружены только в кладах, зарытых до конца 60-х гг. XIV в., а монеты с именем Бирдибека II без года и, соответственно, с именами Бирдибека и Токтамыша в кладах, зарытых до Токтамыша, не встречаются (Ф-Д., 1980. С. 72).

Обнаруженные в составе клада расплющенные заготовки показывают, что монеты Токтамыша чеканились по проволочной технологии. Отрезанные по определенному размеру куски серебряной проволоки первоначально расплющивались, а затем производили чеканку монетным

штемпелем. Это хорошо иллюстрирует те монеты, на которых в монетное поле попадала только часть рисунка. Диаметр проволоки и длина отрезанного куска во многом определяли диаметр и вес монеты. Часть монет Токтамыш-хана чеканена по проволочной технологии с нанесением рисунка штемпеля без предварительного расплющивания проволоки. Ярким примером такой техники чекана является № 06051. Края монеты не обрублены. Из-за слабого удара проволока сохранила свои очертания. При нормальном ударе чекана монета получается продолговатая, с ровными округлениями с двух сторон. Чеканенная монета отделяется от проволоки зубилом. Об этом четко говорит скос в одну сторону – след зубила, а срез ножницами оставляет иной след.

Часть монет срезана ножницами, что прослеживается по ровному, вертикальному срезу края монеты. Срез ножницами также дает скос в обе стороны. Обрез ножницами по гурту монет оставляет характерный след с зазубринами. В профиле монета получает незначительную клинообразность. Утолщение всегда против обреза. От среза ножницами монета получает дуговидность сплошного среза. В отдельных экземплярах остаются заусенцы, также от среза ножницами. Заусенцы от ножниц фиксируются в конце овала и всегда с одной стороны.

Визуальное изучение ряда монет позволяет говорить, что были использованы и зубила, и ножницы. Сначала отрубали зубилом, потом обрезали ножницами. Об этом говорят сохранившиеся следы на одной и той же монете: след зубила на торце и следы ножниц с характерными зазубринами по овалу.

На отдельных монетных дворах в течение длительного времени технология и тип монет не менялись. Об этом говорит продукция Азакского монетного двора, где от Бирдибека до Абдаллаха производили монеты, имеющие одинаковое оформление. Диаметр монеты –15 мм. Монетный кружок толще, чем у монет других монетных дворов. Гурт монет аккуратно срезан ножницами и сглажен, поэтому монетный кружок получил идеальную округлую форму. Монеты Абдаллаха 765, 766 гг. х. чеканены на более тонком кружке, чем монеты 764 г. х. того же хана. Их диаметр 16 мм, гурт монет не сглаживался. От этого внешний вид монет стал хуже.

Такие же наблюдения можно сделать и по Крымскому монетному двору эпохи Тохтамыша. Технологически чекан Тохтамыша 796 г. х. существенно отличается от его более ранних крымских монет.

Реформа Токтамыша 781/782 г. х. ввела единый стандарт чеканки. Проволочная технология монет со сглаженными гуртами характерна для всех монетных дворов Золотой Орды. Монеты с несглаженными концами, фиксированные в кладе, являются производственным браком.

По своему составу апробированные монеты (таблица 7) разделяются на три группы. Первая группа включает монеты Джанибека, Бирдибека и Хызра, которые в своем составе имеют приблизительно одинаковое содержание серебра. Монеты Джанибека содержат больше меди, а монеты Хызра – свинца.

Во вторую группу входят монеты Мухаммада – Шадибека, чеканенные не только в разных городах, но и в различных «нумизматических провинциях» – Орду, Хорезм, Болгар. Процентное содержание серебра в этих монетах составляет 88,35–89,93 %, т. е. значительно выше, чем в первой группе. За счет сокращения серебра в составе монет увеличивается доля свинца.

Смерть Бердибека в 1359 г. открыла новую страницу в истории Золотой Орды – эпоху междоусобиц, кровавых войн, разрушений основных торговых путей, падение экономики в итоге значительных перемещений населения на более спокойные земли. Не остались в стороне от это-

Таблица 7

Типы монет	Ag	Cu	Pb	Sn	Au	As	Sb	Bi	Zn	Ni	Fe	Итого
4000394	76,88	19,41	1,86	0,98	0,36	0,12	0,15	0,06	0,14	0,004	0,009	99,98
подражание	79,38	19,18	0,78	0,17	0,16	0,06	0,18	0,01	0,004	0,008	0,001	99,94
4000136	88,94	9,03	1,54	0,14	0,36	0,007	0,016	0,023	0,019	0,001	0,036	99,98
Тохтамыш,9083	94,46	1,79	3,11	0,008	0,48	0,21	0,004	0,06	0,005	0,001	0,037	99,97
Мухаммад 777 г. х.	88,35	9,50	1,62	0,001	0,39	0,003	0,007	0,06	0,01	0,001	0,02	99,97
Джанибек 747 г. х.	92,83	5,78	0,72	0,37	0,21	0,029	0,001	0,008	0,025	0,001	0,006	99,98
Шадибек, Болгар	89,24	7,74	1,72	0,47	0,41	0,01	0,11	0,12	0,008	0,002	0,15	99,98
Бирдибек, Азак	94,79	4,43	0,69	0,007	0,68	0,006	0,003	0,004	0,005	0,003	0,002	100
Кульна, Хорезм	89,93	7,99	1,59	0,009	0,33	0,026	0,029	0,061	0,003	0,002	0,009	99,98

го процесса самые северные земли Улуса Джучи. Болгарский улус, бывшая территория Волжской Булгарии. Происшедшие отдельные изменения границы на северной и северо-западной окраине связаны с освоением населением Волжской Болгарии бассейна реки Казанки, левого притока Волги (Фахрутдинов, 1975. С. 69–70), и захватом Дмитрием Московским и Олегом Рязанским «татарских мест» в бассейне рек Мокши и Цны. Центральная власть могла удерживать единство государства, только учитывая интересы феодальной знати оседлых областей и кочевой аристократии. В. Л. Егоров одной из главных причин проявления сепаратистских стремлений в середине XIV века называет резкое сокращение активной внешнеполитической и военной деятельности государства (Егоров, 1985. С. 57). В 60-е годы XIV века возникают противостоящие друг другу две крупные политические группировки, контролирующие определенную территорию. Когда в Сарае ал-Джадид шла череда смены ханов, в западной части Улуса Джучи набирала силу группа феодалов под эгидой темника Мамая, все больше претендующего на главную роль в Золотой Орде.

Весной 1361 года Мамай впервые выступил против Сарайского правителя, в результате которого был убит Тимур-Ходжа. Источники отмечают, что при Мамае находился Абдаллах (ПСРЛ, т. 18. С. 101). Кильдибек был последним золотоордынским ханом, власть которого признавали как на правом, так и на левом берегу Волги. Правившие после Кильдибека ханы Мюрид, Хайр-Пулад, Пулад-Ходжа, Азиз-Шейх, Тулунбек, Черкесбек, Каганбек, Арабшах чеканили монеты исключительно на левом берегу Волги. Территория Крыма, Причерноморья и правый берег Волги находились в руках Мамая, где выпускались монеты от имени Абдаллаха, Мухаммада, Тулака. Де-факто обозначилось разделение Золотой Орды на две части.

Раскол государства создавал политическую сумятицу, так как борьба шла не только между Мамаем и сарайскими ханами. В различных частях государства появились отдельные феодалы, проявляющие сепаратизм и пытавшиеся быть независимыми и от Мамая и от сарайских ханов. В 1361 году от Золотой Орды отделился Хорезм. В том же году Хаджи-Тарханом и прилегающими к городу районами завладел Черкес-бек. На Урале (Сарайчук) шла борьба между Ильбаном и Алп-Ходжой. Некоторые претенденты, например Черкес-бек, на время завладели Сараем.

Русские летописи в 1361 году отмечают, что «Булат-Тимур, князь Ордынский Болгары взял и все города по Волге и улусе и отня весь Волжский путь» (ПСРЛ, т. 10. С. 233). Булат-Тимур чеканил монеты в 1366/1367 г. В. В. Григорьев к чекану Булат-Тимура относит монеты, чеканенные от имени Джанибека II (Григорьев, 1877. С. 45). В том же году земли по реке Пьяна захватил Секиз-бей, вслед за ним туда же прибыл Тагай. На мордовских землях образуется самостоятельное княжество с центром в Мохше. Там чеканил монеты и Кильдибек, что показывает признание в мордовских землях власти Кильдибека. Тагай, захватив Мохшу, начинает собственную монетную чеканку (Кротков. С. 7, т. 2. № 31–34). Русские летописи еще раз упоминают Тагая под 1365 годом. Он контролировал определенную территорию, однако трудно представить четкие границы его владений. На северо-западе владения Тагая ограничивались нижегородскими и рязанскими землями. В значительной степени северо-западная граница определялась природно-географическими факторами. Надо полагать, что границей между владениями Тагая и Булат-Тимура была река Сура. В. Л. Егоров пишет, что в районе р. Пьяна образовалось два самостоятельных княжества – Тагая и Секизбея – и территории их были небольшими, не имели четких границ (Егоров, 1985. С. 62). После 1365 г. ни Тагай, ни Секиз-бей в источниках не упоминаются. Наличие медных монет, чеканенных Булат-Тимуром в Мохше по типу серебряных (Кротков, 1930. С. 39, № 55, 56, т. II. № 29.30), показывает, что Булат-Тимур правил и в Мохше, т. е. Болгар и Мохша были объединены в один улус. Оформление фактически самостоятельных княжеств, позднее объединенных в один Болгарский улус, с интересом наблюдали как на западе, в Орде Мамая, так и на востоке, на левом крыле Золотой Орды. И Мамай, и Урус-хан понимали значение этих окраинных, но стратегически важных земель, через которые открывалась прямая дорога на Русь. Известны татарские исторические предания, зачисляющие Болгар в «юрт» Урус-хана. В то же время в 1377 г. Мамаю без всякого напряжения удалось в Болгарах поставить своего ставленника, что показывает вхождение Болгара в сферу влияния Мамая. В начале 80-х гг. XIV в. Болгар и Мохша вновь вошли в состав объединенной Токтамышем в единое государство Золотой Орды.

Как в 1391, так и в 1395 году Токтамыш после своего поражения ушел в булгарские земли. Тимур преследовал Тохтамыша, но, когда узнал, что в его тылу формируются войска под руководством Удурку, повернул обратно на Кавказ. В исторической литературе нет единого мнения по вопросу преследования Тохтамыша Тимуром до булгарских земель и разрушения Тимуром Болгара в 1395 году. Русские летописи сообщают, что Тимур «пройде всю землю татарскую» (ПСРЛ, т. 5. С. 247–248). Практически были разрушены и сожжены большинство городов Золотой Орды. Эвлия Челеби пишет о 170 крупных городах, разрушенных Тимуром. Вошел ли в это число город Болгар? О разрушении Тимуром Болгара сообщают татарские исторические сочинения «Таварих Болгария» (Мослими, 1999. С. 35–47) и «Дастани Аксак Тимур» (Дәфтере Чингизнаме, 2000. С. 23–32).

Известные татарские просветители Г. Н. Ахмаров и Ш. Б. Марджани, подробно разбирая приведенные в данных сочинениях исторические сведения, отрицали разрушения Тимуром Болгара (Ахмаров, 1998. С. 54; Марджани Мустафад. С. 194).

А. П. Смирнов, Б. Шпулер, М. Г. Сафаргалиев, М. А. Усманов считают, что отдельные отряды Тимура могли разрушить города Булгарского улуса. Р. Г. Фахрутдинов также полагал, что «не исключена возможность побега отдельных отрядов Тимура на Болгар» (Фахрутдинов. История тат. нар. С. 150).

На территории Булгарского улуса другого крупного города, кроме Болгара, археологически не выявлено. Поэтому историки, говоря о разрушении Болгара, подразумевают город Болгар, а не улус или область. Неуверенность историков в данном вопросе происходит из положения о том, что в конце XIV века Болгар потерял свое экономическое и политическое значение и не мог быть для Тимура заманчивой добычей.

Токтамыш после поражения на Кавказе ушел в булгарские земли. Где он провел зиму 1395/1396 гг., источники не сообщают. Весной 1396 года он появляется в Крыму. Маловероятно, что Токтамыш с большим количеством войск оставался зимовать в Булгарском улусе. Для этого потребовалось бы огромное количество провизии и фуража. Скорее всего, он зимовал в Сибири. Токтамыш после поражения на время оставался в Булгарском улусе, однако начавшееся разорение Тимуром городов Золотой Орды после поражения Удурку заставило Токтамыша покинуть пределы Булгара. Известно, что часть войск Тимура дошла до Укека (Недашковский, 2000. С. 168). Поняв, что с его уходом из Золотой Орды уйдет и его власть над Ордой, Тимур решил возвести на престол подставного хана и объявил сына Урус-хана Койричак-оглана ханом Золотой Орды. Но номинально власть Токтамыша сохранялась вплоть до 1398 года. На русских монетах имя Токтамыша исчезает после сражения на реке Ворскле в 1399 году (Ф.-Д., 1981. С. 15) и чеканится нечитаемое имя хана Токтамыша (там же. С. 66).

После битвы на Тереке Тимур достиг своей главной цели – Золотая Орда стала ареной споров враждующих группировок и претендентов на трон. М. Г. Сафаргалиев отмечает, что после 1396 года в Золотой Орде существовали три группировки – это Токтамыш, Койричак-оглан и Тимур-Кутлуг (Сафаргалиев, 1996. С. 429). Токтамыш контролировал правобережную часть Среднего Поволжья, Крым, Русский улус и Нижнее Поволжье, а противники Тохтамыша – левобережную часть Волги (Миргалиев, 2003. С. 144).

Монетные клады XV века показывают, что перенос административного центра Булгарского улуса в Казань не повлиял на общественно-политическую и экономическую жизнь Предволжья.

Таблица 8.

Клады Горной стороны

№ п/п	Местонахождение	Год находки	Количество монет	Младшая монета	Место хранения
1	Тетюшский (Б. Атрясы)	1856	10 000	Токтамыш	утерян
2	М. Атрясы	1954	13 619	Пулад	НМРТ
3	М. Атрясы	1932	200 г (медный)	?	-//-
4	М. Атрясы	конец XIX в.	вещевой (сер. слитки)		утерян
5	Затон им. Куйбышева	1954	?	?	
6	Каратун	1986	24 068	1395	НМРТ
7	Даниловка	1959	2 100	793, Бик Пулад	-//-
8	Тетюши	1907	1 476	15 век	утерян
9	Чула	1956	?	?	
10	Шунгат	1970	84	?	НМРТ

11	-//-	1963	41	Керим Бирди	НМРТ
12	Карашам	1950	102 (денежно-вещевой)	Пулад	НМРТ
13	Урюм				№ 488
14	Бурундуки	1987	906	13 век	НМРТ

С Тетюшской округи района р. Улема происходят клады начала XV века: Шангутский (1963 г.) в количестве 41 монеты и Шангутский (1970 г.) в количестве 84 шт. Возможно, они являются частями одного клада. В кладе, кроме золотоордынских монет XIV в., имеются монеты Шадибека, Пулада, Керим-Бирди, чеканенные в Азаке, Каффе, Хаджи-Тархане, Орде, Болгаре, Сарае ал-Джадид. Средний вес монет клада 1963 г. – 0,87 г, клада 1970 г. – 0,80 г. Полный состав клада не опубликован. По отсутствию в кладе монет Улу-Мухаммада его можно датировать концом второго десятилетия XV в.

Известны два клада из Малых Атряс конца XIX в., 1932 г., Куйбышевского затона, Тетюш 1907 г., Чулы 1956 г., однако ни по количеству, ни по составу этих кладов подробной информации не имеется (таблица 8).

ЛИТЕРАТУРА

Волков И. В. Новая группа русских подражательных монет конца XIV в. // Нумизматика: Научно-информационный журнал. – 2005. – Март (№ 7). – С. 27–29. ил.

Григорьев В. В. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая // ЗАНО. – Т. II. – Вып. 1. – 1850. – С. 1–63; 4 табл. ил.

Гайнетдин Ахмаров: тарихи-документаль жыентык. – Казан: Хэтер, 2000. – 384 б.

Дәфтере Чынгыз-намә. – Казан: Иман, 2000. – 44 б.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XV вв. – М.: Наука, 1985. – 248 с.

Загоскин Н. П. Описание клада золотоордынских и некоторых других монет, найденных в 1881 г. близ с. Малого Толкиша Чистопольского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. – Т. III. – 1884. – С. 350–394.

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетный комплекс с Силетренного городища (Золотая Орда, город Сарай). Древности Поволжья и других регионов. – Вып. 3. – Т. 2. – Нижний Новгород, 2000.

Клоков В. Б., Лебедев В. П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамена // Древности Поволжья и других регионов. – Вып. IV. – Т. 3. – Нижний Новгород, 2002. – С. 73–165.

Кротков А. А. Два собрания Джучидских монет // Труды Нижневолжского общества краеведения. – Вып. 37. – Саратов, 1930. – С. 3–42.

Лихачев А. Ф. Новый клад джучидских монет // ИРАО. – Т. VIII. – 1898. – С. 37–43.

Марджани Шигабетдин Мосгафадел-әхбар фи әхвали Казан вэ Болгар. – Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1989. – 416 б.

Мослими. Тәварихы Болгария (Болгар Тарихы). – Казан: Иман, 1999. – 100 б.

Миргалиев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 164 с.

Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. – М.: Наука, 1983.

Мухаметшин Д. Г. Болгарский монетный двор во второй половине XIV – начале XV вв. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. – М., 1999.

Мухаметшин Д. Г. Нумизматические материалы второй половины XIV – начала XV веков. К вопросу о казанской чеканке // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. – Казань: Школа, 2006. – С. 359–374.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 224 с.: ил.

Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. Квантитативная нумизматика и процессы средневековой экономики. – М., 2002.

ПСРЛ. – Т. 5; Т. 10. – СПб., 1885; Т. 18. – СПб., 1913.

Пырсов Ю. Е. Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. – 64 с.

Пачкалов А. В. Исан: новый эмитент в истории Золотой Орды // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии // Серия «Восток – Запад: Диалог культур Евразии» / Под ред. А. А. Бурханова. – Вып. 4. – Казань: Фән, 2004. – С. 113–118.

Орешников А. В. Русские монеты до 1547 года. Репринтное воспроизведение издания 1896 г. – М.: Археографический центр, 1996.

Савельев П. С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ЗВОИАО. – Т. XII. – Вып. первый. – 1857. – 180 с.; ил. Табл. I–V (Екатеринославский клад).

Савельев П. С. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // ЗВОИАО. – Т. XII. – Вып. второй. – 1858. – С. 181–342.; ил. Табл. VI–IX (Тетюшский клад).

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. На стыке континентов и цивилизаций… (из опыта образований и распада империй X–XVI вв.). – М.: ИНСАН, 1996. – С. 280–764.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 224 с.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань: Таткнигоиздат, 1975. – 218 с.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет (основные этапы развития денежного обращения и денежно-весовых систем в Золотой Орде). – НЭ, 1960.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. – Т. V. – 1965. – С. 179–224.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Досаевский клад золотоордынских монет // Труды Чувашского института языка, литературы, истории и этнографии. – Вып. 80: Исследование по археологии Чувашии. – Чебоксары, 1978. – С. 30–56; ил.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Клад серебряных джучидских монет с Селитренного городища // НЭ. – Т. XIII. – 1980. – С. 58–76; 4 табл.; ил.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). – М., 1981.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Царевский клад серебряных монет XIV в. // Краеведческие записки. – Саранск, 1987. – Вып. 1. – С. 107–157; ил.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. – Москва: Палеограф, 2003. – 352 с. и 40 с.; ил.

Чижов С. И. Дроздовский клад русских монет времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. – ТНК РАИМК. III. – Пг., 1922.

Ян. I – Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. – 1954. – № 42. (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. 1). – С. 424–484.

Ян. II – Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА. – 1958. – № 61. (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. 2). – С. 392–423.

Ян. III – Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА. – 1960. – № 80. (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. 3). – С. 210–224.

Ян. IV – Янина С. А. Общий обзор джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА. – 1962. – № 111. (Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. 4). – С. 153–178.

Ян. V – Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в Средние века. – М., 1970. – С. 194–223.

Д. Г. МУХАМЕТШИН

Россия, г. Болгар, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

МЕСТО И РОЛЬ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДВОЛЖЬЯ В РАЗВИТИИ ТАТАРСКОЙ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Впервые на эпиграфические памятники правобережья Волги обратил внимание Хусаин Фаизханов. В 1862 году во время поездки в Оренбуржье он исследовал эпитафии Тетюшского уезда. Статья под названием «Три надгробных булгарских надписи» была опубликована в «Известиях Русского археологического общества» в 1863 году. В 1863 году Х. Фаизханов вновь посетил этот район и исследовал памятники близ селений Большие Атрясы и Байтеряково. Материалы исследований появились в свет только в 2006 году.

В 1866 году в «Казанских губернских ведомостях» была опубликована статья В. К. Магницкого «Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда». В 1874 г. там же за № 12 появилась другая статья В. К. Магницкого. Им были собраны сведения о 17 кладбищах с надгробиями этого района.

С. М. Шпилевский в своей работе «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» собрал все сведения о булгарских и татарских памятниках, в том числе по эпиграфическим памятникам этого региона. Им отмечены кладбища и надгробные памятники у сел Байтеряково, Большие Яльчики, Атлашево, Идельмеси, Чешлам, Ямская, Карачево, Кадергино, Чердак, Аттиково, Кульгушево, Ураево, Маматкозино и Кульгуны. Чтение надписей не приводится. Материалы В. К. Магницкого и С. М. Шпилевского в основном касаются территории современной Чувашской Республики, и памятники с данных поселений современные ученые относят к чувашам-мусульманам.

Летом 1873 года памятники Предволжья были исследованы крупным татарским ученым-просветителем К. Насыри. Им были прочитаны эпитафии из сел Татарское Азелей, Танаево, Молвино, Бакырче, Васюково, Расбуга, Кугушево, расположенные сегодня в Республике Татарстан, и Шигали, Ямашево в Урмарском районе Чувашской Республики (Насыри, 1975). Хронологически они охватывают период с XV по конец XVIII века.

В своей работе К. Насыри сделал несколько важных замечаний. Он отметил, что эпитафии из Танаева, Ямашева и Шигалей вырезаны рукою одного мастера. Таким образом, выделяется единый круг памятников, характерный для этого региона.

Далее на камнях он прочитал чувашские и русские имена, отметив, что «и сегодня встречаются мусульмане с русскими именами». Заслугой К. Насыри является чтение надписей из Шигалей, исполненных трудночитаемым, врезанным некаллиграфическим шрифтом.

В 1894 и 1895 гг. Г. Ахмаров совершил поездку в целях изучения эпиграфических памятников Закамья и Предволжья. В Предволжье им были осмотрены эпитафии из Тетюш, Больших Атряс и Ямбухтино. Всего им было исследовано 13 памятников, в том числе 5 из Тетюш и Б. Атряс.

В 1941–1942 гг. памятники Больших Атряс были изучены Комиссией по булгаро-татарской эпиграфике под руководством Н. Ф. Калинина. В составе комиссии были А. Б. Булатов, Л. З. Залялетдинов и С. Е. Малов. Материалы работы комиссии были собраны в «Альбоме булгаро-татар-

ской эпиграфики», где нашли отражение более 250 эпиграфических памятников. Памятники Больших Атряс были исследованы Н. Ф. Калининым и А. Б. Булатовым в 1949 году, материалы экспедиции были опубликованы А. Б. Булатовым в 1963 году под названием «Булгарские эпиграфические памятники XIII–XIV вв. Правобережье Волги».

В 1961–1967 гг. Г. В. Юсупов проводил сплошное обследование районов Татарстана, в том числе районы Предволжья. К сожалению, уникальные материалы экспедиции остались неопубликованными.

В 70-е гг. XX столетия памятники Больших Атряс, Тетюш и др. были исследованы Ф. С. Хакимзяновым и Д. Г. Мухаметшиным, наиболее сохранившиеся из них были опубликованы (Хакимзянов, 1978, 1987).

В 2007, 2008 гг. восточные районы Чувашии и отдельные памятники Предволжья Татарстана были обследованы Д. Г. Мухаметшиным. Им были также осмотрены эпитафии, хранящиеся в Национальном музее Чувашской Республики и Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

Таким образом, стараниями многих ученых из районов Предволжья в 17 населенных пунктах зафиксировано около 50 эпиграфических памятников эпохи Золотой Орды: Большие Атрясы – 21, Ямбухтино – 2, Тетюши – 1, Урюм – 4, Мантово – 1, Большие Тарханы – 2, Большое Шемякино – 1, Малые Кайбицы – 1, Шамбалакчы – 1, Кульгуны – 5, Старое Казеево – 2, Салтыганово – 3, Старое Шаймурзино – 1, Байглычево – 1, Байтеряково – 5, Большие Яльчики – 1, Тат. Азелей – 1. Кроме золотоордынских арабографических эпитафий были выявлены саркофагообразные армянографические эпитафии в с. Долгая Поляна.

Памятники периода Казанского ханства включают 17 памятников из 14 населенных пунктов: Кугушево – 2, Васюково – 1, Акзигитово – 1, Бакырче – 1, Тат. Танаево – 1, Тат. Азелеево – 1, Нурлаты – 1, Молвино – 1, Шигали – 2, Тат. Маматкозино – 1, Малые Кайбицы – 1, Ст. Тябердино – 2, Ямбухтино – 1, Мантово – 1, Тетюши – 1.

Арабографические памятники конца XVII – первой половины XVIII вв. зафиксированы в количестве 15. Все они относятся к чувашам-мусульманам, однако отдельные ученые датируют эти эпитафии XV веком. Например, в работе Д. Ф. Мадурова «Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей» приведены тексты и их переводы на русский язык 9 камней (чтение надписей И. В. Волкова). Авторы во всех памятниках слова, обозначающие дату, читают как «сикиз йуз» – восемьсот. Исследователи удивлены тем, что «везде своеобразное написание числительного восемь с дополнительной буквой “мим” в начале. Регулярность ее постановки почти исключает объяснение этого факта каллиграфическими особенностями» (Мадуров. С. 50). Игнорирование начальной «мим» в слове, обозначающем дату, привело к ошибочной датировке всех памятников данного типа. Также ошибочно была прочитана эпитафия за № 8, где первое слово даты ясно читается как «девятьсот».

Эпиграфические памятники конца XVIII – первой трети XX веков практически не изучены. Отдельные памятники, отличающиеся своеобразием или большой информативностью, из Молвино, Ураево, Больших Чынлов, Буинска и некоторые другие зафиксированы и включены в научный оборот.

В своей работе, посвященной исламу в Чувашии, эпиграфических памятников касается и Л. Ю. Браславский. В небольшом разделе, названном «Мемориально-надгробные сооружения»,

он выделяет их как разновидность архитектурного строительства, своеобразного «синтеза архитектуры резьбы по камню и каллиграфии». Он отмечает большие заслуги К. Насыри и Г. В. Юсупова в изучении эпиграфических памятников Предволжья.

К сожалению, большинство эпитафий, зафиксированных исследователями в XIX, даже в первой половине XX столетия не сохранились или были перемещены со своих месторасположений, поэтому исследования татарских ученых Х. Фаизханова, К. Насыри, Г. Ахмарова, Г. Юсупова нам важны с точки зрения происхождения памятников. Например, памятники, хранящиеся в Национальном музее Чувашской Республики, были перевезены из села Кульгуны Апастовского района, из села Бакырче Зеленодольского района Республики Татарстан, из сел Байглычево, Шигали Урмарского района Чувашской Республики. Х. Фаизханов отмечал, что памятники из Яльчиков и Байтерякова происходят с одного места (Фаизханов. С. 259), а эпитафии из Больших Атряс были использованы при строительстве церкви в селе Ямбухтино. В местности Шонгаты Осте сохранился 21 камень. Х. Фаизханов со слов старожилов пишет, что «лет 70 здесь было много камней. Во время строительства церкви в с. Ямбухтино 20–30 из них было использовано при строительстве церкви» (в 1794 году?).

С территорией Предволжья связаны важнейшие вехи татарской эпиграфики. Наиболее значимой из них является расшифровка Х. Фаизхановым слов «жиати жур», обозначающих дату, на булгарских эпитафиях. Как известно, введение в научный оборот булгарских эпитафий связано с именем Петра I. Первые публикаторы «списка Петра» И. И. Лепехин, Г. Ю. Клапрот, Ф. И. Эрдман, И. Н. Березин слова «жиати жур» и последующие оставили без перевода. Логически рассуждая, что на этом месте текста должна быть дата, они сложили цифровое значение арабских букв, и получился 623 год, придавая им смысл особой эры «пришествие угнетения». Х. Фаизханов предлагал читать эти слова как «йите йуз», потому что у татар в разговорном языке встречается «джоканье». Начальное «ж» вместо «й» употребляется и в письме. Вслед и последующие за выражением «жиати жур» слова «жал», «жиерем», «биалем», «туатем» и другие нашли свои объяснения как «год», «двадцать», «пятый», «четвертый». Таким образом, многие булгарские эпитафии получили точную датировку.

На памятниках Предволжья выявлены различные титулы, термины родства, тахаллусы и другие термины. Отдельные из них в других регионах распространения эпитафий не встречаются. Приводим текст опубликованной Х. Фаизхановым эпитафии из местностей Мантова Тетюшского района РТ:

«Суд Аллаха великого, великого
Мир Ибрахим инал, (его) сын Шахид
Хаджи, (его) памятник. Да будет милость
Аллаха, милостью обширною.
Умер по летоисчислению
семьсот двадцатого
года, месяца мухаррам
второго дня
было».

На эпитафии привлекает внимание титул погребенного «инал», не встречающийся на других памятниках. Г. В. Юсупов по этому титулу отмечает: «Не исключена возможность, что на бул-

гарской земле этот титул носили подчиненные эмиру цари-князья племен, о которых в X веке упоминает Ибн-Фадлан, ими же титуловался предводитель Огузов в пределах Болгарского государства» (Юсупов, 1960. С. 102–103). Ф. С. Хакимзянов также видит в нем титул «доверенного» – глав небольшого княжества, которые впоследствии потеряли самостоятельность» (Хакимзянов, 1978. С. 9).

Интересен текст и другого памятника из Больших Тархан Тетюшского района РТ:

«Он (Аллах) живой, который не умирает,
все живущее, кроме него, умрет!
Давший воспитание ученым и
любивший их, мечети
воздвигавший, много благодеяний
совершивший, бедных
любивший Ходжа, (его) сын,
Госман, (его) сын, сборщик податей Иб
рахим ас-Сувари скон
чался. Это по летосчислению в семь
сот четыр
надцатом, джума I
месяца шестнадцатого дня было».

Текст данной эпитафии прежде всего привлекает внимание своими поэтическими эпитетами. Это не единичный памятник такого рода, эпитафии с поэтическими эпитетами известны из Болгар и Чистополя (Хакимзянов, 1987. С. 94–95, Мухаметшин, 2008. С. 28). Употребление таких поэтических строк на булгарских эпитафиях роднит их с древнетюркскими стелами эпохи Тюркских каганатов.

Не исключено, что на обоих камнях речь идет об одном и том же титулованном человеке – тамгачы Мир Ибрахим инале ас-Сувари. Из памятника 720 г. х. – 1320/21 г. видно, что сын Ибрахима Шахид совершил хадж и носил титул «хаджи». На эпитафии 714 г. х. – 1314/15 г. упоминается его сын Госман и внук Ходжа. Расчет 25–30 лет за одно поколение показывает, что деятельность этого государственного мужа падает на раннезолотоордынский период.

На эпитафии зафиксирован термин «тамгачы» и лакаб погребенного «ас-Сувари» в форме «Госман углы тамгачы Ибрахим ас-Сувари». Термины «Сувар иле тамгачы» и «Биляр иле тамгачы» имеются и на памятниках из Болгар (Болгар, № 50, 57, 76). «Тамгачы» – сборщик податей (таможенник) определенной территории. Эта территория (ил) связана с крупнейшими городами домонгольской Булгарии – Биляром и Суваром. В данном контексте интерес представляет тахаллус Мир Ибрахим инала «Сувари», т. е. был родом из Сувара.

Города Сувар и Биляр были основательно разрушены во время монгольского нашествия в 1236 году и, по археологическим данным, не были восстановлены. Однако наличие четырех памятников с терминами «Сувар иле» и «Биляр иле» показывает, что Сувар и Биляр как административные структуры в составе Булгарского улуса существовали и в раннезолотоордынское время. Об этом говорит и наличие монет чекана Биляра 90-х гг. XIII века, находимых в Болгарах (Ян. I. С. 431, № 8–9). В самом Биляре такие монеты ни разу не были найдены.

С Тетюшского района происходит и самый ранний из зафиксированных эпиграфических памятников, датированный 642 г. х.– 1244 г. Камень был обнаружен Г. Ахмаровым на пороге церкви села Ямбухтино. Дата эпитафии двойная – цифрой и прописью, что характерно для ранних эпитафий. Эпитафии с двойным обозначением даты обнаружены в Болгарах. Эпитафия из Ямбухтино (привезенная из Б. Атряс) интересна еще тем, что она написана на татарском языке. Таким образом, еще раз подтверждается, что ранние эпитафии были вырезаны на татарском и арабском (Болгары 1270, 1271 гг.) языках. А эпитафии на булгарском языке появляются только в 1281 году (памятник из НМРТ, из Болгар) и просуществовали до 1361 года, что показывает функциональность языка эпитафий II стиля.

Эпитафии Предволжья, как и другие эпиграфические памятники, расположенные по правому берегу Волги, относятся к Болгарскому региональному округу, с центром в Болгаре, где они и изготовлялись. Наличие в Болгарах школы по изготовлению эпиграфических памятников отмечено А. Т. Тагирджановым (Тагирджанов, 1970. С. 55). В фондах музея-заповедника сохранились заготовки для эпитафий, на двух из них на нижней части камня вырезана тамга в виде трезубца – гусиная лапка. Подобная тамга часто встречается и на керамическом материале Болгара. Бесспорно, это знак мастера.

Камень для эпитафий добывали на правом берегу Волги у села Сюкеево, напротив Болгар. Это наиболее близкое к Болгарам месторождение белого известнякового камня. На левом Болгарском берегу реки месторождение камня отсутствует. Пичкасский карьер, расположенный в 70 км к северу от Болгар, залежей известняка не имеет.

Отделить от пласта блоки, некоторые из которых достигают в длину 3,5 м, ширину около метра и толщину до 40 см, – очень трудоемкий процесс. Для этого использовали деревянные клинья и силу воды, которая в зимние морозы разрывала камни на части. Камни доставляли в Болгары, там подмастерья придавали камню форму плоского параллелепипеда. Для этого использовали различные инструменты: пилу, рубила, троянку, штехель и другие, которые были обнаружены во время археологических работ. Работа мастера начиналась с начерчивания строк текста. Весь процесс обработки и резьбы по камню можно наблюдать, изучая поверхность камня. Поверхность отдельных камней полировалась, что придавало рабочей повехности эпитафии особую прочность. Рисунки и надписи на белом известняке вырезались легко, иногда для получения мягкости поверхность камня поливали водой.

Булгарские мастера в основном использовали два вида шрифта: рельефный сульс и куфи – как рельефный, так и врезанный. Стройный каллиграфический шрифт является характерной чертой для Болгарской эпиграфической школы. Все памятники болгарской школы имеют бордюрное украшение линейного или геометрического мотивов. Некоторые памятники имеют растительный орнамент между основным текстом и тимпаном. Эпитафии Болгарского округа отличаются тщательностью отделки. Большинство памятников имеют надпись или орнамент на боковой и оборотной сторонах. Наличие мастерских не исключает, что отдельные камни могли изготовляться на местах людьми, знающими арабскую графику и имеющими некоторый опыт в обработке камня. Эпитафии периферийных районов Северного Предволжья, отличающиеся некоторым своеобразием в оформлении, сделаны местными мастерами. То же самое надо сказать о памятниках Самарского Поволжья (Батраки, Муранский могильник), расположенных в значительном отдалении от Болгар.

Среди памятников Казанского ханства интерес представляет эпитафия из Национального музея Чувашской Республики, привезенная из села Бакырчы Зеленодольского района РТ. Надпись, вырезанная красивым почерком сульс, состоит из шести строк:

«1. Сказал Аллах всевышний: и не знает

2. душа, в какой земле она умрет. Сказал Аллах

3. всевышний: каждая душа вкусит смерть.

4. По летосчислению в девятьсот пятидесятом.

5. Хаджи, (его) сын (Сеид) от рук

6. неверного погиб». 950 год хиджры соответствует 1549 году.

По боковым сторонам камня надпись на арабском и татарском языках: «Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое». Такую же надпись на татарском языке мы видим на правой боковой стороне камня из Тетюш. Эпитафия размером 18 х 52 х 114 не имеет верхнюю и нижнюю части. Орнамент по бордюру состоит из цветочного мотива по всей длине камня. На обороте надпись-штамп, характерная для эпитафий периода Казанского ханства. Текст, обозначающий дату, разрушен, однако по типологии памятник можно датировать 50-ми годами XVI в. (Мухаметшин, 2008. С. 49).

Выражение «погиб от рук неверного» на эпитафиях I половины XVI века встречается нередко. Появление такой надписи на эпитафиях связано с людьми, погибшими в военных столкновениях между Казанским ханством и Русским государством.

Тетюшская эпитафия – самая южная сохранившаяся эпитафия периода Казанского ханства. Н. Ф. Калинин на основе эпиграфического материала считал, что «Казанское ханство простиралось на юг не далее широты Камского Устья» (Калинин, 1956. С. 30). Эпитафии как элемент городской культуры вряд ли устанавливались на окраинных территориях. Границы ханства проходили значительно южнее (Исхаков, 1998. С. 143).

На закамской территории Татарстана эпитафии XVI в. известны из Алпарова и Билярска. Последняя была вынута из фундамента церкви села Арбузов Баран и происходит из Балынгузского кладбища. Наличие в Предволжье Татарстана 17 памятников периода Казанского ханства показывает, что данная территория было плотно заселена. Из бывшей центральной части Волжской Булгарии, Западного Закамья население переселилось на север и на запад – в более спокойные районы Заказанья и Предволжья. Это переселение наблюдается и по археологическим материалам. В этой связи нужно привести надпись из села Полевые Бишкики Батыревского района Чувашской Республики. Надпись, выгравированная на гранитном мельничном жернове диаметром около метра простым шрифтом, гласит: «Первый – место погребения Тимуш хаджи, второй – Султанмурата сына место погребения и третье – Тимуш Килдибая сын, четвертый – Илхам сын Ибрагима после разрушения города Болгара переселились в местность Бикшик и здесь погребены». Данное место, сегодня благоустроенное, для татар является местом поклонения. Памятник нам интересен тем, что текст его дословно повторяет текст из «Таварих Болгария», составленный, по мнению исследователей, в XVIII или XIX вв. Факт переселения булгар к северу и западу после нашествия Тимура в 1391–1395 гг. отмечается в многочисленных татарских исторических преданиях.

Во-вторых, примечателен сам факт использования мельничного камня для подобной исторической записи. Наши наблюдения на территории Чувашии, Пензенской и Ульяновской областей

показывают, что татары использовали мельничные жернова в качестве намогильных камней и устанавливали намогильные камни в форме жерновов (Полевые Бишкики Чувашской Республики, Тат. Сайманы, Ст. Атлаши Ульяновской обл.). С этим перекликаются круглые эпиграфические памятники из Агрызского района (Марданов, Хадиев. С. 84, 98). Подобные эпитафии известны и с территории Западного Казахстана (Аджигали. С. 472, рис. 343/1). Надпись на круглых камнях идет как по горизонтали, так и по спирали. Среди нократских татар эпитафии округлой формы называются «тегермен башбата» – мельничный намогильный камень (Материалы, № 181).

Таким образом, на материалах Предволжья мы видим непрерывное развитие булгаро-татарской эпиграфики с середины XIII до первой трети XX вв. Из Тетюшского района происходит и самый ранний из сохранившихся эпиграфических памятников. В XIII–XIV вв. в районе Тетюш был расположен один из центров булгарской золотоордынской культуры Шонгат, имевший тесные связи с Болгаром. Предволжье, особенно его центральная и северная части, сумели сохранить своеобразие в период Казанского ханства и после завоевания Казани XVI–XVIII вв., тем самым создавая базу для дальнейшего развития татарской эпиграфической культуры.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Калинин Н. Ф. Итоги комиссии по булгарско-татарской эпиграфике. 1955. – Хранилище рукописей ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, ф. 8, опись № 1, ед. хр. 62.

Калинин Н. Ф. Отчеты археологической экспедиции Казанского филиала АН СССР за 1955, 1956 гг. – Там же, ф. 8, опись № 1.

Юсупов Г. В. О работе эпиграфического отряда археологической экспедиции КФАН СССР в 1961 г. в районах правобережья Волги – Казани. – 1961. – Там же, ф. 72.

ЛИТЕРАТУРА

Аджигали С. Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. – 654 с.

Ашмарин Н. И. Болгары и Чуваши. – Казань, 1902. – 142 с.

Булатов А. Б. Эпиграфические памятники XIII–XIV вв. правобережья Волги // Эпиграфика Востока, XVI. – М.–Л.: Наука, 1963. – С. 56–71.

Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. – Казань, 1998.

Калинин Н. Ф. Булгаро-татарские эпиграфические памятники как исторический источник // Тезисы докладов на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани в 1956 г. – М., 1956.

Мадуров Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – С. 287; ил.

Магницкий В. К. Старые, оставленные кладбища во втором стане Чебоксарского уезда // Казанские губернские ведомости. – 1866. – № 46.

Материалы по татарской диалектологии. – Казань, 1978. – 131 с.

Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 6. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 132 с.; ил.

Тагирджанов А. Т. Влияние поэмы Фирдоуси «Юсуф и Зулейха» на «Киссаи Юсуф» Али и «Юсуф и Зулейха» Шаййад Хамзы // Палестинский сборник. – Ленинград, 1970. – Вып. 21 (84). – С. 54–58.

Фейезханов Х. Три надгробных булгарских надписи // Известия Археологического общества. – СПб., 1863. – Т. IV. – С. 396–404.

Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877. – 585 с.

Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. – М.: Наука, 1978. – 206 с.

Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. – М.: Наука, 1987. – 192 с.

Юсупов Г. В. Итоги полевых эпиграфических исследований 1961–1963 гг. в Татарской АССР // Эпиграфика Востока. – 1972. – Вып. XXI.

Юсупов Г. В. Итоги полевых эпиграфических исследований (1961–1963 гг.) // Тезисы докладов итоговой научной сессии ИЯЛИ АН СССР за 1963 год. – Казань, 1964. – С. 69–71.

Юсупов Г. В. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // Эпитафии Востока. – Вып. XVI. – М.: Наука, 1963. – С. 72–78.

Юсупов Г. В. Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении Казанских татар) // Эпиграфика Востока. – Т. 5. – М.–Л., 1951. – С. 78–94.

Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. – МИА № 42. – М., 1954. – С. 424–457.

ЛИТЕРАТУРА НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Гайнетдин Әхмәрев. Тарихи-документаль җыентык. – Казан: Хәтер, 2000. – 384 б.

Каюм Насыйри. Сайланма әсәрләр: 4 томда. – 4 т. / Каюм Насыйри; Кереш мәк. авт. Р. Кадыйров. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – 400 б.

Мәрданов Р. Ф, Һадиев И. Г. Әгерҗе төбәгенең истәлекләре. – Казан: Тамга, 2008. – 148 б. – («Татар эпиграфикасы» сериясе; 1 нче китап).

Хөсәен Фәезханов. Тарихи-документаль җыентык / Төз.-авт. Р. Мәрданов. – Казан: Җыен, 2006. – 704 б.

Хөсәен Әмирхан. Тәварих Болгария. – Казан, 2000.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ИИРАО – Известия Императорского русского археологического общества (СПб)

ИЯЛИ АН СССР – Институт языка, литературы и истории Академии наук

КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Л. Ф. НЕДАШКОВСКИЙ

Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПЕРИФЕРИИ ГОРОДИЩА ШАРЕНЫЙ БУГОР

В округе городища Шареный Бугор, располагающегося на северной окраине Астрахани, имеются 100 археологических памятников золотоордынского времени, в том числе 16 поселений, 57 местонахождений, 20 грунтовых могильников, 1 курганная группа и 6 монетных кладов.

В статье кратко характеризуются материалы местонахождений округи городища Шареный Бугор (схему расположения памятников, нумерация на которой соответствует нумерации в данной статье, см. Недашковский, 2006. С. 80, рис. 3), располагающихся на территории Астраханской области.

17. Исекей II. В 6 км к юго-западу от поселка Исекей на выдувах барханов В. Д. Белецким в 1957 г. были обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы, сарматского, раннесредневекового и золотоордынского времени. Встречено большое количество костей животных, в том числе обгоревших (Белецкий, 1957. Л. 18, 23).

18. Исекей III. В 15 км к западу от поселка Исекей, в 1 км к юго-западу от бархана Кезым-Шушак на песчаных выдувах на площади 70–80 х 20–25 м были найдены фрагменты сосудов эпохи бронзы, сарматской культуры, периода раннего Средневековья и золотоордынского времени, а также кости животных (Белецкий, 1957. Л. 20).

19. Исекей IV. В 11 км к юго-западу от поселка Исекей, в 0,5 км к северу от фермы № 3, на восточных выдувах бархана было обнаружено большое количество фрагментов керамики эпохи бронзы, сарматской культуры, периодов раннего Средневековья и Золотой Орды. Найдены также остатки сарматского захоронения. Прослеженная площадь с выходами культурных остатков – 250–300 х 40–70 м (Белецкий, 1957. Л. 21–22).

20. Исекей V. Приблизительно в 4 км к северо-западу от фермы № 3 на выдувах размерами 35 х 25 м были зафиксированы скопления фрагментов сосудов эпохи бронзы и золотоордынского времени. С этих выдувов происходит также золотоордынская керамическая кружка (Белецкий, 1957. Л. 22).

21. Исекей VI. В 2 км к юго-востоку от бархана Кезым-Шушак на песчаных выдувах были обнаружены фрагменты керамики сарматского и золотоордынского времени, кости овец и лошадей. Прослеженные размеры выходов культурных остатков – 35–40 х 15 м (Белецкий, 1957. Л. 26).

22. Исекей VII. В 2 км к югу – юго-востоку от бархана Кезым-Шушак на выдувах песка на площади 40–50 х 15–20 м были найдены фрагменты сосудов эпохи бронзы и золотоордынского времени, кремневый скребок, обломки железных предметов и небольшое количество костей животных (Белецкий, 1957. Л. 26).

23. Исекей VIII. В 5 км к югу – юго-западу от поселка Исекей на выдувах невысокого бархана было обнаружено большое количество керамики эпохи бронзы, сарматской культуры, периода раннего Средневековья и золотоордынского времени. Было найдено также большое количество костей животных, в том числе обожженных. Прослеженная площадь с выходами культурных остатков – 250–300 х 40–50 м (Белецкий, 1957. Л. 30).

24. Аксарайский I. В окрестностях центральной усадьбы совхоза Аксарайский Красноярского района Астраханской области встречались фрагменты золотоордынской керамики и монеты (Егоров, 1985. С. 119; Филипченко, 1958. С. 247).

25. Аксарайский II. В 15 км к северо-востоку от поселка Аксарайский в 1995 г. в ходе разведок Д. В. Васильева были собраны фрагменты керамики эпохи бронзы, раннего Средневековья и золотоордынского времени (Васильев, 1995).

26. Сеитовка I. В 5 км от села Сеитовка Красноярского района Астраханской области, в 3 км от железнодорожного моста на левом берегу Ахтубы на выдувах песка В. Д. Белецким в 1957 г. на площади 40–50 х 60 м были найдены золотоордынская керамика и обломки кирпича (Белецкий, 1957. Л. 34; 1962. С. 61; Егоров, 1985. С. 119; Филипченко, 1958. С. 247; Fyodorov-Davydov, 1984. P. 27).

27. Сеитовка II. Примерно в 6 км к северу – северо-востоку от села в 1993–1994 гг. Д. В. Васильевым обнаружены фрагменты посуды эпохи бронзы, раннего железного века, раннего Средневековья, золотоордынской красноглиняной гончарной керамики, обломок оселка с отверстием и кости животных (Васильев, 1993; 1994).

28. Хожетаевка. У данного села Красноярского района Астраханской области известны находки золотоордынской керамики и монет (Егоров, 1985. С.119; Федоров-Давыдов, 1994. С. 36; Филипченко, 1958. С. 247; Fedorov-Davydov, 1984. P. 26; Fyodorov-Davydov, 1984. P. 27).

29. Байбек. В районе села Байбек Красноярского района Астраханской области были найдены фрагменты золотоордынской керамики и монеты (Гречкина, Зеленеев, Кутуков, Павленко, Пигарев, Румянцев, 2004. С. 258; Егоров, 1985. С. 119; Филипченко, 1958. С. 247; Fedorov-Davydov, 1984. P. 26; Fyodorov-Davydov, 1984. P. 27).

30. Алча. В 900 м к востоку от этого поселка Красноярского района Астраханской области в 1996 г. С. А. Котеньковым на бэровском бугре зафиксировано местонахождение гончарной керамики и золотоордынского кирпича-плинфы (Котеньков, Юрьев, 1997. С. 211).

31. Кривой Бузан. В 1,5 км к северу от села Кривой Бузан Красноярского района Астраханской области на бэровском бугре «Александрийский» Д. В. Васильевым в 1994 г. на площади 200 х 150 м найдены фрагменты красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени (Васильев, 1994).

32. Караозек I. В 200 м к юго-западу от села Караозек Красноярского района Астраханской области на правом берегу ерика Кондаковский на бэровском бугре «Черный» в 1995 г. С. Б. Артемьевым были найдены фрагменты красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени (Артемьев, 1995; Котеньков, Артемьев, Пантелеев, 1996. С. 224–225).

33. Караозек II. На бэровском бугре «Занкин», располагающемся в 4 км к юго-востоку от села Караозек на правом берегу ерика Мунгута, в ходе исследований С. Б. Артемьева в 1995 г. были обнаружены фрагменты золотоордынской неполивной красноглиняной (имеется и один обломок дигирного сосуда), а также поливной кашинной керамики (Артемьев, 1995; Котеньков, Артемьев, Пантелеев, 1996. С. 224–225).

34. Дурное I. В 0,5 км к северу от села Дурное Наримановского района Астраханской области Е. В. Шнайдштейн в 1978–1979 гг. было обследовано местонахождение керамики эпох бронзы, раннего железа и Золотой Орды (Шнайдштейн, 1978; 1979).

35. Дурное II. В песках между селами Дурное и Стрелецкое Наримановского района Астраханской области в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн были найдены керамические шлаки, керамика эпохи бронзы, сарматского и золотоордынского времени, фрагменты железных предметов, кости животных и кальцинированные кости человека (Шнайдштейн, 1978; 1979).

36. Николаевка. В 600 м к северу от села Николаевка Наримановского района Астраханской области Е. В. Шнайдштейн в 1978–1979 гг. были найдены фрагменты золотоордынской неполивной и красноглиняной поливной керамики, обломки обмазки тандыра, раковина с отверстием и бусина (Федоров-Давыдов, 1994. С. 35; Шнайдштейн, 1978; 1979).

37. Мошаик. В 5 км к югу – юго-востоку от поселка Мошаик на бэровском бугре «Кирпичный-II» в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн обследовалось местонахождение золотоордынской керамики; там же обнаружены погребения эпохи Золотой Орды, кувшин, курильница и зеркало сарматского времени (Шнайдштейн, 1978; 1979).

38. Началово I. На бэровском бугре «Садовый», расположенном в 500 м к югу от села Началово Приволжского района Астраханской области, в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн обследовала остатки грунтового могильника с сарматским и раннесредневековыми погребениями; на поверхности бугра были найдены 13 фрагментов неполивной золотоордынской красноглиняной гончарной керамики, в том числе с орнаментом в виде прочерченных параллельных линий (Шнайдштейн, 1978; 1979).

39. Началово II. На бэровском бугре «Началовский I», располагающемся в 1,4 км к югу от окраины села Началово, в 1991 г. Д. В. Васильевым обнаружены фрагменты красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени и кости человека, а в 1996–1997 гг. исследовано погребение савроматской эпохи (Васильев, 1991; Павленко, Шинкарь, 2005. С. 214–225).

40. Началово III. В 1 680 м к югу от окраины села Началово на бэровском бугре «Началовский II» Д. В. Васильевым в 1991 г. собраны фрагменты красноглиняной гончарной керамики и фрагменты человеческих костей (Васильев, 1991).

41. Началово IV. На бэровском бугре «Бараний», располагающемся в 2 130 м к югу от села Началово, Д. В. Васильевым в 1991 г. были найдены фрагменты золотоордынской неполивной красноглиняной гончарной керамики и кости человека (Васильев, 1991).

42. Начало I. В 3 370 м к югу от окраины села Началово на бэровском бугре «Артельный» в 1991 г. Д. В. Васильевым обнаружены фрагменты неполивной красноглиняной гончарной керамики и человеческие кости (Васильев, 1991).

43. Начало II. В 3 370 м к югу от окраины села Началово Д. В. Васильевым в 1991 г. на бэровском бугре «Малый Чека» найдены фрагменты гончарной керамики золотоордынского времени (Васильев, 1991).

44. Начало III. В 3 840 м к югу от окраины села Началово в 1991 г. Д. В. Васильевым на бэровском бугре «Большой Чека» были обнаружены фрагменты золотоордынской керамики (Васильев, 1991).

45. Начало IV. В 7,5 км к юго-западу от села Начало Приволжского района Астраханской области на бэровском бугре «Хлебный» в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн были найдены фрагменты железных предметов, золотоордынской красноглиняной гончарной керамики и обожженного кирпича (Шнайдштейн, 1978; 1979).

46. Начало V. В 650 м к юго-западу от бугра «Большой Чека» (№ 44) Д. В. Васильевым в 1991 г. на бэровском бугре «Красный» были обнаружены фрагменты керамики золотоордынского времени (Васильев, 1991).

47. Начало VI. На бэровском бугре «Песчаный», расположенном в 1 660 м к югу – юго-западу от бугра «Большой Чека» (№ 44), в 1991 г. Д. В. Васильевым найдены фрагменты неполивной гончарной керамики, в том числе красноглиняной, а также кости человека (Васильев, 1991).

48. Начало VII. В 2 150 м к югу от бугра «Большой Чека» (№ 44) Д. В. Васильевым в 1991 г. на бэровском бугре «Камышин» были найдены фрагменты красноглиняной гончарной керамики, а также кремневый отщеп (Васильев, 1991).

49. Начало VIII. В 2 450 м к югу от бугра «Большой Чека» (№ 44) в 1991 г. Д. В. Васильевым на бэровском бугре «Болдинский» найдены фрагменты красноглиняных гончарных золотоордынских сосудов (Васильев, 1991).

50. Начало IX. В 1,5 км к юго-западу от села Начало на бэровском бугре «Черный» Е. В. Шнайдштейн в 1978–1979 гг., Д. В. Васильевым в 1991 г. и Д. В. Кутуковым в 1995 г. обследовалось местонахождение фрагментов красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени (найден и фрагмент кашинной керамики), обмазки тандыра и кирпича (Васильев, 1991; Кутуков, 1995; Шнайдштейн, 1978; 1979). Были встречены также фрагменты керамики и погребения эпохи раннего железа.

51. Бугор «Седой». В 3 км к северу от ПМК № 35 на бэровском бугре «Седой» в Приволжском районе Астраханской области в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн исследовала местонахождение гончарной керамики золотоордынского времени (Федоров-Давыдов, 1994. С. 35; Шнайдштейн, 1978; 1979).

52. Фунтово. В 450 м к северу от села Фунтово-II Приволжского района Астраханской области на бугре «Золотой» в 1994 г. Д. В. Кутуковым найдены фрагменты лепной, красноглиняной и сероглиняной неполивной золотоордынской керамики, а также заготовка напрясла из стенки сосуда (Кутуков, 1994).

53. Евпраксино. На бэровском бугре «Тимошкин» в 1,9 км к юго-западу от села Евпраксино Приволжского района Астраханской области при разведках Д. В. Кутукова в 1994 г. была найдена лепная, красноглиняная и сероглиняная гончарная керамика (встречается орнамент в виде прочерченных параллельных линий и ямочных вдавлений), а также фрагменты человеческих костей (Кутуков, 1994).

54. Володарский. В 4 км к западу от данного райцентра Астраханской области на бэровском бугре «Солдатский» экспедицией Л. Н. Гумилева в 1963 г. были найдены 4 фрагмента золотоордынской и 2 фрагмента раннесредневековой керамики (Гумилев, 1963. Д. 2784, л. 3).

55. Семибугры. На бэровских буграх Бихтюбе, Киракле-Тюбе, Тамикле-Тюбе, Асусь-Тюбе, Большой Кара-Тюбе и Аись-Тобе в 3,5–8,5 км к северу от села Семибугры Приволжского района в 1992 г. Д. В. Васильевым найдены фрагменты золотоордынской гончарной (в том числе поливной) и лепной керамики, обломки золотоордынского кирпича, кости человека (Васильев, 1992).

56. Бараний Бугор. В 1 км к северо-востоку от одноименного села на Бараньем Бугре экспедицией Л. Н. Гумилева в 1962 г. были найдены 2 фрагмента золотоордынской керамики, материалы и три погребения хазарского времени (Гумилев, 1962. Л. 7–8; 1966. С. 124–125, 148, 182, 187–188).

57. Крутое. В 1962 г. Л. Н. Гумилевым на бугре Боленга, располагающемся в 3 км к юго-западу от села Крутое, были найдены золотоордынская и лепная раннесредневековая керамика, железные ножи, удила, фрагмент меча (Гумилев, 1962. Л. 10–11; 1966. С. 182, 184). Были также исследованы два сарматских захоронения.

58. Татарская Башмаковка I. На бугре Коц-Тюбе, располагающемся в 50 м к юго-западу от села, Д. В. Васильевым в 1991 г. были зафиксированы фрагменты красноглиняной гончарной золотоордынской керамики (Васильев, 1991).

59. Татарская Башмаковка II. В 1,5 км к югу от села в 1978–1979 гг. Е. В. Шнайдштейн на бэровском бугре Большой Змеиный были найдены фрагменты сероглиняной лепной, красноглиняной гончарной неполивной и поливной золотоордынской керамики, обломок кашинного сосуда, фрагмент штампованной керамики, обломки железных предметов, костяные изделия (Шнайдштейн, 1978; 1979).

60. Татарская Башмаковка III. В 2 км к югу от села Е. В. Шнайдштейн в 1978–1979 гг. на бэровском бугре были обнаружены фрагменты керамических сосудов золотоордынского времени, обломки кирпичей и кости животных (Шнайдштейн, 1978; 1979).

61. Татарская Башмаковка IV. В 525 м к югу от поселка Стекольный Завод на бугре Касыпак-Тюбе в 1991 г. Д. В. Васильев обнаружил фрагменты средневековой гончарной (в том числе красноглиняной) и лепной керамики (Васильев, 1991).

62. Яксатово. К востоку от села Яксатово Приволжского района Астраханской области на бэровском бугре Казлартобе Д. В. Кутуковым в 1994 г. были собраны фрагменты лепной и красноглиняной гончарной золотоордынской керамики, а также обработанные кости животных (Кутуков, 1994).

63. Новые Булгары I. В 840 м к северу – северо-востоку от поселка Новые Булгары Икрянинского района Астраханской области на бэровском бугре Исмаил-Тюбе на левом берегу протоки Бахтемир в 1987 г. Е. В. Шнайдштейн были найдены фрагменты неполивной и поливной золотоордынской керамики (Шнайдштейн, 1987. Д. 12401).

64. Новые Булгары II. В 950 м к юго-востоку от поселка Новые Булгары на левом берегу протоки Бахтемир на западном склоне бэровского бугра Долгий Е. В. Шнайдштейн в 1987 г. зафиксировала четыре пятна прокаленной земли с золой и фрагменты золотоордынской гончарной керамики (Шнайдштейн, 1987. Д. 12401; 1989. С. 9).

65. Бугор Большой Черный. Располагается на берегу пруда Черный в 425 м к западу – юго-западу от поселка имени А. Зверева Икрянинского района Астраханской области (Пантелеев, 2001. С. 31; Шнайдштейн, 1987. Д. 12401). Е. В. Шнайдштейн и С. А. Пантелеевым были найдены красноглиняный гончарный кувшин с линейным орнаментом, фрагменты средневековой лепной керамики и остатки разрушенных погребений.

66. Бугор Малый Черный. Располагается в 850 м к юго-западу от поселка имени А. Зверева (Пантелеев, 2001. С. 31; Шнайдштейн, 1987. Д. 12401). На нем были собраны фрагменты керамики эпохи раннего железа и Золотой Орды.

67. Джамба I. В 1 170 м к югу от села Джамба Икрянинского района Астраханской области на бэровском бугре Бирючий-1 в 1997 г. были найдены фрагменты золотоордынской керамики (Юрьев, Котеньков, 1999. С. 193).

68. Джамба II. На бэровском бугре Бирючий-2, располагающемся в 900 м к югу от села Джамба, в 1997 г. были обнаружены фрагменты сосудов золотоордынского времени (Юрьев, Котеньков, 1999. С. 193).

69. Маячное I. На бэровском бугре Попок в 650 м к северо-востоку от села Маячное в 1994 г. С. А. Пантелеевым собраны фрагменты посуды раннего железного века, золотоордынской красноглиняной гончарной керамики и фрагмент обмазки тандыра (Пантелеев, 1994).

70. Маячное II. На буграх Постовой и Малый Маячный, располагающихся в 900–1 100 м к востоку от села Маячное, в 1987 г. Е. В. Шнайдштейн были найдены обломки раннесредневековой лепной посуды, фрагменты неполивной красноглиняной гончарной керамики, костяные изделия и разрушенные погребения, одно из них эпохи раннего Средневековья (Шнайдштейн, 1987. Д. 12401 д, з).

71. Иванчуг. В 1 750 м к северо-востоку от этого села Камызякского района Астраханской области на бэровском бугре Троицкий А. Д. Юрьевым в 1996 г. найдена красноглиняная и сероглиняная керамика золотоордынского времени, в том числе фрагмент керамического грузила (Юрьев, 1996).

72. Увары. На бэровском бугре «Коновский», располагающемся в 370 м к востоку от села Увары Камызякского района Астраханской области, в 1994 г. в ходе разведок Д. В. Васильева были найдены фрагменты раннесредневековой лепной посуды, красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени и кости человека (Васильев, 1994).

73. Раздор. В 3,4 км к юго-западу от села Раздор Камызякского района Астраханской области на бугре Большой Таболинский Д. В. Васильевым в 1994 г. зафиксированы фрагменты раннесредневековой и золотоордынской керамики (в том числе орнаментированной отпечатками гребенчатого штампа), обломки плинфы (Васильев, 1994).

Удаленные от Волго-Ахтубинской поймы местонахождения (№ 17–23) можно уверенно связывать с выпасом скота в песках. 23 из 57 описанных памятников этого типа (40,4 %) содержат находки предшествующих эпох. На 10 местонахождениях (17,5 % от их общего числа) отмечены материалы эпохи бронзы, на 15 (26,3 %) – раннего железного века, на 13 (22,8 %) – раннего Средневековья. Эти данные свидетельствуют, что на многих местонахождениях зафиксированы ранние материалы, что говорит об активном использовании этих удобных местностей, в том числе и в качестве пастбищ, еще в эпоху бронзы – раннего Средневековья. Таким образом, почти на половине местонахождений зафиксированы более ранние, чем золотоордынские, материалы, что говорит об активном использовании этих удобных местностей, в том числе и в качестве пастбищ, в дозолотоордынское время.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Артемьев С. Б. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на грунтовом могильнике «Маячный-II» Красноярского района Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 19395–19396.

Белецкий В. Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологический экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 год // Архив ИА РАН, р. 1, д. 2536.

Белецкий В. Д. Археологические разведки на Нижней Волге // Сообщения Государственного Эрмитажа. – XXIII. – Л., 1962.

Васильев Д. В. Отчет об археологических исследованиях в Приволжском, Камызякском, Икрянинском, Лиманском р-нах в 1991 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 16601–16602.

Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Приволжском и Наримановском районах Астраханской области в 1992 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 16988–16989.

Васильев Д. В. Отчет о разведках на территории Красноярского, Икрянинского и Приволжского районов Астраханской области в 1993 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 18090–18091.

Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках в Красноярском, Володарском, Приволжском, Камызякском районах Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 18904–18905.

Васильев Д. В. Отчет об археологических разведках в Красноярском и Володарском районах Астраханской области в 1995 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 19818.

Гречкина Т. Ю., Зеленеев Ю. А., Кутуков Д. В., Павленко Ю. А., Пигарев Е. М., Румянцев Г. Г. Исследования Поволжской экспедиции в Астраханской области // АО 2003 года. – М., 2004.

Гумилев Л. Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1962 года // Архив ИА РАН, р. 1, д. 2575.

Гумилев Л. Н. Отчет по Астраханской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 1963 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 2784–2784а.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии (историко-географический этюд). – М., 1966.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М., 1985.

Котеньков С. А., Артемьев С. Б., Пантелеев С. А. Исследования в дельте Волги // АО 1995 года. – М., 1996.

Котеньков С. А., Юрьев А. Д. Раскопки в Астраханской области // АО 1996 года. – М., 1997.

Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках Кутукова Д. В. в Приволжском районе Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 17191–17192.

Кутуков Д. В. Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 1995 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 23071–23071а.

Недашковский Л. Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округи // Российская археология. – 2006. – № 3.

Павленко Ю. А., Шинкарь О. А. Погребения савроматского времени в дельте Волги // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 7. – Волгоград, 2005.

Пантелеев С. А. Отчет об археологических разведках Пантелеева С. А. в Икрянинском районе Астраханской области в 1994 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 18047–18048.

Пантелеев С. А. Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Астрахань, 2001.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.

Филипченко В. А. О новых находках на территории Астраханской области // Советская археология. – 1958. – № 1.

Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 7255–7255а.

Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Наримановском районе Астраханской области в 1979 г. // Архив ИА РАН, р. 1, д. 7549.

Шнайдштейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Икрянинском районе Астраханской области в 1987 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 12401–12401з.

Шнайдштейн Е. В. Археологические исследования Астраханского пединститута // Материалы второй краеведческой конференции. – Астрахань, 1989.

Юрьев А. Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Камызякского и Красноярского районов Астраханской области в 1996 году // Архив ИА РАН, р. 1, д. 20171.

Юрьев А. Д., Котеньков С. А. Исследования в дельте Волги // АО 1997 года. – М., 1999.

Fedorov-Davydov G. A. Stdte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. – Munchen, 1984.

Fyodorov-Davydov G. A. The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H.Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. – Oxford, 1984.

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия,

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

Т. Б. НИКИТИНА

Россия, г. Йошкар-Ола, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ IX—XI ВВ.

На территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья в различные годы открыто и изучено 12 могильников IX–XI вв. (рис. 1): Веселовский, «Черемисское кладбище», Русенихинский в Поветлужье (Нижегородская область); Юмский, Кочергинский, Лопьяльский в левобережье Вятки (Кировская область), «Нижняя стрелка», Дубовский (Республика Марий Эл), у пос. Борисково (в настоящее время территория г. Казани) на левом берегу р. Волги. К этому же кругу памятников А. П. Смирнов относил находки около г. Кирова (бывшая Вятка) и возможно отнести находки около д. Стрижи Орочского района Кировской области, хранящиеся в фондах Кировского областного музея. Четыре из вышеупомянутых памятников известны только по материалам сборов из разрушенных могил и не могут быть полноценным источником. Мы будем опираться на материалы восьми могильников.

Средневековые могильники Ветлужско-Вятского междуречья привлекали внимание исследователей начиная с XIX века. Однако, признавая их финно-угорский облик, ни один из ученых долгое время не мог дать более четкий ответ на вопрос об их этнокультурной принадлежности.

Оценивая материалы Юмского могильника, А. А. Спицын отнес его к кругу древностей р. Пижмы, четко отличая население, оставившее их, от известных ему соседних племен: «пижемская чудь есть не камская, не болгарская чудь, а какая-то волжская, западная» (Спицын А. А. Отчет 1891 года). По его мнению, «юмские вещи наибольшее, все же отдаленное, сходство имеют с находками из раскопок гр. Ф. А. Уваровым Курманского могильника. Это бытовые остатки волжской, не камской чуди» (Спицын, 1893. С. 106). А. А. Спицын предполагал, что в районе Пижмы находилась северная граница распространения волжской чуди.

В. И. Каменский, раскопавший могильник «Черемисское кладбище», не дал ответ на вопрос об его этнокультурной принадлежности, хотя в отчете указывал на аналогии найденным вещам в материалах курганов Приладожья, Люцинском могильнике, Лядинском и Томниковском могильниках, затем в Чердынском уезде, указывающие скорее на возможную дату могильника, чем на его этническую принадлежность (комментарии к кол. описи 1265/IV. С. 70).

О. Н. Бадер одним из первых включил могильники «Черемисское кладбище» (раскопки 1908 года) и Веселовский (раскопки 1929 года) в раздел марийских памятников (Бадер, 1951. С. 156), руководствуясь скорее их территориальным единством с городищами, которые он считал марийскими по керамическому комплексу. Анализ погребальных комплексов им не проводился. Материалы первых лет раскопок могильников не опубликованы до настоящего времени.

Первым исследователем, аргументированно объединившим могильники Волго-Ветлужско-Вятского междуречья (Лопьяловский, позднее написание – Лопьяльский), «Черемисское кладбище», Юмский, Вятский, Борисовский (позднее написание – Борисковский), Кочергинский в единый круг древностей, связанных с марийской культурой, был А. П. Смирнов (Смирнов, 1952).

Несмотря на выделенные локальные различия марийских памятников, А. П. Смирнов все же последовательно и обоснованно объединил их в одну культуру с общими чертами на всей территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья. В своих первых работах он затруднялся выделить четкие критерии в вещевом комплексе и погребальном обряде, объединяющие все могильники в единое культурное пространство. Первоначально при выделении общих черт исследователь обращался в первую очередь к хозяйственным традициям (Смирнов, 1948. С. 96–98; 1952). В последующих работах особое значение при выделении самостоятельной культурной и племенной области исследователь отводил височным украшениям (Смирнов, 1961. С. 129). В частности, он считал специфическим марийским украшением браслетообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет утолщение.

В дальнейшем большую работу по выявлению этноопределяющих признаков в культуре населения, оставившего могильники Волго-Ветлужско-Вятского междуречья, проделал Г. А. Архипов, выделивший на обширном полевом материале серию специфических категорий украшений и инвентаря, на основе которых убедительно обосновал этнокультурную принадлежность памятников (Архипов, 1973).

Перечисленные выше памятники в качестве марийских рассмотрены Л. А. Голубевой в разделе «Марийцы» серийного издания «Археология СССР» (1987) и в разделе «Мари» коллективной монографии «Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века» (Никитина, 1999).

В монографии Никитиной «Марийцы в эпоху средневековья» (Никитина, 2002) обобщены новые материалы по раскопкам этих памятников, выделены дополнительные аргументы в пользу подтверждения принадлежности могильников рассматриваемого региона к культуре средневековых марийцев.

Могильники имеют небольшие площади, в настоящее время на них изучено всего 234 погребения, для анализа доступны лишь 200 погребений.

К этноопределяющим чертам погребального обряда марийцев относятся: при трупоположении – заворачивание трупа в бересту или положение в берестяную или лубяную колоду (рис. 1 – *1*), при трупосожжении – заворачивание костей в меховую или кожаную одежду, опоясанную ремнем (т. е. имитация трупоположения) (рис. 1 – *2*); наличие в изголовье или в ногах скоплений вещей, связанных с производственной или социальной деятельностью погребенного; зарывание в межмогильном пространстве комплексов вещей, завернутых в ткань и шкуры и уложенных в лубяной бочонок, по верху опоясанный ремнем.

Этноопределяющие украшения для могильников IX–XI вв. обозначил Г. А. Архипов: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек (рис. 2 – *2*); височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет различное оформление в виде утолщения, грибовидной или многогранной головки (рис. 2 – *1, 7, 12*); трапециевидные пластинчатые подвески с конскими головками (рис. 3 – *1*); арочные подвески со сплошной основой (рис. 4 – *2*); усатые широкосрединные перстни (Архипов, 1973. С. 17–40; 1991. С. 18). Этот перечень возможно дополнить подвесками с круглым ажурным щитком, изготовленными в наборной технике (рис. 4 – *1*); накосниками в виде пучка кожаных ремешков или шерстяных нитей с нанизанными обоймочками, коньками, колокольчиками и т. д. на концах; кожаной обувью с регламентированными умбоновидными, очковидными и петельными подвесками и металлическими бусами (рис. 3 – *2–9*).

Однако точка зрения о том, что могильники Волго-Ветлужско-Вятского междуречья представляют единую общность, которая связана с марийским этносом, не является единственной и бесспорной.

В 80-е годы была высказана новая научная позиция Р. Д. Голдиной и поддержанная ее учениками, прежде всего Н. А. Лещинской. Рассматривая исторические судьбы населения Вятского края, они объединили памятники этого региона VI?IX вв. в еманаевскую культуру (Голдина Р. Д. 1999. С. 311), а IX?XI вв. – в кочергинскую (Голдина, 1999. С. 325), связав обе культуры с древнеудмуртским этносом (Голдина, 1987. С. 22–28). Юмский могильник (всего 9 погребений) отнесен к обеим культурам. Кочергинская культура также включает в себя Кочергинский, Лопьяльский и Стрижевский могильники. Судя по картам расселения народов, опубликованным Р. Д. Голдиной в монографии «Древняя и средневековая история удмуртского народа» (1999), Ветлужско-Вятский регион занят целиком, включая правобережье Ветлуги, где расположены Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище», удмуртами. Марийцы появляются не ранее X в. только в районе Марийско-Чувашского Поволжья, а Вятский бассейн остается за удмуртами вплоть до XIII в. Веселовский могильник и могильник «Черемисское кладбище» рассмотрены Н. А. Лещинской также в составе 8?10 хронологических групп древностей Вятского бассейна, которые исследовательница также связывает с еманаевской и кочергинской культурами (Лещинская, 1995. С. 97–100). Время отступления удмуртского населения в левобережную часть Вятки, по ее мнению, происходит не ранее XI в. Однако собственно марийские памятники появляются в Вятском бассейне в конце XVI в. (Лещинская, 2002. С. 52). Следует оговориться, что в последней публикации исследовательница уже дифференцирует памятники Вятского бассейна от ветлужских, которые она все же называет марийскими.

Данная научная позиция порождает ряд противоречий в интерпретации могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья.

Во-первых, памятники Вятского бассейна, Юмский, Кочергинский, Лопьяльский, имеющие одинаковую материальную культуру, включая этноопределяющие элементы костюма, и погребальный обряд с могильниками Дубовский и Нижняя стрелка, расположенными на левом берегу р. Волги, оказались искусственно разделенными по территориальному принципу.

Во-вторых, осталось неясным, к какому кругу древностей отнесены аналогичные могильники Веселовский и «Черемисское кладбище» по р. Ветлуге.

В последние годы появилась еще одна точка зрения о том, что в IX?XI вв. происходила миграция населения (угров) из Пермского Предуралья в Волго-Вятский регион (Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009. С. 158–159; Белавин, Крыласова, Козлов, 2010, Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 135–138, 226–227). Эта научная гипотеза перерастает в развернутую концепцию, опирающуюся на многочисленные находки отдельных категорий инвентаря, среди которых встречаются этнические маркеры угорской культуры, в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. «Наличие в Ветлужско-Вятском междуречье представительного комплекса угорских этномаркеров является свидетельством переселения на эту территорию определенной группы (групп) выходцев из Среднего Предуралья» (Белавин и др. 2010. С. 112). По данной концепции было несколько волн переселения, наиболее массовое – в конце IX–XI вв. (Белавин и др. 2010. С. 112). Угры обеспечивали безопасность булгарских купцов (создавая или населяя созданные булгарами – непонятно? опорные пункты) на Волжском торговом пути. Распространение угорс-

ких изделий могло быть результатом торговли женщинами (невестами), которые, попав в иноэтничную среду, продолжали пользоваться своей посудой, украшениями и бытовыми вещами (Белавин и др. 2009. С. 138).

Исходя из вышеизложенного получается, что в Волжско-Ветлужско-Вятском междуречье в IX–XI вв. сложилась мозаичная система расселения, в которой «угры группами обитали в приустьевой части и верховьях Ветлуги, верховьях и среднем течении р. Пижмы» (Белавин и др. 2010. С. 112).

Вопрос об этнической принадлежности прикамско-приуральских племен, следы которых фиксируются в Волго-Вятском междуречье, в данной статье не будет рассматриваться. Эта сложная проблема вызывает острые дискуссии у специалистов, занимающихся изучением средневековых древностей Прикамья, Приуралья и Сибири. Без обладания полным комплексом источников и литературы любые выводы покажутся дилетантскими. В лучшем случае будет разумным присоединиться к одной из существующих точек зрения.

Целью данной статьи является попытка выяснить на конкретном материале могильников IX–XI вв. масштабы проникновения вещей прикамско-приуральского облика на территорию Волго-Ветлужско-Вятского региона и определить возможную модель и степень взаимодействия прикамско-приуральского и местного населения.

А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой и В. А. Ивановым в монографии «Угры Предуралья в древности и средние века» достаточно выразительно обозначены и проиллюстрированы этнические угорские маркеры археологических культур Урала и значительное внимание уделяется украшениям костюма. Для выяснения этнического своеобразия костюма необходимо из общей массы украшений, которые имели декоративное или узко функциональное назначение, выделить элементы, характерные для костюма определенного народа; именно они выполняют роль этнического индикатора и, как правило, производились на территории проживания этноса. В исключительных случаях такие вещи тоже могли перемещаться в другие регионы и проникать к представителям иноплеменных объединений. Попадая в чуждую среду, они, как правило, использовались не по их прямому назначению и занимали иное место в костюме, чем на своей родине.

В системе доказательств об угорской принадлежности части населения Ветлужско-Вятского междуречья значительный акцент делается на височных подвесках/серьгах с грузиком (так называемых «постсалтовских») (рис. 2 – *6*) и калачевидных (рис. 2 – *3, 9*) (Крыласова, Подосенова, 2009; Подосенова, 2009. С. 158–159). Не подвергая сомнению неоднократно доказанный вывод об этнической функции височного кольца, все же считаю, что для серьезных обобщений исторического порядка недостаточно наличие самого артефакта, т. е. височного кольца того или иного типа, но важно место этого изделия в составе костюмного комплекса, совместимость изделия с другими этническими индикаторами в костюме, соотношение украшения с различными сторонами материальной и духовной культуры, так как «общность формы, взятая вне системы, не является показателем общности традиции» (Генинг, 1988. С. 20).

Обратимся к материалам Веселовского могильника, расположенного в Шахунском районе Нижегородской области, который всеми исследователями относится к культуре средневековых мари и датируется IX–XI вв. Височные кольца общим количеством 66 экз. обнаружены в 20 погребениях из 34 исследованных на памятнике. Украшения очень разнообразны в типологичес-

ком отношении и имеют аналогии на различных территориях лесостепной полосы Восточной Европы: браслетообразные височные кольца с одним отогнутым кольцом, наиболее яркие марийские этномаркеры этой эпохи, составляют 38,2 %[1] (рис. 2 – *1, 7, 12*), браслетообразные проволочные височные кольца с завязанными концами – 5,9 % (рис. 2 – *4*), браслетообразные витые височные кольца с завязанными концами – 5,9 % (рис. 2 – *5*), браслетообразные проволочные височные кольца с концами, связанными проволокой, – 2,9 %, браслетообразные височные кольца с завитком на одном конце – 2,9 % (рис. 2 – *10*); перстневидные проволочные височные кольца – 2,9 % , кольца-серьги постсалтовского типа – 11,7 % (рис. 2 – *6*), кольца-серьги калачевидные – 8,8 % (рис. 2 – *3, 9*), кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика, предназначенного для дополнительных подвесок, – 2,9 % (рис. 2 – *13*), серьги треугольные с змеевидным основанием – 5,9 % (рис. 2 – *8*). В настоящее время в научной литературе существует достаточно устойчивое мнение, что браслетообразные кольца с завязанными концам связаны с кривичами (Левашова, 1967. С. 16). Кольца-серьги овальной формы с утолщением в виде колесика, предназначенного для дополнительных подвесок, характерны для древностей алан (Ковалевская, 1995. Рис. 7). Если поставить в прямую зависимость находки височных колец с обязательной миграцией населения, то в Ветлужско-Вятском междуречье в IX–XI вв., судя по материалам Веселовского могильника, присутствовали наряду с марийским населением, которое является преобладающим, славяне из Древней Руси, угры из Пермского Предуралья, переселенцы с Северного Кавказа. Этническую мозаику населения Ветлужско-Вятского междуречья по материалам могильников, аналогичных Веселовскому, можно добавить представителями мерянских (втульчатые височные кольца) и муромских (височные кольца со щитком на одном конце и заостренным вторым концом) племен.

В материалах средневековых марийских могильников упомянутые подвески/серьги с грузиком и калачевидные обнаружены в составе женских комплексов с другими ярко выраженными элементами марийского костюма, а в составе головного убора всегда находятся совместно с традиционными марийскими височными кольцами, иногда привязаны к последним и являются их дополнением (пп. 3, 4, 5, 10, 12 Веселовского могильника). Кроме того, население Ветлужско-Вятского междуречья имело свою традицию ношения височных колец-серег: они чаще встречаются в мужских погребениях обычно по 2 экз., а в женских по два или одному в зависимости от типа изделия.

Особое внимание среди вещей приуральского типа в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья исследователи уделяют категории «умбоновидных» шумящих подвесок, родиной которых, по их мнению, является ломоватовская культура. Поводом для такого вывода послужило массовое распространение подвесок в IX – первой половине XI вв. в Пермском Предуралье и снабжение их дополнительными лапчатыми привесками (Белавин, Крыласова, Козлов, 2010. С. 11).

Мне кажется, что нет никаких оснований для подобной интерпетации умбоновидных подвесок. Во-первых, требует статистического подтверждения тезис о массовом распространении данных изделий в памятниках Пермского Предуралья. В Рождественском археологическом комплексе таких изделий найдено 31 экз. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 375) при изученности 106 погребений и 3 жертвенников[2]. Для сравнения приведем данные по Веселовскому могильнику:

[1] Подсчет производился от общего количества захоронений на могильнике.

[2] За неимением полных опубликованных комплексов по всем памятникам Пермского Приуралья ограничимся статистикой наиболее представительного из них.

43 экз. в 32 изученных комплексах. В остальных могильниках Волго-Вятского междуречья «умбоновидные» подвески также являются достаточно распространенной находкой (рис. 3 – *2–9*). Менее всего таких украшений обнаружено в Дубовском могильнике: 24 экз. в 82 изученных комплексах. Но даже в этом случае частота встречаемости этого изделия не уступает данным по Рождественскому могильнику.

Умбоновидные подвески в Пермском Предуралье использовались для украшения сумочек или в составе накосников (Белавин, 2010 С. 110–111), а в захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья они устойчиво входили в состав обувных украшений, создавая яркий своеобразный колорит. Обувь из могильников этого региона неоднократно реконструирована (Халиков, Безухова 1960, С. 32; Архипов, 1973. Рис. 50), не находит полных аналогий в памятниках других культур, что позволяет считать ее этническим маркером средневековых мари.

Другая категория украшений, арочные подвески, также не может являться бесспорным аргументом в пользу того, что их находки свидетельствуют об обязательном присутствии угров. Среди арочных подвесок еще в 70-е годы Г. А. Архипов выделил свой тип подвесок с непрорезной основой (Архипов, 1973. С. 27–28), который в большей степени и встречается в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. Наиболее специфических для угорской металлопластики арочных подвесок с изображением медведя в Ветлужско-Вятском регионе не обнаружено, подвески с прорезной основой в форме ростка единичны. В каждом регионе имеется своя традиция ношения этой категории украшений: арочные подвески в Волго-Вятском междуречье использованы в качестве нагрудного или височного украшения, а в Прикамье и Приуралье в качестве накосников (Крыласова, 2001, С. 61–79). Аналогичная картина наблюдается в ношении биконьковых литых подвесок. Функциональное назначение вещи очень важно при использовании тех или иных украшений в качестве источника при определении этнокультурной принадлежности носителя. «Этнические показатели формы выявляются тогда, когда их анализируют и сравнивают на вариативность в пределах одной функции, одного определенного содержания (Генинг, 1988. С. 21).

В качестве основных элементов угорской культуры обозначены наборные пояса. «К западу от территории, занимаемой культурами угорского круга, детали наборных поясов, а особенно целые поясные наборы встречаются единичными экземплярами. Пожалуй, наиболее западной территорией массового распространения наборных поясов является Марийское Поволжье» (Белавин и др. 2009. С. 221). В таком случае как быть с поясными наборами в памятниках мордвы, где на широкой территории от Суры вплоть до Цны и Мокши обнаружены поясные принадлежности и даже целые пояса, абсолютно идентичные изделиям из Марийского Поволжья. Значительное количество наборных поясов обнаружено и в памятниках Древней Руси (Мурашова, 2000).

Среди маркеров угорской культуры значительное место уделено художественному металлу, включающему культовые предметы и украшения в зверином стиле и отражающему особенности мировоззрения угорского населения (Белавин и др. 2009. С. 175–209). Особое место уделяется изображению медведя (головы медведя, медведя в шагающей позе, в жертвенной позе и т. д.), хищной птице, лосю, ящеру, коню. В украшениях, найденных в могильниках Волго-Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв., мы находим в основном изображения коня. Но культ коня для эпохи Средневековья нельзя ограничивать только угорским миром, он значительно шире. Образ медведя, как один из ведущих для угорской металлопластики, на украшениях Волго-Вятского региона указанного периода не выражен.

А. М. Белавиным и Н. Б. Крыласовой досконально проанализирован погребальный обряд населения Предуралья. Им удалось выявить этномаркеры в погребальном обряде, позволившие связывать памятники Пермского Предуралья с уграми, среди которых наиболее выразительны и уникальны следующие черты: «помещение в погребение останков коня (в южных культурах т. н. “комплекса коня”, в северных – черепов или отдельных челюстей), а также применение металлических погребальных масок» (Белавин, 2009. С. 15–16), захоронения на помостах и использование речного песка преимущественно в качестве подсыпки под покойника или для его покрытия, реже в качестве подсыпки под комплекс сопровождающего инвентаря или при засыпке могилы (Крыласова, 2009. С. 94–96). В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья в настоящее время неизвестны захоронения с вышеописанными элементами обрядности. Имеется упоминание о наличии весьма фрагментарно сохранившегося покрытия из различных тканей на лице погребенных в п. 5, 12, 26 Веселовского могильника (Архипов, 1973. С. 13). Но это, скорее, остатки общего покрытия умершего, которое наблюдается в погребениях неоднократно. Покрытия были из тканей, кожи, меха, луба и закрывали всего покойника. Они не похожи на лицевые покрывала с нашитыми металлическими пластинами и бляшками или металлические накладки в области глаз и рта, имитирующие маски (Белавин, 2009), характерные для культуры угорских народов.

Таким образом, анализ совокупных археологических источников (погребального обряда, украшений в системе костюмного комплекса) не дает утвердительных данных о пребывании на территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья групп населения из Прикамья и Пермского Предуралья.

Присутствие на этих памятниках керамики прикамского облика (18?25 %), отдельных украшений свидетельствует о наличии межэтнических браков между древними марийцами и прикамско-пермским населением, которые «можно считать частным случаем общего явления, характерного для всей пограничной зоны двух этнокультурных регионов» (Леонтьев, 1989. С. 97). Отдельные свидетельства подобных контактов прослежены и на р. Унже. В Ветлужско-Вятском междуречье они приняли более массовый характер в силу пограничного долговременного проживания двух этносов и существенно повлияли на развитие марийской культуры. В результате этнических контактов формируются луговые и северо-восточные группы мари, а марийская культура приобретает своеобразный колорит, характеризующийся смешением волжско-финских и прикамско-пермских традиций.

В материалах средневековых марийских могильников (могильники Волго-Ветлужско-Вятского междуречья) большинство из перечисленных выше типов вещей располагались в различных погребениях, не образуя специфических комплексов, обнаружены совместно с ярко выраженными индикаторами марийской культуры, зачастую дополняя их в составе одного украшения (нагрудного, височного).

Погребальный обряд захоронений, в которых обнаружены указанные украшения, также ничем не отличается от погребального обряда марийского населения, сохраняет все особенности, включая этноопределяющие.

Исходя из вышеизложенного, невозможно выделить среди погребальных комплексов Волго-Ветлужско-Вятского междуречья захоронения, принадлежащие инородному населению. В таком случае носители обозначенных выше украшений, мигрировавшие с другой территории, должны были перенести с собой не только височные или другие украшения, но костюм в целом, а также

на новом месте жительства сохранять свою культуру в других проявлениях (прежде всего верованиях – погребальном обряде), во всяком случае в первое время. Обычно первое поколение лиц, поселившихся в другой этнической среде, сохраняет свою прежнюю этническую принадлежность на протяжении всей жизни, и, как правило, лишь их дети и внуки, особенно рожденные в смешанном браке, могут рассчитывать на сравнительно быструю и полную адаптацию (Бромлей, 1973. С. 117).

Отсутствие представителей угорского населения среди погребенных на некрополях Волго-Ветлужско-Вятского междуречья не означает, что данный регион не входил в сферу угорского влияния. По мнению языковеда Д. Е. Казанцева, в Поветлужье к моменту проникновения туда марийцев могли быть отдельные мансийские племена (Казанцев, 1985. С. 94). П. Д. Европеус писал: «…угорское наречие, существовавшее около рек Ветлуги и Юга, стояло ближе всего к языку нынешних вогуличей» (Европеус, 1876. С. 91). И. С. Галкин связывал гидроформанты ***-та(-да), -ша(-са), -жа(-за), -га*** с уральскими языками (Галкин, 2002. С. 17). А. Н. Куклин на основе широких диахронных и синхронных сопоставлений выделил три хронологических среза в топонимиконе Республики Марий Эл: нижний, связанный с племенами, говорившими на угро-самодийском языке; средний, связанный с марийским языком; верхний пласт русской топонимии (Куклин, 1998. С. 4).

Вероятно, угорское наследие на территории Волго-Ветлужско-Вятского междуречья следует искать в более ранних памятниках, чем анализируемый нами период, а в IX–XI вв. мы можем говорить скорее о культурных контактах, чем о миграциях населения.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973.

Архипов Г. А. Древние марийцы (этногенез и ранняя этнокультурная история) // Доклад на соискание уч. ст. доктора ист. наук. – М., 1991.

Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М.: МИА, № 22, 1951.

Белавин А. М. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009.

Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Козлов А. И. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарии к этнокультурным процессам I–II тыс. н. э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола, вып. 5., 2010.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М., 1973.

Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл (историко-этимологический анализ). – Йошкар-Ола, 2002.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. – М., 1988.

Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. – Устинов, 1987.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск, 1999.

Голубева Л. А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. – М., 1987.

Европеус П. Д. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, Финляндии и северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних жителей // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. – Вып. 1. – СПб., 1876.

Иванов В. А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990.

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). – Йошкар-Ола, 1985.

Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан //Аланы: история и культура. – Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. – С. 123–183.

Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь.

Крыласова Н. Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Вып. VI. – Пермь, 2009.

Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А. Калачевидные височные украшения как маркер переселений средневекового населения Пермского Предуралья // Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей». Тезисы докладов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 122–124.

Куклин А. Н. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). – Йошкар-Ола, 1998.

Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. – Вып. 43. – М.: Советская Россия, 1967.

Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. Материалы работ Волго-Окской экспедиции. – М., 1989.

Лещинская Н. А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск, 1995.

Лещинская Н. А. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н. э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. – Ижевск, 2002.

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). – М., 2000.

Никитина Т. Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола, 2002.

Подосенова Ю. А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пермь, 2009. – 272 с.

Семенов В. А. Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1989.

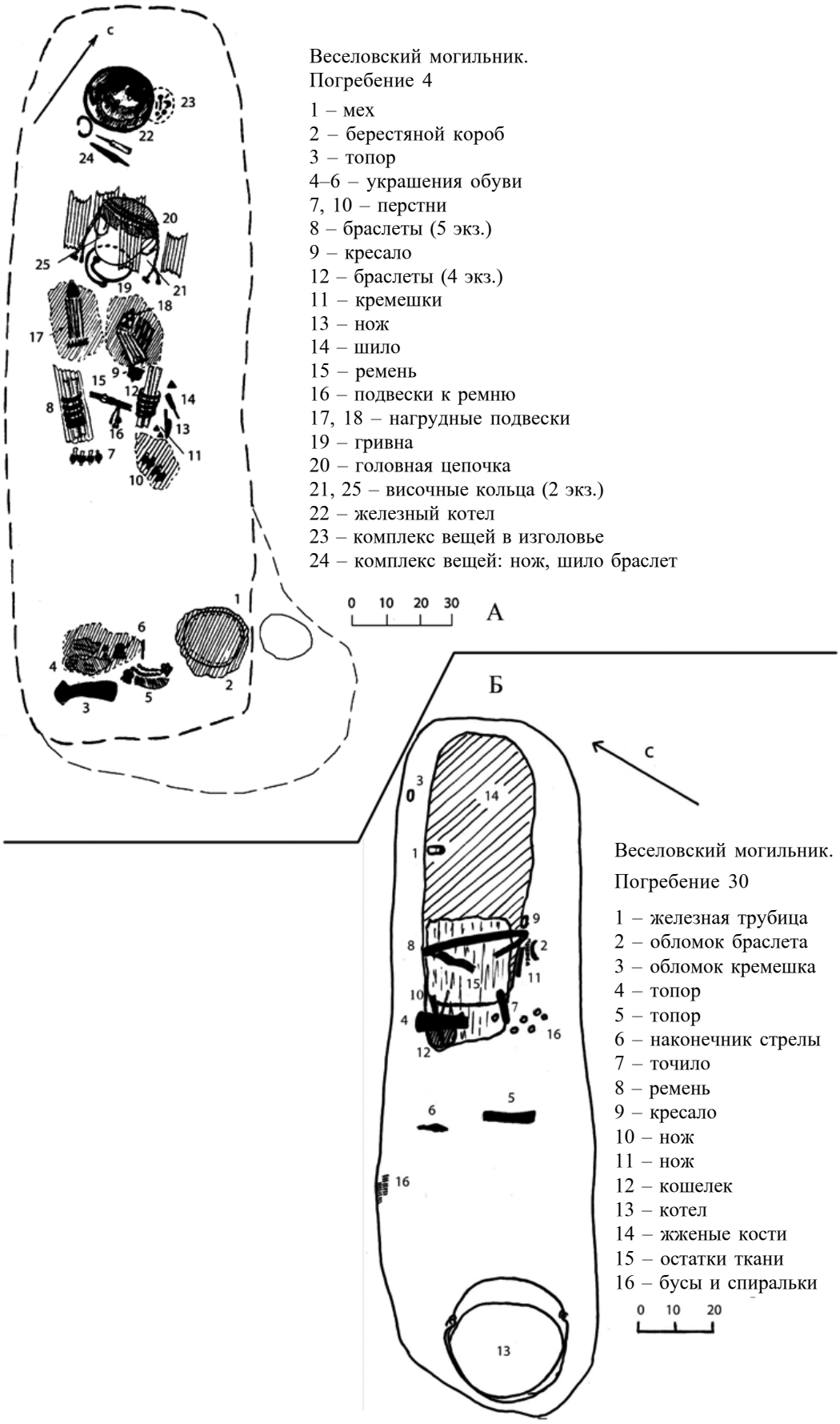
Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. – Козьмодемьянск, 1949.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. – № 28. – М., 1952.

Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. – № 95. – М., 1961.

Спицын А. А. Поездка летом 1891 г. на р. Юм (Котельничский уезд Вятской губернии // Дело императорской археологической комиссии о древних украшениях, найденных на берегу речки Юмы, в починке Загребинском Котельничского уезда Вятской губернии. – Архив ИИМК д. № 111.

Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). – Горький, 1960.



Веселовский могильник.
Погребение 4

1 – мех
2 – берестяной короб
3 – топор
4–6 – украшения обуви
7, 10 – перстни
8 – браслеты (5 экз.)
9 – кресало
12 – браслеты (4 экз.)
11 – кремешки
13 – нож
14 – шило
15 – ремень
16 – подвески к ремню
17, 18 – нагрудные подвески
19 – гривна
20 – головная цепочка
21, 25 – височные кольца (2 экз.)
22 – железный котел
23 – комплекс вещей в изголовье
24 – комплекс вещей: нож, шило браслет

Веселовский могильник.
Погребение 30

1 – железная трубица
2 – обломок браслета
3 – обломок кремешка
4 – топор
5 – топор
6 – наконечник стрелы
7 – точило
8 – ремень
9 – кресало
10 – нож
11 – нож
12 – кошелек
13 – котел
14 – жженые кости
15 – остатки ткани
16 – бусы и спиральки

Рис. 1. Веселовский могильник.
А – трупоположение; Б – трупосожжение.

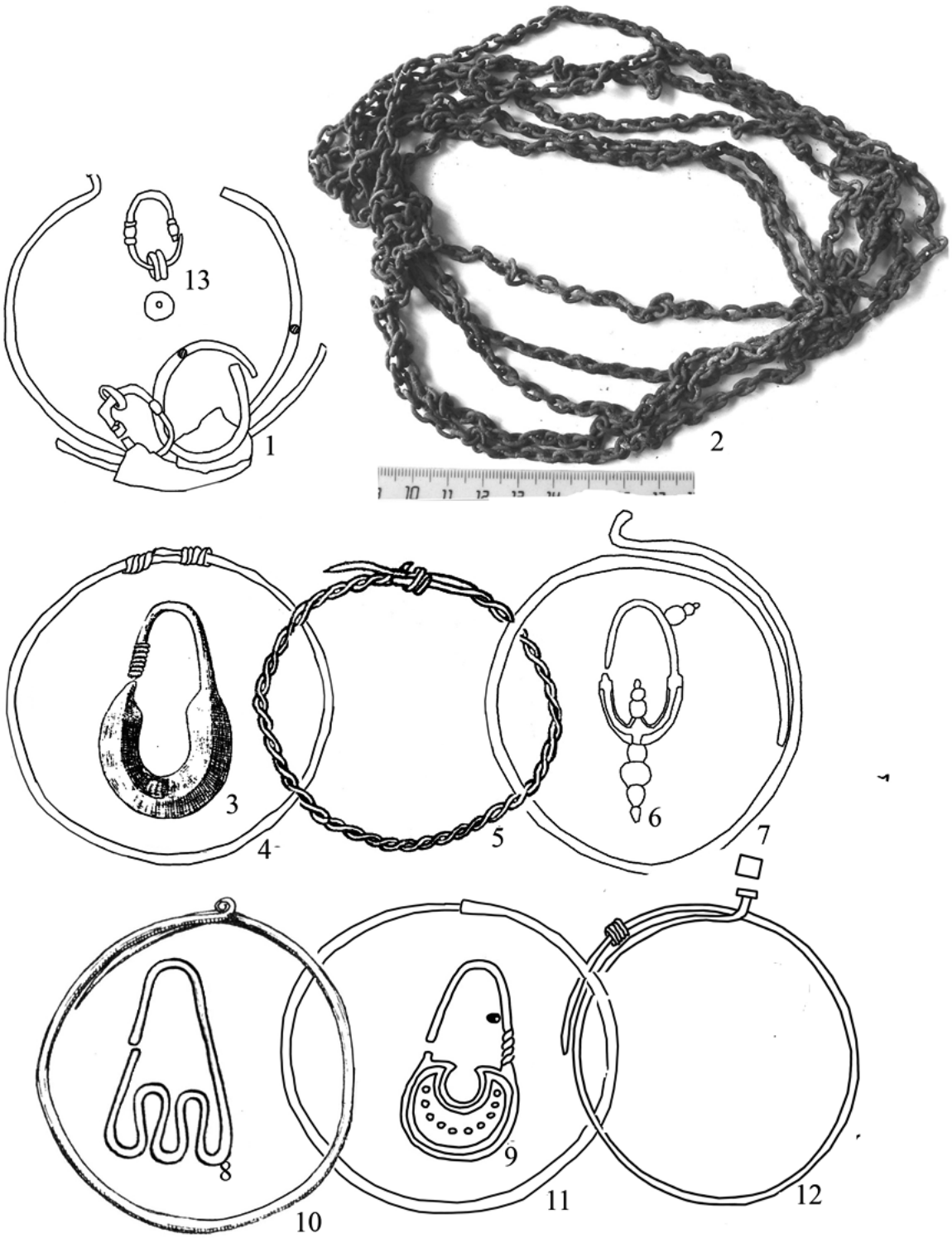


Рис. 2. Украшения головы из могильников Волго-Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. Веселовский могильник: 1, 1а – погр. 10; 3 – погр. 8; 6, 7 – погр. 4; 8 – погр. 13; 9 – погр. 16; 4 – погр. 27; 5 – погр. 1; 9 – погр. 3; 10 – погр. 3; 2 – «Черемисское кладбище», погр. 15; могильник «Нижняя стрелка», 11 – погребение 18; 12 – жк 7.

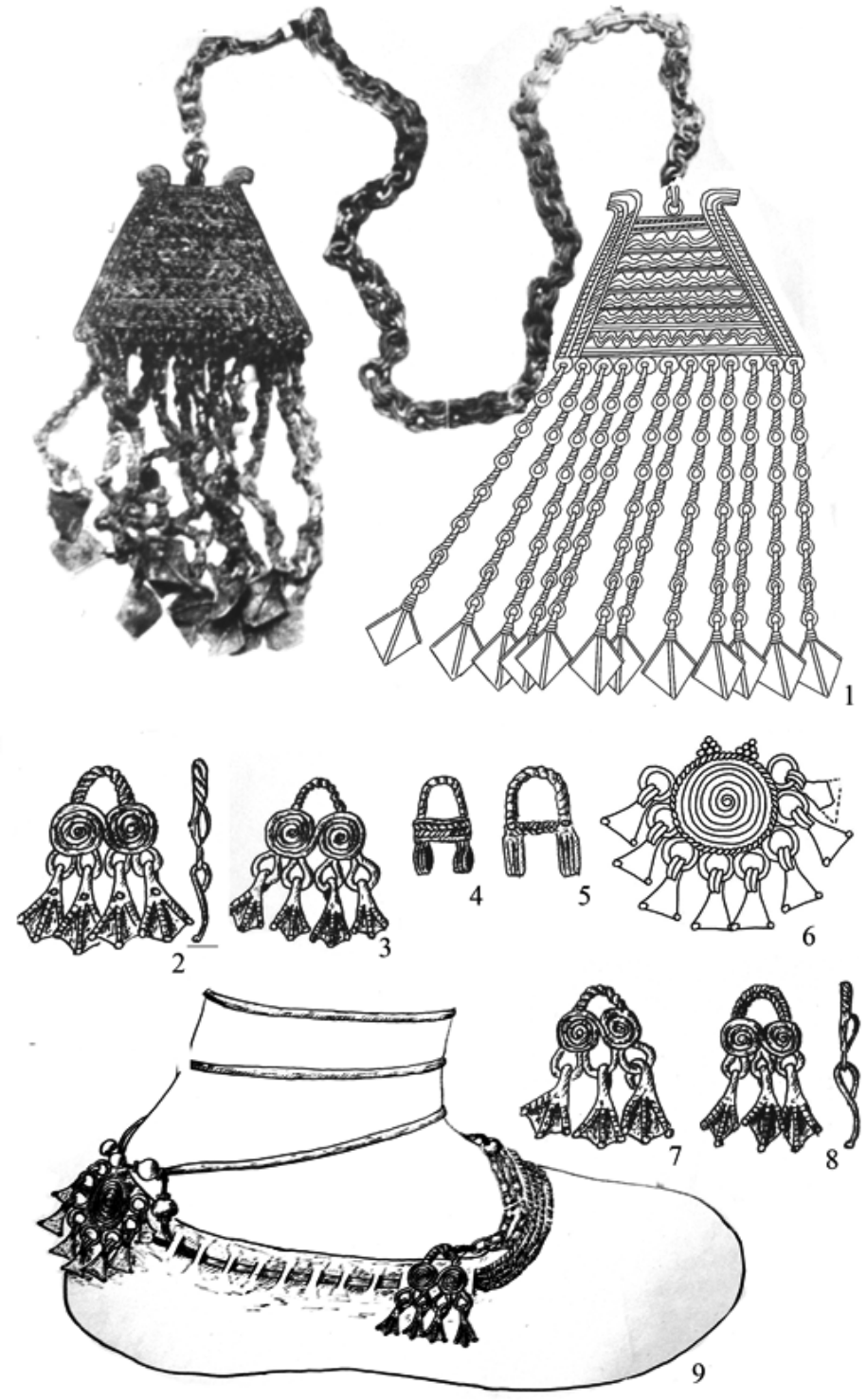


Рис. 3. 1 – Веселовский могильник, погр. 6;
2–8, 9 – «Черемисское кладбище», жк 1.

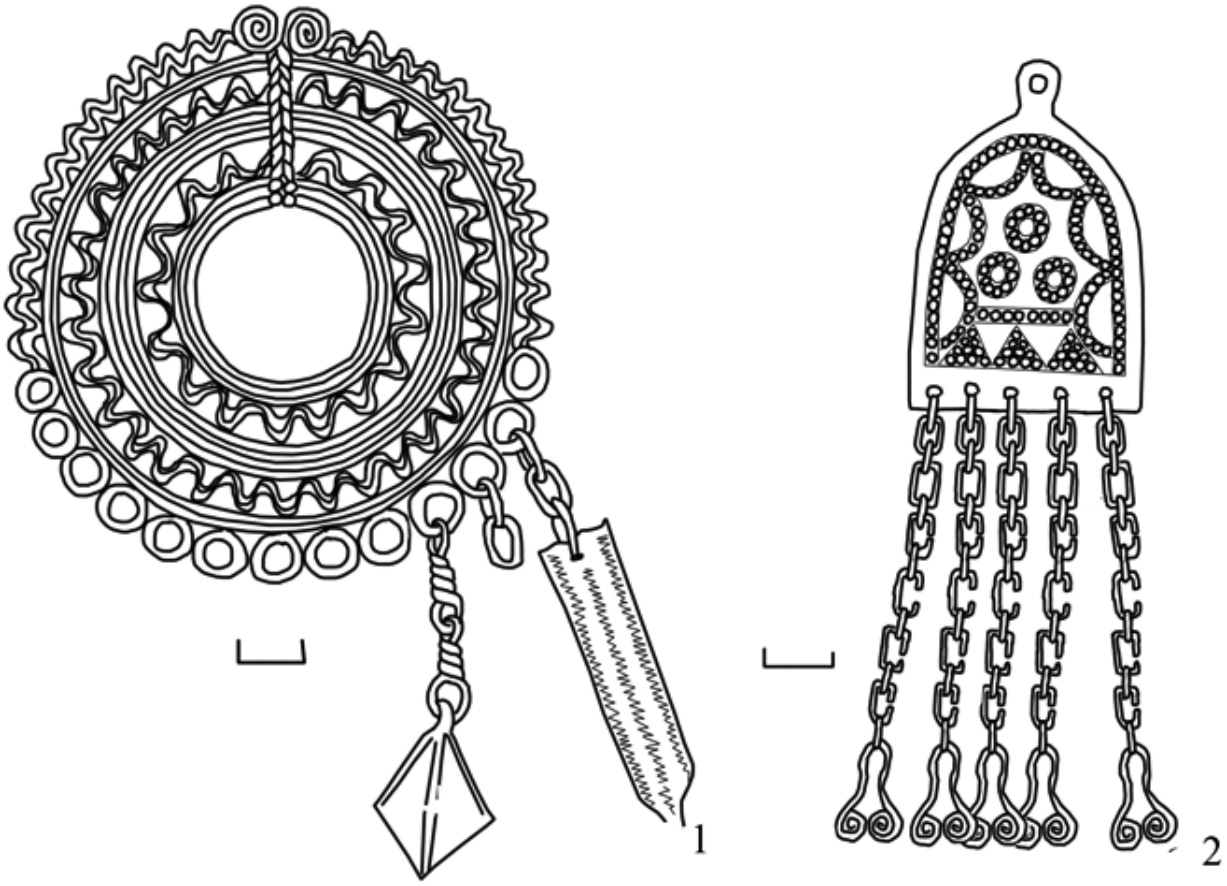


Рис. 4. 1 – п. могильника «Нижняя стрелка»;
2 – жертвенный комплекс 10 могильника «Нижняя стрелка».

З. С. РАФИКОВА

Россия, г. Альметьевск, МБУ «Картинная галерея»

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИСТОКАХ НОСИТЕЛЕЙ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ I ПОЛЯНКИНСКОГО СЕЛИЩА)

На сегодняшний день в изучении именьковской культуры остается множество нерешенных вопросов, в частности о происхождении культуры. Интересные наблюдения были сделаны при изучении Полянкинского I селища в Альметьевском районе Республики Татарстан. Оно располагается на пологой надпойменной террасе правого берега небольшой речки Багряж (правый приток р. Шешма) у впадения Черного ручья, на южной окраине деревни Полянка. С востока, таким образом, памятник ограничен р. Багряж, с юга – ручьем Черный ключ, с запада – неглубокой ложбинкой. Поверхность памятника распахивается. Здесь на площади 150 х 120 м автором в 1996 г. было собрано значительное количество лепной керамики, находящей параллели в материалах именьковской археологической культуры.

Южнее, на левом берегу Черного ключа, и далее вдоль берега реки Багряж на протяжении почти 150 м также фиксировались фрагменты подобной керамики – II Полянкинское селище. Е. П. Казаков в том же году указал автору на распространение керамики и на левом берегу реки Багряж, западнее I и II Полянкинского селищ, обозначенное как Полянкинское селище III. Территория распространения подъемного материала 150 х 50 м.

В 1996 г. в 80 м к югу от Черного ключа, 120 м от реки Багряж на месте небольшой западины на I Полянкинском селище был заложен **раскоп I** площадью 20 м^2 (рис. 1, 2). В 1997 г. с целью завершения работ по изучению выявленного сооружения 1 он был продолжен **раскопом II,** 74 м^2, в 1997 г.

На раскопах фиксировалась следующая стратиграфия: 25–30 см (местами до 40 см) пашня – темный, коричнево-черный суглинок с находками, далее гумированный темно-коричневый, насыщенный находками суглинок мощностью от 0 до 15 см в понижениях, ниже серо-коричневый суглинок 15–20 см без находок (единичные находки в многочисленных норах животных) – предматерик и материковая желто-коричневая глина. Культурный слой, видимо, почти полностью разрушен при пахоте и сохранился только в пределах западин и объектов. Выборка культурного слоя производилась штыками 20 см, в границах выявленных объектов – 10 см.

Раскоп I. С первого штыка идет значительное количество находок (810 ед. керамики и 15 фрагментированных костей животных), 16 известняковых камней. После снятия первого штыка фактически на всех участках серовато-коричневый слой насыщен мелкими углистыми включениями, камнями и многочисленными находками. С глубины 35–40 см от поверхности выявлены границы сооружения 1 в виде более рыхлого, насыщенного золой темного, серовато-коричневого, с размытыми краями пятна. Более светлый, коричневый предматерик с единичными находками фиксируется у восточной и южной границ раскопа. Северная граница данного объекта и южный угол были изучены в раскопе 2 в 1997 г. Сооружение 1 имело подпрямоугольную форму и размеры 480 х 450 см.

Всего при выборке 2 штыка зафиксировано 451 фрагмент керамики, 44 фрагмента костей животных (в основном сильно фрагментированных), 21 известняковый камень от 15 до 4 см. Индивидуальные находки представлены тремя пряслицами – биконическим и плоским, сделанным из стенки сосуда (рис. 5 – *4, 11*). Из верхнего слоя заполнения жилища происходят и несколько фрагментов тонкостенного сосуда с белой примесью в тесте (кость?) и фрагмент черного лощеного сосуда, орнаментированного резной линией и насечками по верхнему краю венчика (рис. 6 – *2*, *6*).

При выборке заполнения сооружения 1, вдоль его восточной и западной (на уч. А/0) границ, на глубине 35–40 см фиксируется темная полоса мощностью 3–6 см, черного цвета, с примесью очень мелких угольков – вероятно, следы сгорания конструкций (?) стены. Линия имеет неровную ширину от 1 до 12 см, мощность 4–6 см и исчерпывается, не доходя до дна жилища 1–3 см. У восточной стенки она не доходит 20 см до северной бровки. Вдоль западной стены линия лишь слегка намечена. Не зафиксирована подобная линия и вдоль северной стенки, в южном углу. Вдоль восточной стены нами выделено 6 столбовых ям шириной 6–10 см неправильной формы – фактически это более мощные участки темной линии, имевшие округлую форму, они исчерпывались вместе с темным слоем. Одна ямка, поврежденная норой, у западного угла северной стенки частично повреждена норой и имела глубину 10 см, диаметр 10 см, более светлое заполнение (рис. 3). Вдоль восточной и западной стенок на глубине 40–45 см в 10–40 см вглубь от границ объекта фиксируются вторая темная линия шириной 5–15 см мощностью 2–4 см. Так как угольки очень мелкие, вероятно, это следы каких-то элементов конструкций сооружения, вероятно, из веток (плетень) или камыша, обмазанного запесоченной глиной.

В слое, насыщенном пеплом, содержалось значительное количество фрагментов керамики, в том числе и достаточно крупных, фрагментированные кости животных и камни. Ближе к восточному углу скопление крупных камней – очаг. Здесь вместе с грубой, шамотной керамикой находился небольшой сосуд (диаметр устья 15,5 см) с подлощеной поверхностью (рис. 7– *2*). Рядом с очагом найдены два миниатюрных сосуда, раковина каури (рис. 11 – *9*, *10*, *14*).

Южный угол сооружения (как и северная стенка, не вошедшая в раскоп 1) был изучен в раскопе 2 в 1997 г. Вероятно, именно в южном углу находился выход, так как фиксируется понижение дна к центру и выявлено углубление, оставленное продолговатым прямоугольным предметом с закругленным концом длиной 35 см и шириной 5–6 см, расположенного параллельно южной стенке (доска, камень?). Вход был как-то отделен – вокруг полосой фиксируются темные углистые пятна. С двух сторон от данного углубления располагалось 2 развала сосуда. Один – горшечный, плотный по фактуре, небольшой – у самого угла, и нижняя часть сосуда – с другой стороны (рис. 7–*3*; 8–*3*). На памятниках эпохи бронзы исследователями изучен обряд оставления жилища, который, в частности, маркируется сосудами с пищей, оставленными у входа и в местах, имеющих сакральное значение (Горобов, 1996. С. 76–78). Соблазнительно было бы и в данном случае интерпретировать наличие двух сосудов у входа, крупной части сосуда у кострища в северо-восточном углу, миниатюрных сосудов, глиняных хлебцов как обряд оставления жилища, завершившийся своеобразными «похоронами» жилища – его сожжением. Это объясняет малое количество целых сосудов в заполнении жилища.

Индивидуальные находки. Из сооружения 1 происходят три пряслица. Два из них биконические, отверстия около 1 см, высота 16 и 17 мм, диаметр 29 и 27 мм соответственно, поверхность гладкая (рис. 5 – *7*, *11*). Подобные пряслица характерны для именьковской культуры (Ге-

нинг, 1976. С. 21). Пряслице, сделанное из стенок сосуда диаметром 26 мм и высотой 5 мм, нехарактерно для именьковских памятников (рис. 5–*4*). Д. А. Сташенков склонен связывать подобные находки у с. Сиделькино с потомками кочевого населения (Сташенков, 2005. С. 30). Интересен фрагмент цилиндрического пряслица(?) из белого камня, найденный на поверхности поселения (рис. 5–*8*).

Глиняная фигурка высотой 45 мм имеет четко обозначенную голову и весьма приблизительно очерченное тулово. Один глаз нанесен острым предметом, второй лишь намечен. Рот выполнен заостренным цилиндрическим предметом. На именьковских памятниках часто встречаются глиняные фигурки, но аналогии данному изделию нам неизвестны (рис. 5–*1*).

Фрагмент глиняного диска (?) диаметром около 5 см (рис. 11–*7*). Аналогии имеются в материалах Саратовского Поволжья, например на Сиделькинском II селище, в целом датируемом авторами раскопок III веком и соотносимом с материалами киевской культуры (Сташенков, 2005. С. 32, 47). Подобные, только меньших размеров, предметы встречаются и на булгарских памятниках и обозначаются как «ритуальные хлебцы».

Глиняная бусина из верхнего слоя заполнения жилища имеет асимметричную форму, максимальный диаметр 18, высота 12–8 мм, диаметр отверстия 4 мм (рис. 5–*9*). Датирующего значения, вероятно, не имеет.

Раковина каури со спиленной для удобства прикрепления спинной частью. Как известно, у алан раковины каури использовались в качестве амулетов, что было связано с культом змеи. А казахи так и называли их – «змеиная голова» и тоже считали талисманом (Афанасьев, 1976. С. 122).

Мелкая стеклянная (?) круглая, немного сплющенная с боков бусина светло-желтого цвета, размером чуть более 2 мм имеет широкую дату бытования (рис. 5–*18*).

Металлические изделия представлены железным язычком пряжки с прогибом, круглой в сечении, и наконечником ремня из согнутой пополам пластины прямоугольной формы с округлым расширением (рис. 5 – *14*, *15*). Железный язычок пряжки относится к ранним формам, но, вероятно, подобные формы доживают до начала VI века (Богачев, 1992. С. 146–152). Встречаются они и на именьковских памятниках (Старостин, 1967. Табл. 19, 7) (Именьковское I городище). Наконечник ремня из светлого металла находит аналогии в материалах Тураевского могильника, но имеет менее вытянутые пропорции. (Богачев, 1992. С. 146; Генинг, 1976. С. 92).

Раскоп 2 площадью 54 м^2 был заложен с целью завершения изучения сооружения 1 и пространства около него и определения перспектив дальнейшего изучения селища. Однако в северной части раскопа были выявлены границы крупного объекта – сооружения 2. Для его изучения площадь раскопа была расширена на 20 м^2 в северном направлении.

Расплывчатые границы сооружения 2 в виде темно-коричневого пятна, выделявшегося на фоне более светлого предматерикового суглинка, были зафиксированы на глубине 30–35 см на участках линий 1 и 2 (рис. 4).

В границах пятна, в его юго-западной части, фиксируется зольное пятно, переходящее постепенно в более темное пятно с угольками мощностью до 10 см. В юго-восточной части жилища оно перекрывало темное гумированное пятно с мелкими находками, выходящее за границы жилища, – вероятно, выход. Еще одно зольное пятно меньшего размера и мощности 110 х 70 см с многочисленными фрагментами керамики располагалось на участке Б/8 в северной части жилища. Непосредственно над и в золистом слое были расчищены углистые следы от деревянных

конструкций (рис. 4). Их расположение не противоречит предположению как о шатровой типа чума конструкции жилища, так и конструкции типа шалаша.

Сооружение 2 имело неправильную округлую форму, чуть вытянутую по линии север-юг, размеры 380 х 430 см и углублено в предматериковый слой 8–10 см. Его западная и северные границы сильно повреждены норой крупного животного. В центре располагалась столбовая яма диаметром 25 см, углубленная в материк на 20 см.

Вдоль западной и северной стенки, возможно, была проложена канавка, и по ее рыхлому заполнению прошла нора крупного животного шириной 40 см с расширением к северу до 50 см и глубиной 40–45 см. В более рыхлом и темном заполнении норы были найдены только мелкие фрагменты керамики и костей животных. За границами жилища, в северной части норы, найден один крупный фрагмент шамотного сосуда горшечной формы (рис. 10–*6*).

К северу от центральной столбовой ямы зафиксированы следы от 6 столбовых ямок диаметром 3–4 см, углубленных на 8–10 см. Они образовывали остроугольный треугольник размерами 44,45 и 29 см, вытянутый по линии северо-запад – юго-восток. Назначение данной конструкции не ясно.

Следует отметить, что и в данном жилище у входа был найден небольшой сосуд, миниатюрный сосуд чашевидной формы, два пряслица (рис. 1 – *6*, *13*; 11 – *2*, *4*, *6*).

Индивидуальные находки. Из заполнения сооружения 2 происходит четыре пряслица, все они биконической формы, изготовлены из хорошо отмученного теста. Два из них диметром 34 мм и высотой 17 мм, диаметр отверстия 9 и 10 мм (рис. 5 – *3*, *13*). На одном из них, частично утраченном, имеются три насечки. Два других – диаметром 27 мм и высотой 17 и 12 мм (рис. 5 – *5*, *6*).

Глиняный шар неправильной формы, приплюснутый с двух сторон с овальным отверстием шириной 31 и высотой 20 мм был также украшен тремя насечками (рис. 5–*16*).

Фигурка животного сильно повреждена (рис. 5–*2*). Такие фигурки широко распространены на именьковских памятниках.

Из верхнего слоя заполнения жилища происходит глиняный цилиндрик высотой 17 и шириной 10 мм – возможно, ножка сосуда трипода, т. к. с одной стороны сохранились следы соединения (рис. 5–*12*). Второй предмет также может быть ножкой сосуда трипода либо, что кажется нам более вероятным, палочкообразной ручкой невысокого сосуда-сковородки (рис. 5–*10*). Подобные сосуды встречаются на болгарских поселениях и соотносятся с кочевническими комплексами (Казаков, 1991. С. 172).

Назначение фрагмента глиняного диска, украшенного резным солярным (?) орнаментом (рис. 11–*8*), можно, как и в первом случае, определить как «ритуальный хлебец». Подобный орнамент часто встречается в орнаменте зеркал аланского населения Северного Кавказа второй половины V – первой половины VIII вв. Известно, что у алан главенствующим был культ солнца – огня (Афанасьев, 1976. С. 122).

Изделия из металла представлены фрагментом лезвия железного ножа длиной 65 мм со слегка выгнутой спинкой (рис. 5–*17*) и небольшим куском кричного железа.

Характеристика керамического комплекса.

Основная масса находок представлена фрагментами лепной керамической посуды. Из раскопа I происходит 1 938 фрагментов керамики, из раскопа II – 3 794 фрагмента. Посуда сильно фрагментирована. Полностью восстановлена форма трех сосудов, частично – 12.

По внешнему оформлению сосуды можно разделить на две группы – с подлощением и нелощеные. Сосуды с подлощенной поверхность немногочисленны (фрагменты не более чем от 20 сосудов). Они имеют короткую шейку и раздутое тулово, причем один из наиболее сохранившихся сосудов имел, вероятно, закругленное днище (рис. 7–*2*; 12–*8*). Один фрагмент чернолощеного сосуда, орнаментированный резной линией и насечками по краю венчика, имеет высоту шейки почти 4 см (рис. 6–*6*).

Сосуды с шероховатой поверхностью можно разделить по форме на пять групп. Первая группа – сосуды с высокой шейкой (более 2 см) горшечной формы (рис. 6–*1*, 3 – *5*, 7). Встречаются сосуды, орнаментированные насечками и вдавлениями по краю венчика. Вторая группа – сосуды с горшечной формы и короткой шейкой (2 и менее см (рис. 8; 10–*6*)). Обычно у них соотношение диаметра горловины и тулова около 2:3. Сосуды либо не орнаментированы, либо орнаментированы насечками по венчику. Третья группа сосудов с очень короткой шейкой или без нее, вероятно, удлиненных пропорций с соотношением диаметра горловины и тулова, близком к ½ (рис. 10 – *2–5*; 7). Четвертая группа – сосуды с короткой шейкой и внутренним ребром. Следует отметить, что почти все фрагменты происходят из заполнения сооружения 1. Их можно подразделить на две группы: 1) сосуды, изготовленные с примесью крупного шамота в тесте. Они орнаментированы вдавлениями по краю венчика овальной и ромбической формы (рис. 12 – *4*, *5*). Подобная керамика, в частности, происходит из Царева кургана (Сташенков, 2005. Илл. 12–16); 2) сюда же можно отнести фрагменты с более мелкой примесью шамота в тесте, орнаментированные резными линиями (рис. 12 – *6–8*).

В отдельную, пятую, группу выделяются сосуды серовато-коричневого окраса из сооружения 1. Их поверхность покрыта расчесами, шейка короткая, узкий венчик, украшен насечками по краю. Поверхность сосудов покрыта тонкими линиями расчесов, идущих в разных направлениях (рис. 12 – *1–3*). Аналогии подобной посуде нам неизвестны.

Два фрагмента из теста с более мелкой примесью выделяются из общей массы находок благодаря своему декору. Из нижнего слоя заполнения сооружения 1 происходит фрагмент сосуда горшечной формы с коническими налепами по максимальному расширению тулова и резной волной по плечикам (рис. 7–*1*). Поверхность сосуда тщательно заглажена. Прямые аналогии нам неизвестны. Горшки с налепами встречаются на позднесарматских памятниках (например, Андреевский могильник, курган 13). На Северном Кавказе известны кувшины с подобным декором (например, могильник Мокрая Балка близ Кисловодска).

Из нижнего слоя заполнения сооружения 2 происходит еще один необычный фрагмент днища сосуда с гладкой коричневой поверхностью, который был украшен растительным (?) орнаментом, нанесенным тонким инструментом типа иглы (рис. 7–*4*). Аналогии нам неизвестны.

Для всех групп керамики, по данным Н. П. Салугиной, характерно использование формы-модели, в частности формы-основы.

Вопрос о единовременности функционирования жилищ из-за повреждения культурного слоя при пахоте не имеет однозначного ответа. Наличие единичных мелких фрагментов сосудов только в верхних слоях заполнения сооружения 2 говорит, вероятно, о более раннем сроке его возведения.

Видовой состав животных с раскопок I Полянкинского селища (табл. 1) характерен для поселений именьковской культуры (определение А. Г. Петренко и Г. Ш. Асылгараевой).

Как видно из таблицы, в стаде преобладал КРС (23,7 %), причем все особи старше двух лет. Второе место занимает лошадь (16,3 %), все особи старше 1,5 лет, свинья занимает третье место (11,8 %).

Таблица 1.

	Сооружение 1	Сооружение 2
1-й штык	–	**крупный рогатый скот** – две кости от одной особи старше двух лет **лошадь** – две кости от одной особи старше пяти лет **бобр** – одна кость неопределимые кости – 4
2-й штык	**крупный рогатый скот** – шесть костей от одной особи старше двух лет **лошадь** – пять костей от одной особи старше 1,5 лет **свинья** – две кости от одной особи неопределимые кости, ребра, позвонки – 15	**крупный рогатый скот** – девять костей от одной особи **мелкий рогатый скот** – две кости от одной особи **свинья** – одна кость от одной особи неопределимые кости – 15
3-й штык	**крупный рогатый скот** – 11 костей от одной особи старше двух лет **мелкий рогатый скот** – одна кость от одной особи **лошадь** – шесть костей от двух особей. Одна особь старше четырех лет **свинья** – семь костей от двух особей неопределимые кости – 3	**крупный рогатый скот** – четыре кости от одной особи старше трех лет **мелкий рогатый скот** – одна кость от одной особи **лошадь** – две кости от одной особи старше 1,5 лет **свинья** – одна кость от одной особи неопределимые кости – 3

Н. П. Салугиной было проведено микроскопическое исследование керамики из поселения. Она, в частности, отмечает: «Наличие и преобладание в изученных материалах смешанных навыков в способах конструирования свидетельствует: 1) о глубоко зашедшем процессе смешения носителей данных навыков, 2) о том, что данное поселение оставлено населением, для которого уже были характерны смешанные навыки изготовления; а это косвенным образом указывает, что данное поселение относится к развитому этапу именьковской культуры».

Однако наконечник ремня тураевского типа, язычок от пряжки с прогибом посередине позволяют отнести время бытования поселения к концу IV – началу V веков.

Таким образом, на поселении изучено два сооружения, являвшихся, вероятно, жилищами. Конструкция жилищ, очагов внутри них, керамический и вещевой материал из их заполнения имеет отличия, что, вероятно, свидетельствует о разных культурных истоках данного населения. Так, например, только в заполнении сооружения 1 встречены крупные фрагменты серо-коричневой, с украшенной расчесами поверхностью сосуды с короткой шейкой, сосуд с конусовидными налепами по тулову. В последние годы исследователи все более склоняются к выводу, что носи-

тели именьковской культуры, вероятно, были полиэтничны и «на разных этапах развития в разных частях именьковского ареала преобладало то или иное население, придававшее специфическую окраску именьковской культуре» (Сташенков, 2005. С. 48). В данном случае на материалах I Полянкинского селища можно сделать некоторые предположения об одном из культурных компонентов, легших в основу данного населения.

Е. П. Казаков, в течение многих лет изучавший поселенческий и погребальные материалы именьковской культуры на территории Татарстана, отстаивает преемственность и генетическое родство именьковской и позднесарматской культур. По совокупности изученных материалов можно отметить, что ряд находок – сосуд с конусовидными налепами по тулову, пряслице из стенки сосуда, хлебец с солярным орнаментом, фрагменты керамики, имеющие аналогии в материалах Царева кургана, – находят аналогии в древностях индо-иранского мира.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г. Е. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка // Советская этнография. – 1976. – № 1.

Богачёв А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара, 1992.

Генинг В. Ф. Тураевский могильник // Из археологии Волго-Камья. – Казань, 1976.

Горобов В. Н. К интерпретации некоторых поселенческих комплексов бронзового века Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград: Перемена, 1996.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991.

Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. – Вып. Д1-32. – М., 1967.

Сташенков Д. А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э.: Раннеславянский мир. – Вып. 7. – М., 2005.

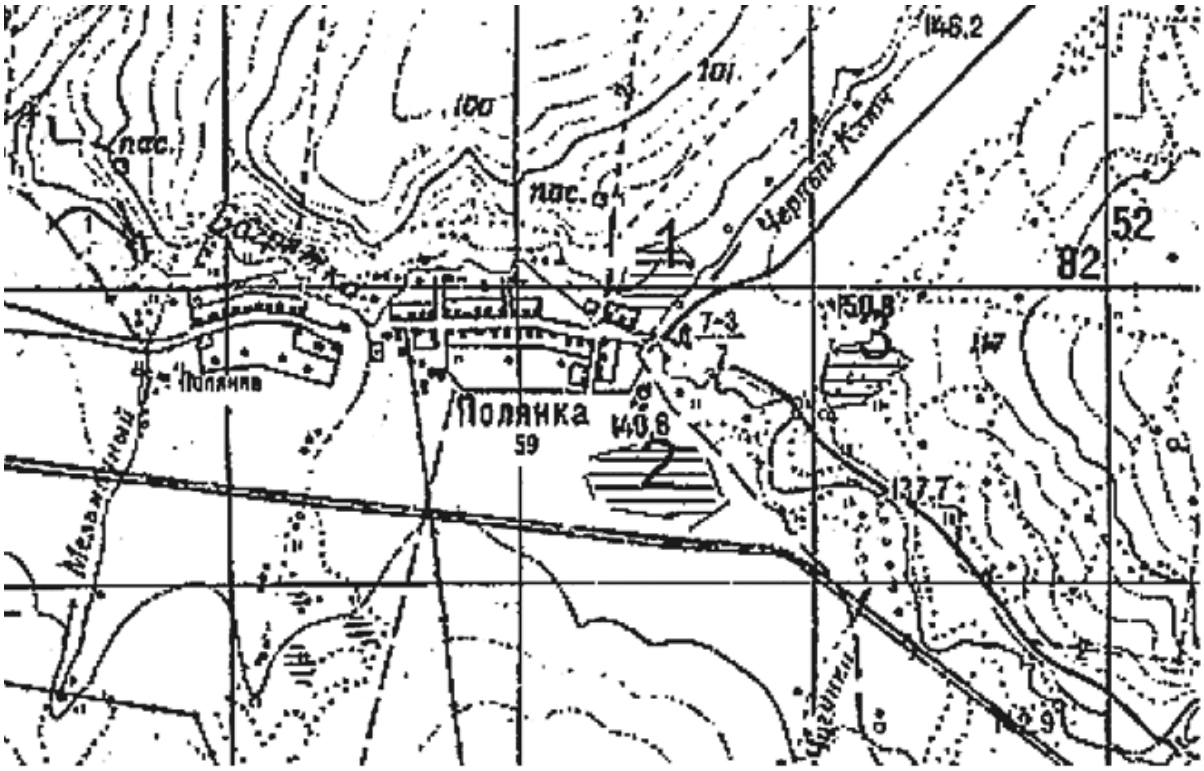


Рис. 1. Расположение памятников у д. Полянка Альметьевского района

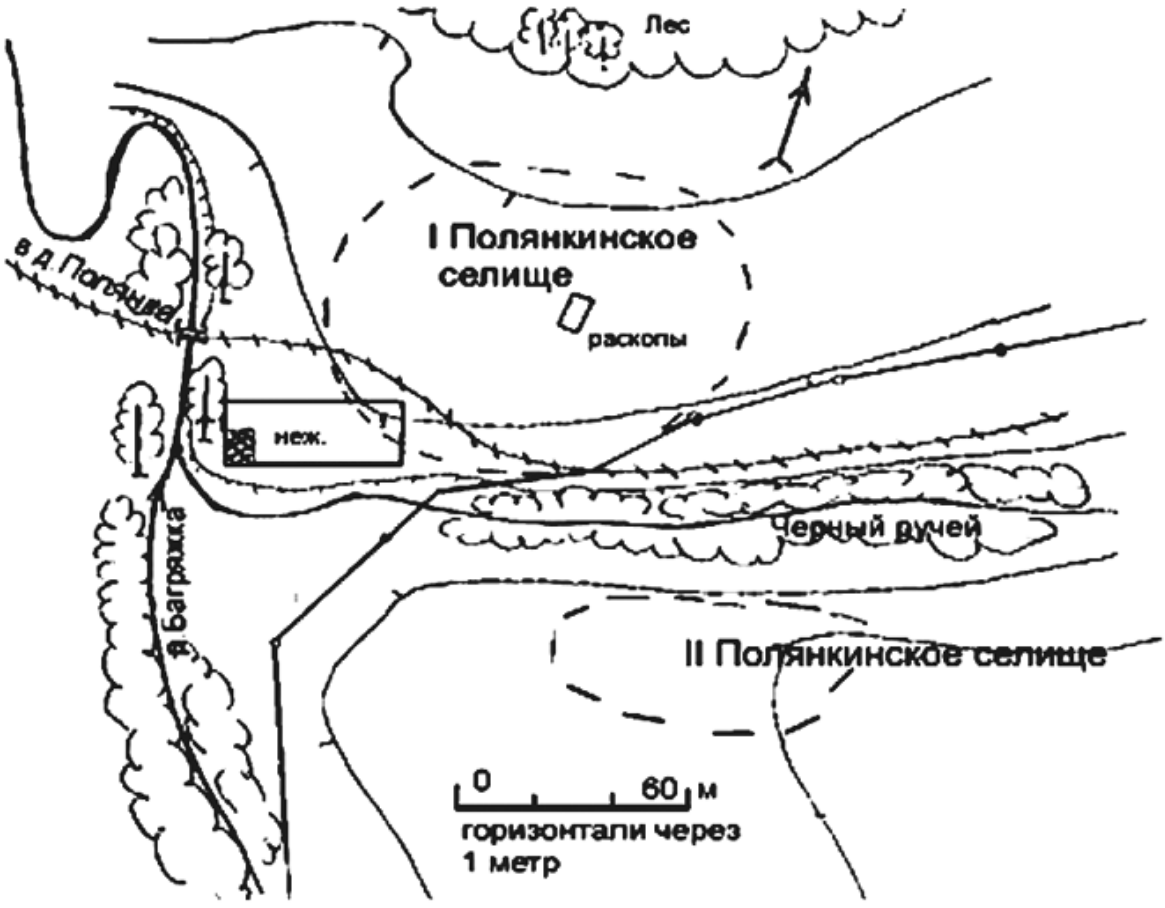


Рис. 2. Полянкинское I селище. Общий план

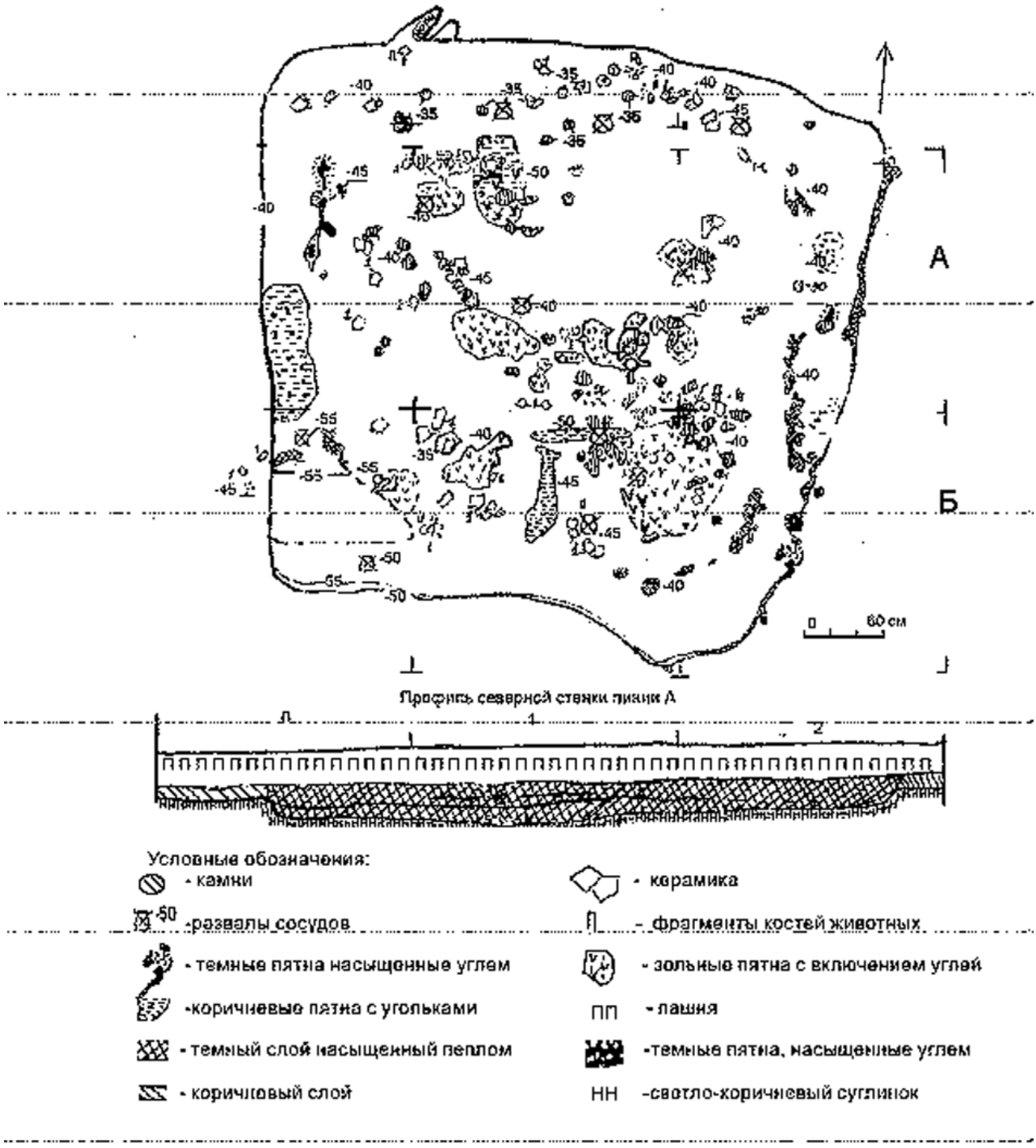


Рис. 3. Полянкинское I селище. Сооружение 1.

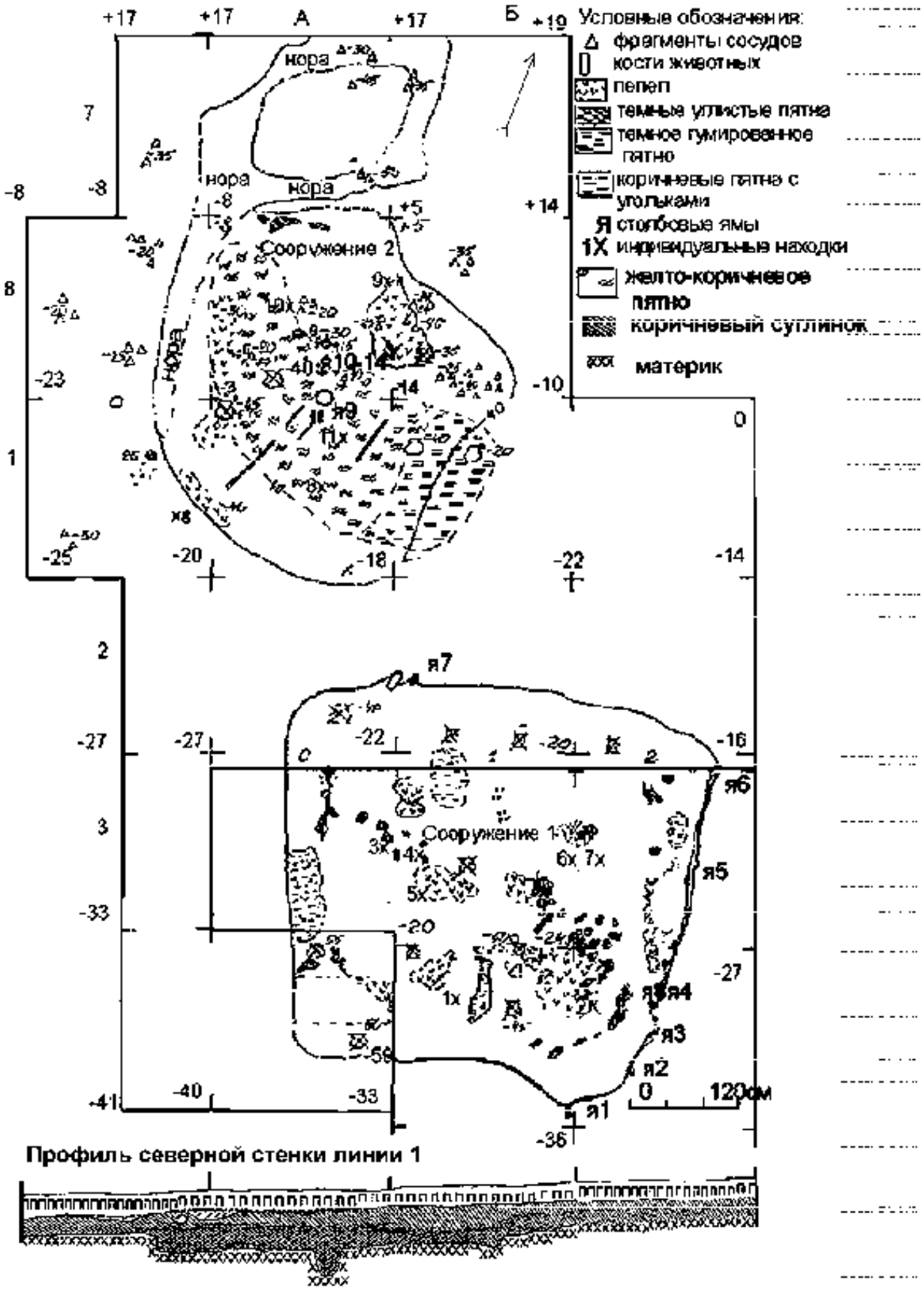


Рис. 4. Полянкинское I селище. Планы сооружений 1 и 2.

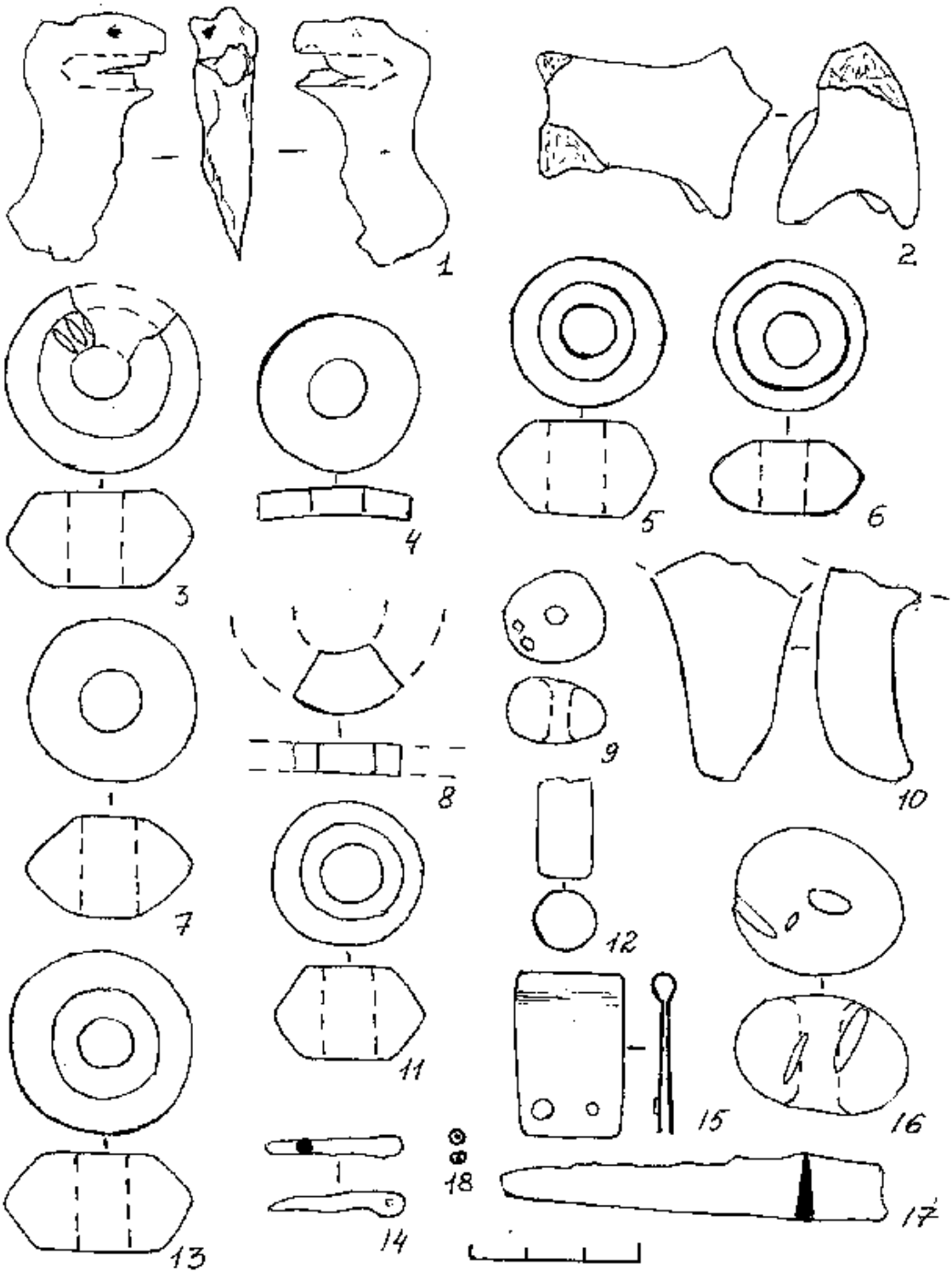


Рис. 5. Индивидуальные находки с I Полянкинского селища. 1, 2 – глиняные фигурки; 3, 5–7, 11, 13 – биконические пряслица; 7 – пряслице из стенки сосуда; 8 – фрагмент пряслица из белого камня; 9, 16 – глиняные бусины; 10, 12 – ножки сосудов (?); 14 – язычок пряжки; 15 – наконечник ремня; 17 – нож. 1, 4, 7, 9, 11, 14, 15 – сооружение 1; 2, 3, 5, 6, 10, 12, 13, 16, 17 – сооружение 2; 8 – подъемный материал. 1–7, 9–13, 16 – глина, 8 –камень, 15, 17 – металл, 18 – стекло (?).

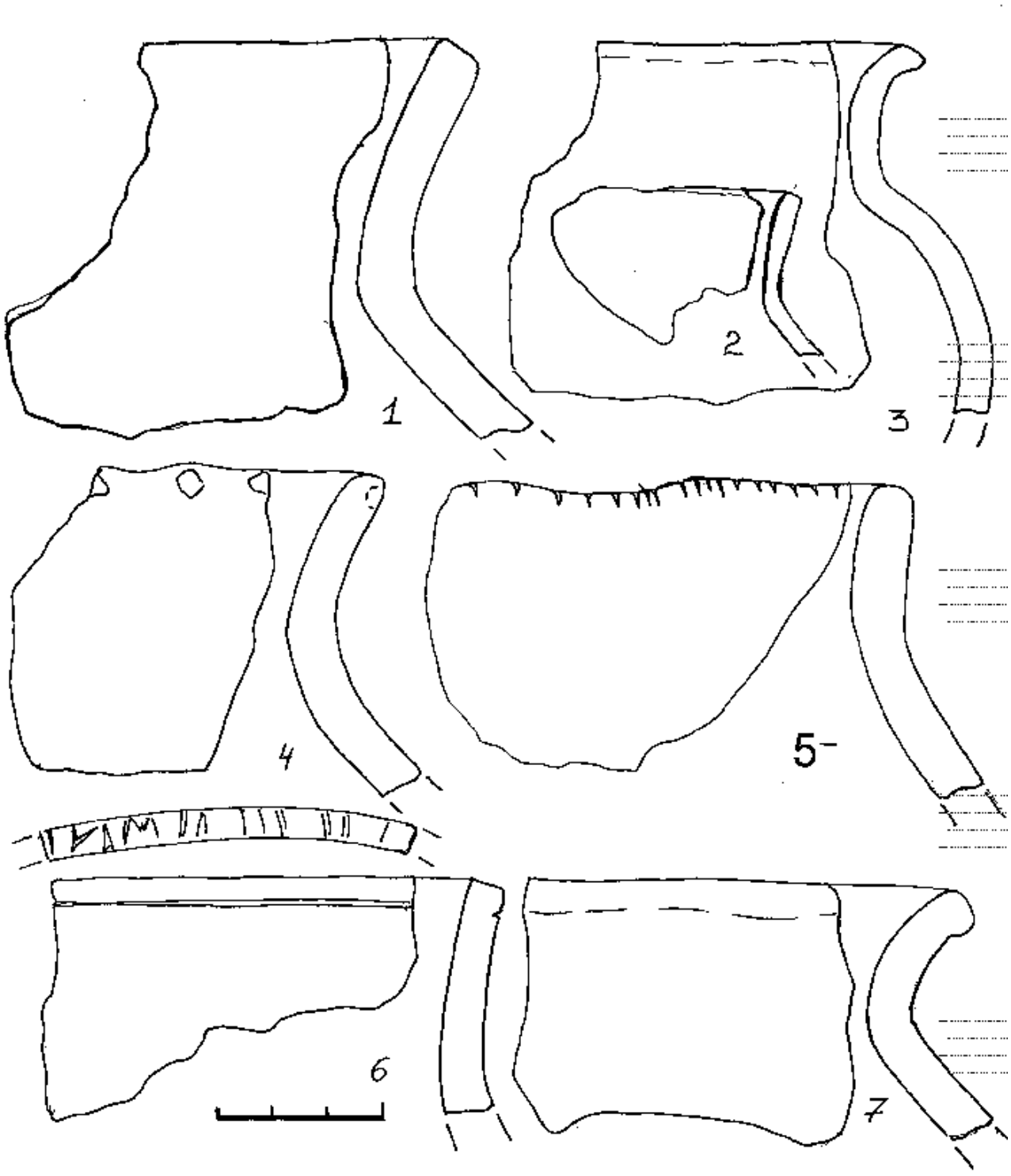


Рис. 6. Полянкинское I селище. Фрагменты сосудов с высокой шейкой.
1, 4, 7 – сооружение 2, гл. – 35–40 см; 2, 3, 5, 6 – сооружение 1, гл. – 25–35 см (4 гл. – 40).

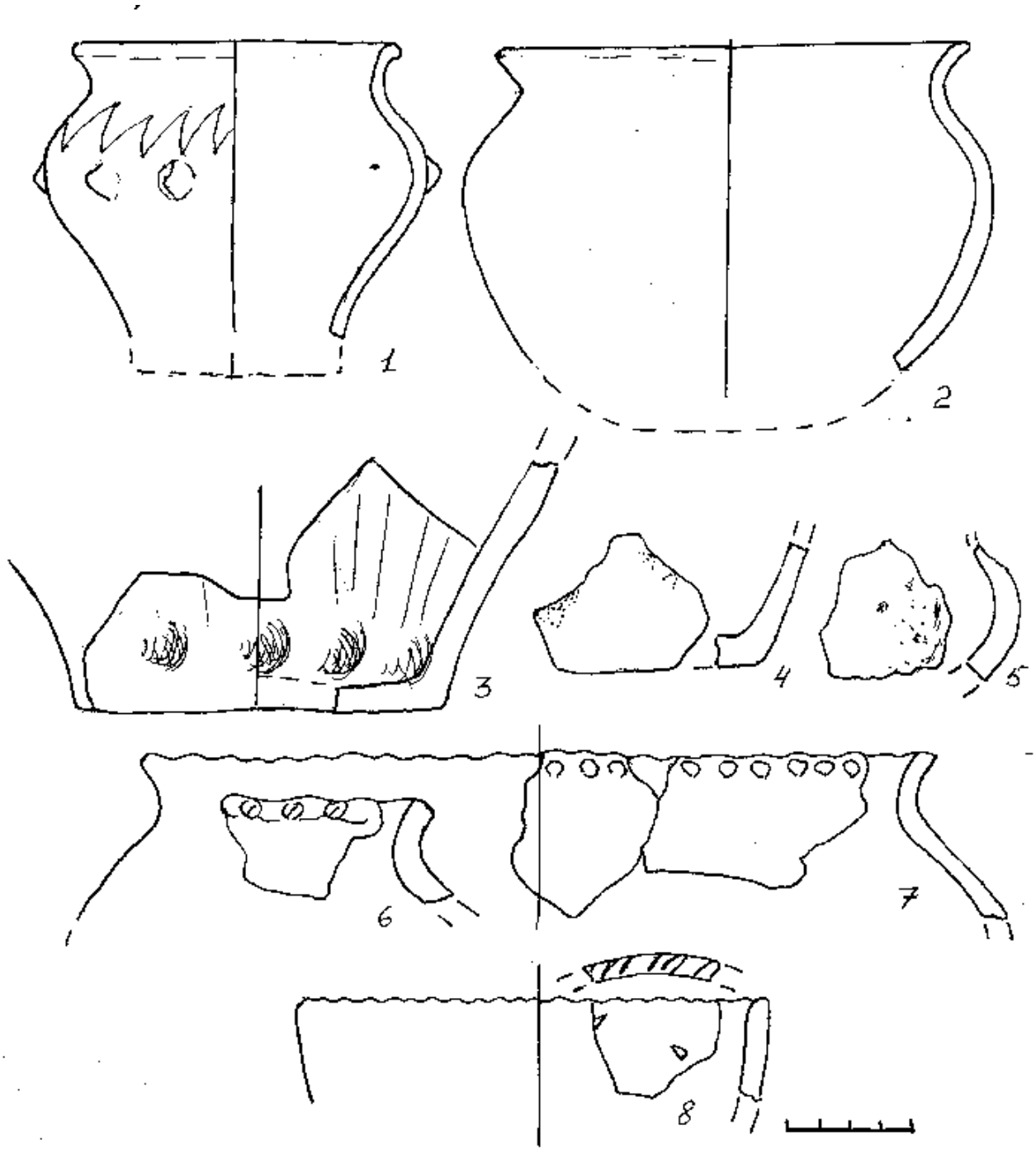


Рис. 7. Полянкинское I селище. Фрагменты сосудов. 1–3, 6–8 – сооружение 1; 4, 5 – сооружение 2. 1–5 – гл. – 40–50; 6–8 – гл. 25–35 см.

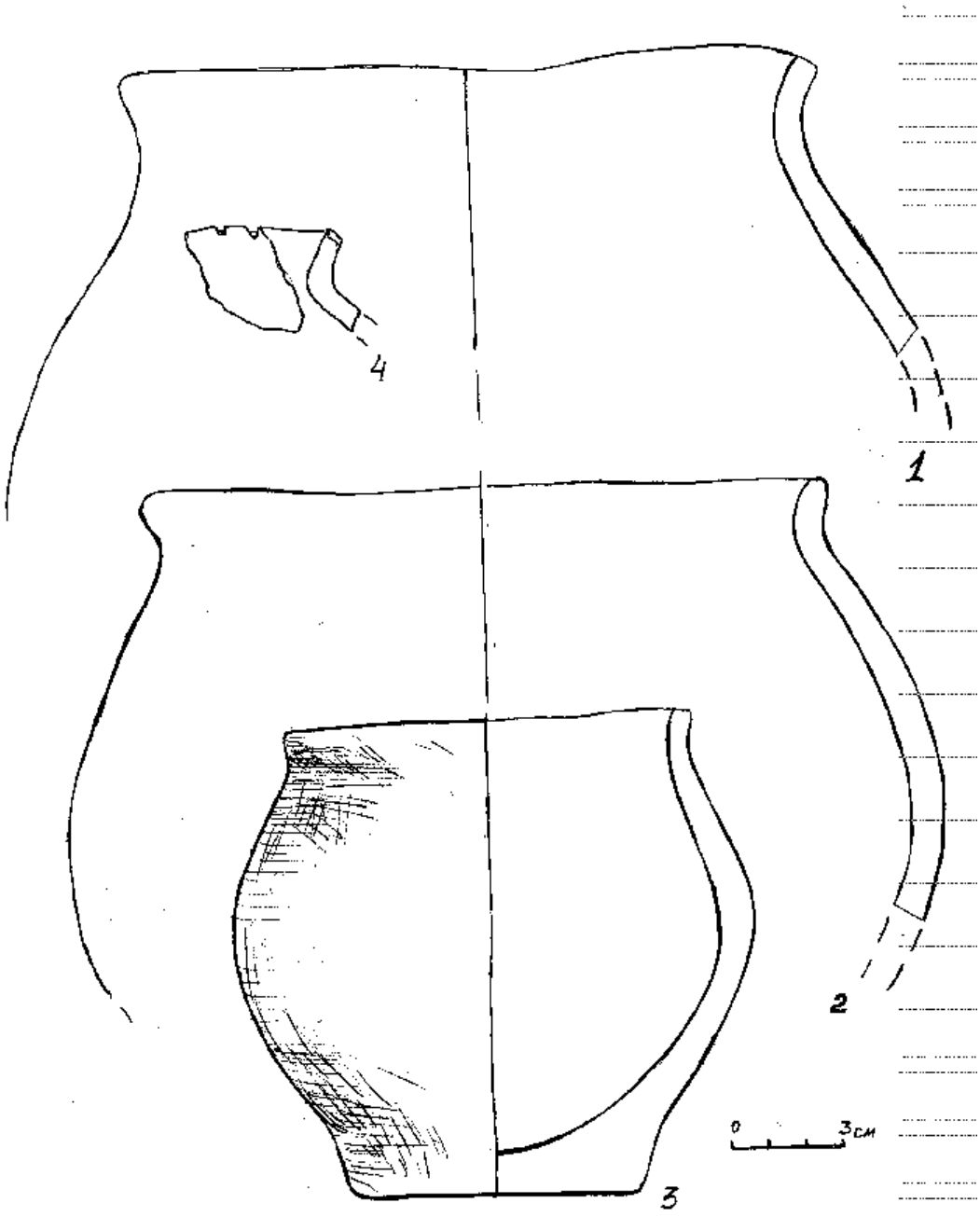


Рис. 8. Полянкинское I селище. Фрагменты сосудов с короткой шейкой. 1, 4 – сооружение 2, гл. 40–50 см; 2, 3 – сооружение 1, гл. – 40–50 см.

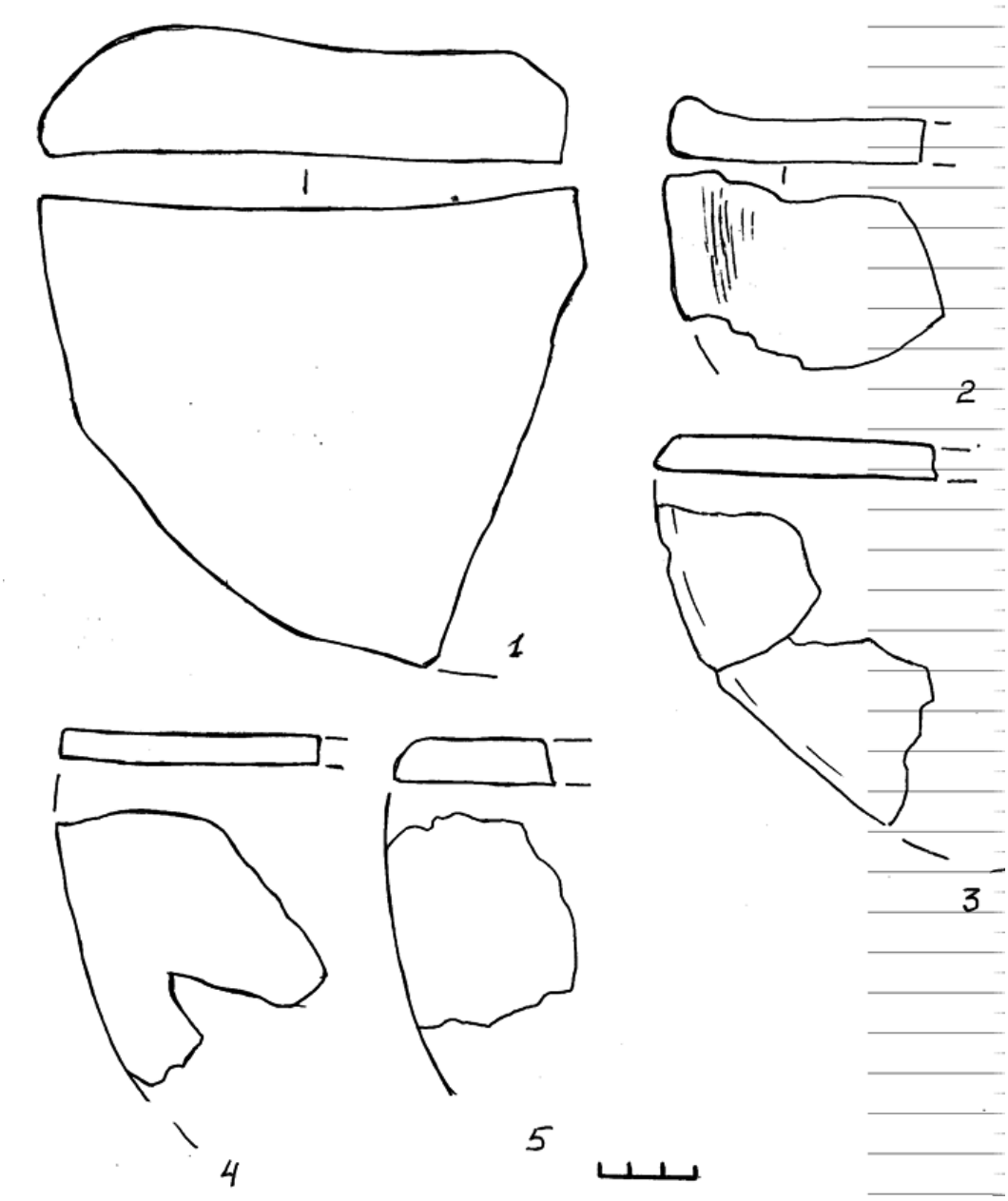


Рис. 9. Полянкинское I селище. 1 – терочная плита, сооружение 2; 2–5 – фрагменты крышек сосудов; 2, 3 – сооружение 1; 4, 5 – сооружение 2. 1 – камень; 2–5 – глина.

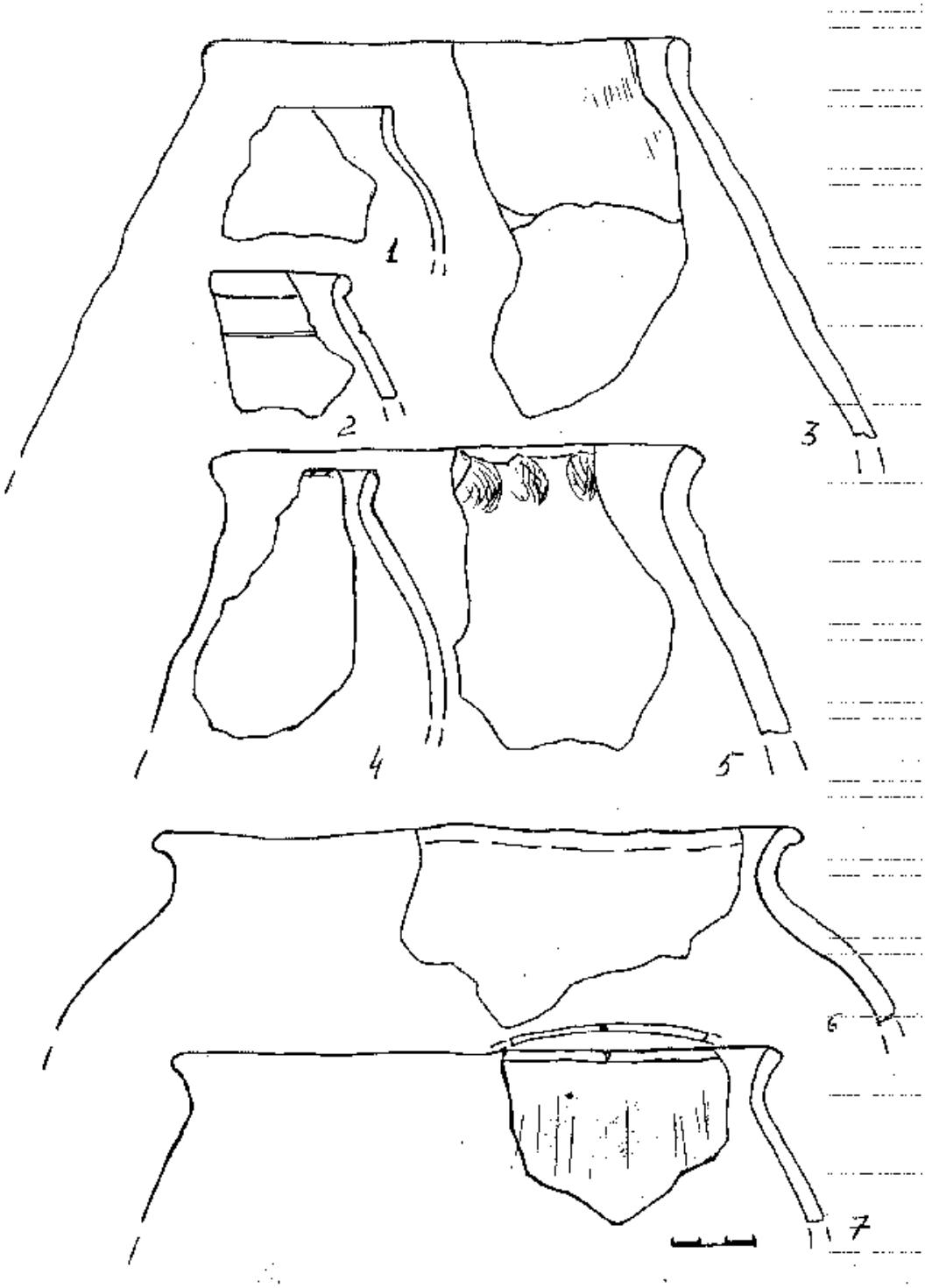


Рис. 10. Полянкинское I селище. Сооружение 2. 2, 3, 4, 5, 7 сосуды с короткой шейкой и слабо профилированным туловом.

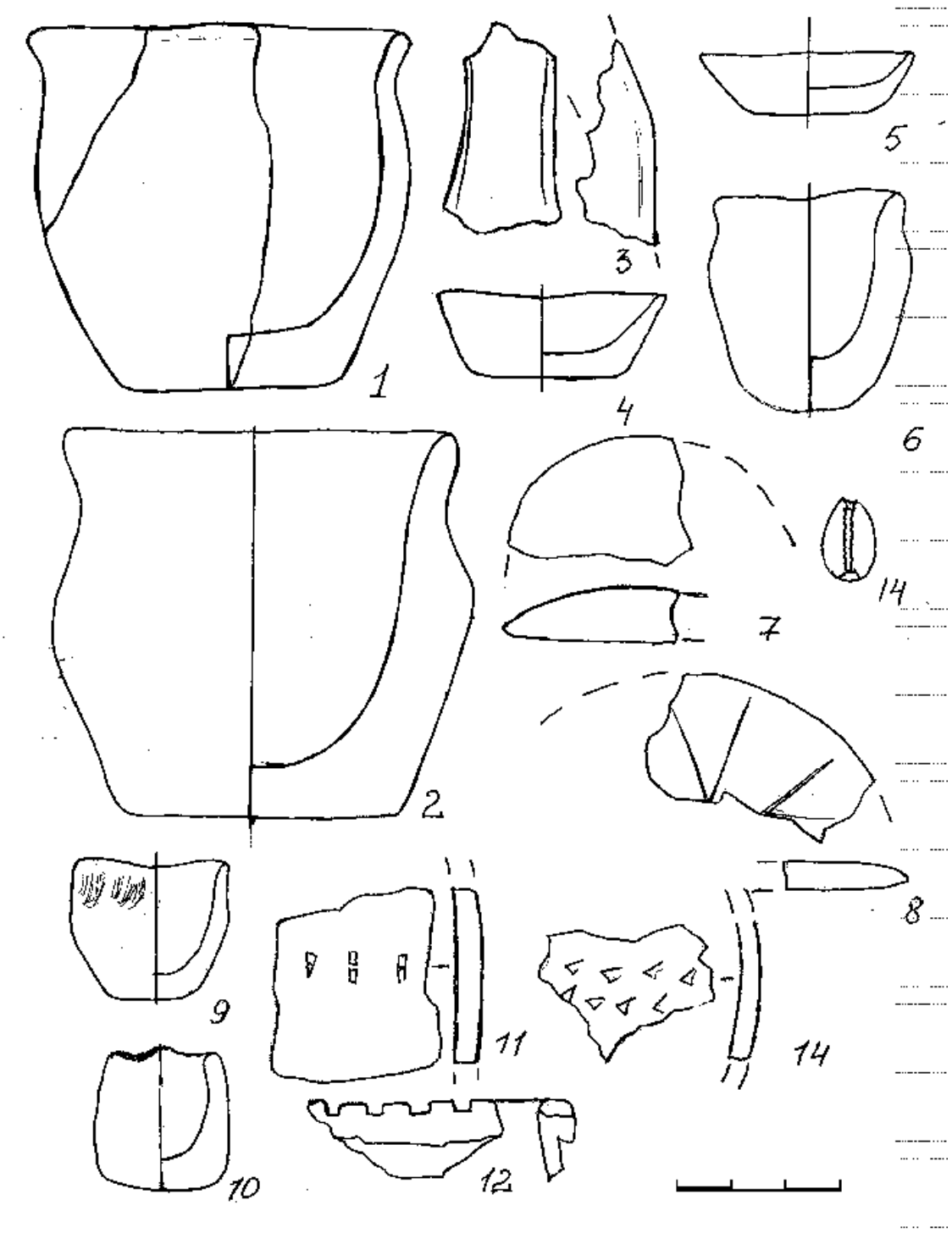


Рис. 11. Полянкинское I селище. 1–6, 9, 10 – фрагменты миниатюрных сосудов; 3 – фрагмент ручки кувшина; 7, 8 – фрагменты глиняных дисков (ритуальные хлебцы); 11–13 – орнаментированные фрагменты керамики; 14 – раковина каури. 1–6, 8 – сооружение 2; 3, 7, 9, 10–14 – сооружение 1.

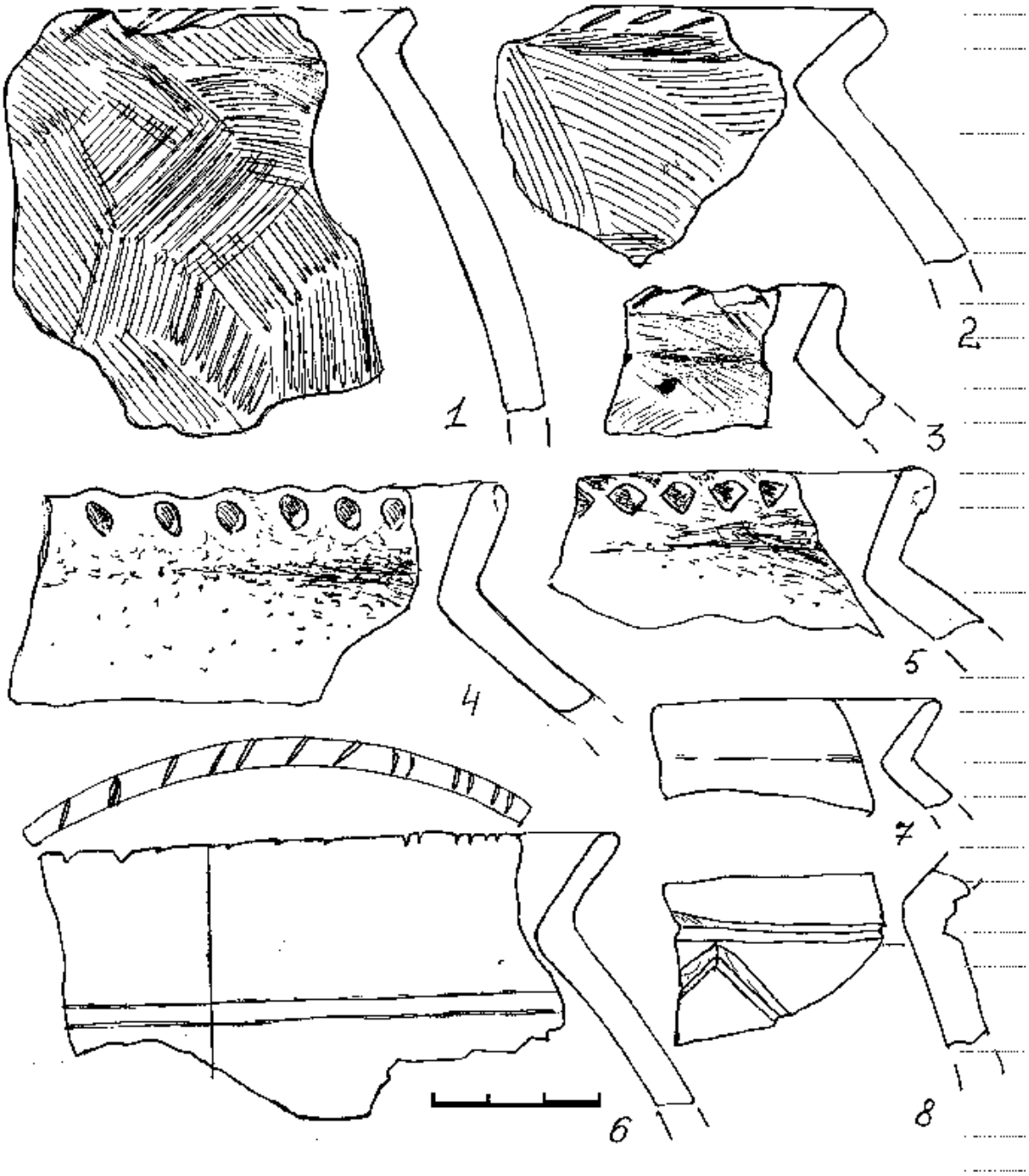


Рис. 12. Полянкинское I селище. Фрагменты орнаментированной керамики.
1–4, 6–8 – сооружение 1, гл. – 35–40 см; 5 – сооружение 2, гл. – 35 см.

Р. М. ИДРИСОВ

Россия, Самарская область, г. Тольятти

ДЕНЕЖНО-ВЕСОВЫЕ СЛИТКИ ИЗ СТАРЫХ МАТАК В ТАТАРСТАНЕ

Летом 2009 года в окрестностях села Старые Матаки, расположенного в Алькеевском районе Республики Татарстан, был найден небольшой клад, состоявший из кусочков рубленых серебряных слитков[1]. Всего в нем находилось 95 экземпляров таких артефактов общим весом 662,57 г (приложение 1)[2]. Такие предметы достаточно часто встречаются на территории Волжской Булгарии (Сотникова, 2005; Беговатов, 1999. С. 83–84), как, впрочем, и в Волго-Вятском регионе в целом, и датируются XI–XII вв. (Ильин, 1924; Янюшкина, 2006). Систематизация серебряных слитков сделана Р. М. Валеевым (1995) и И. В. Евстратовым (2002). Практически все исследователи считают эти слитки денежными единицами.

Все кусочки серебра из клада по форме можно разделить на несколько типов. Это обрубки и обрезки прямоугольной, ромбической, треугольной, трапециевидной и других случайных форм в количестве 80 экземпляров. Они, как правило, отрубались от более крупных слитков, плоских или согнутых в трубку. Большая часть рассматриваемых слитков была отрублена, скорее всего, от плоских отливок круглой и близкой к ней формы, 2-го типа, по И. В. Евстратову (Евстратов, 2002). Два фрагмента слитков имеют явные следы сгиба, что говорит о том, что они были отрублены от целых слитков, свернутых в трубку (например, слитки № 10 и 20; рис. 2–*10*; 3–*20*), относящихся к типу 3, по И. В. Евстратову. Целые слитки в кладе отсутствовали.

Также среди находок присутствуют кусочки оплавленного серебра в количестве 12 экземпляров, общим весом 61,62 г, составляя около 9,3 % от общей массы клада (рис. 1–*6*; 2–*16*; 3–*19*; 4–*35*, 41; 5–*49*, *62*; 6–*64*; 7–*79*, *83*, *84*, *88*). Они имеют округлую, овальную и более сложную форму. На них нет следов какой-либо механической обработки или воздействия. Скорее всего, такие слитки могли использоваться для повторной переплавки или как мелкие платежные единицы. Незначительную часть – 5 экземпляров общим весом 3,56 г (около 0,5 % от общего веса слитков клада) – составляют фрагменты (ювелирных) изделий (рис. 7–*86*, *89*, *91*, *94*) и кусочек куфического дирхема (рис. 7–*87*). Они могли быть исходным сырьем для производства серебряных платежных слитков.

Основная масса известных и описанных в настоящее время находок таких слитков имеют в своем составе достаточно высокую пробу весового серебра (до 97 %). В Староматакском кладе в отличие от других кладов значительное количество слитков, скорее всего, изготовлены из сплава серебра с оловом[3].

То, что в составе слитков имеется не только серебро, но и другой металл, заметно даже при внешнем осмотре предметов артефактов. Вероятно, расплавленное серебро наливалось на пред-

---

[1] Клад находился, вероятно, в мешочке из ткани, поскольку ни следов сосуда, ни какой-либо другой емкости для хранения слитков обнаружено не было.

[2] Автор выражает особую благодарность Константину Александровичу Руденко за помощь и консультации, оказанные при подготовке материалов, и Лебедеву Валентину Петровичу за ценные советы и помощь в исследовании предметов. Рисунки к материалам подготовлены Галиной Михайловной Земляковой, к. п. н., доцентом кафедры изобразительного искусства ТГУ (Тольяттинского государственного университета).

[3] Для более точного определения химического состава слитков необходимо проведение дополнительных исследований с использованием спектрального или рентгено-флюоресцентного энерго-дисперсного анализов (РФА).

варительно отлитую, но еще не застывшую заготовку из олова (?), находившуюся в этот момент в земляной (песочной) ямке. В пользу данного приема производства говорит высокая пористость слоя металла (олова), соединенного с серебром, практически всех слитков, что подтверждалось при измерении плотности находок. Проведение измерения плотности[4] некоторых слитков показало значение от 8,41 до 10,43 г/см^3.

Отметим, что технология отливки в два приема, когда на основной части слитка – с пористой поверхностью и выполненной из серебра худшего качества, сверху на «казовой» стороне, имелась приливка серебра более высокого качества, также известна по материалам исследований серебряных слитков позднего типа, найденных на территории Руси[5].

Количество слитков Сатроматакского клада, в составе которых имеется, кроме серебра, присутствие постороннего металла, составляет 35 экземпляров, т. е. около 36 % от общего количества предметов клада (рис. 2 – *8–15*; 3 – *23–27*, *29–31*, *33*; 4 – *36*, *38–40*, *42*, *43*, *45*, *47*, *48*; 5 – *51*, *55*, *56*, *59*, *61*; 6 – *68*, *69*, *75*). Вес данных кусочков составляет от 1,57 г до 16,09 г. В основном это части круглых слитков, разрубленных впоследствии на более мелкие части, преимущественно прямоугольной формы. Процентное соотношение олова в общем объеме каждого из вышеуказанных слитков ориентировочно составляет от 10 до 80 %. Не исключено, что олово в той или иной степени может присутствовать и в большей части других находок из клада.

Следует отметить, что олово, наряду со свинцом, часто использовалось булгарскими мастерами как в качестве основного металла, так и в качестве присадок при изготовлении ювелирных изделий. Олово являлось одним из металлов, повышающих литейные свойства сплава при производстве изделий, дающих более качественную, но и более дорогую вещь[6].

В связи с таким своеобразным составом металла староматакских слитков возникает вопрос: являются ли эти слитки фальшивыми слитками или это своеобразное платежное средство, характерное для конкретного региона?

В настоящее время известно, что подделки денежно-весовых слитков, изготовленные в период бытования оригиналов, встречаются не так часто, но известны и изучены. Есть они среди слитков «киевского», «новгородского», «литовского» типов, полтин (половинок новгородских гривен). Чаще всего встречаются среди «новгородских» гривен. В большинстве своем это просто заниженная проба серебра. Кроме этого, фальшивые слитки в эпоху Средневековья выплавлялись из меди или бронзы, а сверху покрывались серебром. Могли они изготавливаться из других недрагоценных сплавов, внешне напоминавших серебро, например олова[7]. Целью изготовления подобных слитков являлось увеличение массы, а значит, и ценности данных платежных единиц, участвующих в средневековых расчетах, исходя из результатов взвешивания.

---

[4] Значения плотности для чистого серебра – 10,49 г/см^3, олова – 7,31 г/см^3.

[5] Янин В. Л. Происхождение рубля // http://www.lsg.ru

[6] Рудные источники свинца, олова, цинка и благородных металлов того времени на территории Волго-Камья отсутствуют. Исследователи называют наиболее вероятным источником олова Алтай, где зарегистрированы его многочисленные россыпи и коренные месторождения. Добыча оловянного камня из россыпей и богатых руд сравнительно проста, что способствовало его быстрому и широкому распространению. Тесные торговые и культурные связи населения Волго-Камья и Алтая, установившиеся еще в глубокой древности и продолжавшие существовать в рассматриваемую эпоху, создавали объективные условия для постоянного притока олова на территорию Болгарского государства (Город, 1996).

[7] В наши дни также появляются подделки слитков-гривен уже почти всех известных науке типов. Нередко они бывают очень близки к оригиналам (Янюшкина (Глазунова) Е. В. История фальшивых слитков // http://www.adventure.ru/kis/02-2001/falsh.shtml).

Если исходить из версии фальшивок, то в качестве аргумента можно было бы сказать, что присутствие в составе серебра инородного металла было визуально практически незаметно в период бытования слитков, и лишь длительный период времени, когда они находились в земле, выявил наличие нескольких компонентов в их металле. Косвенно это подтверждает и тот факт, что слитки имеют разный вес. Такой широкий разброс веса слитков, к сожалению, не позволил выделить определенной стройной весовой системы. Предполагается, что в большинстве случаев слитки отливались из расчета веса в 204,75 г, что составляет ½ багдадского ратля в 409,512 г, который был широко известен на территории Волжской Булгарии с X–XI вв. (Валеев, 1995). Вес слитков регулировался при помощи механической обработки его краев или отрубания кусочков определенного веса. Наличие следов механической обработки (сточенности, подпила) на большинстве из найденных слитков, а также следы разрубки явно подтверждают некую цель, преследуемую в период бытования их владельцами (изготовителями).

Ниже приведено более подробное описание некоторых слитков из клада.

Слиток № 1 (рис. 1–*1*) трапециевидной формы длиной 43; шириной 37,6; высотой 12,2 мм; весом 79,9 г., представляющий собой фрагмент отливки в форме шарового сегмента. Слиток разрублен с трех сторон: сверху и с боковых сторон. Он имеет сквозную раковину в результате дефекта литья. Одна из сторон слитка неровная, бугристая.

Слиток № 2 (рис. 1–*2*) неправильной дисковидной формы, размером 51,7 х 40,6 мм, толщиной 6,2 мм; весом 57,2 г; литой. В большей части имеет следы механической обработки (сточенности) по краям для сглаживания острого неровного края. У него плоская верхняя и выпуклая нижняя (неровная и пористая) стороны.

Слиток № 3 (рис. 1–*3*) аморфный, размером 37,2 х 30,2 мм, «толщиной» 12,9 мм; весом 50,65 г. Изготовлен предположительно в результате спекания нескольких фрагментов небольших слитков. Имеет следы незначительной механической обработки (сточенности) острых кромок на обеих сторонах слитка. Поверхность слитка рыхлая и пористая. В ходе проведения рентгеноспектрального анализа[8] для определения элементарного состава слитка было выявлено относительно высокое наличие Ag – 77 %. Результаты проведенных исследований приведены на рис. 8.

Слиток № 4 (рис. 1–*4*) прямоугольной формы длиной 35,3; шириной 27,9; высотой 9,6 мм; весом 40,77 г. Представляет собой фрагмент отливки в форме полусферы. Имеет следы механической обработки (обрубки) со всех сторон слитка. Поверхности неровные, пористые. На одной из сторон заметны следы незначительной механической обработки, образующие желобок.

Слиток № 10 (рис. 2–*10*) неправильной треугольной формы длиной 25,5; шириной 18,5; толщиной 7,1 мм; весом 12,84 г. Фрагмент (¼ ?) литого, свернутого в лоточек, разомкнутого слитка. Наружная поверхность неровная, пористая. Имеет следы механической обработки (обрубки) с трех сторон.

Слиток № 11 (рис. 2–*11*) неправильной прямоугольной формы длиной 12,4; шириной 9,6; высотой 14,6 мм; весом 11,7 г. Фрагмент литого аморфного слитка. Имеет следы механической обработки (обрубки) со всех четырех сторон. Представляет собой сплав двух металлов с ярко

[8] Состав металла определялся рентген-флюоресцентным (рентгено-спектральным анализом (РСА)) методом. В данном случае анализируемый спектр получался облучением фрагментов электронами с энергией 20 кэВ в электронном микроскопе HITACHI S-2500. Энергодисперсионный спектр образца фиксировался и анализировался приставкой TNCA X-Act. (Криштал М. М. и др., 2009). Анализ проведен в НИИ полимеров (г. Дзержинск), н. с. В. Д. Романовым при активной помощи В. П. Лебедева, которым выражаю особую благодарность.

выраженной границей на месте соединения. Большую часть объема слитка занимает олово ? (до ²⁄₃ общего объема) с неровной бугристой поверхностью.

Слиток № 19 (рис. 3–*19*) сложной неопределенной формы, длиной 19,8 мм, высотой 12,1 мм, весом 7,11 г. Получен в результате спекания нескольких фрагментов слитков меньшего размера. Имеет следы отлома (?) на некоторых сторонах слитка.

Слиток № 20 (рис. 3–*20*) неправильной пятиугольной формы диной 18,3, шириной 17,3, толщиной 4,1 мм, весом 7,07 г. Фрагмент литого, свернутого в лоточек слитка. Имеет следы механической обработки (обрубки) со всех шести сторон. Наружная поверхность неровная, пористая. Внутренняя гладкая, вдоль одной из сторон имеется след от механической обработки (желобок) – разметка для рубки (?).

Находка № 87 (рис. 7–*87*) представляет собой фрагмент (обломок) куфического дирхема размером 13,8 х 11,4 мм, толщиной 0,9 мм, весом 0,82 г. На л. с. обломка сохранилась часть круговой легенды, но буквы в надписи все испорчены. Читаются буквы *хам...* – м. б., от числительного *хамс* = 5. За ней следует что-то непонятное из-за повреждений, чуточку похоже на *хамсин = 50,* но буквы *мим* явно не видно, да и *ха* неуверенно.

Находка № 89 (рис. 7–*89*) представляет собой фрагмент (обломок) неопределенного сильно окисленного овального изделия размером 12,4 х 10,3 мм, толщиной 1,6 мм, весом 0,68 г. На одной из сторон сохранились следы решетки (?). Оборотная сторона гладкая.

Находка № 94 (рис. 7–*94*) представляет собой фрагмент (обломок) неопределенного изделия овальной формы размером 15,5 х 14,1 мм, толщиной 0,8 мм, весом 0,47 г. На одной из сторон нанесено изображение. Оборотная сторона гладкая. На поверхности имеются три пробитых сквозных отверстия.

Наличие в находке не только фрагментов слитков, но и некоторых попутных составляющих, возникающих при их изготовлении, а именно выплесков металла и ювелирного сырья, говорят о возможности существования поблизости мастерской, специализирующейся на производстве целых денежных слитков. Отметим, что поблизости от села Старые Матаки находится немало археологических памятников домонгольской Волжской Булгарии. В их числе Староматакское и Старонохратское городища и многочисленные селища.

Предположение о ювелирной мастерской может быть косвенно подтверждено и тем фактом, что в Староматакском кладе имеются фрагменты ювелирных изделий и монет. В семи из тринадцати известных кладов, происходящих с территории Волжской Булгарии, встречены украшения, как правило, из серебра. При этом сами слитки зачастую впоследствии служили исходным материалом для изготовления ювелирных изделий, бытовой утвари, денежных знаков. Этим объясняется, по мнению некоторых исследователей, относительно небольшое количество слитков, дошедших до нашего времени в составе подобных кладов и как отдельные находки (Сотникова, 2005).

Приложение 1

Состав Староматакского клада серебряных слитков

№	Масса, грамм	Max. размер, мм	Max. высота, мм	№ рисунка	Примечание
1	79,90	43 x 37,6	12,2	Рис. 1 – 1	вырубленный с трех сторон фрагмент
2	57,20	51,7 x 40,6	6,2	Рис. 1 – 2	лепешка
3	50,65	37,2 x 30,2	12,9	Рис. 1 – 3	бесформенный
4	40,77	35,3 x 27,9	9,6	Рис. 1 – 4	вырубленный с трех сторон фрагмент
5	30,85	52,2 x 28,4	6,4	Рис. 1 – 5	сплав
6	24,11	27,2	17,1	Рис. 1 – 6	оплавленные
7	18,18	19,6 x 16,8	9,7	Рис. 2 – 7	вырубленный фрагмент
8	16,09	12,4 x 11,1	16,6	Рис. 2 – 8	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
9	15,66	25,1	15,1	Рис. 2 – 9	вырубленный фрагмент, сплав
10	12,84	25,5 x 18,5	7,1	Рис. 2 – 10	фрагмент свернутого в лоток слитка
11	11,70	12,4 x 9,6	14,6	Рис. 2 – 11	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
12	10,94	10,8 x 10	14,3	Рис. 2 – 12	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
13	9,68	10,7 x 8,6	13,6	Рис. 2 – 13	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
14	9,29	10,8 x 10,3	14,6	Рис. 2 – 14	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
15	9,14	12,9 x 10,9	10	Рис. 2 – 15	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
16	8,51	19,5	8,6	Рис. 2 – 16	оплавленный
17	7,79	30,3 x 15,6	5,5	Рис. 2 – 17	отрубленный край лепешки
18	7,61	27,3 x 19	6,6	Рис. 2 – 18	сегмент лепешки
19	7,11	19,8	12,1	Рис. 3 – 19	оплавленный,
20	7,07	18,3 x 17,3	4,1	Рис. 3 – 20	вырубленный фрагмент
21	7,00	12,1 x 10,5	10,1	Рис. 3 – 21	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
22	6,72	13,1 x 8,5	9,2	Рис. 3 – 22	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
23	6,60	9,2 x 9,0	11,5	Рис. 3 – 23	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
24	6,33	8,8 x 7,4	13,1	Рис. 3 – 24	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
25	6,05	12,8 x 11,3	7,1	Рис. 3 – 25	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
26	5,90	10,1 x 8,2	12,5	Рис. 3 – 26	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав

27	5,83	10 x 6,9	14,2	Рис. 3 – 27	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
28	5,52	20,6 x 12,1	5,5	Рис. 3 – 28	вырубленный фрагмент
29	5,45	9,6 x 6,6	13,5	Рис. 3 – 29	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
30	5,39	9,1 x 8,6	9,1	Рис. 3 – 30	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
31	5,29	8,4 x 6,7	14,4	Рис. 3 – 31	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
32	5,28	17,7 x 11,8	6,2	Рис. 3 – 32	вырубленный с трех сторон фрагмент края
33	5,01	8,5 x 7,2	10,1	Рис. 3 – 33	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
34	4,90	21,1 x 14,9	3,9	Рис. 4 – 34	вырубленный с двух сторон
35	4,80	21,5 x 11,4	6,6	Рис. 4 – 35	оплавленный
36	4,70	11,4 x 8,8	8,1	Рис. 4 – 36	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
37	4,63	19,6 x 8,0	6,2	Рис. 4 – 37	вырубленный с трех сторон фрагмент края
38	4,48	7,5 x 7,4	13,1	Рис. 4 – 38	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
39	4,40	8,8 x 8,1	9,1	Рис. 4 – 39	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
40	4,36	7,9 x 7,4	11,6	Рис. 4 – 40	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
41	4,31	17,8 x 11,3	5,5	Рис. 4 – 41	оплавленный
42	4,21	9,6 x 8,9	8,2	Рис. 4 – 42	вырубленный с трех сторон фрагмент, сплав
43	4,10	9,9 x 8,6	7,6	Рис. 4 – 43	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
44	4,04	13,7 x 10,8	5,1	Рис. 4 – 44	прямоугольный, с примесью меди
45	3,87	9,2 x 9,0	7,8	Рис. 4 – 45	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
46	3,81	16,2 x 12	4,1	Рис. 4 – 46	вырубленный с четырех сторон фрагмент
47	3,80	11,8 x 9,0	6,1	Рис. 4 – 47	вырубленный с четырех сторон фрагмент
48	3,75	10,4 x 8,4	7,8	Рис. 4 – 48	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
49	3,60	17,4		Рис. 5 – 49	оплавленный
50	3,59	16,2 x 13,5	5,8	Рис. 5 – 50	вырубленный с трех сторон фрагмент
51	3,58	8 x 7,5	11,8	Рис. 5 – 51	вырубленный с трех сторон фрагмент, сплав
52	3,53	22,7	3,4	Рис. 5 – 52	один край обрублен
53	3,41	10,9 x 7,4	6,6	Рис. 5 – 53	вырубленный с четырех сторон фрагмент
54	3,21	11,6 x 10,2	7,8	Рис. 5 – 54	остаток литья

55	3,18	13,6 x 11,5	5,6	Рис. 5 – 55	вырубленный с трех сторон фрагмент, сплав
56	2,99	10,7 x 7,2	7,9	Рис. 5 – 56	вырубленный с трех сторон фрагмент, сплав
57	2,78	8,7 x 8,2	6,8	Рис. 5 – 57	вырубленный с четырех сторон фрагмент
58	2,77	9,8 x 5,7	6,8	Рис. 5 – 58	вырубленный с четырех сторон фрагмент
59	2,74	11,9 x 5,9	8,5	Рис. 5 – 59	вырубленный с трех сторон фрагмент, сплав
60	2,68	16,3 x 7,8	4	Рис. 5 – 60	вырубленный с трех сторон фрагмент
61	2,65	9,9 x 6,8	7,8	Рис. 5 – 61	вырубленный с двух сторон фрагмент, сплав
62	2,55	13,6		Рис. 5 – 62	оплавленный
63	2,46	10,6 x 6,6	6,9	Рис. 5 – 63	вырубленный с трех сторон фрагмент
64	2,40	18,6 x 16,4	2,3	Рис. 6 – 64	остаток литья (???)
65	2,10	13,2 x 10,3	3,5	Рис. 6 – 65	вырублен с двух сторон
66	2,06	12,1 x 11,9	4,1	Рис. 6 – 66	фрагмент
67	2,00	10,3 x 6,9		Рис. 6 – 67	сложная вырубка
68	1,96	7,2 x 7,1	6,8	Рис. 6 – 68	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
69	1,95	7,6 x 6,9	6,2	Рис. 6 – 69	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
70	1,90	8,2 x 6,5	7,6	Рис. 6 – 70	вырубленный с четырех сторон фрагмент
71	1,83	10,5 x 9,8	6,4	Рис. 6 – 71	вырубленный с трех сторон фрагмент
72	1,71	14,3 x 7,2	4,2	Рис. 6 – 72	вырубленный с трех сторон фрагмент
73	1,69	8,1 x 6,7	5	Рис. 6 – 73	вырубленный с четырех сторон фрагмент
74	1,60	10,9 x 10,5	4,4	Рис. 6 – 74	вырублен с двух сторон
75	1,57	7,3 x 6,9	6,7	Рис. 6 – 75	вырубленный с четырех сторон фрагмент, сплав
76	1,53	8,3 x 4,5	6,1	Рис. 6 – 76	вырубленный с трех сторон фрагмент
77	1,39	7,2 x 5,6		Рис. 6 – 77	сложная вырубка
78	1,37	8,1 x 6,2	6,1	Рис. 6 – 78	вырубленный с трех сторон фрагмент
79	1,37	8,6		Рис. 7 – 79	оплавлен
80	1,19	11,2 x 7,4	3	Рис. 7 – 80	вырублен с двух сторон
81	1,18	9,8 x 5,2		Рис. 7 – 81	сложная вырубка
82	1,10	7,6 x 6,1	4,8	Рис. 7 – 82	вырубленный с четырех сторон фрагмент
83	1,09	19,6		Рис. 7 – 83	выписк
84	1,00	9,9		Рис. 7 – 84	оплавленный

85	0,99	11,4 x 10,1	1,4	Рис. 7 – 85	лом ювелирный
86	0,93	12,2 x 4,9	3,8	Рис. 7 – 86	вырубленный с четырех сторон фрагмент
87	0,82	13,8 x 11,4	0,9	Рис. 7 – 87	обломок дирхема
88	0,77	9,6		Рис. 7 – 88	оплавленный
89	0,68	12,4 x 10,3	1,6	Рис. 7 – 89	лом ювелирный, возм., с решеткой
90	0,66	6,9 x 6,1	3,7	Рис. 7 – 90	вырубленный с трех сторон фрагмент
91	0,60	14,3 x 11,7	0,9	Рис. 7 – 91	лом ювелирный
92	0,57	7,6 x 5,1	3,1	Рис. 7 – 92	вырубленный с двух сторон фрагмент
93	0,47	6,1 x 5	4,8	Рис. 7 – 93	вырубленный с четырех сторон фрагмент
94	0,47	15,5 x 14,1	0,8	Рис. 7 – 94	лом ювелирный с рисунком, три отверстия
95	0,28	7,9 x 3,8	2,9	Рис. 7 – 95	обрублен один край
Всего	**662,57**				

ЛИТЕРАТУРА

Беговатов Е. А. Спасский клад серебряных слитков // Проблемы первобытной археологии. – Казань, 1999. – С. 83–84.

Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань, 1995.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

Евстратов И. В. О булгарских серебряных слитках // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Псков. 15–20 апреля 2002 г. Тезисы докладов и сообщений. – М.: Государственный исторический музей, 2002.

Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. – Л., 1924.

Сотникова М. П. Новый клад «закамского серебра» // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва. 11–15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. – М.: Альфа-Принт, 2005.

Янюшкина (Глазунова) Е. В. Лепешки Камского серебра: топография, хронология // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В. В. Мурашева. – М.: Нумизматическая литература, 2006.

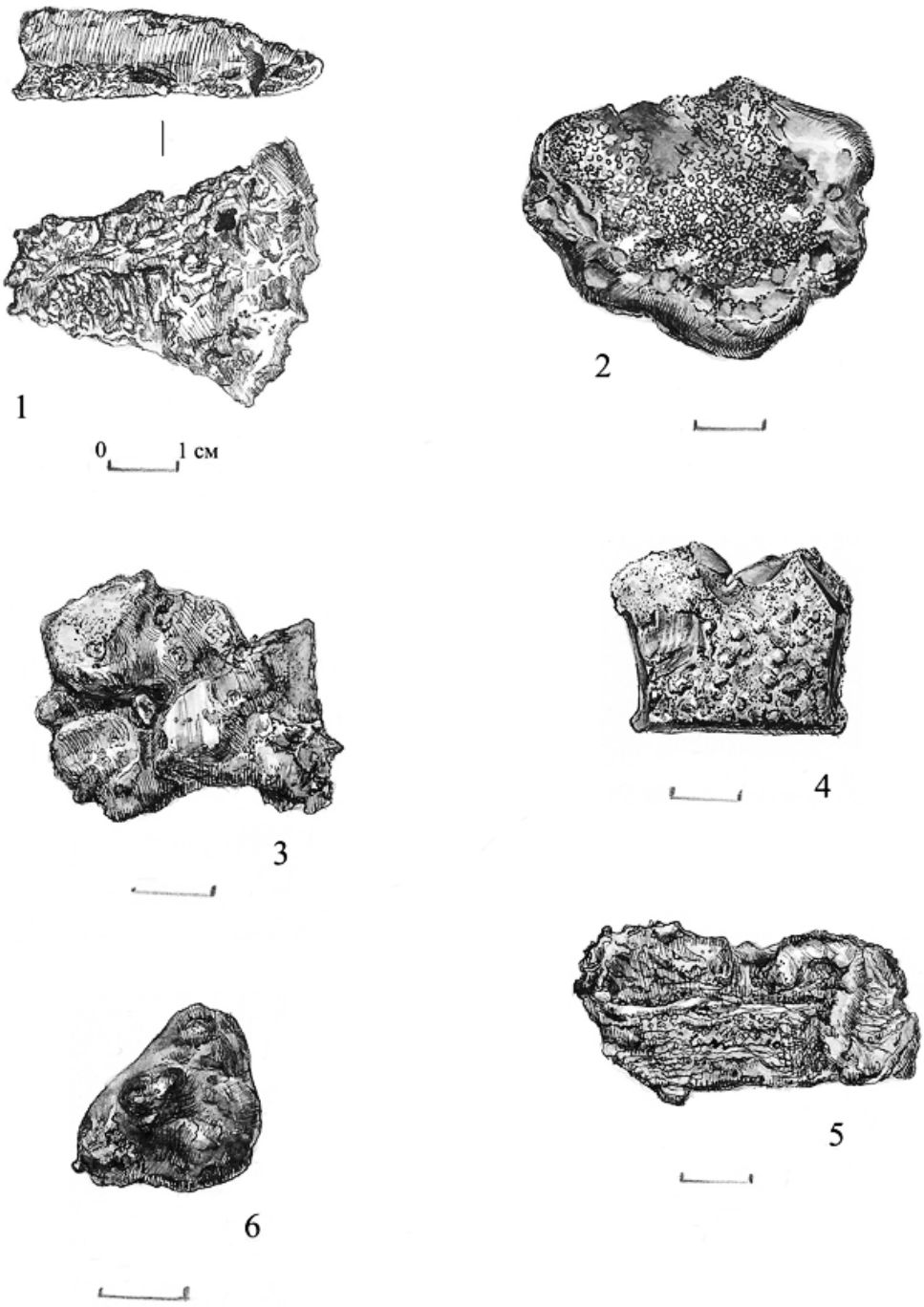


Рис. 1. Слитки № 1–6.

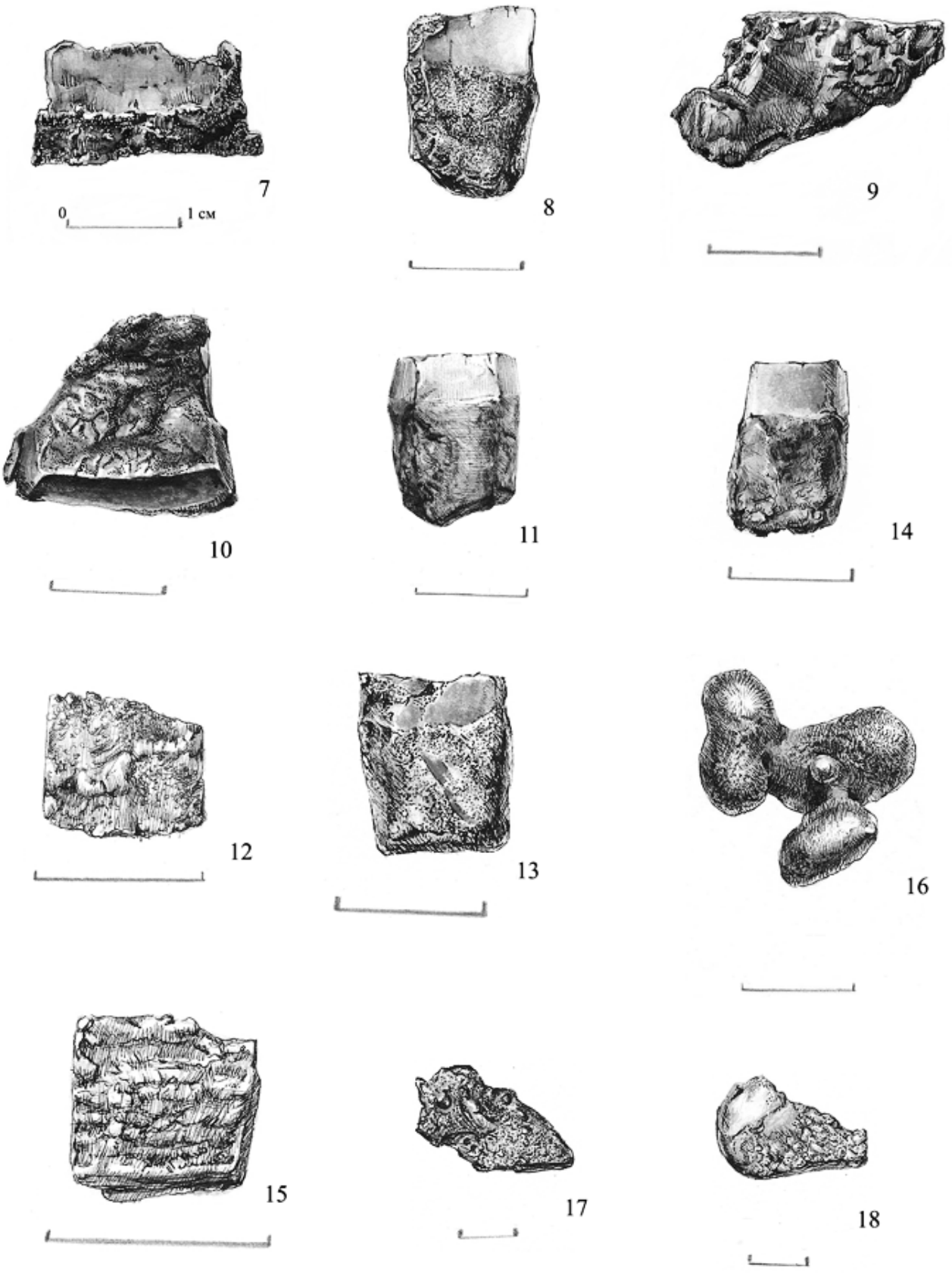


Рис. 2. Слитки № 7–18.

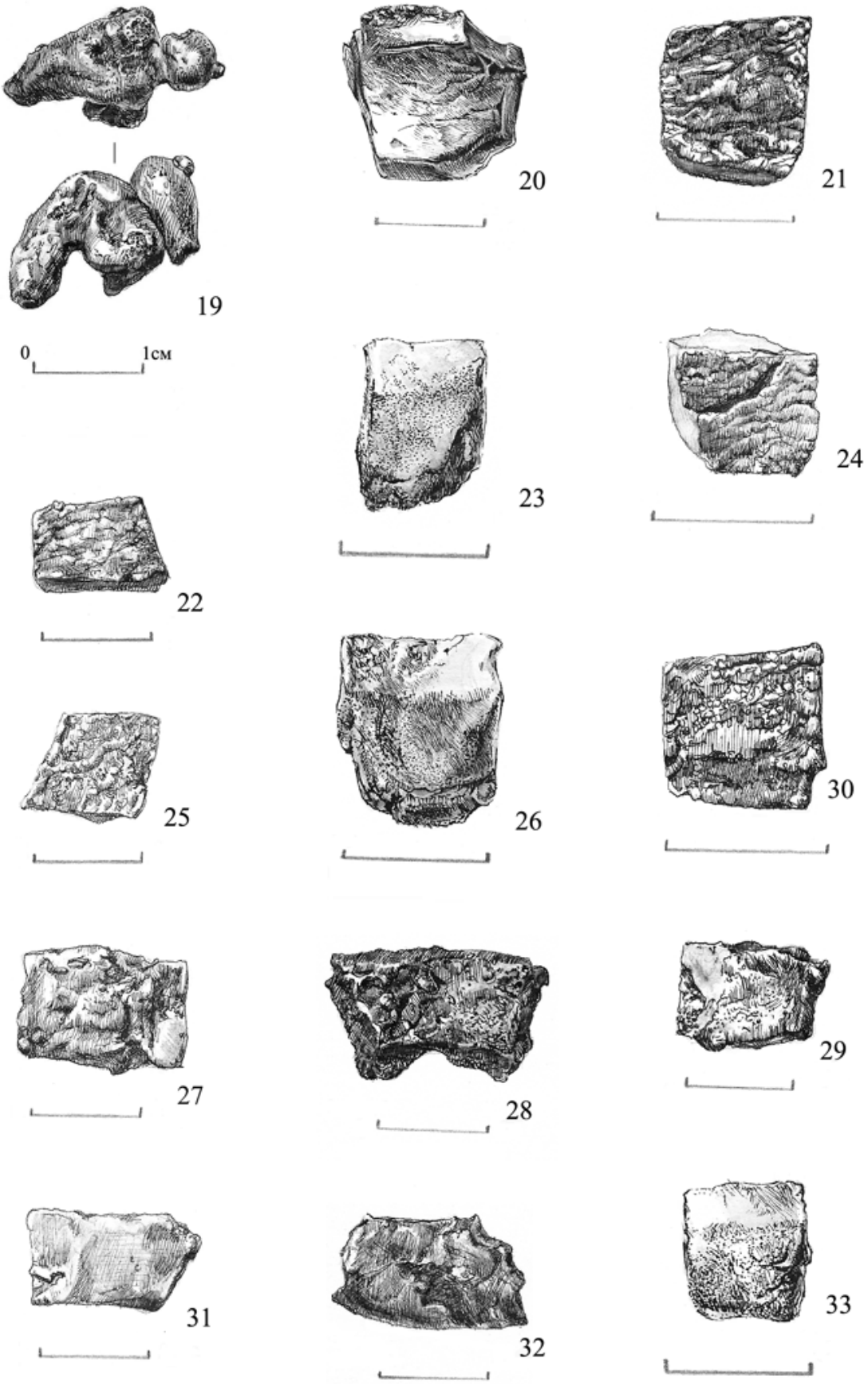


Рис. 3. Слитки № 19–33.

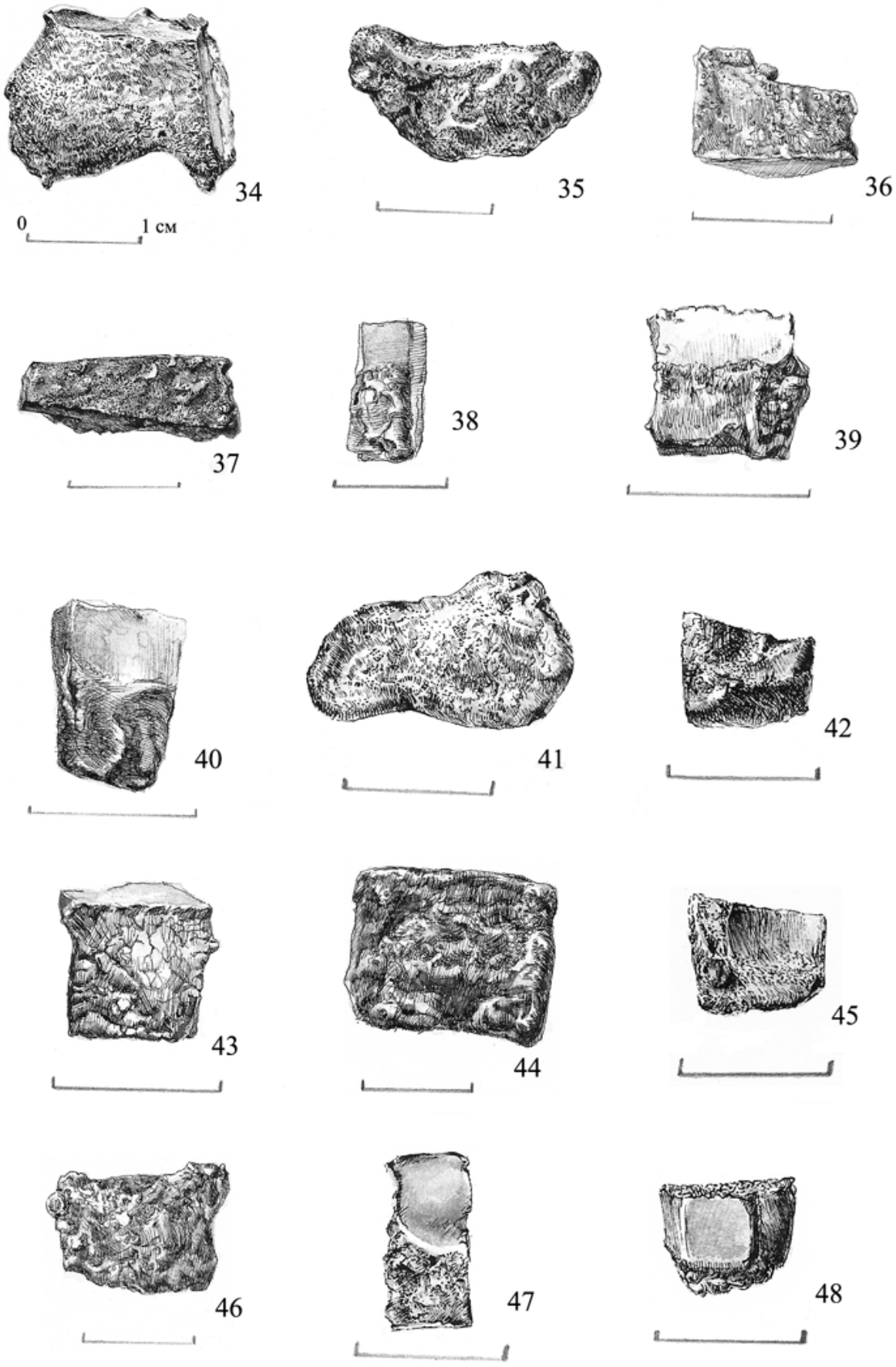


Рис. 4. Слитки № 34–48.

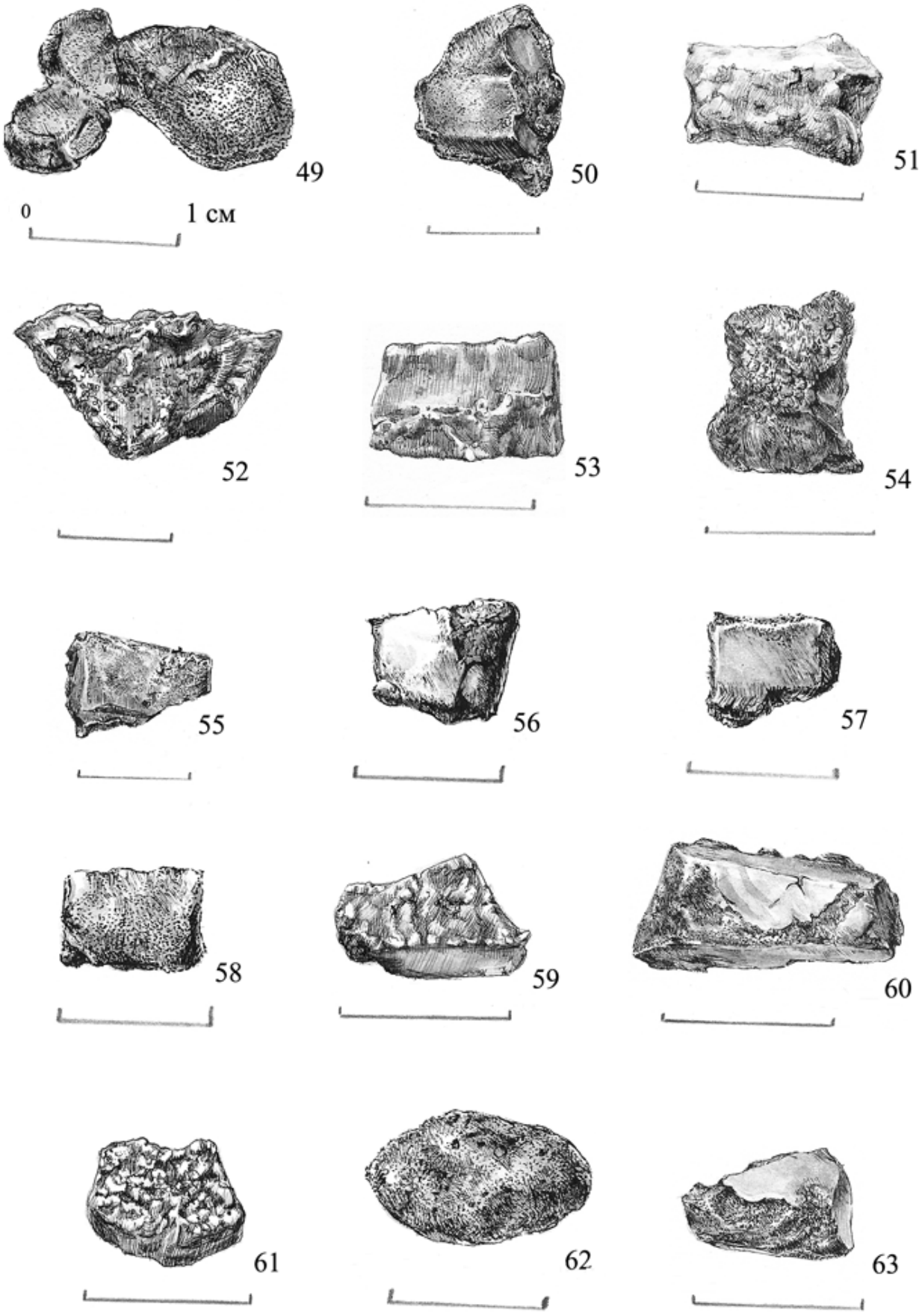


Рис. 5. Слитки № 49–63.

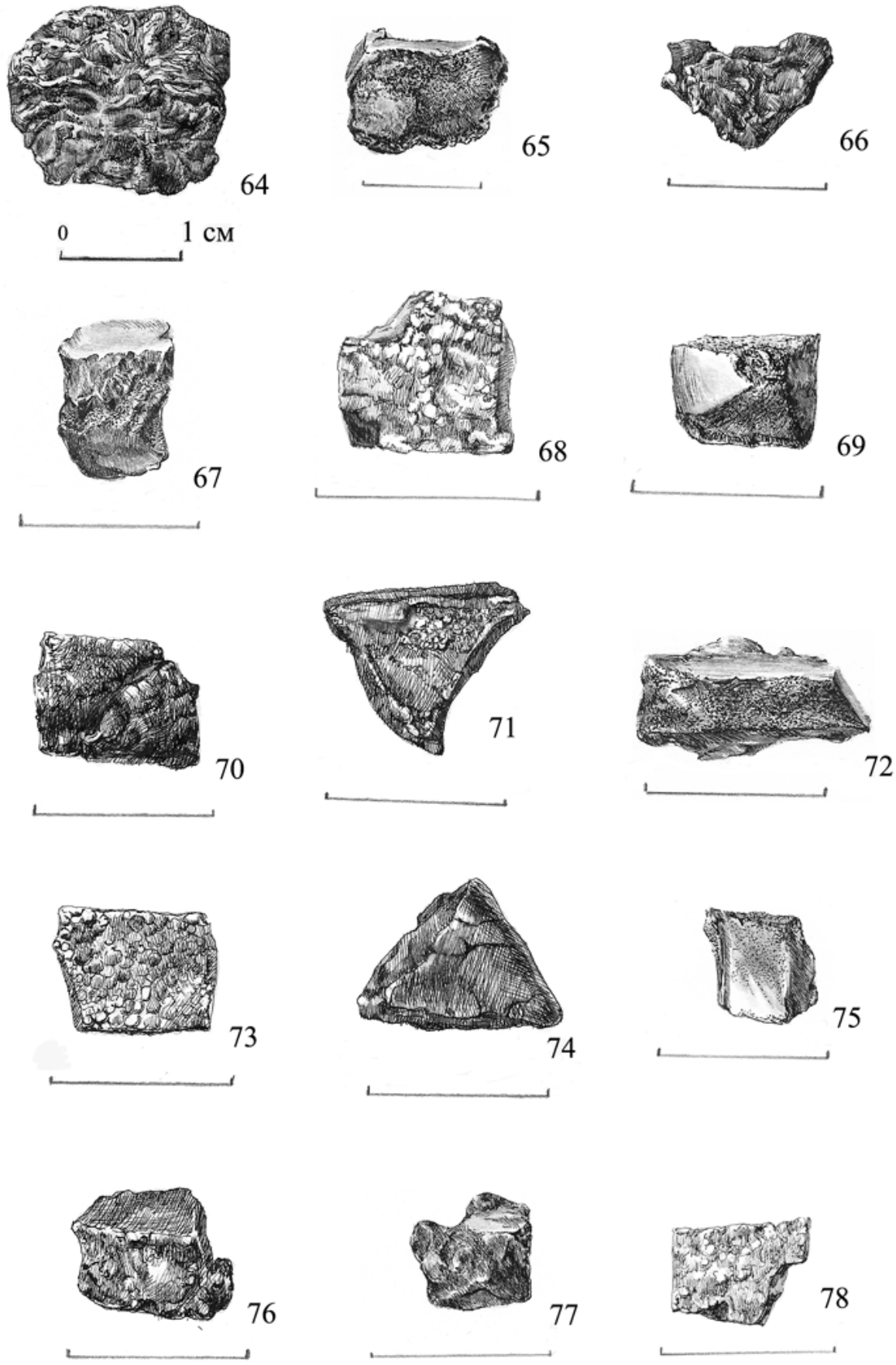


Рис. 6. Слитки № 64–78.

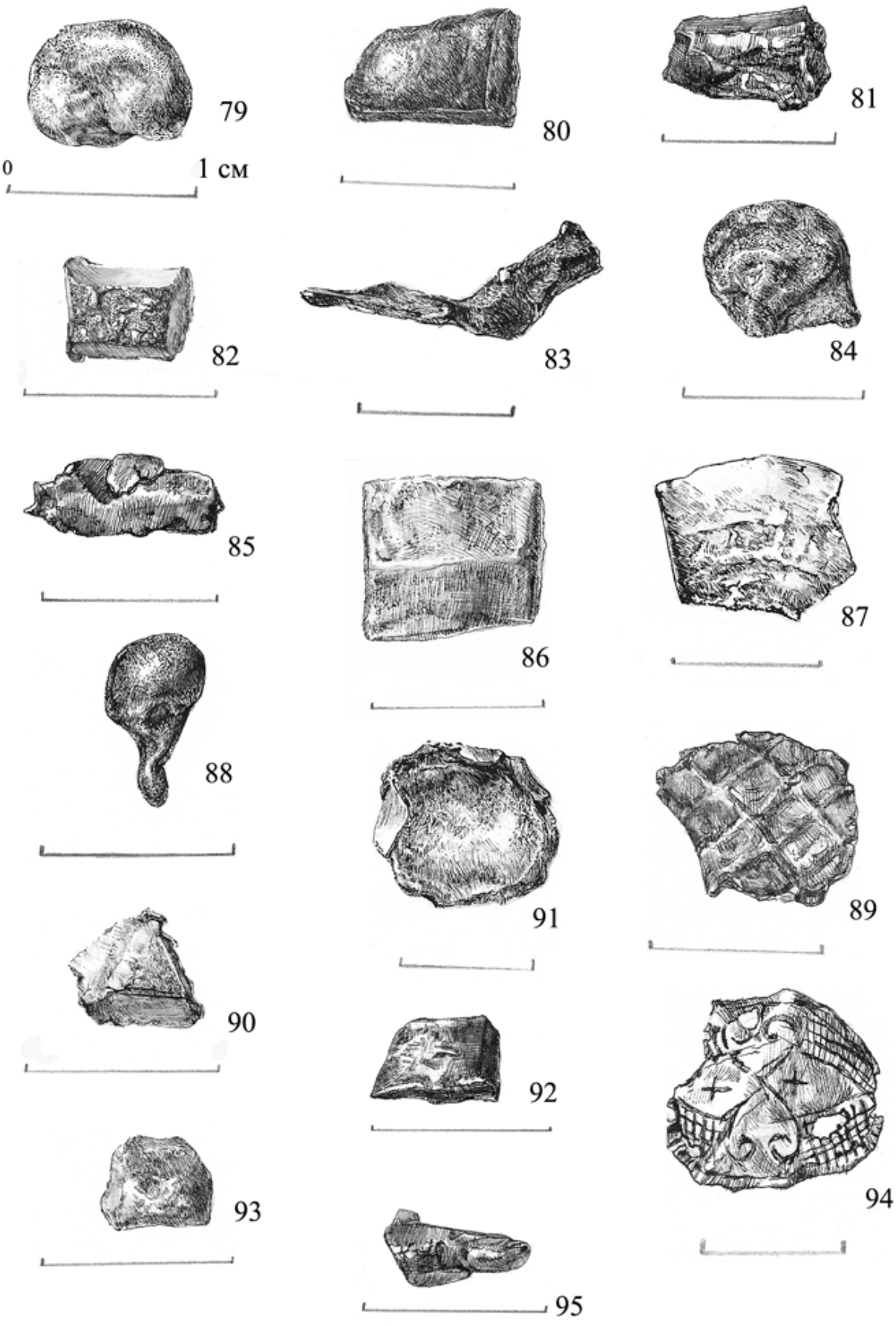
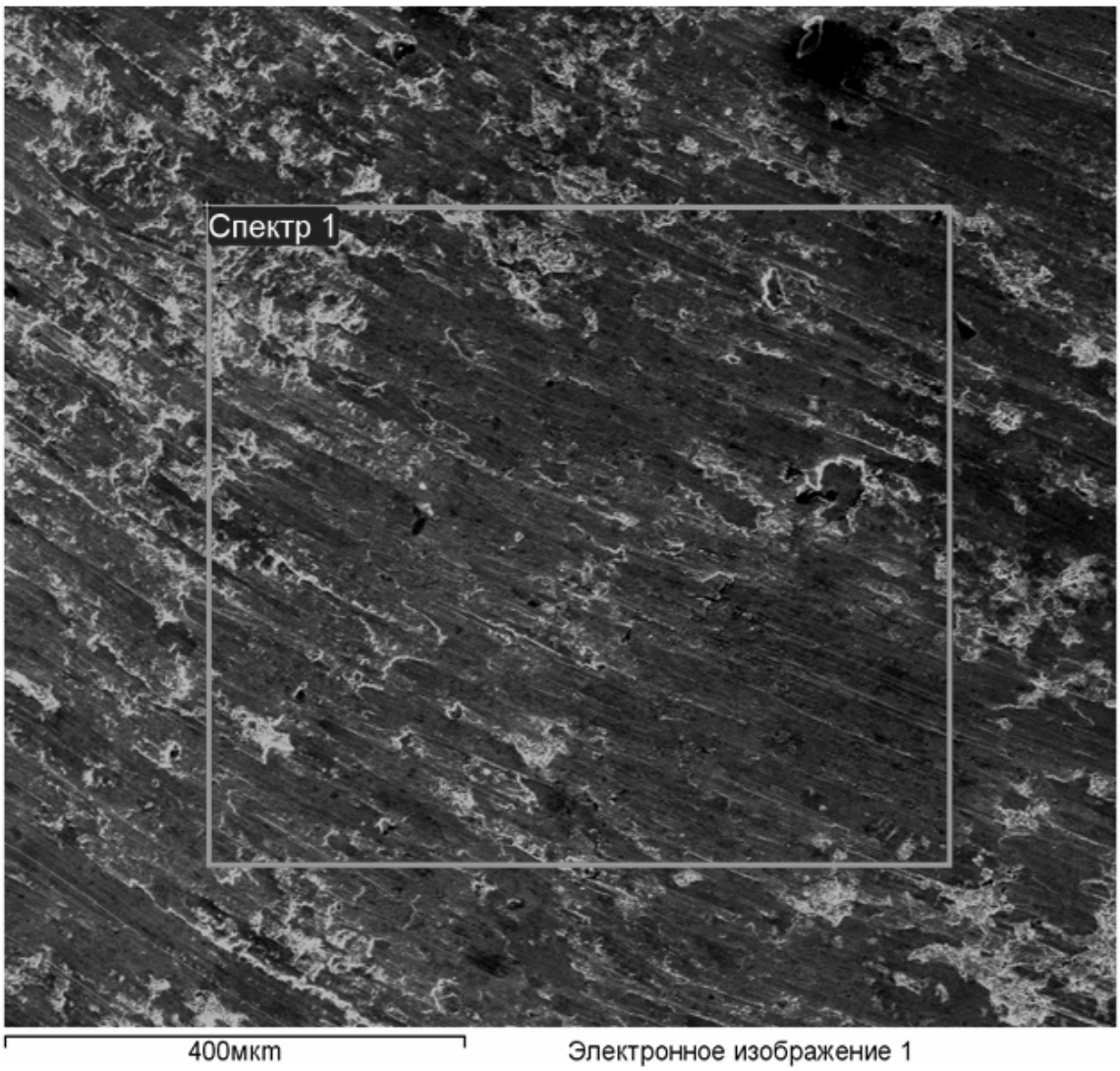


Рис. 7. Слитки № 79–95.



Параметры обработки: выполнен анализ всех элементов (нормализован).

Спектр	В стат.	O	Cu	Ag	Итог
Спектр 1	Да	7,15	15,82	77,03	100,00
Среднее		7,15	15,82	77,03	100,00
Станд. отклонение		0,00	0,00	0,00	
Макс.		7,15	15,82	77,03	
Мин.		7,15	15,82	77,03	

Все результаты в весовых %.

Рис. 8. Результаты спектрального анализа слитка № 36.

К. А. РУДЕНКО

Россия, Казань, Казанский государственный университет культуры и искусств

РУССКОЧЕБОКСАРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Русскочебоксарское поселение находится в Новошешминском районе Республики Татарстан в правобережье реки Чебоксарки. Исследования носили охранно-спасательный характер, так как участок, где располагается селище, попадает в зону строительства новой автодороги. Раскопы были разбиты на участке, не потревоженном проведенными ранее строительными работами.

Было заложено два раскопа, располагавшихся параллельно друг другу. Раскоп I – 70 участков (280 м^2); раскоп II – 80 участков (320 м^2). Оба они были размечены на небольшом всхолмлении, площадью 80 х 120 м, вытянутом в направлении север-юг, высотой до 60 см на правом берегу пересохшего ручейка. С востока всхолмление ограничено неглубокой ложбинкой до 30–40 см. Поверхность имеет небольшой наклон к северу и югу. Северная часть холма срыта при прокладке дороги. В настоящее время территория засеяна зерновыми культурами. На пашне при предварительном осмотре были собраны мелкие фрагменты лепной шамотной керамики на площади 20 х 70 м, в направлении запад-восток. На месте нахождения керамики и были заложены раскопы.

Раскоп разбит на участки 2 х 2 м^2. Участки были пронумерованы с востока на запад, а затем с запада на восток (вторая линия) арабскими цифрами. Мощность слоев вне сооружений достигала 60 см.

Как показали раскопки, культурный слой поселения распахан до материка, которым в данном случае является красно-коричневый суглинок, или предматерикового суглинка. В местах, где имелись неровности поверхности и, соответственно, запады культурного слоя, удалось установить, что культурный слой представлял собой серую однородную по составу и цветности супесь. Материк на большей части раскопов затронут распашкой и многочисленными норами животных, имеет многочисленные гумусные включения, гумированные следы, оставленные норами животных и кротовинами.

На ряде участков в западной части раскопа 1 в западинах сохранились линзы серой белесоватой супеси. Мощность их составляет 3–12 см. В среднем мощность их 5–8 см. В плане они практически незаметны и улавливались только в профилях раскопа.

Отметим, что на некоторых участках имеются следы переработки материка в процессе функционирования древнего поселения. В результате этого образовался незначительный (8–10 см) слой суглинистого пестроцвета коричневатого цвета с пятнами чистого суглинка.

Распашкой перемещены практически все материалы, находившиеся в культурном слое. Крупные куски глиняных сосудов разрушены до отдельных фрагментов и растащены на большую площадь. Крупные части сосудов, особенно в предматериковой части, сохранили свое относительно первоначальное положение.

В культурном слое не обнаружены кости животных, что, вероятно, является результатом воздействия химических удобрений, вносимых в почву при пахоте, а также повышенной влажности оттого, что в низинах рядом с местом поселения скапливалась талая и дождевая вода.

Дневной уровень объектов не фиксируется, поскольку контуры их становились заметными только в материке или предматерике, а также в профиле. Учитывая незначительность культурного слоя, можно предполагать, что разница в дневных уровнях объектов была невелика.

На раскопе I при зачистке второго пласта на участках 2–8, 64–69, 17–16, 54, 55 и частично на участках 1–4, 70, 15, 56, 51–53 прослежен предматериковый слой – серо-бурый с пестроцветными включениями суглинок. На участках 4 и 67 на фоне материкового суглинка выявлены контуры круглой ***ямы (№ 1***) диаметром 130 см с темно-серым заполнением. В 130 см севернее в стенке раскопа выявлен край еще одной ямы (в раскоп она зашла на 10–15 см) близкого диаметра. Эта яма не вскрывалась.

На участке 8, также в материке, выявлена другая яма, диаметром 20 см, с серым заполнением – нора животного. На участке 9 в слое серой супеси отмечено скопление фрагментов глиняного сосуда.

Яма № 1 (участки 4, 67). Глубина 67 см, круглая, диаметром 130 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине -16–19 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; при выборке заполнения котлована – темный гумированный пестроцвет. На дне ямы найдено днище лепного шамотного сосуда и несколько стенок, возможно, от другого сосуда.

Яма № 2 (участки 61, 62). Глубина 33 см, круглая, диаметром 110 см, стенки сужаются к донной части, дно плоское. Выявлена в материке (желто-оранжевого суглинка) на глубине -9 см. Заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное. При зачистке 3-го пласта над ямой были найдены фрагменты стенок шамотной керамики. Котлован ямы заполнен темной гумированной комковатой супесью с угольками и золистыми (?) включениями. На первой выборке в северной части объекта по всей площади выявлен развал плоскодонных керамических сосудов. Отдельные фрагменты керамики встречены и на последней (второй) выборке.

На раскопе II первый пласт пришелся на слой пашни, на втором пласте (слое серой супеси, с редкими включениями линз светло-серой супеси) было зафиксировано следующее. На участках 1–7 и 80–75 имеются отложения гумированной серой супеси; на участках 3 и 4 – серая супесь с белесоватым оттенком. На участках 8, 73, 74, расположенных на более высоком месте, прослежены выходы предматериковых отложений – суглинистого пестроцвета с включениями линз серого пестроцвета. На участках 9–11 и 71–73 отмечен выход материкового суглинка. Он на участках 70 и частично 12 сменяется серой супесью с коричневатым оттенком, занимающей участки 19–12 и 63–69. На участках 24–20 и 57–62, где культурный слой исчерпался и выявлен материк, зафиксированы контуры хозяйственных ям. Это круглая ***яма № 3*** диаметром 120 см, уходящая в северную стенку раскопа, а также ***яма № 4*** диаметром 70 см. Заполнение первой ямы – серая супесь и серый пестроцвет. Заполнение второй ямы – темно-серая супесь.

Далее на участках 25–31 и 56–52 выявлен слой серой супеси с коричневатым оттенком, переходящий в передматериковый пестроцвет (участки 34½ и 51½–52) и материк на оставшейся части раскопа.

На фоне материкового суглинка на участке 48 зафиксированы контуры ***ямы № 1*** размером 130 х 150 см и еще одной находившейся рядом ямы № 2 диаметром 160 см на участках 32 и 49. Расстояние между ямами около 100 см. На следующем пласте на всей площади раскопа был выявлен материк.

Яма № 1 (участок 48). Глубина 64 см, круглая, диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине -19 см, заполнение котлована объекта – темно-серая, гумированная супесь. Находок практически нет, за исключением одного фрагмента лепной шамотной керамики на первой выборке.

Яма № 2 (участки 49, 32). Глубина 63 см, округлая, диаметром 160 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине -19 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; заполнение котлована – плотная темная гумированная супесь и суглинистый комковатый пестроцвет. Находки – фрагменты шамотной керамики и мелкие куски ракушечника (?) – встречены на второй выборке.

Яма № 3 (участки 23, 24). Глубина -22 см, округлая, диаметром 120 см, стенки вертикальные, дно плоское. Вскрыта на ⅔ – часть объекта уходит в стенку раскопа и не вскрывалась. Выявлена в материке на глубине -10 см. Заполнение при зачистке серое, гумированное; заполнение котлована – плотная серая супесь с пестроцветными включениями. На первой выборке найден один фрагмент именьковской керамики. Выявлен материк.

Яма № 4 (участок 22). Глубина 10 см, округлая, диаметром 70 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине +25 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; заполнение котлована – плотная темная гумированная супесь. На двух выборках найдены фрагменты шамотной лепной керамики (на первой – 1 и на второй – 3).

Яма № 5 (участки 27, 28, 53, 54). Глубина 61 см, круглая, диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Выявлена в материке на глубине 0 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; заполнение котлована – плотный суглинистый пестроцвет, без находок.

Яма № 6 (участки 54, 55). Глубина 108 см, круглая, диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. В центре ямы – прямоугольный вкоп 100 х 60 см, вытянутый в направлении северо-восток – юго-запад. Дно ее плоское, стенки вертикальные. Яма выявлена в материке на глубине 0 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное. Заполнение котлована – плотная темная гумированная супесь с пестроцветными включениями (выборка 1); суглинистый пестроцвет, без находок (2-я и 4-я выборки) и темный гумированный пестроцвет (3-я выборка). Находок нет.

Яма № 7 (участки 26, 27). Глубина 75 см, круглая, диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине +18 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное; заполнение котлована на первой выборке – плотная темная гумированная супесь с пестроцветными включениями; на второй выборке – темно-серая супесь, без находок; на третьей выборке – темный гумированный пестроцвет без находок; на четвертой выборке – суглинистый пестроцвет, без находок.

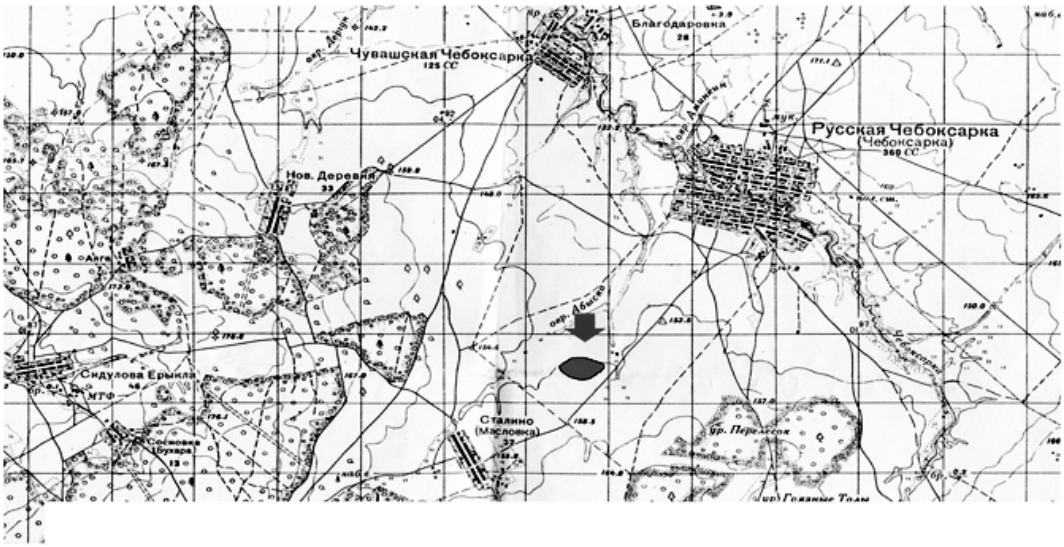
Яма № 8 (участки 25, 26, 56, 55). Глубина 75 см, круглая, диаметром 150 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине +16 см, заполнение при зачистке – темно-серое, гумированное. Заполнение на первой выборке – плотный суглинистый пестроцвет; на второй – темно-серая супесь, без находок; на третьей выборке – темный гумированный пестроцвет без находок; на четвертой выборке – суглинистый пестроцвет, без находок.

Яма № 9 (участки 12, 13). Глубина -8 см. Круглая, диаметром 70 см, стенки вертикальные, дно плоское. Яма выявлена в материке на глубине +19 см. Заполнение – плотная темная гумированная супесь с пестроцветными включениями без находок.

Яма № 10 (участки 53, 54). Глубина -8 см, круглая, диаметром 150 см. Вошла в раскоп частично. Не вскрывалась.

Основная масса находок состоит из керамики шамотной лепной с плоским дном и невысоким венчиком, без орнамента.

Итак, в раскопах № I и II 2009 г. на Русскочебоксарском селище в целом было выявлено 11 объектов середины – второй половины I тыс. н. э. Культурный слой поселения распахан. Находки, представленные только фрагментами лепной шамотной керамики, немногочисленны. Объекты распределены на раскопах неравномерно – два исследовано на раскопе № I, остальные девять – на раскопе № II. На последнем они концентрируются в двух местах, образуя компактные группы по несколько объектов в каждой. Выявленные ямы просты по конструкции – круглой формы диаметром от 70 до 150 см. Глубина ям от материка в среднем составляет 60–70 см. Яма сложной конструкции выявлена одна – в центре на дне вырыта еще одна яма прямоугольной формы, глубиной 50 см. Находки в объектах – фрагменты (в основном донца и придонные части) крупных плоскодонных горшков с низкими массивными шейками. Примесь в тесте – средний шамот. Обжиг костровой. В раскопе вне объектов были обнаружены фрагменты керамики, аналогичные той, что найдена в ямах, что позволяет говорить об одновременности накапливания культурного слоя и сооружения ям. Данный материал может быть датирован I тыс. н. э.


Чувашская Чебоксарка
Благодаровка
Русская Чебоксарка
Нов. Деревня
Сидулова Ерыкла
МТФ
Сталино
(Мясловка)
1

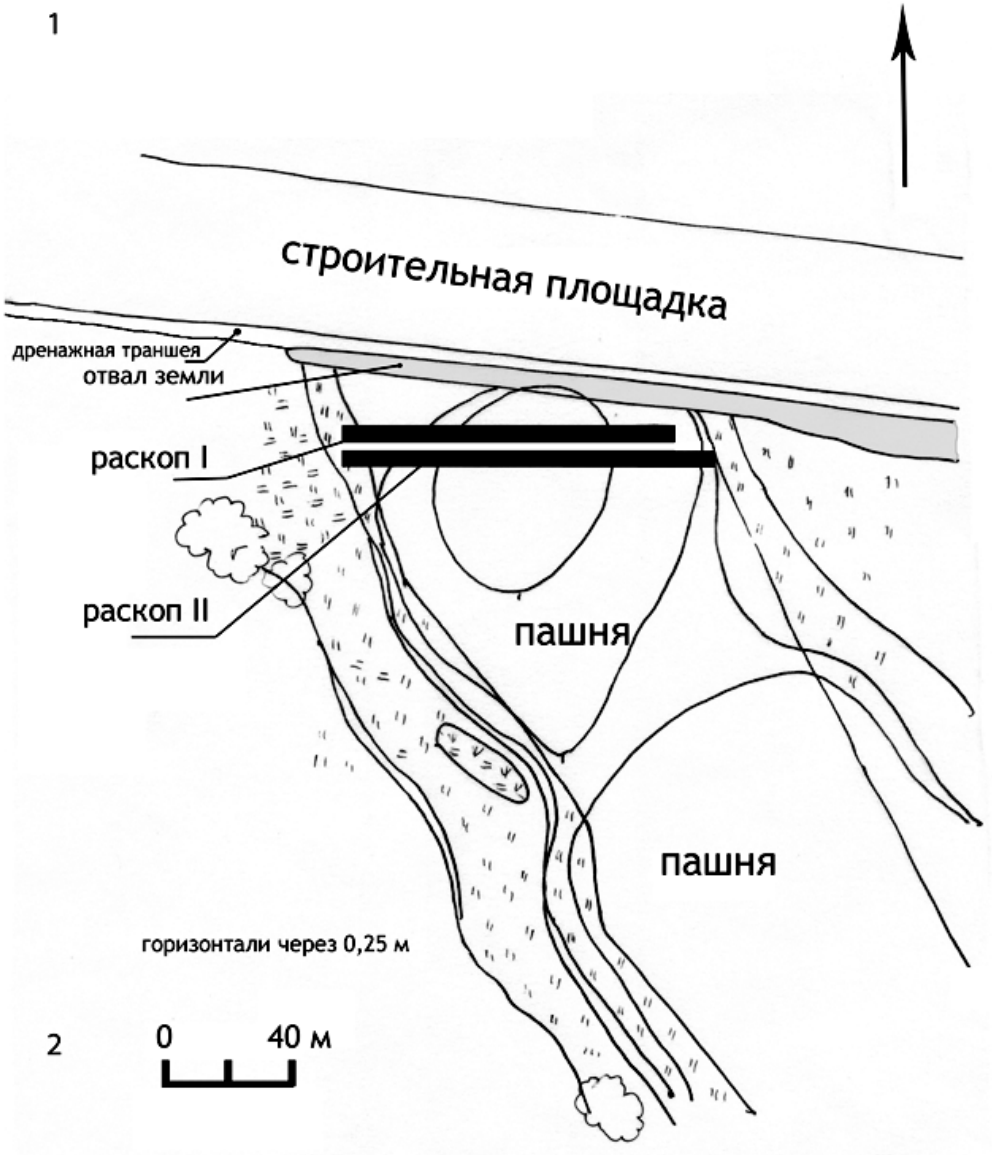

строительная площадка
дренажная траншея
отвал земли
раскоп I
раскоп II
пашня
пашня
горизонтали через 0,25 м
2
0
40 м

Рис. 1.

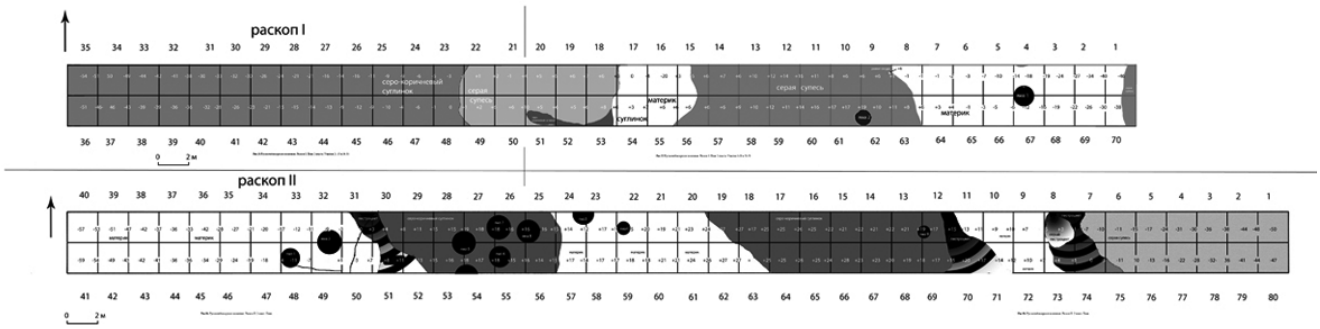


Рис. 2.

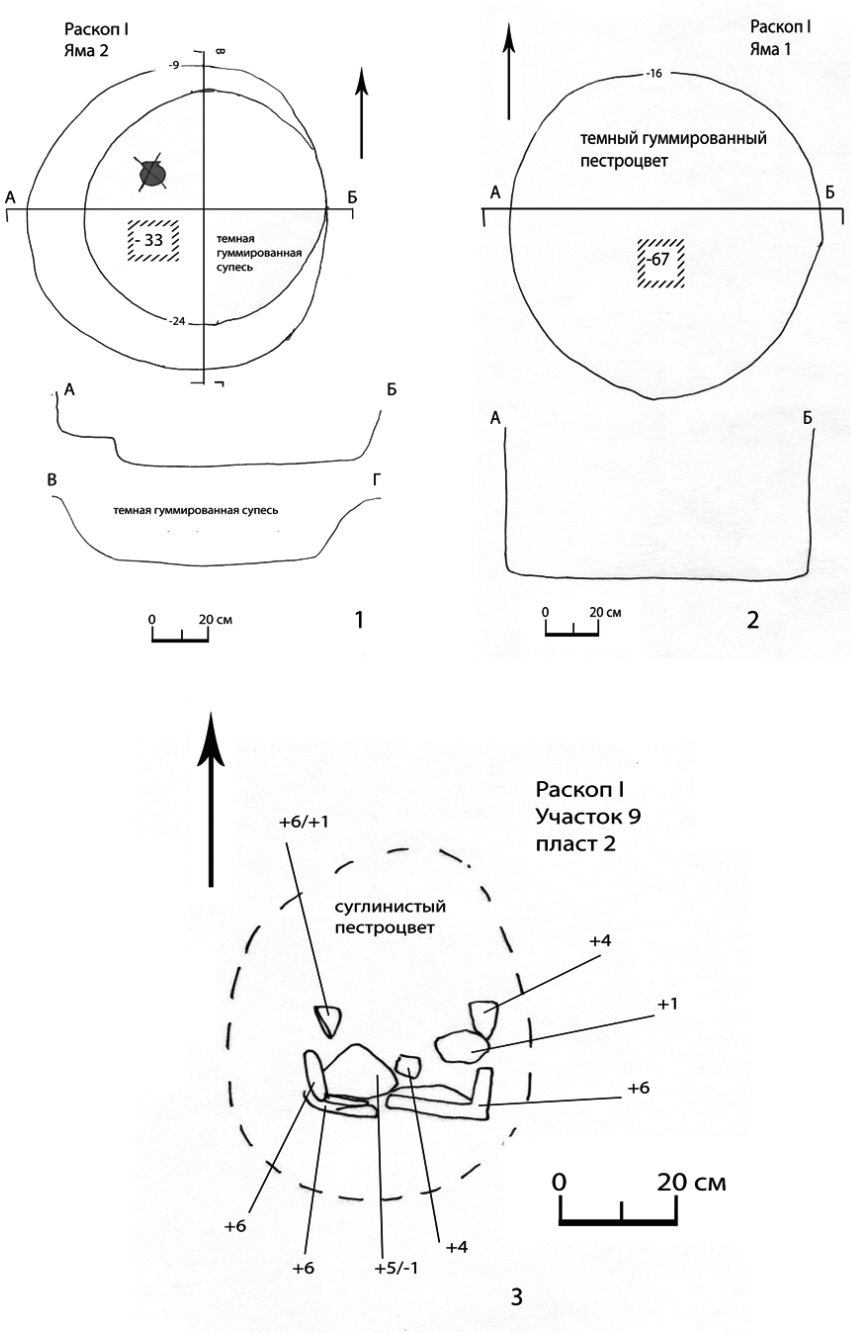


Рис. 3. Русскочебоксарское поселение. Раскоп I. Пласт 2. Участок 9. Развал сосуда. Глубина + 1 + 6 см.

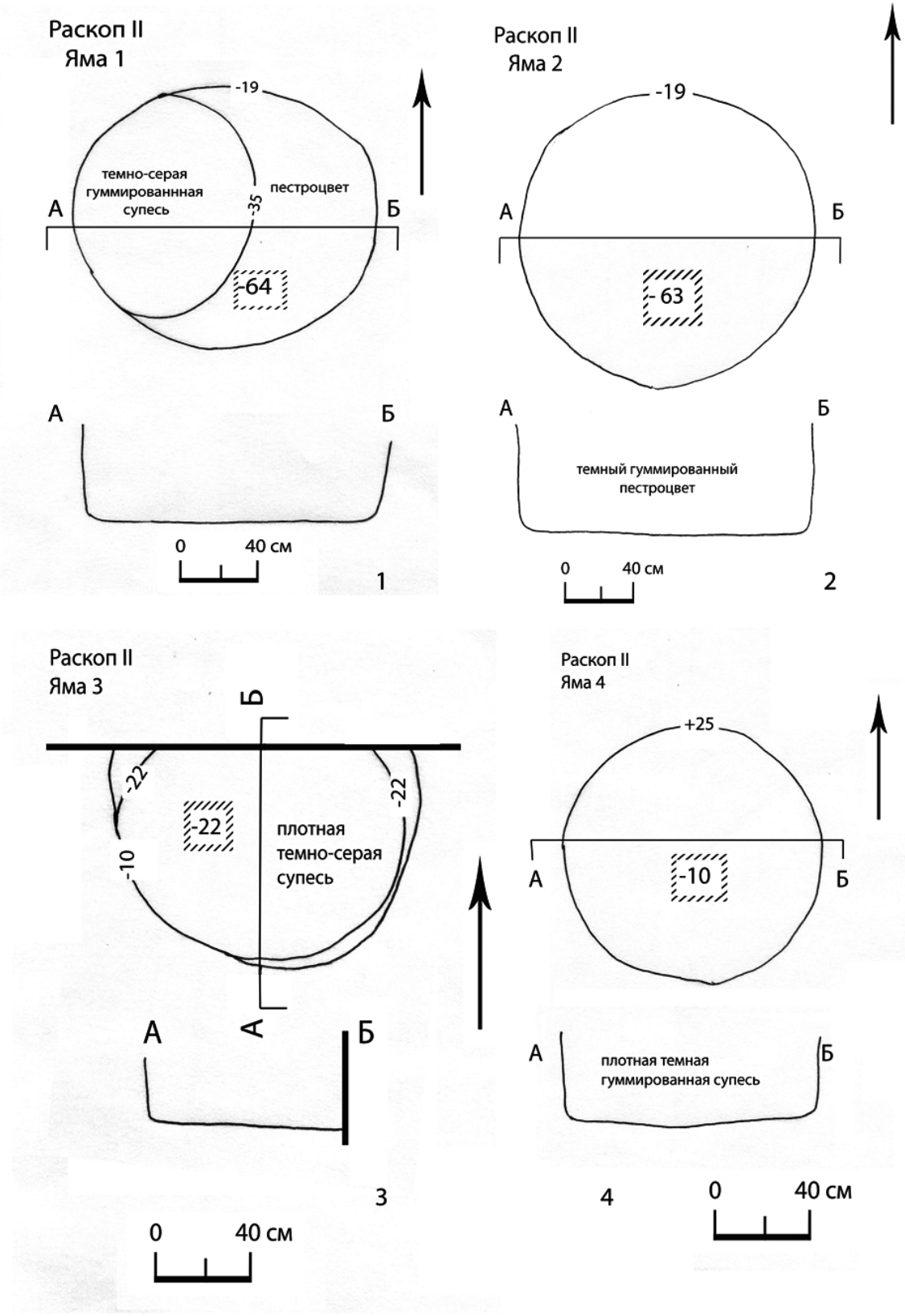

Раскоп II
Яма 1
-19
темно-серая
гуммированнная
супесь
пестроцвет
-35
А
Б
-64
А
Б
0
40 см
1
Раскоп II
Яма 2
-19
А
Б
-63
А
Б
темный гуммированный
пестроцвет
0
40 см
2
Раскоп II
Яма 3
Б
-22
-22
-22
-10
плотная
темно-серая
супесь
А
А
Б
А
Б
3
0
40 см
Раскоп II
Яма 4
+25
А
Б
-10
А
Б
плотная темная
гуммированная супесь
4
0
40 см

Рис. 4.

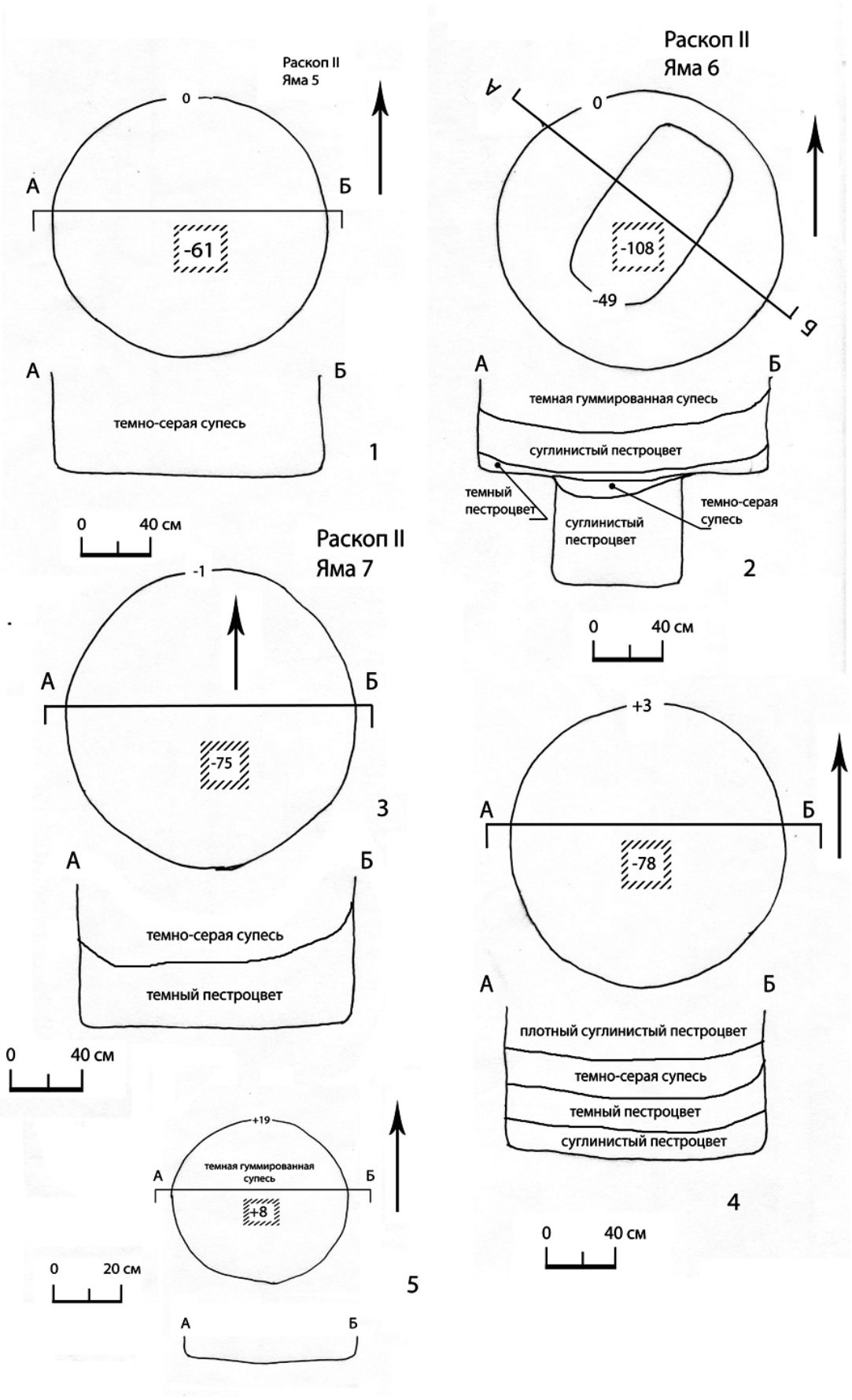

Раскоп II
Яма 5
0
А
Б
-61
А
Б
темно-серая супесь
1
0
40 см
Раскоп II
Яма 6
А
0
-108
-49
Б
А
Б
темная гуммированная супесь
суглинистый пестроцвет
темный пестроцвет
суглинистый пестроцвет
темно-серая супесь
2
0
40 см
Раскоп II
Яма 7
-1
А
Б
-75
3
А
Б
темно-серая супесь
темный пестроцвет
0
40 см
+3
А
Б
-78
А
Б
плотный суглинистый пестроцвет
темно-серая супесь
темный пестроцвет
суглинистый пестроцвет
4
0
40 см
+19
А
темная гуммированная супесь
Б
+8
0
20 см
5
А
Б

Рис. 5.

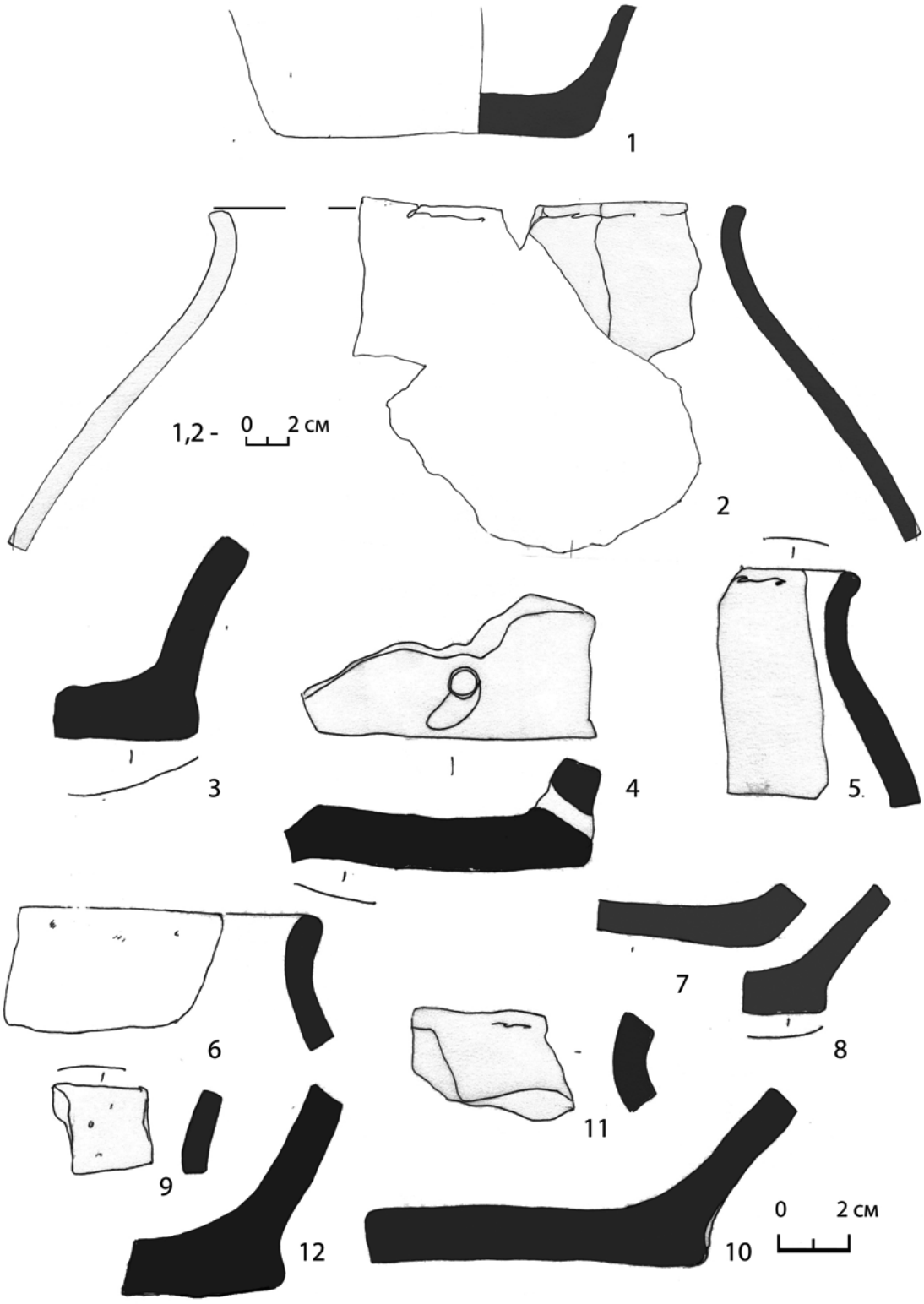


Рис. 6. Керамика раскопов I (1–9) и II (11–12). Раскоп I: *1* – уч. 9, пл. 2; *2* – я. 1, выб. 1; *3*, *4* – я. 2, выб. 1; *5–7* – я. 2, выб. 1; *8–9* – я. 2, выб. 2; *10*, *11* – я. 3, выб. 1; *2* – я. 2, выб. 1; 12 – я. 5, выб. 2.

П. И. САФРОНОВ

Россия, г. Пенза, Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПОСУРЬЯ VIII — НАЧ. XI вв.

Материальная культура поселенческих памятников представляет интерес потому, что создает представление о человеческой деятельности. Она раскрывает этнические особенности населения, его быт, хозяйство и культуру.

В данной работе представлены материалы со следующих археологических памятников: Ахунское селище (VIII – нач. XI вв.) (Винничек, Яньков, 2001. С. 24–33), Васильевское селище VIII – нач. XI вв.) (Винничек, Сафронов, 2004. С. 39–87), Золотаревское поселение (VIII – нач. XIII вв.) (Белорыбкин, 2001. С. 193), Чемодановское селище (VIII – нач. XIII вв.) (Винничек, 2001. С. 105), Степановское I селище (VIII – нач. XIII вв.) (Винничек, 2010. С. 150–180), селище Васьканьсад (VIII–XIV вв.) (Винничек, Сафронов, 2007. С. 239–246), Садовское селище (нач. XI – нач. XIII вв.) (Винничек, 2001а. С. 397–406), селище Круталатка I (нач. XI – нач. XIII вв.) (Винничек, 2001. С. 109–110), Мордовско-Ишимское селище (нач. XI – нач. XIII вв.) (Винничек, 2002. С. 131), селище Балабанов Родник (нач. XI – нач. XIII вв.) (Винничек, Киреева, 2008. С. 137–151), Никольское селище (нач. XI – XIV в.) (Винничек, Сафронов, 2007а. С. 288–305).

С целью систематизации всего имеющегося материала по этническим компонентам находки с вышеперечисленных памятников были рассмотрены с точки зрения географии и хронологии их распространения.

Волжско-финский (*Окско-Сурское междуречье*) (рис. 8).

Это самый широко представленный компонент в материальной культуре верхнесурских поселений VIII–XI вв. Хронологически изделия волжско-финского компонента распределяются следующим образом:

фрагменты железных шейных гривен с напускными бронзовыми бусинами (рис. 1, 6, 7) (4 экз.) – VI–VII вв. (Шитов, 1988. С. 25–26);

браслеты с расплющенными концами (рис. 1, *21*), с поперечным желобком на концах (рис. 1, *19*), с раструбовидными и прямосрезанными концами (рис. 1, *15*) – VII–VIII вв. (Жиганов, 1976, табл. 15, 19, табл. 17, 9, табл. 15, 16);

височная подвеска с замком в виде крючка и щитка с отверстием (рис. 1, 5), нагрудная бляха с дверцей (рис. 1, *13*), «коньковые» застежки (рис. 2, *10*, *12*), «усатые» сюлгамы (рис. 1, *4*, *8–11*) (21 экз.) и дротовая сюлгама с расплющенными концами (рис. 1, *12*), одежные крючки (рис. 2, 1–6) (17 экз.), трубчатые (рис. 2, *16–18*, *20*, *21*) (7 экз.) и трапециевидные (рис. 2, *22*, *23*) (9 экз.) привески, подвески: звездчатые (рис. 2, *24*) (9 экз.), пинцет (рис. 2, *14*), крестовидные (рис. 1, *1*, *3*) (12 экз.), трубчатая с шумящими привесками (рис. 2, *15*), ажурная «коньковая» (рис. 2, *13*) и в виде трех соединенных между собой колец (рис. 2, *9*), браслеты: с загнутыми под прямым углом концами (рис. 1, *14*, *16*, *17*) (13 экз.), «шляпкоконечные» (рис. 1, *20*, *22*) (2 экз.) – VIII–XI вв. (Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010);

фрагмент замка шейной гривны т. н. глазовского типа (рис. 1, *2*) (2 экз.), спиралевидные височные подвески с каплевидным грузиком (рис. 2, *19*) (4 экз.) – IX – нач. XI вв. (Жиганов, 1976, табл. 17, 30);

браслеты с зауженными концами (рис. 1, *18*) (2 экз.) – втор. пол. XI в. (Вихляев, Беговаткин, Зеленцова, Шитов, 2008. С. 147, рис. 58, *6*).

Все это свидетельствует о том, что волжско-финский компонент является основным для поселений Верхнего Посурья рассматриваемого периода. Кроме того, находки, датируемые VI–VII вв., позволяют сделать вывод о связи материальной культуры верхнесурских поселений с памятниками мордвы предшествующего времени.

Пермско-финский (*Прикамье*) (рис. 8). Хронологически предметы пермско-финского компонента распределяются следующим образом:

перстни (рис. 7, *20*) (3 экз.), фрагмент венчика лепной посуды с отверстием (рис. 3, *15*) – IV–XIII вв. (Голдина, 1985. С. 210, табл. II, 46. С. 101. С. 255, табл. XLVIII, 21, 22, 24–26, 28, 31; Винничек, 2001а. С. 397);

щитково-рамчатые пряжки (рис. 3, *10*, *11*) (6 экз.), трехлопастные наконечники стрел (рис. 3, *17*) (3 экз.) – кон. VII – VIII вв. (Голдина, 1985, табл. 16, 83; Медведев, 1966. С. 58);

ременные накладки (рис. 3, *1–8*), втульчатый наконечник стрелы (рис. 3, *19*) – рубеж VII–VIII – XI вв. (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С. 111, рис. 9, *42*, *43*, *78*; Голдина, 1985. С. 219, табл. XI, 34. С. 220, табл. XII, 9, 10; Голдина, 1995. С. 26. рис. 6, *52*; Ковалевская, 2000. С. 146; Белавин, 2000. С. 105, рис. 47, 61; Медведев, 1966. С. 56–57, табл. 30, 3);

изделия из комплекса с Золотаревского I селища (рис. 4, *1–3*) – VIII в. (Голдина, 1985, рис. 16, 94. С. 229, табл. XXI, 7–11; Голдина, Водолаго, 1990. С. 163, табл. LXVI, 51);

рамчатая пряжка (рис. 3, *9*), кресала с овальным вырезом (рис. 3, *16*) (5 экз.) – VIII–IX вв. (Голдина, 1985. С. 217, табл. IX, 16–19; Голдина, 1995. С. 26, рис. 6, 97);

флаконовидная подвеска (рис. 3, *13*) – конец VIII–IX – рубеж X–XI вв. (Голдина, 1995. С. 28; Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С. 116, рис. 12, 59, 63);

бронебойные наконечники стрел (рис. 3, *18*) (7 экз.) – IX–X вв. (Медведев, 1966. С. 85);

бронзовая рукоять кресала (рис. 3, *14*) (2 экз.) – X–XI вв. (Белавин, 2000. С. 160, рис. 94, 10);

полусферические привески (рис. 3, *12*) (2 экз.) – X–XII вв. (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С. 116, рис. 12, *11–13*).

Таким образом, контакты верхнесурского населения с прикамскими финнами прослеживаются с VIII в. Хронологическим подтверждением этого является четко датированный VIII в. комплекс с Золотаревского I селища. Наибольшая интенсивность связей с Прикамьем приходится на VIII–IX вв. Очевидно, эти контакты носили не только торговый, но и этнокультурный характер. Об этом свидетельствуют находки мордовских и прикамских вещей в одном комплексе с Золотаревского I селища, а также фрагмент венчика лепной посуды с отверстием, который характерен для ритуальных памятников Прикамья.

Угорский (*Южный Урал*) (рис. 8). Этот компонент выделить довольно проблематично, поскольку значительная часть аналогий верхнесурским предметам бытовала как на Южном Урале, так и в Прикамье. Однако рассматривать совместно финский и угорский компонент нецелесообразно, поскольку, по мнению В. А. Иванова, «об общей финно-угорской этнической общности говорить довольно сложно» (Иванов, 1999. С. 71–75). Хронологически находки, относящиеся к

данному компоненту, распределяются следующим образом: 1) ременный крюк (рис. 5, *2*) – VIII–IX вв. (Ковалевская, 2000, рис. XX, 16. С. 351); 2) ременные накладки (рис. 5, *1*, *3–9*) – IX–X вв. (Мурашева, 2000. С. 26, рис. 27, 4. С. 37, рис. 44, 5. С. 39, рис. 47, 2; Мажитов, 1993. С. 131, рис. 4, 16-б; Валиулина, Храмченкова, 2001. С. 277, рис. 1, 29, 46, 48).

Таким образом, угорский компонент в материальной культуре поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. представлен исключительно ременной гарнитурой, который датируется в основном IX–X вв. По мнению В. А. Иванова, в сер. IX в. начинается миграция угро-мадьяр из Приуралья на запад, и их путь пролегал по южной границе расселения мордвы. Свидетельством этого являются находки поясных наборов «древневенгерского типа» (накладки и щитковые пряжки с выпуклым узором и бордюром по краям) и соединительных колец-тройников в погребениях мордовских могильников VIII–IX вв.: Крюково-Кужновского и Елизавет-Михайловского (Иванов, 1999. С. 89. С. 97).

К предметам, общим для Прикамья и Южного Урала, относятся:

«геральдическая» ременная накладка с двумя отверстиями (рис. 3, *22*) – VI–VII вв. (Мажитов, 1993. С. 123, рис. 2, 27; Голдина, 1995. С. 24, рис. 4, *21–2*4), а остальные (рис. 3, *23–28*) – IX–XI вв. (Фёдоров-Давыдов, 1966. С. 53, рис. 8, А VII; Иванов, 1993. С. 143, рис. 1, 45);

литые пронизки (рис. 3, *20*, *21*) – кон. VI–VII – IX в. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 138, табл. XLI, 4–6. С. 164, Табл. LXVII, 68; Вискалин, Уланов, 2005. С. 46, рис. 1, 13, 14. С. 47, рис. 2, 8–10);

коньковые подвески (рис. 3, *30–34*) – VII–XI вв. (Крыласова, 2002. С. 92; Аксенов, 1998. С. 3–12).

Раннеболгарский (салтово-маяцкий) (*Средняя Волга*) (рис. 8). Этот компонент охватывает довольно широкий круг предметов. Салтово-маяцкая археологическая культура была прародительницей целого ряда изделий, которые получили широкое развитие и распространение уже после ее существования. Хронологически предметы этого компонента распределяются следующим образом: 1) железная петля от котла (рис. 5, *21*) и железный крюк (рис. 5, *20*) – VIII – нач. X в. (Плетнева, 1967. С. 149, рис. 39, 18,19. С. 154; Матвеева, 2003. С. 112, рис. 2, 13, 14; Винничек, Сафронов, 2007. С. 242); 2) ременные накладки (рис. 5, *11–15*), пряжки с рамкой для ремня и выпуклым эллипсовидным щитком с центральным отверстием для крючка (рис. 5, 16) (3 экз.), подвески: лунница (рис. 5, *18*) и якорьковая (рис. 5, *19*), перстни (рис. 5, *10*, *17*) – VIII – нач. XI в. (Ковалевская, 2000. С. 149. С. 157; Валиулина, Храмченкова, 2001. С. 277, рис. 1, 22; Винников, Плетнева, 1998. С. 190, рис. 76, Д. С. 181, рис. 69, Р. С. 182, рис. 70, Т).

Салтово-маяцкая культура занимала довольно значительную территорию в Восточной Европе. Но, несмотря на это, по мнению С. А. Плетневой, ее можно назвать этнической, поскольку она была создана родственными болгаро-аланскими племенами. В VIII в. в связи с миграционными процессами внутри Хазарского каганата часть болгар была вынуждена уйти из лесостепного Подонья на Среднюю Волгу. Именно отсюда носители салтово-маяцкой культуры оказывали воздействие на соседствующих с ними финнов Поволжья. Бытовала эта культура в довольно узкий хронологический период – VIII – нач. X вв. (Плетнева, 1967. С. 143. С. 185–189).

Булгарский (*Волго-Камье*) (рис. 8). Хронологически предметы этого компонента распределяются следующим образом:

привеска с рубчатой поверхностью (рис. 5, *30*) – IX – нач. XI вв. (Полякова, 1996. С. 189. С. 183, рис. 63, 29, 30);

ременные накладки (рис. 5, *22*, *24–27*, *29*), пряжки (рис. 5, *28*, *33*), грушевидные подвески (рис. 5, *31*) (3 экз.), удила с прямыми псалиями (рис. 6, *10*) – X–XII вв. (Белорыбкин, 2001а. С. 222, рис. 4; Винничек, 2003. С. 358. С. 375, рис. 1, 31. С. 360. С. 375, рис. 1, 40, 41, 43; Руденко, 1998. С. 26, рис. 2, 5. С. 26, рис. 1, 43; Руденко, 2001. С. 104, рис. 18, 20–23; Казаков, 1991. С. 107. С. 130, рис. 44, 65–69; Полякова, 1996. С. 183, рис. 63, 32; Хузин, 1985. С. 195. С. 196, табл. LXIV, 5, 6);

булгарские монеты (рис. 6, 7, 8) – X в., а монетовидные подвески (рис. 6, *1–6*) – XI в. (Винничек, Лебедев, 2003. С. 376–391);

браслет (рис. 5, *34*), литая обойма от браслета (рис. 5, *32*) (2 экз.), перстень (рис. 6, *11*), долото (рис. 6, *12*), железная весовая гирька (рис. 6, *9*) – X–XIII вв. (Казаков, Руденко, Беговатов, 1993. С. 60, рис. 9, 53; Белавин, 2000. С. 101, рис. 44, 4. С. 90, рис. 39, 9; Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002. С. 33–34, рис. 9, 19; Шарифуллин, 1985. С. 52, табл. XIX, 1–4. С. 55, табл. XX, 1–4; Руденко, 2001а. С. 189, рис. 30, 5, 7; Валеев, 1995. С. 82);

височное кольцо (рис. 5, *23*) – XI–XIII вв. (Руденко, 1998. С. 26, рис. 1, 4, 6; Полякова, 1996. С. 170. С. 168, рис. 60, 6, 9; Белорыбкин, 2003. С. 418, рис. 2, рис. 3).

Таким образом, наиболее ярко булгарский компонент в верхнесурских материалах прослеживается с X в. Он представлен как украшениями и элементами одежды, так и орудиями труда, предметами быта и торговли. Появление этого компонента у населения Верхнего Посурья в VIII – нач. XI вв. связывается с распространением сферы экономических интересов появившегося в X в. в Волго-Камье нового государства – Волжской Булгарии.

Древнерусский (*Северо-Восточная Русь*) (рис. 8). Данный компонент в материальной культуре верхнесурских поселений VIII – нач. XI вв. представлен довольно широким кругом изделий и с точки зрения хронологии распределяется следующим образом:

ременные накладки (рис. 6, *13–22*), круглая подвеска (рис. 6, *29*), деталь коромысла весов (рис. 6, *28*), наконечники стрел: с короткой пирамидальной головкой ромбического сечения (рис. 6, *26*), пирамидальные квадратного сечения с желобками на гранях боевой головки (рис. 6, *27*) (3 экз.), с боковыми выступами (рис. 6, *25*) – X–XIII вв. (Мурашева, 2000. С. 65, рис. 97, 2 В с. 33, рис. 39, IE-1, IE-2, IЖ. С. 47, рис. 67, 1А-1, 1А-2, 1Б,2А. С. 56, рис. 83, 035. С. 121. С. 28, рис. 30, b. С. 67, рис. 101, 4; Успенская, 1993. С. 116, рис. 22. С. 110, рис. 17; Валеев, 1995. С. 77–79; Седова, 1997. С. 299, рис. 53, 14, 34; Медведев, 1966. С. 81–82. С. 62–63; Ширинский, 1999. С. 130, рис. 16, I.18, 3);

сулицы (рис. 6, *30*) (2 экз.) – пер. пол. XI в. (Кирпичников, 1966. С. 14–15, 23–25);

браслеты (рис. 6, *23*, *24*) – пер. четв. XI – XIV вв. (Седова, 1997. С. 75. С. 303, рис. 57, 13; Седова, 1997а, рис. 65, 18).

Таким образом, древнерусский компонент в материальной культуре поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. прослеживается не ранее X в. Очевидно, это объясняется двумя причинами:

Во-первых, в X в. в Волго-Камье появляется новое государство Волжская Булгария, которое проводит активную экономическую политику в отношении западных соседей, т. е. финнов Поволжья. В результате чего в нач. XI в. верхнесурские земли входят в состав Волжской Булгарии и становятся ее юго-западной пограничной территорией. И Древняя Русь, и Волжская Булгария были заинтересованы в налаживании взаимных экономических связей, которые прослеживаются верхнесурскими материалами и, по-видимому, возникли не позднее нач. XI в. Об этом свиде-

тельствует находка детали коромысла древнерусских весов на Васильевском селище (VIII – нач. XI вв.).

Во-вторых, Древняя Русь, так же как и Волжская Булгария, стремилась проводить экономическую и политическую экспансию на землях поволжских финнов. Ярким примером этого является колонизация муромы во второй пол. X – XI вв. (Гришаков, Зеленеев, 1990. С. 7). Т. е. границы территории Древней Руси приближались к примокшанским землям. В этот же период, очевидно, экономические связи Древней Руси стали распространяться и на Верхнее Посурье.

Итак, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что древнерусский компонент на верхнесурских землях появляется не ранее второй пол. X в. и не позднее нач. XI в.

Следует отметить, что на поселениях Верхнего Посурья в VIII – нач. XI вв. были обнаружены незавершенные изделия: заготовка застежки (рис. 7, *1*), а также недоработанная литая сюлгама со следами литника (рис. 7, *3*). Ременная накладка (рис. 7, *6*), которая является браком. Некоторые ременные накладки (рис. 7, *5*) и браслеты (рис. 7, *2*, *7–17*), а также грубые подражания им (рис. 7, *18*, *19*), которые за пределами региона почти не встречаются. Перстни (рис. 7, *20*), отлитые в одной литейной форме. Все это свидетельствует о местном производстве данных украшений и элементов одежды и позволяет выделить верхнесурский компонент.

Верхнесурский (местный) компонент включает следующие украшения и элементы одежды: застежки «усатые» сюлгамы (рис. 7, *1*, *3*, *4*) (19 экз.), ременные накладки (рис. 7, *5*) (5 экз.), (рис. 7, *6*), браслеты с загнутыми до основания и прокованными концами (рис. 7, *2*, *7–17*) (18 экз.) и их имитациями (рис. 7, *18*, *19*), а также перстни, отлитые в одной форме (рис. 7, *20*) (3 экз.).

Количественный анализ предметов, входящих в каждый из компонентов материальной культуры поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв., позволил построить диаграмму (рис. 9).

Всего было рассмотрено 365 находок (100 %). Основная часть – волжско-финский компонент (40 %), составивший почти половину всех рассмотренных предметов. Это еще раз подтверждает, что основную массу населения Верхнего Посурья в VIII – нач. XI вв. составляла мордва. Второй по массовости компонент – пермско-финский (17 %). На диаграмме также в отдельный сегмент выделены предметы пермско-финно-угорского компонента (4 %). Значительная доля изделий этих компонентов (17 % + 4 % = 21 %) свидетельствует о тесных торговых и этнокультурных связях местного населения с Прикамьем и Приуральем в VIII – нач. XI вв. Хотя исследователи прослеживают их, начиная с первых веков новой эры (Гришаков, Винничек, 2003. С. 294–306). Очевидно, что контакты включали в себя не только поставки готовых изделий (украшения, элементы одежды, предметы быта, вооружение) и сырья для украшений (слитки цветных металлов), но и определенные этнические связи. Безусловно, этому способствовала единая с местным населением в Прикамье финская общность. Самым малочисленным из выделенных на диаграмме (рис. 9) компонентов оказался угорский. Это объясняется кратковременностью его влияния на материальную культуру верхнесурского населения в VIII – нач. XI вв. и среднецнинской мордвы, что засвидетельствовано находками поясных наборов «древневенгерского типа» (накладки и щитковые пряжки с выпуклым узором и бордюром по краям) и соединительных колец-тройников в погребениях VIII–IX вв. Крюково-Кужновского и Елизавет-Михайловского могильников (Иванов, 1999. С. 89. С. 97).

С VIII в. на местное население начали оказывать влияние ранние болгары, которые в связи с миграционными процессами внутри Хазарского каганата были вынуждены уйти из лесостепно-

го Подонья на Среднюю Волгу (Плетнева, 1967. С. 185–188). Воздействие на материальную культуру поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. выразилось в распространении среди местного населения изделий и подражаний изделиям салтово-маяцкой культуры (доля этого сегмента диаграммы составила всего 5 %), которая обладает довольно узким хронологическим периодом – VIII – нач. X вв. (Плетнева, 1967. С. 143).

С X в. раннеболгарское влияние сменилось воздействием Волжской Булгарии, которая образовалась в Волго-Камье. Интерес к Верхнему Посурью объяснялся, прежде всего, выгодной торговлей с местным населением. Количественный анализ предметов позволил проследить увеличение в 2,5 раза булгарского компонента (13 %) по сравнению с раннеболгарским (рис. 9). Это является следствием поиска рынков сбыта и реализации булгарской ремесленной продукции.

Незначительную долю на диаграмме (6 %) составил древнерусский компонент. В материальной культуре верхнесурских поселений VIII – нач. XI вв. он начинает прослеживаться не ранее второй половины X в. Возможно, малая доля этого компонента объясняется ограниченностью присутствия древнерусского населения в рассматриваемое время в рассматриваемом регионе. Анализ особенностей материальной культуры населения Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. позволил выделить и предметы, изготовленные в регионе. Сегмент этих изделий на диаграмме составил 13 %. Начиная с X в. на территории Верхнего Посурья появились торговые фактории Волжской Булгарии, которые позже трансформировались в поселения с красно-коричневой гончарной посудой булгарского типа (Садовское селище, селище Круталатка I, Мордовско-Ишимское селище, селище Балабанов Родник и др.) и просуществовали вплоть до монгольского нашествия 1237 года (Винничек, 2010. С. 169). Необходимо отметить, что население этих памятников было полиэтничным.

В нач. XI в. Волжская Булгария завершила колонизацию Верхнего Посурья, и территория региона стала частью этого государства. Функционирование ряда мордовских поселений прекратилось (Васильевское селище, Ахунское селище, селище Бурчиха). Основная часть местного населения вынуждена была мигрировать в Примокшанье, подтверждением чего служит появление множества мордовских могильников к северо-западу от верховьев Суры, где встречается посуда с двусторонним лощением, близкая к керамике т. н. армиевского типа (Белорыбкин, 2007. С. 237).

Тем не менее довольно большая часть поселений продолжила свое функционирование (Чемодановское селище, Золотаревское поселение, Степановское I селище, селище Васьканьсад), являясь уже составной частью территории Волжской Булгарии. Местное население сохраняло свои традиции, что подтверждается преемственностью его материальной культуры с памятниками VIII – нач. XI вв. Однако социальное положение мордвы стало зависимым от булгар.

Таким образом, анализ предметов с поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. позволяет сделать вывод, что географическое положение региона на границе леса и степи обусловило формирование ряда этнических и культурных особенностей у местного населения. Хотя, несмотря ни на что, территория Верхнего Посурья на протяжении всего рассматриваемого периода являлась составной частью финского мира.

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В. С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. – 1998. – № 1 (2). – Казань.

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь, 2000.

Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. – СПб., 2001.

Белорыбкин Г. Н. Мода на украшения на территории Верхнего Посурья в IX–XI вв. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма): Т. 1. Материалы III Международной археологической конференции. 14–18 марта 2000 г. – Самара, 2001а.

Белорыбкин Г. Н. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения видного российского археолога А. Е. Алиховой. 11–14 ноября 2002 года. – Пенза, 2003.

Белорыбкин Г. Н. Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. – Вып. 1. – Пенза, 2007.

Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. – Казань, 1995.

Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарстана. – Казань, 2002.

Валиулина С. И., Храмченкова Р. Х. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21–23 ноября 2000 г.). – Ижевск, 2001.

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998.

Винничек В. А. Материалы средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья // Археология Поволжья. – Пенза, 2001.

Винничек В. А. Новые археологические материалы с Садовского селища (X–XIII вв.) // Исторические записки. – Вып. 5. – Пенза, 2001а.

Винничек В. А. Новые археологические материалы с Мордовско-Ишимского селища // Исторические записки. – Вып. 6. – Пенза, 2002.

Винничек В. А. Ременные накладки из цветных металлов с верхнесурских средневековых поселений // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.

Винничек В. А. Материальная культура Степановского I селища // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов. – Вып. 3. – Пенза, 2010.

Винничек В. А., Киреева К. М. Археологические исследования поселения Балабанов Родник // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 2. – Т. 2. – Пенза, 2008.

Винничек В. А., Лебедев В. П. Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003.

Винничек В. А., Сафронов П. И. Васильевское селище // Записки краеведов. – Вып. 2. – Ч. 1. – Пенза, 2004.

Винничек В. А., Сафронов П. И. Результаты исследований селища Васьканьсад в 2004–2006 гг. // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. 5–10 августа 2006 г. – Йошкар-Ола, 2007.

Винничек В. А., Сафронов П. И. Предметы из цветных металлов с золотоордынских поселений Верхнего Посурья // Материалы международной научно-практической конференции «Моя малая Родина». – Вып. 4. – Степановка – Пенза, 2007а.

Винничек В. А., Яньков В. В. Ахунское селище // Археология Поволжья. – Пенза, 2001.

Вискалин А. В., Уланов Г. В. Находка женских украшений угров IX века в Ульяновском Предволжье // Finno-Ugrica. – 2003–2004. – № 1 (7–8). – Казань, 2005.

Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985.

Голдина Р. Д. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. – Ижевск, 1995.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск, 1990.

Гришаков В. В., Зеленеев Ю. А. Мурома VII–XI вв. – Йошкар-Ола, 1990.

Гришаков В. В., Винничек В. А. Эполетообразная застежка с верховья Суры // Археология восточноевропейской лесостепи: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения видного российского археолога А. Е. Алиховой. 11–14 ноября 2002 года. – Пенза, 2003.

Жиганов М. Ф. Память веков. – Саранск, 1976.

Иванов В. А. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

Иванов В. А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999.

Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань, 1991.

Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А. Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. Материалы Новостроечной экспедиции Министерства культуры Республики Татарстан. – Казань, 1993.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // Археология СССР. САИ. – М. – Л., 1966.

Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Стеклянные бусы и поясные наборы. – М., 2000.

Крыласова Н. Б., Бочаров И. В., Бочарова Е. О. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Вып. 1. – Екатеринбург, 1997.

Крыласова Н. Б. Основные элементы «общебулгарского» костюма X–XI вв. по материалам Рождественского могильника в Пермском Предуралье // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». 6–16 августа 2001 г. – Ч. II. – Казань, 2002.

Мажитов Н. А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

Матвеева Г. И. Поселения VIII–IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань, 2003.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV вв. САИ. – М., 1966.

Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). – М., 2000.

Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В. Второй Журавкинский могильник. – Саранск, 2010.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М., 1967.

Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.

Руденко К. А. К вопросу о взаимодействии булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // Finno-Ugrica. – № 1 (2). – Казань, 1998.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань, 2001.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань, 2001а.

Седова М. В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997.

Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. – М., 1997а.

Успенская А. В. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Труды ГИМ: Средневековые древности Восточной Европы. – Вып. 82. – М., 1993.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // Археологические памятники. – М., 1966.

Хузин Ф. Ш. Снаряжение всадника и верхового коня // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985.

Шарифуллин Р. Ф. Инструменты ремесленников // Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985.

Ширинский С. С. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник: Исследование и публикации. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). – Ч. 1. – М., 1999.

Шитов В. Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. – Вып. 85. – Саранск, 1988.

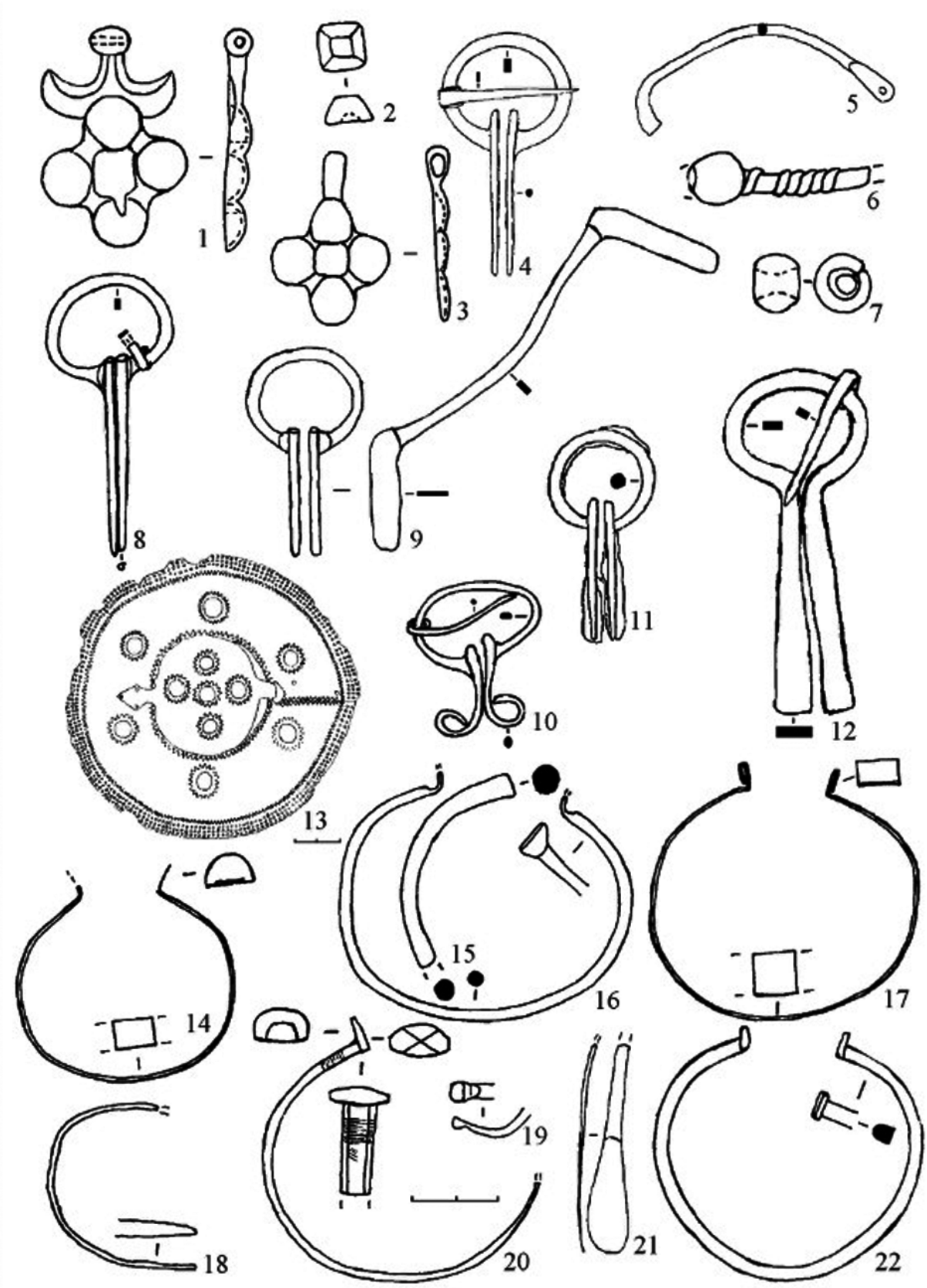


Рис. 1. Волжско-финский компонент.
1–4, 6–8, 12, 15, 16, 18, 19, 21 – Васильевское селище; 5 – Чемодановское селище; 9, 14, 17, 20, 22 – Ахунское селище; 10, 13 – Золотаревское поселение; 11 – Степановское I селище.
1–5, 7–11, 13–22 – бронза; 6 – железо + бронза, 12 – железо.

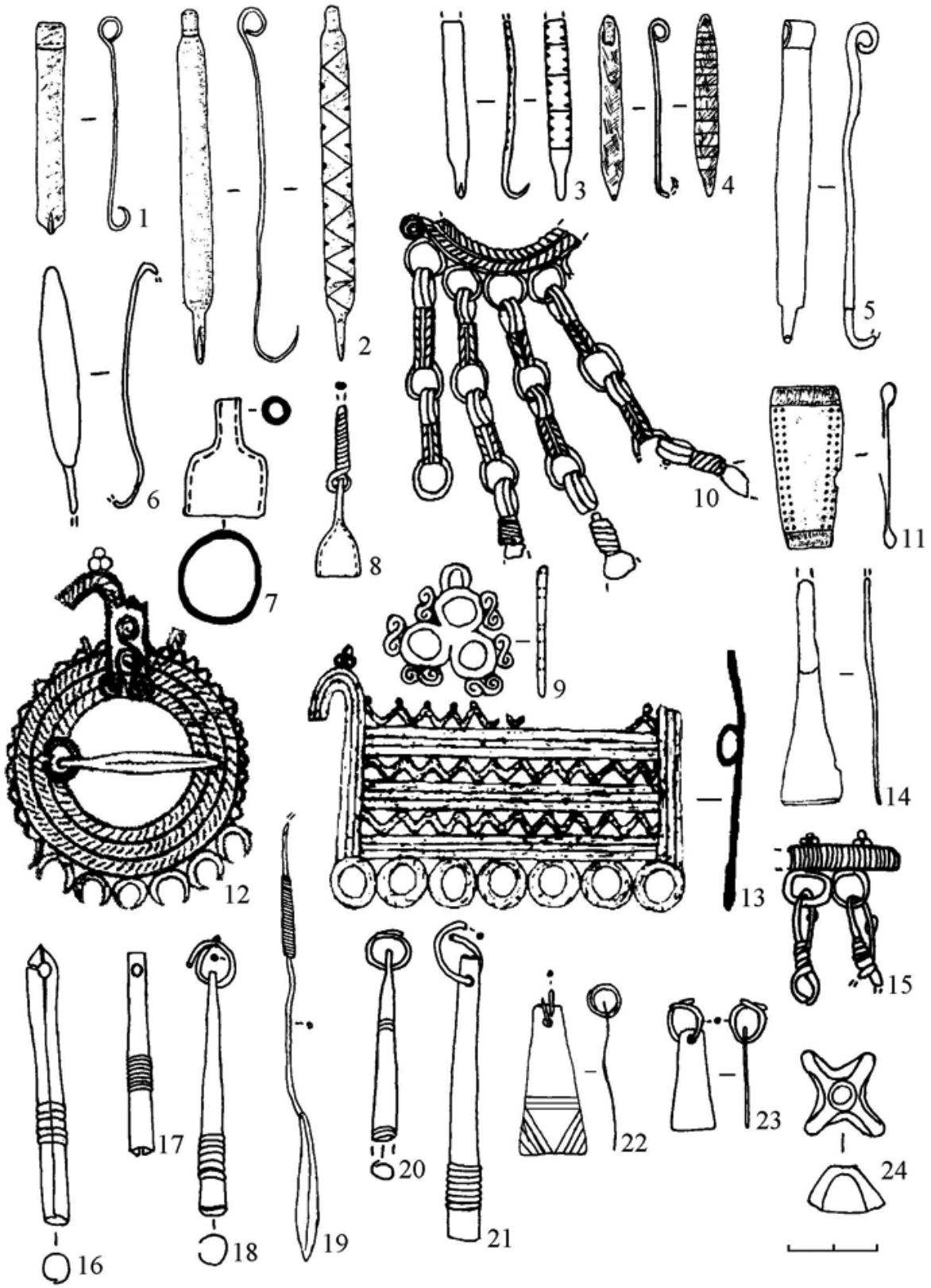


Рис. 2. Волжско-финский компонент.
1–4, 6, 8, 10, 11, 14–24 – Васильевское селище; 5 – Ахунское селище;
7, 9 – Золотаревское поселение; 12 – селище Круталатка I; 13 – селище Балабанов Родник.
1, 2, 7–18, 20–24 – бронза; 3–6 – железо; 19 – серебро.

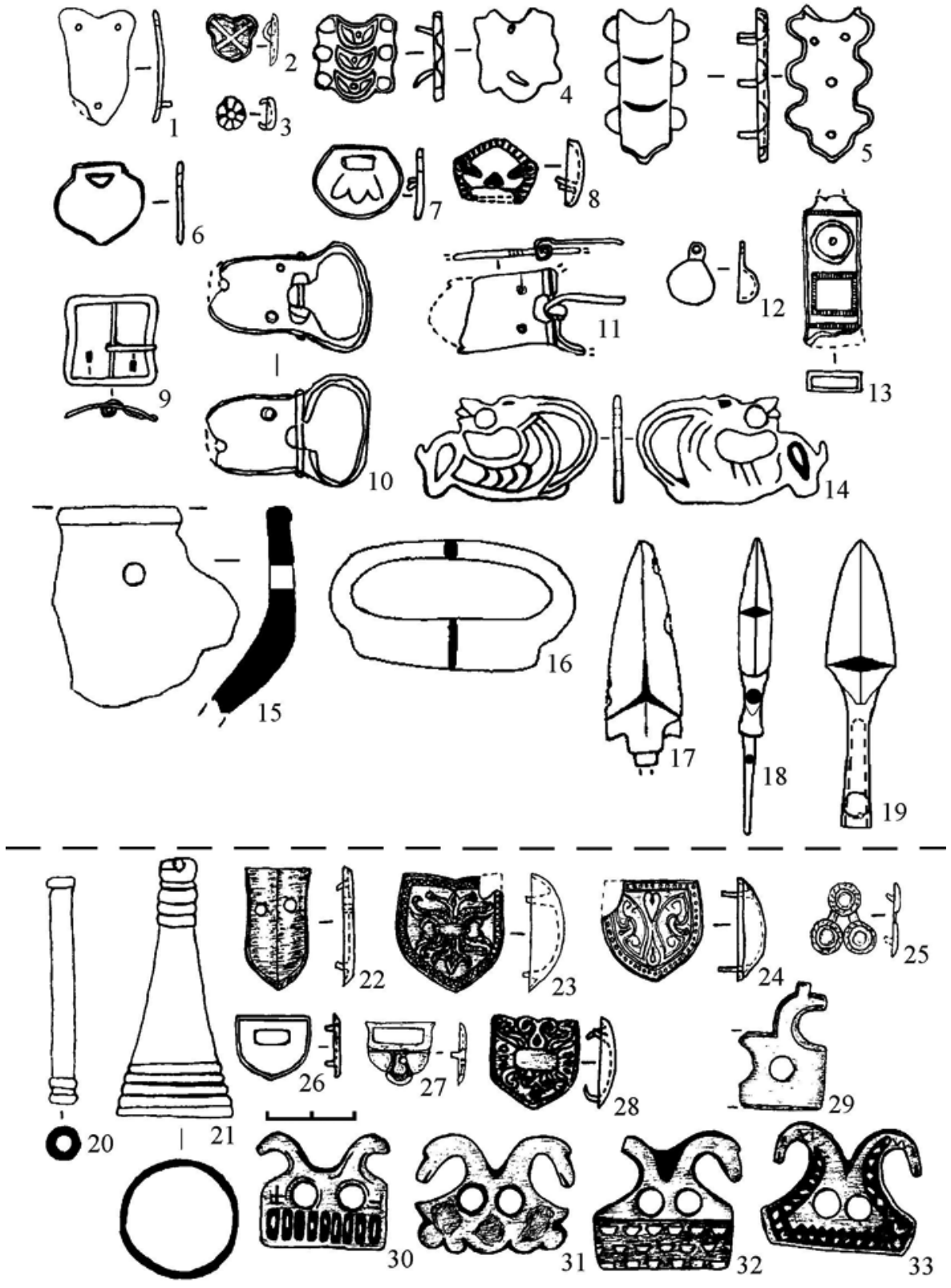


Рис. 3. 1–19 – пермско-финский компонент; 20–33 – пермско-финно-угорский компонент.
1, 2, 13, 16, 25 – Ахунское селище; 3–12, 14, 15, 17, 20, 21, 26–28 – Васильевское селище;
18, 19, 29–33 – Золотаревское поселение; 22 – Чемодановское селище;
23, 24 – селище Круталатка I. 1–12, 14, 20–23, 26–33 – бронза;
13, 25 – свинцово-оловянный сплав; 15 – глина; 16–19 – железо, 24 – серебро.

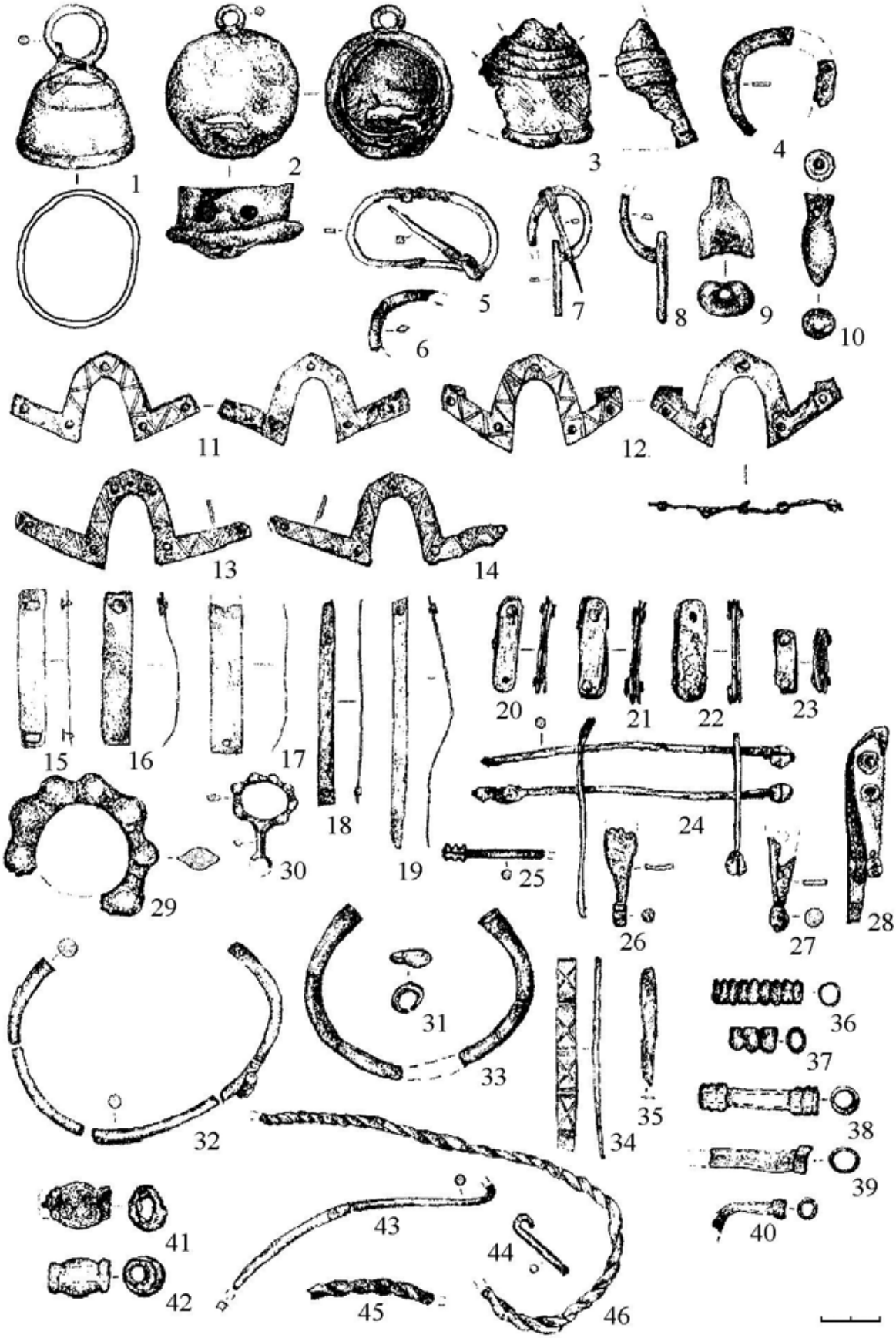


Рис. 4. Клад украшений с Золотаревского I селища (по Г. Н. Белорыбкину). Все – бронза.

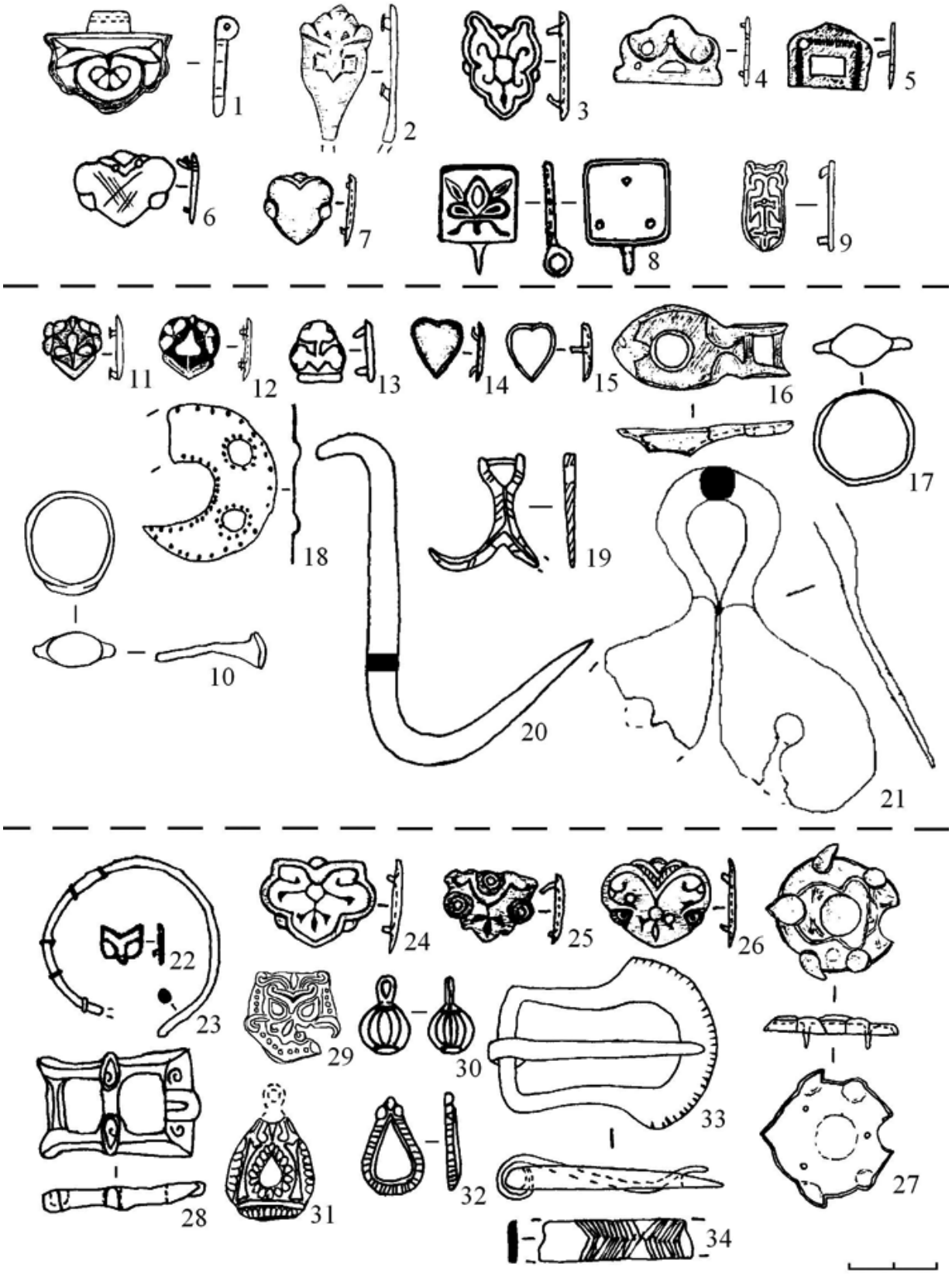


Рис. 5. 1–9 – угорский компонент; 10–21 – раннеболгарский компонент; 22–34 – булгарский компонент. 1–7, 9, 12, 14–17, 18, 19, 21, 23–25, 27–34 – Васильевское селище; 8, 22 – Никольское селище; 10 – Ахунское селище; 11 – селище Круталатка I; 13, 20 – селище Васьканьсад; 26 – Золотаревское поселение. 1–5, 7–10, 12–16, 18, 19, 22, 24, 25, 27–34 – бронза; 6, 11, 25, 26 – серебро; 17, 20, 21 – железо.

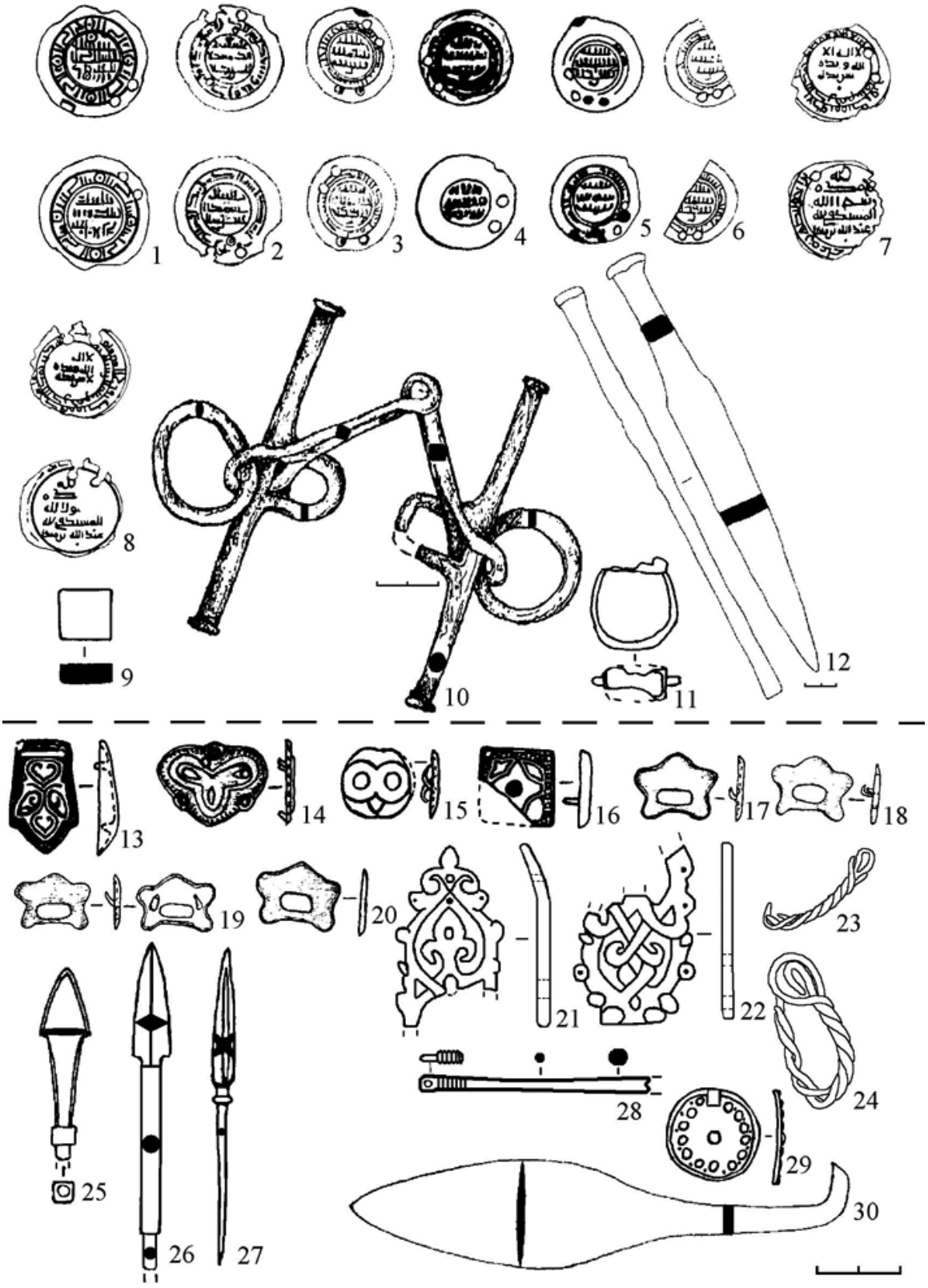


Рис. 6. 1–12 – булгарский компонент; 13–30 – древнерусский компонент.
1, 9, 11–13, 15–17, 20, 23–25, 28–30 – Васильевское селище; 2, 3, 18, 19 – селище Круталатка I;
4, 5, 7, 8 – Мордовско-Ишимское селище; 6 – Чемодановское селище;
10, 14, 26, 27 – Золотаревское поселение, 21, 22 – Никольское селище.
1–6, 11, 13, 15–19, 21–24, 28 – бронза; 7, 8, 14 – серебро; 9, 10, 12, 25–27, 29 – железо;
20, 29 – свинцово-оловянный сплав.

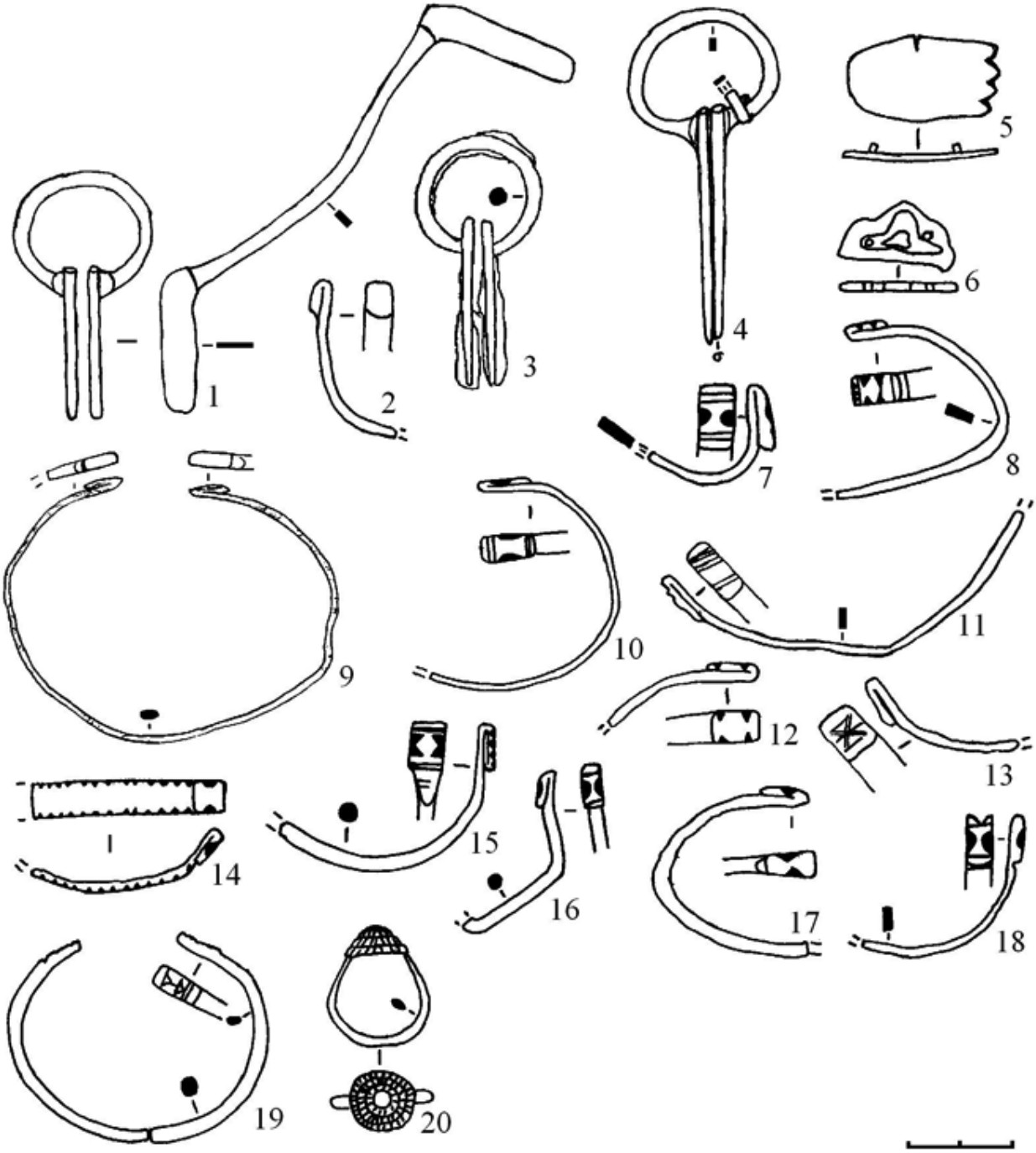


Рис. 7. Изделия местных ремесленников.
1 – Ахунское селище; 2, 4-20 – Васильевское селище; 3 – Степановское I селище.
1, 3–11, 15–20 – бронза; 2, 12–14 – железо.

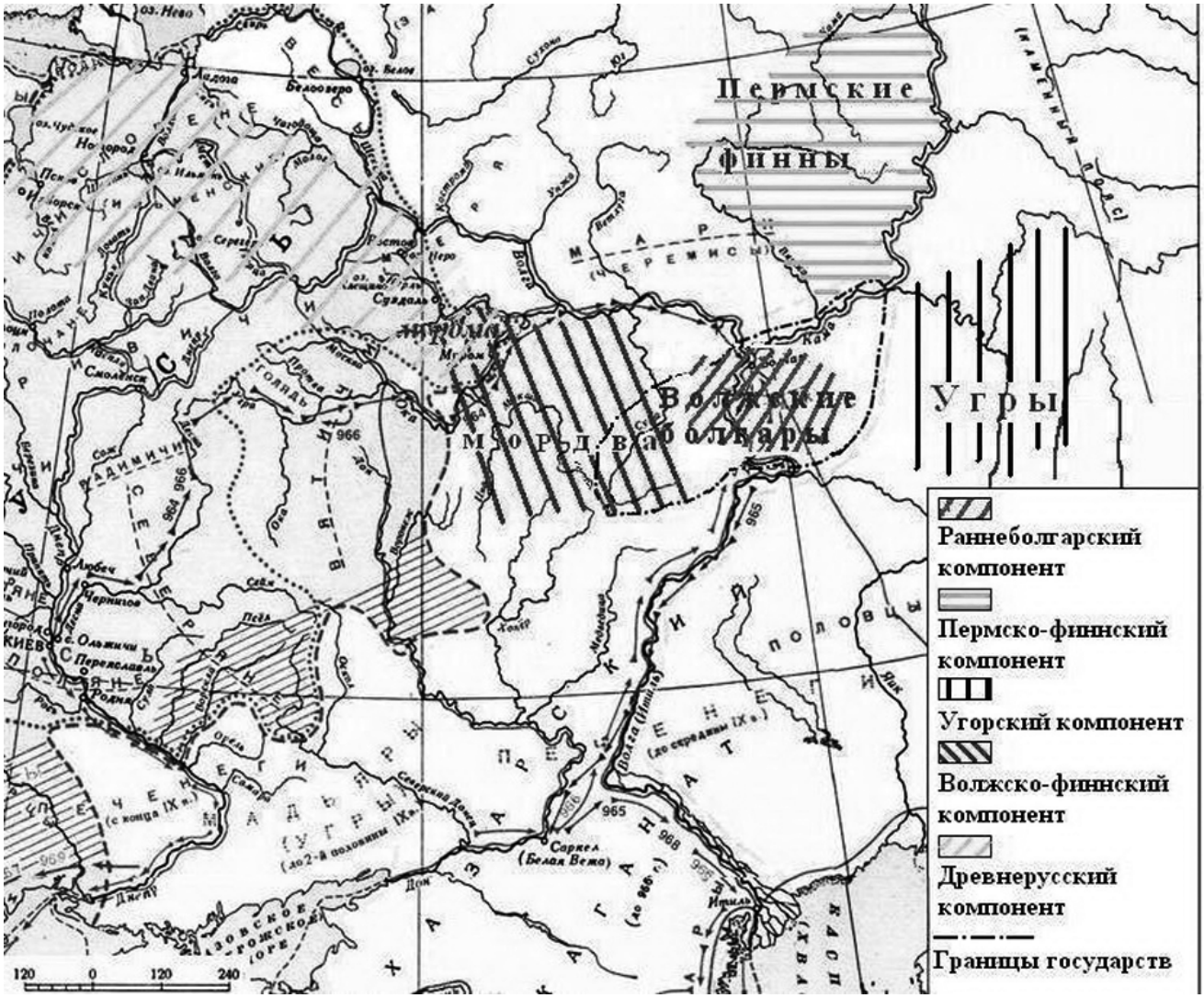
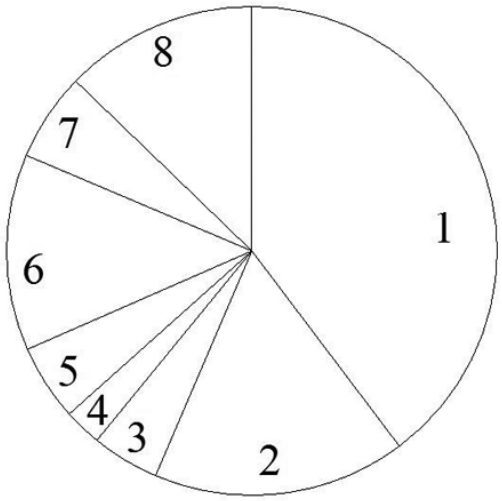


Рис. 8. Карта Восточной Европы в VIII – нач. XI вв. (расположение угров по В. А. Иванову).



1 – Волжско-финский компонент
2 – Пермско-финский компонент
3 – Пермско-финно-угорский компонент
4 – Угорский компонент
5 – Раннеболгарский компонент
6 – Булгарский компонент
7 – Древнерусский компонент
8 – Местный компонент

Рис. 9. Диаграмма распределения предметов, входящих в компоненты материальной культуры поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв.

Е. К. СТОЛЯРОВА

Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет

БУСЫ ИЗ СТЕКЛА ИЗ II ТЕТЮШСКОГО ГОРОДИЩА

Данная работа продолжает изучение стеклянных находок, обнаруженных на городище Тетюши II (Столярова, 2009. С. 66–75). Объектом настоящего исследования являются стеклянные бусы (всего 9 экз.), найденные в ходе работ 2007 (1 экз.; рис. 1) и 2009 (8 экз.; рис. 2) гг.[1]

Среди бус, обнаруженных в 2009 году, две происходят из ям (№ 2 в яме 7 и № 17 в яме 3), остальные найдены в культурном слое на участках 1, 4, 5, 18 (табл. 1). На участке 1 найдено 3 бусины (№ 99, 117, 133), с остальных происходят по одному украшению (участок 4 – № 124, участок 5 – № 70, участок 18 – № 54). Бусы происходят с пяти пластов (2; 3; 4; 5; 6). Во всех пластах, кроме 5, где найдено две бусины (№ 117 и 124), обнаружено по одному украшению (№ 54, 70, 99, 133). Бусина 2007 года была обнаружена в яме 3 (№ 4).

Исследование бус выполнено в соответствии с методикой изучения древнего стекла, предложенной Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1989).

ОПИСАНИЕ

Морфологические характеристики бус

Форма тулова. Все бусы округлые, среди них половина (4 экз.) шаровидных, усеченных дважды (т. н. зонных) (№ 2, 70, 99, 117), по две яйцевидных, усеченных дважды (№ 4, 54) и цилиндрических (№ 124, 133), одна эллипсоидная, усеченная дважды (№ 17).

Размеры бус. Размерные характеристики бус были рассмотрены в соответствии с методикой, предложенной Ю. Каллмером (Callmer, 1977. P. 35). В зависимости от диаметра тулова бусы делятся на четыре группы: малые (D1 < 9 мм), средние (9 мм ≤ D1 < 18 мм), большие (18 мм ≤ D1 < 30 мм) и гиганты (30 мм ≤ D1).

Среди исследованных бус большинство (5 экз.) отнесены в группу средних, среди которых обе яйцевидные и три шаровидные формы (№ 70, 99, 117). Три бусины попали в группу малых, это обе цилиндрические и одна шаровидная (№ 2). У одной из цилиндрических диаметр тулова не превышает 3,5 мм, поэтому ее можно отнести к группе бисера (№ 133). У эллипсоидной бусины диаметр тулова не определен.

Декор бус. Декорировано 6 бус (№ 4, 17, 54, 70, 117, 124) из девяти. Две из них (№ 4, 54) украшены многократными вертикальными плоскими полосами. Одна бусина (№ 70) декорирована тремя выпуклыми глазками, расположенными беспорядочно. Еще одна (№ 117) также имеет многократные глазки, расположенные беспорядочно, но они плоские и с ресничками. Оставшиеся две бусины (№ 17, 124) помимо таких же беспорядочно расположенных плоских глазков с ресничками украшены двумя поперечными полосами, размещенными по краям каналов.

Цвет основы бус. Среди изученных бус большая часть (6 экз.) имеет одноцветную основу, среди которых обе яйцевидные, три шаровидные (№ 2, 70, 99) и одна цилиндрическая (№ 133). Многоцветных бус – три экземпляра (эллипсоидная (№ 17), шаровидная (№ 117) и цилиндрическая (№ 124)).

[1] Пользуясь случаем, приношу благодарность К. А. Руденко, предоставившему материал для исследования.

Шесть одноцветных бусин изготовлены из стекла пяти цветов: желтого, пурпурного, серо-голубого, сине-фиолетового и черного (из него сделаны две бусины). Из сине-фиолетового стекла сделана одна из двух цилиндрических бусин (№ 133), стекло остальных хроматических цветов (желтого, пурпурного и серо-голубого) использовано для получения шаровидных форм (№ 2, 70, 99). Из темного ахроматического (черного) стекла изготовлены обе яйцевидные бусины (№ 4, 54).

Многоцветные бусы изготовлены из стекла пяти цветов: желто-зеленого, сине-фиолетового, красно-коричневого, черного и белого. В некоторых случаях цвет стекла установить не удалось. Эллипсоидная (№ 17) бусина сделана с использованием стекла желто-зеленого, красно-коричневого, черного, белого и неустановленного цвета. Для одной из двух цилиндрических (№ 124) отмечено стекло сине-фиолетового, красно-коричневого, черного, белого и неустановленного цвета. Шаровидная бусина (№ 117) изготовлена из стекла желто-зеленого, красно-коричневого и неустановленного цвета.

Цвет декора. Три одноцветные бусины украшены накладным декором. Две черные декорированы белыми полосами, серо-голубая – трехслойными глазками из сине-фиолетового и белого стекла. Цвет декора многоцветных бус получен одновременно с изготовлением основы, поэтому этот признак рассмотрен в параграфе, посвященном цвету основы.

Прозрачность бус. Среди бус с одноцветной основой большинство украшений (4 экз.) сделано из полупрозрачного и прозрачного стекла. Из полупрозрачного изготовлены сине-фиолетовая (№ 133) и две черные (№ 4, 54) бусины, а из прозрачного – пурпурная (№ 2). Из непрозрачного стекла выполнены две бусины: желтая (№ 99) и серо-голубая (№ 70).

У бус с многоцветной основой стекло разной прозрачности сочетается в одной бусине. Стекло красно-коричневого, черного и белого цветов – всегда непрозрачное, сине-фиолетовое – полупрозрачное, а стекло желто-зеленого цвета может быть как прозрачное (№ 117), так и полупрозрачное (№ 17). У стекла неустановленного цвета прозрачность также не установлена.

Технологические характеристики бус

Четыре бусины изготовлены из отрезков вытянутых палочек, полученных резанием, затем вгорячую у них были проколоты каналы, после чего бусины были обкатаны (№ 4, 54, 70, 99). Три из них были украшены вгорячую накладом. Две черные бусины (№ 4, 54) декорированы белыми полосами, одна серо-голубая – тремя глазками, у которых серединка и внешнее обрамление сине-фиолетового цвета, а внутренний ободок – белый (№ 70).

Две бусины сделаны из отрезков тянутых трубочек. Из них одна, сине-фиолетовая, получена отшибанием (№ 133), поэтому края у нее остались острыми и неровными, другая, пурпурная, обжата щипцами и отрезана с помощью ножа, после чего она была подвергнута полированию, в результате которого края бусины стали гладкими и ровными (№ 2).

Оставшиеся три бусины изготовлены с помощью сварки ломтиков и лент вокруг инструмента (стержня), благодаря которому формовался канал бусины. После сварки бусы подвергали обкатке. Одна из них (№ 117) сделана сваркой ломтиков, имеющих изображения глазков с ресничками, у которых красно-коричневая серединка обрамлена стеклом неустановленного цвета, а затем желто-зеленым ободком и ресничками из стекла желто-зеленого и неустановленного цвета. Эти ломтики являются отрезками палочек, изготовленных в технике миниатюрной мозаики или миллефиори. Из таких же мозаичных ломтиков с изображениями глазков с ресничками изготовлена другая бусина (№ 124), дополнительно украшенная одноцветными полосами из сине-фио-

летового стекла, обрамляющими тулово бусины по краям. Серединка глазков (цвет не установлен) обрамлена красно-коричневым ободком и черно-белыми ресничками. Третья бусина (№ 17) также сварена из мозаичных глазков с ресничками и обрамлена лентой, но уже двуцветной, из белого и красно-коричневого стекла. Здесь желто-зеленая серединка глазка обведена стеклом неустановленного цвета, а затем красно-коричневым ободком и черно-белыми ресничками.

Рассмотренные бусы были изготовлены в специализированных мастерских с высокой степенью разделения труда между специалистами, достигавшими высокой производительности труда. Такие мастерские могли работать по полному или неполному производственному циклу.

Химические характеристики бус

Изучение химического состава всех стекол проведено с помощью оптико-эмиссионной спектрографии (табл. 2). Исследование проводилось в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) аналитиком А. Н. Егорьковым. Интерпретация полученных результатов выполнена по методике Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1983. С. 26–42).

Химические классы. Обработка результатов анализов показала, что большинство бус (8 экз.) изготовлено из стекла класса Na-Ca-Si (№ 2, 4, 17, 54, 70, 117, 124, 133), одна бусина сделана из стекла класса Na-Ca-Pb-Si (№ 99).

Основные стеклообразующие. В качестве щелочного сырья во всех случаях использована зола наземных частей поташника *(kalidium caspicum)* – растения полупустынной и пустынной зоны (галофита), причем в большинстве случаев были применены однолетники (№ 4, 17, 54, 70, 99, 117, 124, 133) и только один раз использован многолетник (№ 2). Соотношение натрия к калию в них находится в пределах от 3 до 13 ($3 < Na_2O/K_2O \leq 13$), что позволяет отнести их к группе золистых античных стекол.

В качестве щелочноземельного сырья для стекол класса Na-Ca-Si применены доломиты (№ 2, 4, 17, 54, 70, 117, 124, 133), для бусины класса Na-Ca-Pb-Si – доломитовые известняки (№ 99).

Вспомогательные материалы. Красителями изученных стекол выступают окиси меди, кобальта, марганца, свинца и железа. Использование окиси кобальта позволило в двух случаях получить сине-фиолетовый цвет стекла. Целиком из такого стекла изготовлена бусина № 133, а у бусины № 124 сине-фиолетовое стекло использовано для обрамления сваренных мозаичных ломтиков. Окись марганца окрасила стекло в пурпурный цвет (№ 2). Присутствие окислов свинца привело к окрашиванию стекла в желтый цвет (№ 99). Медь окрасила стекло в желто-зеленый цвет (№ 117). Наличие примесей железа при отсутствии специально введенного красителя привело к получению стекла черного (№ 4, 54) и серо-голубого (№ 70) цветов. В одном случае (обрамляющая полоса бусины № 17) краситель не вводился.

Применение глушителя в виде окиси олова отмечено в трех случаях (№ 17, 70, 99).

Рецептурная норма. Стекла исследованных бус сварены с соблюдением 4 рецептурных норм[2], причем основная часть (5 экз.) изготовлена по норме 1,5 (№ 17, 54, 117, 99, 133), в двух случаях использована норма 2 (№ 2, 4). Рецептуры 1,25 и 3 встречены по одному разу (№ 124 и 70 соответственно).

Мы разместили результаты анализа состава бус Тетюшского II городища на корреляционном поле, каждая из пяти гипербол которого характеризует школы стекловарения (Щапова, 1983.

[2] Рецептурная норма (N) – это условный термин, обозначающий соотношение R_2O/RO в готовом стекле.

С. 190. Рис. 47) (рис. 3[3]). По оси абсцисс мы отложили рецептурные нормы, по оси ординат – суммы щелочных земель. Каждое стекло – это точка на месте пересечения соответствующих координат. Оказалось, что четыре бусины (№ 17, 54, 117, 133) расположились около гиперболы, где b = 9. Эта гипербола описывает древние месопотамские и средневековые ближневосточные традиции стекловарения. Также вокруг нее размещаются стекла, изготовленные в византийских производственных традициях. Две бусины (№ 99, 124) разместились рядом с гиперболой, где b = 11, которая описывает древнеегипетские традиции стекловарения. Рядом с ней также размещаются стекла, изготовленные в византийских традициях. Одна бусина (№ 4) расположилась точно на гиперболе, где b = 6, другая (№ 2) – около нее. Эта гипербола описывает стекловаренные традиции провинциально-римской и ближневосточной (сирийской) школ, а также вокруг нее располагаются византийские стекла, изготовленные в римских производственных традициях. Одна бусина (№ 70) разместилась около продолжения гиперболы, где b = 4. Эта гипербола описывает вероятные финикийские традиции стекловарения, а также столично-римские правила составления шихты. На продолжении этой гиперболы располагаются стекла, изготовленные в византийских производственных традициях.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ

Вопрос о происхождении и месте производства бус Тетюшского II городища рассмотрен в соответствии с гипотезой Ю. Л. Щаповой о стеклоделательных школах (Щапова, 1983. С. 105). Согласно ей для решения проблемы происхождения стеклянных изделий, характеризующихся единством времени и места, необходимо сопоставить данные их морфологического, технологического и химического исследования, учитывая, что химико-технологические характеристики играют решающую роль.

Способы изготовления тетюшских бус указывают на специализированное массовое производство украшений, для которого могли использовать трубочки, палочки, полосы, мозаичные ломтики и ленты. Такой тип изготовления бус появляется на территории Египта и Переднего Востока начиная с эпохи эллинизма. Рассмотренные нами бусы сварены на золе галофитов – традиционном щелочном сырье, применявшемся во внутренних районах Переднего Востока с глубокой древности.

Для деления бус по школам обратимся к рецептурным нормам, которые непосредственным образом связаны с традициями стекловарения. Нормы 1 и 1,5 на золе известны среди древнейших стекол Месопотамии. Нормы 1,5, 2 и 2,5 также в сочетании с золистым щелочным сырьем использовались в ближневосточной (сирийской) школе, начиная с первых веков нашей эры (Щапова, 1983. С. 127). Золистые стекла, сваренные по норме 3, практически неизвестны. В римское время эта рецептура, но реализованная на соде, была характерна для столичной (римской) школы стекловарения.

Исходя из использованного щелочного сырья, рецептурной нормы и размещения наших бус на корреляционном поле, отнесем бусы класса Na-Ca-Si с рецептурной нормой 2 к сирийской школе. К ним относится бусина из пурпурного стекла из трубочки (№ 2) и бусина из черного стекла с накладными белыми полосами из палочки (№ 4). Бусы классов Na-Ca-Si и Na-Ca-Pb-Si с рецептурными нормами 1,5 (№ 17, 54, 99, 117, 133) и 1,25 (№ 124) сварены по правилам, принятым в переднеазиатском регионе, начиная с древнейшего периода, и их можно относить к месо-

[3] Номера на рисунке 3 соответствуют номерам бус, приведенным в тексте.

потамской школе. К ним относятся сине-фиолетовая бусина из трубочки (№ 133), желтая непрозрачная из палочки (№ 99), бусина из черного стекла с накладными белыми полосами из палочки (№ 54) и бусы, сделанные путем сварки ломтиков и лент (№ 17, 117, 124). Решающими характеристиками при определении происхождения бусины класса Na-Ca-Si с рецептурной нормой 3 из серо-голубого стекла, украшенной тремя глазками (№ 70), будем считать использованное щелочное сырье и технологию ее изготовления. Применение для ее получения золы галофитов в сочетании с проколом отрезка тянутой палочки позволяет отнести ее к переднеазиатской продукции.

Для определения хронологических рамок бытования тетюшских бус обратимся к соседнему региону – территории Верхнего Прикамья. В частности, по материалам неволинской культуры конца IV–IX вв. ряд изученных нами бус датируется VI веком. Это пурпурная бусина из трубочки (№ 2) и две черные бусины из палочки с белыми накладными вертикальными полосами (№ 4, 54) (Голдина, 2010. С. 52. Рис. 30: IA36, IVB1а). Такие же бусы найдены в погребениях Варнинского могильника (Львова, 1983. С. 96, 99. Табл. II: *15*. Табл. III: *30*). Похожие на них бусы есть и на территории Северного Причерноморья. В частности, пурпурные бусы из трубочки были наиболее популярны там во II–I вв. до н. э., хотя продолжали употребляться и позже до III в. н. э. (Алексеева, 1978. С. 63. Тип 4. Табл. 33: 1). Бусы с вертикальными полосами в Северном Причерноморье в основном относятся к IV–III вв. до н. э., а римским периодом датируется всего несколько украшений (Алексеева, 1978. С. 43. Тип 192. Табл. 27: 88, 89). Такие полосатые бусы есть и на Северном Кавказе в Пашковском могильнике. По мнению В. Б. Деопик (Ковалевской), на этой территории они являются типичными для IV–V вв., однако наибольшего развития способ их изготовления достигает в VI–IX вв. (Деопик, 1959. С. 60, 64).

Украшения, аналогичные двум нашим бусинам, сваренным из ломтиков с изображениями глазков с черно-белыми ресничками и обрамленных по краям лентами (№ 17, 124), обнаружены в неволинских погребениях VI–VII вв. (Голдина, 2010. С. 60. Рис. 34: VIД2в, г). Бусы из ломтиков и лент присутствуют и среди материалов I Поломского могильника, где датируются VIII – первой половиной IX вв. (Львова, 1973. С. 87. Вид 14. Рис. 1, *29*). Бусина с такими же глазками в ресничках, но без лент найдена в Херсонесе в склепе III века (Алексеева, 1982. С. 43. Тип 497. С. 74. Табл. 49: 57).

Украшения, аналогичные нашей бусине из желтого непрозрачного стекла, полученной из проколотой палочки (№ 99), присутствуют в комплексах VI–VIII вв. неволинской культуры (Голдина, 2010. С. 60. Рис. 35: IVA23). Такие же бусы, датируемые серединой VIII века, найдены в захоронениях Варнинского могильника (Львова, 1983. С. 98. Табл. I, *12, 13*). Схожие бусы есть среди материалов VIII–IX вв. I Поломского могильника и в погребениях IX века в могильнике Танкеевка на Средней Волге (Львова, 1973. С. 94. Вид 60. Рис. 2: *19*). Похожие бусы найдены среди материалов Пантикапея, датируемых III в. до н. э. (Алексеева, 1978. С. 66. Тип 35. Табл. 33: 8).

Бусы, схожие с нашей, сваренной из ломтиков с изображением трехцветного глазка (красно-коричневый, неустановленный, желто-зеленый) и ресничек желто-зеленого и неустановленного цвета (№ 117), в неволинской культуре бытуют в широком хронологическом диапазоне, начиная с VI и вплоть до IX века. Они найдены в том числе в комплексах VI в. (Голдина, 2010. С. 52. Рис. 30: VIB1а), конца VII–VIII вв. (Голдина, 2010. С. 56. Рис. 32: VIIБ1б, в), конца VII–IX вв. (Голдина, 2010. С. 62. Рис. 37: VIIБ2а, г, ж, VIIГ1а) и VI–IX вв. (Голдина, 2010. С. 61. Рис. 36: VIIБ3а, б). З. А. Львова такие бусы неволинской культуры считает наиболее типичными для более коротко-

го промежутка времени – VI – первой половины VIII вв. (Львова, 1983. С. 98). Однако на территории поломской культуры такие же бусы датируются VIII–IX вв. (Львова, 1973. С. 86. Вид 8. Рис. 1, *17, 18*). На Северном Кавказе подобные бусы, состоящие из ломтиков с изображением глазков с ресничками, в основной массе появляются на рубеже VII–VIII вв. (Деопик, 1959. С. 62). На территории Северного Причерноморья похожие бусы, но с глазками других цветов отмечены в комплексе II в. н. э. (Алексеева, 1982. С. 43. Тип 497. Табл. 49: 56).

Украшения, аналогичные тетюшской бусине из серо-голубого непрозрачного стекла, сделанной из палочки и декорированной тремя глазками (№ 70), среди материалов неволинской культуры также отличаются широким периодом бытования (VI–IX вв.). Они встречены в комплексах конца VII – VIII вв. (Голдина, 2010. С. 55. Табл. 32: IVБ11а) и VI–IX вв. (Голдина, 2010. С. 61. Рис. 35: IVБ21). Подобные глазчатые бусы из палочки встречены в комплексах VIII–IX вв. I Поломского могильника, ломоватовской культуры, памятниках VI–VII и VIII–IX вв. Центрального Предкавказья (Львова, 1973. С. 87–89. Вид 19, 20. Рис. 1: *38, 39*). Схожие бусы отмечены и на территории Северного Причерноморья в комплексах II в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева, 1975. С. 63. Тип 34д. Табл. 16: 3).

По мнению З. А. Львовой, в VI–IX вв. на большой территории от Северного Кавказа до Прикамья широким спросом пользовался бисер с неоплавленными краями, длина которого у некоторых экземпляров I Поломского могильника достигала 2 см (Львова, 1973. С. 91–93. Вид 38. Рис. 2: *5*), а Варнинского – 3,2 см (Львова, 1983. С. 99. Табл. III, *8*). Среди тетюшских украшений такой бисер сине-фиолетового стекла имеет длину 2,7 см (№ 133). В могильнике Танкеевка на Средней Волге бисер с острыми краями датируется IX в. (Львова, 1973. С. 93.). На территории Северного Причерноморья такие бусы были распространены в более раннее время (с I в. до н. э. по IV в. н. э.) (Алексеева, 1978. С. 67. Тип 68. Табл. 33: 14).

Итак, исследованные нами стеклянные бусы городища Тетюши II являются импортами. По-видимому, все они были привезены сюда из одного региона – с территории Переднего Востока. Рассмотрение аналогий тетюшским бусам в обширных географических рамках показывает их чрезвычайно широкий хронологический диапазон бытования. Тем не менее можно говорить о том, что на памятниках ближайшего к городищу региона – территории Верхнего Прикамья – весь комплекс исследованных бус не встречается ранее VI в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. – Вып. Г1–12. – М., 1975.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. – Вып. Г1–12. – М., 1978.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. – Вып. Г1–12. – М., 1982.

Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск, 2010.

Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. – 1959. – № 3.

Львова З. А. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. – 1973. – Вып. 15.

Львова З. А. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. – 1983. – Вып. 24.

Столярова Е. К. Стеклянные бусы Тетюшского II городища // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы. – Казань: Школа, 2009.

Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. – М., 1983.

Щапова Ю. Л. Древнее стекло: Морфология, технология, химический состав. – М., 1989.

Callmer J. Trade beads and beads trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. № 11. – Lund, 1977.

Таблица 1.

Распределение находок стеклянных бус Тетюшского II городища (раскопы I и III)

№ п/п	№ раскопа	№ участка	№ по плану	Глубина	Пласт/ выборка	Примечания
1	2007 Раскоп I	16–17	4	153	Выборка 2	Яма 3
2	2009 Раскоп III		2	117	Выборка 1	Яма 7
3			17	+49	Выборка 3	Яма 3
4		1	99	55	Пласт 4	
5			117	63	Пласт 5	
6			133	100	Пласт 6	
7		4	124	39	Пласт 5	
8		5	70	9	Пласт 3	
9		18	54	+166	Пласт 2	

Таблица 2.

Результаты оптико-эмиссионного спектрального анализа стеклянных бус Тетюшского II городища (ан. 848–35, 37, 38, 855–23–26, 858–35 – 2009 г.; ан. 855–22 – 2007 г.).

Шифр лаборатории	848–35	848–37	848–38	855–22	855–23	855–24	855–25	855–26	858–35
Предмет	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина	бусина
№ по плану	*17*	*54*	*117*	*4*	*70*	*99*	*124*	*133*	*2*
Цвет	белый непр.	черный	желто-зелен	черный	белый непр.	желтый непр.	сине-ф.	сине-ф.	пурпур.
SiO_2	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.	осн.
Na_2O	17	18	17	17	15	16	17	17	16
K_2O	1,8	1,5	1,4	2,0	1,6	2,0	1,8	1,9	3,9
CaO	8,1	9,4	8,7	6,2	4,1	10	12	8,8	5,3
MgO	3,7	2,8	3,2	2,6	1,6	2,4	3,8	3,6	4,5
Al_2O_3	3,0	3,5	3,8	2,8	1,8	1,6	3,2	1,5	3,0
Fe_2O_3	1,0	1,3	0,7	0,8	0,6	0,8	0,7	0,8	1,7
MnO	0,08	0,05	0,05	0,06	0,06	0,06	0,09	0,09	0,9
TiO_2	0,3	0,6	0,3	0,2	0,2	0,08	0,4	0,1	0,07
PbO	0,9	0,05	0,1	0,4	0,4	16	0,2	0,09	–
SnO_2	10	–	0,1	1,0	2,6	3,2	0,2	0,01	–
CuO	0,3	–	0,5	–	–	–	–	–	–
CoO	–	–	–	–	–	–	0,04	0,1	–
Sb_2O_5	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ag_2O	–	–	–	–	–	–	–	–	–
NiO	0,01	0,02	0,01	0,03	–	0,03	0,03	0,03	–

Рис. 1. Стеклянная бусина Тетюшского II городища (2007 г.): № 4.

Рис. 2. Стеклянные бусы городища Тетюши II: *1* – № 17; *2* – № 70; *3* – № 117; *4* – № 2; *5* – № 54; *6* – № 99; *7* – № 133; *8* – № 124.

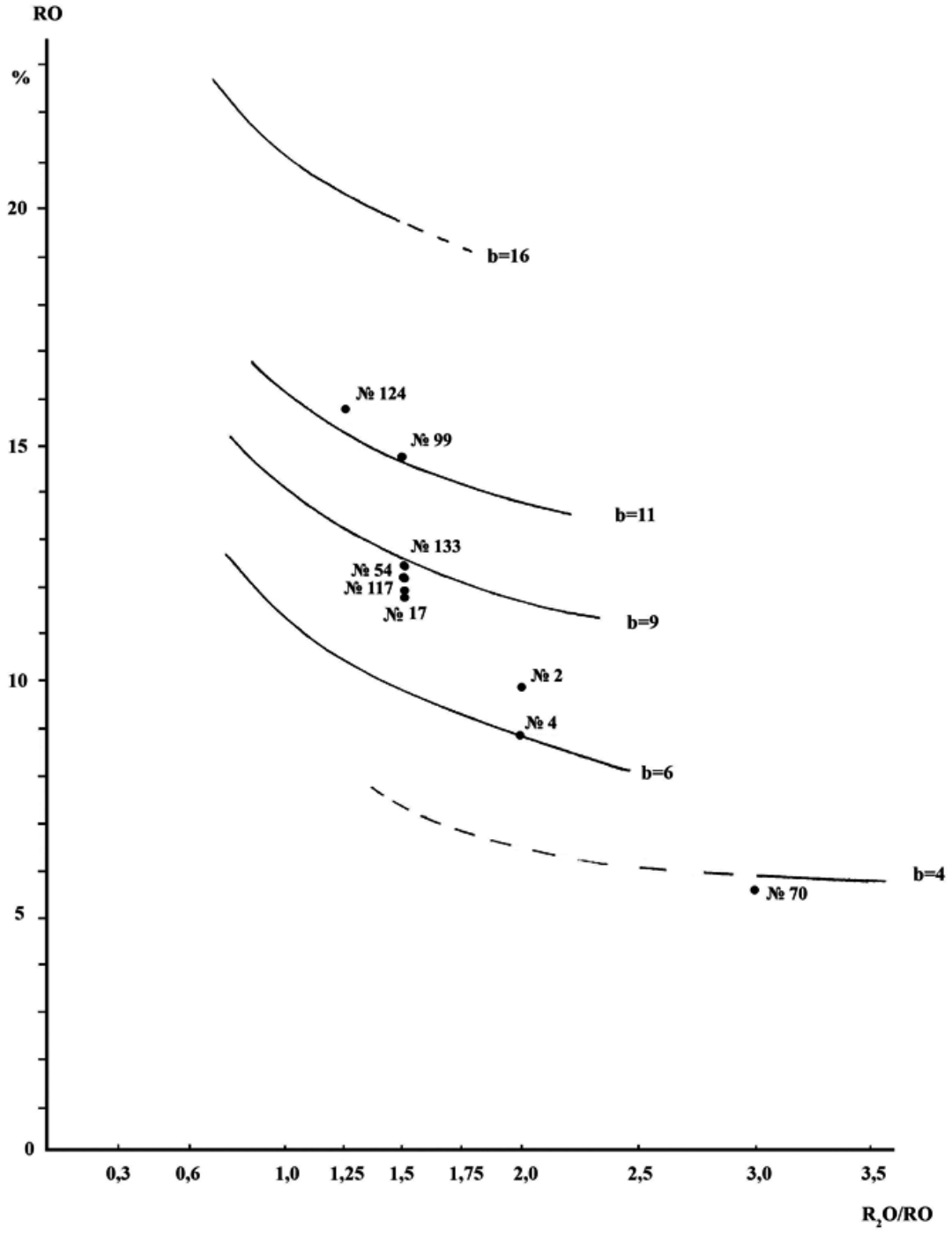


Рис. 3. Химический состав стеклянных бус Тетюшского II городища.

Е. М. ЧЕРНЫХ

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ПЛАНИРОВКА СРЕДНЕВЕКОВОГО БАРТЫМСКОГО I ПОСЕЛЕНИЯ (К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЯХ В СЫЛВИНСКОМ БАССЕЙНЕ)

В 80-е годы прошлого столетия Н. В. Водолаго и Р. Д. Голдиной (при участии автора) было раскопано крупное поселение у д. Бартым Березовского района Пермской области (Водолаго, 1983. С. 141–142). В предварительных публикациях его хронологическая позиция определялась, главным образом, на основании сопоставления с материалами изученного здесь же могильника и серии кладов, хорошо известных в научной литературе. Сам факт устройства небольшого кладбища с групповыми погребениями на жилой площади (всего 19 могил, из них – 13 – семейные (муж, жена, дети)) в середине – второй половине VII века может рассматриваться как финал существования селища (Голдина, Водолаго, 1984. С. 24). Однако работа с большой и качественно разнообразной коллекцией поселения, стратиграфический и планиграфический анализ исследованных сооружений позволили уточнить относительную хронологию поселения, предложить более сложную динамику в его развитии (Голдина, Пастушенко, Черных, 2011). Системному рассмотрению были подвергнуты особенности заполнения многочисленных ям и сооружений на площади поселка: характер и последовательность отложения слоев в ямах, распределение керамических и вещевых материалов в них, некоторые конструктивные особенности ям, случаи их вторичного использования. Такой комплексный анализ дал основания для выделения трех этапов в жизни бартымского поселка: раннего – VI–VII вв., среднего – VIII – нач. IX вв. и позднего – XIII–XIV вв. (рис. 1). Безусловно, предлагаемая периодизация учитывает, что раскопанный участок составлял малую часть поселения? и можно говорить лишь о планировке небольшого участка, по сути западной окраины освоенной в древности территории.

Следует сразу же оговориться, что культурный слой поселения полностью разрушен многолетней распашкой и все объекты на его площадке фиксировались в виде пятен слоя различной цветности и структуры, заполнявшего котлованы сооружений и ям. Основания жилых построек были выявлены по сохранившимся пятнам светло-серого суглинка с включениями золы (слой № 10). В двух ямах данный слой перекрывал отложившиеся на дне слои № 2 и 3. Это основные культурные слои поселения и могильника. Слой № 2 заполнял могильные ямы; на поселенческих объектах он отмечен в 16 случаях (из 61), причем в 11 ямах – как единственный заполняющий, а в 5 ямах – отложился на дне. Слой этот представлял собой серый гумусированный суглинок. Само присутствие данного слоя в засыпи могил, на наш взгляд, служит убедительным основанием для его датировки не позднее VII в. Труднее определить относительный возраст слоя № 3. Его характеристики – цветность, структура (темно-коричневый суглинок с включениями углей и кусочков прокаленного слоя) – более всего соответствуют особенностям заполнения мусорных ям. Слой этот отмечен в 22 объектах (это третья часть всех исследованных сооружений), но при этом лишь в трех ямах он отложился на дне, а в 6 ямах – как перекрывающий донное заполнение в виде слоев № 2 (2 случая) и № 4 (4 случая). По всей видимости, слои № 2 и 4

одновременны, они сформировались на раннем этапе функционирования поселения, до момента его гибели. В этом плане показательна стратиграфия ямы I, в которой была устроена коллективная усыпальница (погр. 16). К моменту гибели и захоронения людей в яме успел отложиться достаточно значительный слой (№ 4) с находками лепных сосудов. При устройстве могилы яма была расчищена до глубины 80 см. Впоследствии выше захоронения вновь накапливается мусорный слой, но теперь уже темно-коричневый (№ 3) с разновременными артефактами. Очевидно, слой № 3 представлял собой те остатки повседневной деятельности, которые аккумулировались в почвенном слое поселения на протяжении первого периода его функционирования. Он и был использован для засыпки – «захоронения» ям и сооружений разрушенного поселка. Факт присутствия в этом слое человеческих останков (например, яма XVI, где обнаружен череп и кости конечностей, или зубы – в сооружении II), как будто намеренно «погребенных» вместе с бытовым мусором, красноречиво свидетельствует, что грунт для засыпки брался с открытой площадки.

Показательно при этом, что в тех случаях, где слой № 3 перекрывал слои № 2 и 4, бытовой мусор в виде битой посуды и костей был приурочен к этому верхнему слою заполнения ям (ямы XVII, XXVIII). В тех же ямах, где он являлся единственным, находки размещались по всей толще слоя (ямы XXXII, XXXVII). Вероятнее всего, в первом случае мы имеем сооружения, строительство которых пришлось на начальный период поселка, а во втором случае ямы были устроены незадолго до его гибели либо в момент катастрофы с целью сокрытия следов разрушения. Следы разрушения и целенаправленного «забрасывания» несет в себе целый ряд ям и сооружений. Например, в постройке XXXIII внутренние и внешние конструкции сгорели, отчего по периметру стен образовался слой прокала мощностью до 2 см, а сама яма была засыпана остатками пожарища и завалена камнями. Углубленный пристрой к жилищу IV (яма XXXIV) был буквально завален мусором и остатками сгоревшего дома (в виде слоя № 13 с мощными линзами прокалов). Из погреба (яма LIV) хозяева не успели вынести продуктовые припасы, и все они оказались погребены под сгоревшими перекрытиями.

Приведенные наблюдения и стратиграфические привязки позволили к раннему этапу застройки Бартымского поселения отнести все три жилых дома, культовое сооружение II и около 40 хозяйственно-бытовых объектов. Застройка исследованной части раннего поселка характеризовалась тремя наземными срубными жилищами размером около 16 м^2, поставленными близко друг к другу в ряд, параллельный краю террасы и руслу реки. Обращает внимание строгая привязка стен домов и всего ряда к сторонам света. Рядом с жилыми домами размещалось несколько небольших хозяйственных ям, образующих кучное скопление к востоку от жилой зоны (ямы II–IV, VI, VII, XIX–XXI, XXX). Очевидно, вместе взятые, они формировали нечто подобное заднему двору крупной усадьбы. Более основательные хозяйственные постройки вынесены в сторону от жилищ. Исключение составляет яма-кладовка XXXIV, почти примыкавшая к углу жилища IV и составлявшая с ним единый ансамбль. Примечательным является не только факт столь тесной связи дома и подсобной постройки, но и то, что вход в яму-хранилище располагался со стороны глухой стены и входа в дом. Совершенно очевидно, что столь необычное угловое соединение основного и подсобного помещений требовало намеренного разбора части стены. Подобный принцип планировки был хорошо известен у лесостепного саргатского населения (Корякова, 1988. С. 39. Рис. 3, 4).

Крытые ямы-хранилища для продуктов и хозяйственного инвентаря располагались к западу от жилищ (ямы № XLIX, LVIII), северу (яма № LX) и северо-востоку. Северо-восточное скопление ям (№ XXIII, XXVIII, XLIII, XLIV, LIII и LIV, XXXIII, XXXVII–XXXIX) представляло собой общий хозяйственно-бытовой комплекс построек, включавший ямы-кладовые и погреб-ледник. Ям-кладовых и погребков насчитывалось шесть, что вдвое превышает количество жилищ. Можно предположить, что они находились в посемейном использовании, тогда как ледник, скорее всего, являлся общинной собственностью.

Сооружение XXIII, располагавшееся рядом с ледником, в дальнем углу двора, можно рассматривать как летнюю кухню (небольшой прокал и камни внутри котлована вполне могли остаться от временного очага, приспособленного для приготовления пищи в летнее время). Не случайно и размещение этой постройки рядом с ледником-погребом.

При общей кучности хозяйственных построек в их расположении все же угадывается стремление сохранить рядовой принцип и группировку по три (I группа: ямы XXXVII, XXXIX и XXVIII; II группа – ямы XLIII, LIII и XXXIII; III группа – ямы XLIV, XXIII и LIV). С северной стороны от двух последних групп ям имелись открытые кострища. По всей видимости, здесь можно говорить о непосредственной связи «кострище – сооружение», объяснение которой можно найти в этнографии. Как и в нашем случае, у таежных хантов, например, хозяйственные строения для сушки сетей, рыбы устраивались открытыми к северной стороне (Перевалова, Карачаров, 2006. С. 279–280). Бартымская усадьба была огорожена изгородью наподобие прясел, основу которых составляли столбы, вертикально вкопанные на расстоянии 2–4 м друг от друга. Между ними крепились горизонтальные жерди, которые, в свою очередь, могли переплетаться более тонкими ветвями наподобие плетня. Такая изгородь оказывалась труднодоступной для проникновения на территорию усадьбы не только дикого зверя, но и посторонних людей. В недавнем прошлом ими огораживались не только усадьбы, но и деревня в целом, а позднее ими огораживали выгоны, сенокосные участки и пашни на дальних угодьях.

С ранним периодом связана и круглоплановая постройка II, назначение которой, как уже говорилось выше, определялось сакральной сферой, а также располагавшаяся вблизи нее яма-погреб I. Этот комплекс построек был вынесен на расстояние около 15–16 м к юго-востоку от жилых и хозяйственных построек. Между усадебными постройками и круглоплановым сооружением имелась свободная незастроенная площадь размерами около 27 х 16 м. С юга эта площадь была открыта к реке. Поодаль, к востоку от описанного ансамбля, раскопом выявлен западный край еще одной усадьбы.

Таким образом, даже столь фрагментарные остатки, какие дает нам археология, позволили выполнить ряд важных наблюдений над характером объемно-пространственной организации раннесредневекового поселения. Особенности ландшафтного окружения, возможность свободного размещения построек на удобной, открытой, слегка возвышенной местности позволяли размещать жилые и хозяйственные постройки, сообразуясь с природно-климатическими условиями, семейно-бытовым укладом и повседневной жизнедеятельностью их обитателей. При наличии по сути свободной линейной застройки поселка мы можем говорить об определенной функциональной дифференциации освоенного пространства, о группировке построек различного назначения и формировании усадьбы (или протоусадьбы), о возможной регулярной повторяемости «гнезд» семейных общин. Такие «гнезда» представляли собой полифункциональные комплек-

сы, принадлежавшие двум-трем малым семьям, объединенным в общины, связанные родственными узами (очевидно, если учесть и материалы могильника, можно говорить о патронимиях). Единство социального коллектива подчеркивалось и общей культовой постройкой-святилищем, и площадью, где проводились общезначимые для всех церемонии. Подчеркнутость сакральной зоны поселения, очевидно, послужила причиной устройства рядом небольшого кладбища, возникшего как следствие трагической гибели значительной части жителей.

Анализ заполнения хозяйственных ям показывает, что поселок не был брошен в панике. Его жители имели возможность не только захоронить останки соплеменников в соответствии с бытовавшими ритуальными правилами. По всей видимости, они предприняли меры для того, чтобы частично разобрать и засыпать хозяйственные сооружения.

Вновь площадка поселения заселяется в VIII веке, как можно заключить из вполне устойчивого комплекса вещей. Достаточно узко (VIII–IX вв.) датированы отдельные типы бус, некоторые бронзовые подвески. Но особенно ярким хроноиндикатором этого периода выступает круговая тарная посуда. Фрагменты амфор найдены в ряде крупных хозяйственных ям (XV, XXXIII, XXXV, XXXVII, XL, XLIX, LIV). С данным периодом связаны объекты, в заполнении которых отмечен слой № 5 – темный гумусированный суглинок. Это ямы IV, VIII–X, XIII, XVIII–XX, XLII. Со слоем № 5 надежно связывается находка фрагмента стенки амфоры в сооружении XLII. В расположении ям нет какого-либо видимого порядка. Они имели небольшие размеры и содержали невыразительный инвентарь в виде мелких фрагментов керамики и костей животных. Но некоторые планиграфические особенности поселения позволяют нам отнести к новому этапу жизни на нем еще ряд сооружений. Во-первых, необъяснимая теснота объектов хозяйственно-бытового назначения в северной части изученной площади, случаи взаимонарушения ям. Во-вторых, некоторые морфологические особенности ям. На них указывает устройство кубышкообразных, колоколовидных и восьмеркообразных ям, неизвестных на более ранних поселениях Прикамья. Появление такой новации может быть поставлено в связь с интенсификацией юго-западных связей неволинского населения (Пастушенко, Черных, 2004. С. 149–153; они же, 2010. С. 317–318). Особенно выразительно эти типы хозяйственных ям представлены на салтовских поселениях (Винников, 1984). В это же время – VIII–IX вв. – на Дмитриевском поселении в Подонье, оставленном смешанным алано-болгаро-славянским населением, наряду с типичными цилиндрическими, конусовидными, кубышкообразными ямами исследованы и восьмеркообразные сооружения. Они, как и на Бартыме, состояли из двух соединенных друг с другом обычных ям (одна, как правило, меньших размеров), перекрытых «общей длинной кровлей – шалашиком» (Плетнева, 1967. С.62, 65; она же, 1989. С. 46–49. Рис. 21).

Нетрудно заметить своеобразие в размещении этих объектов на территории поселения. Постройки были вытянуты двумя рядами: один – основной – располагался дугой, концы которой обращены к реке; два сооружения, составлявшие второй ряд (LIV и LX), очевидно, являлись частью другого ряда. Подобный радиальный характер планировки поселения установлен также для Верх-Саинского I городища, расположенного недалеко от Бартыма. Заметим, что при наличии солидных хозяйственных построек на изученной площади не обнаружено соответствующих им жилищ. Можно высказать предположение, что за бортом раскопа в северной его части могли остаться неисследованные жилые постройки VIII – первой половины IX вв. Некоторые признаки жилища несет в себе сооружение LII, весьма напоминающее полуземляночные постройки Верх-

Саинского I городища (Черных, 2008. С. 66. Рис. 37–39). Находки в нем в массе своей представлены бытовыми артефактами (керамика, кости животных), хотя несколько настораживает и заметный производственный комплекс – тигель, бронзовый сплеск, куски шлака, железный нож. Учитывая немногочисленность материалов VIII–IX вв., этот период в истории поселка вряд ли мог быть продолжительным.

Наконец, 3-й период в существовании селища приходится на золотоордынское время – XIII–XIV вв. Находки этого времени происходят из пяти ям – № XXXV, XXXVI, XL, XLI, XLVII. Все исследованные объекты, кроме двух (XL и XXXV), представляли собой простые хозяйственные ямы, заполненные мусором. Исключение также составляет яма № XLI, очевидно, являвшаяся недостроенным погребом. Основу заполняющего их слоя составлял слой № 14, заметно отличавшийся по своим характеристикам от более ранних поселенческих слоев. Кроме того, судя по его присутствию в верхних горизонтах ряда более ранних ям (№ XLIII, LI, LII, LIII), они эпизодически также могли использоваться для утилизации мусора в этот период бытования поселка. Ямы XL и XXXV были углубленными и обустроенными кладовыми-хранилищами с обширной надземной частью, выстроенной с применением каркасно-столбовой техники. Эти сооружения являлись, по всей видимости, частью обширных усадеб. Судя по группировке этих поздних объектов, на площади раскопа были выявлены остатки двух усадеб. Одна находилась в северном секторе раскопа, к ней относились ямы XL, XXXVI и, вероятно, яма LIII. Наибольший интерес, в силу своей сохранности, представляет яма XL, являвшаяся углубленным до 0,5 м в грунт сооружением овально-прямоугольной формы, размерами 6,7 х 3,9 м, ориентированным по линии СЗ-ЮВ. Собственно яма-кладовая занимала юго-восточную часть сооружения. Она имела прямоугольные очертания, глубину около 1,4 м, размеры 4,15 х 2,55 м. Стенки ямы чуть сужались к плоскому ровному дну, застланному толстыми досками, или плахами. Возможно, внутренняя яма имела и самостоятельное перекрытие, и вход, запиравшийся отдельно, так как ключ и замок были найдены на полу именно этой части ямы. Вдоль западной стенки ямы, в верхней ее части, имелся уступ-полка шириной до 0,4 м, как это до сих пор можно встретить в обустроенных кладовых и погребах. Вход в постройку и яму находился с северо-западной стороны, вблизи него, с внешней стороны, находилась небольшая яма XXXVI, использовавшаяся для складирования мусора. Устройство ямы и сооружения весьма близко напоминает булгарские ямы-кладовые, датируемые золотоордынским временем, или несколько более ранним (Генинг и др., 1962. С. 58; Хузин, 2001. С. 266, 272; Руденко, 2001. С. 113, 116).

Остатки второй усадьбы исследованы у юго-западного борта раскопа. Очевидно, в данном случае мы имеем «задворки» усадьбы, жилой дом которой мог находиться южнее изученных объектов. Ямы XXXV и XLI представляли собой остатки кладовой и погреба, выстроенных в ряд по линии СЗ-ЮВ. Как и в первом комплексе (яма XL), яма-кладовка XXXV состояла из полуподземной, надземной частей и собственно благоустроенной деревянной камеры, впущенной в специально выкопанную внутри яму. Глубина этой основной ямы составляла 1,0 м от уровня дневной поверхности, стенки ее были обшиты деревом, на полу настланы доски. Выше перекрытия ямы фиксировались остатки более обширного, заглубленного на 0,4 м помещения. Кроме того, по внешнему периметру ямы отмечены столбовые ямы № 72–73, 159, 160–161 диаметром 15–24 см, образовывавшие в плане прямоугольную фигуру размерами 6 х 4 м. Как видим, даже внешние параметры постройки близки размерам сооружения XL. И в том и в другом случае в

ямах найдены кости и чешуя рыб. К юго-востоку от кладовой находилась яма XLI, являвшаяся, по всей видимости, недостроенным погребом. Но, вполне возможно, она могла быть частью другого комплекса построек, оставшегося за пределами раскопа. Наблюдения К. А. Руденко, выполненные на булгарских селищах XII–XIII вв., убеждают, что хозяйственные постройки, как правило, размещались достаточно ровным рядом на границе усадьбы, в 3–4 м от жилых домов. Для периода XIII–XIV вв. можно говорить о наличии нескольких вариантов планировки усадьбы, но в целом тип планировки диктовался особенностями местности, где размещалось селение (Руденко, 2001. С. 121). Если мы обратимся к оценке планиграфической ситуации на раскопе Бартымского селища, то правильнее будет охарактеризовать его застройку в этот период как свободно-рассеянную, с некоторой упорядоченностью. Стремление к регулируемой застройке реализовывалось через размещение усадеб двумя параллельно расположенными рядами, вытянутыми вдоль реки Бартым, в направлении СЗ-ЮВ. Такой характер размещения сооружений демонстрирует полное забвение прежних принципов организации жилого пространства.

Очевидно, отмеченный факт отражает те кардинальные этнодемографические изменения, что имели место в бассейне Сылвы в X–XIV вв., сначала с оттоком в IX в. неволинского населения на Чусовую и Нижнюю Каму, а затем в связи с общей ситуацией, сложившейся в Западном Приуралье в ходе монголо-татарской экспансии (Пастушенко, 1995. С. 15). В кунгурском лесостепном районе отмечается общее сокращение численности населения, исчезают прежде людные, постоянные поселки.

Таким образом, можно высказать предположение, что структура поселений на месте Бартымского I селища в разное время определялась различными факторами. Безусловно, застройка во многом формировалась близостью реки и характером самой террасы. Но если для начального поселения мы имели свободную застройку с «кустовым» (или гнездовым) типом планировки, то во втором, и особенно третьем, периодах она меняется сначала на радиальную, а затем рассеянно-рядовую. За этими типами застройки, разумеется, следует видеть как факторы социально-экономического, так и этнокультурного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

Водолаго Н. В. Работы в бассейне р. Шаквы // АО. – 1981. – М.: Наука, 1983.

Винников А. З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) // Маяцкое городище: Труды Советско-болгарско-венгерской экспедиции. – М.: Наука, 1984.

Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. Археологические памятники у с. Рождествено. – Казань, 1962.

Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. – Ижевск, 1984.

Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвинском поречье. – Ижевск (в печати).

Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988.

Пастушенко И. Ю. История населения бассейна р. Сылвы в первой половине II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ижевск, 1995.

Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Еще раз о салтово-маяцких параллелях в неволинской культуре // Древность и средневековье Волго-Камья: Материалы третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004.

Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Хозяйственные сооружения неволинской культуры как этнокультурный индикатор // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа, 2010.

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. Река Аган и ее обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН, 2006.

Плетнева С. А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. – 142. – М.: Наука, 1967.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань: Школа, 2001.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. – Казань, 2001.

Черных Е. М. Жилища Прикамья: эпоха железа. – Ижевск, 2010.

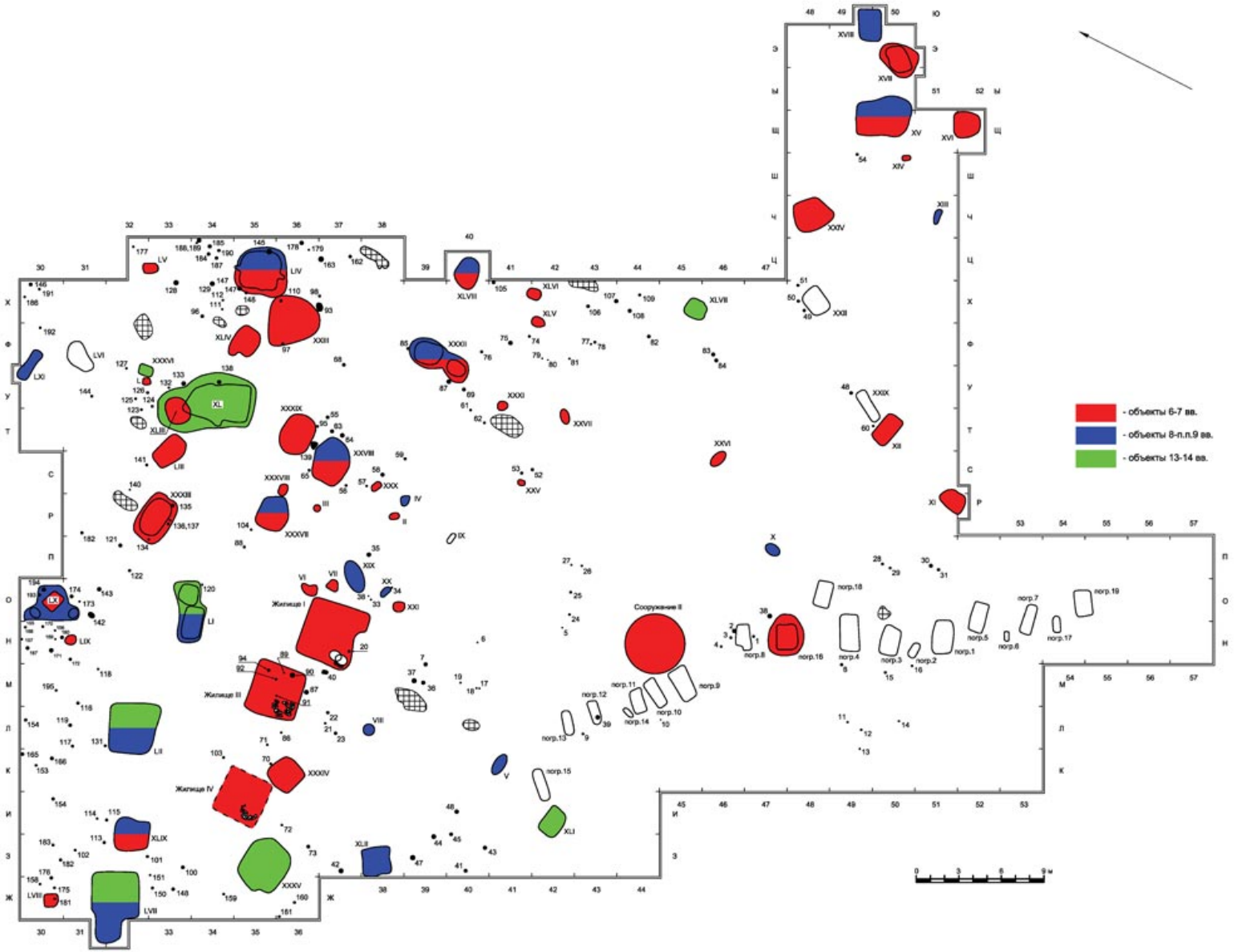


Рис. 1. Бартымское I селище, I могильник. План раскопа.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Артемьева Н. Г.
Чжурчжэньские замки из средневековых памятников Приморья 3
Аськеев И. В., Галимова Д. Н., Аськеев О. В.
Археозоологические исследования Тетюшского II городища (раскопки 2009 и 2010 гг.) 8
Беговатов Е. А., Черняев А. А., Храмченкова Р. Х.
Новые находки западноевропейских монет и серебряных слитков в низовьях р. Камы 23
Валеев Р. М.
К проблеме модернизации российского общества и возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан 29
Валеева Д. К.
Хронологические этапы искусства волжских булгар (на примере ювелирного ремесла) 36
Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских булгар 41
Винничек В. А., Киреева К. М.
Весовые гирьки и ювелирные матрицы с Никольского селища 49
Вязов Л. А., Багаутдинов Р. С., Нерушин И. А., Семыкин Ю. А.
Исследования селища Новая Беденьга I в 2010 г. (новые материалы I тыс. н. э. с территории Ульяновского Поволжья) 54
Зарифуллин С. А.
Металлические предметы палочковидной формы 102
Иванова М. Г.
Проблемы хронологического обоснования уровней планировки средней части городища Иднакар 104
Илюшин А. М.
Миграционные процессы кыпчаков в предмонгольский период истории 113
Казаков Е. П.
Раннеболгарские погребальные комплексы правобережья р. Волги в системе средневековых древностей Восточной Европы 117
Коренюк С. Н., Перескоков М. Л.
К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н. э. 133
Кравченко Э. Е.
Памятники начала нашей эры в среднем течении р. Северский Донец 142
Лебедев В. П., Трушин И. Д., Кожевин А. Е.
Нумизматические находки на булгарских домонгольских памятниках в Ульяновской области 154
Русско-юрткульский клад первой половины X века 172
Макаров Л. Д.
Миграции русских людей в Прикамье: время и пути заселения 183
Мухаметшин Д. Г.
Клады Тетюшской округи 197
Место и роль эпиграфических памятников Предволжья в развитии татарской эпиграфической науки 218
Недашковский Л. Ф.
Местонахождения периферии городища Шареный Бугор 226

Никитина Т. Б.
Спорные проблемы в этнокультурной интерпретации памятников Волго-Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. 234
Рафикова З. С.
К вопросу о культурно-генетических истоках носителей именьковской культуры (на материалах I Полянкинского селища) 248
Идрисов Р. М.
Денежно-весовые слитки из Старых Матак в Татарстане 266
Руденко К. А.
Русскочебоксарское поселение 282
Сафронов П. И.
К вопросу об этнических компонентах материальной культуры поселений Верхнего Посурья VIII – нач. XI вв. 291
Столярова Е. К.
Бусы из стекла из II Тетюшского городища 308
Е. М. Черных
Планировка средневекового Бартымского I поселения (к вопросу о межкультурных влияниях в Сылвинском бассейне) 317

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИИ

Корректор *Г. А. Тарасова*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *И. Л. Давыдовой*

Сдано в набор 28.02.2012. Подписано к печати 02.04.2012.
Формат 90x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 41. Тираж 150 экз. Заказ № 14.

Отпечатано в редакционно-издательском центре.
420111, Казань, Дзержинского, 3. Тел. 292-24-76.